К. А. Мерецков

НА СЛУЖБЕ НАРОДУ

Воспоминания

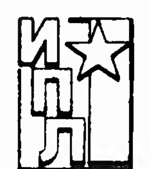
К. Мерецков

К. А. Мерецков

НА СЛУЖБЕ НАРОДУ

Издание пятое

Москва
Издательство
политической
литературы
1988

ББК 63.3(2)722
М52

Мерецков К. А.

М52 На службе народу.— 5-е изд.— М.: Политиздат, 1988.— 447 с.: ил.

ISBN 5—250—00225—0

Воспоминания Маршала Советского Союза, Героя Советского Союза К. А. Мерецкова охватывают почти полвека. Автор рассказывает об участии в революционных февральских и октябрьских событиях 1917 года, в гражданской войне, о работе на различных постах в Красной Армии. Много страниц Кирилл Афанасьевич посвятил К. Е. Ворошилову, И. П. Уборевичу, В. К. Блюхеру и другим видным военным деятелям, с которыми ему довелось вместе работать продолжительное время. В специальных главах повествуется о борьбе против фашизма в Испании в 1936—1937 годах. Большая же часть книги посвящена боям и сражениям в годы Великой Отечественной войны. Книга рассчитана на самый широкий круг читателей.

М $\frac{0505030202—057}{079(02)—88}$ Заказ «Союзкниги» **ББК 63.3(2)722**

ISBN 5—250—00225—0

Предисловие

Полководческая биография Маршала Советского Союза Кирилла Афанасьевича Мерецкова является характерным примером роста наших советских военачальников, вышедших из народных масс, воспитанных Коммунистической партией и выдвинутых ею на самые высокие посты военной деятельности.

Родившись в бедной крестьянской семье, Кирилл Афанасьевич до 15 лет растет в деревне, затем уходит в город и становится рабочим, а через пять лет участвует в революционных февральских и октябрьских событиях, вступает в большевистскую партию. Далее его жизнь неразрывно связывается с нашей славной Советской Армией. Он мужественно сражается на фронтах гражданской войны, активно участвует в строительстве, укреплении и развитии Советских Вооруженных Сил, борется против фашизма в войсках республиканской Испании, а по возвращении на Родину снова все свои силы, знания и опыт отдает делу укрепления обороны нашей страны. Наиболее ярко проявляется талант советского военачальника К. А. Мерецкова в годы Великой Отечественной войны, когда он командует войсками ряда армий и фронтов.

Мое личное знакомство с Кириллом Афанасьевичем Мерецковым произошло в 1927 году, когда он, будучи первым заместителем начальника штаба Московского военного округа, инспектировал 48-ю Тверскую стрелковую дивизию и 143-й стрелковый полк в ней, которым я в ту пору командовал. Инспектирование проводилось по приказу наркома обороны в связи с предстоявшей в дивизии большой опытной мобилизацией, с целью практической проверки разработанного штабом РККА «Наставления по ведению мобилизации». Более близкое наше знакомство состоялось во время моей работы в оператив-

ном отделе Генерального штаба в 1937 году, когда К. А. Мерецков являлся первым заместителем начальника Генерального штаба, и далее в 1940 году, в бытность его начальником Генерального штаба. Уже в ту пору я знал Кирилла Афанасьевича как человека высокой культуры, глубоких военных знаний, большого жизненного опыта и исключительной трудоспособности, прошедшего богатую школу штабной и командной службы.

Великая Отечественная война еще более сблизила нас. На протяжении почти всей войны я по долгу службы имел возможность путем чуть ли не ежедневных телефонных переговоров лично с ним или через других руководящих лиц Генерального штаба, при встречах в Ставке и в Генеральном штабе наблюдать его деятельность, особенно при подготовке к проведению и при выполнении им ответственных оперативно-стратегических заданий, возлагаемых на него Верховным главнокомандованием.

Летом 1942 года, в условиях крайне сложной боевой обстановки для Волховского фронта, я имел возможность видеть работу К. А. Мерецкова как командующего этим фронтом непосредственно в войсках, на поле боя. И всегда убеждался в опытности командующего, в том, что принимаемые им решения отличались продуманностью, серьезностью и полным соответствием с требованиями сложившейся к тому времени фронтовой обстановки. Готовясь к той или иной операции или решая вопросы использования войск в бою, он, опираясь на свои обширные военные знания и огромный практический опыт, всегда внимательно прислушивался к разумному голосу своих подчиненных и охотно использовал мудрый опыт коллектива. Принимаемый им, как правило смелый и оригинальный, замысел операции всегда предусматривал скрупулезное изучение сил и возможностей врага, строгий расчет и осмотрительность, всестороннее изучение всех плюсов и минусов, стремление во что бы то ни стало решить поставленную задачу наверняка и обязательно малой кровью. Этому он учил и этого требовал и от своих подчиненных.

Принимая непосредственное участие в боях, и обязательно на самых ответственных участках фронта, К. А. Мерецков внимательно следил за действиями своих войск и войск противника. Видя на поле боя и плохое и хорошее, он детально изучал причины того и другого и смело использовал все новое, полезное для обучения войск, для последующих схваток с врагом. Солдаты и офицеры любили своего командующего, любили за его

человечность и постоянную заботу о них, за отвагу, за твердость при проведении в жизнь решений, за прямоту и простоту в обращении.

На всех постах, которые партия вверяет Кириллу Афанасьевичу Мерецкову, как в период мирного труда, так и в тяжелые годы войны, он всегда является большевиком-ленинцем. Полувековой срок его службы в Вооруженных Силах свидетельствует о незаурядном военном таланте, огромном опыте и знаниях, которые он приобретал и применял при прохождении столь серьезной служебной школы как в деле организации, строительства и подготовки наших Вооруженных Сил, так и в организации непосредственной защиты своей дорогой Отчизны, в достижении достойной Страны Советов победы над врагом.

Замечательные дела Кирилла Афанасьевича хорошо отражены им в настоящем труде. Просто, правдиво, так, как подсказывали ему сердце и партийная совесть, поучительно поведал о них автор. И мы не сомневаемся в том, что этот его труд с интересом, удовлетворением и благодарностью к автору прочтут и наша советская молодежь, которая готовится к защите Родины, и непосредственные творцы героических подвигов на фронте и в тылу, сделавшие возможным невозможное, и особенно участники описываемых автором операций, невероятно тяжелых по условиям выполнения и столь целесообразных, интересных и поучительных по замыслам.

Наше молодое поколение, прочитав эту книгу, содержащую богатый, просто и понятно изложенный фактический материал, вновь еще и еще раз серьезно убедится в том, ценой каких неимоверных усилий, трудов, лишений и невзгод, ценой каких огромных жертв и невероятных подвигов их старших поколений досталась Вооруженным Силам и советскому народу в целом под руководством родной Коммунистической партии завоеванная победа.

Для нас, военных, издаваемый труд особенно ценен тем, что дает материал по наименее исследованным и изученным вопросам из области военного искусства, по вопросам организации и проведения крупных войсковых операций и боевых действий войск в условиях такого сложного и трудного в физико-географическом и климатическом отношении военного театра, каким является театр на севере нашей Родины. Именно здесь автору настоящего труда пришлось быть в течение почти всей войны и успешно выполнять ответственнейшие задания партии и Верховного главнокомандования.

Тяжелейшие природные условия театра на наших северных направлениях предъявляли во время войны к действующим здесь войскам целый ряд дополнительных, необычных и крайне сложных требований.

Используя боевой опыт других фронтов в проведении наступательных и оборонительных операций в условиях зимы и лета, командование и штабы наших северных направлений в годы войны обязаны были вносить в построение разрабатываемых ими операций, в организацию боевых действий войск и даже в структуру, вооружение и оснащение их прежде всего все то, что наиболее соответствовало специфическим условиям этого сложного театра. А это в свою очередь неизбежно требовало от командования и штабов всех степеней этих направлений, более чем где-либо, широкой и гибкой изобретательности, творческой инициативы, большой самостоятельности, быстрых, до дерзости смелых, порой сугубо оригинальных и во всяком случае не шаблонных решений, а отсюда, конечно, и повышенной ответственности.

Несмотря на всю сложность условий театра военных действий, на наличие труднопроходимых лесов и болот, множества рек и озер, на холмистую и каменистую почву, на крайне суровый и резко изменчивый климат, на местность, исключавшую, как правило, применение крупных танковых и механизированных соединений, на отсутствие путей сообщения и на неприступные, казалось бы, оборонительные сооружения врага, советские войска общими усилиями преодолели все эти трудности и с честью выполнили свой священный долг перед Родиной. Советские Вооруженные Силы вновь показали свою способность громить врага в любых условиях местности, погоды и в любое время.

Обо всем этом и рассказывает автор в своем поучительном труде.

Вспоминая эти трудные победы, нельзя не говорить и о той огромной роли, которую пришлось выполнить командующему войсками северных направлений Маршалу Советского Союза Кириллу Афанасьевичу Мерецкову. Наше советское спасибо ему за все содеянное им в интересах наших славных Вооруженных Сил, в интересах одержанной советским народом победы. Сердечное спасибо ему за хорошую книгу.

А. М. ВАСИЛЕВСКИЙ,
Маршал Советского Союза

Начало пути

Под заводскими крышами.—
Хаваевы, Бордорф, Леман и другие.—
Вечерние классы.— Товарищ Миков.—
Лев Яковлевич Карпов.—
Судогодская быль.—
Новое производство.—
Люди и встречи.

Великий Октябрь... У людей моего поколения, у тех, кто устанавливал Советскую власть в нашей стране, эти слова всегда вызывают гордость и волнение. Объясняется это очень просто. Ведь для каждого из нас октябрь 1917 года неразрывно связан с незабываемым этапом собственной жизни, и даже простое упоминание о нем влечет за собой вереницу воспоминаний.

А вспоминая, вторично переживаешь пройденное, перед тобой бегут знакомые лица, снова совершаются уже давно совершившиеся события, и ты как бы заново окунаешься в водоворот тех ярких дней.

По профессии я — военный. Вот уже свыше 50 лет служу в Советских Вооруженных Силах, а начало этой службе положил 1917 год. Более полувека являюсь членом Коммунистической партии Советского Союза, а вступил в партию тоже в 1917-м. Можно без всякого преувеличения сказать, что наряду с миллионами других людей я обрел в незабываемом 1917 году новую жизнь.

Сын крестьянина-бедняка из деревни Назарьево Зарайского уезда Рязанской губернии (сейчас Зарайский район Московской области), потом рабочий-слесарь в Москве и Судогде, мог ли я помышлять о том, чтобы стать генералом или маршалом? В царской России мне была уготована одна судьба — всю жизнь

трудиться на хозяев. Перелом оказался резким. Прошлое рухнуло навсегда и безвозвратно. А было в ту пору мне двадцать лет.

И все же хочется начать свой рассказ о жизни не с этого времени, а несколько раньше, когда вступил я в среду рабочих, потому что рабочий класс и подготовил меня к великим октябрьским событиям.

В 1917 году я был уже вполне, можно сказать, квалифицированным рабочим, слесарем-механиком на канифольно-скипидарном заводе неподалеку от Судогды, уездного городка Владимирской губернии. Познал же впервые слесарное дело еще в 1912 году, когда жившие в Москве земляки помогли мне, 15-летнему деревенскому пареньку, пришедшему в город на заработки, устроиться на завод.

Работы я не боялся. В деревне, в семье, будучи старшим среди детей, с семи лет помогал отцу пахать и боронить, а с девяти лет участвовал во всех полевых работах наравне со взрослыми. Конечно, в городе сначала приходилось нелегко. Живешь у чужих, получаешь гроши, все незнакомо, непривычно. Даже не те места болят после трудового дня: спину уже не так гнешь, зато ноют предплечья да ноги затекают от долгого стояния. Старые мозоли сходят, новые растут. Запорошенные металлической пылью, руки пахнут железом. От постоянного грохота и скрежета гудит в ушах. Пальцы все побиты и поцарапаны. Над головой вместо неба — низкий потолок. Тоскуя по дому, особенно вечерами, не раз думал: что-то поделывают сейчас у нас в деревне? Мать, наверное, печь затопила, отец с поля пришел, сестра скотину поит. А мне завтра не косить, а медную плиту шабрить, не косу отбивать, а железную полосу керновать.

Однако вскоре мне стало нравиться, крепко зажав брусок в тисках, закручивать ручником и зубилом металлическую стружку. Первое время я не умел держать толком зубило. Вперед наклонишь — вглубь залезешь; назад отклонишь — по поверхности скользнешь; посмотришь на соседский верстак — молотком по руке заедешь. А то мастер рявкнет: «Эй, как инструмент держишь?» — и влепит подзатыльник. Колотушек мне доставалось все же немного. От легонького толчка я сразу вставал на дыбы и глядел волком. Каждая стычка с мастером оборачивалась штрафом, или же меня просто увольняли. Вот почему за первые три года моей жизни в Москве мне довелось побывать в пяти рабочих коллективах.

Не сразу научился работать и напильником. Драчевым и шлифным действовал спокойно, бархатным же нередко портил

тонкую деталь. Сила нажима, глазомер, постановка рук и даже ног — все это были уроки, которые я проходил месяцами, набираясь опыта и умения. Мне ничего не спускали: зазубришь крейцмейсель — штраф; неровно просверлишь дырку трещоткой — штраф; не уследишь и кто-нибудь унесет метчик для нарезки — двойной штраф. Само же слесарное дело приучало к вниманию, сосредоточенности, ловкости, точности, организованности, порядку, требовало сметки и находчивости. Сколько раз я обжигался о горячие заклепки, нечаянно пятнил руки соляной кислотой, сколько раз во время пайки капал на себя расплавленным припоем. Но ничто не проходит даром. Пришло умение, мне стали поручать сложную работу, и вот я уже не ученик, а самостоятельный слесарь. Особенно хорошо справлялся с клепкой. Просверлишь листы, загонишь заклепку, положишь на поддержку, наложишь обжимку — и помахивай молотком. Еще лучше, если есть клепка впотай: раззенкуешь отверстия, приклепал — и спиливай закраины и хвосты.

Подростком я любил всякую крестьянскую работу, но слесарное дело полюбилось еще больше. Может быть, это объясняется характером нового трудового процесса и его более осязаемыми результатами. Там вспахал, посеял и жди: то ли уродит, то ли нет. А тут все зависит от тебя самого. Дождь не нужен, солнце не обязательно, до лошади тебе нет дела. Как поработаешь у верстака, так и будет. И сразу видно, чтó ты сделал своими руками. Так появлялась гордость за собственный труд, нужный людям, наглядный и заметный.

Пролетарская гордость — чувство особое. Оно рождается в процессе не только конкретной работы, но и формирующихся отношений с людьми своего и чужого общественного класса. Вот идет по цеху хозяин, которого мы между собой звали «Пузо», и сквозь пенсне посматривает на рабочих. Кое-кто из боязливых либо подхалимов поворачивается к нему и сдергивает свой картуз. Но большинство делает вид, что не замечает начальства, спокойно крутит дрель или громко чеканит вхолодную. «Учись быть человеком,— наставлял меня сосед по верстаку.— Хозяин к тебе пузом, а ты к нему гузом. Раз мастеровой, держи хвост трубой!»

Сначала я работал в слесарных мастерских братьев Хаваевых, владевших домами на Большой Ордынке и в Михайловском проезде. Собственником домов считался Петр Хаваев, а производственной части — Яков Хаваев. «Яков Никитич идет!» — кричал мастер, когда владелец мастерской обходил цехи. В одном из таких цехов, длинном сарае с верстаками,

я впервые осваивал новую профессию. Там научился рубить железо и изучил простейшие приемы всех слесарных работ. Высшему классу опиловки, чеканки и пайки меня научили на другом предприятии — на металлическом заводе торгового дома Э. Э. Бордорф. Его владелец, обрусевший немец, очень хотел слыть чисто русским человеком. У инженеров это вызывало насмешки. Рабочим же вообще было наплевать на это. Мы видели в хозяевах прежде всего эксплуататоров. У них — и кузнечно-слесарные мастерские на Нижней Масловке, и кузнечное производство на Долгоруковской, и торговая контора. А у пролетария ничего нет, кроме мозолей.

С Нижней Масловки я ездил на Серпуховку, где встречался со своими друзьями, работавшими на шоколадной фабрике Эйнем (ныне «Красный Октябрь») и связанными с революционным подпольем. Познакомился с ними, еще когда работал у Хаваевых. Я обычно обедал тогда после трудового дня в одной небольшой столовой неподалеку от Балчуга и свел там знакомство с механиками городской электрической станции (сейчас МОГЭС). Беседы с ними открыли мне глаза. Ненависть к существовавшим порядкам, которой я проникся стихийно еще с детства, батрача на помещика Мельгунова, теперь усилилась и стала более осознанной.

Узнав, что я уже увольнялся за стычку с мастером, новые товарищи познакомили меня с несколькими рабочими фабрики Эйнема. Мы встречались вечерами и по воскресеньям. Товарищи расспрашивали, как мне живется. Я рассказывал им о нашей семье: об отце Афанасии Павловиче, сельском бедняке, о его брате Федоре, трудившемся в Москве на заводе, о моей матери Анне Ивановне, постоянно думавшей о куске хлеба для многочисленных детей, и о другом дяде, Прокофии Ивановиче, тоже ушедшем в Москву на заработки. Друзья объяснили мне несправедливость порядков, при которых одни работают, а другие наживаются. Подводили к мысли, что виноваты не только хозяева, но и те, кто их защищает, что фабриканты, помещики, полиция, царские чиновники — все они одного поля ягода. Конечно, думать так я стал не сразу. На это понадобилось несколько лет.

Качественную нарезку, сверление и клепку я освоил на художественной кузнечно-слесарной фабрике «Макс Леман». Макс Федорович Леман имел в Марьиной Роще собственный дом. Туда, на Шереметевскую, мы не раз носили с фабрики образцы новых изделий, и там я по-настоящему увидел, как живут богатые люди, увидел уже не с улицы через окно, а вблизи.

В свободное время я любил ходить по городу. Постепенно обошел чуть ли не всю Москву, а чтобы не потеряться и не блуждать, шел всегда вдоль трамвайных линий. Было их тогда сорок: тридцать шесть номерных, паровая Петровско-Разумовская линия и еще три кольцевых — А, Б и В.

Предпоследнее место моей работы в Москве — мастерские при «Промышленном училище в память 25-летия царствования императора Александра II», где я был слесарем-водопроводчиком. Здесь же работал мой дядя, он и помог устроиться. Училище располагалось на Миусской площади, там, где теперь находится Химико-технологический институт имени Д. И. Менделеева. Вокруг было много других фабрик, мастерских и учебных заведений, где кипела рабочая жизнь или ходила революционно настроенная молодежь. Сами мастерские были для меня интересны тем, что они находились при училище, где размещались также «Городские Миусские вечерние и воскресные классы для взрослых рабочих», которые я с большим желанием стал посещать. С первого же дня своего пребывания в Москве я дал себе слово не ограничиться начальной земской школой, оконченной в деревне, и приобрести побольше знаний. Меня вдохновлял пример моего отца, труженика-самоучки. А теперь дядя посодействовал моему поступлению в вечерние классы. Он же помог расширить кругозор еще и в другом отношении. Средств на жизнь и на обеспечение большой семьи ему не хватало, и он вынужден был вечерами служить еще гардеробщиком в театре. Дядя Прокофий часто рассказывал содержание пьес, а изредка брал меня в театр и проводил на галерку. Постепенно я привык к необычным сначала зрелищам и даже полюбил их.

Потом я слесарил в Москве на граммофонной фабрике Турубинера. Мне пришлось перейти туда, чтобы не попасть в полицию. Я примелькался в своем районе, участвуя в рабочих сходках, а однажды чуть-чуть не был арестован. Случилось это так. В 1915 году один студент рассказывал нам революционную историю Миусского района, начав с Миуски, соратника Степана Разина (Миуску казнили как раз на площади, которая сейчас носит его имя; существуют, впрочем, и другие объяснения названия площади), и кончая баррикадными боями 1905 года. Сходку провалил какой-то провокатор, вызвавший полицию. Вместе со студентом мы убежали проходными дворами. Ходили по окраинам до полуночи, а потом он провел меня на квартиру рабочего Микова. Там заночевали. Утром студент ушел, а Миков стал беседовать со мной. Вскоре мы подружились, и я очень

жалею, что в годы гражданской войны потерял его след. Миков и помог мне перейти на граммофонную фабрику, где сам работал.

Жалованье здесь было невысоким. Привлекало на этой фабрике другое: она выполняла военные заказы, и ее рабочие получали освобождение от призыва в армию; считалось, что они находились на военной службе. Шла первая мировая война, а я тогда был уже так настроен, что мне вовсе не хотелось класть живот за «батюшку-царя». Однако и здесь мне не пришлось долго задержаться. Тяжелые условия труда и низкая его оплата вызвали забастовку. Участников забастовки обещали судить по законам военного времени. Мне опять грозил арест. И снова помог Миков. Я думаю теперь, что он был большевиком. Во всяком случае, связи у него были подходящие, ибо направил он меня к Л. Я. Карпову.

С Карповым я не раз встречался впоследствии, находясь уже в Судогде. Он очень хорошо относился ко мне, всегда участливо расспрашивал о жизни, давал советы, позднее переводил с работы на работу. О его подпольной революционной деятельности я больше догадывался, чем знал. Догадывался потому, что, когда жил в Судогде, получал от него поручения подыскивать временные квартиры для людей, которые прибудут от него и назовут себя. Им же я должен был сообщать адреса во Владимире и Иваново-Вознесенске, куда эти люди могли бы поехать. Я не знал, с кем и о чем они станут там говорить, но понимал, что это — явки. Мне доверяли, и я гордился этим. Вот один из адресов: «Дворницкая частной мужской прогимназии П. В. Смирнова во Владимире». Вот еще один: «Проходная химического завода братьев Паниных в Иваново-Вознесенске, на улице Шуйского». Сам я увидел, между прочим, эту улицу впервые только в 20-е годы, когда работал в штабе Московского военного округа и являлся членом Ивановского обкома партии.

Кем же был Карпов? Тогда — инженер и администратор в акционерном обществе «Гарпиус», которое ведало производством и сбытом канифоли. Вот все, что мне было известно. Позднее я узнал, что Л. Я. Карпов — старейший революционер-большевик. В 1906—1907 годах он — секретарь Московского комитета РСДРП. Получив техническое образование, Карпов работал как инженер-химик и немало сделал для организации канифольно-скипидарного дела в России. После Октября он руководил химическим отделом ВСНХ, налаживал работу первых социалистических предприятий и научно-исследовательскую деятельность. В 1921 году Л. Я. Карпов умер, его прах

покоится в Москве на Красной площади у Кремлевской стены. Имя Карпова носят сейчас Химико-фармацевтический завод и Физико-химический институт в Москве.

А тогда, в 1915 году, познакомился я с Л. Я. Карповым так. Направляя меня в контору общества «Гарпиус», Миков объяснил: «Как войдешь, сверни налево, зайди в отдельную комнату, там увидишь человека в пенсне и с усиками, а чтобы не ошибиться, спроси, его ли зовут Лев Яковлевич».

...Л. Я. Карпов, направляя меня в Судогду, сказал, что я должен обратиться там к главному инженеру и по совместительству управляющему местным отделением Товарищества по химической обработке дерева Якову Вениаминовичу Снегиреву.

— Товарищество находится на одном берегу реки Судогды, город — на другом,— говорил мне Л. Я. Карпов.— Прежде чем идти к Снегиреву, погуляй по городу, проверь, не тащится ли сзади «хвост».

И вот я хожу по улицам Судогды, в то время типичного уездного захолустья в 36 верстах от губернского центра Владимира. Рассматриваю вывески: «Податная инспекция», «Городская управа», «Воинское повинное присутствие», «Казначейство», «Аптека», гостиница «Голубев с сыновьями», «Магазин готового платья», «Уездное полицейское управление». Были в городе льнопрядильня и ткацкая мастерская, стекольный завод.

Убедившись, что на меня никто не обращает внимания, я перебрался на другой берег реки, в имение Храповицкого. Местный богатей Храповицкий владел угодьями и домами. Имелись даже железнодорожные станции Храповицкая-I и Храповицкая-II. От них к складу бакалейных товаров Храповицкого вели собственные подъездные пути. В имении же находился и скипидарный завод.

В то время я полагал, что судогодская поездка — лишь эпизод в моей жизни. Но пробыл я в Судогде почти три года, а позднее нашел там и свое личное счастье. Начал же с того, что по совету Карпова постарался установить хорошие отношения со Снегиревым. Яков Вениаминович принял меня дружелюбно, поставил на должность слесаря по ремонту оборудования, поселил недалеко от себя. Часто мы вместе ночевали. Тогда Снегирев рассказывал о себе, о том, как было трудно ему получить образование и найти работу по специальности. Он никогда не расспрашивал меня, почему это простого рабочего прислал к нему видный инженер «Гарпиуса» и о чем Л. Я. Карпов беседует со мной, приезжая в Судогду. Вообще Снегирев держался

очень просто и демократично. Ему самому помог Карпов, может быть даже в силу сходных политических убеждений. Если это так, то понятно, почему Снегирев не считал нужным задавать лишние вопросы. Когда мне было необходимо отправиться в город, он тотчас отпускал меня. А «вмешался» в мои дела он только один раз, посоветовав мне в самом начале получше познакомиться с производством для упрочения собственного положения.

И вот вскоре я увлекся новым делом. В детстве я мечтал стать народным учителем, какими были в нашей земской школе Иван Александрович и Ирина Васильевна Емельяновы. Я их очень любил. Но в 18-летнем возрасте отдался другой мечте: быть инженером-химиком. На меня повлияла новая работа. В сущности, производственный процесс был там несложным. В окрестных лесах делали подсечку, то есть надсекали сосну до древесины. Из надрезов вытекала живица. Ее собирали, очищали от примесей, удаляли воду и получали таким путем терпентин. Терпентин нагревали, после чего обдавали его паром. Паровую смесь отводили по трубе и охлаждали: внизу собиралась вода, вверху оседал скипидар. Когда все масло в терпентинном сосуде улетучивалось, остаток тоже охлаждали и получали гарпиус, то есть канифоль. Канифоль затем продавали на сургучные, мыловаренные, писчебумажные и лакокрасочные предприятия, а также фотографам и музыкантам. В мои обязанности входило следить за исправностью аппаратуры, устранять повреждения и выполнять слесарные работы.

Среди людей, приезжавших на завод в служебную командировку, особенно запомнился мне Б. И. Збарский. Как-то Снегирев сказал, чтобы я познакомил с производством прибывшего из главной конторы Товарищества господина инженера. Приезжий представился, назвав себя, что по отношению ко мне, простому рабочему, выглядело тогда удивительно. Спросив затем о моей фамилии, он улыбнулся и сообщил, что слышал обо мне от Льва Яковлевича. Польщенный, я показал Збарскому все, что мог. Тогда инженер пожелал выяснить, где труднее всего запаивать отверстия при повреждении аппаратуры. Говорю: вот там, в канифольном аппарате, где висят медные змеевики. Он попросил научить его паять их. Полезли мы внутрь, расположились, начал я объяснять, а он, оказывается, все знает, да еще и сам добавляет. Я даже рассердился: зачем же было залезать сюда? Тут он снова улыбнулся и сказал, что хотел передать мне личный привет от Льва Яковлевича. Я еле удержался от смеха, чтобы не обидеть приезжего. Но позднее я все

же посмеялся, уже вместе со Збарским. Однажды в середине 20-х годов сидел я в президиуме торжественного заседания, а рядом оказался «господин инженер из Москвы». Борис Ильич сразу узнал меня, обнял, расцеловал, а потом долго вспоминал, как мы паяли змеевики.

Борис Ильич Збарский был известным специалистом еще до революции. Он работал биохимиком в Московском университете, а также изучал технологию производства метилового спирта и других продуктов сухой перегонки дерева. Как раз эти исследования и привели его в Судогду, на наш заводик. В 1924 году он вместе с профессором В. П. Воробьевым бальзамировал тело Владимира Ильича Ленина и длительное время затем возглавлял лабораторию при Мавзолее Ленина. Он руководил потом работой многих научно-исследовательских институтов, был лауреатом Государственной премии. В моей памяти он сохранился как человек отзывчивой души и с большим чувством юмора.

В 1916 году, во время одного из своих приездов, Л. Я. Карпов сообщил, что вскоре мне придется покинуть Судогду и вернуться в Москву. «Нет ли у меня возражений?» — спросил он. Я ни о чем не спрашивал и дал согласие. Вскоре по вызову Карпова уехал Снегирев, а через некоторое время администрация предприятия сообщила, что мне надлежит по делам службы отбыть в главную контору Товарищества, откуда пришел вызов. В Москве меня встретил Снегирев и устроил временно на Ольгинский химический завод. Впервые мы побеседовали тогда более откровенно, чем раньше. В присутствии Микова Яков Вениаминович сказал, что ко мне присмотрелись, что я внушаю доверие, и пора мне активнее действовать и прямо включаться в борьбу за лучшую участь рабочего класса. Я ответил, что готов. После этого Снегирев сообщил, что Л. Я. Карпов работает сейчас директором Бондюжского завода на Каме, возле пристани Тихие Горы, и хочет, чтобы я приехал туда.

Но осуществить поездку не удалось, так как меня должны были взять на войну. На фронте дела шли неважно, немцы и австрийцы продвинулись далеко на восток, призывная метла подметала тылы все энергичнее. Бондюжский завод не давал отсрочки от призыва, и мне пришлось возвратиться в Судогду. Знакомясь уже после революции с биографией Л. Я. Карпова, я узнал, что он вел в Тихих Горах большевистский кружок. И мне приятно сейчас думать, что Лев Яковлевич, быть может, видел там мое место.

Под красным флагом

Крах самодержавия.—
Бурлящая провинция.—
В большевистской ячейке.—
Памятный май.—
Становлюсь красногвардейцем.—
Пришел Октябрь.—
Первые шаги военкома.

Главным поставщиком новостей во Владимирской губернии считалась газета «Старый владимирец». Она содержала сведения, несколько отличавшиеся от обычных, официальных. Это объяснялось тем, что ее издатели, связанные с партией кадетов, могли получать новости непосредственно из Питера и Москвы. Оторванные в своем лесном углу от российских центров и не всегда имея возможность побывать даже во Владимире, жители Судогды с нетерпением ожидали свежие газеты. Всех волновало, что происходит в столице. А судя по отрывочным сообщениям, надвигались грозные события. Газеты глухо писали о беспорядках и выстрелах на улицах в Петрограде, об ожидаемых переменах. Ходили всевозможные слухи о генералах-изменниках, о том, что царица продает Россию немцам. Большое оживление вызвало известие об убийстве в конце 1916 года сибирского конокрада Г. Распутина, пользовавшегося неограниченным расположением царицы и распоряжавшегося в стране, как в своей вотчине. Особенно участились газетные сообщения о волнениях в конце февраля 1917 года.

Приезжают к нам на завод из Владимира двое служащих. Спрашиваем их, что происходит в городе. Они рассказывают, что губернатор Крейтон официально объявил о необходимости соблюдать полное спокойствие, пресекать всяческие слухи. Он заявил, что, по имеющимся у него сведениям, разговоры о каких-то переменах в государственном строе беспочвенны. Но этому никто не верит. Горожане оживились. Местные политические деятели суетятся, собираются группами, устраивают какие-то совещания. «А как там рабочие?» — поинтересовался я. Они пожали плечами (скорее всего, не захотели отвечать человеку, который сам был рабочим). Впрочем, в этом отношении губернский город был не показателен. Являясь чисто административным центром, он по накалу политических выступлений сильно отставал от Иваново-Вознесенска с его 60 тысячами пролетариев, от Шуи, Коврова, Гуся и других фабрично-заводских городов и поселков. Было тогда во Владимире рабочих всего сотни четыре.

Прошло еще несколько дней. Активизировались пролетарии Александрова, Коврова, Шуи, Орехова. В этих городах в самом конце февраля прошли демонстрации под красными флагами. Очевидцы рассказывали, что никто по демонстрантам не стрелял, полиция бездействовала.

Затем привезли новые газеты. Из них мы узнали, что самодержавие пало, Николай II отрекся от престола и в столице еще 27 февраля возник какой-то Временный комитет, который требовал выполнять его распоряжения, и, кроме того, возникли Советы. Слово «Советы» нам хорошо было знакомо. Еще работая в Москве, я слышал от старших товарищей, как в 1905 году пролетарии избрали Совет уполномоченных.

Поступили новые печатные листки. На них написано: «Известия Владимирского губернского временного исполнительного комитета». Так что же все-таки происходит? На следующий же день я оставил завод, чтобы посмотреть на Судогду. Там вовсю кипели страсти. Маленький уездный городок бурлил. Ходили люди с красными повязками на рукавах. На домах были расклеены листовки, в которых сообщалось, что во Владимире создан городской исполнительный комитет, взявший власть в свои руки, что он назначает полномочных комиссаров, а населению надлежит подчиняться им. Ниже стояла подпись председателя Петрова. Этот господин был известен как кадет, один из тех, кто имел раньше отношение к «Старому владимирцу». Позднее, на листках уже губернского комитета, мы видели подпись депутата Думы Эрна, присланного из Петрограда.

От непривычной атмосферы кружилась голова. Городовые исчезли! Свобода! Люди ходили открыто с красными флагами. Кое-кто скулил: «Как же мы теперь без царя будем?»

За что же браться, думал я, с чего начинать? Дома говорить об этом не с кем, а на заводе товарищи по работе сами ждут, что я им скажу. От Л. Я. Карпова давно уже нет известий. А с Миковым я не переписывался. Но вот на калитке одного из домов вижу листовку с подписью «РСДРП». Ага, есть, значит, социал-демократы и в Судогде. Кто же здесь, интересно, действует? Оказалось, что это большевики Смирнов, Трофимов и Ошмарин, а им помогают местные стекольщики и ткачи. Прихожу к ним. Не нуждаетесь ли в слесарях, друзья?..

Контакт был установлен, и мы образовали социал-демократическую большевистскую ячейку.

Наша Судогда в какой-то степени отражала все то, что ранее происходило в гораздо бóльших масштабах в крупных городах.

Всюду царило двоевластие. Было оно и у нас. Шла открытая и скрытая политическая борьба. А подспудно, в гуще народных масс зрели силы, для которых Февраль был не концом дела, а лишь началом. Но в таких городах, как Судогда, это столкновение рабочих и буржуазии проявлялось не столь быстро, как в Питере, Москве или даже Владимире. Петроградские пролетарии уже демонстрировали под лозунгом «Долой министров-капиталистов!», когда судогодцы еще выполняли распоряжения местного «Комитета общественной безопасности», в который вошли представители старого чиновничества, отставных офицеров, фабрикантов, лавочников и домовладельцев. Что касается Судогодского Совета, то он возник лишь в мае 1917 года и был первоначально по своей политической позиции эсеровским. Та же картина наблюдалась в других уездных городах губернии и даже в заводских поселках. Только в Советах Орехово-Зуева, Иваново-Вознесенска и Коврова с самого начала преобладали большевики.

На заводе я в те дни бывал редко. Чаще находился в Судогде, в доме, где начала работать наша социал-демократическая ячейка. В ячейку входило несколько ткачей, стекольщиков, мастеровых, один учитель — Трофимов и один, кажется, служащий — Смирнов. Потом он куда-то уехал. Партийным руководителем у нас был П. В. Ошмарин.

Участник революции 1905 года, Петр оказывал на меня сильное влияние. Мне не хватало политической подготовки. Ошмарин оказался подготовленным лучше. Он рассказывал на заседаниях нашей ячейки обо всем, что сам знал: какой должна быть рабочая революция; почему и мы, и меньшевики, и эсеры называли себя социалистами и кто из нас настоящий социалист; как нужно вести агитацию среди граждан, чтобы они поддерживали революцию и выступали за интересы трудового народа.

Однако, хотя мы и считали себя большевиками, ячейка наша официально не была еще признана. Мы не имели связи ни с Владимиром, ни с Москвой, очень сильно чувствовали этот отрыв, действовали, можно сказать, вслепую. Но вот во второй половине апреля нам стало известно, что в Иваново-Вознесенске состоялась губернская конференция организаций РСДРП. О нас там, видимо, ничего не знали. Позднее нам рассказали, что оргкомитет рассылал по губернии пригласительные письма. Не подозревая о наличии в Судогде партийной ячейки, этот комитет не придумал ничего лучшего, как направить приглашение в местный «Комитет общественной безопасности», надеясь, что заинтересованные лица как-нибудь узнают о конференции.

Конечно же нам никто и не подумал передать приглашение. Не было на конференции представителей и из многих других уездных городов. Тем не менее она сыграла большую роль. Конференция продемонстрировала наличие в губернии новой мощной политической силы. На ней обсуждались Апрельские тезисы В. И. Ленина. Абсолютным большинством голосов тезисы были одобрены. Конференция приняла также постановление торжественно отметить день Первого мая.

Узнав об этом постановлении, мы решили связать начало своей активной деятельности с организацией первомайской демонстрации, а в губком послали письмо с просьбой прислать на торжество кого-нибудь из губернских большевиков. Вскоре приехал владимирский товарищ. Одет он был не по-рабочему. Фамилии его не помню. Владимирец отчитал нас за то, что мы не ведем запись работы ячейки, что нет у нас протоколов, а еще резче — за то, что называем себя большевиками, но никак это не оформили.

Утром 1 мая 1917 года судогодские рабочие, несколько солдат и интеллигентов пронесли на общегородской шумливой и радостной демонстрации свои особые плакаты с лозунгом «Вся власть Советам!». Днем мы крепко схватились из-за этого с представителями «Комитета общественной безопасности» и эсерами, а вечером наша ячейка составила первый официальный список своих членов и провозгласила создание Судогодского уездного комитета РСДРП(б). Его председателем стал Петр Владимирович Ошмарин, секретарем избрали меня. Документы были посланы во Владимир.

Большую помощь оказал нам М. П. Янышев, приезжавший в Судогду как представитель Московского областного бюро РСДРП(б). Он нацелил нас на непримиримую борьбу с мелкобуржуазным большинством в Судогодском Совете. В конце мая 1917 года в Судогде проходил уездный съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Янышев помог мне и другому члену укома партии, М. С. Трофимову, подготовиться к выступлению на съезде и сам выступил. Мы дали крепкий бой эсерам. Наше открытое выступление со своими лозунгами, четкой политической линией сыграло важную роль в размежевании группировок внутри местного Совета. Свое выступление на съезде я считаю моей первой настоящей школой политической борьбы уже как члена большевистской партии. Успех нашего выступления сказался и на том, что председателем уездного исполкома избрали большевика Петра Ошмарина.

Хочу особо сказать несколько слов о Михаиле Петровиче

Янышеве. Он пробыл у нас недолго, но своей энергией и непримиримостью к врагам революции произвел очень сильное впечатление на всю нашу партийную ячейку. Этот человек прошел яркий жизненный путь. Уроженец Владимирской области, текстильщик, он вступил в РСДРП юношей еще в 1902 году. Участвовал в первой русской революции, затем эмигрировал, несколько лет прожил в США, был и там активным участником рабочего движения. После победы Октября он возглавлял Московский ревтрибунал, в 1919 году во главе отряда московских коммунистов сражался против войск Юденича. В 1920 году был комиссаром дивизии на Южном фронте, где и погиб в боях против войск Врангеля.

После уездного съезда Советов в Судогде развернулась ожесточенная политическая борьба.

Работать в комитете было очень трудно, особенно летом 1917 года. Те тяжелые условия, в которых оказалась вся партия большевиков после июльских событий, коснулись, вероятно, всех местных ячеек. Помню, как некоторые старые знакомые спрашивали меня: «А правильно ли говорят, Кирилл, что ты большевик?»

— Правильно говорят.

— С Лениным заодно, значит?

— Именно с ним!

— Да известно ли тебе, кто он есть? Шпион германский. Ихний царь повелел через свою землю пустить его в Россию народ смущать.

— Сущая брехня! Германия войну ведет, губернии наши захватывает. А Ленин и большевики, наоборот, хотят войне конец положить. Тебе-то самому война нравится?

— Кому она нравится? Всем опротивела.

— Чего же ты с чужого голоса поешь? Разберись сначала.

Но убеждать таким путем можно было только тех, кто искал правду. Идейные же враги не вступали в беседу. Наши листовки они срывали, помещений, чтобы провести митинг, не давали, грозили пересчитать нам кости. Опереться на профсоюзы мы пока тоже не могли. В первой половине 1917 года в Судогде был профессиональный союз только служащих. К большевикам он относился с неприкрытой враждебностью.

Нам приходилось охранять здание укома РСДРП(б). В этих условиях сама жизнь толкала на создание вооруженных пролетарских отрядов. Уже возникла Красная гвардия на станции Черусти, в Муроме, где красногвардейцами были не только рабочие, но и солдаты 205-го полка, в Кулебаках, в Навашино.

И вот на заседании Судогодского укома после горячего обсуждения вопроса о создании Красной гвардии было принято решение форсировать организацию красногвардейского отряда. Каждый укомовец получил конкретное задание. Одни агитировали рабочих записываться в Красную гвардию, другие доставали оружие. Мне поручили научить красных добровольцев стрелять. А я и сам не умел. Возьму, бывало, наган и рано утром, когда уже светает, но люди еще спят, уйду на пустырь или в лесок и тренируюсь, посылаю в деревья пулю за пулей. Не знаю, что дали мои уроки товарищам, а мне они сильно пригодились в годы гражданской войны.

Когда отряд был сформирован, уком назначил меня начальником штаба судогодской Красной гвардии. В дальнейшем мне довелось пройти на протяжении четверти века еще через десять штабных должностей: начальника штаба бригады, помощника начальника и начальника штаба дивизии, помощника начальника штаба корпуса, начальника отдела в штабе округа, помощника начальника и начальника штаба округа, начальника штаба отдельной армии, помощника начальника и начальника Генерального штаба РККА. Этот длинный путь начался, как видно, в 1917 году.

Среди укомовцев я был одним из самых грамотных. Правда, когда я мальчиком впервые постигал в деревне азбуку, учась за два пуда муки в зиму у отставного фельдфебеля Филиппа Федоровича Захарова, и зубрил церковнославянские названия букв — аз, буки, веди, глаголь,— толку от этого было немного. Но потом в земской начальной школе я учился прилежно, окончил ее с отличием и перечитал всю школьную библиотеку, созданную самими учителями на свои скромные средства. С особенной благодарностью вспоминал я миусские вечерние классы. Ими заведовала Юлия Павловна Назарова. Держалась она всегда сухо и строго, но вкладывала в любимое дело всю душу и, тоже не имея ни одной лишней копейки, сумела хорошо поставить занятия. За три года обучения в этих классах мы прошли курс, соответствующий программе групп второй ступени реальных училищ, и основы наук, положенных по программе преподавательских училищ. Теперь все это пригодилось.

Основной опорой Красной гвардии в Судогде являлись рабочие фабрики Голубева и лесных имений Храповицкого. С первыми был хорошо знаком Ошмарин, среди вторых имелось много товарищей у меня. Особенно активно действовали рабочие фабрики. Среди них ранее всего развернула работу наша ячейка РСДРП(б). Еще в апреле 1917 года мы подняли их на

забастовку, вынудив фабриканта в течение трех часов принять условия стачечников: рабочие получили дополнительно к зарплате единовременно около 15 процентов их годового заработка. Крепко помогли нам рабочие в июне, когда шли выборы депутатов в городскую думу. Несмотря на неблагоприятную обстановку, удалось провести в депутаты двух городских рабочих. Тогда же мы показали, за кем идут и рабочие лесных имений: они поддержали большевиков, выступивших против эксплуататора Храповицкого, и решили бастовать. Но служащие остались на своих местах. После этого мы сагитировали группу рабочих, вместе с ними ворвались в уездный исполком и потребовали «имнем революции» заставить служащих подчиниться воле трудящихся. Исполком послал в имения милицию с указанием прервать всякую работу, пока не кончится забастовка. А теперь рабочие составили костяк красногвардейцев.

Перелом в настроении судогодского мещанства наметился после корниловского мятежа, хотя и раньше постепенно начинала чувствоваться перемена обстановки. Ведь проклятая и несправедливая война еще продолжалась. А кто требовал ее прекращения? Большевики! Крестьяне по-прежнему сидели без земли. Кто хотел отдать им землю? Снова большевики! Заводчики старались притеснять рабочих, как раньше. Кто боролся смелее всех за права пролетариев? Те же большевики. Ну, а кадеты? Сущие прохвосты, говорили в народе, гнут старую линию. Эсэры? Много обещают, да мало делают. Меньшевики? Такие же болтуны.

Так сама жизнь отрезвляла людей. Те, кто еще вчера не хотел здороваться со мной на улице, сегодня приходили и спрашивали: «Кирилл, как же дальше?» Последним ударом для таких людей оказался мятеж генерала Корнилова. Когда провинция узнала, что главнокомандующий двинул части на Петроград, чтобы взять власть в свои руки, каждый понял, чем это пахнет. Судогодские купцы и заводчики служили молебны во здравие бунтаря и, осеняя себя крестным знамением, замирали в сладком ожидании известия, что монархия восстановлена. Но большинство горожан говорило: «Как же Россия дошла до этого? Ведь республика погибнет. Нужно спасать ее». Но кто спасет? Сама жизнь учила: только тот может спасти, кто является самым стойким противником всей этой банды монархистов и авантюристов. И люди постепенно поворачивались лицом к большевикам.

Когда телеграф принес известие, что Керенский смещает Корнилова с поста главнокомандующего, а последний в свою

очередь опубликовал воззвание с призывом не повиноваться Временному правительству, в исполкоме Судогды началась сумятица. Растерявшиеся правители пригласили на срочное заседание всех, кто пользовался в городе известностью и авторитетом. Теперь уже нельзя было услышать обычного эсеро-меньшевистского трезвона «о борьбе с опасностью справа и слева». Забыв на время вчерашнее, те же соглашатели уповали лишь на силу народного отпора мятежнику. Когда началось заседание, я потребовал от имени укома РСДРП(б), чтобы наряду с милицией охрана порядка в городе была возложена на Красную гвардию. Предложение приняли. Под утро Совет, пойдя навстречу большевикам, учредил контроль над уездной телефонной сетью. Тем временем красногвардейцы уже несли патрульную службу на улицах, возле фабрик, мастерских, магазинов, винных складов и учреждений.

После провала корниловщины позиции большевиков в Судогде упрочились. Теперь предложения, вносимые от имени укома РСДРП(б) и штаба Красной гвардии, выслушивались на заседаниях городского Совета со вниманием и, как правило, принимались. Губком партии информировал нас, что предстоит разработать мероприятия для энергичного осуществления решений VI съезда РСДРП(б). Важную роль при этом должны были сыграть местные партконференции. В начале сентября районная конференция состоялась в Гусе, а губернская — в середине месяца (память хранит воспоминания о тех событиях еще по старому календарному стилю) в Иваново-Вознесенске. Обе они решительно поддержали линию Центрального Комитета РСДРП(б) и приняли резолюции о прекращении преступной войны и немедленном заключении мира, о передаче помещичьей земли крестьянству, об установлении над производством рабочего контроля. Учитывая, что идея выборов в Учредительное собрание прочно овладела массами и что они, особенно крестьяне, ждут от «учредилки» всех благ, конференция сочла полезным участвовать в выборах и попытаться провести в это собрание возможно большее число своих депутатов. В связи с этим большевистскими кандидатами в депутаты от Владимирской губернии были выдвинуты 13 человек. Среди них — такие видные люди, как рабочий депутат IV Государственной думы от нашей губернии Ф. Н. Самойлов; хорошо известный пролетариям пропагандист Н. С. Абельман (позднее погиб в Москве, сражаясь с контрреволюционными заговорщиками, и его именем названа улица в столице); старый член партии товарищ

Химик (А. С. Бубнов); наконец, любимец шуйских и вознесенских ткачей товарищ Арсений (М. В. Фрунзе).

Все меньше становилось людей, веривших Временному правительству. Когда в середине октября во Владимире открылся губернский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, большевики на нем уже явно преобладали. По поручению Московского областного бюро Советов доклад сделал большевик И. Н. Стуков. После горячих прений съезд принял большевистские резолюции. Временное правительство было объявлено предательским и антинародным; единственной законной властью губернские Советы провозгласили свою власть.

Октябрьская революция, начавшаяся в Петрограде, именно потому и была революцией, а не изолированным восстанием в столице, что ленинская партия избрала для ее осуществления такой момент, когда массы были готовы идти на штурм старого мира, когда Советы были уже большевизированы. События 1917 года во Владимире полностью подтверждают справедливость такого вывода.

Центр политической и административной жизни в Судогде окончательно переместился теперь в исполком Советов, штаб Красной гвардии и комитет РСДРП(б). Только эсеровский партийный комитет мог еще как-то соперничать с нашим. Посланцы Судогодского укома большевиков и красногвардейского штаба передавали в те дни проекты решений по любым вопросам нашему молодому большинству в городском Совете и исполком почти безоговорочно утверждал их. Распоряжения правительственного комиссара меньшевика Братенши кидали в корзину. Потом по указанию стачечного всегубернского комитета прекратили работу текстильщики. Их поддержали рабочие других профессий. Фабрики и заводы на несколько дней замерли. Все ждали открытия II Всероссийского съезда Советов. И вот из Петрограда пришло известие: Временное буржуазное правительство низложено, в стране установилась Советская власть как единственно законная и полномочная! Днем позже Судогда получила из Владимира первый номер бюллетеня тамошнего Совета, содержавший изложение решений съезда. А еще через день новая газета «Борьба и труд» донесла до трудящихся губернии текст ленинских декретов о мире и земле.

Сразу же после установления Советской власти в Судогде я был назначен председателем военного отдела местного Совета и ответственным по вопросам демобилизации старой

армии. Двадцатилетнему военкому (это слово уже тогда вошло в обиход) приходилось нелегко. Враги революции попытались перейти в контрнаступление. Из соседних уездов приходили тревожные вести. Антисоветские элементы подняли восстание на Выксе. Кулаки восстали в Бутылицах. Вооруженные выступления против Советской власти произошли в Юрьеве-Польском и в селе Бельково Ковровского уезда. В военном отделе пришлось назначить круглосуточное дежурство. Красногвардейцы ночами обходили улицы. Предосторожность оказалась не излишней. Несколько раз мы задерживали подозрительных лиц с оружием, то неподалеку от исполкома, то возле винных складов. А затем кулаки села Мошок попытались повторить бельковские события, и Судогодский уезд стал ареной вооруженных столкновений. Военный отдел направил против мятежников отряд красногвардейцев, и враги быстро сдались.

Много волнений вызвали в губернии выборы в Учредительное собрание. Главными списками кандидатов в депутаты считались два: № 3, эсеровский, и № 6, большевистский. Агитация шла вовсю. Кулаки, лавочники, бывшие царские служащие, офицеры распускали клеветнические слухи. Но не те уже были времена. Наш уезд (59 процентов голосов) вместе с Суздальским, Владимирским, Шуйским, Иваново-Вознесенским, Ковровским, Александровским и Покровским проголосовали в основном за большевиков, а уезды Гороховецкий, Юрьевский и Вязниковский — за эсеров. В целом по губернии большевики получили 56 процентов голосов, эсеры — 33 процента, кадеты — 6 процентов. Остальные голоса были отданы различным мелким партиям, включая меньшевиков. Среди шести большевистских членов Учредительного собрания от Владимирской губернии помню имена М. В. Фрунзе и народного комиссара по делам юстиции в первом Советском правительстве Г. И. Оппокова-Ломова; среди трех эсеровских — лидера левых социалистов-революционеров Марию Спиридонову. В худшую сторону отличилась сама губернская столица: являвшийся отдельным избирательным округом, купеческо-чиновничий Владимир послал в Учредительное собрание кадетов.

Главной заботой военотдела в те дни оставалась Красная гвардия. Особенно активно вступала в нее молодежь. Хорошо помогал военотделу в его работе уездный Союз молодежи, дававший нам самых сознательных парней. Он возник у нас в губернии в конце 1917 года. Из Владимира губернский

союз молодежи присылал нам журнал «Вестник Интернационала». Сотрудники военотдела, двадцатилетние ребята, с интересом читали журнал, а потом те, кто пограмотней, устраивали на фабриках и в мастерских коллективные читки. По материалам этого журнала и переделанным, «приспособленным» к повседневным событиям пьесам революционных драматургов члены судогодского Союза молодежи ставили в городском клубе спектакли. Руководил постановками большой любитель театра, активист-общественник Н. А. Угодин. Его самодеятельная труппа сыграла немалую роль в культурной жизни города, активно агитируя за торжество дела пролетариата.

С большими осложнениями прошла в губернии дискуссия о Брестском мире. Губернская парторганизация вела с давних времен всю свою работу в контакте с московской областной. А в Москве находился один из центров той группы членов РСДРП(б), которые не соглашались подписать с немцами мирный договор, отказывались заключить этот мир, необходимый тогда для нас, хотя и «похабный», как назвал его В. И. Ленин, и настаивали на «революционной войне». Только после VII съезда партии и IV съезда Советов (уже весной 1918 года) вопрос был решен правильно и окончательно, а «левые» получили отпор.

Повседневные дела, трудности социалистического советского строительства требовали все большего внимания. В марте у нас слились Советы рабочих и солдатских депутатов с Советами крестьянских депутатов. Был образован губернский совнархоз, а в Судогде начало работать его отделение. Стали осуществлять земельную реформу, и уездному военному отделу, получившему указания из губвоенотдела в связи с созданием регулярной Красной Армии, пришлось еженедельно посылать отряды в волости для обеспечения порядка при переделах земли. Наконец в конце апреля военотделы были официально преобразованы в военкоматы.

Хочу назвать здесь нескольких товарищей из числа тех, кто руководил тогда новой жизнью в уезде, кто представлял молодую Советскую власть. Председателем Судогодского уездного исполнительного комитета Советов был П. В. Ошмарин. Именно ему, первому руководителю судогодских большевиков после Февральской революции, доверили этот важный пост. Секретарем исполкома был Г. М. Журавлев. Григорий, как и Петр, отличался большой энергией, работоспособностью, преданностью делу трудящихся. Городской Совет в Судогде возглавлял Ф. В. Бяков. Комиссаром по промышлен-

ным предприятиям был Ф. И. Костомаров, комиссаром по финансам — П. Н. Васильев, комиссаром по трудовым вопросам — М. С. Трофимов. К сожалению, почти никого из них нет уже ныне в живых.

В первых сражениях

Страда весенняя.—
Муромский мятеж.—
Под Казанью.—
Говорковские уроки.—
Еду в академию.

Доходившие до нас известия о белогвардейских мятежах до апреля 1918 года не затрагивали Владимирщину. А в апреле губвоенкомат прислал распоряжение о подготовке специального пролетарского отряда для защиты Советской власти с оружием в руках. Оружия у нас было мало. Частично мы восполнили нехватку реквизициями у враждебных элементов, частично получили оружие из Владимира и Москвы. Было оно разнокалиберным. Не хватало патронов. На обучение первой группы добровольцев-красноармейцев ушел примерно месяц. В мае ее отправили на запад нести службу у демаркационной линии, установленной по Брестскому миру. Едва эта группа успела уехать, как газета «Известия Владимирского губернского Совета Р.С. и К.Д.» вслед за столичными газетами сообщила о белогвардейско-чехословацком мятеже в Поволжье, на Урале и в Сибири. Началась срочная подготовка новой группы красноармейцев.

В нашем уезде, да и в губернии вообще, основная масса бойцов-добровольцев состояла из рабочих и бывших солдат. Вооружены они были довольно слабо, боевым опытом многие пока не обладали. Для подавления отдельных антисоветских мятежей и охраны порядка их сил хватало. Но когда началась гражданская война, стало ясно, что для победы над врагом страна нуждается в большой регулярной армии. Одними добровольцами Советская власть не могла обойтись.

Правительство приняло решение об обязательной воинской повинности. 29 мая ВЦИК объявил призыв, а в июне началась мобилизация. Владимирская губерния была включена еще весной в Московский, а потом в Ярославский военный округ. Организация призыва, сбор оставшегося от старых

гарнизонов военного имущества и его инвентаризация, сведение новобранцев в подразделения, вооружение, политическое просвещение и обучение их, подготовка и посылка донесений о ходе этой работы через губернский и окружной военкоматы в мобилизационный отдел Всероссийского главного штаба — вот чем занимались мы в июньские дни.

Сначала не обошлось без путаницы. Так, одно время от нас требовали сведений сразу . московский и ярославский окружвоенкомы — Иозефович и Ливенцев. Энергичную деятельность развернул губернский военный комиссар М. С. Лешко. Ныне генерал в отставке, Михаил Степанович тоже тогда начинал свою службу на военном поприще. Мы поддерживали с ним повседневный контакт по всем вопросам.

Наш военкомат старался в первую очередь направить в строй бывших солдат, чтобы ускорить обучение добровольцев. Однако солдат не хватало. Пришлось призывать и не служивших в армии.

Из ряда деревень зажиточные крестьяне, особенно кулацкие сынки, убегали в леса. Они откапывали зарытые ими в потайные места винтовки, карабины и наганы и создавали банды. Военкомат устраивал облавы, высылал патрули. Особенно активно и отважно действовали при ликвидации банд командир нашего боевого отряда В. С. Успенский и начальник уездной милиции В. И. Истратов.

Каждый день наша «Судогодская заря», губернские и центральные газеты сообщали тревожные известия. У меня до сих пор как бы маячат перед глазами фасады домов и заборов, облепленные листками с майскими, июньскими, июльскими чрезвычайными сообщениями. Судогодский уком РКП(б) как раз обсуждал на своем заседании положение в Москве в связи с эсеровским восстанием, когда телеграф принес весть о контрреволюционном мятеже в Муроме. События в Муроме явились лишь эпизодом в длинной цепи антисоветских восстаний, намеченных тогда эсерами в сговоре с белогвардейцами.

Как известно, весной 1918 года монархическое офицерство, бежавшее на Дон, создало «добровольческую» армию. Она двинулась на Кубань, где ею руководил Корнилов, а когда его убили, во главе ее стал Деникин. В то же время начала формироваться так называемая северная «добровольческая» армия, одним из лидеров которой выступил Борис Савинков. Этот эсер после Октябрьской революции развернул бешеную деятельность против Советской власти. В горо-

дах Поволжья и Прикамья белогвардейцы и савинковцы сплотились в так называемый Восточный отряд под командованием бывшего полковника Сахарова и члена контрреволюционного «Союза защиты родины и свободы» Григорьева. Эти лица надеялись свергнуть в Поволжье власть трудящихся и сомкнуться с самарским Комучем. Наиболее известен из числа развязанных ими антисоветских восстаний — мятеж в Ярославле. Но для Владимирской губернии муромская трагедия, в масштабах всей страны казавшаяся малозаметной, была чрезвычайно болезненной.

События в городе развертывались так. В ночь на 9 июля вооруженные белогвардейские заговорщики, заранее наметившие план действий во время тайного совещания на окских островах, напали на Муромский Совет, милицию и гарнизон. Застигнутые врасплох, красноармейцы и милиционеры не сумели оказать сопротивление, были арестованы и заключены в тюрьму, а несколько коммунистов убито. Отстреливавшаяся до утра группа советских служащих отступила к Селиваново. Днем мятежники объявили запись населения в белую гвардию и созвали с демогогической целью митинги. На улицах были расклеены листовки за подписью генерала Алексеева с фальшивыми сообщениями о торжестве антисоветских восстаний в Нижнем Новгороде, Касимове и Елатьме.

Сахаровские курьеры поскакали в окрестные деревни собирать разрозненные кулацкие шайки, но успеха не добились. Да и в самом Муроме власть мятежников была непрочной. Так, они не сумели установить свой контроль над паровозоремонтным заводом, рабочие которого попросту не подпустили белогвардейцев к заводским воротам. На подавление мятежа уже на следующий день двинулись отряды с нескольких направлений: из Владимира, Судогды, Меленков, Выксы, Кулебак, Гуся и Коврова. Самым крупным был Владимирский отряд, состоявший из 250 бойцов. Политическим комиссаром этого отряда партийная организация послала известного муромского большевика Тагунова. Вскоре Муром был взят в полукольцо. Группа бойцов, посланная из Москвы, владимирцы и гусевцы атаковали белогвардейцев со стороны Курловского, судогодцы и ковровцы — со стороны Горбатки, остальные — с юга. Враг не оказал сколько-нибудь организованного сопротивления. Во всяком случае, я не помню, чтобы у меня над головой просвистела хоть одна пуля. Митинг в Муроме, созванный после освобождения

города, прошел с успехом. Подавляющая часть присутствовавших приветствовала Советскую власть.

Нашему отряду, участвовавшему в подавлении мятежа, так и не довелось отдохнуть. Едва успели мы возвратиться, как военкомат получил указание о формировании группы бойцов и включении ее во Владимирский отряд, выступавший на Восточный фронт. Командиром объединенного отряда стал бывший царский офицер Говорков, перешедший на сторону Советской власти еще в 1917 году. Меня назначили к нему комиссаром. Наш отряд вошел в 227-й Владимирский полк, которым командовал бывший унтер-офицер Кузнецов. Партийный комитет полка возглавлял коммунист Наумов, а политкомиссаром (или, кажется, заместителем комиссара) была ковровская работница Настя Корунова. Через Тешу, Арзамас, Сергач и Шумерлю мы двинулись на Канаш, за которым впервые столкнулись с белочехами. Оттуда наш полк был переброшен к Свияжску, несколько севернее. Там мы вошли в состав Левобережной группы 5-й армии, получившей задание очистить местность от противника вплоть до реки Казанки. Входило в группу около 2 тысяч пехотинцев и человек 250 конников с девятью орудиями и одним бронепоездом.

Беженцы из Казани рассказывали, что ворвавшиеся в город белогвардейцы, так называемая «народная армия», расстреливали попавших им в руки коммунистов, матросов и рабочих. Следовало торопиться. С северо-востока на Казань наступала под командованием В. М. Азина Арская группа 2-й армии. Это облегчило действия нашей, 5-й армии, и командарм П. А. Славен отдал приказ перейти в наступление. Белые решили опередить нас и двинули вперед группу генерала Пепеляева. Ее костяк составляли офицерские батальоны. С ними-то и довелось нам сразиться.

В 5-ю армию вошли различные красноармейские отряды, как местные, отступившие от Казани, так и направленные сюда из многих областей. Особенно много было пролетарских и коммунистических подразделений, посланных на Восточный фронт по партийной мобилизации. Я встречал под Казанью тверичей и петроградцев, москвичей и туляков, нижегородцев и ярославцев. Позднее тот же метод комплектования был применен и в других армиях.

По Волге плавали направленные сюда с Балтики три миноносца, а также несколько вооруженных барж. При их артиллерийской поддержке наша Левобережная группа, ко-

торой руководил сначала Я. А. Юдин (вскоре геройски погибший), решительным ударом отбросила врага к самой Казани. Однако закрепиться мы не успели, и противник внезапной контратакой восстановил прежнее положение, угрожая оттеснить нас в глухие леса, а затем в тыл нашей Правобережной группы бросил офицерскую бригаду Каппеля. Из Казани поток беженцев не прекращался. От них мы узнали о продолжении казанской трагедии. Тамошние рабочие в начале сентября подняли восстание, но оно было подавлено. Последовали новые зверства со стороны белогвардейцев.

Перелом в боях наступил еще 29 августа, когда каппелевцев отбросили, нанеся им удар под Свияжском. Вскоре над Казанью начали появляться наши самолеты. Они не бомбили город, а сбрасывали листовки с призывами к трудящимся и обманутым чешским солдатам. На одной из листовок было отпечатано стихотворение Демьяна Бедного:

Гудит, ревет аэроплан,
Летят листовки с аэроплана.
Читай, белогвардейский стан,
Посланье Бедного Демьяна.

Победный звон моих стихов
Пусть вниз спадет, как звон набата.
Об отпущении грехов
Молись, буржуй! Близка расплата...

Большая часть владимирцев осталась на правом берегу Волги и приняла участие в наступлении на Верхний Услон. Оттуда, с холмов, уже видны были купола казанских соборов и Сюмбекина башня. Отряд Говоркова продвигался по левому берегу, уничтожая мелкие группки и заслоны, выставленные противником.

В этих стычках я получил свое первое боевое крещение. Оно решило мою судьбу, подсказало, что мое место — в Красной Армии, вселило в меня желание всю свою жизнь посвятить военной службе. Юношеские мечты о педагогической деятельности и о работе инженером-химиком были вытеснены новыми планами. Планы эти созревали постепенно. в ходе суровых испытаний.

Под Казанью я впервые узнал, что такое обстрел тяжелыми снарядами. Над тобой непрерывно гудит и свистит. Взлетают фонтаны земли и осколков. Бойцы все время кланяются, припадают к земле и отрываются от нее очень неохотно. Каждый стремится найти укрытие и только потом, чувствуя себя в относительной безопасности, начинает огля-

дываться по сторонам. Особенно болезненно воспринимали отдельные красноармейцы налеты аэропланов. Большинство видело их впервые в жизни. Сбросит бомбу аэроплан где-то за полверсты, глядишь, а цепочка бойцов дрогнула, некоторые поворачивают назад. Двое-трое слабонервных пускались в бегство, лишь заслышав рокот моторов. Другие старались не подавать виду. Так же реагировали сначала на налеты и наши соседи слева и справа — Оршанский и Невельский полки.

Умение воевать не приходит сразу. Это трудная наука, и не каждому она дается, в том числе не каждому командиру. Один становится настоящим военным с мужественной душой, расчетливым умом и ведет людей к победе. Второй превращается в хорошего штабного работника, но под пулями празднует труса. Третий ведет себя отважно, однако не умеет руководить подчиненными. А четвертый вообще годен только на то, чтобы мечтать о ратных подвигах, лежа на диване. Увы, жизнь впоследствии убедила меня, что даже среди профессиональных военнослужащих попадаются порой представители второй, третьей и четвертой категорий лиц. И мне приятно сейчас думать, что человек, который своим личным примером и умными советами открыл мне глаза на то, каким должен быть командир, принадлежал к первой категории.

Я имею в виду Говоркова. Бывший офицер, он, не колеблясь, сразу же после Февральской революции стал на сторону большевиков и решительно пошел за партией Ленина. Его беседы со мной, рассказы о старой армии, о воинском искусстве, о принципах организации боевой работы сыграли немалую роль в том, что я решил стать красным командиром. В юные годы я полагал, что настоящий командир — это тот, кто смел и силен, обладает громким голосом и хорошо стреляет. Большевистская выучка помогла уяснить, какое огромное значение имеет морально-политический фактор, сознание солдата. Я постепенно начинал постигать то, что́ может дать человеку либо систематическое военное образование, либо сама война. А учился, глядя прежде всего на Говоркова.

К сожалению, недолго пришлось мне шагать рядом с новым другом. В начале сентября перешли мы в наступление. Офицерские батальоны открыли сильный огонь, длинными очередями строчили их пулеметы. Нелегко было поднимать бойцов в атаку. Тогда Говорков встал впереди отряда в полный рост, сзади себя поставил меня и знаменосца. Ребята

запели «Вихри враждебные веют над нами...», и отряд рванулся на врага. Не прошли мы и нескольких шагов, как Говорков покачнулся. Я бросился к нему. У него из виска сочилась кровь. Не успел я послать за санитарами, как он скончался.

А огонь врага все сильнее. Что делать? Отступать? Зарываться в землю? Идти дальше? Бойцы смотрят на меня, кое-кто уже ложится. Я закричал и побежал к железнодорожной насыпи. Оглянулся — все бегут за мной, вроде бы никто не отстает. У насыпи залегли. Подползли ко мне ротные, спрашивают: «Товарищ комиссар, окапываться или мы тут ненадолго?» Я оглянулся, как бы по инерции, но Говоркова уже не увидел. Медлить в тот момент было нельзя. Вспомнив уроки Говоркова, поставил ротным задачу, затем сказал: «Как встану — вот и сигнал. Атакуем дальше!»

Огонь стих. Только мы поднялись, видим, навстречу бегут золотопогонники со штыками наперевес, рты раскрыты, а крика из-за стрельбы не слышно. Сцепились врукопашную. Я расстрелял всю обойму во вражеских пулеметчиков. Пулемет замолчал, а позади него вскочил с винтовкой в руке солдат. Успеет выстрелить — конец мне. Прыгнул я через щиток «максима», чтобы ударить врага рукояткой маузера в лицо, и зацепился ногой. Падая, успел заметить, как тот взмахнул прикладом, и я почувствовал сильный удар в затылок. Потом — туман... Очнулся на полке в санитарном вагоне. Значит, жив!

Через день навестили меня товарищи. Принесли обнаруженное в кармане френча Говоркова письмо, адресованное в редакцию газеты «Известия». В письме он призывал красноармейцев бить белогвардейцев до конца. Страничка кончалась словами: «Деритесь за Советскую власть, в ней ваше спасение». А еще через несколько дней пришла весть, что Казань освобождена.

В Судогде друзья приехали на железнодорожную станцию встретить бывшего военкома. Доктора предписали мне длительный отдых и лечение. Почти два месяца я отлеживался и приходил в себя. Понемногу молодость начала брать верх. Все чаще мог я присутствовать на заседаниях укома и помогать новому военному комиссару в его работе. Наконец почувствовал, что снова в состоянии воевать.

Вскоре после того, как Судогда торжественно отметила первую годовщину Великого Октября, я поставил перед укомом РКП(б) вопрос об откомандировании меня в действующую армию. Уком взамен предложил мне возглавить

уездный всеобуч. Спор был перенесен в губернскую инстанцию, а там решили дело так, как не ожидал никто из нас, и направили меня в Академию Генерального штаба для получения систематического военного образования. Обучение в ней дважды прерывалось для меня отправкой слушателей первого и второго курсов на фронт. В первый раз это было в мае 1919 года.

Против деникинцев

Где 9-я армия? —
Вешенские события.—
Дивизию ведет Степинь.—
Трудное отступление.—
Прорыв на Поворино.—
Измена.—
Прощай, Южный фронт!

Майскими днями 1919 года, когда вокруг все цвело и зеленело, я прибыл в штаб Южного фронта, которым командовал тогда В. М. Гиттис. Отсюда мне предстояло пробраться в 9-ю армию. Я не случайно употребил слово «пробраться». Хотя общая линия фронта проходила где-то возле Ростова, 400-километровое пространство, лежавшее на пути к ней от Воронежа, полыхало в огне: на север наступали прорвавшие фронт ударные группировки белогвардейских армий; поднимали мятежи украинские бандитские атаманы западнее и севернее Донбасса; бунтовали кулаки между Лисками и Новохоперском; наконец, в Вешенской вспыхнул казачий мятеж. Чтобы попасть по назначению в район между Курталаком, Медведицей и Иловой, наша группа должна была пробираться придонскими степями, обходя разные антисоветские банды.

Столь запутанная ситуация сложилась здесь еще в апреле 1919 года. Южный фронт ранней весной прижал деникинцев к морю, но нанести последний, решающий удар не смог. Украинская Красная Армия была занята ликвидацией последствий иностранной интервенции на юго-западе республики, а в мае ее силы отвлекло восстание атамана Григорьева. Из центра лучшие красноармейские пополнения ушли на Восточный фронт. Оснащенные Антантой войска Деникина сумели оправиться, сколотить мощный кулак и подготовиться к наступлению. К концу апреля против 100 тысяч белогвардейских сабель и штыков Южный фронт мог выставить только 73 тысячи.

20-тысячная 9-я армия, состоявшая из трех дивизий, растянулась на 200 километров по фронту. В тылу этой армии, нависшей с востока над Ростовом, вспыхнул, как я уже упомянул, казачий мятеж. Вешенские, казанские, мигулинские, еланские и усть-хоперские станичники, спровоцированные врагами Советской власти, взялись за оружие. Их поддержали казаки хуторов Наполова, Астахова, Шумилина, Солонки. 9-й армии наряду с 8-й пришлось выделить значительную часть сил на подавление мятежа в собственном тылу. Подкрепления прислали также другие фронты и Москва. 30-тысячная группа восставших была взята в кольцо, но не сломлена.

А 6 мая Деникин перешел в наступление: «Добровольческая» армия генерала Май-Маевского двинулась через Донбасс на Украину; Кавказская армия генерала Врангеля — через Сальские степи на Царицын; Донская армия генерала Сидорина нанесла удар по нашей 9-й армии двумя кавалерийскими корпусами в стык между 16-й и 23-й дивизиями и 25 мая прорвала фронт. Сделать это было не так уж трудно, если принять во внимание, что 15 тысяч штыков и сабель, подчинявшихся к тому времени командарму-9, были разбросаны отдельными группами от станицы Константиновской до Каменской. Приказ Реввоенсовета республики о переходе Южного фронта к обороне запоздал. Вскоре 3-й донской казачий корпус, потеснивший нашего соседа справа, 8-ю армию, вышел в район Миллерово, группа же войск генерала Секретева через станицы Тацинскую, Милютинскую, Боковскую рвалась на выручку к казакам Вешенской и 7 июня соединилась с мятежниками.

Еще по дороге в самую дальнюю, действовавшую на крайнем левом фланге армии 14-ю дивизию, куда меня назначили, я встретился с командирами и бойцами нескольких других дивизий и познакомился с ними. У большинства из них настроение было боевым, но кое-кто, особенно из 23-й дивизии, держался иначе. Как мне показалось, это было связано с перемещением бывшего комдива-23 Ф. К. Миронова, который в то время где-то возле Саранска сколачивал красный казачий корпус из перебрасываемых туда отрядов хоперской бедноты. Старые товарищи с нетерпением ждали прибытия Миронова, который, по их словам, должен был «навести порядок» на Дону. В чем же этот «порядок» заключался?

Как я узнал, Миронов, по взглядам типичный середняк, находился раньше под влиянием эсеров и еще не обрел

твердого большевистского мировоззрения. Лично честный, он колебался, как колебалась порой часть середняков. Провозглашенный в марте 1919 года VIII съездом партии курс на прочный союз с середняком пока лишь начинал претворяться в жизнь. Когда он укрепится, перестанут колебаться такие, как Миронов, прекратится болтовня о «расказачивании» и сам собой затухнет вешенский мятеж. Такое мнение я услышал от некоторых работников политотдела армии. Возможно, думал я, но значит ли это, что мы должны ждать у моря погоды и не ликвидировать быстрее антисоветское восстание?

Гражданская война продолжала давать уроки классовой борьбы. Но она учила не только в политическом, а и в чисто военном плане. Я убедился в этом, как только начал работать помощником начальника штаба 14-й дивизии, непосредственно подчиняясь начдиву Степиню, комиссару Рожкову и начштаба Киселеву.

История этого соединения вкратце такова. Летом 1918 года была создана московская Особая бригада из рабочих полков Красной Пресни и Замоскворечья. Ее послали на Южный фронт, а осенью преобразовали в 14-ю стрелковую дивизию. При этом Особая бригада стала называться 2-й, а 1-ю и 3-ю бригады сколотили из различных добровольческих отрядов. В январе 1919 года командование дивизией принял молодой латыш-большевик, бывший офицер Александр Карлович Степинь (у нас его называли по-русски: Степин). Под его командованием соединение прошло большой боевой путь. К моему приезду Степинь отнесся с интересом. Он долго расспрашивал меня о прошлой работе, об обучении в академии и характере занятий, о профессорах, многие из которых были знакомы ему по совместной службе в старой армии. Начальник же штаба без всяких околичностей сунул мне карту в руки и сказал: «Ваша задача — вести ее, наносить положение войск наших и противника и немедленно отмечать все изменения». На этом введение меня в курс дела закончилось, и в дальнейшем я общался с Киселевым сравнительно мало. Можно было подумать, что он заранее поставил крест на ценности сведений, которые я добывал. Не предвидел ли он, что молодой штабной работник не будет ему полезен?

А на мой взгляд, я действительно вначале приносил мало пользы. Установил я это в первые же дни. Соберу свежие данные, нанесу на карту, тем временем пройдет несколько часов. Начинаю затем проверять информацию, так как на слово

в таком деле тоже верить нельзя (ведь от этого зависит своевременность боевых распоряжений и успех боя в целом). Проверю — ничего похожего. Возможно, четыре часа назад обстановка была именно такой, но мы непрерывно отступали, причем довольно быстро. Все уже успело перемениться. Радио тогда у нас, конечно, отсутствовало, телеграфом в степи не воспользуешься, а телефонную связь не успевали развернуть. Пока размотаешь катушку с проводами, линия фронта уже сместилась — сматывай назад. Связисты так и делали, причем побросали значительную часть своего имущества, ссылаясь на казачьи налеты и быстроту отхода. Как же установить расположение войск? Связных в моем распоряжении не было. А если бы и были, то все равно на 30-километровые рейды в оба конца расположения частей нашей дивизии уходило бы столько времени, что картина успевала бы стать другой. Вот если бы я сам мог собирать информацию в войсках. Но для этого нужно бывать там, а я сижу на месте, прикованный к штабу.

Прошла неделя. Моя неудовлетворенность своим положением росла час от часу, и я стал думать, как поставить этот вопрос перед Киселевым. Обстоятельства сами помогли. Как-то Степинь с адъютантами и ординарцами готовился к выезду в бригады. Увидев меня, начдив спросил, как идут дела.

— Неважно! Я не справляюсь с канцелярской работой, да и толку от нее при такой постановке дела не вижу. Штаб опаздывает с регистрацией изменений. Поэтому в жизни обстановка одна, а на карте другая.

— А вы умеете сидеть на лошади?

— Умею. И вообще люблю лошадей.

— Ну, так вот тебе кобыла,— перешел начдив сразу на «ты» (на «вы» он обращался подчеркнуто вежливо к штабным работникам, предпочитавшим седлу стул),— поступай в мое распоряжение, скачи в войска и узнавай, что нужно.

Я поблагодарил за лошадь, тут же оседлал ее и отправился в бригады. Дело сразу изменилось. Приеду, узнаю, что произошло, и нанесу на карту. Киселев стал прислушиваться к моим сведениям.

— А откуда вы это взяли? — спрашивал он вначале.

— Сам видел,— говорю.

Не знаю, проверял ли он меня на первых порах после этого, но картой, которую я готовил, теперь он пользовался часто. Степинь тоже приглядывался к тому, что я делаю. Убедившись, что работа пошла, он поручил мне следить за 1-й стрелковой

бригадой, в состав которой входили, в частности, подразделения интернационалистов. В дальнейшем я временно исполнял обязанности начальника штаба этой бригады.

Между тем наше отступление на северо-восток, в направлении реки Бузулук, продолжалось. Шло оно неорганизованно. Не только теория, совсем недавно преподававшаяся мне в академии, но и простой здравый смысл подсказывал, как надо поступать. Раз весь фронт, включая наших соседей — 8-ю и 10-ю армии, отступает и сразу наладить оборону нельзя, следует выставить в арьергарде прочные заслоны и поставить перед ними задачу любым способом на выгодных рубежах задержать противника. Тем временем отвести главные силы, собрать их в кулак и занять новый оборонительный рубеж. А у нас все шло не так. 14-й дивизии и без того было труднее всех, так как она отходила на север не по прямой, а через Цимлянскую, Нижне-Чирскую, Обливскую, Клетскую и Усть-Медведицкую станицы на Серебряково, описывая огромную дугу вдоль восточной излучины Дона. Вслед нам летели угрозы, а порой слышалась стрельба в спину.

Местные богатеи с нетерпением ждали «своих». Особенно трудно приходилось интернационалистам. Вражеская агитация неустанно подчеркивала, что донцы «спасают родину от недругов России». Авиация белых сбрасывала над отходящими красными войсками листовки, в которых говорилось о «гибели Советов». Порой попадались даже фальшивые экземпляры газеты «Правда», отпечатанные деникинской контрразведкой где-то в белогвардейском тылу. В них содержались выдуманные сводки с разных фронтов, из которых явствовало, что Красной Армии будто бы наступает конец.

В начале июня командующего 9-й армией П. Е. Княгницкого сменил начштаба этой же армии бывший царский полковник Н. Д. Всеволодов. Что же предпринимало в этих условиях новое армейское руководство? На мой взгляд, ничего существенного, хотя знал я, конечно, далеко не все. Политическая работа велась не столь интенсивно, как того хотелось бы. Во всяком случае, наша дивизия ее чувствовала слабовато. Газета «Красный боец» содержала мало информации и помещала немного политических материалов. Связь с политотделом дивизии у бригад и полков нередко прерывалась. Штаб армии присылал противоречивые распоряжения. Оборона должным образом не организовывалась. Ни задач по налаживанию взаимодействия с соседями, ни точных указаний о месте сосредоточения мы не получали.

Начдив Степинь постоянно находился в первой линии бойцов, подбадривал их своим присутствием. К начдиву все мы относились с большим уважением. В дивизии его хорошо знали, видели в нем смелого, инициативного командира и признавали его авторитет. Каждый из нас понимал, что не он виновник неорганизованности действий. Впрочем, не слышали мы подобных упреков и из штаба армии. Армейское командование либо безмолвствовало, либо отдавало такие распоряжения, что глаза на лоб лезли. Я не имел еще тогда достаточно боевого опыта. И все же не раз задумывался над явной бессмыслицей некоторых приказов. Особенно досадны они были потому, что положение оказалось крайне серьезным. Управление дивизиями в 9-й армии было нарушено. Боеприпасов не хватало. Тылы перемешались с войсками первого эшелона. Свирепствовали эпидемии. До четверти личного состава армии лежало на повозках в тифозной горячке. Казалось, что вся степь вокруг, все деревья, курганы, трава и воздух насквозь пропитались запахом сулемы и карболки.

Враг немедленно использовал наши ошибки. Проходя через какую-нибудь станицу, мы не были уверены, что из-за угла не вырвется вдруг с гиканьем казачий эскадрон. Женщины-казачки и даже их дети не сообщали нам сведений ни о чем. Зато армия генерала Сидорина имела впереди себя много глаз и ушей и располагала поэтому достаточной информацией о всех наших передвижениях. 3-й донской корпус, главные силы которого наседали на арьергарды нашей 9-й армии, выслал вперед, в тыл нашим арьергардам, казачьи отряды и разъезды, которые, прячась в оврагах и балках, пропускали мимо крупные красноармейские подразделения и налетали на мелкие группы красноармейцев, наносили им потери и создавали сложную обстановку для отступавших. Нам явно не хватало своей конницы.

В этой связи приходит на ум сопоставление опыта первой мировой войны с гражданской. На полях мировой войны при определенном соотношении сил линия фронта порой надолго застывала на одном месте. Особенно характерно это было для боев во Франции. Шла позиционная борьба, в которой кавалерию применять было нецелесообразно. Стали поговаривать о ее отмирании как отдельного рода войск уже в самом ближайшем будущем. Но вот вспыхнула гражданская война внутри нашего государства. Понятия фронта и тыла нередко оказывались перевернутыми. Сплошной линии окопов, прикрытых проволочными заграждениями, как правило, не было. Война приобрела маневренный характер с перемещениями больших масс войск

на огромные расстояния. И кавалерия возродилась, снова начав играть существенную роль и определяя нередко исход сражений. Пока что нам нечем было тут похвастаться. Южный фронт Красной Армии к июню 1919 года уступал деникинцам по численности конницы примерно в два с половиной раза.

Надеяться на помощь со стороны соседей не приходилось. 10-я армия, оборонявшая Царицын, сама еле отбивалась от кавалерийских соединений врангелевцев. Находившийся при ней конный корпус Буденного перебросили в полосу 9-й армии позднее. 8, 14 и 13-я армии, располагавшиеся западнее, не имели сил даже для того, чтобы остановить полки белогвардейских добровольцев, шедших через Украину, и погасить мятеж Махно.

Боевые действия в полосе 14-й дивизии развертывались следующим образом. В середине мая 2-я бригада находилась у станицы Екатерининской. Южнее, возле Усть-Быстрянской, стояла 1-я бригада. Еще южнее, у самого впадения Северского Донца в Дон,— 3-я бригада. 24 мая 2-й донской белоказачий корпус в составе 12 500 штыков и сабель нанес удар по нашему правому флангу. Наскоро сколоченные сводные отряды, пришедшие 2-й бригаде на выручку, не только отразили вражеский натиск, но и ворвались в Екатерининскую. Белый генерал Стариков был убит, противника охватила паника.

Однако севернее наша 23-я дивизия дрогнула и отошла. Тут казаки стали обходить 14-ю дивизию, прижимая ее к Дону. Чтобы не оказаться в мешке, нужно было либо форсировать Дон, оторваться от своей армии и уйти на юг, где у Маныча вела бои 10-я армия, либо срочно отходить к отодвинувшейся на север линии фронта всей 9-й армии в целом. Избрали второй путь, но не успели еще организовать отход, как 2 июня 1-й донской корпус в составе 7500 штыков и сабель нацелился на нашу 3-ю бригаду. Накануне к врагу перебежал изменник, дивизионный инженер, руководивший сооружением переправ через реки. Он выдал расположение охранения и главных сил 3-й бригады, что позволило противнику быстро окружить ее. Красные герои дрались до последнего патрона. Ускользнувшие от казаков несколько человек рассказали, что, когда надежды на спасение не осталось, комбриг Семенов, комполка Кузнецов и комиссары, чтобы не попасть в лапы противника, покончили с собой. В плен белым никто не сдался.

Так началось отступление, о котором я уже сказал выше. 4 июня у станицы Морозовской мы потеряли почти всю артиллерию. 13 июня после тяжелых многодневных боев в степях между Чиром и Курталаком подошли наконец к Среднему

Дону. А еще через два дня догнали 23-ю дивизию. К этому времени в строю у нас оставалось мало бойцов, а казаки Мамонтова все яростнее наседали на нас сзади. Отдельные группы наших товарищей, бродившие по степи в поисках своих частей, попадали в руки белых палачей.

С глубокой скорбью узнали мы о гибели политотдельцев дивизии во главе с начальником политотдела Чугуновым.

Арьергард 14-й дивизии отбивался тогда от врагов в районе станции Серебряково. Как всегда, тут же находился начдив Степинь, а с ним и мы, штабные офицеры. Противник видел нас как на ладони. Снаряды рвались совсем рядом. В момент одного из разрывов я был контужен. Степинь, заметив мое состояние, начал что-то говорить мне, но я ничего не слышал. Тогда он показал рукой на ближайший населенный пункт и потянул повод моей лошади в ту сторону, чтобы показать направление. Пришлось ехать туда. Я еле держался в седле. По-видимому, обстрел продолжался. Просто я временно оглох, поэтому ничего не замечал и только чувствовал порой, как лошадь дергается в сторону, наверное пугаясь близких разрывов.

Вдруг моя лошадь стала оседать на землю. С трудом высвободил я ногу из-под нее. Оказалось, что лошадь была сильно ранена осколком. Она билась на земле, вскакивала и снова падала. Кое-как я добрался до селения и вошел в первый же дом. В горнице на постели лежала женщина и подавала знаки, чтобы я не подходил. Кажется, у нее был сыпняк. Рядом стояло ведро с молоком, но тронуть его я не решился, а показал жестом, что хочу пить. Женщина махнула рукой в сторону сеней. Там я нашел чистую воду, но, как только напился, совсем ослаб. В село каждую минуту могли ворваться казаки. Посидев немного на крыльце, я поплелся в сторону железной дороги и, дойдя до полустанка, упал на сваленные в кучу бревна.

Отлежавшись, поднялся и почувствовал, что снова стал слышать. Сначала разобрал паровозный гудок, потом отдельные голоса и крики. У полустанка остановился поезд, из вагонов спускались вниз, под откос, красноармейцы. Я узнал, что это прибыл из Царицына пехотный батальон для охраны железнодорожной линии в сторону Поворино. Назвав себя командиру батальона, приказал занять оборону на кургане, прикрывавшем полустанок с юга. Только пехота рассыпалась вдоль холма, гляжу, скачет Степинь с адъютантами. «Что за отряд?» — спрашивает. Докладываю, кто это и какую задачу я поставил. Начдив одобрил распоряжение, поручил удерживать высотку, сколько сможем, и уехал. Вскоре показались белые. Несколько

раз залпами мы отражали их атаки. Но вот патроны кончились, стрелять больше нечем. А на флангах замаячили вражеские всадники. Бойцы полезли назад, в вагоны, и поезд двинулся на север. Командир батальона звал меня с собой, однако я не поехал, решив проверить этот район, где могли еще оказаться какие-то наши подразделения. За полустанком щипала траву кем-то брошенная лошадь. Поймав ее, я поскакал в сторону видневшейся на горизонте станицы.

Вскоре подъехал к глубокой балке. Как я ни понукал лошадь, спускаться вниз она не хотела. Оглянулся, а белоказаки уже невдалеке. Пришлось бросить лошадь и кубарем скатиться в балку. Заполз в кустарник, пересчитал патроны к нагану и решил отстреливаться до последнего, но живым в плен не сдаваться. Казаки, спешившись, рыскали наверху и внизу, ругаясь, что «комиссарик куда-то запропал». Я хорошо слышал их голоса. Потом кто-то закричал, что видит телегу, и разъезд ускакал за ней вдогонку.

Через некоторое время я вылез из балки и, оглядевшись, направился к ближайшему хутору. Там обошел дома со стороны риг и сараев и стал всматриваться. На улице виднелась повозка, а возле нее два человека. Одного из них я узнал: я ночевал у этого товарища, когда впервые попал в 14-ю дивизию. Он ведал артиллерийским снабжением. Позвал его, а он махнул мне рукой и крикнул, чтобы я скорее шел к ним. Оказывается, это за ними гнался разъезд. Мы быстро перепрягли лошадей и оставили хутор.

Через несколько верст показались наши отходившие на север войска. Меня положили на телегу, и я впал в забытье. Не знаю, сколько часов я так провалялся; очнулся на станции Серебряково. Облился холодной водой и стал выяснять обстановку.

Вдоль железной дороги на Панфилово отходила одна бригада нашей дивизии. Другая, по слухам, должна была находиться в районе хутора Сенное. Комиссар штаба армии Петров поручил мне отправить к Степиню артиллерийскую повозку со снарядами, а потом пробраться в Сенное и попытаться установить точное местонахождение бригады. Отослав повозку (позднее я узнал, что она дошла по назначению), я взял лошадь и поскакал искать бригаду. Это была скачка с препятствиями в подлинном смысле слова. Несколько раз мне приходилось пережидать в оврагах, пока скроются казачьи разъезды, а возле Сенного наткнулся на один из них. Решил пробиться. В то время я был еще не очень-то хороший рубака, больше надеялся не на шашку,

а на наган. На полной скорости пустил лошадь вперед, стреляя по казакам из нагана. Получил удар шашкой в руку, но прорвался. Отстали от меня казаки уже близ самого хутора.

В Сенном увидел командарма-9 Всеволодова и двух членов Реввоенсовета армии. Командарм стал меня расспрашивать. Произошел разговор, навсегда врезавшийся мне в память:

— Вы кто?

— Помнаштадив-14 Мерецков.

— Что делаете здесь?

— Устанавливаю местонахождение нашей бригады.

— Откуда прибыли?

— Со станции Серебряково.

— Дорога туда хорошая?

— Скверная. Я вижу, возле дома стоит ваш автомобиль. На нем не проедете, после дождя глубокая грязь.

— Ну, ничего, проберемся. А вокруг спокойно?

— Вся местность запружена белыми разъездами, а вдали я видел крупные кавалерийские отряды.

— Не может быть, врете!

— Как вру? Я только что дрался с одним разъездом, еле отбился.

— Вы морочите мне голову. Вы трус! Сейчас я поеду этой же дорогой на автомобиле. Там и в помине нет никого. Белые могут быть в Серебряково, но не здесь. Вот мы их и обстреляем.

— Ехать этим путем нельзя, разве что вы собираетесь попасть к белым в плен. Тогда другое дело. В Серебряково же стоят не белые, а наши. Разрешите идти?

— Идите! — и вдогонку пустил грубое выражение.

Вслед за мной вышли члены Реввоенсовета армии и накинулись на меня: «Разве можно так разговаривать с командармом? Попадете под арест!» Я ответил, что не попаду. Если он собирается сделать то, что сказал, то арестовывать придется кого-то другого. В Серебряково — бригады Степиня. По ним командарм хочет стрелять. Они увидят, что стрельбу ведут отсюда, заметят в поле перед хутором белых, подумают, что и здесь белые, и откроют ответный огонь. Произойдет столкновение между своими.

— Вы бросьте эти разговорчики,— сказал один из членов Реввоенсовета, Б. Д. Михайлов.— Мы всерьез предупреждаем!

Тут из дома вышел командующий армией и полез на колокольню стоявшей рядом церкви. Вижу я, что сейчас, действительно, он даст сигнал к стрельбе. Прошу разрешения у Михайлова объехать поле стороной, добраться до станции лесом

и срочно связаться с нашими бригадами и с находящимся в Серебряково комиссаром Петровым. Услышав, что я видел на станции Петрова, члены Реввоенсовета переменили тон и немедленно дали разрешение. Только я поскакал к лесу, как началась артиллерийская перестрелка. На счастье, гляжу, опушкой бежит Петров со штабным знаменем в руке. Остановив комиссара, я рассказал ему о происходящем. Он повернул к колокольне вразумлять командарма, а я пошел на другой конец хутора, нашел там бригаду и объяснил ее командиру, как лучше выбрать дорогу. Вскоре дали команду отходить на Поворино, и мы двинулись в путь.

Всю дорогу я отмалчивался, хотя и был страшно зол. Зато другие, не переставая, обсуждали случившееся. Свидетелей имелось немало, и никто не понимал, зачем командарму, не разобравшись, понадобилось через головы белоказаков, хорошо заметных с колокольни, бить по кому-то, кого он сам не мог разглядеть, да к тому же ему говорили, что это — свои. А меня еще больше злило, что опять отступаем как попало. «В сторону Поворино» — что это значит? Ведь вся армия на одной станции не разместится. Кто будет прикрывать Новохоперск? А кто — Елань? А кто — путь на Балашов? И почему мы не обороняемся, не создаем промежуточных рубежей? Тянемся на север от Серебряково уже довольно долго и выполняем приказ точно, но тот ли это приказ, который нужен? Или же просто я не вижу всего со своей маленькой вышки, а армейскому начальству виднее?

Под утро, качаясь на ходу в седле и держась за повод, я задремал. Чувствую, трясут меня за плечо. Открыл глаза — а это члены Реввоенсовета.

— Откуда вы знали, что Всеволодов собирался изменить?

— То есть как изменить? — не понял я.

— Вы не скрывайте, говорите все, что вам известно. У вас были какие-то данные?

Я все еще не мог сообразить, что конкретно они имеют в виду, подумал, что они вернулись ко вчерашнему инциденту, и сказал:

— Как там хотите, а я говорил, что думал. Если человек совершает нелепые поступки, вредные для нашего дела, и не прислушивается к донесениям, то объективно он помогает противнику. Конечно, тут недалеко до измены.

— Теперь уже поздно сокрушаться об этом,— заскрипел зубами Михайлов.— Он у белых! А ты, парень, не сердись и скажи, откуда ты знал?

Командарм сбежал, переметнулся к врагу! Вот так история! Теперь понятно, почему вчера он так подозрительно вел себя! Наверное, давно замыслил измену, иначе 9-я армия по-другому строила бы при отступлении свои боевые порядки. Совершенно ошарашенный, я медленно свыкался со страшным известием. А члены Реввоенсовета все выспрашивали у меня какие-то сведения. Предстоял военно-судебный разбор обстоятельств дела. Они были рядом с предателем, да не один день, и проморгали измену. Им грозил трибунал или, вполне возможно, исключение из партии. К сожалению, я мало чем мог помочь. Повторил еще раз слово в слово вчерашний разговор со Всеволодовым. Штабной писарь тут же записал сказанное, мы все расписались. С тех пор я и помню детали этого эпизода.

Около полудня я принял дела начальника штаба 1-й стрелковой бригады. Нам придали кавалерийский полк нашей же дивизии и приказали отбить у противника хутор Чумаковский, захваченный белоказаками той же ночью. Они преградили нам дорогу на Поворино. Нужно было сбить врага с позиции. Вдоль лесной опушки гарцевали донцы, стремясь побудить нас к неорганизованным действиям. Но мы спокойно изготавливались к атаке. Тогда противник решил упредить нас и сам пошел в атаку.

Казаки мчались с гиканьем и свистом, свесившись набок с лошадей и выставив пики. Пехота заволновалась, нужно было воодушевить ее. Кавполк еще не успел развернуться и осаживал одним крылом. Чтобы побыстрее рвануть другое его крыло вперед и прикрыть пехоту, комбриг, комиссар бригады Ефунин и я выехали перед строем кавалеристов и дали шпоры. По копытному гулу я почувствовал, что красные конники мчатся следом. Сначала мы трое скакали рядом. А потом лошади понеслись сами во весь карьер. Моя оказалась резвее других. Она вынесла меня резким рывком, а на все остальное понадобилось несколько минут. Стреляя на ходу из нагана, я увертывался от нацеленных на меня казачьих пик. Казаки проскочили мимо, но один из них успел рвануть из-за спины карабин и почти в упор выстрелить. Я почувствовал, как обожгло голень. Держать ногу в стремени стало трудно. Два товарища, видя, как я сползаю с седла, подхватили меня на руки и отвели в сторону, потом разрезали сапог и кое-как забинтовали рану.

Белые отступили, и 14-я дивизия пробилась к Поворино. До вечера мы преследовали казаков, а потом вернулись в Чумаковский. Мне с каждым часом становилось все хуже. На хуторе

нашелся фельдшер, но у него не было хирургических инструментов. Тогда он прокалил на огне стальной крючок. Товарищи зажали меня покрепче, чтобы я не дергался от боли, а старичок стал ковыряться в ране и наконец подцепил застрявшую там пулю. Потом он наложил мне свежую повязку, боль постепенно утихла, и я уснул. Сутки пролежал спокойно. Затем рана начала гноиться, боль возобновилась. В хату пришли друзья по бригаде и дивизии. Приехал навестить меня и Степинь. Его назначили командармом, как человека, доказавшего свою преданность делу революции и проявившего большую смелость в тяжелых условиях. Мы тепло попрощались, и меня отправили на операцию в госпиталь. Больше мне не довелось увидеть 9-ю армию. Находясь на излечении, я пытался следить за ее судьбой. Кое-что рассказывали случайно встречавшиеся бывшие сослуживцы. За нанесенный врагу урон под Екатерининской нашу 14-ю дивизию наградили орденом Красного Знамени. Его вручил комиссару перед строем бойцов М. И. Калинин. В июле 1919 года 9-я армия заняла позиции у Балашова, прикрывая дорогу на Ртищево. Осенью она, в составе уже Юго-Восточного фронта, снова двинулась на Дон, вышибла белоказаков из Новочеркасска, потом прошла на Кубань и освободила Екатеринодар (Краснодар).

Я не смог сразу вернуться в строй и пролежал в госпитале до осени. Меня подлечили как следует, и я уехал в Москву: пришло распоряжение откомандировать всех оставшихся в живых слушателей первого набора Академии Генерального штаба для прохождения второго курса.

Третье военное лето

От Москвы до Умани.—
Идем в прорыв! —
Житомирская притча.—
На полях Галиции.—
Львовский поворот.

В третий раз я участвовал в боевых действиях на полях гражданской войны летом 1920 года. Кончалась вторая передышка. Многие фронтовые армии, незадолго до этого превращенные Советским правительством в трудовые и направленные на восстановление транспорта, шахт и на заготовку дров, опять стали под ружье.

С запада и с юга Советской России угрожала новая опасность. Хорошо шли дела у нас на востоке, на севере и на Кавказе. Но в Крыму собирал остатки деникинцев провозглашенный «главнокомандующим вооруженными силами юга России» барон Врангель. А на западе буржуазно-помещичья Польша упорно не хотела идти на мир. Воззвание ВЦИК к Польше осталось без ответа. Вскоре белопольские войска перешли в наступление, а 25 апреля захватили Киев.

12 мая в РСФСР вновь ввели военное положение. Командующим Западным фронтом назначили М. Н. Тухачевского. 15-я и 16-я армии должны были нанести по белополякам основной удар. Тем временем Юго-Западный фронт обязан был очистить от врага Центральную Украину. Командующий фронтом А. И. Егоров спешно стягивал силы в район Приднепровья. Газеты оповестили о партийных и рабочих мобилизациях. Уже отдавшие ранее фронтам лучших людей, пролетарские центры страны слали на запад и юго-запад новые рабочие полки. Сворачивались занятия на командирских курсах, и молодых красных офицеров досрочно направляли в действующую армию. Опустела и наша академия. В мае большая группа слушателей была откомандирована в Харьков, где находился штаб А. И. Егорова.

До Харькова мы добирались кто как мог. Одна из групп «академиков» (как нас называли в шутку) попала в вагон, который прицепили к поезду члена Реввоенсовета фронта И. В. Сталина. Другим членом РВС Юго-Западного фронта назначили латыша Рейнгольда Иосифовича Берзина. Талантливый литератор, участник первой русской революции, прапорщик-фронтовик в дни мировой войны, один из руководителей боевых операций против белопольского корпуса Довбор-Мусницкого после Октября, главнокомандующий так называемым Западным революционным фронтом, а потом Северо-Урало-Сибирским фронтом и 3-й армией против Колчака, инспектор армии Советской Латвии, затем член Реввоенсовета ряда фронтов, Берзин был надежным и стойким человеком. Я познакомился с ним несколько позже. Не знал я раньше лично и И. В. Сталина, хотя слышал о нем, находясь на Южном фронте годом раньше.

Прибыв в Харьков, мы отправились в штаб фронта. Его начальник Н. Н. Петин не пожалел для нас доброго часа. Он обстоятельно рассказал об обстановке, ввел в курс событий и упомянул, что служить мы будем в 1-й Конной армии. Эту армию уже в то время знали все. Каждый слышал, как небольшой кавалерийский отряд Буденного, постепенно становясь полком,

бригадой, дивизией, корпусом, армией и набираясь опыта, громил вражеские войска Краснова, Богаевского, Мамонтова, Шатилова, Врангеля, Шкуро, Сидорина, Улагая, Покровского и других белоказачьих атаманов и деникинских генералов. Воевать под конармейским знаменем было немалой честью. Вместе с тем это означало, что нам предстояло очень скоро принять самое активное участие в операциях, ибо кого-кого, а уж Конармию держать в резерве не будут. И мы с нетерпением ждали минуты, когда вольемся в этот коллектив, овеянный боевой славой. Но начштаба повел нас сначала к командующему фронтом. Александр Ильич Егоров тепло напутствовал молодых генштабистов, после чего с нами пожелал встретиться И. В. Сталин.

В комнате Сталина беседа текла дольше. Мы сидели и отвечали на вопросы, а член Реввоенсовета фронта ходил, покручивая в руках трубку, неторопливо задавал нам вопросы, выслушивал ответы и снова спрашивал. Сотни раз с тех пор беседовал я со Сталиным и в похожей, и в иной обстановке, но, конечно, в тот момент о будущем я не мог и подозревать. Кто бы мог подумать, что наступит время, когда мне доведется в качестве начальника Генштаба, заместителя наркома обороны и командующего фронтами разговаривать с этим же человеком — Генеральным секретарем ЦК нашей партии, Председателем Совета Народных Комиссаров и Верховным главнокомандующим! Однажды, уже после Великой Отечественной войны, Сталин спросил меня: «Товарищ Мерецков, а с какого времени мы, собственно говоря, знакомы?» Я напомнил ему о поезде Москва — Харьков и о майской беседе 1920 года. Сталин долго смеялся, слушая, как я тогда удивился, что первый вопрос, который он задал группе генштабистов, касался того, знакомы ли мы с лошадьми. Действительно, разговор шел в тот раз сначала примерно такой:

— Умеете ли вы обращаться с лошадьми?

— Мы все прошли кавалерийскую подготовку, товарищ член Реввоенсовета.

— Следовательно, знаете, с какой ноги влезают в седло?

— А это кому как удобнее! Чудаки встречаются всюду.

— А умеете перед седловкой выбивать кулаком воздух из брюха лошади, чтобы она не надувала живот, не обманывала всадника, затягивающего подпругу?

— Вроде бы умеем.

— Учтите, товарищи, речь идет о серьезных вещах. Необходимо срочно укрепить штабы 1-й Конной армии, поэтому вас

туда и посылают. Тому, кто не знает, как пахнет лошадь, в Конармии нечего делать!

Штаб фронта перемещался тогда в Кременчуг. Добравшись вместе со штабом до этого города, мы должны были дальше уже сами искать Конармию, находившуюся где-то на подходе к Умани. В штабе фронта нам сказали, что основной штаб Конармии разместился в Елисаветграде, а там будто бы нетрудно узнать, где остановился полевой штаб. Начальник основного штаба Н. К. Щелоков оказался в отлучке, но и без него выяснилось, что прямого железнодорожного пути из Елисаветграда в Умань нет. Лошадей нам обещали дать только в дивизиях. Значит, трактом через Новоукраинку, Тишковку, Новоархангельск и Бабанку не поедешь. А железная дорога описывала крюк: либо северный — через Смелу, Шполу и Тальное, либо южный — через Помошную и Гайворон. Как же добраться поскорей? Нас было несколько человек, вчерашних слушателей академии, направленных к С. М. Буденному в качестве штабных работников. Мы понимали, что нас ждут, да и сами не хотели опаздывать: через два дня должно было начаться наступление.

Вот и Умань. Пройдя через бесконечные сторожевые посты (сразу бросалось в глаза, что охрана штабов стоит на высоте), мы явились к армейскому начальству. Один красный казак поинтересовался, чего мы тут шляемся.

Ответили, что мы из Академии Генштаба. «Пленные?» — ухмыльнулся тот. «Смотри,— говорим,— как бы мы тебя самого сейчас в плен не взяли!» Парень сделал большие глаза и пошел докладывать.

Мы думали, что увидим начальника полевого штаба С. А. Зотова, но к нам вышли первый член Реввоенсовета армии, он же командарм, Семен Михайлович Буденный и второй член РВС Климент Ефремович Ворошилов (с третьим членом РВС Сергеем Константиновичем Мининым мы познакомились позже). Оглядев нас с ног до головы, Ворошилов заметил:

— Вероятно, нам неправильно о вас доложили.

— Нет,— возражаем,— мы действительно генштабисты, вот наши предписания.

Завязался разговор. Так я впервые познакомился с двумя славными героями гражданской войны. Потом нас накормили и поторопили с отъездом в свои дивизии. Меня определили в 4-ю кавалерийскую дивизию Д. Д. Коротчаева помощником начальника штаба дивизии И. Д. Косогова по разведке. Другой помощник ведал оперативной работой.

Ко мне назначили писарем одного бывшего студента; сказали, что он грамотный товарищ, но неорганизованный. Он действительно оказался неплохим работником, строчил бумаги бойко, я с удовольствием избавил себя от излишней писанины, целиком отдавшись постановке разведки. В мои обязанности входило представлять начальнику штаба дивизии проект дивизионного донесения в штаб армии, для чего вначале нужно было собирать разведданные. В целом разведка в Конармии была хорошей, но о новом противнике знала мало. Штаб фронта в туманных выражениях сообщил, что против нас стоят пехотные части 2-й польской армии, кавалерийская дивизия Карницкого и отряды бывшего царского офицера, в тот момент атамана Куровского. Начальник разведотдела армии И. С. Стройло сам не имел достаточных сведений о враге.

Прежде всего, я не понимал, почему мы воюем с белополяками, а натыкаемся всюду на банды Куровского. Позднее выяснилось, что белополяки выставили бандитов по всей линии фронта как заслон. О силах своих хозяев бандиты ничего толком не знали, да и воевали кое-как. Набранные в основном из всякого сброда, они относились к числу тех, кто годом раньше именовал себя «зелеными», а теперь окончательно скатились в лагерь контрреволюции.

В конце мая 4-я дивизия прорвала бандитский заслон и вступила в соприкосновение с солдатами Юзефа Пилсудского. И тут сразу продвижение замедлилось.

— Слушай, разведка,— говорил начштаба,— где твои глаза? Мы — конница. Наша работа — прорваться на фланге, ударить по тылам, атаковать огнем и клинком, применяя маневр на широком просторе, а не тянуть дивизию на проволочные заграждения. Ищи обход!

Я и сам видел, что Конармия зачастую воюет не по-кавалерийски, а постоянно спешивается, чтобы пробиться через проволоку и окопы. Так фронта не прорвешь! Но где найти этот проклятый обход?! Немногочисленные пленные в один голос твердили, что всюду одно и то же. Разведотряды, куда я их ни направлял, натыкались на плотный артиллерийско-пулеметно-ружейный огонь и глубоко эшелонированную оборону. Может быть, комбриги что-либо знали? Стал я выспрашивать командиров бригад. Комбриг-3 А. А. Чеботарев охотно отвечал на вопросы, но сам недоумевал, где найти обход. Он говорил, что прошедшей зимой под Батайском бригады напоролись на прочную оборону деникинцев в болотах и тоже успеха не добились. Нужно менять

в таких случаях тактику боя, искать что-то новое. А комбриг-1 Ф. М. Литунов в ответ на мои вопросы ворчал:

— Кто у нас разведка, ты или я? Это твое дело показать мне, как расположился противник, а мое дело воевать.

Комбрига-2 И. В. Тюленева мне редко удавалось поймать. Кончился бой, лезу в самую гущу, а комбриг уже уехал смотреть трофеи. Я за ним в трофейную команду, а он уже у начдива. Я к начдиву, а Тюленев успел доложить обо всем, что узнал, и опять ускакал в полки. Только позднее я сообразил, что в некоторых случаях следует получать сведения и у самого начдива.

Постепенно выяснилось, что наши соседи испытывают те же затруднения. И 6-я дивизия С. К. Тимошенко, и 11-я дивизия Ф. М. Морозова, и 14-я дивизия А. Я. Пархоменко никак не могут преодолеть оборону противника и нащупать место для прорыва. Стало ясно, что здесь совершенно иные условия борьбы, нежели в степях Восточной Украины, Дона и Кавказа. Для меня это был полезный урок. Как Южный фронт в 1919 году был не похож на Восточный в 1918 году, так теперь Юго-Западный был не похож на Южный. Как же действовать кавалерии в условиях глубоко эшелонированной обороны противника? Искать, где она слабее. Затем отказаться от линейных фронтальных атак, собрать все силы в кулак, прорвать оборону в этом слабом месте и уйти в рейд, а там громить вражеские тылы.

Следует отдать должное польскому солдату. Солдаты воевали хорошо. Этому искусно способствовала буржуазная националистская пропаганда. Войскам противника назойливо внушали, что в их руках «судьба родины». В 1772 году Пруссия, Австрия и Россия осуществили первый раздел Польши, в 1793 году — второй раздел, в 1795 году — третий. Воссозданное Наполеоном герцогство Варшавское частично снова отошло в 1815 году к России. В 1918 году независимая Польша возродилась, а вот теперь русские опять хотят-де ее покорить. Это действовало. Уланы и жолнежи, даже окруженные, дрались до последнего и сначала в плен сдавались редко.

Только длительная интернационалистская пропаганда, разъяснение польским солдатам смысла происходивших событий, разоблачение грязной политики пилсудчиков и установление прямого контакта с польским пролетариатом могли дать здесь должный эффект. Но на это требовалось время. А пока что интервентов, на которых сделали ставку

международный империализм и реакционная белогвардейщина, необходимо было привести в чувство мощным ударом. И Конармия стала его готовить.

Удар наносила под Озерной наша 4-я дивизия. За ней следовала 6-я. Фланги обеспечивали 14-я и 11-я. Нам противостояли соединения бывшей, только что расформированной 2-й польской армии, попавшие в стык между оборонявшими Киев 3-й и Винницу 6-й польскими армиями.

Перед буденновцами поставили задачу пробиться к Бердичеву и разгромить вражеские тылы. 5 июня после затяжного и яростного боя противник дрогнул. 4-я дивизия ворвалась в Ягнятин, форсировав реку Ростовицу. Справа и слева прорвались наши 14-я и 11-я дивизии, а в Озерную вошла 6-я дивизия. Теперь вся Конармия вклинилась в расположение вражеских войск, которые пытались сжать нас с боков. По флангам Конармии ударили кавдивизия Карницкого с севера, кавбригада Савицкого и пехота — с юга. Но Буденный не стал отбиваться на флангах, а повел армию вперед, в глубокий рейд на северо-запад. Сзади нас сомкнулось польское кольцо. Так начался знаменитый Бердичевский прорыв. Еще через три дня 4-я кавдивизия ушла на Житомир, с ходу овладела им, освободив несколько тысяч пленных красноармейцев, потом повернула на восток и установила связь неподалеку от местечка Брусилов с Фастовской группой войск во главе с И. Э. Якиром. Это означало, что между Киевом и Винницей практически был создан «красный коридор».

Теперь можно было ударить с тыла по 3-й польской армии и освободить Киев. Однако вместо нас на Киев стала надвигаться с юга наша Фастовская группа, а Конармия снова повернула на запад. Я расценил это как необходимость продолжать рейд по вражеским тылам. 4-я дивизия вторично выбила польский гарнизон из Житомира и овладела городом. Начштаба ставил передо мной все новые задачи, требуя разведки в направлении то Киева, то Радомысля, то Коростеня, то Новоград-Волынского, то Шепетовки, то Бердичева, иными словами — во все стороны. Но дивизия пока не двигалась с места. Оказалось, что связь со штабом фронта была временно утрачена, перспективных же задач и примерного плана действий после прорыва мы не имели.

В те дни в Житомире со мной случилось одно происшествие. Занятый делом, я не мог подумать о квартире и сказал об этом коменданту штаба дивизии. Тот нашел мне

комнату и дал адрес, сказав, что в этом доме живет будто бы бывший генерал-губернатор. Прихожу я туда с ординарцем. Встречает нас молодая хозяйка со своим отцом и говорит, что комната занята для господина красного офицера, начальника разведки. «То есть для меня»,— пояснил я ей, расположился и ушел в штаб, а там заметил коменданту, что кто-то проболтался жителям и они знают о квартирантах лишнее: плохо храните военную тайну, дескать.

Освободившись на час, отправился я отдохнуть. Гляжу, сидит наша хозяйка и плачет. В чем дело? «Красные арестовали отца за шпионаж»,— отвечает. Звоню в особый отдел: надежна ли моя квартира? Особисты отвечают, что надежна, хозяина не они арестовали, но знают, кто это сделал, и сейчас распорядятся об освобождении. Успокоил я бедную женщину и вернулся по срочному вызову в штаб. Через час с разрешения Косогова опять пошел отдохнуть. Хозяин находился уже дома, но сидел угрюмый. Оказалось, что арестовали его дочь. Снова звоню в особый отдел. Особисты отвечают, что не они арестовали, однако знают, кто это сделал, и сейчас распорядятся об освобождении. Еще через полчаса сияющая женщина переступила порог своего дома.

Оказалось, что это комендант штаба так глупо и мелко мстил людям за собственную болтовню. Его сурово наказали. Ведь из таких «мелочей» слагалось отношение мирного населения к Красной Армии. Это тоже была по-своему политическая агитация, в которой ничем нельзя было пренебрегать, чтобы не дать пищу вражеской пропаганде.

Даже не двигаясь с места, Конармия морально давила на войска Пилсудского. Пленные показывали, что польские тылы охватила паника, что идет лихорадочная переброска подкреплений в район прорыва, а 3-я польская армия отступает из Киева, боясь окружения. Так чего же мы ждем? Скорее нужно отрезать ей пути отхода! И тут наконец прибыл долгожданный приказ из штаба фронта. 1-я Конная изготовилась к новым активным действиям. 6-ю и 11-ю дивизии Буденный повел на юго-запад, чтобы прикрыть зону прорыва от флангового удара со стороны следующих по пятам нашей армии польских уланов и пехоты. 4-я и 14-я дивизии под командованием Ворошилова двинулись на Радомысль, чтобы затем резко повернуть на северо-запад и ударить по группировке в районе Коростеня. Таким образом, армия временно разделилась. А ночью, неподалеку от Коростеня, нас атаковал скрытно подобравшийся

противник. Я был дежурным по штабу, объявил боевую тревогу и разбудил Ворошилова, а он тотчас бросил бригады в контратаку.

В течение суток обе стороны с переменным успехом вели напряженный бой. Все же мы отбросили врага, но он ценой потери части своей 7-й пехотной дивизии спас другие дивизии, отступавшие из Киева на Коростень. В этом сражении я был ранен. Уже уезжая в госпиталь и лежа пластом на тачанке, узнал, что место начдива-4 занял комбриг Литунов.

Примерно с неделю я лежал в киевском лазарете. Затем еще с неделю, ковыляя, ходил по городу, пользуясь случаем, чтобы осмотреть его. А как только рана затянулась, вернулся в Житомир. Теперь это уже был тыл. Стремительный конармейский прорыв привел к краху всей польской обороны. Успешно действовал и Западный фронт. По всей линии боев белополяки отступали. В Житомире мне сказали: «Если хотите догнать свою дивизию, седлайте коня и скачите в Ровно. Пока там еще паны. Но когда доскачете, будете как раз!» Я так и сделал.

Ехать пришлось двое суток. Вся дорога от Новоград-Волынского через Корец была усеяна польскими повозками, брошенными орудийными лафетами и другими следами недавних горячих боев. Навстречу вели группы вражеских пленных. Наступило 4 июля. Впереди слышалась канонада. Заходящее солнце поливало золотом ивовые заросли вдоль русла Горыни, где мы остановились поздно вечером напоить лошадей. А еще через несколько часов, спотыкаясь о спящих прямо на земле бойцов, мы с ординарцем шагали по улицам ночного Ровно, из которого только что был выбит противник.

На этот раз меня направили к С. К. Тимошенко, в 6-ю дивизию, на ту же должность помнаштадива. Начальником штаба здесь был К. К. Жолнеркевич. Он возложил на меня обязанности помощника не только по разведке, но и по оперативной работе. Это оказалось чрезвычайно полезным с точки зрения приобретения необходимых познаний. Вообще ни 1918, ни 1919 год, вместе взятые, не дали мне столько боевого опыта, сколько получил я в 1920 году, когда служил в Конармии.

Долгие годы находился я под впечатлением того, чему научил меня командарм С. М. Буденный. Что касается разведки, то в течение июля она носила особый характер.

Наступили дни, о которых потом пели в известной песне: «Даешь Варшаву, дай Берлин...» Казалось, что русская социалистическая революция уже шагнула за государственные границы, что вот-вот она сомкнется с неизбежным пролетарским восстанием в Польше, Северной Германии, Австрии, Румынии, что возродятся советские Венгрия и Бавария. Подъем рабочего движения в странах Европы позволял надеяться, что всемирное торжество трудящихся уже близко. В конце июля возник Польский временный революционный комитет. В начале августа образовался Ревком Советской Галиции.

В этих условиях перед Западным и Юго-Западным фронтами была поставлена задача сходящимися ударами с северо-востока и юго-востока пробиться к Варшаве. Войска М. Н. Тухачевского, освободив Минск, быстро шли на Вильно и через Пинск на Брест. Войска А. И. Егорова подтягивались к ним, постепенно поворачивая на северо-запад своим левым флангом и как бы обтекая Галицию. 12-я армия Г. К. Восканова оперировала в районе Сарн, готовясь идти на Ковель. Конармия нацеливалась на Луцк с перспективой Владимир-Волынский — Замостье — Люблин. Группа И. Э. Якира получила полосу Кременец — Броды — Рава-Русская. 14-я армия М. В. Молкочанова, действуя в Галиции, прикрывала Юго-Западный фронт со стороны Румынии. Теперь ближайшей задачей дивизионной разведки становилось прощупывание подходов к Луцку, и я работал над изучением рубежа Цумань — Олыка — Млинов.

И вдруг все переменилось. Из штаба фронта прислали указание о перемене оперативного направления: мы становились лицом не к Владимиру-Волынскому, а ко Львову, Якир — к Стрыю, 14-я армия — к Станиславу, то есть весь фронт менял северо-западный курс на юго-западный. Так было положено начало тому плану, который в период наивысшего напряжения боев привел к действиям Западного и Юго-Западного фронтов по расходящимся линиям и в конечном итоге явился одной из причин неудачи нашего наступления в Польше.

Конармия вела бои в четырехугольнике Здолбунов — Кременец — Броды — Дубно. Сражения носили чрезвычайно ожесточенный характер. Кавалеристы превращались в пехоту: подскакав к позициям врага, очень редко атаковали их в конном строю, а чаще спешивались и под ураганным огнем, нередко ползая по-пластунски, действовали как егеря.

Прорвем одну полосу обороны, но тут же встречаемся со второй, третьей.

Шла полупозиционная война, вроде той, какую мы вели в конце мая возле Белой Церкви. Люди вымотались, беря свое лишь урывками. Порой бойцы засыпали, лежа в поле под вражеским огнем. Многие, будучи раненными, оставались в строю. Все почернели и осунулись. Не хватало патронов, продовольствия, фуража. Ремонтные комиссии не справлялись с поставкой лошадей. Отсутствовало пополнение людьми. Но никакой передышки или хотя бы кратковременного отдыха не предвиделось. Напротив, ожесточенность боев непрерывно нарастала. В начале августа 6-я дивизия пыталась дезорганизовать войска противника между Козином и верховьями Стыри, однако безуспешно. РВС армии временно отстранил от должности и перевел в резерв начдива Тимошенко и начштаба Жолнеркевича. Их место заняли бывший комбриг-2 И. Р. Апанасенко и недавно приехавший на фронт слушатель Академии Генштаба Я. В. Шеко.

Неделя с 4 по 11 августа прошла в сражении за переправы через Стырь и за подступы к Радехову. Новое руководство дивизии действовало очень энергично, что оказалось кстати, так как вконец измотанные 4-ю и 11-ю дивизии С. М. Буденный своей властью вывел на отдых, а в первом эшелоне Конармии остались наша и 14-я дивизии да Особая кавбригада. Подчиненные Буденному соседи тоже напрягали все силы: на севере пехота взяла Луцк; на юге Золочевская группа И. Э. Якира с кавбригадой Г. И. Котовского и червоноказачьей дивизией В. М. Примакова упорно наступали на Ясенов. Апанасенко получил задачу овладеть Буском.

Это означало, что нашим бригадам доведется в ближайшие дни воевать в непролазных болотах по течению Буга. За нашей дивизией будет продвигаться 4-я. Поэтому мы должны были позаботиться о переправах не только для себя, но и для товарищей. Несколько дней я по особому заданию отыскивал броды на речках, конские тропы в заболоченных перелесках и готовил с выделенной командой подручные средства для переправы, а потом временно исполнял обязанности начальника штаба дивизии.

В середине августа Конармия собралась перейти в общее наступление, когда была остановлена встречным и фланговым ударами поляков. Развернулись напряженные

бои. Вскоре Конармию известили о переподчинении ее Западному фронту. Тем самым наступление на Львов отменялось. И как раз в это время я был отозван из-под Львова на третий курс Академии Генерального штаба (наряду со многими другими ее слушателями, тоже находившимися на фронтах).

Считаю не лишним повторить, что месяцы, проведенные в рядах Конной армии, сыграли очень большую роль в моем формировании как красного командира. Во всяком случае, вплоть до середины 20-х годов мои взгляды на военное искусство и практическое их воплощение в жизнь определялись опытом, вынесенным именно из боевых операций 4-й и 6-й дивизии 1-й Конной армии. Немало способствовала этому в дальнейшем и моя служба в Московском военном округе, которым вплоть до осени 1925 года командовал К. Е. Ворошилов. Если период с лета 1917 года до лета 1920 года был как бы первым этапом моего созревания как военачальника, то последующие пять лет явились вторым этапом, связанным с усиленным изучением опыта гражданской войны и участием в проведении охватившей тогда Красную Армию реформы.

Слово об академии

Красной Армии нужен свой вуз.—
Климович, Снесарев и Тухачевский.—
Как мы учились.—
Теория или практика? —
Новая линия.—
Опять в Судогде.—
Выпуск.

В годы гражданской войны мне трижды довелось проходить через аудитории Академии Генерального штаба. Это высшее военно-учебное заведение сейчас называется иначе — Военная академия имени М. В. Фрунзе (современная Академия Генерального штаба создана значительно позже, в 1936 году).

Стоит сказать несколько слов о том, как возникла первая академия Красной Армии. Еще в период борьбы за Брестский мир, когда зародилась и начала формироваться сама Красная Армия, стала ощущаться нехватка командных кадров вообще, штабных работников в частности. Центральный Комитет партии и Советское правительство решили

использовать кадры и учебное оборудование Военной (бывшей Николаевской) академии старой армии. Ведь многие офицеры, честные военные специалисты и патриоты, увидев, что Советская власть служит народу и выражает его интересы, уже перешли в то время на ее сторону.

Однако развернуть заново работу в столице академия не смогла по известным причинам: после подписания Брестского мирного договора Советское правительство, опасаясь возможного вероломного удара со стороны империалистической Германии, решило перебазировать на восток ряд учреждений. На западе создавалась так называемая завеса, нечто вроде полевых пограничных полков Петроградского, Западного и Орловского военных округов вдоль демаркационной линии. Тем временем на севере, в центре и на востоке спешно формировались территориальные дивизии Московского, Беломорского, Приволжского, Заволжского и Приуральского (последние два потом слились) военных округов. Туда же, под их защиту, эвакуировались многие предприятия и учреждения, а в их числе и Военная академия.

Никто тогда еще не предполагал, что вскоре пламя гражданской войны охватит как раз те районы, которые считались глубоким тылом. Академия разместилась в Екатеринбурге (ныне Свердловск) неподалеку от здания, в котором находилось под стражей семейство Романовых. Белогвардейцы усиленно рвались сюда, чтобы, освободив Николая II, сделать его знаменем контрреволюции. Екатеринбург мы не сумели тогда удержать. Правда, уральские рабочие успели расстрелять представителей царской династии. Но наши штабы, отступая, материальную часть академии с собой не прихватили. Кадры же академии были эвакуированы в Казань.

О том, что случилось в Казани, рассказывал нам И. И. Вацетис, после измены эсера Муравьева возглавивший летом 1918 года Восточный фронт, затем ставший Главнокомандующим, а у нас в академии являвшийся профессором. Личный состав академии расположился в Казанском коммерческом училище. Вацетис пытался склонить этих людей к службе в Красной Армии, но безуспешно. Откликнулись на речь командующего фронтом лишь несколько человек. А остальные дождались вступления в город белых и во главе с начальником академии старым генералом Андогским ушли в стан врага. Андогский возглавлял затем в Томске колчаковскую академию, а еще позже бежал в Маньчжурию.

Между тем Совет Народных Комиссаров выдвинул осенью 1918 года план создания 3-миллионной регулярной армии. Кто же должен был обучать ее, работать в штабах, командовать соединениями и частями? Военных специалистов не хватало. Большое число высокоодаренных по природе людей, выходцев из народа, ставших блестящими командирами, открыла сама гражданская война. Ряд старых специалистов честно служили Советской власти. Однако кадров нужно было еще больше. Вот тогда-то ЦК РКП(б) и Совнарком приняли решение организовать новую академию, военные училища, командные курсы и укомплектовать их в основном участниками Октябрьской революции и гражданской войны.

Напряженное положение на фронтах заставило сокращать срок обучения, и его определили в шесть месяцев. (Потом несколько раз увеличивали). Но даже шесть месяцев подряд почти никто не слушал лекций. Обычно люди, проучившись некоторое время, убывали в действующую армию, чтобы потом возвратиться и доучиваться. Так случилось и со мной. Некоторым пришлось курсировать так по три-четыре раза. Чаще всего зимой учились, а летом воевали, хотя были и исключения. Постепенное удлинение сроков обучения приводило к нежелательным последствиям: нерациональному распределению учебных дисциплин и нерентабельной трате времени. Но иного выхода тогда не было.

Создавали новую академию так. Реввоенсовет вызвал бывшего генерал-лейтенанта Антония Карловича Климовича из города Козлова, где он был уездным военруком, дал ему в качестве управделами будущей академии бывшего генерал-майора А. А. Яковлева и назначил комиссарами старых большевиков Эмилия Ивановича Козловского и Владимира Николаевича Залежского. С этого момента и начало формироваться в Москве высшее военно-учебное заведение общевойскового типа с генштабовским уклоном. Вначале академия разместилась в бывшем дворце Шереметева на Воздвиженке (сейчас — начало проспекта имени Калинина), занятом до революции Охотничьим клубом.

Начальство академии менялось. Климовича в 1919 году сменил командир корпуса в старой армии, магистр математических наук, в 1918 году помогавший Советской власти организовывать отпор немцам, Андрей Евгеньевич Снесарев. В 1921 году начальником академии стал М. Н. Тухачевский. В годы гражданской войны он был одним из виднейших

советских военных деятелей — командарм-1 и командарм-5, командующий Восточным, Кавказским и Западным фронтами, руководитель групп войск по подавлению кронштадтского мятежа и ликвидации антоновщины.

Из комиссаров кроме вышеназванных в мою бытность слушателем помню П. Н. Максимовского и В. Д. Виленского-Сибирякова. Из первых профессоров наиболее сильное впечатление на меня произвели Александр Андреевич Свечин и Василий Федорович Новицкий, в прошлом офицеры русской армии, перешедшие на сторону Советской власти, эрудированные специалисты военного дела, оригинальные мыслители, замечательные преподаватели. Хорошо знали они и штабную службу. Это было важно вдвойне, так как в 1918 году составление документов в Красной Армии кое-кто считал одно время чуть ли не буржуазным пережитком, и от этого предрассудка не сразу избавились.

Газета «Известия» сообщила о наборе слушателей в академию. Кроме того, разослали извещения в местные военкоматы. Формально требовалось обладать некоторым общеобразовательным цензом, но на деле это условие не соблюдалось. Главную роль при первом наборе играло наличие рекомендаций двух членов РКП(б), собственного партстажа и опыта военной работы, преимущественно в Красной Армии. В результате в академию попали люди с неодинаковыми знаниями. Кое-кто имел высшее образование, большинство — среднее, а некоторые — только начальное. Естественно, последним учиться было очень трудно.

К нам профессура относилась сначала довольно снисходительно. В 1918/19 учебном году существовали только две оценки на зачетах: «удовлетворительно» и «неудовлетворительно», причем я не помню, чтобы «неуды» бывали часто. Как правило, все получали удовлетворительные оценки. И тем не менее отдельные слушатели не смогли учиться в академии и бросили ее. Правда, каждый последующий набор был сильнее предыдущего. Рос уровень подготовки будущих красных офицеров Генштаба, росли и требования к ним. А некоторые слушатели оставили академию только потому, что не выдержали холодного скептицизма и несколько иронического отношения к ним со стороны профессуры, а также возненавидели медленно изживавшуюся преподавателями схоластику в обучении или сочли, что они и без того сумеют принести пользу истекавшей кровью Советской России. Среди последних были и настоящие само-

родки, например Василий Иванович Чапаев, не окончивший первого курса.

Мне шел в то время 22-й год. Большинству же слушателей было лет по 25—30. Многие служили еще в старой армии, в том числе офицеры, считавшие военное дело своей профессией на всю жизнь и желавшие получить как можно более прочные познания. Это порождало энтузиазм в отношении к занятиям, в тех трудных условиях совершенно необходимый. В политическом отношении слушатели были весьма сознательными людьми. Коммунистов насчитывалось с самого начала не менее трех четвертей коллектива, а в дальнейшем их число все время росло.

Однако я хорошо помню, что в нашем наборе имелись также левые эсеры и эсеры-максималисты, а примерно каждый шестой являлся беспартийным. Поступать в академию приехало человек 500. Приняты были приблизительно каждые два из пяти. В феврале 1919 года создали еще одно учебное отделение и набрали дополнительно человек полтораста. Они окончили обучение позже нас. В 1919/20 учебном году порядок набора повторился. Человек 250 составили старший курс, обучавшийся с осени до весны, а с зимы до лета занимался младший курс. В 1920/21 учебном году кроме «старших» (с опытом гражданской войны) и «младших» (не имевших опыта) появился третий параллельный курс. Таким образом, год от году академия росла.

Современный офицер, знакомый с постановкой дела в теперешних военных академиях и в училищах, вряд ли сумеет в полной мере представить себе, как мы тогда учились. Даже самое детальное описание не передаст всех черт тогдашней учебной жизни в ее неповторимом и суровом своеобразии. Это касается, впрочем, не только академии. Когда приехали кандидаты в слушатели, а потом остались на учебу уже просто слушатели, понадобилось общежитие. Нас устроили в доме неподалеку от храма Христа-Спасителя. Мы не раз видели толпы верующих, направлявшихся в храм по православным праздникам. Замечая, как они стучали зубами в морозные дни, мы машинально оглядывались в своих комнатах, соображая, что бы такое можно было еще бросить в печку, но ничего не находили. Стояли одни кровати, а другой мебели почти не было. Поэтому мы охотно ходили на разгрузку дров, так как знали, что вернемся с поленьями под мышкой. Вообще же все дневные часы, кроме обеденных, мы тратили на учебу.

Что касается обеда, то он по тому времени считался роскошным. Нам выдавали на день два фунта хлеба, несколько золотников сахару, пшенную кашу и воблу. Два-три раза в неделю ели мы даже мясо, чаще всего конину.

В аудиториях мест не хватало. Поэтому слушатели торопились занять себе на скамье место. Порой в одном углу комнаты чертили рельефы, в другом анализировали схему битвы при Бородино, в третьем изучали факультативно немецкий язык, а в четвертом заседавшая там хозяйственная комиссия решала, стоит ли давать в общежитие слушателю тумбочку. В этих аудиториях мы ежедневно слушали по четыре лекции и проводили еще по два практических занятия. После того как на черном рынке предприимчивый завхоз купил гимназические учебные пособия, дело пошло лучше.

Библиотекой мы располагали немалой. Только пользы от нее было немного. Бывшее достояние Охотничьего клуба, она щедро дарила читателю сведения об отличии пуделей от борзых или о методике ловли рыбы на удочку по способу Аксакова. Когда же появлялись привезенные от букинистов книги по военному делу, их следовало записывать на свое имя как можно скорее, потому что увидеть их снова уже никому не удавалось: большинству слушателей был чужд «буржуазный предрассудок» возвращать книги в библиотеку. Надеяться на одни записи лекций было нельзя. В аудиториях зимой стоял порою такой холод, что даже в варежках записывать было трудно. Некоторых выручала хорошая память. И все же мы обрадовались, когда заработала академическая типография и мы получили на руки программу курса и литографированные наставления по тактике, топографии и военно-административному делу.

Сначала я учился в академии с ноября 1918 по май 1919 года. В то время руководство академии частенько посылало людей в канцелярии разных управлений и ведомств и всеми правдами и неправдами добывало подручные средства для ведения занятий: карандаши, циркули, карты, бумагу. Макеты изготовляли в мастерских, нередко при прямом участии слушателей, среди которых было много бывших рабочих, мастеров на все руки. Писали на оберточной бумаге, на обоях или между строчками на страницах старых книг. Возьмешь, бывало, такую запись. Перед тобой лежит гимназическая хрестоматия, и ты читаешь стихотворение Фета:

Бледен лик твой, бледен, дева!
Средь упругих волн напева
Я люблю твой бледный лик.
Под окном, на всем просторе,
Только море, только в море
Волн кочующий родник.

На четных страницах книги между печатными строчками записана лекция о битве Ганнибала и римлян при Каннах. На нечетных страницах — лекция о материальном обеспечении современной дивизии в наступлении. Начальство торопилось, фронты требовали командиров, учебный план был жестким, и мы проходили сразу военные дисциплины в объеме программы юнкерских училищ и высший курс военных наук для слушателей академий, причем как бы нескольких: Генерального штаба, общевойсковой, артиллерийской и т. д. Четкое разделение по специальностям было проведено гораздо позднее, хотя и вначале отдельные группы слушателей комплектовались с разными военно-целевыми установками.

Весной начинались занятия в поле, на Ходынке. Мы не ограничивались аудиторным разбором схем, нарисованных мелом на доске. Лекции по общей тактике заняли в поле что-то около двух недель. Несколько дней уделили разведке и глазомерной съемке местности (для инструментальной не имелось пособий).

Уже в апреле 1919 года 20 человек отбыло на Восточный фронт. Нас известили также, что в самое ближайшее время человек 30 будет направлено на Южный фронт. Посылали в соединения и части (реже — в подразделения) с довольно высокими назначениями, но, когда те, кто уцелел, снова встретились осенью 1919 года, выяснилось, что почти никто не получил на месте повышения, а большинство потом попало на более низкую должность либо испытало бесконечные перемещения с одной должности на другую. Я (читатель, возможно, заметил) попал в ряды благополучного меньшинства.

Тяжелые условия учебы и работы закаляли крепких духом. Уже первый и второй выпуски дали ряд высококвалифицированных командиров, прославившихся еще в то время. Упомяну о таких известных военачальниках, как Павел Дыбенко, Иван Федько, Василий Соколовский, Борис Фельдман, Иван Тюленев, Семен Урицкий, Леонид Петровский. Немало толковых специалистов выпустил и так назы-

ваемый восточный отдел, учрежденный в 1920 году. Им руководил лично А. Е. Снесарев, вообще сыгравший огромную роль в развитии советского востоковедения, не только военного, но и как отрасли исторической науки. Правда, слушателей из этого отдела я знал хуже, так как они поступили в академию на два года позже меня и еще вследствие некоторой их обособленности: изучая дополнительные дисциплины (специальную географию стран Азии и восточные языки), они имели особую сетку учебных часов, не совпадавшую с нашей. Восточники очень гордились своей профессией. Одни из них занимались арабским языком, другие — турецким, третьи — персидским, четвертые — китайским, пятые — японским. Ряд выпускников этого отдела работали в дальнейшем советскими военными советниками в Китае. Они были приглашены туда Сунь Ят-сеном.

Все последующие годичные экзамены и зачеты «академиков» обставлялись весьма торжественно, но в 1919 и 1920 годах они были очень деловитыми. Особенно торопились весной 1920 года, когда два курса целиком, да еще с несколькими преподавателями, направили в армии Южного, Юго-Западного фронтов. Зато не в будничной обстановке прошел торжественный вечер по случаю начала работы академии.

Как учебное заведение академия стала действовать с 24 ноября 1918 года, а официальное открытие ее состоялось 8 декабря. Среди других выступлений мне особенно запомнилась короткая, но очень теплая и проникновенная речь, произнесенная тогда Яковом Михайловичем Свердловым, который дал напутствие будущим красным командирам и штабным работникам.

Что я вынес из академии? Очень многое. Жизнь моя сложилась так, что я не сумел получить систематического среднего образования. Однако все годы, насколько помню, я тянулся к знаниям, хотел расширить свой кругозор. Возможность приобрести военное академическое образование прямо соответствовала моему желанию стать кадровым военнослужащим, посвятить всю жизнь Красной Армии. И я с жадностью ухватился за сбывающуюся возможность. Пусть занятия прерывались, пусть были они недостаточно организованными, пусть не всегда давали тогда нам то, что более всего требовалось в условиях гражданской войны. Ни в коем случае я не хочу недооценивать школу, пройденную мной зимой и весной 1918, 1919, 1920 и 1921 годов. Напротив, скажу прямо, что участника боев под Казанью отделяла от помнаштадива-14,

а затем от помнаштадива-4 и 6 огромная дистанция. Иногда я задумываюсь и задаю себе вопрос: что дало мне больше, практика сражений на полях той войны или академическая теория? И не могу ответить на этот вопрос. И то и другое переплелось и слилось воедино.

Я видел, например, под Казанью, как много значит высокий боевой дух воинов, их сознательность, их преданность своему делу, их политическая стойкость. А спустя полгода постигал в ходе учебных занятий, сколь важно руководить этими же бойцами достаточно квалифицированно, как много зависит от умелого командира, и вспоминал при этом Говоркова. Прошло еще несколько месяцев, и я убедился, наблюдая за А. К. Степинем, что теория неразрывно связана с практикой, что в трудных условиях нашего отступления на юге в июне 1919 года менее талантливый начдив, чем Степинь, мог бы погубить очень много людей.

Семен Михайлович Буденный — исключительно одаренный красный командир, выросший в огне сражений гражданской войны,— явился во многом новатором, руководя крупными кавалерийскими соединениями. Сплошь и рядом он и другие военачальники 1-й Конной армии опрокидывали шаблонную теорию ведения войны, нывязывая белым невыгодные или непривычные для них условия боя. Значит ли это, что здесь всякая военная теория исчезала и все зависело только от природной сметки? Ничего подобного. Конечно, без сметки не обойдешься. Но речь шла, по сути, о неприменимости устаревших теоретических положений, о замене их другими, новыми. Вот эти-то новые взгляды и вырабатывались практикой действий 1-й Конной. И когда я совмещал услышанное ранее на лекциях с увиденным на фронте летом 1920 года, то еще раз убеждался, что ведение войны — это и наука и искусство, причем искусство сложное, требующее не только максимальной отдачи и использования природных способностей, но и серьезных знаний, а также творческого их применения.

Вот мы прорвали польский фронт под Бердичевом. Блестящая операция, рассчитанная на одновременное поражение противника в рамках крупного театра военных действий сразу на фронте и в глубоком тылу.

А вот Львовская операция, развернувшаяся через какие-нибудь полтора месяца: горькая неудача, связанная с рядом факторов, среди которых определенную роль сыграли и ошибки военно-оперативного характера. А разве Западный

фронт, наступавший в то время на Варшаву, действовал безупречно? Когда его командующий М. Н. Тухачевский стал начальником нашей академии, слушатели не раз обращались к нему за разъяснениями о случившемся. И из самих ответов Михаила Николаевича все мы видели, что нарушение некоторых законов ведения войны (необходимость прочной связи тыла с фронтом, правильное и налаженное обеспечение войск, умелое использование ошибок противника, концентрация сил на главном направлении) сказалось на общей неудаче тогдашнего наступления. И опять я убеждался: руководство войсками — это искусство!

Я не стал бы в то время мало-мальски толковым военачальником, не пройдя через горнило боев в течение трех кампаний 1918—1920 годов. Но полагаю также, что из меня не вышло бы ничего путного и в случае, если бы я не получил достаточно серьезной военно-теоретической подготовки. Особенно понадобилась она позднее, в период боев в Испании, в финскую кампанию и Великую Отечественную войну. Здесь опять теория и практика оказались неразрывно связанными. Обе они не стояли на месте, развивались, шли вперед, и снова не раз вспоминал я уроки прошлого, иногда для того, чтобы прямо их использовать, иногда — чтобы лишь оттолкнуться от них, а нередко — чтобы поступить уже совсем по-другому.

Очень многое зависело от того, кто и как конкретно читал нам лекции и вел занятия в академии. Скажу сначала об общем впечатлении относительно ее преподавателей, которое сохранилось в моей памяти с тех пор. Преподаватели были разными. Одни из них являлись, по-видимому, опытными командирами, но читали лекции плохо. В академию они попали по приглашению Реввоенсовета и теперь передавали слушателям те знания, которыми обладали, служа еще в старой армии. Другие были способными лекторами, но не для данной аудитории, где вместо привычного для них избранного офицерства рядом с бывшими офицерами сидели вчерашние рабочие и крестьяне, многие с весьма слабой общеобразовательной подготовкой. Были, конечно, и такие, которые умели устанавливать контакт с аудиторией, освещали вопросы популярно и в то же время научно, поэтому и пользовались они всеобщим уважением и любовью у слушателей.

Резкое недовольство слушателей вызывала подчеркнутая аполитичность ряда преподавателей. Пресловутый тезис «армия вне политики», которого все еще придерживались многие

из них, был для нас совершенно неприемлемым. Как это «вне политики», когда идет гражданская война? Как это «вне политики», если сама война есть не что иное, как продолжение политики иными средствами? Беззубое, «надклассовое» отношение к военному делу служило и могло служить только врагам трудящихся. Я бы не сказал, что такие преподаватели очень быстро перевоспитывались. Их консерватизм сохранялся довольно долго. Например, на первом году обучения лекции на социально-экономические темы вообще не планировались, считались факультативными. Посещать такие лекции было не обязательно. Тем не менее их посещали все с большим желанием. Разве можно оторвать от политики людей, связанных с ней всей своей деятельностью и смыслом самого существования?! От нас не требовали на первом курсе сдачи зачетов по общественным дисциплинам, но вникали мы в них глубже и основательнее, чем в любую отрасль военного дела.

Упорядоченной системы лекций социально-экономического цикла в то время еще не имелось. Многое зависело здесь попросту от наклонностей и уровня познаний лекторов, приглашаемых со стороны по инициативе партийной ячейки. Постепенно, однако, дело налаживалось. В 1919 году мы уже слушали курс лекций по марксизму (читал комиссар академии В. Н. Залежский) и курс лекций по внешней политике и тактике революционных боев (читал видный деятель революции Н. И. Подвойский).

Занятия по этим предметам нередко отменялись, то из-за занятости лекторов, то из-за внезапных общих выходов на заготовку дров. Слушатели, желавшие приобрести систематические знания, посещали Пречистенские рабочие курсы. В 1920 году к нам приходили также лекторы, направляемые МК РКП(б). Они выступали с докладами по текущему моменту или на важные теоретические темы.

Из лекторов, читавших курсы социально-экономического цикла в 1921 году, я запомнил нескольких. Политэкономию вел А. А. Богданов. Врач, экономист, политический деятель, в прошлом большевик, он со времени столыпинской реакции начал отходить от ленинских позиций. За путаницу в философских вопросах В. И. Ленин в своем труде «Материализм и эмпириокритицизм» подверг Богданова резкой критике. В 20-е годы Богданов интенсивно занялся медицинской деятельностью. Он был директором Института переливания крови. А в академии Богданов излагал вкратце содержание собственных работ по политэкономии. Изъяснялся он довольно туманно,

насыщая лекции сложной терминологией, не всегда понятной слушателям.

Курс истории читал Н. М. Лукин-Антонов. В основном он рассказывал о Французской буржуазной революции конца XVIII века, очень образно характеризуя ее видных представителей Марата, Робеспьера и Дантона. Лукин вступил в большевистскую партию еще в начале века и активно участвовал в работе московской парторганизации. Однажды он случайно узнал, что я распространял в 1913 году большевистскую газету «Наш путь», к созданию которой Николай Михайлович имел прямое отношение. Он долго расспрашивал меня о моей жизни и интересовался, не хочу ли я учиться на руководимом им факультете общественных наук в Московском университете. Но я отказался. Меня влекла служба в РККА.

Слушали мы также курсы лекций по Конституции РСФСР и военной психологии. Первый курс лекций освещал, по сути дела, теорию государства и права. Второй был любопытен постановкой вопроса о психологии широких народных масс во время революций и крупных войн. Оба курса читал профессор М. А. Рейснер. Лекции его были интересны, но по содержанию сложны, малодоступны.

Исторический материализм преподавал нам Б. И. Горев. От его лекций веяло порой меньшевистским душком, особенно когда он излагал вопрос о диктатуре пролетариата. Мы понимали это при всей недостаточности нашей подготовки, и не случайно. Положение на фронтах, пролетарское движение за рубежом, практика «военного коммунизма», повседневная жизнь партии — вот что занимало нас в первую очередь. Естественно, что мы реагировали очень остро на все, не совпадавшее с партийной линией.

Лекции по военным дисциплинам с самого начала были поставлены несколько лучше. Зимой и весной 1919 года первому курсу читали тактику, штабную службу, историю военного искусства, артиллерию, инженерное дело, топографию и военную администрацию. Кроме того, некоторые слушатели ввиду недостаточной общей подготовки посещали еще общеобразовательные занятия. Объем сообщаемых нам знаний нарастал с каждой неделей, а в мае состоялись выезды на тактические учения. Главным недостатком занятий была их оторванность от событий того времени. Нам очень хотелось, чтобы преподаватели тактики и военного искусства приводили примеры не столько из истории походов Александра Македонского против персов, принца Евгения Савойского против турок

или даже войн XIX века (лишь до этого периода доходили тогда преподаватели), сколько из истории войн русско-японской, первой мировой и гражданской.

По гражданской войне для нас организовали специальные лекции. Их читали Иоаким Иоакимович Вацетис, ранее сам окончивший Академию Генштаба, и бывший начальник полевого штаба Реввоенсовета Федор Васильевич Костяев. Вацетис до революции был полковником старой армии, Костяев — генерал-майором. Оба они хорошо знали военное дело, примеры приводили яркие и доходчивые, тем более что совсем недавно сами руководили советскими войсками, сначала на Восточном фронте, а потом в масштабе всей РСФСР. На их лекции ходили не только слушатели, но и преподаватели. Последние, слушая высказывания лекторов о недавних событиях, пожимали плечами: «Помилуйте, ведь это случилось только вчера, не все сведения о событиях пока собраны, к тому же здравствуют их участники. А они — заинтересованные лица. Возможна ли тут объективность? Академия — это вам не конъюнктурная лавочка».

Первым, кто согласился изучать с нами опыт мировой войны 1914—1918 годов, был профессор стратегии Александр Андреевич Свечин, вторым — профессор истории военного искусства Василий Федорович Новицкий. Оба они достигли высоких постов еще в старой армии, но теперь с увлечением отдавались делу воспитания красных командиров. Должен сказать, что из всех преподавателей именно Свечин и Новицкий оказали на меня наиболее сильное влияние в теоретическом отношении. Главное, что я вынес из их лекций, это необходимость избегать шаблона, стремиться к творческому использованию военного наследия.

Профессор Свечин, например, говорил, полушутя-полусерьезно: «Вы должны овладеть военной мыслью прошлого и узнать как можно больше, только после этого, если понадобится, вы сумеете делать все наоборот».

Некоторую роль в изучении опыта первой мировой и гражданской войн сыграло организованное в 1920 году группой слушателей военно-научное общество. К сожалению, я не успел включиться в его работу, так как уже готовился к выпускным экзаменам и ограничился поэтому прослушиванием чужих докладов. Особенно интересовали меня сообщения о технических новинках в зарубежных армиях.

К тому времени многие преподаватели уже изменили свою позицию. Раньше некоторые из них третировали опыт граж-

данской войны еще и потому, что она велась «не по правилам». Слабые били тех, кто казался сильнее. Аэропланы и танки были порой бессильны перед винтовкой. В тылах армий восставали люди, и подавление таких восстаний обусловливалось сплошь и рядом не военными мероприятиями, а принятием определенных социально-экономических и политических решений. Это не значит, что военная сторона дела ушла в небытие. Нет, она сохранилась и даже развилась дальше, но при этом получила особую окраску, вызванную возросшим значением классовой борьбы. И вот с каждым годом все сильнее стал меняться характер лекций, все больше и чаще нас учили на примерах вчерашних событий.

* * *

В январе 1921 года, когда у меня разболелась рана, мне предоставили на несколько дней отпуск. Пусть будет позволено мне сделать здесь отступление от рассказа об академии.

Свой отпуск я решил провести в Судогде, с тем чтобы жениться на дочери кадрового рабочего-металлурга Евдокии Петровне Беловой, за которой ухаживал уже пять лет. Медленно ползущие поезда, задыхавшиеся на подъемах, казалось, хотели съесть весь кратковременный отпуск. Пассажиры шли в лес с топорами и пилами, кормили паровоз дровами, он нехотя разгонялся, однако опять лишь до следующей горки. Наконец-то я прибыл. Утром 31 января Судогодский исполком, столь хорошо известный мне по прежней работе, вручил жениху и невесте брачные свидетельства. После этого большая компания старых друзей собралась отпраздновать нашу свадьбу у тогдашнего секретаря укома РКП(б), моего товарища Малкова. Не простое это было дело в то трудное время. Стол накрывали, как говорится, всем миром. Одному поручили принести хлеб, другому — рыбу, третьему — еще какое-то блюдо и так далее, а потом торжественно отметили новый рубеж в нашей жизни. 1 февраля мы сели в сани и поехали в Ликино, к родителям жены. Они встретили меня приветливо, а «оппозиция» выявилась с несколько неожиданной стороны. Младшие сестры жены завели в то время «приличные знакомства» и, несмотря на свое трудовое происхождение, посматривали на меня косо. Дело в том, что у новобрачного вид был не очень-то шикарный. На здоровой ноге у меня был черный сапог, а на больной — серый, более просторный. Гимнастерка была старенькая, залатанная и прожженная. Девушки

смотрели на меня во все глаза и в мое отсутствие, поддразнивая сестру, напевали частушку: «Наша Дуня — точно роза, а пошла за водовоза».

* * *

Наступил октябрь 1921 года — срок выпуска слушателей. Это был первый массовый выпуск академии. Перед этим мы держали государственный экзамен, выполняя три задания. Первое касалось одной из существенных проблем военного искусства — единства мысли и воли в стратегии и тактике. На доклад выпускнику отводилось 45 минут. Каждая лишняя минута вызывала снижение оценки. Уложиться же было не просто, если учесть солидные размеры задания и объем листов — приложений. Отличная отметка вдохновила меня перед сдачей следующего задания. Эта вторая тема носила исторический характер. Мне достались два сражения: Лютценское (Гросс-Гёршенское) и Бауценское. 20 апреля (2 мая) 1813 года под саксонским городом Лютценом Наполеон I нанес поражение русско-прусской союзнической армии под командованием П. X. Витгенштейна, бездарно руководившего после кончины М. И. Кутузова боевыми операциями. Под Бауценом на Шпрее 8—9 (20—21) мая 1813 года Наполеон снова разбил союзническую армию. От меня требовалось не только дать всесторонний анализ обоих сражений, но и сопоставить оперативное мышление полководцев. Этот экзамен я сдал на «хорошо», получив замечание от самого председателя комиссии В. Ф. Новицкого из-за того, что у меня в отчетном материале по вине машинистки была допущена опечатка. Профессор строго выговаривал мне за небрежность, непозволительную для офицера Генерального штаба.

На «хорошо» я сдал и третью тему, посвященную операции в масштабе армии. В ее основу был положен опыт боевых действий в годы первой мировой войны. До практического использования на экзаменах опыта нашей гражданской войны мы еще не дошли. Однако даже от разработки предложенной мне темы, достаточно актуальной, польза была, конечно, немалая.

В связи с окончанием академии группой слушателей был организован торжественный вечер. Праздничные подарки получили не только выпускники, но и их семьи. А затем мы разъехались по местам новой службы с назначением в кармане и горячими замыслами в голове, полные неуемной энергии и желания приложить свои знания на поприще создания кадровой Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Реформа

У Николая Каширина.—
Год 23-й.—
Дискуссия о реформе.—
Знакомые места.—
Что такое «мобилизационный план»? —
Горбатов, Перемытов, Ворошилов, Фрунзе...—
Путь Базилевича.

Меня аттестовали по окончании академии на должность командира бригады. Проведя месяц в отпуске, я попал затем в Петроград, в Отдельную учебную бригаду. Работа в ней считалась очень важной. Тем не менее М. Н. Тухачевский не согласился с этим назначением. Он сказал, что считает более целесообразным использовать 24-летнего комбрига как бывшего кавалериста в кавалерии и повел переговоры с Главнокомандующим С. С. Каменевым об отправке меня в Западный (Белорусский) военный округ. Поскольку до января 1922 года я находился в распоряжении штаба РККА, высшее начальство не возражало, и я уехал на запад.

В то время Белоруссия еще не вошла вместе с РСФСР в одно союзное государство. Как известно, СССР был создан в декабре 1922 года. Однако военный союз между советскими республиками предшествовал государственному. Он был порожден гражданской войной, служил делу совместной защиты Советской России, Украины, Белоруссии и Закавказья от империалистической агрессии и явился в дальнейшем одной из предпосылок их объединения в СССР. Что касается западной границы, то укрепление ее было одной из неотложных задач. Вот почему я оценил свое новое назначение как самое боевое и очень нужное.

В Белоруссии передо мною поставили задачу сформировать и возглавить штаб кавалерийского корпуса. Это нелегкое дело, если учесть, что штаб должен состоять из опытных и знающих работников. В течение двух с лишним месяцев срочно комплектовались кадры, отбиралась материальная часть. Но потом выяснилось, что торопиться с формированием штаба кавкорпуса было незачем, так как в Белоруссию прибыл штаб корпуса, которым командовал известный герой гражданской войны Н. Д. Каширин. Поэтому я был назначен начальником штаба 1-й Томской Сибирской кавалерийской дивизии.

Поскольку с Н. Д. Кашириным я прослужил вместе довольно значительное время, хочу сказать о нем несколько слов. От своего брата Ивана, тоже героя гражданской войны, Николай Каширин отличался отсутствием наклонности к щегольству, строгостью поведения и чуть более сухим характером. Это был человек беспредельной преданности делу Советской власти, подтянутый, организованный, вдумчивый руководитель войск. Один из предков Кашириных был в XVIII веке участником крестьянской войны во главе с Пугачевым. Отец Николая и Ивана, хоть он и служил казачьим атаманом в одной из приуральских станиц, слыл у властей неблагонадежным. В марте 1918 года братья Каширины создали первую советскую казачью сотню на Южном Урале и выступили против дутовцев. Летом того же года Оренбургский отряд Николая, партизанская бригада Ивана и 1-й Уральский полк В. К. Блюхера сливаются в Южно-Уральскую армию, которой командовали Н. Каширин и Блюхер. Она пробилась через белогвардейско-чехословацкий фронт и соединилась с Красной Армией, после чего повернула на восток и освобождала Урал и Сибирь от колчаковцев. Во всех этих боях Николай Дмитриевич проявил себя с наилучшей стороны. Понятно, что он пользовался теперь большим авторитетом и заслуженным уважением.

Однако состояние Томской кавдивизии меня разочаровало. Особенно катастрофическим оказалось положение конского состава. С протертыми чуть ли не до позвоночника спинами, сильно хромавшие лошади годились только на убой. Чтобы они не падали от изнурения, их в стойлах приходилось иногда подвешивать на ремнях. С детства любивший лошадей, я не мог равнодушно смотреть на несчастных животных.

Был получен приказ восстановить боеспособность дивизии, уделив особое внимание конскому составу. Штаб решил

начать не со всего соединения сразу, а заняться сначала одним из полков. Полк был приведен в порядок, но мы тут же его лишились: эту часть у нас забрали и передали в другую кавдивизию. Штаб взялся тогда за второй полк. Но когда положение в нем улучшилось, его тоже передали соседнему соединению. Так и продолжалось, пока не была восстановлена последняя часть. А когда забрали и ее, от Томской дивизии сохранился лишь штаб, и дивизию расформировали.

После этой работы, на которую ушло девять месяцев, я был откомандирован в Москву, в Главное управление кадров РККА. А тут как раз ЦК РКП(б) потребовал от наркомвоенмора выделить в распоряжение Главного управления Рабоче-Крестьянской милиции несколько лиц для инспекционной работы. В число инспекторов, направленных на полгода для проверки состояния РКМ, включили и меня. Хотя для меня это было совершенно новое дело, Наркомвнудел как следует загрузил меня работой, выделив для проверки сразу шесть местных управлений милиции — Мурманское, Кандалакшское, Петрозаводское, Тихвинское, Вологодское и Архангельское. Так состоялось мое первое знакомство с районом, в котором я позднее служил как командующий Ленинградским военным округом, потом в годы Великой Отечественной войны как командующий фронтами и после нее как командующий Северным (Беломорским) военным округом.

В целом поездка по северным губерниям оказалась очень полезной. Она расширила мой кругозор и обогатила меня наблюдениями, пригодившимися впоследствии. На обратном пути в Москву я встретил начальника штаба 15-го стрелкового корпуса М. М. Ольшанского. Мы разговорились о прежней службе, о повседневных впечатлениях. Он, как выяснилось, нуждался в помощнике. Как человека, уже побывавшего на штабной работе, Ольшанский пригласил меня на этот пост. Я не возражал. Речь шла о Северо-Кавказском военном округе, а меня интересовали проблемы постановки военного дела в разных экономических и географических условиях.

С запиской от М. М. Ольшанского я явился в Генеральный штаб и в том же 1923 году получил назначение на Кавказ. Направление давал Б. М. Шапошников. Со времен гражданской войны все командиры, проходившие через Генштаб, попадали в ведение этого аккуратного, выдержанного, трудолюбивого и организованного человека, который свои выдающиеся способности старого кадрового офицера отдал Красной

Армии, ставшей для него родной и близкой. С тех пор десятки раз я получал различные назначения. И почти всегда меня напутствовал в дорогу Борис Михайлович. Крупное лицо было неизменно спокойным, распоряжения — краткими и точными, слово «голубчик» — обязательным. Осенью я оказался на Дону, в местах, где всего четырьмя годами раньше сражалась памятная мне 9-я армия Южного фронта.

1923 год практически вошел в историю РККА как год начавшейся военной реформы, хотя формально начало ее датируется с февраля 1924 года. Реформа эта была вызвана двумя обстоятельствами — теоретическим и практическим. Первое упиралось в общую идею о том, какой должна быть армия в социалистическом обществе. Исходя из известных высказываний о непригодности старой армии для общества, где власть принадлежит трудящимся, ряд лиц во главе с Н. И. Подвойским, страстным пропагандистом Всевобуча, предлагал провести реформу в Вооруженных Силах СССР, придав им характер всенародной милиции швейцарского образца. При такой системе через военное обучение проходят все мужчины призывного возраста, способные носить оружие, но в мирное время долго никто не служит, а на случай войны призываются сразу массы. Эта система называлась милиционной. Что касается практических соображений, то они упирались в окончание гражданской войны, следовательно, в возможность провести реформу, которую на ходу, в условиях борьбы с врагами революции, осуществить было нельзя.

Другая группа лиц, возглавляемая самыми видными руководителями Красной Армии в период гражданской войны, тоже стояла за реформу. Однако ее направленность представлялась им иной. Не огромное милиционное ополчение слабо обученных военному делу трудящихся, а сравнительно небольшая, но зато превосходно обученная, кадровая армия — вот кто, по их мнению, способен был лучше всего обеспечить интересы и безопасность Страны Советов в переходный к социализму период. Другими словами, идею «непостоянно вооруженных масс» они заменяли идеей о постоянной регулярной армии. Не обходилось и без взаимных упреков. Первые бросали вторым обвинения в заимствовании системы регулярной армии старого, дореволюционного типа, в попытке использовать для общества трудящихся буржуазные методы военной работы. Вторые в свою очередь обвиняли первых в эксплуатации для нужд трудящихся буржуазной теории «вооруженного народа», ранее нашедшей наиболее яркое воплощение

в армии милитаристской кайзеровской Германии и чуждой советскому обществу.

Осуществление тех или иных планов армейской реформы зависело также от материальных ресурсов Советского государства. Как скоро мы выиграем конкуренцию с нэпманами и поставим все хозяйство на социалистические рельсы? Победит ли социализм сначала в городе или в деревне и городе одновременно? Люди какого образования, классового происхождения и социального положения будут призываться в армию? Когда и как сумеет промышленность СССР обеспечить РККА военной техникой? Наконец, в случае новой войны придется ли СССР ориентироваться в основном на свои силы (с учетом возможной, но не обязательной мощной поддержки со стороны зарубежных рабочих) или в ближайшее время все же произойдет мировая пролетарская революция?

В 1923 году, несмотря на ряд крупных революционных выступлений за рубежом, буржуазия отбила натиск рабочего класса, а в 1924 году начался период, который позднее получил название временной, частичной стабилизации капитализма. Постепенно становилось ясно, что нам придется строить социализм в одной, отдельно взятой, стране, не дожидаясь мировой революции.

Еще в 1923 году план военной реформы был принят в общем виде, а в дальнейшем этот план частично видоизменялся и совершенствовался. Партия и правительство остановились на мысли о создании такой кадровой армии, в составе которой будут и регулярные части, и милиционно-территориальные. Постоянными кадрами явятся высший, старший, средний командный состав, часть младшего комсостава и рядовых (сверхсрочники, особые службы). Все мужчины трудового социального происхождения будут призываться для военного обучения. Одни из них пройдут через службу в регулярных частях в течение разных сроков (в зависимости от рода войск), другие — недлительное обучение в территориальных частях, а в дальнейшем, по мере надобности, их станут призывать на краткосрочные воинские сборы. С некоторыми дополнениями эта система функционировала у нас до 1939 года, когда осложнившаяся международная обстановка в условиях приближавшейся второй мировой войны потребовала преобладания регулярных частей, а мощная промышленность страны победившего социализма позволила обеспечить такую армию новой военной техникой.

В основном реформу осуществили в 1924—1925 годах, хотя отдельные преобразования затянулись до 1928 года. Я принимал участие в реформе, как все командиры и комиссары РККА, выполняя на своем посту общие предначертания. Когда я находился на непосредственно командных должностях, это выражалось в обучении и воспитании нового пополнения по двум линиям: регулярной подготовки и милиционно-территориальной. Когда я вел штабную работу, это выражалось в методах комплектования, размещения, материального обеспечения и организации военно-учебного процесса конкретных частей и соединений. Впервые я занялся этой работой на Северном Кавказе в конце 1923 года. Как раз тогда специальная комиссия ЦК РКП(б), возглавленная секретарем ЦКК С. И. Гусевым, пришла после проверки состояния РККА к выводу, что в существующем виде Красная Армия небоеспособна. В феврале 1924 года Пленум Центрального Комитета партии принял решение о необходимости форсировать уже начавшуюся реформу, а в марте, чтобы оперативно провести решение в жизнь, был утвержден новый состав Реввоенсовета.

Первый опыт службы в условиях военной реформы был приобретен мною в 9-й Донской стрелковой дивизии. Раньше я работал начальником штаба дивизии только временно, да и то в дивизии кавалерийской. Девятимесячное пребывание на этой должности в пехоте было поэтому чрезвычайно полезным, тем более что Донскую дивизию ее командование и штаб стремились превратить в действительно регулярную. Прежде с регулярными пехотными соединениями я фактически не имел дела. Под Казанью в 1918 году такие соединения только еще формировались, представляя собой конгломерат различных отрядов. В 1919 году на Южном фронте 14-я дивизия, где я служил, тоже не могла считаться образцовой. Она была очень громоздкой, плохо поддавалась управлению и не имела современной техники. Фактически я там видел недостаточно организованное скопление людей с винтовками и орудиями, в разной степени обученных и дисциплинированных, хотя и обладавших высоким боевым духом. И когда перед нами встала задача превратить Донскую дивизию в так называемое опорное соединение Северо-Кавказского военного округа, я использовал то, что видел и чему научился прежде всего в Конармии, дивизии которой были лучше обучены, сколочены и вооружены.

Находясь в Томской дивизии, я наглядно уяснил себе, каким соединение не должно быть. Служа в Донской дивизии,

понял и впервые в жизни попытался показать практически, каким соединение должно быть. Но я еще не обладал опытом штабной работы в масштабе военного округа и не участвовал в достаточно крупных организационных мероприятиях. Возможность приобрести такой опыт была предоставлена летом 1924 года, когда меня перевели на должность начальника мобилизационного отдела Московского военного округа.

В Москву я прибыл в июле и представился начальнику штаба округа А. М. Перемытову. Откровенно говоря, я несколько опасался новой работы. Ведь мобилизационный отдел ведал такими вопросами, как перевод вооруженных сил мирного времени на военное положение, укомплектование кадров личным и конским составом, формирование новых частей и военных учреждений, обеспечение войск вооружением, снаряжением, обмундированием и обозом. Все это — важные проблемы, однако значительная часть работы осуществлялась в общем виде, на бумаге. А до этого я занимался непосредственным формированием и обучением войск. Я понимал, что, если хочу стать всесторонне развитым и подготовленным командиром, должен пройти и через подобную работу. Но как она пойдет? Меня радовало, правда, что командовал округом К. Е. Ворошилов. Это внушало надежду, что живым делом мы обязательно будем заниматься.

Вначале мои опасения как будто сбывались. Я не мог понять, хорош ли наш мобилизационный план или плох? Чтобы выяснить, чего стоит каждый документ, какие люди стоят за ним, чему и как они будут учиться, что станут делать после призыва, для этого нужно побывать в воинских частях, посмотреть на округ в его реальном воплощении и на военкоматы, наконец, просто посидеть и подумать над идеями, лежавшими в основе новой работы. Но для этого необходимо оторваться от письменного стола. А я не мог этого сделать. Меня захлестнул поток бумаг. Мой предшественник так построил работу, что сотрудник отдела поневоле становился бюрократом. Я успевал лишь подписывать всякие реестры, отношения, инструкции, приложения и направлять их дальше. Решил я тогда посоветоваться с соседом, начальником организационного отдела Н. К. Горбатовым.

— Николай Константинович,— говорю,— вы служили еще в старой армии, в первую мировую войну являлись начальником мобилизационного отдела нашего же округа. Непосредственных подчиненных было у вас два помощника и два

писаря. Во всяком случае, так мне рассказывали. А когда началась война, МВО отмобилизовался хорошо. Единственное недоразумение, которое случилось тогда,— сломался ключ от шкафа с мобилизационными документами. Для ликвидации поломки слесарю понадобилось 10 минут, а потом все шло без перебоев. Так это или нет?

Горбатов смеется.

— Так.

— А теперь что происходит? В том же отделе аппарат вместо четырех в девяносто человек...

— Да у меня в отделе еще сорок человек,— добавляет Горбатов.

— Вот видите? Сто тридцать человек. А нам нужно создать мобилизационный план. Мыслимо ли это? Мы утонем в бумажном море. Оставить бы человек двадцать, остальных перевести на другие должности, переписку между комнатами внутри отделов совсем ликвидировать, внешнюю переписку свести до минимума, а потом разрабатывать конкретный план.

— Неплохо бы,— говорит Горбатов,— да только меня могут не послушать, скажут, что я старую линию гну. Но если вы, Кирилл Афанасьевич, внесете подобное предложение, я вас решительно поддержу.

Пошел я с докладом к Перемытову, изложил идею. Начальник штаба подумал, подумал и отвечает: «Верное предложение! Пойдемте к командующему».

Пришли мы к Ворошилову. Я доложил про все от начала до конца. Климент Ефремович посмотрел на меня, усмехнулся и спрашивает Перемытова:

— А этот парень не ликвидирует у нас вообще всю работу?

— Нет,— отвечает Алексей Макарович,— он правильно предлагает.

— Хорошо,— слышим ответ,— посоветуюсь с Михаилом Васильевичем.

Сел Ворошилов в автомобиль и уехал к М. В. Фрунзе. Часа через полтора вернулся, вызвал нас обоих и сообщил, что наркомвоенмор и член Реввоенсовета (председателем РВС Фрунзе стал позже) одобрил предложение, посоветовал слить мобилизационный и организационный отделы воедино, назначить Мерецкова начальником объединенного отдела, Горбатова — заместителем. Штаты сократить со 120 человек до 60.

— Если дело пойдет,— сказал Климент Ефремович,— а излишки вновь обнаружатся, можно сокращать дальше, пока не дойдем до требуемого минимума. Действуйте, товарищи.

Стали мы действовать. Ничего, получается. Появилось время и на места ездить, и документацию улучшать, и думать. Горбатов любил ощущать движение вещей и радовался переменам, рассказывая сослуживцам о новых порядках. Гляжу, его бывшие коллеги по дореволюционному штабу вдруг начали в коридорах очень вежливо раскланиваться со мной, а Горбатов посмеивается:

— Они боятся, Кирилл Афанасьевич, что вы и до них доберетесь!

Узнал про это и Перемытов. Только он отнесся к этому серьезно, пошел к Ворошилову и поставил вопрос о назначении меня помощником начальника штаба округа. Свое предложение мотивировал так: у нас почти все начальники отделов — бывшие генералы; когда он, Перемытов, бывший офицер, вносит какую-либо идею, они кривят презрительно губы и пытаются саботировать ее, дескать, этот выскочка, ходивший в нашем подчинении, теперь тщится что-то такое там показать; а на Мерецкова они смотрят как на человека, выдвинутого революцией, и спокойно ему подчиняются. Ворошилов отнесся к этим соображениям внимательно, и я вскоре действительно был назначен по совместительству помощником начальника штаба, а заодно по политической линии комиссаром штаба.

Казалось бы, под бременем трех должностей я должен был задохнуться. А фактически только теперь появилось у меня свободное время. Работа с мобилизационным планом пошла совсем по-другому. Центр ее тяжести был перенесен в войска, причем главное внимание уделялось их материальному обеспечению на случай развертывания.

А. М. Перемытова я все время держал в курсе дел. Когда реорганизация закончилась, мы вместе с ним пошли к командующему войсками округа. Ворошилов долго рассматривал схемы, а потом поинтересовался, каково положение в приграничных войсках. Перемытов ответил ему, что примерно такое же. Тогда командующий забрал все материалы и поехал с ними к председателю Реввоенсовета, которым в начале 1925 года стал Фрунзе. Вернулся он только к концу дня. Оказалось, что Фрунзе изучал схемы очень обстоятельно. Затем Климент Ефремович спросил, сколько времени ушло на данную работу. Отвечаю: если считать с проверкой сведений на мес-

тах, то шесть месяцев. А сколько человек выполняло ее? Пять человек, говорю.

Тут же командующий приказал предоставить всем пятерым полуторамесячный отпуск и отправить на курорт, в Гурзуф, вызвал сотрудника для особых поручений и дал указание премировать меня двухмесячным окладом. Я сказал, что в Гурзуфский санаторий меня не пустят, так как у меня маленький ребенок, а оставить семью и ехать один я сейчас не могу. Тогда командующий приказал выделить мне в санатории отдельную семейную комнату и добавил, что Михаил Васильевич высоко оценил проделанную работу и распорядился обратить особое внимание на ее исполнителей, предоставив им всем возможность хорошо отдохнуть.

Признаюсь, это меня растрогало. Это был первый такой случай в моей жизни. Сейчас мы уже привыкли к тому, что отдыхаем в санаториях или домах отдыха, что отпуск советского человека проходит полноценно. А тогда этого не было. Советская власть только еще налаживала в общегосударственном масштабе материальную базу курортов, число путевок было ограниченным. Да и не в этом главное! В конце концов всегда можно было поехать отдохнуть всей семьей в деревню. Дорога забота о человеке, чуткость по отношению к подчиненному. Вот ты делаешь нужное стране дело, трудишься на общую пользу, и это замечают. Поощрение всегда вдохновляет, придает силы, вызывает желание всего себя отдать любимой работе, трудиться не покладая рук. Нужно ли добавлять, что это послужило заодно уроком сотрудникам штаба, учило правильному отношению к подчиненным, воспитывало нас самих? Что касается пребывания в санатории, то поездку в Крым я отчасти использовал для того, чтобы по дороге ознакомиться с так называемыми национальными формированиями. Они составляли в то время не меньше десятой части нашей армии.

1925 год вошел в историю Московского военного округа, да и всей РККА как год частых и разнообразных организационных мероприятий. Упомяну здесь о наиболее важных. Во-первых, на разных командирских уровнях занимались изучением территориальной системы. Во-вторых, проводили опытные мобилизации, частично охватывавшие довольно крупные зоны внутри округа, с тем чтобы постепенно затронуть весь округ, проверив действенность плана на случай войны. При этом местную мобилизацию осуществляли уездные военкоматы, а территориальными частями ведали губернские

военкоматы, ставшие территориальными управлениями. В-третьих, проводили большие маневры регулярных частей с привлечением территориальных. В-четвертых, под непосредственным руководством М. В. Фрунзе прошел ряд деловых совещаний об изменении штатной структуры штабных служб. В-пятых, штаб округа организовывал многочисленные инспекторские поездки. Их возглавлял чаще всего К. Е. Ворошилов, который очень интересовался не только службой и боевой готовностью войск, но и повседневным бытом, а особенно жизнью семей командного состава.

Ярче других запомнилась мне последняя из этих поездок, когда мы инспектировали новгородский гарнизон. Жены командиров долго водили Ворошилова по своим квартирам, а потом все пошли смотреть красноармейскую самодеятельность. На концерт пригласили, конечно, и граждан города. Прошел он с исключительным успехом, достойно завершив удачную во всех отношениях поездку. Климент Ефремович всегда поддерживал тесный контакт с населением, не замыкался в чисто военных рамках. Герой гражданской войны и внимательный начальник, он пользовался в округе огромной популярностью. Позднее она в полной мере сохранилась за ним и даже расширилась, когда ему довелось стать председателем Реввоенсовета СССР.

Реформа осуществлялась успешно. Опыт перестройки РККА и законодательство о прохождении службы были обобщены в Законе об обязательной воинской службе, принятом в сентябре 1925 года. В том же году ввели в армии единоначалие — важнейший элемент всей военной деятельности.

Для меня лично 1925 год был очень насыщенным. Помимо всего прочего, о чем говорилось выше, я довольно часто работал еще по поручению Военной академии, интересовавшейся нашим опытом строительства территориальных частей и соединений. Нередко встречался с П. П. Лебедевым. Весьма знающий и уважаемый командир, возглавлявший во время гражданской войны наш полевой штаб при главнокомандующем С. С. Каменеве, он в дальнейшем стал начальником академии (после М. Н. Тухачевского и А. И. Геккера) и постоянно включал в академические лекции сведения о повседневной деятельности РККА, чтобы слушатели не отрывались от реальной жизни. Работая в 1925 году в Реввоенсовете, Павел Павлович особенно интересовался организационными проблемами сочетания регулярных войск с территориальными. Он не скупился на мысли, всегда излагал свое мнение,

и наши беседы относительно дислокации стрелковой территориальной дивизии были для меня весьма полезными. П. П. Лебедев нередко приводил примеры из своего опыта 1918—1919 годов, когда он возглавлял Мобилизационное управление Всероглавштаба, и мы постоянно сравнивали прошлое и настоящее.

Осенью 1925 года страну постигло несчастье: после неудачной операции скончался М. В. Фрунзе. Вечером того дня, который стал последним в жизни выдающегося советского полководца, человек десять руководящего комсостава МВО отправились в Боткинскую больницу. Ворошилов с двумя товарищами пошли наверх, выяснить состояние нашего начальника и друга, а остальные ждали на улице. Через несколько минут показался Климент Ефремович. Подавленный, убитый тяжелым горем, он сообщил, что героя Урала, Туркестана и Перекопа с нами больше нет. Начались печальные дни. В Колонном зале Дома Союзов установили гроб с телом покойного. Я наряду с другими стоял в почетном карауле. Рабочие, крестьяне, служащие бесконечной вереницей медленно проходили перед постаментом, провожая в последний путь воина-большевика. На отдельном столике лежали траурные письма и телеграммы. Среди других были послания от жителей Иваново-Вознесенской промышленной области, пролетарии которой никогда не забывали коммуниста-подпольщика товарища Арсения, и из Пишпека, его родины. Сейчас этот город носит имя полководца.

На пост председателя Реввоенсовета назначили К. Е. Ворошилова. Климент Ефремович заявил, что нужно искать иную кандидатуру, что он не в состоянии заменить такого крупного государственного деятеля, каким являлся Фрунзе. Однако назначение все же состоялось. Сотрудники штаба МВО восприняли его как должное, считая Ворошилова одним из самых подходящих лиц для руководства нашей армией. Климент Ефремович обладал серьезным и значительным опытом партийно-политической, государственно-административной и военной работы. Старый член партии, активный деятель большевистского подполья и всех трех революций, он был во время гражданской войны руководителем Луганского социалистического отряда, командующим 5-й Украинской, 10-й и 14-й армий, членом Военных советов армий и фронтов, наркомвнуделом УССР, командующим Царицынским фронтом и Внутренним фронтом Украины, а также Харьковским и Северо-Кавказским военными округами, видным

государственным и партийным работником. К. Е. Ворошилов возглавлял Вооруженные Силы страны до 1940 года.

Командующим войсками Московского военного округа назначили другого видного военного деятеля, Г. Д. Базилевича. Его жизненный путь широким кругам читателей сравнительно мало известен, и мне хочется рассказать об этом замечательном военачальнике поподробнее.

Крестьянская семья Базилевичей жила в одном из сел Черниговской губернии. Когда я начал в 1924 году работать вместе с Георгием Дмитриевичем в МВО, ему было 35 лет. Детство он провел в Новгороде-Северском, где его отец служил в какой-то канцелярии. Чтобы дети могли учиться, родители трудились денно и нощно, но их грошей хватало еле-еле, и уже с четвертого класса гимназист Егор давал самостоятельно уроки. Юношей он поступил в Киевское военное училище, а по окончании попал в Москву. Здесь, в Хамовниках, стоял Перновский полк, где и предстояло служить молодому подпоручику. Не удовлетворенная до конца жажда знаний и любовь к технике заставили пытливого командира взвода ходатайствовать о разрешении учиться в первой русской воздушной школе, как раз в то время открывшейся в Москве. Школу эту хорошо знали все городские жители. Я и сам не раз в свободный от работы и учебы час бегал на поле смотреть, как взмывают в небо легкие, но неуклюжие «фарманы». Г. Д. Базилевич быстро овладел профессией летчика. Однако его подвел старый самолет, и в экзаменационном полете он потерпел аварию. Это отразилось на его здоровье. Пришлось навсегда оставить мечту о службе в авиации.

Грянула мировая война. Фронт требовал пополнений. Второочередники 3-го гренадерского Перновского полка включались в состав новой части. В начале 1915 года она была направлена на Юго-Западный фронт. Одной из рот в ней командовал поручик Базилевич. В течение двух лет находился он на переднем крае, имел шесть ранений, неоднократно был награжден. Горькие воспоминания остались у Георгия Дмитриевича о его командирах. Особенно зло говорил он о генерале В. И. Ромейко-Гурко. Этот генерал, казалось, должен был обладать немалым опытом. Он наблюдал в качестве военного представителя за англо-бурской войной, служил в действующей армии на Маньчжурском фронте в 1904—1905 годах, возглавлял комиссию по изучению и описанию русско-японской войны. Однако никакая жизненная школа, по-види-

мому, не научит того, кто бездарен от природы. Командуя во время мировой войны корпусом, Гурко бессмысленно погубил под огнем врага лучшие силы своего соединения. Зато он отличался верноподданническим духом и слыл ярым монархистом. Недаром царь в конце концов назначил его исполняющим обязанности начальника штаба верховного главнокомандующего.

Безобразия, творившиеся на фронте и в тылу, омут, в который самодержавие тянуло Россию, открыли глаза боевому офицеру. А большевистская пропаганда доделала остальное. Георгий Дмитриевич сближается с революционными кругами, начинает читать марксистскую литературу. Постепенно он завоевал в своем полку большой авторитет, и после Февральской революции солдаты послали его полковым делегатом на армейский съезд Советов в Луцк, а там его избрали помощником председателя исполкома Советов Особой армии. (Эта армия по счету была 13-й, но суеверный генералитет, убоявшись «несчастливого» числа, назвал ее Особой.) Базилевич работал рука об руку с большевистской фракцией, находившейся в меньшинстве, не боялся выступать против комиссаров Временного правительства, гнавших солдат в ненужное наступление. И когда двум полкам одного из корпусов, застрелившим комиссаров военного министра Керенского и отказавшимся идти вперед, грозила тяжелая кара, именно Базилевичу большевики поручили предотвратить массовый расстрел.

Как рассказывал Георгий Дмитриевич, он и рабочий Волков вдвоем целую ночь объясняли казакам, окружившим восставшие полки, против кого и во имя чьих интересов их направили. Казаки потребовали, чтобы выступавшие доказали, что они не немецкие шпионы. Базилевич откинул ворот надетой внакидку шинели, и все увидели длинный ряд крестов и медалей. Это подействовало. Донцы отказались разоружать солдат. Командир корпуса попытался добиться своего, но, получив от Базилевича предупреждение, что будет арестован, пошел на попятный. Так началась революционная работа кадрового офицера, перешедшего на сторону трудящихся не по стечению обстоятельств, а исключительно по внутренним убеждениям.

Выходя от комкора, Базилевич попал под бомбежку. На русские позиции как раз налетели немецкие самолеты, посланные для предотвращения русского наступления под Львовом. Он был ранен тогда в седьмой раз. Лежа в одном

из московских госпиталей, Георгий Дмитриевич окончательно пришел к выводу о правильности всего сделанного им и вступил в партию большевиков. В госпитале его и застала Октябрьская революция.

В марте 1918 года спешно формировалась завеса от возможного нового наступления немцев после подписания Брестского мира. Базилевич еще не оправился полностью от тяжелого ранения, однако счел для себя невозможным отлеживаться в такую минуту, возглавил батальон в составе сформированного в Москве Образцового советского отряда и отбыл затем вместе с ним на юг. Первое боевое крещение уже в рядах не старой, а Красной Армии Базилевич получил в августе того же года.

На Нижней Волге сложилась трудная для Советской власти обстановка. Под угрозой оказалась Астрахань. Царицын с трудом отбивался от белоказаков. Несколько севернее, в Камышине, находились представители Высшей военной инспекции. Партия поручила члену этой инспекции Базилевичу помочь Царицыну боеприпасами. Между тем под рукой никаких воинских частей не было. Георгий Дмитриевич сформировал из камышинских рабочих отрядов и служебных команд строевые роты, которые погрузили боеприпасы на пароходы и, минуя белогвардейские заслоны, пробились к Царицыну.

Царицынский РВС незамедлительно использовал прибывшее подкрепление, а сам Базилевич получил задание отбросить красновских казаков от станции Лог, чтобы удержать железнодорожный мост через реку Иловлю. В том бою еще раз проявилась незаурядная личная храбрость молодого коммуниста.

Лет десять тому назад я познакомился с воспоминаниями чехословацкого генерала Ч. Грушки. В 1918 году он являлся бойцом интернациональной роты под Царицыном. По его словам, красные отряды двинулись в контратаку пешими колоннами, а впереди них, под сплошным артиллерийско-пулеметным огнем, верхом медленно ехал со знаменем в руках Базилевич. Решительные действия члена Высшей военной инспекции побудили Реввоенсовет Царицына ходатайствовать об оставлении его на фронте, и вскоре Георгий Дмитриевич возглавил Камышинский участок обороны. На его плечи легла задача сколотить из многочисленных местных партизанских отрядов регулярные части. Во время одного из боевых рейдов он был ранен в восьмой раз, а по выздоровлении направлен

на Южный фронт членом РВС 8-й армии. Снова потянулись дни напряженной, самоотверженной работы.

В начале 1919 года Г. Д. Базилевич находится в Москве на лечении, потом возглавляет 2-е пехотные курсы. Как только здоровье пошло на поправку, боевой командир добился снова отправки на фронт. Летом 1919 года ему поручили сформировать запасную армию. Вместе с ней Георгий Дмитриевич отбыл из Саратова к Василию Ивановичу Шорину, который командовал в то время Особой группой Южного фронта. Перед группой стояла задача нанести удар по деникинцам через Донские и Сальские степи. Когда осенью развернулось наступление, Базилевич попеременно руководил различными участками Юго-Восточного фронта. После выхода Красной Армии к Азовскому морю его назначили командующим войсками Донской области, а с весны 1920 года — Северо-Кавказским военным округом. Летом Врангель, воспользовавшись тем, что почти все внимание Вооруженных Сил республики было приковано к борьбе с белополяками, попытался высадить из Крыма десант на Кубани. Решительным ударом десант полковника Назарова был сброшен в Черное море. За выдающуюся отвагу и умелое командование при ликвидации десанта Базилевич был награжден орденом Красного Знамени. Ему довелось затем командовать еще армиями на Кавказе и Украине.

Кончилась гражданская война. А способности и знания Георгия Дмитриевича находили все новое применение. Начальник снабжения РККА, состоящий для особо важных поручений при Реввоенсовете республики, и одновременно заместитель особоуполномоченного от Совета Народных Комиссаров РСФСР, председатель Комитета по учету царских сокровищ... Особенно своеобразна его работа на последнем из упомянутых постов. Дворцовые богатства, груды бриллиантов и изумрудов, рубинов и жемчуга были теперь национальным достоянием. Алмазный фонд, тщательно описанный, рассортированный и оцененный, начал служить делу пролетариата.

В 1924 году Базилевич стал помощником командующего войсками МВО. Здесь мы впервые познакомились. В течение трех лет бок о бок работали мы с ним, пока в 1927 году его не перевели командующим Приволжским военным округом. Могу без преувеличения сказать, что в его лице соединения, части и службы МВО нашли в 1925—1927 годах одного из самых умелых и достойных военных деятелей. Проверка

новой армейской структуры, воспитание войск в изменившихся условиях, овладение боевой техникой — все эти проблемы решались им вдумчиво, целенаправленно и, так сказать, крупным планом.

Как военачальник Георгий Дмитриевич тоже неизменно привлекал к себе внимание. Это был обаятельный человек, завоевывавший авторитет у подчиненных внимательным отношением, вежливостью и совершенно безупречными личными качествами. Не раз под его руководством мне доводилось разрабатывать и проводить войсковые учения. Со свойственным ему знанием дела Базилевич вникал во все вопросы очень глубоко, видя дальше и больше, чем многие из нас. Не помню случая, чтобы он грубо оборвал подчиненного или не выслушал его мнения. Ему нередко случалось поправлять того или иного командира, однако делал он это очень тактично. Не я один помню проводимые им разборы учений. Каждый такой разбор стоил, пожалуй, недели боевой практики и обогащал слушателей.

Скажу еще несколько слов о дальнейшей государственной службе Георгия Дмитриевича. Его эрудицию и таланты партия использовала на самых различных постах. Он был членом Московского комитета ВКП(б) и бюро Средневолжского крайкома, делегатом ряда партийных съездов, членом городских Советов рабочих и крестьянских депутатов, Центрального Исполнительного Комитета Союза. Совершенно исключительную по объему работу выполнил он, являясь в течение восьми лет, с 1931 года, секретарем Комитета обороны при Совете Народных Комиссаров СССР. Это был его последний государственный пост.

Совместная служба с Георгием Дмитриевичем, совпавшая по времени с разгаром и завершающим этапом военной реформы, явилась важным периодом и в моей жизни. Столичный военный округ — это такое место, которое само по себе может научить многому каждого военнослужащего. Но опыт работы окажется вдвойне более ценным, когда ты приобретаешь его не только своим стремлением к дальнейшему профессиональному усовершенствованию и не только силою обстоятельств, оказавшись на этом месте, а еще и потому, что твой начальник умело руководит вверенными ему войсками и передает подчиненным все свои знания. И, оглядываясь сейчас назад, я с благодарностью вспоминаю уроки старшего товарища, красного командира Базилевича.

На учениях, как в бою

*Необычное начало.—
Иероним Уборевич.—
Выработка командирского почерка.—
Приказ и показ.—
Сколько стоит секунда.—
Мысль военачальника.—
Практика начдива.—
Служба с Корком.—
Я знал Белова.*

С осени 1928 года в Московском военном округе вообще, в его штабе в частности, обозначились некоторые перемены. Они были вызваны, помимо всего прочего, еще и тем, что войсками МВО начал командовать Иероним Петрович Уборевич-Губаревич. Этот человек сыграл в моей жизни огромную роль. Я проработал вместе с ним около пяти лет, и годы эти — целый новый период в моей службе. Не скажу, что только я один находился под его влиянием. Все, сделанное Уборевичем: воспитанные, выращенные и обученные им командиры разных рангов; его методы работы; все, что он дал нашей армии,— в совокупности не может быть охарактеризовано иначе, как оригинальная красная военная школа, плодотворная и поучительная. Когда мы познакомились, мне шел уже тридцать второй год. Я занимал довольно высокую военную должность и мог считаться сложившимся человеком. И все же ни один военачальник раньше (да, пожалуй, и позже) не дал мне так много, как Иероним Петрович. Его интересное и богатое творческое наследие, недостаточно, к сожалению, изученное у нас специалистами, заслуживает самого пристального внимания. Поэтому я расскажу не только о нашей совместной службе, но и о тех его идеях, которые находили в ней воплощение, а позднее исподволь оказали весьма существенное влияние на развитие всей Красной Армии.

В середине ноября 1928 года я с группой офицеров штаба Московского военного округа вошел в кабинет И. П. Уборевича. Навстречу нам шагнул стройный, подтянутый командующий. С первого взгляда он показался строгим, даже сердитым, как будто чем-то недовольным. Выслушав мой рапорт и суховато с нами поздоровавшись, он сказал:

— Я ознакомился с вашими личными делами. Теперь хочу посмотреть, как вы подготовлены к решению практических задач. Для этого сейчас проведем занятие. С заданием знакомы все?

— Да.

— Вопросы есть?

— Нет.

— Тогда за дело. В вашем распоряжении 45 минут. Сейчас 14.05. Все документы сдать в 14.50.

И. П. Уборевич, став командующим Московским военным округом, почти двое суток знакомился с должностными лицами управления округа, но меня, временно исполнявшего в то время обязанности начальника и комиссара штаба округа, пока не вызывал. Это до некоторой степени волновало меня. Тем более что ранее мне не приходилось встречаться с Уборевичем. Наконец на вторые сутки часов в двенадцать дня явился адъютант командующего и вручил мне пакет с заданием на командно-штабное занятие «Встречный бой стрелковой дивизии». На время занятия я назначался командиром дивизии, а офицеры штаба округа, находившиеся в моем подчинении,— командирами полков или должностными лицами штаба дивизии. Только роль начальника артиллерии дивизии исполнял начальник артиллерии округа. Время начала занятий — 14.00; место — кабинет командующего округом.

Нечего и говорить, что мы приложили все усилия к тому, чтобы в срок справиться с поставленной задачей и качественно отработать документы. Делая разбор занятия, Уборевич детально проанализировал каждое решение и внимательно рассмотрел каждый документ. В заключение он выразил удовлетворение нашей работой и дал сдержанную, но хорошую оценку. Особенно его порадовала быстрота исполнения.

— Вы работали,— говорил он,— энергичнее и быстрее, чем офицеры немецкого генерального штаба, на занятиях у которых мне недавно пришлось присутствовать. Я надеюсь, что мы с вами сработаемся и что вы проделаете большую работу в повышении боевой подготовки войск. Для округа это, пожалуй, самое важное. Между прочим,— продолжал Уборевич,— мне Московский военный округ почти незнаком. Моя служба проходила в основном на окраинах республики. Территорию округа я знаю плохо. Этот мой пробел я прошу помочь мне восполнить в ближайшее время.

Затем Уборевич задал нам несколько вопросов. Он интересовался постановкой командирской учебы и жизнью войск, отдыхом командиров, трудностями, встречавшимися в работе, и многими другими проблемами. Мы разговорились. Официальная встреча перешла в непринужденную беседу. Надо было видеть, с каким вниманием слушал он наши рассказы.

Командующий словно преобразился. От недавней суровости не осталось и следа. И. П. Уборевич оказался очень интересным собеседником. Он умел, между прочим, не только хорошо говорить, но и хорошо слушать. Не в его привычке было перебивать говорившего. И лишь в случае крайней необходимости, когда человек отклонялся в сторону от вопроса, Иероним Петрович вежливо и умело, вставляя одно-два слова, направлял беседу в нужное русло.

Так произошло мое знакомство с этим видным военачальником, положившее начало нашей длительной совместной службе в Московском, а затем и в Белорусском военных округах. С приходом нового командующего я по своему служебному положению оказался его ближайшим помощником. Чтобы хорошо понимать своего начальника, я решил перечитать его статьи и выступления, опубликованные в газетах и журналах.

Оказалось, что он еще в 1921 году, командуя 5-й армией в Сибири, печатался в организованном им же военно-политическом журнале «Красная Армия на Востоке». В одной из статей он призывал командный и политический состав расширять свой кругозор систематическим изучением принципиальных основ тактики и стратегии, готовиться к ведению будущей войны с противником, который неизбежно окажется сильнее и организованнее войск Юденича, Деникина, Колчака и Пилсудского. Классовому воспитанию он отводил первостепенную роль. Только действительная, сознательная заинтересованность масс в войне, говорил И. П. Уборевич на съезде командного и политического состава войск Сибири, только преданность идеям может двигать в современном бою войска на победу. Поэтому надо поднять классовое сознание до ясного понимания идей войны, чтобы оно вошло в плоть и кровь каждого.

Интересны также его взгляды на перевооружение стрелковых частей и подготовку начальствующего состава армии. Выступая в «Военном вестнике» по вопросу о реорганизации нашей пехоты, он в 1924 году ратовал за оснащение ее легким автоматическим оружием: «Станковые пулеметы в несколько раз дороже легких или автоматов. При наступательных действиях преимущества нескольких легких пулеметов над станковыми очевидны, поэтому наша задача — главное внимание направить в сторону количественного развития легкого автоматического оружия».

Все, что мне удалось тогда прочесть из других печатных выступлений Уборевича, убедило меня, что Иероним Петро-

вич — один из способнейших организаторов боевой подготовки войск. И думал так не только я. На протяжении многих лет военно-теоретические работы Уборевича являлись ценными пособиями для командного и начальствующего состава всей Красной Армии.

Откуда же прибыл в МВО этот человек? Где и как он сформировался? Иероним Петрович Уборевич, будучи старше меня всего на полгода, успел пройти исключительный по насыщенности событиями боевой путь. Сын литовского крестьянина, он 17-летним юношей вступил в революционный кружок, через два года был осужден царским судом за политическую агитацию, еще через год окончил курсы при Константиновском артиллерийском училище, стал на Западном фронте командиром батареи и сражался в 1916 году на Висле, Немане и в Бессарабии.

В марте 1917 года подпоручик Уборевич, добровольный лектор солдатского университета, вступил в ряды РСДРП(б). Затем он командовал ротой, а после Великого Октября — революционным рабоче-крестьянским полком, сражался с германскими оккупантами. В феврале 1918 года, раненный в бою, попал в плен и был посажен немцами в военную тюрьму. Бежав из плена, был направлен на Северный фронт, где отличился, последовательно командуя батареей, полком, бригадой и дивизией. Осенью 1918 года его наградили орденом Красного Знамени.

С осени следующего года Уборевич — на Южном фронте, уже в должности командарма-14, где он руководит одной из важнейших операций по разгрому деникинцев. Затем он командует 9, 13, 5-й армиями, Народно-революционной армией Дальневосточной республики, является помощником командующего войсками Украины и Крыма, Тамбовской губернии, командующим войсками Минской губернии, военным министром ДВР.

Трижды краснознаменец, Уборевич награжден также почетным золотым оружием. В 1922 году Иероним Петрович был избран членом ЦИК СССР и оставался им до конца своей жизни. В конце 1923 года он стал помощником командующего Западным фронтом, с лета 1924 года состоял для особо важных поручений при Реввоенсовете, а в ноябре 1924 года направился на Украину, где исполнял должности заместителя командующего, начальника и комиссара штаба Украинского военного округа. С февраля 1925 по ноябрь 1927 года он командовал войсками Северо-Кавказского военного округа,

являясь с 1926 года членом Постоянного военного совещания при РВСР. Наконец, в 1927—1928 годах Уборевич учился в Высшей военной академии германского генерального штаба.

Иероним Петрович активно проводил в жизнь решения партии и правительства. Его статьи и исследования о подготовке комсостава, об обучении и воспитании войск часто печатались в военных журналах и выпускались отдельными книгами и брошюрами. Таков был военачальник, с которым мы встретились в ноябрьские дни 1928 года.

Практически деятельность И. П. Уборевича в Московском военном округе протекала в период, когда наши Вооруженные Силы уже заканчивали переход на новую организационную структуру. Кадровые части, особенно в стрелковых войсках, были малочисленны. В МВО существовали тогда лишь одна кадровая дивизия (Пролетарская стрелковая) и одна кавалерийская бригада, развернутая впоследствии в кавдивизию. Остальные соединения были территориальными. Они имели учетный аппарат, небольшие кадры командного состава и приписанных по месту жительства военнообязанных, которые проходили службу на кратковременных учебных сборах. Естественно, что при такой организационной структуре армии боевая подготовка войск являлась довольно сложным делом. Требовались не только предельная направленность и конкретность в проведении учебных мероприятий, но и учет экономической целесообразности отрыва военнообязанных от работы в народном хозяйстве. Не менее сложной задачей являлась подготовка командного состава. В условиях начавшегося технического перевооружения армии и пересмотра существовавших теоретических взглядов на способы и формы ведения боя и операции она приобретала исключительно важное значение. Надо было на занятиях и учениях изучить практически только что вышедшие тогда два боевых устава — пехоты и артиллерии, ознакомиться с новейшими достижениями техники, усвоить способы использования вновь поступавшего оружия, изучить опыт минувших войн.

За осуществление этих мероприятий как раз и взялся новый командующий округом. Через некоторое время после приезда Уборевича мы приступили к подготовке учения войск Московского гарнизона. За несколько дней до учения командующий дал указания на разработку задания. Он говорил мне: «Задание должно быть кратким и исчерпывающим. В то же время оно не должно связывать инициативу участников учения заранее установленными рамками плана. Впрочем, вы

найдете все нужное в этой работе». И он подал мне еще пахнувшую типографской краской книгу. Это была его работа «Подготовка комсостава РККА (старшего и высшего). Полевые поездки, ускоренные военные игры и выходы в поле» (издание 1928 года).

В тот день я засиделся в штабе дольше обычного. Книга захватила меня. В ней я нашел ответы на многие вопросы. Она была посвящена центральной проблеме подготовки войск — методике совершенствования и воспитания начальствующего состава. В ней и в последующих работах Уборевич с большим знанием дела давал рекомендации, как проводить различные занятия, высказав при этом ряд поучительных и в то же время оригинальных мыслей, многие из которых не утратили своего значения и поныне. Считаю полезным упомянуть о них, ибо они оказали на меня сильнейшее влияние и в значительной степени определили в дальнейшем, как мне кажется, мой «командирский почерк».

И. П. Уборевич считал, что только всесторонняя военная подготовка обеспечивает успех руководства войсками. Поэтому он рекомендовал при проведении различных военных игр производить подбор участников так, чтобы пехотинец почаще бывал в роли артиллериста, штабной работник командовал бы частью, а строевой командир работал в штабе. Особенно важно, писал он, использовать политработников и работников штабов на командных должностях, потому что обстановка в бою часто потребует того. Каждый, кто прошел Великую Отечественную войну, знает, сколь верны эти слова.

Залогом успеха в проведении командно-штабных игр, учений и других занятий с начсоставом и войсками Уборевич считал прежде всего подготовку самого руководителя занятия. Лично он готовился исключительно тщательно, прорабатывая при этом множество вариантов. Неоднократно перед занятиями напоминал об этом и мне. Правильно руководить боевым учением, считал он,— это значит самому прорешать, продумать всю динамику событий, весь путь действий, все возможности, а потом провести по этому сложному пути обучаемых, обращая их внимание на важнейшие моменты, причины и факторы. Следует ценить и уважать при этом самобытное творчество каждого подчиненного, дав ему свой образец решения только для углубления познаний, но не сковывая его в деталях или даже в целом.

Руководитель делает глубокую ошибку, когда на учении губит в зародыше развитие самостоятельной мысли и воли

подчиненного. Он обязан зато в категорической форме, на основе проверенного опыта и своих знаний, научить командира и штаб рационально вести работу, то есть научить методам быстрой оценки обстановки, принятия решения, организации боя на основе этого решения плюс необходимые расчеты, обучить сноровистой и четкой отдаче приказов и распоряжений. При составлении плана основную роль Уборевич отводил решению руководителя, которое должно выражаться в конкретной форме приказа, распоряжения или расчета. Руководитель, который не дает своего решения, облеченного в такие формы, сам не вполне понимает, чего он хочет добиться и чему он хочет научить. Подобный руководитель — это, по существу, пассивный участник учения, плетущийся в хвосте событий. Нельзя поучать других общими разговорами: это, дескать, плохо, а вот это — еще хуже. Надо показывать, давая свое решение. Здесь выражается основной метод военной учебы — показ.

Мне не раз приходилось получать от Уборевича указания на разработку учений, игр и полевых поездок. И каждый раз меня поражало его умение ясно и конкретно ставить задачи. Уходя от него, я всегда знал, чего от меня хочет начальник, а следовательно, что надо сделать мне. Очень часто он лично принимал участие в разработке замысла, а меня, обычно выполнявшего роль начальника штаба руководства на большинстве проводимых учений, инструктировал и готовил к этой роли. Так, перед сборами начальников дивизий, начальников училищ и руководящего состава округа в Гороховецких лагерях, где все участники должны были вести артиллерийские стрельбы дивизионом и выполнять упражнения на станковых пулеметах, Уборевич пригласил меня к себе и начал задавать вопросы по теории артиллерийской стрельбы. Я знал, что он артиллерист, знал, что состоятся сборы, поэтому подготовился к ним заранее. После беседы он взял чистый лист бумаги и стал показывать, как вести стрельбу артиллерийским дивизионом.

— Вам, товарищ Мерецков, придется первому командовать дивизионом. С вас будут брать пример. Поэтому вы должны быть на высоте положения. К концу дня у меня будет немного свободного времени, заходите, и мы с вами потренируемся,— сказал он, отпуская меня.

Уборевич не терпел слишком объемистых разработок или длиннот в штабных документах. Лично просматривая основные материалы в черновиках, он вносил коррективы и доводил

их до предельной ясности и простоты. Такого же отношения к штабной работе настойчиво добивался он и от своих подчиненных. Вспоминается учение, во время которого по техническим средствам связи требовалось передать приказ армии на наступление. Но приказ был очень длинным, а личный состав подразделений связи знал технику нетвердо. Поэтому передача велась недопустимо долго. Тогда Уборевич, руководивший учением, приказал разработать новый приказ. Но и на этот раз приказ оказался длинным, и передача заняла много времени. Пришлось переделывать его еще раз. Однако штаб армии замешкался с решением, и Уборевич дал указание «противнику» перейти в наступление. Так, изменяя обстановку и время, Уборевич постепенно добился от штаба армии отработки ясного и конкретного приказа. Он считал, что положительное знание для военных действий в условиях окружающей опасности приобретается лишь тогда, когда сам обучающийся несколько раз проделает данную работу и постепенно овладеет практическими навыками, то есть когда они как бы войдут в плоть и кровь человека.

При разборе вышеупомянутого учения он подчеркнул, что принятие решения и работа штаба по его оформлению и доведению до войск зависят от имеющегося времени. Если времени достаточно, то решение может быть оформлено приказом в развернутом виде. В кризисные моменты боя приказ должен содержать только краткое изложение решения и задачу. Рациональной мерой для быстрого доведения до исполнителей решения командира, безусловно, являются предварительные распоряжения, устные приказы и приказания.

Уборевич с большим мастерством проводил командно-штабные игры, учения, руководил полевыми поездками и другими занятиями. Он неизменно добивался большой динамичности в ходе игры, создавал сложные и интересные моменты в обстановке, максимально приближая игру к условиям военного времени. Занятия всегда проходили поучительно, с теми неувязками и с той нагрузкой, которые характерны для жизни, для боевой обстановки. Поэтому на них неизменно можно было встретить поучительные примеры.

До сих пор актуальны высказывания Уборевича против «всезнайства» и шаблона. От руководства, писал он, требуется (и от него же зависит) дать такое направление взаимоотношениям командиров на занятиях, чтобы не получалось грубого ущемления отдельных лиц за совершенные ошибки, чтобы не появлялись выскочки и претенденты на всезнай-

ство, чтобы не затирали отдельных командиров, чтобы ценилась не только начитанность, которая сама по себе еще не есть решающий фактор боевой пригодности командира, и чтобы прежде всего было доказано умение командира управлять частью в бою, в конкретной обстановке толковыми распоряжениями. Руководитель так должен «взять в работу» играющего участника и потребовать от него такого умения распоряжаться, делать расчеты и находить выход из тяжелого положения, чтобы с играющего слетел нанос шаблонов и чужих мыслей, чтобы он выявил себя таким, каков он есть, и показал все, что он умеет.

Уборевич был чрезвычайно требователен к себе и к подчиненным, в суждениях — принципиален, в работе — точен. Свои действия и поступки он рассчитывал буквально до минуты. Такой же точности в работе требовал и от подчиненных. И если случалось, что из-за их оплошности приходилось менять сроки проведения мероприятия, он сильно сердился и очень переживал.

Мне припоминается случай, происшедший в Гороховце на учениях с саперными подразделениями. Начальник штаба Е. А. Шиловский, готовивший учения, допустил грубый просчет во времени, необходимом для сбора саперных подразделений, в результате чего учения не могли быть начаты в запланированные часы. Когда об этом узнал Уборевич, он долго не хотел верить в необходимость переноса занятий. Затем, обращаясь к Шиловскому, сказал: «Как же это вы смогли допустить такой просчет?!» Впоследствии Шиловский признался мне, что вопрос командующего потряс его больше и глубже, нежели возможное замечание, и он никогда и ничто так не переживал, как в этот раз. И все же, несмотря на сложившуюся обстановку, командующий не согласился перенести срок начала учений. Он привлек решительно всех штабных командиров, прибывших на учения, направив их в дивизии, мобилизовал местный транспорт, сделал абсолютно все, чтобы ускорить сосредоточение саперных подразделений. И ему в известной мере это удалось.

Исключительно важное значение придавал Уборевич разборам. Выводы, которые при этом делает руководитель, по его мнению, составляли чрезвычайно ответственную часть работы. Нужно все продумать и проверить, когда возникает положение, идущее вразрез с уставным или общепринятым порядком применения оружия. А уж потом, не колеблясь, пойти на нужное изменение. Все новое и лучшее должно власт-

но заменять старое. По своей форме разборы должны быть краткими и в то же время давать решение руководителя или указание, каким путем оружие можно было применить лучше. Сам Уборевич мастерски проводил разборы. Пользуясь расчетами, фактами, а также примерами из первой мировой и гражданской войн, живо и доходчиво анализировал он ход учения и делал аргументированные выводы, увязывая их с конкретными задачами и ходом боевой и политической подготовки начальствующего состава штаба и войск. Он умел находить поучительные моменты в любом учении, даже в неудавшемся.

Примером последнего может служить учение, проведенное им в 1930 году с только что сформированной мотомехбригадой. Это было тогда в нашей армии опытное соединение. Оно было создано для проверки на практике новой военнотеоретической мысли: использование глубокой операции, основанной на применении больших масс танков, мотопехоты, конницы и авиации. На учении присутствовал заместитель начальника Генерального штаба В. К. Триандафиллов. Ему же принадлежала и идея учения. По его замыслу, мотомехбригада должна была в ходе параллельного преследования выйти на уровень кавалерийской дивизии «противника», прикрывавшей отход своих войск, и нанести по ее флангу удар. Но этого не получилось. Бригада, израсходовав запланированные для нее ресурсы, не смогла угнаться за кавдивизией, следовательно, не выполнила поставленную задачу. Казалось, что эта неудача поставит командующего войсками округа перед необходимостью сделать вывод не в пользу бронетанковых войск. Но не тут-то было. Уборевич твердо верил в силу танковых соединений и в их яркую будущность. Другое дело, говорил он тогда, что на данном учении мы неумело управляли мотомехбригадой. В результате такое важное качество танковых соединений, как маневренность, не получило должного развития. Наша задача как раз и должна состоять в том, чтобы в кратчайшее время научиться управлять подобным соединением при самостоятельном ведении боя его силами, а также совместно с кавалерией, стрелковыми войсками и авиацией. При дальнейшем разборе Уборевич развернул конкретный план подготовки подразделений, частей и штабов этой бригады и наметил мероприятия по совершенствованию ее организации и управления.

Иероним Петрович вообще являлся, наряду с М. Н. Тухачевским, В. К. Триандафилловым и некоторыми другими

видными военачальниками, одним из инициаторов постановки новых вопросов в подготовке войск. Так, выступая на расширенном заседании РВС Союза ССР 28 октября 1929 года относительно обучения и воспитания войск, он обратил особое внимание на изучение военной техники, которая в связи с техническим перевооружением армии во все возрастающем количестве поступала в то время на вооружение. Он подчеркнул, что овладение современной техникой определяет все дальнейшее содержание военной подготовки. Однако тут же заметил, что здесь нам, к сожалению, мешает незнание элементарной математики, основ физики и химии, то есть именно того, что особенно важно в связи с применением в армии машин.

На том же заседании Уборевич поставил вопрос о создании базы для обучения танкистов. Нельзя с теми полигонами, стрельбищами и полями, которые мы имеем, говорил он, добиться большого успеха. Новый базис требует резкого отражения в финансовой смете и в решениях Реввоенсовета, чтобы обеспечить техническую учебу войск. Внимательно следя за развитием авиации и за состоянием наземных средств борьбы с нею, Уборевич пришел к выводу, что угроза нападения на важные объекты в глубоком тылу с каждым годом все возрастает, и выдвинул задачу усиления средств противовоздушной обороны. В своем решении по этому вопросу РВС МВО записал 10 июня 1929 года, что требуется решительный перелом в сторону усиления активных средств ПВО как в отношении их количества, так и в качественном отношении. Реввоенсовет наметил затем широкую программу усиления противовоздушной обороны столицы и всей территории округа.

Иероним Петрович был высокообразованным человеком. Он хорошо знал художественную литературу и искусство, отлично разбирался в общих технических вопросах, упорно работал над развитием военной мысли. Так, в годы гражданской войны он самостоятельно познакомился с историей военного искусства, тактикой и стратегией, а позднее глубоко изучил труды М. И. Драгомирова по подготовке войск в мирное время. Он неоднократно говорил мне, что чтение книг явилось для него своего рода академией, давшей ему познания в различных областях науки, в том числе и в военном деле. Наблюдая, как некоторые командиры, прибыв на сборы, часто недосыпая, набрасывались на учебники, стараясь за короткое время восполнить свои пробелы в теории, Уборевич не одобрял их и говорил, что только систематическое чтение военной,

художественной, технической и иной литературы может способствовать приобретению знаний, развитию кругозора. Чтение — это работа. Оно должно быть непрерывным и регулярным, вестись изо дня в день, а не урывками. Но от этого важного и полезного дела нужно отличать еще более важное, полезное и необходимое особенно на войне — умение действовать, умение руководить войсковым соединением в боевой обстановке, когда перед тобой реальный противник.

Служба Уборевича в МВО длилась около полутора лет. Но она оставила исключительные по своему значению следы. Я хотел бы еще подчеркнуть, что и сам командующий не стоял на месте. Он непрерывно рос сам, а вместе с ним росли и мы.

Новым командующим войсками МВО стал А. И. Корк. Наступил срок моей очередной стажировки в командирской должности, и я был назначен командиром и комиссаром 14-й стрелковой дивизии. Назначение это я воспринял с большим удовлетворением, так как очень хотел приобрести опыт командования дивизией. Командуя ею, я поставил перед собой три задачи: довести организацию ее управления до достаточно высокого уровня; максимально приблизить дивизию к тому, что входило в понятие кадрового регулярного соединения, имеющего высокую боевую готовность; активно участвовать во всех окружных учениях.

Первая задача начала выполняться в той мере, в какой мне хотелось этого, не сразу. Пришлось преодолевать инертность некоторых штабных работников и сдержанно-скептическую позицию отдельных командиров частей, которые думали, что они, опытные и повидавшие жизнь люди, могут не очень серьезно относиться к распоряжениям 33-летнего комдива. Выполнение второй задачи требовало длительной и многолетней работы. В нее внесли свою лепту многие командиры до меня и после меня. Это и есть то, что мы называем преемственностью в войсках. Третья задача решалась более оперативно, причем я старался применять здесь все, что приобрел за время службы в штабе МВО и что воспринял от К. Е. Ворошилова, Г. Д. Базилевича и И. П. Уборевича.

Замечу, что тогда в третий раз в своей жизни я был назначен комиссаром. В результате мне довелось тесно общаться с рядом видных политработников и пройти хорошую школу политического воспитания, которая мне очень пригодилась в последующем, особенно во время национально-революционной войны республиканской Испании, в финскую кампа-

нию, а также во время Великой Отечественной войны. В то время в МВО заместителем начальника Политуправления служил А. В. Хрулев, обладавший большим опытом партийно-политической работы. Он нередко давал мне полезные советы. Меня радовало также, что направлен я был именно в 14-ю дивизию, носившую номер соединения, в котором десятью годами раньше я служил помощником начальника штаба. Правда, та дивизия называлась теперь 2-й Кавказской и стояла в Азербайджане, но ведь и в этой 14-й дивизии было немало героев гражданской войны. Отыскав их и познакомившись с ними, я привлек их к политико-воспитательной работе среди красноармейцев и вскоре убедился, что воспитание на основе боевых традиций хорошо влияет на повседневное отношение к делу у всех военнослужащих.

Одна из специфических сторон моей политико-воспитательной работы как комиссара 14-й стрелковой дивизии состояла в разъяснении бойцам смысла того, что происходило тогда в советской деревне. Партия осуществляла коллективизацию сельского хозяйства. В 1930 году уже развернулась сплошная коллективизация. Активизировались отделы по работе в деревне. Во многих селах возникли партийные ячейки. Сельские Советы, самая массовая политическая организация деревенского населения, обрели большие полномочия. Напряженно работали группы бедноты. Развернулась борьба с кулачеством. Социализм наступал в деревне широким фронтом. Между тем в войсках МВО вообще, в 14-й дивизии в частности служило много не только рабочих и служащих, но также крестьян из различных областей. Став красноармейцами, они сохраняли, естественно, тесную связь с родными местами, получали от домашних письма, сами следили по газетам за событиями на селе и живо интересовались всем происходящим. Ни одна политическая беседа в то время не обходилась без рассказа о сути коллективизации, о ее экономической и политической необходимости, о линии партии в сельском хозяйстве как о составной части генеральной линии ВКП(б), о путях развития социалистической деревни.

На командной службе в армии руководство дивизией, как мне кажется, является самой интересной, но в то же время наиболее сложной и напряженной работой. Эта работа охватывает многие стороны: политическое воспитание, обучение, устройство и быт многотысячного коллектива бойцов и командиров, а также содержание вооружения и техники в исправном состоянии. Главная обязанность командира — обеспечи-

вать высокую боевую готовность дивизии. Приходилось также постоянно разъяснять бойцам и командирам международную обстановку и положение внутри страны, задачи, выдвигаемые партией перед народом и армией, и на этой основе добиваться сознательного, самоотверженного выполнения своего воинского долга по защите завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции. Командир дивизии должен вести за собой подчиненных, показывая им личный пример беззаветного служения партии и народу, а комиссар — пламенным большевистским словом зажигать бойцов и командиров, вдохновлять их на лучшее выполнение своего долга.

Несение всех этих и многих других обязанностей составляет повседневную заботу комдива с раннего утра до позднего вечера. На подъеме и отбое, на учебной тревоге и во время задушевной беседы, на командирской подготовке и тактическом учении, на стрельбище и полигоне проходили дни напряженной работы и учебы. И вот результат: к концу года дивизия успешно прошла через инспекторскую проверку, а на осенних маневрах показала высокую маршевую подготовку, была способна совершать глубокие обходы через леса и болота, быстро развертываться, наносить стремительные и сильные удары во фланг и тыл «противнику» и, при необходимости, создавать прочную оборону. Для меня же командование дивизией явилось важной школой, пригодившейся мне в мирные годы и особенно в годы войны. Я учился управлять большими массами бойцов, готовил себя к тому, чтобы вести их к поставленной цели, а на войне — к победе в бою.

Вскоре после того, как я снова начал работать в штабе МВО, мне в составе группы командиров Красной Армии пришлось отправиться в служебную командировку в Германию. По соглашению СССР с Веймарской республикой и в соответствии с заключенным в 1926 году советско-германским договором о дружбе и нейтралитете нас послали для ознакомления со службой немецких военных штабов. Кроме того, нам предоставили возможность посмотреть на войсковые учения. Мы использовали также пребывание в Германии, чтобы воочию познакомиться с ее общественно-политической жизнью. Для этого не нужно было прилагать никаких усилий, и этому не могло помешать даже слабое знание иностранного языка. Ведь картины повседневной жизни и быта развертывались прямо у нас на глазах. Пролетарское движение в стране находилось на подъеме. По улицам, невзирая на правительственное запрещение, маршировали стройные отряды «Союза крас-

ных фронтовиков» и молодежные батальоны «Красного юнгштурма». В газетах печатались сообщения о Всегерманском слете ротфронтовцев. На страницах прогрессивных периодических изданий публиковались призывы коммунистической партии к рабочему единству.

Но в то же время социал-демократическая печать кричала о «хозяйственной демократии», об «организованном капитализме» и выступала против сотрудничества с коммунистами. Католическая партия центра, официально занимавшая пацифистскую позицию, использовала ее не для борьбы с милитаристско-реваншистским угаром в стране, а для того, чтобы в демагогических целях предпринимать нападки на советско-немецкое сотрудничество. В частности, католическая печать позволила себе ряд выпадов в адрес группы советских командиров. Им возражали представители так называемой народной партии, тоже проповедовавшие буржуазный пацифизм, но все же поддерживавшие идею сотрудничества с СССР. Горланили погромные песни штурмовые отряды коричневорубашечников. Нередко между ними и рабочими вспыхивали столкновения. Мы явились свидетелями нескольких таких стычек на улице. Формально державшая нейтралитет, государственная полиция, по существу, помогала нацистам. Германия стояла на распутье, и фашистская угроза постепенно нарастала. Что касается офицеров, с которыми нам во время командировки пришлось общаться, то они стремились подчеркнуть, что «армия стоит вне политики», хотя не скрывали своих консервативных взглядов.

Изучение постановки штабной службы в Германии показало, что ей присущи двойственные черты. С одной стороны, отработанность каждой операции, похвальная предусмотрительность, четкость в работе и организованность сотрудников штабов. С другой стороны, чрезмерный педантизм, регламентация даже того, что спокойно можно было предоставить на решение нижестоящим лицам, сковывание инициативы на местах. Преклонение перед документом, перед бумагой, уверенность в том, что записанное в приказе и доведенное до сведения подчиненных станет после этого автоматически реальностью, вызывали у нас порой улыбку. Может быть, в условиях немецкой армии, где исполнительность была доведена чуть ли не до автоматизма, для такого отношения к делу и имелись некоторые основания. Но в Красной Армии подобный автоматизм, тем более в гиперболической форме, был явно неприменим. Вместе с тем командировка оказалась все же

полезной: сопоставление разных методов работы нагляднее оттенило плюсы и минусы. Произвела впечатление на нас довольно высокая по тому времени степень механизации и моторизации немецкой армии.

По возвращении я снова вступил в должность помощника начальника штаба, а затем временно исполняющим обязанности начштаба МВО. Вынужден отметить, что совместная служба с новым командующим войсками округа А. И. Корком не производила на меня столь благоприятного впечатления, как ранее служба вместе с К. Е. Ворошиловым, Г. Д. Базилевичем и И. П. Уборевичем. Я не воспринял от своего непосредственного начальника почти ничего, что содействовало бы моему дальнейшему росту и улучшению военно-профессиональной подготовки. Тому может быть несколько объяснений: отсутствие полного личного контакта между командующим и начальником штаба, вызванное различным подходом к проблемам; играющие определенную роль чисто субъективные качества, мои или его, либо мешавшие мне воспринимать правильно его мысли, либо, наоборот, не позволявшие ему полностью понимать меня, и т. д. Но факт остается фактом. Настоящего согласия мы никогда не достигали, как бы я ни старался предельно точно выполнять распоряжения и как можно более инициативно нести службу.

Я прошу правильно понять меня. Никакого желания бросить хоть какую-то тень на имя талантливого, заслуженного командира, преданного РККА и Советской Родине, у меня нет. Подполковник старой армии Август Иванович Корк, хотя он и вступил в большевистскую партию только в 1927 году, уже в гражданскую войну отличился в борьбе с врагами Советской власти. Он был тогда и позже начальником штаба армии и отдела штаба фронта, командармом, командующим фронтом и округами, воевал и служил в Прибалтике, на Севере и в Польше, на Украине и в Крыму, в Туркестане и на Кавказе. Не случайно в 1935 году его, как опытного и знающего человека, назначили начальником Военной академии имени М. В. Фрунзе.

Я имею в виду другое — те конкретные взаимоотношения, которые возникают между людьми и от которых, к сожалению, никуда не денешься. Меня раздражала, например, непоследовательность Корка в приказах, порой проистекавшая из его забывчивости. Он любил для памяти заносить кое-что в записную книжку, а в другой записной книжке, являвшейся чем-то вроде указателя к первой, отмечал, где

и что у него записано. И все же путаница получалась. Досадовал я и на то, что командующий мог сообщать вышестоящим лицам непроверенные сведения. Приведу пример, врезавшийся мне в память, поскольку разговор шел, можно сказать, на самом высоком уровне. Округ готовился к очередному параду в честь Великого Октября. Решено было показать на Красной площади танки отечественного производства. Я много работал в связи с этим событием (да, в то время это было целым событием!) и тщательно информировал командующего. Незадолго до праздника А. И. Корка и меня вызвали в ЦК ВКП(б). И. В. Сталин интересовался процедурой проведения парада до мельчайших деталей. Особенно долго расспрашивал он командующего о танках. Тот поглядывал в записную книжечку, однако говорил все время что-то не то. По-видимому, Сталин заранее интересовался вопросом о танках и уже имел некоторые сведения о конкретной готовности их к параду, он удивленно поглядывал на Корка и переспрашивал: «Так ли?»

Наконец зашел разговор о размещении боевых машин, их технических качествах и о водителях. Выслушав командующего и заметив вслух, что у него совсем другие данные, Сталин обратился ко мне. Мне было очень неловко выявлять разноголосицу в окружном руководстве. Но и говорить неправду я тоже не мог. После моего доклада Сталин с удовлетворением отметил совпадение имеющихся у него сведений с моими. Когда коснулись вопроса о водителях, Сталин захотел узнать, есть ли гарантия, что ни одна машина не испортится, не потеряет хода, не остановится на площади, и как в таком случае станут поступать водители. Корк ответил, что водителей-красноармейцев инструктировали в технических частях.

— Товарищ Мерецков, изложите детали инструктажа! — снова обратился ко мне Сталин.

Пришлось сказать, что механиками-водителями будут не военнослужащие, а рабочие-механики. Потом, отвечая на дальнейшие вопросы, я доложил все обстоятельства предстоявшего показа танков. Сталин вскоре отпустил нас. После этого у нас с командующим произошло не по моей инициативе неприятное объяснение. Подобные случаи повторялись, поскольку меня стали приглашать в ЦК ВКП(б) для разговора по различным вопросам военной работы в МВО, а мы с Корком, не зная заранее, о чем пойдет речь, не могли предварительно согласовать наши точки зрения по всем возможным проблемам. Нередко мое

мнение принимали, хотя потом оказывалось, что командующий округом думал иначе. Это порождало новые осложнения. Неизвестно, во что бы это могло вылиться, если бы я не получил другое назначение. Расстались мы по-товарищески.

Из числа тех видных командиров, с кем я встречался во время службы в МВО, хотел бы упомянуть еще о комкоре И. П. Белове (впоследствии командарме 1-го ранга). Почти всю гражданскую войну он провел в Средней Азии, на незнакомом мне театре военных действий. Поэтому рассказы Ивана Панфиловича о боевых действиях в тех условиях представляли для меня несомненный интерес. Белов был активным участником ташкентских событий, описанных отчасти в повести Д. Фурманова «Мятеж». После них он вышел из партии левых эсеров и вступил в РКП(б). Впервые я встретился с ним на Северном Кавказе, когда в 1923 году занимался рекогносцировкой местности, будучи начальником штаба дивизии, а он приезжал туда временно, чтобы оформить документы о разгроме белых банд на Кубани, в операциях против которых участвовал годом раньше. Как человек Белов отличался заметным своеобразием. На его характер наложило сильный отпечаток тяжелое детство, проведенное в бедной семье крестьянина Новгородской губернии. Некоторую роль сыграло, как мне кажется, и пребывание в партии левых эсеров, о которой Белов отзывался очень резко, причем не щадил и себя. На мой взгляд, его отличали в основном три черты: большой военный талант, прямота суждений и внутренняя нервная неуравновешенность, постоянно сдерживавшаяся им и как бы накапливавшаяся в человеке, что порой приводило к взрыву. Белов умел идти к поставленной перед собой цели, не сворачивая и не уклоняясь в сторону. Для военнослужащего это особенно серьезное достоинство.

Между Днепром и Березиной

Большая командирская семья.—
Сборы и летучки.—
Функции окружного штаба.—
Жизнь в учениях.—
На маневрах, как на войне.

В апреле 1932 года я получил назначение на должность начальника штаба Белорусского военного округа. В то время в БВО дислоцировалась значительная часть войск, в том числе

кавалерийские, танковые и авиационные соединения. Войска возглавляли опытные командиры. Многие были известными участниками гражданской войны. Во главе корпусов стояли расчетливый командир С. Е. Грибов, герой Таманского похода Е. И. Ковтюх, смельчак А. Д. Локтионов, мой бывший начдив С. К. Тимошенко (позднее Маршал Советского Союза). Последний вскоре стал заместителем командующего.

Дивизиями в округе командовали волевой начальник и лихой кавалерист Г. К. Жуков, бывший комиссар корпуса на Восточном фронте И. С. Конев, талантливый генштабист В. Д. Соколовский (впоследствии маршалы Советского Союза) и другие способные руководители. Из начальников штабов корпусов назову В. Я. Колпакчи (впоследствии генерал армии), А. А. Новикова (позднее главный маршал авиации). В штабе одного из корпусов служил И. Х. Баграмян (впоследствии Маршал Советского Союза).

Руководство округом тоже состояло из хорошо знающих дело командиров. Заместителем командующего был А. Я. Лапин, членом Военного совета — Л. М. Аронштам, а затем П. А. Смирнов, начальником артиллерии — Д. Д. Муев, начальником бронетанковых войск — С. С. Шаумян, начальником отдела боевой подготовки — Н. А. Шумович. Заместителями начальника штаба округа служили Ф. М. Чернов и И. Г. Клочко, умные, образованные, обладавшие хорошими организаторскими способностями офицеры.

Особенно сильным был состав оперативного отдела штаба округа. Начальником отдела работал М. В. Захаров (позднее Маршал Советского Союза), а в самом отделе — Р. Я. Малиновский (позднее Маршал Советского Союза), В. В. Курасов (позднее генерал армии), А. П. Покровский, Ф. П. Озеров, Г. И. Шанин, К. А. Журавлев, Н. А. Кузнецов.

Все названные выше имена хорошо известны в Советской Армии и вообще у нас в стране, а многих знают и за рубежом. Некоторые из упомянутых товарищей не дожили до Великой Отечественной войны. Но все те, кто остался в живых, проявили себя с наилучшей стороны, командовали фронтами, армиями или руководили штабами объединений.

Такой подбор руководящего состава штаба округа и войск не был, конечно, случайным. Рядом находилась граница с потенциальным агрессором. Как подбирались и расстанавливались кадры в БВО, можно проследить конкретно на следующем примере. Однажды в округ прибыла группа офицеров, только что окончивших Военную академию имени М. В. Фрунзе. Преж-

де чем назначить их в войска на должности, с ними был проведен кратковременный сбор при штабе округа. В программу сбора входили: показные и практические занятия по методике огневой подготовки со стрельбой из револьвера, ручного и станкового пулемета, включая ночные стрельбы; преодоление штурмового городка с метанием гранат; тактико-строевое учение стрелкового батальона в наступлении, поддержанного артиллерией и танками; решение полевых летучек в условиях боя полка и дивизии. На этот сбор были вызваны командиры корпусов и дивизий. В результате сбора офицеры, только что окончившие академию, сразу приобрели практику в проведении занятий и одновременно познакомились лично со всем высшим командным составом округа. Только после этого они получили назначения на должности.

Большое внимание уделялось в БВО воспитанию и подготовке руководящего состава и штабов, особенно командиров корпусов и дивизий, с учетом меняющихся условий и бурного развития военной техники. Важно было, чтобы все то новое, что было приобретено во время опытных учений и полевых поездок, немедленно внедрялось в войска, повышало их выучку и боевую готовность, чтобы достижения какой-либо одной части или соединения немедленно становились достоянием всего округа.

Вот пример того, как проходила командирская учеба руководящего состава штаба. В группе было около 20 человек, в том числе офицеры оперативного отдела. Занятия проводились один раз в неделю и носили форму летучек. На них отрабатывались различные оперативные вопросы, прежде всего по ведению глубокой операции, использованию танков и авиации. Разрабатывали летучки все командиры по очереди. Они же их проводили и делали потом разборы. Командующий выступал с заключительным словом или поручал это сделать мне. Нужно признаться, что нагрузка в ходе занятий была не из легких. Особенно тяжело приходилось попеременно назначаемому руководителю: он должен был в течение 45 минут довести до участников военной игры задание, выслушать их решения и сделать разбор. Но зато командиры получали практику решения оперативно-тактических задач не только как обучаемые, но и как руководители.

При подготовке начсостава и штабов применялись разнообразные приемы, от групповых упражнений и летучек до командно-штабных игр, учений с войсками и крупных маневров. Особое значение придавалось полевым занятиям, так как розыгрыш тактических вопросов на местности можно провести

значительно содержательнее и поучительнее, чем на картах, особенно мелкого масштаба. Сплошь и рядом бывали случаи, когда всем нам приходилось не довольствоваться ролью наблюдателя, а принимать личное участие в эксперименте.

Вот еще один пример. Мы проверяли влияние «броска» (одночасового марша со скоростью движения 10 километров в час) на способность солдат сразу же после этого драться: вести прицельный огонь, метко и далеко бросать гранаты, сноровисто колоть штыком, преодолевать полосу заграждений. Участвовал в марш-броске, конечно, и я, хотя не скрою, что, несколько отвыкший от таких упражнений, чувствовал себя довольно тяжело.

В БВО велись большие работы по строительству укрепленных районов, аэродромов и дорог. В целях контроля за этими работами, а также для определения главных направлений последующего развития и подготовки территории округа ежегодно проводились оперативные рекогносцировки. К рекогносцировкам, как правило, привлекался широкий круг штабных офицеров, причем в обязательном порядке офицеры оперативного отдела. Для определения наиболее важных рубежей в ходе рекогносцировок практиковался розыгрыш отдельных «боевых» эпизодов, проводились творческие дискуссии.

Поучительными, в смысле подготовки начальствующего состава и войск, являлись не только сборы, различные учения и маневры, но и инспекторские проверки войск. Обычно в дивизию выезжала в таких случаях небольшая группа офицеров, шесть-семь человек, в том числе офицеры оперативного отдела, боевой подготовки и представители родов войск. Дивизия поднималась по тревоге и выдвигалась в сторону границы или полигона, отрабатывала марш и встречный бой или наступление, а иногда оборону. Кроме того, в одном из полков проверялся батальон на тактических учениях с боевой стрельбой, в другом проверялась командирская подготовка. Проводились тактико-строевые учения с усиленным батальоном, в артиллерийском полку проверяли боевую стрельбу дивизионом. Время на подготовку учений и занятий давалось крайне ограниченное. Это требовало от командиров приобретения навыков быстрой работы. Проверялись также строевая и физическая подготовка, жизнь и быт бойцов и командиров. Обязательно проводились беседы с красноармейцами и командирами по различным вопросам текущей политики, жизни и быта.

По возвращении в штаб округа готовился небольшой, странички на три типографского текста, приказ, который рассылал-

ся всем командирам корпусов и дивизий. Один экземпляр высылался в Управление боевой подготовки РККА. В приказе отмечались недостатки, обнаруженные при проверке, а также давались указания, как их устранить. И уже через шесть дней после начала проверки дивизии весь округ знал о требованиях к боевой подготовке войск. Никаких объемистых актов, предназначавшихся обычно для архива, не составлялось. Сразу же заострялось внимание командиров соединений на главном — боевой готовности войск и их полевой выучке, подчеркивалось, как готовить войска к будущей войне.

Здесь, на одном из важнейших участков Западного направления, были достигнуты немалые успехи в подготовке преданных Родине руководящих военных кадров: знающих свое дело командиров полков, дивизий и корпусов; творчески мыслящих штабных сотрудников; обладающих высокими организаторскими способностями политических и тыловых работников. Командный состав округа всегда опирался при этом на партийную организацию, на широкие массы политработников. Отношения высшего комсостава БВО с политическими руководителями носили деловой, партийно-большевистский, принципиальный характер. Я не помню ни одного случая, чтобы между командирами и политработниками возникали хоть какие-либо трения. На заседаниях и во время поездок в войска, когда обсуждались принципиальные вопросы боевой и политической подготовки, командиры внимательно прислушивались к высказываниям своих политических помощников и совместно находили верное решение проблем. Эти отношения объяснялись, конечно, и личными качествами самих политических работников. Например, членами Военного совета округа являлись такие твердые большевики, как Л. М. Аронштам и П. А. Смирнов. Эти люди были опытными партийными работниками, обладали большим стажем организаторской и пропагандистской деятельности, отлично знали военное дело и нужды войск. Не менее хорошие деловые отношения сложились у командиров с Западным обкомом ВКП(б). Будучи в те годы членом обкома, я могу заявить, что партийные руководители Смоленска и военное руководство находили общий язык быстро и легко. То же должно сказать о Минске. Командный состав округа не случайно принимал активное участие в работе XV съезда Коммунистической партии Белоруссии в 1934 году.

Так обстояло дело с общей направленностью работы. Что касается ее особенностей в БВО лично для меня, то я продолжал осуществлять программу, намеченную еще в МВО, занимался

подготовкой дорог к передвижению войск и улучшением путей сообщения в целом. Могу лишь пожалеть, что эту часть программы не удалось выполнить до конца, поскольку дело уперлось в недостаточную техническую оснащенность дорожных служб, не подведомственных нам, и в сравнительно ограниченные возможности финансирования их работ государством.

Речь шла о следующем. В БВО входила территория Белорусской ССР и Западной области. Последняя включала в себя возникшие позднее Великолукскую, Смоленскую, Брянскую области, части Калининской и Калужской областей. Общее население в рамках округа составляло 12 миллионов человек, территория его равнялась 290 тысячам квадратных километров. Пути же сообщения на этой огромной площади были плохими. Прежде всего, мы не имели в достаточном количестве хороших шоссейных дорог, которые связывали бы БВО с его соседями на севере (Ленинградский ВО), востоке (Московский ВО) и юге (Украинский ВО). Штаб округа, находившийся в Смоленске, не со всеми своими районами мог поддерживать общение оперативно и в широких масштабах.

Особенно тревожил район Полесья, весь утонувший в лесах и болотах. Постоянное беспокойство внушали и меридиональные водные преграды. Например, на реке Березина по всему ее течению мы располагали лишь четырьмя мостами да еще четырьмя паромами. Если противнику, размышлял я, удастся их разбомбить, наша армия встанет перед вполне очевидными трудностями. Сложности возникли бы и при экстренных крупных переброска войск из одного района в другой. Всех действующих железнодорожных путей в БВО имелось тогда 6200 километров, шоссейных дорог — 2000, грунтовых — 100 тысяч километров. Это означало, что именно на последние ляжет основная тяжесть при перевозке личного состава и военных грузов в местах, удаленных от железной дороги и шоссе. Если на каждые 100 квадратных километров территории округа приходилось около 35 километров грунтовых дорог, то железных дорог — лишь два километра, а шоссейных — только около 700 метров. Кончилось тем, что я наметил детальную разработку задач штабу и службам на случай боевых действий в столь специфических условиях и составил подробный план первоочередных мероприятий, а работал над его осуществлением вплоть до перевода меня в Особую Краснознаменную Дальневосточную армию.

Штабу БВО довелось очень много заниматься учениями. На общевойсковых учениях и маневрах, помимо решения обычных

задач подготовки войск, мы практически проверяли и старались развить далее разрабатывавшуюся в то время теорию глубокого боя и глубокой операции. В войсках округа получили практическое преломление такие важные вопросы теории глубокого боя, как создание и применение крупных соединений танковых войск, способных действовать и самостоятельно, и во взаимодействии со стрелковыми и кавалерийскими соединениями; массированное применение артиллерии, обеспечивающее успех прорыва обороны противника пехотой и танками; бой авангарда, состоящего из пехоты, танков и артиллерии, до подхода главных сил; применение крупных воздушных десантов при проведении фронтовой наступательной операции; массированное применение штурмовой и бомбардировочной авиации в наступательных операциях. Разработкой учений, связанных с проверкой теории глубокой операции, занимался штаб округа. Ведущую роль в этой работе выполнял оперативный отдел. Вместе с Захаровым, Малиновским, Курасовым, Шумовичем и начальником артиллерии Муевым мы очень много затем трудились над «Инструкцией по глубокому бою», которая в окончательном виде была введена в действие в 1935 году.

В мою бытность начальником штаба округа наиболее крупные маневры проводились в 1934 году. Но еще более крупными были маневры 1936 года, о которых я узнал из рассказов И. П. Уборевича, хотя служил я в то время уже в другом месте. В ходе «боевых» эпизодов подразделения, части и соединения БВО продемонстрировали высокую мобильность в наступлении и упорство в обороне. На маневрах широко были представлены артиллерия и танки, боевая и транспортная авиация, инженерная техника и средства химической защиты, воздушно-десантные войска и конница. Учения изобиловали крупными «сражениями» танковых соединений и конницы. Состоялась выброска воздушного десанта.

Мы проводили также много опытных учений. На них изучалось применение новой техники и ее влияние на тактику и организационную структуру войск; эффективность использования авиации при нанесении удара по танкам; проходимость танков по болоту и под водой. На многих из учений присутствовали представители Наркомата обороны. Несколько раз приезжал М. Н. Тухачевский. Исследованием вождения танков под водой занимались непосредственно начальник бронетанковых войск округа Шаумян и командир бригады Тылтин. Благодаря их настойчивости и знаниям были достигнуты положительные результаты, позволившие дать заказ промышленности на изготов-

ление оборудования, необходимого для подводного вождения танков. К сожалению, это новое и полезное начинание не нашло тогда поддержки, и ценный опыт постепенно был забыт.

Большое внимание уделялось нами изысканию путей повышения ударной и огневой мощи стрелковых частей. Хорошо показала себя стрелковая дивизия, в штат полков которой были введены батальоны танкеток. Учения, проведенные с этой дивизией, позволили сделать вывод о целесообразности включения в штаты стрелковых полков танковых подразделений. Все проведенные тогда учения подтверждали правильность широкого применения таких высокоподвижных средств, как авиация и воздушные десанты, необходимость массового использования таких подвижных войск, как танковые и мотомехчасти. Мы получили большой материал для дальнейшей разработки теории глубокого боя. В то же время учения показали хорошую подготовку войск округа, их стойкость, инициативу командования и наличие твердого управления войсками. На одном из таких учений (сразу же после маневров 1934 года) присутствовали начальник Генерального штаба А. И. Егоров и военные делегации некоторых иностранных государств. Всех присутствовавших поразила слаженность действий войск. Огонь умело вели и пехота, и артиллерия, и танки, и авиация. А. И. Егорова так захватило зрелище «боя», что ему хотелось покинуть укрытие, чтобы ощутить дыхание «войны».

Особая Краснознаменная

В Хабаровске нас ждали.— Стоит ли сидеть на одном месте? — Василий Блюхер.— Своими глазами.— Дружественная Чехословакия.

В январе 1935 года я был направлен, опять-таки на должность начальника штаба, в Особую Краснознаменную Дальневосточную армию. Поехал я туда не один. Из БВО откомандировали в Хабаровск, где находился штаб ОКДВА, группу лиц. Естественно, все мы задавались вопросом, чем это вызвано? Могло быть три причины. Во-первых, обычное перемещение, объясняемое периодической переброской начсостава из района в район, чтобы познакомить его с различными театрами военных действий на случай войны. Однако этому несколько проти-

воречило то обстоятельство, что мы отправились в Хабаровск все в одно время и компактной группой. Во-вторых, стремление укрепить ОКДВА ввиду надвигавшихся осложнений с японскими милитаристами, хозяйничавшими в Корее и Маньчжурии. Действительно, пограничные инциденты следовали один за другим. Хотя в Маньчжурии уже существовал очаг войны, японцы пока что ограничивались против нас провокациями, развертывая фактические боевые действия в Китае, куда они внедрялись постепенно, но явно готовили начало крупных операций. Таким образом, эта причина, хотя и достаточно веская, тоже не исчерпывала наш вопрос до конца. Наконец, можно было полагать, что на Дальний Восток собираются перевести командующего войсками БВО Уборевича, и он, заранее предупрежденный, ходатайствовал о переводе вместе с ним ряда сотрудников из БВО. Впрочем, никому из нас пояснений не дали. А мы были военными людьми. Приказано — следует выполнять! И вскоре мы уже знакомились с новым местом службы.

В Хабаровске нас ждали. Поэтому никакого особого внимания бытовой стороне дела нам уделять не пришлось, и мы с первых же дней целиком отдались работе, связанной с повышением боевой готовности войск. Вначале она протекала в условиях единого округа для всей территории от Байкала до Владивостока. Позднее ОКДВА разделили на Забайкальскую и Приморскую группы войск. И в той, и в другой хватало соединений, чтобы дать при необходимости отпор зарвавшемуся врагу. Боевая выучка войск была неплохой, так как некоторые части не столь давно участвовали в срыве авантюры фэньтяньских милитаристов на КВЖД, а другие постоянно совершенствовали свое воинское мастерство и держали порох сухим, имея под боком такого соседа, как Япония. Правящие круги Страны Восходящего Солнца усиленно превращали свою марионетку Маньчжоу-Го в плацдарм для нападения на Советский Союз, и ОКДВА всегда находилась начеку.

Вместе со мной вступил в должность, тоже прибывший из Смоленска, А. Я. Лапин (Лапиньш). Мы сдружились с ним еще в БВО, причем сначала на почве общих воспоминаний, так как в гражданскую войну он был комиссаром штаба 5-й армии. Потом нас сблизила и общая работа. Беседы с ним были особенно полезны в том отношении, что прежде он уже служил в ОКДВА, а еще раньше работал военным советником в Китае и теперь рассказывал немало поучительного. Альберт Янович Лапин стал заместителем командующего Особой

армией по авиации. Ознакомление с кадрами авиации оставило положительное впечатление. Народ подобрался квалифицированный и боевой, готовый к выполнению любого ответственного задания.

Не так скоро удалось познакомиться с кадрами Тихоокеанского военно-морского флота. Последний подчинялся Хабаровску только в оперативном отношении. Я не сумел в то время расширить свои познания о флоте до желательного уровня, да и вообще мы сравнительно мало разрабатывали тогда совместных, строго согласованных операций с моряками. Чувствовался некоторый отрыв этого вида вооруженных сил. Я очень жалел об этом, и, как показала жизнь, не напрасно. Более тесный контакт с флотом установился у меня уже в 1939—1940 годах, когда я командовал Ленинградским военным округом и был начальником Генерального штаба. Это весьма пригодилось мне и в первые дни войны, и в 1944 году, когда Карельский фронт взаимодействовал с нашим Северным военно-морским флотом, Ладожской и Онежской военными флотилиями, и особенно в 1945 году, когда 1-й Дальневосточный фронт тоже взаимодействовал с Тихоокеанским военно-морским флотом.

В этом смысле служба на Дальнем Востоке в 1935—1936 годах вообще оказалась для меня очень полезной. Вступив десять лет спустя в командование 1-м Дальневосточным фронтом, я использовал весьма многое из того, что приобрел, работая ранее в ОКДВА. Одно знакомство с театром военных действий чего стоило! Но не нужно думать, что ОКДВА принесла мне прямую пользу только десятилетием позже. Такая мысль была бы просто неправильной. Любой военачальник, меняя место службы и врастая в новую обстановку, сразу же набирается свежего практического опыта, ибо несовпадающие условия моментально заставляют изыскивать другие пути решения сходных по типу военных задач. Вот почему так важно, чтобы командиры не засиживались на одном месте. Смена впечатлений сама по себе будет расширять их кругозор, выдвигать перед военачальниками новые проблемы, побуждать их к тому, чтобы взглянуть на дело с незнакомой прежде стороны.

Выдающуюся роль в жизни ОКДВА играл ее командующий с 1929 года Василий Константинович Блюхер. Кто не знал тогда в нашей стране этого полководца! Член большевистской партии с дореволюционных времен, комиссар рабочих отрядов и командир партизанской армии, а затем дивизии в годы гражданской войны; главнокомандующий Народно-революционной армией

Дальневосточной республики, ее военный министр и председатель Военного совета до 1922 года; комкор, начальник Ленинградского укрепрайона и ответственный работник Реввоенсовета СССР до 1924 года; главный военный советник Национального правительства Китая в Кантоне до 1927 года; помощник командующего Украинским военным округом до 1929 года — вот основные вехи военного и государственного пути Блюхера. Он обладал международной известностью с тех пор, как начал помогать Сунь Ят-сену формировать национально-революционные части китайского народа и организовывать борьбу с внутренней реакцией.

Работая в Китае, Василий Константинович носил псевдоним Галин. За рубежом эту фамилию произносили немного иначе. Здесь постаралось французское телеграфное агентство. Его корреспонденты быстро обнаружили, что у Сунь Ят-сена основным советником по военным вопросам является некий человек плотного телосложения, с постоянной улыбкой на явно европейском лице. Кто же этот иностранец, дающий чрезвычайно квалифицированные рекомендации? Распространился слух, что это какой-то отставной генерал Галéн. Сотрудники генштаба Франции тщетно искали в своем военно-учетном столе личного состава такую фамилию и в ответ на вопросы журналистов лишь пожимали плечами. Тогда дотошные газетчики приступили к поискам с другого конца и докопались, что мифический француз — это не кто иной, как герой гражданской войны в Советской России, приехавший в Китай по приглашению д-ра Сунь Ят-сена из того же лагеря, что и политический советник ЦИК гоминдана большевик М. М. Бородин, военный атташе А. И. Егоров и военный советник Ивановский (А. С. Бубнов).

В СССР популярность Василия Константиновича была необычайно велика, а его авторитет — очень высоким. Кто получил в сентябре 1918 года первым в стране орден Красного Знамени? Блюхер. Кто дал отпор авантюристам из рядов правых гоминдановцев во время конфликта на КВЖД? Блюхер.

В апреле 1930 года был учрежден орден Красной Звезды, и первого наградили им опять-таки Блюхера. Тогда же учредили орден Ленина. И снова одним из самых первых и этот орден СССР получил Блюхер. В те годы ордена были у сравнительно немногих, и достаточно было взглянуть на гимнастерку командарма — пять раз краснознаменца, чтобы понять, как ценили его деятельность партия и правительство. Как раз 1935 год, когда мы с ним впервые близко познакомились, ознаменовался присвоением ему звания Маршала Советского Союза. Наше

знакомство началось со взаимных рассказов о былом, и мы очень легко нашли общий язык. Блюхер, внук крепостного из-под Рыбинска, сын крестьянина-бедняка и слесарь Мытищинского и Сормовского заводов, провел свое детство и юность примерно в тех же условиях, что и я — внук крепостного из-под Зарайска, сын крестьянина-бедняка и слесарь заводов в Москве и Судогде.

Как военачальник Блюхер во многом напоминал мне Уборевича. Он пользовался примерно теми же методами и приемами организации обучения войск, часто проводил оперативно-тактические учения и делал поучительные разборы. Практиковал проведение военных игр в масштабе округа и соединений и нередко сам являлся их участником при руководстве со стороны какого-либо высшего офицера Генерального штаба. Старался использовать любой повод, чтобы учить части и соединения, причем отдавал предпочтение не теории в кабинете или на плацу, а практике, приближенной к боевой обстановке. Придавал огромное значение политическому воспитанию Красной Армии, причем особенно подчеркивал необходимость воспитывать в красноармейцах и командирах чувство боевого превосходства наших Вооруженных Сил над японскими, но не терпел шапкозакидательских настроений.

Как человек он несколько отличался от Уборевича. Менее сухой, не столь резкий, чаще шутливый, Блюхер казался более доступным. Однако близкое знакомство показывало, что эти отличия носили чисто внешний характер, а с деловой точки зрения принципиальной разницы между ними не существовало. В целом Уборевич был чуть собраннее, пожалуй чуть организованнее; Блюхер — человек более размашистый, более открытый. Но им обоим было присуще такое важнейшее качество полководца, как широта мышления. Именно в этом направлении стремился всегда раздвинуть рамки общих решений командующий ОКДВА. Он доверял мне безоговорочно, почти никогда не проверял и, надеюсь, никогда об этом не пожалел. До сих пор у меня перед глазами стоит его крупный разборчивый почерк, четкая подпись и обязательные точка и тире после нее; до сих пор слышится его бодрый голос: «Ну, Кирилл Афанасьевич, с чего мы начнем новый месяц нашей жизни?»

Мне предстояло многое изучить: во-первых, дислокацию, устройство и обеспеченность войск и их задачи по тревоге. Подметить все то, что не соответствовало обстановке и нашим возросшим требованиям, и найти на месте правильное решение.

Во-вторых, детально изучить все стороны деятельности Квантунской армии, нацеленной против советского Дальнего Востока. В-третьих, хорошо изучить дальневосточный театр военных действий, проведя полевые поездки и рекогносцировки по сухопутной и морской части театра. При этом начинать надо было с изучения главных направлений, а затем заняться теми, которые имели менее важное значение. В ходе полевых поездок и рекогносцировок требовалось определить первоочередные и последующие задачи по освоению военными службами Дальневосточного края, особенно по строительству дорог, мостов, линий связи, складов и ремонтных учреждений, а на важнейших направлениях — и оборонительных инженерных сооружений. Когда я попросил информацию у товарищей по службе, уже давно там работавших, то получил очень многое. Тем не менее чувство некоторой неудовлетворенности сохранялось. Может быть, это было вызвано невозможностью поглядеть на все своими глазами.

Решил посоветоваться с Блюхером. Он понял меня сразу и порекомендовал отодвинуть на время повседневные штабные дела, поручить их моему заместителю, а самому взяться за всестороннее изучение Дальнего Востока. И вот намечен план досконального ознакомления с краем. Показал я план Блюхеру. Он не только одобрил его, но и сам нередко присоединялся ко мне во время поездок.

В-четвертых, для меня важно было изучить общую историю, и в частности историю войн на Дальневосточном театре военных действий, как в политическом, так и в военном аспекте. Представляло большой интерес изучение причин войны и методов ее развязывания, особенно армией агрессивной Японии. Кстати сказать, Япония обязательно применяла метод внезапного нападения на главные силы противника, что требовало от нас поддержания постоянной боевой готовности в войсках. Понадобилось также изучить ход боевых действий в войнах с Японией, операционные направления и заняться многими другими вопросами, вплоть до проблем экономики и характерных народных обычаев сопредельной страны. Поэтому я часто засиживался за чтением книг и различных справочных материалов до глубокой ночи.

А с утра начинались обыденные дела, связанные с подготовкой командирских занятий и сборов, тактических учений и маневров, с вопросами укомплектования войск личным составом и обеспечения их всеми видами довольствия. Много времени и изобретательности требовало рассмотрение проблем строитель-

ства казарм, столовых, парков и других сооружений, а также расширение военно-инженерного оборудования Дальневосточного края. Осуществление мероприятий было связано с большими материальными затратами. Нам хотелось сделать больше, а возможности были весьма ограниченными. Блюхер очень внимательно выслушивал все предложения, и мы оба долго искали наиболее правильное решение. Последняя наша длительная беседа с Блюхером о делах округа состоялась уже в Москве, куда мы выехали на специальное совещание руководящего командного состава РККА, созванное Наркомом обороны.

Надвигались грозные события. Пылали очаги войны в Азии и Африке. Предстояло определить важнейшие направления совершенствования Красной Армии в изменившейся обстановке, сделать упор на овладение современной боевой техникой, готовиться к постепенному переходу от смешанно-территориальной системы обучения военнослужащих к созданию кадровой регулярной армии достаточно большой численности. Вскоре после этого совещания я заболел злостной ангиной и долго лечился. А когда вышел из госпиталя, то на Дальний Восток мне поехать уже не довелось.

Мне пришлось зато побывать в Чехословакии в качестве главы нашей военной делегации, приглашенной на большие военные маневры. Отношения СССР с Чехословакией становились все более хорошими. Мы ознакомились с промышленностью и сельским хозяйством, состояние которых произвело на нас хорошее впечатление. Особенно бросалось в глаза отличное содержание дорог и аккуратное поведение населения в быту. Армия Чехословакии была по-современному оснащена новым оружием и боевой техникой и, как показали маневры, могла считаться вполне подготовленной к отпору агрессору. Только отказ от совместных действий с Красной Армией и мюнхенское предательство интересов Чехословакии правительствами Англии и Франции принесли эту страну в жертву фашистской Германии.

Отстоять Мадрид!

Париж ведет в Барселону.—
Мадридская реальность.—
В гостях у Листера.—
Знакомство с Кабальеро.—
Танки прибыли! —
Берзин за работой.—
Формируем бригады.—
Цена анархии.—
Теруэль и дисциплина.—
Два лица Миахи.—
Александр Родимцев.

Осень 1936 года... Республиканская Испания ведет отчаянную борьбу против фашистских мятежников. Соглашение 27 европейских государств о невмешательстве в испанские дела превращается в фикцию. Германия и Италия открыто помогают франкистам оружием, снаряжением, людьми, готовят интервенцию, чтобы превратить Пиренейский полуостров в еще одну базу фашизма и свой плацдарм. А правительства Англии и Франции препятствуют Испанской республике приобретать за границей оружие, фактически участвуя в необъявленной военно-экономической блокаде законных властей испанского народа. В трудные для Республики дни развернулось международное движение солидарности с нею. Одну из самых существенных ролей сыграли в нем советские люди. Из черноморских портов отправились к берегам Испании наши корабли с продовольствием, снаряжением, вооружением. Пароходами, самолетами, поездами прибывали в Испанию и наши добровольцы, военные специалисты. Они стремились помочь Республике, еще почти не обладавшей регулярными силами, создать кадровую армию, отбить натиск объединенных сил реакции и отстоять от фашистов столицу страны Мадрид.

В начале октября мятежники начали наступление на Мадрид с четырех сторон, а фашистское подполье — «пятая колонна» — усилило свою деятельность в самом городе. 12 октября испанцы ежегодно празднуют открытие Америки Колумбом. Именно в этот день главарь мятежников генерал Франко, находившийся в Толедо, собирался провести свои отряды церемониальным маршем по площадям и улицам Мадрида. Газеты всех западноевропейских стран были переполнены сообщениями, перепечатывавшимися из фашистских источников, о скором и неизбежном падении республиканского правительства, о том, что вот-вот будут перерезаны последние дороги, связывавшие Мадрид с Альбасете и Валенсией, что испанская столица уже находится едва ли не в кольце вражеских войск.

Тревожное чувство охватило нас, когда мы, два советских командира-добровольца, я и полковник Б. М. Симонов, следовали железной дорогой в республиканскую Испанию по маршруту Москва — Берлин — Париж и просматривали свежие газеты. Действительно ли Мадрид уже в кольце, или это просто очередная утка буржуазных журналистов?

Сменяются заоконные пейзажи. Проехали бедные нивы панской Польши, осталась позади польско-немецкая граница, и вот мелькают перед глазами таблички на немецком языке: перрон номер такой-то, касса находится там-то, комендатура — там-то, до ресторана столько-то метров в таком-то направлении, вокзал лежит по ту сторону, на прогулку пассажирам отведено столько-то минут и т. д. Это Берлин!

В пути к Парижу особенно не нравилась нам одна дама из соседнего купе, бросавшая на нас взгляд каждый раз, как мы проходили мимо. Не следит ли она за нами? Это предположение оказалось верным, но совсем не в том плане, как мы думали. Уже в Испании мы встретили ее еще раз вместе с другой группой советских командиров, и там выяснилось, что она сопровождала нас, будучи персонально ответственной за наше благополучное прибытие.

В Париже мы остановились в советском посольстве и прежде всего попросили сообщить новости о положении в Испании. Товарищи передали нам всю имевшуюся в их распоряжении информацию, но предупредили, что она весьма неполна и что ее нужно считать предварительной. Действительно, в Испании мы выяснили, что многие сведения были верны лишь приблизительно, а другие устарели. По сравнению с тем, что печаталось в буржуазных газетах, информация из посольства выглядела очень оптимистичной. Истина же, как оказалось, лежала посередине.

Париж интересовал нас в трех отношениях. Во-первых, мы хотели воспользоваться случаем и осмотреть достопримечательности города. Делать это пришлось урывками, ибо времени было в обрез. Во-вторых, нам недоставало многих вещей, которые, как объяснил сотрудник посольства, обязательно понадобятся в Испании. Пришлось поэтому ходить по магазинам. Французский язык мы знали слабо, к тому же старались действовать так, чтобы не вызвать у продавцов подозрений и чтобы по покупкам трудно было догадаться, кто мы и куда едем. Все это доставило нам массу осложнений. В-третьих, поскольку писать домой было нельзя, хотелось купить какие-либо сувениры «со значением», чтобы жены догадались, что это шлют мужья и что они здоровы. В посольстве обещали переслать подарки без задержки.

От Парижа до Тулузы доехали очень быстро. Плодородные равнины Средней Франции сменились холмами Центрального массива с их скучным ландшафтом, а затем зазеленела Гароннская низменность. От Тулузы местный поезд, уже гораздо медленнее, покатил к испанской границе. Все выше становились холмы, все суше почва, все беднее растительность. Потом весь горизонт заслонили горные хребты. Это Пиренеи, а за ними лежит Испания. Новая остановка, небольшой отдых.

Вероятно, нас ждали. Подошел какой-то человек, спросил по-французски: «Кто вы?» Потом переспросил по-русски с акцентом еще раз: «Вы русские?» Махнул рукой в сторону гор и пошел вперед, а мы — за ним. Шли сравнительно недолго, хотя путь был тяжелым. Наконец, человек остановился и показал назад: «Франция», потом ткнул пальцем себе под ноги: «Испания». Так мы перешли границу.

До Барселоны добирались уже испанским поездом. Дорога была в запущенном состоянии. Поезд сначала шел полупустым. Вооруженные люди почти не встречались. Спокойно стучали колеса, тихо поскрипывали вагонные тормоза. Было похоже на дачную прогулку, ощущение войны отсутствовало. Однако как только вырвались из Каталонских гор и поезд помчался вдоль морского берега, картина изменилась. Вагоны заполнились шумной молодежью в зимних куртках с засученными рукавами; крестьянами с корзинами необычной формы; безукоризненно одетыми сеньоритами. Замелькали береты, высокие круглые фуражки, черно-красные анархистские ленты и флажки, ручные гранаты и пистолеты.

В Барселоне мы встретились с советским консулом В. А. Антоновым-Овсеенко. Впервые я познакомился с ним в 1924 году,

когда он был начальником Политуправления Реввоенсовета, и теперь сразу узнал его: широкий, чуть улыбчивый рот; острый и длинный «гоголевский» нос; щелочки близоруких глаз из-под очков. Этот человек прошел большой и сложный путь. Будучи одним из руководителей Петроградского военно-революционного комитета во время Октябрьского вооруженного восстания, он арестовывал в Зимнем дворце Временное правительство. В годы гражданской войны Антонов-Овсеенко командовал Украинским фронтом и являлся наркомом военных дел УССР, а потом работал на ответственных постах в Малом Совнаркоме и в НКВД. Ряд лет он провел за границей, где был советским полпредом.

Владимир Александрович казался очень усталым. Рассказывая нам о положении в Испании, он держался спокойно, но губы его во время беседы нервно подергивались. Речь была образной и яркой, фразы — резкими.

Обстановка, судя по его словам, была неважной: лучше, чем сообщали буржуазные журналисты, но хуже, чем мы услышали в Париже. Мятежники стоят под Мадридом. Юго-Западная Испания почти вся потеряна Республикой. В воздухе господствует фашистская авиация. Агрессия Германии и Италии под видом сотрудничества с фалангистами нарастает. В лагере мятежников идет грызня между соперничающими группировками. Но еще сильнее, к сожалению, несогласие в стане Республики между коммунистами, социалистами, анархистами и левыми республиканцами. Политика премьера правого социалиста Ларго Кабальеро двусмысленна и непоследовательна. Регулярной армии в полном смысле слова еще нет. Марокко не получило независимости. Этим пользуются фашисты, ведут там демагогическую пропаганду и набирают мусульманские отряды в свои войска. Баскония и Каталония требуют самоуправления, а правительство идет им навстречу очень неохотно, и это вносит разлад в ряды антифашистов. Народные массы полны революционного энтузиазма и готовы на самопожертвование. Но им больше всех мешают анархисты, у которых отсутствует элементарная дисциплина: сегодня они воюют, завтра отдыхают. То уходят, не спросившись у старших командиров, в рискованные операции, то открывают врагу фронт. Захватывают на государственных складах оружие и прячут его. Никого не признают и ни с кем не считаются. Коммунистов они недолюбливают, социалистов презирают, государственных служащих ненавидят. От героизма переходят к панике, и наоборот. Работа тыла пока не налажена. Положение на фронтах трудное. Необходимо уста-

новить тесный контакт с испанскими коммунистами и опираться прежде всего на них, но в то же время вести себя лояльно по отношению к Республике в целом и не делать официального различия между разными республиканцами. Одним словом, закончил консул, чем скорее приступите к делу, тем будет лучше.

Самолетов в Барселоне не оказалось, а попасть в Мадрид по шоссе можно было только кружным путем. Поэтому автомобиль помчал нас сначала на юг, в Валенсию, а уж оттуда повернул на запад, к столице. Эта машина принадлежала губернатору округа Валенсия. Сияя улыбкой, он предупредил нас, что шофер надежный и мы можем не тревожиться. О чем следовало тревожиться, мы догадались уже возле Мадрида, когда шофер вытащил из кармана пистолет, положил его рядом с собой на сиденье и, указав рукой налево, в направлении юга, сказал: «Фашисты!»

Мадрид встретил нас сумерками и потушенными огнями. В городе рвались бомбы. Немецкие «юнкерсы» совершали свой очередной и безнаказанный налет. По улицам в минуты затишья перебегали люди. Один из них указал нам дорогу в советское посольство и вырвал из рук Б. М. Симонова сигаретку. Выяснилось, что народные милиционеры могут подумать, будто мы сигнализируем фашистским самолетам.

То, что прохожий назвал зданием посольства, оказалось гостиницей. Но жили в ней действительно советские граждане. Нас встретил корреспондент «Правды» известный журналист Михаил Кольцов. Мы бросились к нему с вопросами, однако в ответ услышали: «Положение в двух словах не обрисуешь, оно довольно сложное. Не хотите ли поесть?»

Впервые за последние дни мы поужинали как следует, а тем временем сами рассказывали Кольцову о новостях на Родине. Затем опять заговорил Кольцов: «Что вы, собственно, знаете о происходящем здесь?» Выявилось, что то, что мы знали, устарело. «Ну тогда я не буду рассказывать, только запутаю вас. Разберетесь сами постепенно, а сейчас скорее действуйте как военные. Тут находятся наши советники Берзин, Воронов и Иванов. Иванов пошел в Главштаб Республики. Большая часть его сотрудников только что перебежала к Франко. Берзин и Воронов скоро придут сюда».

Так мы стали вживаться в испанскую действительность. Особая Краснознаменная Дальневосточная армия, служба с Блюхером, мучившая меня полгода сильная ангина, совещания в Москве, проводы за границу, Польша, Германия, Франция — все подернулось какой-то дымкой и отошло во вчерашний день.

Коричневый хлебец и апельсины на скрипучем столе, усмешка Кольцова, уличный мрак да отдаленные разрывы — вот окружающая нас реальность. Итак, с чего будем начинать?

Вошли военный советник артиллерист Н. Н. Воронов и руководивший нашими советниками Я. К. Берзин. Мы обнялись и тут же стали намечать порядок дальнейшей работы. Я доложил Берзину о своих полномочиях, а он связался с республиканскими командирами и сообщил им о прибытии новой группы советских военных советников. Затем Ян Карлович сказал, что главная задача ближайших суток и недель — превратить Мадрид в крепость. Твердо рассчитывать можно было на коммунистов, на людей из министерства внутренних дел и на гражданское население города. Берзин расстелил на столе карту и начал показывать места расположения будущих оборонительных сооружений. Потом он направил нас с Вороновым в войска. Мне Берзин предложил отправиться к Э. Листеру, в 1-ю бригаду.

С товарищем Энрике Листером я встречался в Москве, где он, испанский коммунист, временно жил в эмиграции и работал на строительстве метрополитена. Бывший каменщик, Листер командовал 5-м полком народной милиции. Состоявший наполовину из рабочих (почти все они были коммунистами), 5-й полк являлся костяком республиканских сил. Незадолго до нашего приезда он стал основой смешанной бригады. Войска Листера уже отличились под Сесеньей. Но у его соседей дело шло хуже, солдаты нервничали, порой отступали. По полученным от пленных сообщениям, фашисты собирались применить здесь танки. Чтобы отразить танковую атаку, сюда послали артиллерийский дивизион. Николай Николаевич Воронов, как отменный артиллерист, как раз и должен был отправиться в этот дивизион.

Берзин являлся главным военным советником Республики, и для меня его распоряжения было достаточно. Но чтобы я мог поставить конкретную задачу перед испанскими частями как официально действующий военный советник, мне нужно было явиться сначала в Главный штаб за назначением. В помещении Главштаба встретил П. А. Иванова. Он познакомил меня с испанским офицером, одним из тех штабистов, кто остался служить Республике и не убежал к врагу. В Главштабе таких оказалось немного. Весь пылавший ненавистью к предателям, офицер сообщил, что на беглецов нечего рассчитывать. Никто из них не вернется. Еще раз созвонились с республиканским командованием. Нам сообщили, что новый Главный штаб будут формировать в Валенсии, а меня просят срочно поехать в войска

и провести беседу о том, что дальнейшее отступление грозит крахом. Офицер стал собирать штабные бумаги, а я поспешил назад в гостиницу.

Берзин размышлял над планом оборонительных сооружений. Все ли тут верно? Вспомнили русскую поговорку: гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить. Чтобы не ошибиться, договорились втроем объехать рано утром окрестности города, посмотреть на местности, как лягут будущие окопы и брустверы.

Мне представили на выбор трех переводчиц. После некоторых колебаний я остановился на кандидатуре М. А. Фортус и позднее никогда о своем выборе не жалел. В Испании ее звали Хулиа, то есть Юлия. Муж Марии Александровны, по национальности испанец, погиб. Сама она после этого прожила в Испании лет пять, в совершенстве владела языком, отлично знала страну и ее обычаи, была рассудительной, быстро ориентирующейся в обстановке и храброй женщиной. Ей по плечу оказалась не только работа переводчицы, которую она выполняла блестяще. Как показала жизнь, она с успехом вела переговоры с любыми должностными лицами и в дальнейшем фактически являлась офицером для поручений.

Всю ночь мы не смыкали глаз, а утром объехали предместья Мадрида. Рекогносцировка позволила установить, что план обороны хорош. Я. К. Берзин, чтобы поскорее претворить его в жизнь, обратился за помощью к испанским коммунистам — члену республиканского правительства Висенте Урибе и его товарищам. Н. Н. Воронов поехал к артиллеристам, я — к пехотинцам смешанной бригады. Вскоре ее батальоны собрались в одно место. Гляжу, бойцы хмурятся. Явно думают, что сейчас им станут учинять разнос за отступление. Наступила тишина.

Поглядел я на ребят, посмеялся и начал рассказывать, как воевали мы в гражданскую войну в Советской России. Рассказываю, а сам посматриваю то на переводчицу, то на бойцов. Мария Александровна переводит очень экспансивно, голос звенит от напряжения, лицо горит. Солдаты, в свою очередь, реагируют горячо, повскакали на ноги, повторяют ее слова, жестикулируют. Затем посыпались вопросы. Чаще всего спрашивали, приходилось ли Красной Армии отступать, а если приходилось, то как мы это переживали и что при этом делали?

Снова начался рассказ. Приходилось, говорю, отступать, порой даже бежать, и нередко, но потом мы всегда восстанавливали боевую дисциплину, переходили в наступление и громили

белогвардейцев. Главное, что помогало нам,— это наша политическая сознательность, организованность и опора армии на трудящееся население.

Относительно союза с трудящимися поняли все сразу. Насчет политической сознательности пришлось обстоятельно разъяснять, в чем она заключается и как толковать ее применительно к испанским делам. Тут же выступил листеровский комиссар, дополнивший то, что я сказал.

Долго пришлось говорить о дисциплине. Пока Фортус переводит, думаю про себя: вот так объясняем в бригаде, где три четверти бойцов — коммунисты и социалисты. А каково будет у анархистов? Позднее обнаружилось, впрочем, что солдаты всё, и сразу же, поняли правильно. Просто они хотели подольше послушать большевика, посланца Страны Советов.

Тяжелой темой оказалось все же отступление. Я старался напирать на мужское самолюбие: «Куда же отходить дальше? Ведь за окопами сразу начинается Мадрид! Будете отступать по его улицам, над вами девушки станут смеяться из всех окон, со всех балконов». Это действовало. Бойцы опускали головы. Вообще же беседа прошла хорошо, настроение в батальонах поднялось. На прощание солдаты попросили показать им какую-нибудь кинокартину про гражданскую войну в СССР. Я дал обещание такую кинокартину достать и постарался обещание выполнить как можно скорее. Позднее из Советского Союза было прислано несколько фильмов. Эффект они дали поразительный. Перед уходом листеровский комиссар потребовал от солдат дать обещание, что дальнейшего отступления не будет. Батальоны хором поклялись.

Эта клятва испанских рабочих и крестьян не была нарушена. Воины 1-й бригады дрались образцово и свой долг выполнили до конца, честно и мужественно. А сам Листер оказался превосходным командиром. Гордый, слегка самолюбивый человек, не выносивший даже малейшего намека на то, что его хоть как-то могут принизить или оскорбить, он в то же время свято охранял честь воина и коммуниста. Не случайно именно Листер стал командиром 1-й бригады, с которой фактически и начала свое существование регулярная армия Республики.

Долго испытывали мы трудности с вооружением. Оно было разнокалиберным, некомплектным, и его вообще недоставало, особенно боеприпасов. Транспортировка оружия из СССР не могла восполнить потребности республиканской армии. К тому же без конца возникали инциденты на море, тормозившие поставку материальной части. Закупки удавались Республике

с большим трудом. Так называемые демократические буржуазные страны всячески препятствовали законному правительству Испании ввозить необходимое, а фашистские державы открыто посылали Франко специалистов, целые части и соединения, различную технику и вооружение.

Наша Родина в этих тяжелых условиях делала все, что могла, чтобы помочь истекавшей кровью Испанской республике. Многое зависело и от инициативы лиц, действовавших на местах. Чудеса находчивости проявлял, в частности, Берзин. Внеся свою лепту в создание прочной обороны у Мадрида, он уехал в Валенсию, где собирал всех вновь прибывающих военных советников и волонтеров вокруг организованного им Управления и направлял его работу. Под его контролем находились также прибывавшие в Валенсию и в другие порты торговые суда. Их грузы моментально учитывались, распределялись и шли в дело.

В начале ноября Мадрид испытал новый бешеный натиск франкистов. Испанские и только что созданные интернациональные бригады делали все, что могли, чтобы отстоять столицу. Фактически в те тяжелые дни дело обороны взяла в свои руки коммунистическая партия. Что касается правительства, то его решено было эвакуировать, так как опасность нарастала. Я не знаю, как мыслилось это организовать, но, на мой взгляд, лишь усилия компартии удержали тогда дело от срыва. Хосе Диас, Долорес Ибаррури, Антонио Михе работали не покладая рук.

Различные учреждения уезжали в разное время, иногда никого ни о чем не извещая и не оставляя порой на старом месте никаких рабочих групп. Многие буржуазные чиновники думали только о себе. Отдельные члены правительства, принадлежавшие к разным партиям, потеряли контакт друг с другом.

Я находился в окопах, когда меня поздно вечером, кажется накануне 7 ноября, разыскали Михаил Кольцов и один испанский коммунист. Сообщив мне вкратце обстановку, испанский товарищ стал уговаривать меня немедленно связаться с Ларго Кабальеро. Крайне важно было, чтобы в Валенсии премьер сразу же возглавил работу государственного аппарата. Но коммунистов он мог не послушать, принять их настояния по своей обычной манере за некие «межпартийные интриги». А наемники фашистов марокканцы уже приближались к пригороду, в котором он жил. Как бы ни относиться к личности Кабальеро, в тот момент важнее всего было сохранить действенность

центральной власти и единство усилий. Во что бы то ни стало необходимо уговорить его сейчас же отправиться в Валенсию, а русского военного советника он уважает и с его советом согласится.

Поехал я в домик премьера, но без особой надежды на успех. Кабальеро ложился спать в 22.00, и не было такой силы и таких событий, чтобы они заставили его отказаться от раз навсегда принятого распорядка. Как только он засыпал, его связь с внешним миром обрывалась, всякий доступ к нему был закрыт. Когда мы ехали, один из сопровождавших меня испанских товарищей показывал дорогу. Другие были тотчас посланы на шоссе Мадрид — Валенсия, чтобы встретить там премьера.

Приезжаем. Нас встречает секретарь. Я через переводчицу объясняю ему, в чем дело. Объясняю долго и настойчиво, но без толку. Секретарь твердит свое: глава правительства спит, будить его нельзя. Пришлось пойти на крайние меры. Я сделал вид, что записываю фамилию секретаря, и сказал, что сейчас же передам сообщение, куда нужно, а если премьер попадет в плен, то секретарь ответит своей головой. Судя по тому, как долго переводила Фортус мои слова, она явно добавляла еще что-то от себя, причем с очень энергичной и выразительной интонацией.

Секретарь удалился. Накинув плед на плечи, появился Кабальеро. Последовали новые объяснения. Премьер оказался далеко не твердокаменным. Он сразу как-то раскис, узнав о марокканцах, быстро согласился с необходимостью отъезда, оделся, уселся в автомобиль и отбыл на восток. Я проводил его до места встречи на шоссе с сопровождающими лицами, после чего развернул машину и возвратился в город.

В Мадриде меня ждало приятное известие: прибыли советские танкисты во главе с С. М. Кривошеиным. Б. М. Симонов, которого я всегда оставлял за себя, сообщил, что одна танковая рота уже приняла участие в бою. Чрезвычайно важно было оповестить об этом мадридцев, чтобы поднять дух среди населения и в войсках. Но пока никто ничего не знал о деталях боя, очень меня интересовавших. Поехали на поиски. Когда я нашел танковую роту, первый, кого я увидел, был майор Грейзе (командир из нашей мотомехбригады в Белорусском военном округе П. М. Арман). Он-то и командовал этой ротой. Обрадовавшись встрече, Арман сразу же поинтересовался, нет ли в Испании и командующего БВО. Но последнего здесь не было. Затем завязался разговор о прошедшем бое. Оказалось, что в один из танков попал снаряд, оглушив башенного стрелка.

Других потерь не имелось. Любопытное это явление — человеческая память. Многое я позабыл, даже весьма важное. А вот детали того разговора помню, как будто он состоялся вчера.

Настроение у танкистов было отличное. Прибыть и с ходу успешно выполнить задание — это всегда поднимает дух человека. Замечу, что высокий боевой дух сохранился у танкистов и в дальнейшем. В ноябре 1936 года под Мадридом действовало всего лишь около 50 танков, намного меньше, чем имелось танков у Франко, но сражались они героически. Танки сцементировали столичную оборону и сыграли роль крупного морального фактора. Потери врагу они тоже наносили весьма ощутимые. Франкисты еще не имели опыта борьбы с танками, и боевые машины нередко просто давили вражескую пехоту и конницу. Фашистами овладевала паника, когда они видели идущие на них в атаку танки. А среди тех героев-танкистов, кто тогда доблестно сражался под Мадридом, одним из лучших был Поль Матисович Арман. Присвоение этому командиру, латышскому большевику Тылтыню (его настоящая фамилия), звания Героя Советского Союза явилось заслуженной оценкой его решительных и умелых действий. Погиб Арман в 1943 году на Волховском фронте, ведя в бой танковую бригаду против немецко-фашистских захватчиков.

Итак, дела под Мадридом пошли теперь успешнее, но положение оставалось еще очень острым. Нужно было осуществить по меньшей мере три первоочередных мероприятия: наладить реальное и эффективное управление войсками; укрепить мадридский участок в количественном и качественном отношении, превратить республиканские воинские отряды в регулярную армию. Все это упиралось в серию серьезных организационных мероприятий. Чтобы провести их в жизнь, необходимо было добиться согласия хотя бы трех лиц — премьера Кабальеро, одновременно военного министра; его заместителя Асенсио, фактически руководившего вооруженными силами Республики; начальника Главного штаба Кабреры, у которого я был в то время военным советником.

Что же предприняли в связи с этими мероприятиями советские военные советники? Сначала Я. К. Берзин собрал в Валенсии совещание. Как всегда, он руководил им четко и энергично. Бывший начальник разведывательного управления Красной Армии не любил терять время даром. Предприимчивый, твердый, волевой человек, Берзин вкладывал все свои знания и богатый жизненный опыт в организацию победы над фашистами.

Латышский крестьянин, он с юных лет принимал участие в революционном движении. Настоящее его имя — Петер Янович Кюзис. Когда в 1911 году он бежал из иркутской ссылки, то взял себе имя Ян Карлович Берзин. После революции этого видного чекиста чаще звали у нас Павлом Ивановичем. Его латышская родина в то время была буржуазной страной, и сподвижник Феликса Дзержинского, живя в Советском Союзе, отдавал все свои силы делу победы социализма в СССР. Наблюдая его в Испании, я не раз думал, что каждый удар, который наносил там этот мужественный человек по международному фашизму, представлялся ему, вероятно, очередным шагом к торжеству ленинских идей и в Латвии, и во всем мире. Так оно и было на деле.

На совещании снова (в который уже раз!) всплыл вопрос о взаимоотношениях советников с военным руководством Республики. Этот сложный вопрос никак не удавалось разрешить удовлетворительным образом. Кабальеро, которому шел восьмой десяток, не способен был действенно и оперативно руководить вооруженными силами. К тому же его политическая линия очень часто шла вразрез с интересами народа и демократического государства, а ненависть, которую он испытывал к коммунистической партии, мешала ему установить прочный контакт с наиболее организованным, сознательным и дееспособным отрядом испанских трудящихся. Асенсио был человеком решительным и целеустремленным. Но цели, которые он лично преследовал, в еще меньшей степени совпадали с интересами народных масс, чем это было у Кабальеро. Трудящиеся его не любили и связывали с его именем почти все неудачи на фронтах. И Кабальеро и Асенсио ценили иностранных военных советников, честно служивших Испании и беззаветно боровшихся с фашизмом, однако довольно часто вставляли палки в колеса реформам в армии.

Как раз тогда зашла речь о необходимости создать регулярные войска. Сама жизнь заставила, наконец, лидера правительства принять это решение. Договорились с Главштабом Испанской республики, что будут сформированы бригады. Когда они приобретут боевой опыт, их сольют в дивизии. Когда окрепнут дивизии, их объединят в корпуса. Мне поручили поддерживать постоянную связь с начальником Главштаба и добиться усиления Мадридского фронта. Руководить вооруженными силами в Мадриде должен был генерал Миаха. К нему станут направлять новые испанские и интернациональные бригады. Центром их формирования назвали город Альбасете.

Сообщения об авиации сделал Дуглас (Я. В. Смушкевич). Я хорошо знал этого товарища по совместной службе в Белорусском военном округе, где он командовал авиабригадой. Однажды в Витебске я наблюдал за тем, как под его руководством строился аэродром. Уже тогда Смушкевич проявил незаурядные организаторские способности. В годы моей службы в Москве он являлся начальником Главного управления авиации Красной Армии. Этот опытный и смелый летчик показал себя в Испании с самой положительной стороны.

На совещании в Валенсии Смушкевич внес предложение посылать молодых испанцев на шесть месяцев в СССР для учебной стажировки в летном деле.

Вскоре я и Симонов выехали в Альбасете. Вместе со мной в Альбасете и Мадриде работало еще несколько советских командиров, в том числе Р. Я. Малиновский, П. И. Батов, В. Я. Колпакчи, А. И. Родимцев, Н. П. Гурьев.

В нашу задачу входило помочь Республике наладить формирование бригад регулярной армии и нести функции военных советников при испанских командирах. Прежде всего удалось пополнить новыми подразделениями интернациональную бригаду, в значительной степени состоявшую из немецких и австрийских коммунистов. Оторванные от своей родины, эти славные товарищи горели желанием дать смертельный бой на испанской земле их злейшему врагу, германскому фашизму. Военным делом они овладели очень быстро и в сражениях показали себя с наилучшей стороны (впрочем, еще в Альбасете я обратил внимание во время учений на умелые действия немецкого батальона). В бой под Мадридом данный отряд, ставший еще в конце октября 11-й интербригадой, повели генерал Клебер (Манфред Штерн. Его не нужно путать с советским военным советником Г. М. Штерном, тоже находившимся в Испании) и комиссар Марио Николетти (так звали тогда члена ЦК Итальянской компартии Джузеппе ди Витторио). Потом этой бригадой командовали другие лица.

Далее в Альбасете стали формировать интернациональную бригаду уже смешанного, а затем романского в основном состава. Ее непосредственным обучением занимался В. Я. Колпакчи, которого предупредили, что ему же скорее всего придется на первых порах руководить действиями этой бригады в бою. Колпакчи приступил к энергичным занятиям по тактике и стрелковому делу. Вскоре бригаду (12-ю интернациональную) принял под свое командование Пауль Лукач (Мате Залка). Новые бригады с ходу вступали в бой, но войск все не хватало.

Решили поэтому попытаться наладить отношения с каталонскими анархистами, и испанский Главштаб направил меня в Барселону.

Прежде всего я явился к начальнику нескольких анархистских воинских колонн Буэнавентура Дуррути. Мы сидели в его штабе, и Дуррути без конца вызывал к себе то одного, то другого подчиненного. Те рапортовали ему и отбывали восвояси, а их место занимали другие. Дуррути, очевидно, доставляло удовольствие демонстрировать мне свои порядки, меня же эта детская игра сначала забавляла, а потом стала раздражать. Сидим в комнате уже битый час, а к серьезному разговору даже не приступили. Наконец он угомонился, и началась беседа. Я не помню, естественно, всех деталей, но общий дух разговора врезался мне в память вследствие необычности его содержания. Порой я не знал, что мне делать: ругаться или смеяться.

Начали мы с того, что по моей просьбе Дуррути стал обрисовывать общую обстановку в Испании. Тут я увидел, что он имеет о ней самое смутное представление. Затем разговор перебросился на отдельных командиров. Подчеркивая свою нелюбовь к централизованному руководству, Дуррути уверял меня, что все генералы на свете враждебны народу и что все они одинаковы. Настал мой черед говорить, и я начал стыдить его, как это он, известный политический деятель, не знает, что советские генералы совсем другие. Рассказал ему о нашем наркоме обороны. У Дуррути широко раскрылись глаза.

— Как, разве Ворошилов из рабочих?

— Да, он в прошлом слесарь.

— Но ведь рабочий не может не быть анархистом. Это очень хорошо. Меня ваш Ворошилов сразу поймет. Как только он узнает, что я сижу без пулеметов и патронов, он даст их мне. У меня есть корабль. Завтра же мои люди организуют поездку в Одессу за патронами.

— Нет, так ты ничего не получишь (мы были, конечно, на «ты»). У Ворошилова патроны не собственные, а государственные.

— Значит, не даст? Вот видишь, как государство ломает человека. Был рабочий, а сделался министром и сразу обюрократился.

— Иди защищать Мадрид, и Республика даст тебе патроны, гранаты и пулеметы. Выделяй людей в пулеметную команду для обучения.

— Ладно, поеду в Мадрид и спасу его. Мы всем покажем, как надо воевать!

Дальше беседа пошла почти в дружеском тоне. Я рассказывал Дуррути, что советские люди умеют ценить заслуги видных революционеров, в том числе и анархистов. В Москве есть улица, названная в честь Кропоткина. На памятнике у стен Кремля высечено имя Бакунина. Поэтому нам понятно, что у Дуррути имеются колонны имени Кропоткина и Бакунина. Но как понять, что одна из колонн носит имя Махно? Ведь Махно — бандит. Когда я служил в Конной армии Буденного, мне пришлось сражаться с махновцами. Эти разбойники грабили трудящихся и вредили народной власти. Не случайно в твоих колоннах столько всяких недостойных людей. Разве можно подпускать к революции нечистоплотных? Я уверен, что в колонны затесались и фашисты. Если их не изгнать, они подведут в первом же бою и принесут несчастье.

Дуррути обещал очистить колонны от враждебных революции лиц. Но должного порядка так и не навел. Последствия не замедлили сказаться. Под Мадридом его отряды сражались неудачно, а Дуррути вскоре погиб от шальной пули. О его смерти ходили разноречивые слухи, но я был уверен, что это кто-то из «своих» отомстил ему за попытки наладить дисциплину. Мне очень жаль было этого отважного парня с невообразимой путаницей в голове, но лично честного и по-своему принципиального.

Что касается его пулеметчиков, то они действительно прибыли в Альбасете. Мы дали им пулеметы «максим». Сначала ребята отказывались иметь с ними дело, жалуясь на их тяжесть. Но потом, когда советник А. И. Родимцев продемонстрировал, как здорово они стреляют, бойцы влюбились в них и обучаться начали прилежно и старательно. Внешний вид у этой команды был нередко неважный, дисциплина хромала на обе ноги. Однако пулеметчики из них получились лихие. А когда они посмотрели какой-то из советских фильмов о гражданской войне в СССР, то на следующий день преобразились и с тех пор всегда наматывали на себя пулеметные ленты крест-накрест, подражая героям 1917—1920 годов.

Тем временем В. Я. Колпакчи закончил формирование очередной интернациональной бригады. Политическая сознательность бойцов этих бригад была высокой. Во всяком случае, главному их комиссару товарищу Галло (Луиджи Лонго, ныне генеральный секретарь Итальянской компартии) не приходилось жаловаться на низкий боевой дух. Антифашисты-волонтеры знали, зачем они приехали в Испанию. Поэтому мы были уверены, что и новая бригада не посрамит себя. Она

была направлена на позиции у реки Харама, но в первом же бою не выдержала удара франкистов и отступила. В чем дело? Мы обсуждали событие долго и горячо. В конце концов решили, что все упирается в отсутствие опыта у бойцов. Главштаб дал бригаде другую боевую задачу, а заодно сменил командира. По совету французских товарищей комбригом был назначен один из комбатов, капитан французской армии, участник первой мировой войны. Постепенно бригада закалилась в боях и стала отличной. Что касается нового комбрига, то он установил свои порядки. Каждую неделю на автомобиле солдаты ездили по очереди в Мадрид отдыхать. Если в роте случался проступок или она вела себя в бою неважно, отпуск отменялся. Все находили это справедливым.

Вслед затем в Альбасете были сформированы и отправлены на фронт 10 испанских бригад. Мы очень торопились, поэтому бригады не успели достаточно хорошо обучиться военному делу. Искусство войны им пришлось постигать сразу на практике. За три месяца сформировали три интернациональные бригады. Одна из них была в основном романской, другая — славянской, третья — англо-американской. До того как Берзин отозвал нас с Симоновым в Валенсию, мы успели посмотреть, как ведут себя отдельные подразделения этих бригад в бою. Некоторые подразделения имели личный состав, уже участвовавший в сражениях либо попавший первоначально в иные части. Например, ряд бойцов входил раньше в итальянскую центурию имени Роселли, в смешанную центурию имени Соцци и в легион, созданный беспартийным эмигрантом из Италии Паччарди. Большинство же прибыло позднее. Одни уезжали в Испанию по своей инициативе. Другие направлялись по путевке Коминтерна. Имелись и такие, кто приехал просто посмотреть, что происходит на Пиренейском полуострове, а затем, увлеченные славными идеями революционно-освободительной борьбы, оставались и активно включались в нее.

Постепенно советские военные советники завоевали себе большой авторитет. Даже анархисты изменили свое мнение и все чаще стали обращаться к нам за консультациями и помощью. В декабре 1936 года волонтера Петровича (то есть меня) и волонтера Вольтера (то есть Н. Н. Воронова) пригласили к себе каталонские анархисты. В то время ЦК Коммунистической партии Испании выдвинул «8 условий победы» над врагом. Одно из них заключалось в усилении единства действий. Анархисты вынуждены были согласиться. Они

хотели отбить у франкистов город Теруэль. Когда мы встретились с их лидером на одном из участков, то он начал усиленно расхваливать свои отряды. Мы спрашиваем его об обстановке, о вооружении, о конкретных планах, а он отвечает на все вопросы одно и то же: «Это все чепуха, а вот мои парни — что надо, они завтра же атакуют, разгромят, захватят...» — и т. п. Мы, при всем нашем скептическом отношении к анархистам, едва не поверили красноречивому командиру. На всякий случай решили вызвать в поддержку еще 13-ю интербригаду. Затем составили план операции. План этот был анархистами принят. Развернулась подготовка к наступлению.

Во время этой подготовки произошел забавный случай. Разведка приносила разноречивые сведения: определить точное размещение живой силы противника было трудно. Хотелось самим установить, нет ли у врага ложных позиций. Встречаем мы с Вороновым испанского центуриона (то есть командира солдатской сотни). Спрашиваем:

— Слушай, ты знаешь, где фашистский передний край?

— Знаю,— отвечает.

— Покажи нам поближе. Не побоишься?

Центурион презрительно рассмеялся:

— Пойдемте!

Мы были уверены, что он выведет нас на передовой наблюдательный пункт, куда мы направлялись, и из удобного места покажет расположение вражеских окопов. Но что-то слишком долго мы идем. Прячемся за кусты, за рощицы, пересекаем мелкие овраги. Надвигается ночь. Где же противник? Впереди заалело пламя костра. В небольшой балке виднелись неподалеку фигуры часовых, а еще ближе сидел солдат. Центурион протянул руку и прошептал:

— Фашисты!

Оказалось, он понял нас буквально и подвел к фашистским позициям вплотную.

Не знаю, то ли не заметили нас караульные, то ли приняли в сумерках за своих, но назад отошли мы благополучно. Когда вернулись, напряжение спало. Стали мы тут сетовать:

— Куда же ты нас потащил? Хотел в плен франкистам сдать?

Испанец обиделся. Его попросили показать фашистов, он сделал максимум возможного. Где же признательность? Инцидент завершился общим смехом. Мы пожали парню руку и распрощались.

Подобные случаи, свидетельствовавшие о незаурядной личной храбрости испанских анархистов, внушали надежду на успех. Увы, объективный момент оказался сильнее субъективного. Никакие личные данные не смогли компенсировать анархистской дезорганизованности. Это проявилось в первый же день наступления. Интербригада была готова выполнить приказ, но главного командира анархистов нигде нельзя было отыскать. Не думаю, чтобы он струсил. Скорее, позабыл об условленном часе или просто отнесся наплевательски к собственным обязанностям. Ведь понятия «порядок», «армия», «государственный долг», «дисциплина» у анархистов не только отсутствовали, но и были ими презираемы.

Тогда мы с Вороновым решили заменить командира. Войска находились в окопах. Мы вышли вперед, дали команду к атаке и пошли в полный рост. Бойцы закричали: «Браво!» — но никто не поднялся. Идем дальше, оглядываемся: мы попрежнему шагаем под выстрелами вдвоем. Возвращаемся, уговариваем, кричим, просим, стыдим... Ничего не помогает. Атака сорвалась. Тем временем 13-я интербригада перешла в наступление, как и было условлено. Фашисты, воспользовавшись несогласованностью действий, перебросили против нее главные силы, нанесли ей потери и остановили. Операция на этом участке не удалась.

После доклада Берзину об обстановке под Теруэлем, он сообщил мне, что генерала Купера (то есть Г. И. Кулика), военного советника при председателе хунты обороны Мадрида генерале Миаха, отзывают в Москву. Я должен был заменить Кулика, так как Мадрид — важнее всего. Оставлять хунту обороны (Мадридский фронт) без квалифицированной военной помощи нельзя. Функции военного советника в Главном штабе Берзин брал на себя. А в Мадриде мне вменялось в обязанность уделить особое внимание подготовке специалистов — танкистов, летчиков, артиллеристов и общевойсковых офицеров. Наступило время подумать по-настоящему о кадрах республиканских войск.

Прибыв в Мадрид, я представился Миахе как его новый советник. Совместная работа с ним была делом сложным. В Миахе жило два человека: военный и политик. В качестве политика Хосе Миаха, официально беспартийный, был на деле очень далек от коммунистов. Это сильно мешало упорядочить руководство боевыми операциями в «красной зоне», как называли тогда район Мадрида за откровенно левые настроения большей части его населения и за ту выдающуюся

роль в его обороне, которую играла испанская компартия. А в качестве военного Миаха оказался человеком знающим. Так, он хорошо разбирался в боевых возможностях марокканских войск — основной силы Франко под Мадридом. Оказалось, что он имел опыт колониальной войны в Марокко.

Вот ирония истории! Марокканцы, боровшиеся за свою свободу, против испанских захватчиков, теперь, обманутые, сражались за интересы фашизма, злейшего врага угнетенных народов. А генерал, который в свое время был чуть ли не однокашником Франко и других лидеров реакции, должен был защищать Республику и интересы трудящихся. Не случайно в 1939 году он изменил Республике. Понятно, что о сотрудничестве с коммунистами он особенно и не думал, а просто исполнял свои обязанности как генерал на официальной государственной службе. Поэтому с чисто военной точки зрения мы находили общий язык, но морально-политического единодушия не было и в помине. Впрочем, я старался всячески избегать обсуждения с ним вопроса о компартии. Всем советским военным советникам еще перед отъездом из СССР было строжайше запрещено принимать хоть какое-то участие в политических спорах и политической борьбе в Испании. Мы отдавали испанскому народу и его законному правительству свои военные знания, и нас использовали, как считали нужным.

Начальником штаба Мадридского фронта являлся Висенте Рохо, умный, знающий и деловой офицер. Настроен он был значительно левее Миахи и, как мне казалось, недолюбливал его. Нередко, внося какие-нибудь серьезные предложения или сообщая важные данные, он порой избегал докладывать лично Миахе, а обращался в таких случаях ко мне и просил меня провести решение в жизнь. У меня имелись, конечно, и свои соображения и предложения. И вот, как правило вечером, я приходил к Миахе. Там и беседовали. После нескольких случаев на фронте, когда рекомендации советника помогли, Миаха, думавший о своей карьере, начал, по-видимому, относиться к советам со вниманием. Моей переводчицы М. А. Фортус он перестал стесняться: то ли он привык к ней; то ли практика показала ему, что никакие детали наших разговоров не становятся никому известными, и поэтому ей можно доверять; то ли, наконец, он узнал, что ее муж когда-то был анархистом, и вследствие этого не смотрел на нее как на потенциальную коммунистку. Вообще ему нравилось, что по всем важнейшим вопросам мы договариваемся предварительно, еще

до обсуждения их на совещании. Мне тоже незачем было возражать против заведенного порядка, лишь бы крепла оборона города. На следующее утро после встречи Миаха созывал у себя в кабинете совещание и выкладывал все, что было накануне согласовано. Далее слово предоставлялось Рохо, а он, как фактический инициатор ряда предложений, энергично поддерживал председателя хунты. Затем слово предоставляли мне, и я выступал в том же духе. После этого соглашались и другие должностные лица.

Превосходно показал себя в Испании капитан (сначала он был лейтенантом) А. И. Родимцев. Я часто видел его в бою и смог оценить его качества. Являясь военным советником у Э. Листера, Родимцев приносил, как мне кажется, большую пользу тактичными и умелыми советами по руководству подразделениями, а если возникала необходимость, то и примером личного мужества в острых боевых ситуациях.

Вот франкисты наступают со стороны Толедо, нацелившись на стык республиканских соединений и вклиниваясь между ними. Чтобы задержать противника, штаб посылает вперед дивизию. Командира на месте нет. Родимцев получает от меня приказ: развернуть дивизию и ввести в бой. До этого Родимцеву не приходилось командовать у нас даже полком. Поэтому вслед посылаю другого офицера — проверить, как пойдет дело. Предупреждаю, что через два часа буду на месте сам. Родимцев слегка нервничал, но действовал четко. И когда я приехал, офицер очень высоко оценил его действия. Садимся в броневик, объезжаем поле боя. Действительно, все идет как надо.

А вот случай на мосту у Мансанареса в Мадриде. Мост этот мы называли «французским». Марокканцы прорвались к окраине города и на рассвете атаковали мост. Республиканский пулемет, державший переправу под обстрелом, внезапно отказал. Фашисты уже вбегали на мост и, стреляя на ходу, устремились к нашему берегу. Бойцы дрогнули. Еще несколько секунд, и враг прорвется в город. Под огнем Родимцев бросился к пулемету. Франкисты были уже в нескольких шагах, когда «максим» снова заработал. Вражеские солдаты, срезанные ливнем пуль в упор, свалились на мост, а другие откатились прочь. Об А. И. Родимцеве не раз сообщали в Москву и ходатайствовали о присвоении ему звания Героя Советского Союза. Известно, как умело и мужественно действовал Родимцев в годы Великой Отечественной войны. Мне кажется в этой связи, что Испания явилась для него отличной боевой школой.

У Харамы

*От эпизода к эпизоду.—
Маша Фортус.—
Коммунисты и Республика.—
В калейдоскопе памятной зимы.—
Советники, спокойствие! —
Бригады и бригады.*

Зимой 1936/37 года защитникам Мадрида пришлось уделять особое внимание боям, которые развернулись тогда вдоль течения реки Харамы. Не сумев пробиться к Мадриду с юга, запада и северо-запада, фашисты организовали наступление на столицу с юго-востока. Харамская операция при удаче должна была, по их замыслу, отрезать Мадрид от морских портов Валенсия, Аликанте, Картахена и позволить сомкнуть кольцо вокруг города. Сражение это растянулось на месяцы, а стычки шли почти непрерывно. Большую часть зимы я провел в Кастилии, являясь сначала военным советником при начальнике Главного штаба, а потом главным военным советником при председателе хунты обороны Мадрида, на мадридском участке Центрального фронта и на Мадридском фронте. Остановлюсь на некоторых любопытных эпизодах.

Бригада Листера наступала вдоль русла Харамы. Обстановка была нелегкой. Франкисты вели сильный заградительный огонь. Я как раз оказался в поражаемой зоне. Чувствую, два человека хватают меня и куда-то волокут. Я отбиваюсь (подумал, что это фашисты тащат в плен). Отчаянно возимся и все трое падаем в окоп. Слышу ругань. Дым рассеялся. Гляжу, передо мной улыбающийся Листер, а двое, что меня схватили,— Родимцев и комиссар Листера (кажется, это был Карлос Контрерос, как звали в Испании итальянского товарища Витторио Видали). Говорят, что спасали меня от обстрела. Я сгоряча набросился на Родимцева: разве можно так тащить в укрытие старшего командира? Ведь мы находимся в войсках. Это и дух бойцов подрывает, и субординацию нарушает. Он извиняется, а Листер хохочет. Потом сразу стал серьезнее и начал жаловаться: вот нам бы так стрелять по фашистам!

Другой эпизод. Шли на нас в атаку марокканцы. В одном окопчике лежали я, командир танковой бригады Д. Г. Павлов и командир 11-й интернациональной бригады. Разведка сообщила, что у фашистов в каждом подразделении командует

немецкий офицер либо унтер-офицер. Артподготовка была у них сильной, пулеметы вели огонь длинными очередями. Республиканцы дрогнули, некоторые подразделения стали отходить. Выскакиваем из окопов, кричим: «Назад!» Д. Г. Павлов залез на танк, грозит бегущим солдатам пистолетом. Вокруг нас стали задерживаться отдельные бойцы. Потом образовалась группа. Павлов направил вперед танки и сам поехал с ними. Солдаты устремились за боевыми машинами, постепенно восстановили линию обороны и отбросили марокканцев на исходные позиции.

Наступило короткое затишье. Вдруг, гляжу, появляется М. А. Фортус. Увидев, что дело плохо, она успела сбегать в 12-ю интернациональную бригаду и от моего имени передать приказ срочно прийти на выручку. Сейчас, говорит, эта бригада находится приблизительно в одном километре от места боя. Я поблагодарил отважную женщину за инициативу, но в бой вводить бригаду мы уже не стали, так как опасность миновала. Пошел я в расположение бригады. Ею командовал генерал Лукач. Обсудив с ним обстановку, мы решили, что больше в тот день марроканцы не сунутся. Интербригаду отвели в резерв, на отдых.

Через несколько дней фашисты возобновили атаки. Они стремились прорвать фронт на стыке между испанскими частями и 11-й интернациональной бригадой. Тогда мы ввели в бой на этом опасном участке англо-американских добровольцев из 15-й интербригады. Я всегда думал, что англосаксы — сдержанные люди, и был удивлен, когда английские волонтеры, увидев в своих боевых порядках русского военного советника, подбегали пожать руку, обняться и поцеловаться. Военные советники Н. П. Гурьев и А. Д. Цюрупа, находившиеся там же и помогавшие руководить в тот момент действиями англо-американских частей, явились свидетелями этой картины. Впоследствии они не раз ее вспоминали и, лукаво поглядывая на меня, обстоятельно рассказывали в товарищеской компании, как ко мне лезли целоваться в бою.

А вот еще один случай. Под сильным натиском противника один из батальонов 18-й испанской бригады стал постепенно отходить. Я оказался как раз на этом участке. Рядом со мной стояла Фортус. Увидев бегущих, она по-испански громко крикнула: «Испанцы, вы больше не мужчины!» Бойцы остановились, поглядели на женщину и в замешательстве повернули обратно. Их романское мужское самолюбие было

жестоко уязвлено. Фортус побежала вперед, солдаты за ней. Через полчаса враг был отбит, прежняя позиция восстановлена. А когда бой кончился, ко мне явился комбат, старый испанский офицер-службист, и стал жаловаться на мою переводчицу, которая оскорбляет его солдат.

— Почему же оскорбляет? — ответил я.— Ей показалось, что ваших солдат охватила паника, что они покинули поле боя. Значит, они неполноценные солдаты. А муж этой женщины — испанец. Ей известно, что такое настоящий мужчина. Вот она и решила, что ваши солдаты перестали быть испанцами. Но оказалось, что она ошиблась. Просто солдаты перепутали направление и наступали не в ту сторону. Тогда она указала им верное направление, батальон отбил противника и проявил себя хорошо. Обижаться не на что.

Офицер улыбнулся и подал мне руку.

Мятежники наступают... Перед ними — республиканская бригада в значительной степени из андалузских крестьян. Превратив каждый дом столичного предместья в крепость, бойцы Республики нанесли жестокий удар по ее врагам. Помню, как мы пошли посмотреть на пленных. Те просили разрешения взглянуть на русских, которые перекрыли им дорогу на Мадрид. Каково же было их изумление, когда они увидели своих соотечественников! «Это переодетые русские»,— шептались фалангисты. Но крестьяне, ухмыляясь, заговаривали с ними, и мятежники со смущением и досадой опускали глаза.

В феврале 1937 года разгорелась напряженная политическая борьба. 14 февраля, после падения республиканской Малаги вследствие предательства некоторых командиров и нерасторопности других, на площадь вышел народ. Развевались красные знамена коммунистов, красно-синие левых республиканцев, красно-черные анархистов. От стены к стене перегородили улицу лозунги с десятью требованиями компартии к правительству: «Очистить тыл от врагов Республики!», «Долой неспособных командиров!», «Проверьте учреждения: рядом с вами сидят фашисты!», «Даешь всеобщую трудовую повинность!», «Ответьте, почему пала Малага?»...

Власть Кабальеро зашаталась. Двуличный премьер грозил, что, уходя, он громко «хлопнет дверью». А франкисты развернули новое наступление у Харамы. Только политика компартии, решившей во имя единства пойти на уступки, стабилизировала положение. Бригады очередного набора пошли в

бой, чтобы еще раз спасти столицу. Перед этим командиры были на инструктаже. И старый испанский офицер, многие годы жизни отдавший армии, после инструктажа сказал, вздохнув: «Да, я не коммунист. Но кем были бы мы сейчас без коммунистов?»

Под Харамой мятежники получили решительный отпор. На любом передовом участке можно было встретить тогда комиссара — члена компартии. И именно эти люди подвергались нередко злостным нападкам. Когда после Харамы наступило временное затишье, мне удалось, кажется впервые за все четыре предыдущих месяца, побывать в одном скромном мадридском кафе. Рядом с нами расположилась группа бойцов. Один из их, поминутно вскакивая и горячась, рассказывал в полный голос, как коммунист (комиссар их подразделения) вел за собой людей в контратаку. А после боя анархисты стали распускать в бригаде слухи, что он струсил. Тогда солдаты, возмутившись, решили опровергнуть провокацию. На собрание первичной коммунистической ячейки, обсуждавшей этот случай, пришли даже многие беспартийные и группа левых социалистов. Но командир части, узнав про собрание, сослался на правительственное запрещение деятельности партячеек в армии и приказал солдатам разойтись. Собственно говоря, ничего нового для себя я здесь не услышал. Просто в этом случае, одном из многих, еще раз отразилась вся та политика, которую мы молча наблюдали ежедневно.

А что сказать о главе правительства? Коммунисты и военные советники предлагали премьер-министру реорганизовать армейские тылы. Он клал предложение под сукно. От него требовали наладить работу автотранспорта. Он отмалчивался. Армии не хватало унтер-офицеров. Вопрос об унтер-офицерских школах был замаринован до января 1937 года. Чтобы между Мадридом и Валенсией действовало прямое железнодорожное сообщение, нужно было построить дополнительно 20-километровую железнодорожную линию. Строительство задержали. Республиканской пехоте не хватало на первых порах пулеметов. А те пулеметы, которые в ограниченном числе имелись в армии либо поступали на вооружение, были разнокалиберной мешаниной. Перед глазами командиров рябили плохо отремонтированные кольты, максимы, льюисы, сент-этьены, шоши и гочкисы. Среди советников имелись дельные люди, готовые днем и ночью обучать пулеметные команды в Валенсии и Альбасете. Но какие

же дьявольские препятствия пришлось преодолеть, чтобы сдвинуть вопрос с мертвой точки!

На всю жизнь запомнились мне испанские анархисты: то бесшабашные головорезы, то мечтатели и фантазеры, но всегда не терпевшие никакой дисциплины, никаких распоряжений, никакого элементарного порядка. Еще хуже бывало (а это случалось сплошь да ря́дом), когда в их рядах оказывались прямые враги Республики. Спасаясь от преследования, фашист либо уголовник вступал в анархистскую партию и объявлял себя бакунинцем, прудонистом и еще кем угодно.

Компартия предъявляла своим коллегам по Народному фронту неопровержимые доказательства, что такой-то и такой-то — типичные негодяи и их нужно судить. В ответ раздается хор негодующих голосов: «Покушение на братскую партию», «коммунистические интриги» и т. п. А затем анархистские отряды, составленные из подобных субъектов, наносят удар в спину. Когда в январе шли тяжелые бои под столицей, то, вместо того чтобы послать подкрепления на фронт, их пришлось направить под Теруэль на подавление анархистского восстания. В начале марта, когда над Мадридом нависла новая угроза, вспыхнул анархистский бунт в Валенсии. Постоянно возникали инциденты в различных деревнях, где анархистские отряды, самочинно объявив о реквизиции в пользу Республики, занимались грабежом населения. Сколько раз, глядя на эту шумную и распущенную публику, вспоминал я годы гражданской войны в СССР, «зеленые» банды и махновцев!

Пока еще слабо освещенной страницей в истории революционно-освободительной войны испанского народа является деятельность военных советников. Главная задача их состояла в том, чтобы помочь республиканской армии своими рекомендациями. Но жизнь сама расширила их функции. Еще осенью 1936 года дела в армии обстояли иногда так скверно, что советникам, с согласия руководства Республики, приходилось приниматься за непосредственную организационную и боевую работу. Из чего же она слагалась? Советники предлагали испанскому командованию идею операций. Если идея принималась, то советники разрабатывали планы операций. Если принимался план, они писали проекты оперативных приказов и обучали ответственных за это лиц штабной работе. Затем приходилось обучать высший комсостав решать оперативные проблемы,

средний комсостав — тактике и показывать, как учить своих солдат. Советники участвовали в формировании и организации всех интернациональных и ряда испанских бригад, а затем нередко водили их в бой, особенно в первых сражениях, чтобы показать офицерам, как нужно управлять подразделениями в бою. С первых же дней своего пребывания в Испании советники завоевали авторитет и уважение. В глазах солдат и низшего комсостава этот авторитет был абсолютным. Средний комсостав тоже довольно охотно считался с рекомендациями советников. Гораздо труднее было с высшим комсоставом и штабами. Советники должны были обладать огромным тактом, спокойствием и выдержкой, чтобы их не заподозрили в особом покровительстве коммунистам и чтобы не задеть ничьего командирского самолюбия.

Из числа тех, кто находился под Мадридом в разное время, с кем мне довелось встречаться чаще, чем с другими, хотелось бы сказать доброе слово в первую очередь о Я. К. Берзине, военном атташе В. Е. Гореве, тов. Малино (Р. Я. Малиновский), тов. Павлито (А. И. Родимцев), Н. Н. Воронове, Н. П. Гурьеве, тов. Фрице (П. И. Батов), капитане Павлове (военный инженер Дунавский), Я. В. Смушкевиче, комбриге Д. Г. Павлове, наконец, о моем помощнике Валуа (Б. М. Симонов), талантливом офицере, который во всех военных делах был моей правой рукой. Стоило бы назвать еще десятки имен. Эти товарищи отлично выполняли свой долг, и в свою очередь для большинства из них Испания послужила той школой, уроки которой пригодились им впоследствии, в 1941—1945 годах.

Как же работали советники зимой? Основная военная задача, которая встала тогда перед Республикой, заключалась в том, чтобы, успешно отражая фашистское наступление, прочно перейти к регулярной армии.

Советники предложили Главному штабу следующий план действий: активная оборона на фронтах; завершение создания регулярных войск; формирование в тылу страны стратегических резервов. Главштаб внес свои уточнения, одобрив идею в целом. Решать эти вопросы приходилось с учетом нескольких важных факторов. Во-первых, старая армия после начала мятежа частично перешла на сторону фашистов, а частично распалась, так что армию приходилось создавать заново. Во-вторых, испытывался острый недостаток офицерского состава и инструкторских кадров.

В-третьих, на помощь извне в широких масштабах рассчитывать было трудно.

К тому времени рабоче-крестьянские вооруженные колонны почти повсеместно были преобразованы в воинские бригады первой очереди. Первый этап формирования новой регулярной республиканской армии, как мне кажется, можно было считать законченным к февралю 1937 года. А официально эта армия существовала с января того же года. Боевое крещение новые бригады приняли во время харамского сражения. Особенно удачно действовали там 12-я интернациональная бригада и 19-я испанская, которой командовал коммунист Мануэль Маркес. В целом новые бригады продемонстрировали неплохую выучку, разбив под Мадридом основную часть марокканского корпуса Франко. Перед гвадалахарскими событиями в армии Республики было 350 тысяч бойцов, из которых 120 тысяч находились на Мадридском фронте, 70 тысяч — на юге и в Эстремадуре, 50 тысяч — в Каталонии, 50 тысяч — на севере, остальные — в тылу и на средиземноморском побережье. К сожалению, очень плохо обстояло дело с техникой. 100 самолетов и 70 танков — вот чем располагала тогда Республика.

Центральным участком боев на протяжении всей зимы по-прежнему оставался Мадрид. Работу в войсках там приходилось вести с учетом их неоднородности. Самыми надежными считались испанские ударные бригады и интернациональные бригады. Последние состояли из добровольцев-антифашистов нескольких десятков национальностей, в значительной своей массе коммунистов.

Первая интербригада, называвшаяся в армии 11-й, имела вначале трехбатальонный состав. В целом она хорошо действовала и блестяще выполнила свою роль. Между прочим, немало ее бойцов участвовало еще в первой мировой войне. Вторая интербригада, называвшаяся 12-й, тоже была сначала трехбатальонной. По своим боевым качествам она не уступала старшей по возрасту сестре. Эти две бригады, фактически равнявшиеся по численности двум полкам, отмечали свой день рождения осенью. Их основной контингент состоял из немцев, французов, поляков и итальянцев. Но там были и многие товарищи других национальностей. Лучшим мне представлялся батальон имени Тельмана. В основном в него входили немецкие эмигранты. При мне за все время боев ни одного пистолета, ни одной винтовки,

ни одного пулемета не оставил этот батальон на поле боя и никогда без приказа не отступал.

В декабре возникли славяно-немецко-французская 13-я и преимущественно французско-бельгийская 14-я интербригады. Наконец в январе сформировалась 15-я, главным образом англо-американская, интербригада. Потери во всех батальонах были исключительно тяжелыми. В некоторых ротах за четыре месяца личный состав сменился трижды. Однако боевой дух интернационалистов оставался всегда чрезвычайно высоким. В период затишья между боями их обычно выводили в резерв, а когда снова разгорались бои, бросали на наиболее угрожаемые направления. В целом за все время войны в Испанию приехало 35 тысяч волонтеров. Седьмая их часть погибла в боях. А до февраля 1937 года через интербригады прошло 15 тысяч человек.

Ударные испанские бригады тоже быстро выросли в крепкие и боеспособные соединения, обладавшие хорошим командирским и комиссарским составом. Эти бригады успели с лучшей стороны проявить себя во время харамской операции и накануне гвадалахарского сражения являлись основой республиканской армии. Из 100 испанских бригад к ним по боевым качествам можно было отнести в первую очередь (называю тех, кого помню) двухбригадную дивизию Листера, 1-ю ударную бригаду, 3-ю бригаду Галана, 6-ю бригаду Гало и 69-ю бригаду Дюрана. (Следует учесть, что я сталкивался в основном с частями, сражавшимися под Мадридом. В других местах наверняка имелись и иные высокобоеспособные части.)

При формировании первых шести испанских бригад основные кадры для них были взяты из знаменитого 5-го полка народной милиции. Четверо из этих шести комбригов являлись коммунистами. Большинство остальных бригад переформировали из народных отрядов, колонн и полков милиции. Значительной части их личного состава были присущи незаурядные индивидуальные качества. Однако в целом по боеспособности они резко уступали ударным. Порой они только назывались регулярными, а кое-где вообще процветала партизанщина. Эти бригады неплохо несли повседневную боевую службу, но не выдерживали длительного напряжения и не умели вести маневренные действия. Оторвать их от какого-то места и послать на другой участок было очень трудно. Из называли «позиционными».

Главным недостатком вновь комплектовавшихся бригад я считал чрезмерную впечатлительность их солдат. Все решал первый бой. В случае удачи бригада быстро попадала в лучшие. При неудаче ее командирам долго потом приходилось воспитывать солдат.

Каждому советскому профессиональному военнослужащему, находившемуся тогда в Испании, вероятно, запомнились три особенности, характерные для республиканской армии на самых первых порах. Одна заключалась в слабой роли младшего комсостава. Унтер-офицеры были нередко безынициативны, подготовлены слабо, да и солдаты признавали только офицеров. Если офицер в подразделении отсутствовал, младшего командира плохо слушались. Боевая единица начиналась практически со взвода или роты. Отсюда большая скученность солдат в бою, их стремление держаться поближе к офицеру и тяжелые потери от артиллерийско-пулеметного огня.

Вторая особенность состояла в призыве пополнения по партийному признаку. Каждая партия (коммунисты, социалисты, анархисты) предпочитала комплектовать «свои» части. Из таких частей наибольшую известность приобрел 5-й полк народной милиции, о котором я уже упоминал. Перед зимней кампанией именно из этого многотысячного полка (всего через него прошло 70 тысяч бойцов), имевшего много коммунистов в своих рядах, были выделены основные кадры для формирования ударных испанских бригад.

Третья особенность — это своеобразное отношение к приему пищи. Время, отведенное на завтрак, обед и ужин, считалось священным (между прочим, то же было и у франкистов). Нередко, если подходило время приема пищи, офицер не отдавал приказа идти в бой. Были случаи, когда во время сражения командиры кричали: «Трапеза!» — и перестрелка прекращалась, начинался обед. Однако почти все недостатки в республиканской армии окупались неимоверным энтузиазмом, царившим в ней. Революционный дух, ненависть к фашизму, стремление защитить демократию овладели народными массами прочно и неистребимо. И дух этот делал чудеса.

Под Гвадалахарой

Итальянцы на горизонте.— Мнение хунты.— Встречались и такие! — От Лакалле до Хурадо.— Переходим в контрнаступление.— Гвадалахара становится словом нарицательным.— Братские руки Испанской республики.

В марте 1937 года начался новый этап революционно-освободительной войны испанского народа. Он ознаменовался резким усилением активности фашистских сил. Потерпев неудачу в попытке пробиться к Мадриду с юго-востока, вдоль русла Харамы, Франко, потерявший там ударные кадры своего марокканского корпуса, сделал теперь ставку на итальянский экспедиционный корпус. Его соединения (до 60 тысяч человек) сосредоточивались в районе Гвадалахары, к северо-востоку от Мадрида. Гвадалахара лежит на реке Энарес, впадающей в Хараму. Таким образом, фашисты по-прежнему ставили себе целью пробиться к столице через харамский бассейн, но уже с другой стороны. Вероятно, фашистская агентура пронюхала, что здесь у республиканцев находятся лишь заградительные отряды, состоящие преимущественно из «позиционных» бригад, и Франко вознамерился внезапным ударом прорваться сквозь слабый заслон, с ходу войдя в Мадрид. Между тем республиканская разведка работала плохо. Она прозевала сосредоточение итальянцев под Гвадалахарой, правительство попрежнему было целиком поглощено боевыми операциями у Харамы.

Что же представлял собой экспедиционный корпус, с которым вскоре пришлось столкнуться республиканцам на Гвадалахарском направлении? Сюда были подтянуты три фашистские волонтерские дивизии, до 8 тысяч человек в каждой, полностью моторизованная итальянская дивизия «Литторио» (до 10 тысяч человек) и две полумоторизованные итало-испанские бригады. Корпусу придали около 60 самолетов. Командовал им дивизионный генерал Манчини (псевдоним генерала Роатты). Немало его офицеров прошли боевую практику на полях Эфиопии.

Особые надежды возлагали итальянцы на дивизию «Литторио». Ее командир, генерал Бергонцоли, возглавлял ту мотогруппу войск, которая проделала марш в несколько сот километров и заняла столицу Эфиопии Аддис-Абебу. От Муссолини

он получил персональное задание таким же образом ворваться в Мадрид. Хуже выглядели кадры волонтерских дивизий. Их консулы, синьоры, центурионы и капоманипулы (то есть полковники, майоры, капитаны и лейтенанты) служили раньше в фашистской милиции. Они лихо орудовали, когда нужно было расправиться с бастующими рабочими или безоружной демонстрацией, но на поле боя вся их смелость нередко улетучивалась, а воинские способности оказывались не на высоте.

Экспедиционный корпус назывался добровольческим. Однако пленные показали, что на деле сформировали его в порядке общей мобилизации, не брезгуя прямым обманом итальянцев. Перед нашими глазами во время допросов пленных проходили батраки, строители, уличные торговцы, шоферы, сапожники, горнорудные рабочие, мелкие служащие, крестьяне, парикмахеры. Многие из них являлись членами фашистской партии, но заявляли, что на фашизм им наплевать, а в партию они вступили, чтобы не остаться безработными или в целях служебной карьеры. Большинство было завербовано в отряды военизированных рабочих, направлявшиеся, как им было объявлено, в Африку, и только на пароходе им сказали, куда их везут на самом деле. Цель поездки в Испанию волонтерам очертили так: «поддержать общественный порядок и ликвидировать традиционно плохое отношение в Испании к женщинам и детям». А солдаты, которые попали в экспедиционный корпус из регулярной армии, вообще стали «добровольцами» преимущественно по жеребьевке, проведенной в подразделениях берсальеров в принудительном порядке. Имелись там и настоящие добровольцы — отпетые фашисты. Но таких было не так уж много.

Еще 6 марта я получил первые тревожные сообщения о сосредоточении итальянцев южнее Сигуэнсы. Тревожные потому, что в этом районе стояла лишь одна 12-я республиканская дивизия. Ее пять бригад растянулись на фронте в 80 километров. Из 10 тысяч бойцов только 6 тысяч имели винтовки. Дороги были прикрыты всего 85 пулеметами и 15 орудиями. Что собираются предпринять итальянцы? Простая демонстрация противником своего «наступательного духа» или начало серьезной операции? Если речь шла именно о последнем, то тревожиться стоило. Система обороны севернее Гвадалахары не была развита в глубину. Окопы отрыли в полный рост, но проволочные заграждения существовали лишь кое-где, сплошной линии окопов тоже не было, а блиндажи годились скорее для жилья, чем для боя. Обучить 12-ю дивизию как следует

командование еще не успело. Некоторые дефиле в горах под Гвадалахарой были прикрыты отрядами гражданских гвардейцев всего в несколько десятков человек.

Я попытался получить более точные сведения о противнике в хунте обороны. Однако там отнеслись к сообщению о возможных боях на Гвадалахарском направлении несерьезно. «Эль-Пардо — вот где будет сейчас наступать Франко»,— сказали мне. Генерал Миаха не верил данным о сосредоточении врага у Сигуэнсы. Справедливости ради скажу, что советский военный атташе в Испанской республике В. Е. Горев поддерживал эти взгляды и тоже не придавал полученным сведениям должного значения.

Гораздо внимательнее, чем Миаха, отнеслись к делу испанские коммунисты. В то время шел пленум ЦК компартии, и товарищи из ЦК, с которыми я связался неофициальным образом, обещали сообщить все, что узнают о враге. Чтобы разобраться (а сделать это нужно было немедленно, ведь речь шла о судьбе Мадрида), я направил в Гвадалахару А. И. Родимцева. Утром 7 марта от него пришло донесение, мало меня обрадовавшее. Судя по всему, там действительно появились итальянцы. Я вместе с Б. М. Симоновым в тот момент объезжал позиции на Хараме. Ознакомившись с донесением Родимцева, мы решили тотчас ехать на гвадалахарский участок. По дороге успели побывать в штабе 3-го испанского корпуса и договорились о срочном выводе нескольких бригад для отправки их под Гвадалахару. Я вызвал командира танковой бригады Д. Г. Павлова и отдал ему распоряжение готовить боевые машины также для переброски на северо-восток.

Побывали и в штабе 12-й дивизии. Картина, которую мы там увидели, была достойна пера юмориста. Но нам тогда было не до смеха. Площадь перед домом утопала в грязи. Комдив, саперный полковник Лакалле, со второго этажа дома беспомощно поглядывал в окно, боясь выйти наружу и запачкать ноги. Нас он встретил на лестнице. Перед нами стоял в грязной нижней сорочке, шерстяных носках и ночных туфлях небритый человек. Когда мы попросили его рассказать об обстановке, он повел нас к карте. Карта представляла собой кое-как сложенные вместе, даже не склеенные листы. На них цветной ленточкой было изображено что-то вроде линии фронта. Но проходила она гораздо севернее, чем мы думали!

— Вы отбросили итальянцев до этого рубежа? — спросил я.

— Нет, они были здесь вчера,— спокойно отвечал комдив.

Оказалось, что это вчерашние данные. А где же сегодняшние? Комдив искренне удивился. Откуда ему знать, если комбриги еще не обедали? Выяснилось, что командиры бригад ежедневно приезжали к нему за 50—60 километров обедать и во время еды рассказывали об обстановке. Другими сведениями комдив не располагал.

Делать нам в штабе больше было нечего. Мы уже собрались ехать в 50-ю бригаду, как вдруг наше внимание привлек шум на соседнем дворе. Там скандалили бойцы батальона «Теруэль» 33-й бригады, присланные в качестве подкрепления. Подумать только, они прибыли в штаб дивизии, а им вместо отдыха преподносят приказ о выступлении на фронт. Пытаемся уговорить их, но бесполезно. Обращаемся к наштадиву-12: есть ли в Бриуэге резерв? Узнаем, что имеется батальон 48-й бригады, но без оружия. На вооруженных теруэльцев с его помощью не воздействуешь... Ладно, говорим теруэльцам, отдавайте оружие другим, а сами отправляйтесь в тыл, как трусы! Ни малейших следов стыда или раскаяния не видим. Бойцы снимают оружие и складывают его во дворе. Тут же винтовки были переданы резерву, а «Теруэль» возвратили в Мадрид. Впоследствии мы узнали, что в этом подразделении оказался ряд франкистских агентов, а некоторые бойцы были заражены анархистскими идеями.

Тем временем мы встретились с командиром 11-й интербригады Гансом Каале, по тревоге поднявшим свою бригаду, а с фронта приехал комбриг-50. Начали мы его расспрашивать о положении. Он спокойно рассказывает, что его бригада отступает и нет гарантий, что она остановится.

— А вы зачем приехали?

— Как зачем? Обедать!

Мы подумали, что комдив-12 тут же отстранит от командования легкомысленного комбрига. Но тот не менее спокойно пригласил его к столу. Иначе отнесся к делу товарищ Ганс. Разложив карту, мы посоветовались и наметили меры, которые необходимо предпринять немедленно, а также определили, как использовать интернационалистов и все другие резервы, которые подойдут сюда, с тем чтобы превратить этот участок в костяк обороны и плацдарм для контрнаступления. Комдив-12 согласился со всеми предложениями и спокойно ушел обедать. Комбриг-50 поехал с нами, по шоссе на северо-восток. Навстречу брели безоружные солдаты, как раненые, так и здоровые.

Завидев нас, они поспешно спускались с шоссе в грязь и стремились спрятаться где-нибудь в стороне. Издали доносился сильный артиллерийско-пулеметный огонь. По мере приближения к фронту поток отступавших возрастал. На 93-м километре Французского шоссе мы наткнулись на штаб 50-й бригады. Настроение там было неважное, боем он не управлял. Из всех офицеров только молодой и энергичный коммунист, командир 2-го батальона, вел себя достойно. Он останавливал отступающих, пытался сколотить из них группы и вернуть назад.

Что же случилось? Выяснилось, что, пока танки стреляли в фашистов, пехота держалась в обороне. Но вот у танкистов кончились боеприпасы, подошло к концу горючее, и они отправились заправляться. Пехота сейчас же восприняла это как сигнал к отступлению и стала отходить на юг. Тем временем немецкие и итальянские самолеты бомбили ее и расстреливали из пулеметов. Две республиканские батареи, поставленные для стрельбы по танкам прямой наводкой, были увлечены общим потоком, снялись с огневых позиций и тоже стали отходить. Тут же за ними влез на машины штаб 50-й бригады и, обгоняя пехоту, помчался в тыл. У километровой отметки были в тот момент полтора десятка солдат, три танка и несколько командиров. Впереди показался противник. Перед ним отходили, пятясь в нашу сторону, остатки бригады — самые стойкие из ее бойцов. Вдоль шоссе ползла прямо на нас группа в 15—18 итальянских танков. За ними двигалась автомобильная колонна. В трех километрах от нас из леса открыли огонь фашистские батареи. Справа от шоссе поле было пустым до самого горизонта, а слева вдали виднелись какие-то люди, цепочкой шедшие на юго-запад. Позднее мы узнали, что это наступало головное подразделение франкистского батальона «Америка».

Г. Каале поехал поторопить своих интернационалистов. А человек 400 из бригады, наскоро отрыв укрытия, рассыпались вправо и влево от шоссе и заняли оборону на 88-м километре. Вдруг с юга показался автомобиль, а из него вылез комдив-12. Полковник Лакалле с нескрываемым удивлением начал рассматривать картину, представившуюся его глазам, а потом пошел вдоль цепи солдат, спрашивая:

— Что тут происходит?

Кто-то сказал:

— Разве не видите? Итальянцы!

— Где? — вскрикнул полковник.

— Да вон они виднеются.
— И что же они делают?
— Как что? Наступают на Бриуэгу.

Услышав это, комдив сейчас же залез в автомобиль и повернул назад, крикнув на прощание: «У меня там семья!» Он промчался мимо немецкого батальона из 11-й интербригады, даже не остановившись узнать, кто это и куда движется. Батальон этот Каале расположил на 83-м километре. Б. М. Симонов поехал в Ториху, чтобы направить оттуда в этот же пункт батальон имени Парижской коммуны. Поступили донесения, что левый фланг еще держится, а на правом итальянцы крепко наседают. Туда был отправлен из Бриуэги резервный батальон 48-й бригады, тот самый, которому мы передали оружие «теруэльцев». Так началось памятное сражение под Гвадалахарой.

К 11 марта республиканцам удалось в упорных и ожесточенных боях остановить итальянцев. В тот же день было принято ответственное решение — не эвакуировать столицу, как предлагали некоторые, а, напротив, готовиться к переходу в контрнаступление, чтобы отбросить фашистов от столицы. Решено было также объединить все войска Гвадалахарского направления под одним командованием и организовать из них регулярные соединения. Понадобилось четверо суток напряженных боев, чтобы хунта обороны поняла серьезность положения и приняла предложение о сведении всех отдельных бригад в четыре дивизии, а дивизий — в 4-й армейский корпус. Для пополнения соединений корпуса штаб фронта посылал еще несколько частей.

Реорганизация войск на Гвадалахарском направлении была произведена следующим образом. Командиром корпуса хунта назначила подполковника Хурадо, ранее командовавшего 1-й дивизией. Начальником штаба у него стал майор Муэдра, прежде являвшийся начальником штаба 3-го корпуса, действовавшего у Харамы. Старшим советником при командире корпуса был назначен Б. М. Симонов. В состав корпуса включили прежде всего 12-ю дивизию. Ее прежнего командира Лакалле, столь дурно проявившего себя в решающие дни оборонительных боев, заменил коммунист подполковник Нино Нанетти. Ему подчинялась помимо 48, 49, 50 и 71-й бригад новая, 35-я бригада. В задачу дивизии входило прикрывать левый фланг республиканской линии войск под Гвадалахарой. Действовать на центральном участке, вдоль Французского шоссе, предназначили

11-й дивизии во главе с майором Энрике Листером. Под его командованием оказались отборные соединения: 2-я бригада, и ранее подчинявшаяся Листеру, 11-я и 12-я интербригады, и 1-я ударная бригада. На правом фланге должна была сражаться 14-я дивизия во главе с анархистом майором Мера. В ее состав входили вновь прибывшие 65-я и 70-я бригады, а также 72-я. Наконец, несколько отдельных частей резерва в совокупности составляли по силам еще одну дивизию. Сюда вошли танковая бригада и два кавалерийских полка. Действия корпуса обеспечивались фронтовой авиацией — группой из 71 самолета. В течение недели все эти части и соединения были перегруппированы и подготовлены к контрнаступлению.

За тремя подписями (моей, Б. М. Симонова и Д. Г. Павлова) штабу фронта был представлен «План организации операции против итальянского экспедиционного корпуса». Одновременно главному военному советнику в Валенсию за двумя подписями (моей и В. Е. Горева) пошла телеграмма о неотложных мерах помощи, которых мы ждем и о которых он должен сообщить республиканскому правительству. Штаб фронта рассмотрел этот план и утвердил его.

Тем временем 11 марта с утра республиканцы еще раз отбили все атаки итальянцев. И испанские части, и интернациональные сражались блестяще, держались стойко и мужественно. Не было ничего похожего на первые дни боев под Торихой. С утра того же дня начали вступать в должность и новые командиры. Комкор Хурадо быстро разобрался в обстановке и в дальнейшем действовал со знанием дела. Он мог бы добиться еще большего, если бы не подчеркивал свою «надпартийность» и не боялся контактов с коммунистами. Его начальник штаба Муэдра отличался исключительной работоспособностью. Практически он тащил на себе бремя всех дел в штабе корпуса. Составленные им документы были весьма красочны: элементарный приказ превращался в длинное литературное послание. Столь же велеречиво он изъяснялся, явно питая склонность к художественной манере речи. Некоторым недостатком обоих этих офицеров было намерение руководить операциями только из штаба. Они в том не виноваты. Так воспитывалось в старой испанской армии все кадровое офицерство.

Успехи республиканских войск вдохновили местное население. Десятки тысяч людей добровольно вышли с лопатами и кирками в руках рыть окопы и противотанковые рвы. Они несли плакаты: «Долой Муссолини!», «Испания — испанцам!»

Особую популярность в те дни получила поговорка: «Испания — не Абиссиния». Помнится, она стала даже своеобразным пропуском. Проходящий говорил пароль: «Испания», в ответ следовал отзыв: «Не Абиссиния».

Вскоре республиканцы перешли в контрнаступление. Его ход убедил в полной возможности не только отбросить итальянцев от Гвадалахары, но и разгромить их. Как главный военный советник фронта я все время твердил об этом членам мадридской хунты обороны. По общей договоренности меня энергично поддерживали на местах все другие советники, общавшиеся непосредственно с офицерами в частях и подразделениях, а испанские коммунисты агитировали в том же духе во всех звеньях снизу доверху.

Генерал Миаха тоже не возражал против активных действий. Но он стремился не отводить далеко от Мадрида оборонявшие город соединения. Кроме того, снова вспыхнули политические разногласия: левые республиканцы, социалисты и анархисты не хотели, чтобы ударную группу войск под Гвадалахарой возглавил коммунист Листер. Началось «политическое урегулирование». Я старался держаться от всего этого подальше, но поневоле должен был соприкасаться с политической стороной дела, с сожалением наблюдая, как «внутренние соображения» мешали правительству Кабальеро укреплять дело обороны Республики.

Вплоть до 17 марта обе стороны приводили войска в порядок и укрепляли свои позиции. Лишь на флангах шли бои местного значения. Прибывали новые резервы и пополнения. Уставшие подразделения выводились на отдых и заменялись другими. Проводилась разведка боем. Любопытны попавшие в наши руки приказы, которыми в те дни генерал Манчини и его начальник штаба Феррарис пытались подбодрить дух своих солдат. Например, отмечалось, что на «XV году фашистской эры» младший комсостав заражен шкурнической и пацифистской идеологией; что учащаются случаи самострелов; что под перевязками у «раненых» не обнаруживалось ран; «русские танки не являются заколдованными»; «когда мы мокнем под дождем, то интернационалисты в это время тоже не обедают в ресторане» и т. п.

Пленные и перебежчики сообщали о нервозности итальянского командования. Каждый разведпоиск принимался фашистами за переход в наступление, каждый орудийный выстрел — за начало артподготовки. Это настроение передалось и подчиненным. Только оголтелые фашисты кричали еще

о «вступлении» в Мадрид. Большинство же солдат надеялось на успешную оборону и уже не мечтало об «отдыхе на мадридских верандах».

Так закончился второй этап гвадалахарской операции. Разработанный военными советниками и предложенный хунте обороны план разгрома фашистов основывался только на наличных войсках. Он заключался в нанесении итальянцам серии последовательных ударов и уничтожении их корпуса по частям. Это исключало варианты, предполагавшие серьезную перегруппировку сил, и приводило к решению, рассчитанному на быстротечность операции.

Сначала предлагалось разбить бриуэгскую группировку врага ударом наиболее сильных республиканских бригад, поддержанных почти всеми танками и авиацией, с последующим охватом Бриуэги с северо-запада при отвлекающем ударе на Бриуэгу с востока. Затем ударная группа резко меняла направление наступления и отрезала дивизии «Литторио» пути ее отхода при одновременной сковывающей атаке с юга вдоль Французского шоссе. Конечным результатом должно было явиться полное восстановление положения, существовавшего до начала итальянского наступления. Такой замысел позволял меньшими силами Республики разбить превосходившие их здесь силы итальянцев. Командование фронтом приняло этот план без поправок, но обусловило его выполнение тремя днями, так как хотело затем перебросить часть войск из-под Гвадалахары к Хараме и Эль-Пардо.

19 марта началось контрнаступление. 20 марта республиканцы преследовали отступавшего противника, а к 21-му практически операция закончилась. Когда дивизия Листера отходила на отдых, население на всем пути ее следования восторженно встречало победителей. В воинские части прибыли рабочие делегации из столицы, передавшие братский привет трудящихся и подарки.

Как сообщали, фашистский генерал Манчини, два его комдива и ряд командиров бригад были смещены с постов, а итальянская пропаганда перешла к крикам и требованиям «отомстить», «реабилитировать себя» и т. п. Однако на протяжении весны 1937 года никаких решительных действий предпринято ими здесь не было. Все еще сказывалось тяжелое поражение под Гвадалахарой. Самое слово «Гвадалахара» стало нарицательным и так же вошло в историю, как в свое время вошли в историю селения Адуа и Капоретто, где в 1896 году и в годы первой мировой войны были разбиты итальянские войска.

Эти события привели и к своеобразному размежеванию в стане фашистов. Пленные рассказывали, что офицеры испанских мятежников весной 1937 года иногда отказывались здороваться на улицах и в ресторанах с итальянскими офицерами. Франкистская печать, сначала много писавшая о марокканцах, а потом о волонтерах Муссолини, опять переменила тему, перейдя к восхвалению наваррцев, новой «гвардии» Франко. Штаб матежников временно оставил всякие попытки захватить столицу и перенес операции на Север, где в районе Бильбао и Сантандера у республиканцев стояли более слабые бригады. Упадком итальянского влияния не преминули воспользоваться немцы. Как выяснилось впоследствии, в самый разгар итальянского отступления, 20 марта, Франко подписал с посланцем Гитлера секретный протокол о расширении германской помощи мятежникам.

Теперь Республике нужно было воспользоваться успехом под Гвадалахарой, чтобы повторить его и на других фронтах. Но вместо этого правительство Кабальеро опять занялось интригами против коммунистов. Потом вспыхнул мятеж анархистов в Барселоне. Все это кончилось тем, что под давлением возмущенных народных масс оппортунисты отступили, и к власти пришло новое правительство во главе с Хуаном Негрином. При нем Народный фронт окреп, а на Мадридском фронте была начата важная операция под Брунете. Но она развертывалась уже без меня, и о ходе ее я узнавал из газет.

Настал срок моего возвращения на Родину. Тепло прощались со мной испанские товарищи. Особенно горячими были рукопожатия коммунистов. Мне не забыть тех братских слов, что говорили нам лидеры Компартии Испании. Улыбка Пасионарии, нервное пожатие ее тонких пальцев, объятия друзей по совместной работе... Перед отъездом из Валенсии в нашу честь была проведена коррида, и я увидел знаменитый бой быков. А потом испанские берега заволокло туманной дымкой, и они потонули в средиземноморской дали...

Приятно было сознавать, что деятельность в Испании была высоко оценена Советским правительством: за оборону Мадрида осенью 1936 года и харамские бои я был награжден позднее вторым орденом Красного Знамени (первый получил за бои под Казанью в 1918 году), а за участие в разгроме итальянского экспедиционного корпуса под Гвадалахарой — орденом Ленина.

В Генштабе и в округах

*Здравствуй, Родина! —
Только правду.—
Рядом с Шапошниковым.—
Что такое Главвоенсовет.—
В Приволжском округе.—
Безопасность города Ленина.—
Жданов, Кузнецов, Штыков...—
Строить и строить!—
Границу — на замок!*

1 июня 1937 года поезд, в котором я ехал из Франции через Германию и Польшу, пересек границу. Я вернулся на Родину. С этого момента начались для меня четыре предвоенных года, составившие в моей жизни особый этап. Никогда раньше не занимал я таких ответственных служебных постов, как те, что доверили мне после приезда из Испании: работа в Генеральном штабе и на высшей должности в военных округах; участие в мероприятиях, связанных с укреплением советской северо-западной границы в 1939—1940 годах и с упрочением мощи всей нашей армии накануне неумолимо надвигавшейся второй мировой войны и в первый ее период; работа в Наркомате обороны...

По напряжению, которое я тогда испытывал, эти четыре года могут сравниться только с годами Великой Отечественной войны. В то же время непосредственное общение с советскими государственными и партийными деятелями дало мне очень многое. Меня учили мыслить не только как военнослужащего, хотя бы и высокого ранга. Наблюдая вплотную за тем, как решались нашими партийными и государственными органами важнейшие экономические и политические проблемы, как ставились и обсуждались связанные с ними вопросы, я учился масштабности мышления, учился рассматривать события прежде всего в крупном плане, с точки зрения общегосударственных интересов.

Неверно было бы думать, что ранее это не имело места. Все мы сверху донизу, каждый на своем посту, вносили лепту в общее дело: и красноармеец, на полигоне готовивший себя к борьбе с настоящим противником; и рабочий, обтачивавший на станке деталь; и колхозник, собиравший в закрома хлеб для Родины; и ученый, разрабатывавший проблемы научно-технического прогресса; и служащий, подсчитывавший в учреждении ежедневные расходы и доходы. Но никогда прежде я так остро не чувствовал, что от точности и безошибочности того, что я делаю на доверенном мне посту, тоже в какой-то степени, пусть ограниченной, зависит наше общее благополучие. И чем сильнее ощущал ложащуюся на меня ответственность, тем с большей благодарностью и уважением вспоминал тех, кто вывел меня в люди.

Настоящую дорогу в жизнь открыл предо мною Великий Октябрь; Коммунистическая партия пестовала меня и воспитывала; старшие товарищи и друзья передавали мне свои знания и опыт. В воспоминаниях перед глазами проплывал полустертый годами или расстоянием облик тех, кто еще трудился во славу социалистической Отчизны, и тех, кого уже не было: крутой лоб Микова, впалые щеки и бородка Ошмарина, скуластое лицо Говоркова, волевые глаза Степиня, мужественный образ Уборевича...

Незабываем июнь 1937 года, когда я после девятимесячного отсутствия ступил на родную землю. Тогда радость возвращения была омрачена печалью и ужасом известия о том, что Тухачевский, Уборевич, Якир и другие видные военачальники разоблачены как изменники и враги. Адъютант наркома обороны Р. П. Хмельницкий поздравил меня с успешным возвращением и пригласил срочно прибыть в наркомат. Я ожидал, что мне придется рассказывать об испанских делах, и собирался доложить о том главном, что следовало, на мой взгляд, учесть как существенный опыт недавних военных действий. Получилось же совсем по-другому. В зале заседания наркомата собрались многие командиры из руководящего состава РККА, и вскоре нас ознакомили с материалами относительно М. Н. Тухачевского и остальных. А еще через несколько дней в Кремле состоялось совещание высшего комсостава, на котором обсуждалось трагическое событие. Выступал ряд лиц, и многие из них говорили о том, кого из числа обвиняемых они ранее подозревали и кому не доверяли.

Когда на совещании мне предоставили слово, я начал рассказывать о значении военного опыта, приобретенного в Испа-

нии. Обстановка была трудная, из зала слышались отдельные реплики в том духе, что я говорю не о главном. Ведь ни для кого не было секретом, что я долгие годы работал с Уборевичем бок о бок. И. В. Сталин перебил меня и начал задавать вопросы о моем отношении к повестке совещания. Я отвечал, что мне непонятны выступления товарищей, говоривших здесь о своих подозрениях и недоверии. Это странно выглядит: если они подозревали, то почему же до сих пор молчали? А я Уборевича ни в чем не подозревал, безоговорочно ему верил и никогда ничего дурного не замечал. Тут И. В. Сталин сказал: «Мы тоже верили им, а вас я понял правильно». Далее он заметил, что наша деятельность в Испании заслуживает хорошей оценки; что опыт, приобретенный там, не пропадет; что я вскоре получу более высокое назначение; а из совещания все должны сделать для себя поучительные выводы о необходимости строжайшей бдительности.

Вскоре начальник Управления кадров Наркомата обороны А. С. Булин сообщил, что я назначен заместителем начальника Генерального штаба Б. М. Шапошникова.

Работать вместе с Борисом Михайловичем и под его прямым руководством — это была большая честь и серьезное испытание деловых качеств каждого. Шапошников считался у нас «патриархом» штабной службы. К тому времени он уже около двадцати лет занимал ведущие должности в Генеральном штабе, по заслугам ценился как крупнейший в СССР специалист своего дела, и мне очень не хотелось ронять себя в его глазах. Борис Михайлович превыше всего ставил два момента: максимально полное выполнение штабами их предназначения и культуру штабной работы. Он, как никто, умел использовать все то лучшее, что было внесено в деятельность российского Генштаба еще при Д. А. Милютине и Н. Н. Обручеве, а потом поднято на уровень современных требований в советских органах — Всероссийском главном штабе (до 1921 года) и штабе РККА (до 1935 года). Именно он приложил, наряду с другими видными советскими генштабистами, все усилия к тому, чтобы полностью претворить в жизнь завет М. В. Фрунзе о создании и развитии «могучего и гибкого военно-теоретического штаба пролетарского государства».

Вступая в новую должность, я вспомнил о том, как легко удалось мне установить контакт с И. П. Уборевичем после того, как ознакомился с его трудами и постиг таким путем склад мышления и привычный образ действий непосредственного начальника. Естественно, что, находясь долгое время на штаб-

ной работе, я не раз обращался к соответствующим фундаментальным сочинениям по специальности, скажем к книге Н. Головина «Служба Генерального штаба» или Ф. Макшеева «Русский Генеральный штаб». Служа в Москве уже вместе с Уборевичем, я систематически изучал только что вышедшее тогда в свет трехтомное сочинение Б. М. Шапошникова «Мозг армии». Теперь я решил еще раз проштудировать этот труд, и, как показала жизнь, не напрасно.

Коллектив, членом которого я стал, в своем большинстве давно был мне известен. Он состоял в подавляющей массе из способных и талантливых людей, беспредельно преданных делу Коммунистической партии и не мысливших себя вне служения на военном поприще. Трудолюбие сотрудников Генштаба не поддавалось описанию. Если требовала обстановка, они могли работать днем и ночью, чтобы выполнить задание.

Будучи заместителем начальника Генерального штаба, я являлся одновременно секретарем Главного военного совета. Должность эта налагала на исполнителя большую ответственность и требовала, помимо того, личной инициативы, полной организованности и даже немалых физических усилий, так как очень утомляла. Заседания ГВС проводились дважды либо трижды в неделю. Как правило, на них заслушивались доклады командующих военными округами или родами войск.

В Совет входило человек восемь из руководителей Наркомата обороны, а председательствовал народный комиссар. По каждому рассматривавшемуся вопросу принималось решение. Затем оно утверждалось наркомом и направлялось И. В. Сталину. Это означало, что практически ни одна военная или военно-экономическая проблема, стоявшая перед страной, не решалась без прямого участия Генерального секретаря ЦК ВКП(б). От него проект партийно-правительственного решения поступал на рассмотрение правительства СССР, принимался там, иногда с некоторыми поправками, и поступал далее в Генштаб уже как постановление, обязательное для исполнения. Сталин часто присутствовал на заседаниях ГВС. В этих случаях он приглашал вечером его членов, а также командующих округами и окружных начальников штабов к себе на ужин. Там беседа нередко продолжалась и затягивалась до поздней ночи, причем Сталин подробнейшим образом расспрашивал военачальников о положении на местах, о запросах, требованиях, пожеланиях, недостатках и поэтому всегда был в курсе всей армейской жизни.

Мое вступление в новую должность не обошлось без курьеза. Получив назначение, я ждал, что Б. М. Шапошников вызовет меня для беседы и даст указания по работе. Сижу в своем кабинете, знакомлюсь с делами, а начальство все не вызывает. Проходит день, второй, третий... Как быть? Возможно, начальник Генштаба хотел посмотреть, сумею ли я проявить самостоятельность и инициативу. Может быть, у него были и иные соображения. Только вижу я, что надо что-то предпринимать. Приказ о назначении был подписан. Значит, я имею право действовать. Начал я, познакомившись с делами, вызывать к себе подчиненных и отдавать распоряжения. Примерно через неделю подчиненные один за другим стали сообщать мне, что Шапошников спрашивает, почему делается так, а не иначе, кто распорядился и т. п. Вскоре он меня вызвал. Доложил я ему о проделанном за эти дни. Борис Михайлович воспринял все как должное.

И ЦК ВКП(б), и Совет Народных Комиссаров уделяли огромное внимание вопросам обороны СССР. Судя по тому, как часто Секретариат ЦК партии интересовался состоянием Красной Армии, как обстоятельно и почти непрерывно вникал в ее жизнь И. В. Сталин, не будет преувеличением, если я скажу, что руководство партии все свои помыслы направляло на то, чтобы обеспечить безопасность социалистической державы, чтобы страна всегда была готова отразить удар врага. Ни одна крупная задача в области промышленности или сельского хозяйства, в сфере партийной, государственной или общественной деятельности не решалась без учета того, как связана она с укреплением обороноспособности СССР, как влияет на его международное положение и как отражается на росте мощи РККА. В течение того года с небольшим, что я пробыл в должности секретаря Главного военного совета, партия и правительство приняли ряд решений по разным крупным военным мероприятиям, бившим в одну точку — укрепление обороноспособности страны. Любой наш успех в развитии народного хозяйства, любой поворот в международной обстановке тотчас сопровождались внесением необходимых коррективов в программу строительства армии. И наоборот, каждый существенный запрос со стороны РККА в свою очередь вызывал ответные меры, заставляя выдвигать перед оборонной промышленностью новые задачи.

Та пора памятна мне и еще одним событием: я удостоился чести быть избранным в депутаты Верховного Совета СССР (первого созыва).

Как-то в сентябре 1938 года И. В. Сталин вызвал меня и задал неожиданный вопрос: не трудно ли мне? Я ответил, что должности, которые я занимаю, дают человеку чрезвычайно много: я впервые со всей глубиной начал понимать, что такое государственная работа, мои познания и кругозор необычайно расширились. А сложностей действительно немало. К тому же нелегко сочетать исполнение обязанностей на двух должностях сразу. Сталин задумался, а потом заметил, что, пожалуй, я прав. На таких постах очень долго находиться одному и тому же человеку тяжело. А обстановка, верно, нелегкая. Все мы порой нервничаем. Пусть я поработаю еще некоторое время, а потом буду назначен командующим одним из военных округов. Пора, сказал он, пройти мне и через эту должность.

Вскоре я действительно получил назначение на пост командующего войсками Приволжского военного округа. Перед моим отъездом Сталин вновь беседовал со мною, интересовался, справлюсь ли я. Я дал утвердительный ответ, но обусловил его необходимостью оказывать мне помощь.

Большую помощь оказал мне и секретарь Куйбышевского обкома партии Н. Г. Игнатов. У нас с ним сохранились хорошие деловые отношения и позднее, когда перед Великой Отечественной войной я в ходе инспекционных поездок посещал Орловскую область, где он работал также секретарем обкома партии.

Командовал войсками Приволжского военного округа я недолго. За короткое время добиться существенных результатов было трудно. Тем приятнее было узнать, что на XVIII съезде партии меня избрали кандидатом в члены Центрального Комитета. Несколько ранее того я был назначен командующим войсками Ленинградского военного округа. Перед отъездом в Ленинград побывал в Наркомате обороны. Народный комиссар дал указание как можно тщательнее изучить театр военных действий округа в условиях разных времен года; постараться детально проанализировать состояние войск и их подготовленность на случай военного конфликта, опасность которого в связи с резким обострением международной обстановки быстро нарастала. Далее К. Е. Ворошилов предупредил, что Политбюро ЦК партии и лично И. В. Сталин очень интересуются обстановкой на нашей северо-западной границе, что Политбюро тревожит усиливающееся сближение Финляндии с крупными империалистическими державами, что мне вскоре придется докладывать об увиденном.

По прибытии в Ленинград я решил в первую очередь познакомиться с оперативными планами, имевшимися в штабе окру-

га. Мне показалось, что они несколько устарели. Это касалось, во-первых, Финляндии. Ведь буржуазная Финляндия в случае выступления империалистической коалиции против СССР оказалась бы наверняка в стане наших противников. Поэтому знать состояние ее армии, экономики и общие политические планы было для командующего войсками ЛВО, да и не только для него, жизненной необходимостью. Мы располагали в изобилии данными политического характера. Но конкретных сведений об армии Финляндии не хватало. Во-вторых, это касалось ее потенциальных союзников. Как конкретно собираются использовать Финляндию и другие страны Скандинавии главные враги социализма — Германия, Англия, Франция, США? В какой это стоит связи с их планами по вовлечению в антисоветскую авантюру трех буржуазных республик Восточной Прибалтики? Округ дополнительно запросил военную разведку в Москве. Мы получили развернутую информацию, но опять преимущественно экономического и политического характера. Собственно военных сведений было маловато, особенно о нацеленных на Ленинград финляндских военных сооружениях на Карельском перешейке, известных под названием линии Маннергейма.

Вторым по важности мероприятием на новом посту я считал установление товарищеских деловых контактов с областным и городским партийным и советским руководством. Первым секретарем Ленинградского обкома партии со времени трагической гибели С. М. Кирова был А. А. Жданов. Являясь одновременно секретарем ЦК ВКП(б), а с марта 1939 года членом Политбюро, Жданов играл огромную роль в повседневной жизни нашего северо-запада. Он был членом Военного совета ЛВО. Андрей Александрович предупредил, что помогать будет охотно, но, ввиду того что очень загружен всевозможными делами экономического и иного характера, к тому же находится нередко в Москве, посоветовал мне повседневный контакт поддерживать, особенно при решении проблем, не требующих вмешательства Политбюро, с товарищами Т. Ф. Штыковым и А. А. Кузнецовым. У меня быстро установился с ними полный контакт.

Алексей Александрович Кузнецов, секретарь горкома партии, еще молодой, однако очень инициативный работник, помогал мне, в частности, при разработке общих мероприятий округа и Балтийского флота, в котором он был членом Военного совета. Терентий Фомич Штыков, второй секретарь обкома ВКП(б), стал моим боевым товарищем на долгие годы. Ему

пришлось с небольшими перерывами служить позднее в качестве члена Военного совета 7-й армии, а затем трех фронтов в годы Великой Отечественной войны. Его боевая деятельность началась с финской кампании. Мы работали с ним бок о бок с осени 1939 года, а до этого я чаще обращался по разным вопросам к Жданову и Кузнецову. В свою очередь местная парторганизация вовлекла меня в деятельность по партийной линии, и я принимал участие в ее работе как член Ленинградского обкома, горкома и бюро обкома.

Впервые я познакомился с округом в зимнее время. С тех пор, как в начале 20-х годов я инспектировал здесь местные органы Рабоче-Крестьянской милиции, утекло много воды, но природа области, естественно, не изменилась. Как только выехал на Карельский перешеек, машину сразу обступили глубокие снега. Извивавшаяся между холмами дорога довольно скоро вывела к государственному рубежу. Я, конечно, хорошо знал, что граница находилась в 32 километрах от Ленинграда. Но одно дело — думать об этом на расстоянии, и совсем другое — став командующим, своими глазами убедиться, что дальнобойная артиллерия закордонного соседа может прямо со своей территории стрелять по улицам города Ленина. Ощущение было такое, что в самое сердце ЛВО уперся ствол вражеского орудия.

Ладожско-Онежский перешеек, наиболее развитая в экономическом отношении часть Карельской республики, был завален снегами еще сильнее. А тут еще и густые леса, и лежащие под снегом незамерзающие озера и болота, и крутые холмы. На случай военных действий местность трудная. Готовить территорию и войска здесь нужно, по-видимому, особым образом, имея в виду ряд моментов: хорошие дороги, надежная связь, учения в лесисто-болотистом районе во все времена года, теплое обмундирование зимой, специальные лыжные соревнования, повышенный расход боеприпасов, незамерзающая смазка для оружия...

Все это проносилось в голове одно за другим и побуждало поскорее проверить состояние соединений. На серьезные размышления наводило и ознакомление с пограничной службой, особенно в таком глухом районе, как 1000-километровый участок от Ладожского озера до Кольского полуострова. Весь этот простор охранялся редкой цепочкой застав в составе погранотрядов. Мест, через которые могли бы просочиться не только отдельные диверсанты, но и целые вражеские группы, существовало сколько угодно. Быт пограничников остав-

лял желать лучшего. Плохие дороги, плохая связь, плохие жилищные условия, отсутствие складских помещений и хороших бань, оторванность от культурных центров... Даже радиоточки имелись не на всех заставах. Газеты и письма доставлялись с большими перебоями. В неимоверно трудных условиях наши доблестные пограничники несли службу без единой жалобы и стойко выполняли свой долг. Но при наличии иной материальной базы можно было бы выполнять его значительно лучше. Следовало строить, строить и строить...

Силы округа на данном участке тоже были слабоваты. На Кемьском направлении стояла горно-стрелковая дивизия неполного состава (не хватало полка). На Кандалакшском направлении стоял горно-стрелковый полк всего с одной батареей. Еще в одном месте дислоцировалась стрелковая дивизия под командованием В. И. Щербакова. Она оказалась лучше подготовленной, чем такое же соединение, находившееся южнее, бойцы которого, как выяснилось, ходили на лыжах плохо. Возвратившись в Ленинград, я тотчас же послал наркому обороны донесение. Затем пошел к Жданову.

— Андрей Александрович, обстановка в округе недостаточно благоприятная. Предстоит, как мне кажется, много строить. Необходимо также провести длительные учения, а это нуждается в материальном обеспечении. Пока что гарантия безопасности СССР на нашем северо-западе отсутствует. Чтобы создать такую гарантию, нельзя терять ни одного дня.

Жданов отнесся к этим словам со всей серьезностью. Выслушав меня, он решил взглянуть на все еще и сам. Сначала мы отправились в Карельскую республику. Долго ездили в снегах под Кандалакшей, изучали прикрытие границы западнее Петрозаводска. До погранзастав добирались с трудом. В одном месте наш автомобиль почти весь путь проделал на прицепе у трактора. Жданову самому было ясно, что зимой здесь в случае боевых действий сражаться будет трудно. Начинать следовало с создания сети дорог. Ознакомление с Карельским перешейком подтвердило эту мысль. Договорились уже сейчас заняться подготовкой, представить в Политбюро ЦК ВКП(б) и правительство необходимые заявки, а летом развернуть широкое строительство. Жданов взял на себя мобилизацию усилий партийных, советских и хозяйственных кругов нашего северо-запада, а я ранней весной собрал командиров соединений и частей. На сборе были даны указания о неотложной переподготовке личного состава в условиях, приближенных к боевым, и об участии войск в предстоящем строительстве.

Одновременно я направил записку в адрес руководства погранотрядов. Оно реагировало быстро и энергично. Так, в апреле пять карельских погранотрядов были слиты в погранокруг. Его начальник, энергичный Долматов, развил бурную деятельность. В июне состоялась 1-я партконференция пограничников Карелии, сыгравшая важную роль в жизни погранокруга. Вскоре вдоль границы развернулось крупное строительство. Появились новые заставы с комплексом вспомогательных помещений, ряд новых дорог и телефонных линий. Когда осенью была проведена инспекторская проверка, я с удовлетворением узнал, что Карельский погранокруг по ее итогам занял среди погранвойск СССР второе место.

Несколько поездок командование ЛВО провело весной, а потом летом. На этот раз, также вместе с А. А. Ждановым, мы обследовали южную часть округа. Оба пришли к выводу, что юго-восточнее и восточнее Чудского озера открытая местность, лишенная пока укреплений, представляет возможность врагам нанести удар по СССР через прибалтийские буржуазные республики. В результате в наркомат было внесено предложение создать на Псковском и Островском направлениях укрепленные районы, а на севере срочно заняться дорогами. Это предложение Москва утвердила, и всю вторую половину 1939 года И. В. Сталин систематически интересовался, как идут у нас дела, нет ли у военного округа претензий. Претензий не было, так как Ленинградский обком ВКП(б) регулярно присылал на строительство людей и необходимые материалы. Позднее все же выяснилось, что возводить укрепления следовало быстрее.

Война с Финляндией

Барон Маннергейм и прочие.—
Мировая война надвигается.—
К контрудару будь готов! —
Всеобщая воинская обязанность.—
Провокация под Майнилой.—
По минным полям.—
Как пройти через доты? —
Дорога на Выборг.—
Взгляд сзади.

Как известно, война с Финляндией проходила в декабре 1939 — марте 1940 годов. Однако возможность использования буржуазной Финляндии международным империализмом в

его антисоветских планах наше руководство предвидело заранее. Поэтому целесообразно будет начать рассказ о данных событиях с несколько более раннего времени. Дело в том, что все наиболее важные политические события в Европе второй половины 1939 года так или иначе отразились на позиции правящих кругов Финляндии: выявившийся в июле — августе провал англо-франко-советских военных переговоров и вместе с ними провал попытки англо-французской группировки столкнуть нас один на один с Германией; заключение германо-советского пакта о ненападении и провал попыток той же группировки направить фашистскую агрессию в первую очередь против СССР; нападение Германии на Польшу и возобновившиеся надежды международной реакции на германо-советский конфликт, для чего Англия и Франция принесли Польшу в жертву фашизму, ведя на западе «странную войну»; соглашение СССР и Германии о демаркационной линии в Польше (после воссоединения украинских и белорусских земель в границах Советского Союза); крах в связи с этим англо-французских надежд на столкновение советских и немецких войск в Польше и новые их надежды, возлагавшиеся уже на Финляндию...

Безрассудные лидеры буржуазной Финляндии того времени вовлекли свой народ в ненужную ему политическую игру и вместо упрочения дружественных отношений с СССР лишь накаляли обстановку. Мы с тревогой смотрели на эту политику, потому что провокация из-за кордона против Ленинграда могла бы окрылить империалистических авантюристов и позволить им попытаться сговориться о создании единого антисоветского блока.

Советское правительство неоднократно предлагало правительству Финляндии разрешить вопрос взаимовыгодно: отодвинуть границу на несколько десятков километров западнее Ленинграда. Взамен мы отдавали значительно большую территорию северо-западнее Онежского озера. Но напрасно. Москва слышала отказ, а наши пограничники получали ответ в виде выстрелов с той стороны. На что же надеялись лидеры буржуазной Финляндии? Конечно, не на свои сравнительно малочисленные силы. Они ориентировались на обещания империалистических держав помочь им войсками и техникой; полагали, что будет сколочен антисоветский блок; были ослеплены националистическими мечтами о «великой Финляндии» — от Ботнического залива до Белого моря и Ильменского озера; наконец, верили, в случае неудачи наступления на

Ленинград и перехода финских войск к обороне, в прочность линии Маннергейма.

Барон Маннергейм, генерал-лейтенант царской свиты, палач революции 1918 года в Финляндии, финский маршал, заклятый враг Страны Советов еще со времен Октябрьской революции, руководил вооруженными силами Финляндии. На зарубежные деньги, с использованием зарубежной техники и финских рабочих рук, под его контролем иностранными инженерами на финляндской части Карельского перешейка создавалась мощная долговременная оборонительная система. Судя по печатным материалам, она напоминала немецкую линию Зигфрида или французскую линию Мажино.

Первые укрепления были возведены еще между 1920 и 1929 годами. В 1938 году строительство возобновили, и уже следующим летом были готовы новые фортификационные укрепления. Особенно рекламировались так называемые «миллионные» (имелась в виду стоимость) долговременные огневые сооружения и узлы сопротивления. Правда, детальной характеристики всей линии Маннергейма нигде не приводилось. Некоторые сотрудники нашей разведки, как это явствовало из присланных в ЛВО материалов, считали даже эту линию не чем иным, как пропагандой. Как выяснилось впоследствии на практике, это был грубый просчет.

На советской границе были сосредоточены значительные силы финнов. К концу 1939 года они состояли из Лапландской группы генерала Валлениуса (Мурманское направление), Северной группы генерала Туомпо и шведской добровольческой бригады генерала Линдера (Кандалакшское направление), 4-го армейского корпуса генерала Хеглунда (Беломорское направление), группы генерала Тальвелла (Петрозаводское направление), 54-й армии генерала Эстермана и Алендской группы (Ленинградское направление).

Войска первых четырех объединений с самого начала имели задачей наступление. А пятое должно было, опираясь на линию Маннергейма, измотать Красную Армию в боях на Карельском перешейке и потом нанести удар по Ленинграду. Всего противник располагал пятнадцатью дивизиями, из них восемью — на Карельском перешейке. Им противостояли первоначально гораздо более слабые по численности соединения РККА, упоминавшиеся мною выше. Кое-какие подкрепления были подброшены на всякий случай ранней осенью 1939 года и только под Мурманск, где старшим был комдив В. А. Фролов.

В конце июня 1939 года меня вызвал И. В. Сталин. У него в кабинете я застал видного работника Коминтерна, известного деятеля ВКП(б) и мирового коммунистического движения О. В. Куусинена. Я с ним впервые тогда познакомился. В ходе дальнейшей беседы меня детально ввели в курс общей политической обстановки и рассказали об опасениях, которые возникали у нашего руководства в связи с антисоветской линией финляндского правительства. Сталин сказал, что в дальнейшем при необходимости я могу обращаться к Куусинену за консультацией по вопросам, связанным с Финляндией. Позднее, в период финской кампании, когда Отто Вильгельмович находился в Петрозаводске, я не раз советовался с ним по ряду проблем, вытекавших из хода военных действий.

После ухода Куусинена Сталин еще раз вернулся к вопросу о Ленинграде. Положение на финляндской границе тревожное. Ленинград находится под угрозой обстрела. Переговоры о заключении военного союза с Англией и Францией пока не приносят успеха. Германия готова ринуться на своих соседей в любую сторону, в том числе на Польшу и СССР. Финляндия легко может стать плацдармом антисоветских действий для каждой из двух главных буржуазно-империалистических группировок — немецкой и англо-франко-американской. Не исключено, что они вообще начнут сговариваться о совместном выступлении против СССР. А Финляндия может оказаться здесь разменной монетой в чужой игре, превратившись в науськиваемого на нас застрельщика большой войны.

Разведка сообщает, что ускоренное строительство укреплений и дорог на финляндской стороне границы продолжается. Имеются различные варианты наших ответных действий в случае удара Финляндии по Мурманску и Ленинграду. В этой связи на меня возлагается обязанность подготовить докладную записку. В ней следует изложить план прикрытия границы от агрессии и контрудара по вооруженным силам Финляндии в случае военной провокации с их стороны.

И. В. Сталин подчеркнул, что еще этим летом можно ждать серьезных акций со стороны Германии. Какими бы они ни были, это неизбежно затронет либо прямо, либо косвенно и нас и Финляндию. Поэтому следует торопиться. Через две-три недели я должен был доложить свой план в Москве. Независимо от этого, попутно на всякий случай форсировать подготовку войск в условиях, приближенных к боевым. Ускорить и развернувшееся в ЛВО военное строительство. Все приготовления держать в тайне, чтобы не сеять паники среди населения.

Жданова держать в курсе дела. Мероприятия маскировать, осуществлять по частям и проводить как обычные учения, никак не подчеркивая, что мы вот-вот можем быть втянуты в большую войну.

Во второй половине июля я был снова вызван в Москву. Мой доклад слушали И. В. Сталин и К. Е. Ворошилов. Предложенный план прикрытия границы и контрудара по Финляндии в случае ее нападения на СССР одобрили, посоветовав контрудар осуществить в максимально сжатые сроки. Когда я стал говорить, что нескольких недель на операцию такого масштаба не хватит, мне заметили, что я исхожу из возможностей ЛВО, а надо учитывать силы Советского Союза в целом. Я попытался сделать еще одно возражение, связав его с возможностью участия в антисоветской провокации вместе с Финляндией и других стран. Мне ответили, что об этом думаю не я один, и предупредили, что в начале осени я опять буду докладывать о том, как осуществляется план оборонных мероприятий, после чего разрешили отбыть в округ.

Имелись как будто бы и другие варианты контрудара. Каждый из них Сталин не выносил на общее обсуждение в Главном военном совете, а рассматривал отдельно, с определенной группой лиц, почти всякий раз иных. Я могу судить достаточно ясно только об одной из этих разработок, позднее упоминавшейся в нашей литературе под названием «план Шапошникова». Борис Михайлович считал контрудар по Финляндии далеко не простым делом и полагал, что он потребует не менее нескольких месяцев напряженной и трудной войны даже в случае, если крупные империалистические державы не ввяжутся прямо в столкновение. Эта точка зрения еще раз свидетельствует о трезвом уме и военной дальновидности Б. М. Шапошникова.

По всем вопросам, связанным с планом контрудара, я звонил непосредственно Сталину. Ему же лично докладывал обо всем, касавшемся финляндских дел, как летом — осенью 1939 года, так и на первом этапе советско-финляндской войны. В двух-трех случаях при этом присутствовал в его кабинете нарком обороны К. Е. Ворошилов, а в последний раз — начальник Главного политического управления РККА Л. З. Мехлис и народный комиссар финансов А. Г. Зверев. В кабинете Сталина я часто встречал Н. Н. Воронова. Этот видный специалист, возглавлявший в годы Великой Отечественной войны артиллерию Красной Армии, уже тогда начал заметно выдвигаться. Мне это нравилось. В Испании я убедился в отличных

боевых качествах и широких познаниях Николая Николаевича, охотно прибегал к его консультациям. Во время советско-финляндской войны, где артиллерия сыграла особенно существенную роль, его советы в целом, как и распоряжения по артиллерийской линии в частности, всегда были кстати и серьезно помогли общему делу.

В те месяцы мне пришлось также заниматься подготовкой войск и осуществлением мероприятий согласно договорным обязательствам между СССР и Эстонией, заключенным осенью 1939 года. На территории Эстонии создавались военно-воздушные и морские базы. Следовало думать и об охране их. Эти базы в некоторой степени облегчили бы действия войск ЛВО на случай, если у наших северо-западных границ враги СССР пошли бы на широкую провокацию или организовали нападение на советскую территорию со стороны буржуазных прибалтийских республик.

В те же дни у меня произошло неприятное объяснение с народным комиссаром иностранных дел В. М. Молотовым. Когда наши войска размещались на новых базах в Эстонии, наркоминдел запоздал с разработкой инструкции о порядке сношений с представителями прибалтийских властей. Между тем дело ждать не могло.

Как командующий Ленинградским округом, я отвечал за безопасность баз в Эстонии. В одном месте срочно требовалось обеспечить неприкосновенность участка. Я вступил в контакт с правительством Эстонии, взял у него необходимое разрешение, затем получил согласие эстонского помещика, собственника данного земельного участка, и приказал построить укрепления.

И вот на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) во время моего доклада о положении на новых базах Молотов упрекнул меня за «неуместную инициативу». Я пытался возражать, но он не слушал. Мне было не по себе, однако тут взял слово Сталин и, посмеиваясь, заметил Молотову: «А почему твой Наркомат опаздывает? Армия не может ждать, пока твои люди расшевелятся. А с Мерецковым теперь уже ничего не поделаешь. Не срывать же готовые укрепления». На этом вопрос был исчерпан.

Хочу остановиться также на схемах, которые бытуют в некоторых военно-исторических сочинениях. Из них следует, что против Финляндии в тот период действовали шесть советских армий. Отсюда можно сделать вывод о решающем превосходстве наших сил с самого начала. Но это не так.

Наступать на мощную оборонительную полосу было трудно. Поэтому мы стремились создать превосходство наступающих сил в решающем месте, каким была линия Маннергейма, за счет других участков. К концу операции, в марте 1940 года, оно составило 23 : 10 по пехоте, 28 : 10 по артиллерии и абсолютное по танкам. Но в декабре 1939 года такого превосходства еще не имелось. Естественно, пополнения и подкрепления шли сюда беспрерывно, хотя и не все они были использованы должным образом. Например, дивизия под командованием Кирпоноса, прибывшая с берегов Волги, с успехом сыграла свою роль. Хуже получилось с другой дивизией, переброшенной на фронт из украинских степей без предварительного обучения бойцов в условиях лесисто-болотисто-холмистой местности и глубоких снегов. Эта дивизия сражалась не на том участке, которым я в тот момент руководил, но мне рассказали о ее судьбе. Она оказалась в совершенно непривычной для нее обстановке и понесла тяжелые потери, а комдив погиб.

Возвращаясь к вопросу о шести советских армиях, замечу, что армией в полном смысле этого слова была вначале только 7-я, возглавляемая командармом 2-го ранга, автором этих строк. Она занимала крайний левый фланг фронта. Правее нее находилась группа комкора В. Д. Грендаля из трех дивизий. В конце декабря ее развернули в 13-ю армию. На других направлениях действовали небольшие общевойсковые группы. Позднее им присвоили, после соответствующего переформирования, названия 8, 9 и 14-й армий. Наконец, в феврале 1940 года севернее Ладожского озера развернули 15-ю армию. Все эти войска собирались превращать в полноценные армии весной на случай, если военные действия затянутся. В разгар ожесточенных сражений на линии Маннергейма такая нежелательная возможность уже не исключалась, хотя ранее речь шла всего о неделях боев. Однако до разгара весны все же дело не дошло. Красная Армия сумела выполнить партийно-правительственное задание и дать отпор агрессору достаточно быстро: намного быстрее, чем рассчитывали наши враги за рубежом (если они вообще допускали это в мыслях!), но медленнее, чем предполагали мы в начале этой войны.

Огромное значение в подготовке резервов для фронта имел принятый в сентябре 1939 года Закон о всеобщей воинской обязанности. Он означал, что в условиях уже начавшейся второй мировой войны СССР очень своевременно взял курс на окончательный отказ от смешанной системы (сочетание ре-

гулярных частей с милиционно-территориальными) и ориентировался теперь только на кадровую армию. В полной мере мы оценили важность этого шага двумя годами позже, когда фашистская Германия напала на Советский Союз.

Как же разворачивались конкретно события? К концу лета 1939 года финны отмобилизовались, заняли укрепленные районы, резко усилили в приграничной зоне разведку. На Западе с сентября шла «странная война» между англо-французами и немцами. А тем временем и те, и другие консультировали вооруженные силы Финляндии, слали сюда технику, обещали экспедиционные корпуса. У нас предполагалось, что, если финны атакуют Красную Армию, отпор будет дан силами войск Ленинградского военного округа, а 7-ю армию для контрудара поведет через Карельский перешеек В. Ф. Яковлев. Но в последний момент И. В. Сталин предложил назначить на этот пост меня.

26 ноября я получил экстренное донесение, в котором сообщалось, что возле селения Майнила финны открыли артиллерийский огонь по советским пограничникам. Было убито четыре человека, ранено девять. Приказав взять под контроль границу на всем ее протяжении силами военного округа, я немедленно переправил донесение в Москву. Оттуда пришло указание готовиться к контрудару. На подготовку отводилась неделя, но на практике пришлось сократить срок до четырех дней, так как финские отряды в ряде мест начали переходить границу, вклиниваясь на нашу территорию и засылая в советский тыл группы диверсантов. Последовало правительственное заявление со стороны СССР, и в 8 часов утра 30 ноября регулярные части Красной Армии приступили к отпору антисоветским действиям. Советско-финляндская война стала фактом.

Войскам был дан приказ отбросить противника от Ленинграда, обеспечить безопасность границы в Карелии и Мурманской области и заставить марионетку империалистических держав отказаться в дальнейшем от военных провокаций против СССР. Основной задачей при этом являлась ликвидация военного плацдарма на Карельском перешейке.

Перед началом действий я еще раз запросил разведку в Москве, но опять получил сведения, которые позднее не подтвердились, так как занизили реальную мощь линии Маннергейма. К сожалению, это создало многие трудности. Красной Армии пришлось буквально упереться в нее, чтобы понять, что она собой представляет. Пока что наш замысел

состоял в проведении армейской операции, в которой участвовали девять дивизий и три танковые бригады. Начался первый этап кампании, длившийся по 9 февраля 1940 года. В свою очередь он делился на ряд подэтапов. Прежде всего нужно было преодолеть полосу обеспечения, имевшую развитую систему многополосных заграждений. Вся она была перегорожена колючей проволокой, перекопана рвами и эскарпами, прикрыта надолбами и оборонялась войсками, занимавшими долговременные огневые точки (доты) и главным образом деревоземляные (дзоты), а также другие оборонительные сооружения. Но наиболее сложной задачей для нас оказалось вначале преодоление минных заграждений.

Мины применялись разные: противопехотные, противотанковые и фугасы большой взрывной силы, обычные и ловушки. Отступая, финны эвакуировали все мирное население, перебили или угнали домашний скот и опустошили оставляемые места. То тут, то там валялись в селениях и на дорогах брошенные как бы впопыхах велосипеды, чемоданы, патефоны, часы, бумажники, портсигары, радиоприемники. Стоило слегка сдвинуть предмет с места, как раздавался взрыв. Но и там, где, казалось, ничего не было, идти было опасно. Лестницы и пороги домов, колодцы, пни, корни деревьев, лесные просеки и опушки, обочины дорог буквально были усеяны минами. Армия несла потери. Бойцы боялись идти вперед. Необходимо было срочно найти метод борьбы с минами, иначе могла сорваться операция. Между тем никакими эффективными средствами против них мы не располагали и к преодолению подобных заграждений оказались неподготовленными.

Тогда Жданов и я пригласили ряд ленинградских инженеров, в том числе возглавляемую профессором Н. М. Изюмовым группу преподавателей из Военной академии связи, и рассказали им о сложившемся положении. Нужны миноискатели. Товарищи подумали, заметили, что сделать их можно, и поинтересовались сроком. Жданов ответил: «Сутки!»

— То есть, как вас понимать? Это же немыслимо! — удивились инженеры.

— Немыслимо, но нужно. Войска испытывают большие трудности. Сейчас от вашего изобретения зависит успех военных действий.

Взволнованные, хотя и несколько озадаченные, инженеры и преподаватели разошлись по лабораториям. Уже на следующий день первый образец миноискателя был готов. Его

испытали, одобрили и пустили в поточное производство. Перед наступающими частями ставили густой цепочкой саперов с миноискателями. Они обшаривали каждый метр местности и, как только раздавалось гудение в наушниках, сигналили, после чего мину взрывали. Эта процедура сильно замедляла продвижение. Зато имелась гарантия безопасности, и войска смело пошли вперед, преодолевая сугробы и снежные заносы при 45-градусном морозе, ледяном, обжигающем ветре и непрерывно борясь с «кукушками» — засевшими в нашем тылу на высоких деревьях финскими снайперами.

К 12 декабря была преодолена полоса обеспечения, прикрывавшая главную полосу линии Маннергейма. После короткой разведки боем войска попытались прорвать ее с ходу, но не сумели сделать это. Во время артиллерийской подготовки финские солдаты перебрались из траншей поближе к проволочным заграждениям. Когда же артиллерия ударила по проволоке, чтобы проделать проходы для красноармейцев, противник опять отошел в траншеи. Танковый командир Д. Г. Павлов не разобрался в обстановке. Ему представилось, что это наши ворвались в траншеи противника, а по ним ведет огонь своя артиллерия. Он позвонил по телефону К. Е. Ворошилову. Нарком обороны, услышав о происшедшем, приказал прекратить артподготовку. Пока выясняли, что случилось, время ушло, и ворваться в расположение врага прямо на плечах его солдат не удалось. Момент был упущен.

Между прочим тщательное обследование, проведенное после этого, показало, что артподготовка велась главным образом по полевой обороне между дотами, с целью поразить живую силу. Многие доты так и не были вскрыты, а огонь прямой наводкой по ним не вели. Другой же вид огня к разрушению дотов не приводил. Поэтому-то ни один дот в тот раз и не был разрушен. Значит, войска все равно не прошли бы вперед либо понесли бы чрезвычайно тяжелые потери. Пока готовились к новому прорыву, изучили уже преодоленную нами полосу обеспечения. Она тянулась в глубину на расстояние от 20 до 60 километров (на разных участках), представляя собой укрепления полевого типа, сосредоточенные вдоль дорог. Дотов в ней было мало, но дзотов имелось более 800. Военные инженеры насчитывали десятки километров противотанковых рвов, надолб на участках — почти сотню километров, свыше сотни километров завалов, более двух сотен километров проволочных заграждений и почти четыре сот-

ни километров минных полей. Какова же в таком случае главная оборонительная полоса?

После пятидневной подготовки двинулись на новый штурм. Атаковали главную полосу, однако безуспешно. Отсутствие опыта и средств по прорыву такого рода укреплений опять дало себя знать. Ни с чем подобным мы раньше не сталкивались. Обнаружилось, что оборона противника не была подавлена. Доты молчали, а когда наши танки устремлялись вперед, они открывали огонь и подбивали их из орудий с бортов и сзади, пулеметами же отсекали пехоту, и атака срывалась. Танки того времени, не имея мощного орудия, не могли сами подавить доты и в лучшем случае закрывали их амбразуры своим корпусом. Выяснилось также, что нельзя начинать атаку издали: требовалось, несмотря на глубокий снег, приблизить к дотам исходное положение для атаки. Из-за малого количества проходов в инженерных заграждениях танки скучивались, становясь хорошей мишенью. Слабая оснащенность полевыми радиостанциями не позволяла командирам поддерживать оперативную связь. Поэтому различные рода войск плохо взаимодействовали. Не хватало специальных штурмовых групп для борьбы с дотами и дзотами. Авиация бомбила только глубину обороны противника, мало помогая войскам, преодолевавшим заграждения.

И все же больше всего досаждали доты. Бьем мы по ним, бьем, а разрушить не можем, так как снаряды не пробивают их. Сталин сердился: почему не продвигаемся? Неэффективные военные действия, подчеркивал он, могут сказаться на нашей политике. На нас смотрит весь мир. Авторитет Красной Армии — это гарантия безопасности СССР. Если застрянем надолго перед таким слабым противником, то тем самым стимулируем антисоветские усилия империалистических кругов.

После доклада Сталину в Москве я получил распоряжение непосредственно руководить разведкой боем и доискаться, в чем состоят секреты финских дотов. Эту разведку я приказал провести на трех направлениях. Установили, где и сколько имеется дотов. Но что они собой представляют? Вызвал военинженера с группой саперов и поставил задачу проникнуть во вражеский тыл, подорвать дот, изучить его покрытие, а кусок бетона принести для исследования. Потом этот кусок мы послали в Москву. Научно-исследовательский институт проделал анализы и сообщил: цемент — марки «600».

Вот почему легкая артиллерия не пробивала бетона. К тому же оказалось, что у многих дотов боевые казематы прикрывались со стороны амбразур броневыми плитами в несколько слоев, а толщина железобетонных стен и покрытий равнялась 1,5—2 метрам, причем они еще дополнительно покрывались 2—3-метровым слоем уплотненного грунта.

Я посоветовался с Вороновым. Решили стрелять прицельно орудиями большой мощности. Доставили поближе к переднему краю артиллерию резерва главного командования, калибром в 203—280 миллиметров, и стали бить по дотам и их амбразурам прямой наводкой. Дело сразу пошло. Затем пришлось заняться организацией взаимодействия различных родов войск.

Между прочим, только тогда я, как командарм, впервые получил личную радиостанцию. Разработали (впервые у нас) состав и порядок действий штурмовых групп для захвата и подрыва долговременных огневых точек. В последующем этот опыт широко был использован при прорывах укрепленных районов в годы Великой Отечественной войны. Усилили разведку авиацией, дали задание сфотографировать линию Маннергейма. На это ушел весь январь. К началу февраля мы наконец-то располагали картами со схемой вражеской обороны. Теперь можно было составить реальный план ее прорыва. Этот план я докладывал И. В. Сталину, вызвавшему нас со Ждановым. Присутствовали Молотов, Ворошилов, Тимошенко, Воронов и Грендаль. Предложенный план был утвержден.

Вечером ужинали у Сталина. Он и Молотов расспрашивали об итогах разведки, уточняли детали плана, освещали политический аспект операции. Сталин интересовался, в частности, тем, как финны контратаковали. Таких случаев было немного. Один из них произошел на моих глазах. Я обходил в тот момент вместе с комкором Ф. Д. Гореленко его корпус. Удару подверглись войска Гореленко и соседнего корпуса — Ф. Н. Старикова. У Старикова как раз на переднем крае стояла артиллерия, предназначенная для борьбы с дотами. Она сразу открыла огонь прямой наводкой и накрыла контратакующего противника, который понес большие потери.

У Гореленко враг напоролся на танковый корпус. Танкисты развернулись и смяли контратакующие части. Потери у финнов были очень большими. Позднее пленные офицеры показали, что их командование отдало приказ впредь избе-

гать контратак, а опираться на оборонительную линию и изматывать Красную Армию. По окончании ужина Сталин предупредил, что будут некоторые перемены. На Крайнем Севере не все в порядке. Нужно создать централизованное руководство операциями непосредственно в зоне боевых действий, подбросить новые силы и уточнить ход наступления, причем главную роль сыграет план, предложенный для 7-й армии. Во что бы то ни стало овладеть линией Маннергейма до весеннего разлива вод — такова основная задача!

Реорганизация произошла в конце первого этапа войны. ЛВО был превращен в Северо-Западный фронт (командующий — командарм 1-го ранга С. К. Тимошенко, член Военного совета — А. А. Жданов). Вместо армейской наступательной операции теперь проводилась фронтовая, в основном усилиями 7-й и 13-й армий. Главный удар они наносили смежными флангами в направлении Сумма, Виипури (Выборг). Фронт прорыва равнялся 40 километрам от озера Вуокси-ярви до Кархулы (Дятлово). 13-я армия устремлялась правым флангом на Кексгольм (Приозерск), левым на Антреа (Каменогорск) через Кюрйоля (Красносельское) и Ристсеппяля (Житково). 7-я армия (под моим командованием) наступала правым флангом на Выборг (труднейшее направление, наиболее защищенное в системе обороны противника) через Кямяря (Гаврилово), левым — на Макслахти (Прибылово). В 7-ю армию входили 34, 10, 50 и 19-й стрелковые корпуса трехдивизионного состава. Кроме того, армия располагала стрелково-пулеметной бригадой, одиннадцатью артиллерийскими полками, пятью танковыми бригадами и двумя отдельными танковыми батальонами. Девять дивизий наносили главный удар на правом фланге, западнее озера Муолан-ярви (Глубокое), три — вспомогательный удар на левом фланге, восточнее Кархулы.

На один километр линии фронта мы сосредоточили в среднем 50 орудий. Сейчас при описании плотности огня учитывают и минометы. Тогда минометы только стали поступать на вооружение, как и автоматы, причем для внедрения их приходилось преодолевать косность некоторых лиц.

Поставили задачу перед авиацией. По соглашению с командующим авиацией фронта комкором Е. С. Птухиным получили в распоряжение командующего авиацией 7-й армии комкора С. П. Денисова одну треть всех истребителей фронта, четверть бомбардировщиков и три четверти ночных бомбардировщиков для обработки главной позиции.

Хорошо показал себя при прорыве укрепленного района на направлении Сумма опытный тяжелый танк «КВ» с мощным орудием. Этот танк, созданный на Кировском заводе, испытывали в бою его рабочие и инженеры. Он прошел через финский укрепленный район, но подбить его финская артиллерия не сумела, хотя попадания в него были. Практически мы получили неуязвимую по тому времени машину. Это было огромное достижение нашей промышленности, внесшей серьезный вклад в развитие боевой мощи армии. С тех пор я полюбил «КВ» и всегда, когда мог, старался иметь эти танки в своем распоряжении.

Примерно тогда же нам подбросили стрелковую дивизию, бывшую территориальную, и еще кавалерийское соединение. Об этой дивизии я расскажу ниже. С кавалерией же получилось нехорошо. Командир не позаботился вовремя о подковах. Нужно идти в наступление, а лошади скользят по льду и падают. Атака сорвалась. Но это были уже лишь отдельные неудачи. За плечами остались десятки километров тяжелейшего пути.

Мощная артиллерийская подготовка 11 февраля 1940 года ознаменовала начало второго этапа кампании. Через шесть дней отчаянное сопротивление финнов на главной полосе обороны было преодолено, причем отлично зарекомендовала себя 123-я стрелковая дивизия полковника Ф. Ф. Алябушева. Глубиной в восемь километров, эта полоса включала в себя свыше 20 узлов сопротивления: более 200 дотов и около тысячи дзотов. В среднем на километр фронта приходилось по два дота и пять дзотов, соединенных траншеями, защищенных инженерными сооружениями, различными препятствиями и связанных системой флангового или косоприцельного огня, а на важных направлениях в межозерных и болотных дефиле их плотность возрастала в несколько раз.

Прорвав главную полосу, мы преодолевали на протяжении нескольких километров отсечные позиции, за которыми натолкнулись на новую оборонительную полосу, а авиация показала, что восемью километрами дальше лежит еще третья полоса. На их преодоление ушло две недели. Но и этим дело не кончилось. Перед Выборгом оказался укрепленный район двухполосного типа, рассчитанный на круговую оборону, а разведка донесла, что он связан каналом с озером Сайма. Начинался март. Промедлим — и финны затопят весь участок.

Вместе с членом Военного совета армии Т. Ф. Штыковым мы поехали в дивизию. Говорю комдиву М. П. Кирпоносу: разведайте Выборгский укрепрайон ночью, а мы тем временем подбросим сюда артполк большой мощности. Кирпонос решил попытаться обойти часть укреплений с северо-запада. Раньше мы уже посылали некоторые части по льду, но помешали полыньи. Несколько танков утопили. Комдив по своей инициативе повторил опыт. Его ребята ухитрились снять бесшумно всех финских часовых. Тогда Кирпонос сразу перебросил всю 70-ю дивизию на западный берег залива. И когда утром я вернулся, то никого уже здесь не застал. Это случилось 4 марта. Я объявил 70-й дивизии благодарность, усилил соединение Кирпоноса приданными частями и двинул их на Выборг западным берегом в обход города с тыла, а затем сообщил об успехе И. В. Сталину.

Заработала прямой наводкой артиллерия. Буквально продираясь сквозь вражескую оборону, 7-я армия шла к Выборгу. Через несколько дней мне позвонил Сталин и поставил задачу взять этот город в течение двух-трех дней: линия Маннергейма осталась позади; Ленинград далеко, ему теперь не угрожают; многого мы от финнов не хотим, но для заключения мирного договора необходимо, чтобы противник убедился, что дорога на Хельсинки открыта, поэтому падение Выборга явится для финнов последним тревожным сигналом, а затяжка войны позволит французам и шведам прислать подкрепления, и вместо войны с одним государством мы ввяжемся в борьбу с коалицией.

Как раз во время телефонного разговора начался штурм Выборга, закончившийся его взятием. Дорога на Хельсинки была теперь открыта. Убедившись в безнадежности сопротивления, правительство Финляндии начало переговоры. 12 марта состоялось утверждение условий мирного договора, а в 12 часов дня 13-го марта военные действия прекратились. Новая граница прошла западнее Выборга, недалеко от линии, где проходила русская граница еще в середине XI века при князе Владимире Ярославиче.

Партия и правительство высоко оценили мужество советских воинов. Около 50 тысяч человек получили боевые награды, а 412 человек были удостоены звания Героя Советского Союза. Это высокое звание было присвоено и мне. В мае 1940 года на Суворовской площади у Крепостной улицы в Выборге М. И. Калинин вручал боевые награды.

В течение недели перед поездкой в Москву я еще раз осмотрел линию Маннергейма, а сотрудники Ленинградского военного округа произвели подсчеты. Общая глубина территории с оборонительными сооружениями составляла 80—100 километров. Из этих сооружений 350 являлись железобетонными и 2400 — дерево-земляными, отлично замаскированными. Проволочные заграждения имели в среднем 30 рядов каждое. Надолбы — до 12 рядов. Любой населенный пункт представлял собой укрепленный узел, обеспеченный радио и телефонной связью, госпиталем, кухней, складами боеприпасов и горючего. Боевые узлы сопротивления имели преимущественно по 5 опорных пунктов, чаще всего по 4 пулеметно-артиллерийских дота в каждом. Особенно выделялись доты постройки 1938—1939 годов, с 1—2 орудийными и 3—4 пулеметными амбразурами. Их обслуживали гарнизоны от взвода до роты, жившие в подземных казармах. Над поверхностью земли поднималась только боевая часть сооружения с круговым обзором, артиллерийскими и пулеметными амбразурами. Под землей были укрыты казематы, склады, кухня, туалет, коридоры, общая комната, офицерская комната, машинное помещение, лазы в купола и запасной вход. Покрытие такого дота, сделанное из железобетона, достигало двух метров толщины. Я приказал для эксперимента стрелять при мне по одному из не подорванных нами дотов с близкого расстояния. Плита выдержала прямое попадание 203-миллиметрового снаряда.

Между прочим, немцы тщательно собрали у финских военачальников все их наблюдения относительно качеств линии Маннергейма и аккуратно подшили в папки соответствующие материалы из финской печати. После Великой Отечественной войны в наши руки попали в Германии такие папки с приложенными к ним оценками специалистов и несколькими резолюциями самых высоких фашистских инстанций.

В сложные 1939—1940 годы, когда уже шла мировая война, были существенно улучшены возможности обороны нашей страны, а западные границы СССР отодвинуты дальше почти на всем их протяжении.

Накануне

Погранполки на страже.—
Нужно освоить опыт.—
Учения в 40-м году.—
Ответственность начальника Генштаба.—
Декабрьское совещание.—
Январские собеседования.—
Внимание, танки! —
Тревожная весна.—
Что я об этом думаю.

Закончилась финская кампания, но не окончились наши заботы. Граница в нескольких местах изменилась. Следовало подумать прежде всего об укреплении новых рубежей. И как только после подписания мирного договора я и начальник штаба генерал-лейтенант Е. Н. Чибисов возвратились в Ленинградский военный округ, мы тотчас занялись этой проблемой. Соответствующие меры приняло руководство погранвойск и командующие флотами.

Вместе с Северным военно-морским флотом мы приступили к освоению в интересующем нас плане части полуостровов Рыбачьего и Среднего западнее Мурманска; вместе с Балтийским военно-морским флотом — к освоению полуострова Ханко в Финском заливе у архипелага Або; вместе с пограничниками — к организации охраны сдвинувшихся на запад границ в Карелии, на Кольском полуострове и Карельском перешейке. Самоотверженно трудились наши воины, чтобы в кратчайший срок перебазироваться на новые места и наладить охрану совершенно незнакомой территории. Приходилось преодолевать дополнительные трудности. На старых местах советское население активно помогало нашим частям в решении тех или иных вопросов. Здесь же опереться было не на кого: отступая, вчерашний противник эвакуировал мирных жителей, а переселенцы из других районов нашей страны появились не сразу.

Немалую роль сыграли при этом пограничные полки окружных погранвойск под командованием генерал-майора В. Н. Долматова. Они были созданы в январе 1940 года и участвовали в отражении агрессии. Так, в одной лишь Карелии эти полки до середины марта ликвидировали около 70 отрядов противника, пересекших нашу границу. Затем погранполки активно включились в охрану новых государственных рубежей. В лесах зазвенели автоматические пилы и застучали топоры. Появи-

лись просеки. Вдоль нейтральной зоны выросли пограничные столбы, протянулись проволочные заграждения, а перед ними четко обозначилась контрольно-следовая полоса. Последняя потребовала чрезвычайных забот. Приходилось искусственно создавать широкую насыпную дорожку в местности, изрезанной ручьями, подмываемой болотами, испещренной озерами, усыпанной валунами, изборожденной рытвинами и покрытой лесами и холмами. Да и бытовое устройство воинов наладилось, конечно, не сразу. Но главное было сделано вовремя. Той же весной немецкие войска оккупировали Данию и Норвегию, а гитлеровские офицеры зачастили в финский генштаб.

Советское правительство поставило перед Ленинградским военным округом задачу передать боевой опыт, приобретенный в ходе военных действий, другим округам. Я посоветовался с начальником штаба Н. Е. Чибисовым и моим заместителем генерал-лейтенантом М. П. Кирпоносом, и мы решили прежде всего поделиться тем, что имели, но чего еще не было в том же объеме у других: новыми танками, автоматами, минометами, миноискателями. В частности, миноискателями мы полностью снабдили Белорусский и Киевский военные округа. Затем у нас проводились показательные учения, командирские сборы, читались лекции, издавалась учебная литература. Этим боевым опытом через полтора года воспользовались войска, отражавшие на севере в начале Великой Отечественной войны немецко-финские удары. Пригодился он и для других будущих фронтов. Что касается меня, то я особенно часто вспоминал и использовал уроки сражений на Карельском перешейке, когда командовал позднее в сходных боевых условиях 7-й Отдельной армией, Волховским и Карельским фронтами.

Летом 1940 года я был назначен заместителем народного комиссара обороны. Наркомом стал Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко, начальником Главного артиллерийского управления — генерал-полковник Н. Н. Воронов. Соответствующие назначения с повышением получили и многие другие участники финской кампании. Так, М. П. Кирпонос несколько позднее был назначен командующим Киевским военным округом.

Международная обстановка все более ухудшалась. Фашистская Германия расширяла агрессию. Северная Франция была оккупирована гитлеровцами, а французская армия, деморализованная и подавленная, беспорядочной массой откатывалась на запад и юг. Бельгия и Голландия лежали под

ногами захватчиков. Мы пока стояли вне мировой войны. Но надолго ли? Сколько времени продлится передышка, полученная в результате пакта о ненападении, заключенного с Германией в 1939 году? Предполагать можно было по-разному, а точно никто не знал.

Я отвечал за Управление боевой подготовки и Управление высших военно-учебных заведений. Едва успел после назначения ознакомиться с делами, заслушать доклады подчиненных начальников, изучить документы, как нарком отдал распоряжение о проведении в округах дивизионных тактических учений с боевой стрельбой. Первое из них проводилось в Московском военном округе, в Гороховецких лагерях. Присутствовали нарком обороны С. К. Тимошенко, начальник Генштаба Б. М. Шапошников, начальник артиллерии Г. И. Кулик (в то время пост начальника Главного артиллерийского управления существовал отдельно), командующий Московским военным округом С. М. Буденный и я. На учение была выведена стрелковая дивизия. Проводилось оно по теме «Наступление стрелковой дивизии на обороняющегося противника». Соединение было обеспечено минимальным количеством артиллерийских снарядов и мин. Комдив принял решение часть их использовать для короткого артиллерийского налета, а часть — для создания огневого вала, сопровождавшего наступление. Мы наблюдали, как на практике проявляют себя положения артиллерийского устава и каковы способности командиров различных степеней по организации боя и управлению подразделениями, частями и соединением, а также боевую слаженность войск. Учение прошло поучительно. Многие офицеры соединения показали себя хорошо подготовленными в военном отношении, способными управлять подразделениями и частями.

Нарком провел совещание командиров, на котором сделал обстоятельный разбор учения. После ряда выступлений совещание пришло к общему заключению, что учение оказалось очень полезным и что такие учения необходимо провести во всех округах. Было решено сначала провести их с войсками, недавно приобретшими военный опыт на Халхин-Голе и Карельском перешейке. С этой целью несколько сотрудников наркомата поехали в Забайкалье, а Тимошенко и я отправились в Ленинград.

Как и в Гороховце, в ходе учений артиллерия и танки вели стрельбу боевыми снарядами, а пехота наступала, ведя огонь из стрелкового оружия. Обстрелянные в войне с Финляндией,

части Ленинградского военного округа действовали сноровисто и умело, но выявились некоторые недостатки в огневой подготовке. Теперь мы еще более убедились в том, что тактические учения с боевой стрельбой в условиях, приближенных к боевым, следует провести во всех соединениях Красной Армии. Буржуазные армии приобретали опыт на полях уже шедшей второй мировой войны. Наша армия обязана была приобретать боевой опыт в рамках повседневной учебы, а лучшей ее формой правильно считались тогда дивизионные учения с боевой стрельбой.

Красная Армия активно осваивала опыт войны, совершенствовала боевую выучку и готовилась к защите наших границ.

Летом 1940 года в результате мощного революционного подъема народных масс, руководимых коммунистами, буржуазные правительства в Эстонии, Литве и Латвии были свергнуты, и наличие на территории этих стран частей Красной Армии не позволило реакции с помощью империалистов извне реставрировать капитализм.

Изучая в то время некоторые малознакомые районы новых союзных республик и продолжая укреплять новые границы, а также границы, которые лишь годом ранее стали советскими (в Западной Украине и Западной Белоруссии), мы полагали, что учения с войсками — один из самых существенных элементов нашей оборонной работы.

Следующим полем таких учений стал Белорусский военный округ, которым командовал тогда генерал-полковник Д. Г. Павлов. Здесь тоже было проведено дивизионное учение с боевой стрельбой, после которого мы проверяли, как охраняется с воздуха новая граница, шедшая сначала вдоль Восточной Пруссии, а затем по демаркационной линии, за которой высились на польской земле германские пограничные столбы. Особое внимание привлекло Гродненское направление. Неподалеку отсюда в 1914 году две русские армии, застрявшие в Августовских лесах и Мазурских болотах, понесли большие потери в боях с кайзеровским рейхсвером. А теперь мы граничили с гораздо более опасным соседом. Шли на запад наши составы. Им навстречу громыхали немецкие поезда: через Домброву на Гродно, через Белосток на Волковыск, через Бялу-Подляску на Брест, через Холм на Ковель. Сменяли друг друга паровозные бригады. Вежливо встречали и провожали пассажиров проводники из двух государств. Но и простым глазом было видно, как кружат, рассекая польское небо, немецкие самолеты.

В Белоруссии мы провели штабное учение в двух танковых корпусах. При обсуждении итогов учения пришли к мнению, что это направление исключительно опасное, что отсюда танковые корпуса перебрасывать нельзя ни в коем случае. Так и решили на будущее.

Вскоре проводились учения в Киевском военном округе. Итоги учебы по всем четырем округам мы подводили уже в Москве, а в конце лета нарком обороны с заместителями докладывал Председателю Совета Народных Комиссаров о поездках по округам. Подготовка стрелковых соединений была признана удовлетворительной, подготовка артиллерии и ее умение взаимодействовать с пехотой — хорошей, подготовка авиации — тоже удовлетворительной. Не сложилось единого впечатления о танковых войсках. Я старался внимательно следить за новой ролью танковых войск, вытекавшей из нашего опыта и опыта операций германской армии в Западной Европе, и считал, что у нас танковых соединений и корпусов еще мало и подготовка их недостаточная. Нарком придерживался более оптимистического мнения. Расхождение во взглядах между нами по данному вопросу позднее углубилось.

После заседания, как и раньше в таких случаях, ужинали на квартире И. В. Сталина. Там вновь обсуждали военные вопросы. Вдруг Сталин сказал:

— Нам нужен сейчас более молодой начальник Генерального штаба с неплохим здоровьем. Товарищ Шапошников стал частенько прихварывать. Кроме того, возникла необходимость использовать его на другой работе. Идет большое строительство укрепленных районов. Мы могли бы сделать Бориса Михайловича заместителем наркома по их сооружению. Как вы думаете, товарищи, кого можно назначить на пост начальника Генерального штаба? Жду ваших рекомендаций.

Неожиданно для меня присутствующие стали называть мою фамилию, мотивируя это тем, что я имею специальную подготовку, участвовал в боях, был командующим округами и уже работал в Генеральном штабе. И. В. Сталин спросил мое мнение. Я стал категорически отказываться, ссылаясь на то, что работа эта сверхтяжелая, а опыта у меня для такой работы еще недостаточно.

— Вот что,— сказал Сталин,— мы с вами условимся так: вы приступайте сейчас, немедленно к работе, а как только подберем другую кандидатуру, заменим вас. Обижать вас не станем, вы получите соответствующее назначение. На этом и кончим сегодня.

На следующий день я приступил к исполнению новых обязанностей.

...Поздней осенью 1940 года была намечена военная игра в Белорусском округе. К тому времени к германо-итало-японскому тройственному пакту успели присоединиться Венгрия, Румыния и Словакия. В разгаре была воздушная война над Англией. Ежедневно газеты сообщали о налетах немецкой авиации на английские города; вероятно, многие задумывались над вопросом: а что будет, если Германия нападет на Советский Союз? Большинство полагало так: если завтра война, то она принесет все беды только противнику. Мы будем воевать на его территории и малой кровью разгромим врага могучим ударом. Правда, это мнение, владевшее умами широких масс советских граждан и усиленно пропагандировавшееся, не казалось столь безусловным всему руководству РККА. Успехи германской армии в Западной Европе поневоле заставляли настораживаться.

Итак, мы готовились к военной игре в БВО. Не однажды Наркомат обороны назначал для нее срок. Но стоило нам собраться, как игра переносилась. Правительство опасалось, что проведение ее в приграничном округе насторожит немцев, и стремилось избегать осложнений с Германией, оттягивать постепенно назревавшее столкновение с нею. Наконец Сталин дал санкцию, однако посоветовал послать руководителем учения начальника оперативного отдела Генштаба, моего первого заместителя генерал-лейтенанта Н. Ф. Ватутина.

— Если учением будут руководить Тимошенко или Мерецков,— сказал он,— немцы примут все меры к тому, чтобы выяснить его характер. Да и вообще нам невыгодно, чтобы в Германии знали, чем занимаются сейчас нарком обороны и начальник Генштаба. Пускай едет Ватутин, якобы с инспекционными целями.

Игра прошла удачно, ее итоги правительство оценило положительно. Вскоре Наркомат обороны и Генштаб решили провести общие сборы высшего командного состава РККА. На 23 декабря были приглашены в Москву командующие объединениями, члены Военных советов и начальники штабов округов, а также некоторые командиры соединений. Заседание проходило в Центральном доме Красной Армии. На повестке дня совещания стояло шесть докладов. Я выступал с докладом «Итоги и задачи боевой подготовки сухопутных войск, ВВС и оперативной подготовки высшего комсостава»; командующий войсками Киевского особого военного округа

генерал армии Г. К. Жуков — «Характер современной наступательной операции»; начальник Главного управления Военно-Воздушных Сил Красной Армии генерал-лейтенант авиации П. В. Рычагов — «ВВС в наступательной операции и в борьбе за господство в воздухе»; командующий войсками Московского военного округа генерал армии И. В. Тюленев — «Характер современной оборонительной операции»; командующий войсками Западного особого военного округа генерал-полковник танковых войск Д. Г. Павлов — «Использование механизированных соединений в современной наступательной операции и ввод механизированного корпуса в прорыв»; командующий войсками Харьковского военного округа генерал-лейтенант А. К. Смирнов — «Бой стрелковой дивизии в наступлении и в обороне».

Таким образом, совещание обсуждало самые важные вопросы подготовки наших Вооруженных Сил. Оно длилось до 29 декабря, в прениях по докладам выступило 60 человек. В их числе: нарком обороны, два замнаркома, генеральные инспекторы артиллерии, автобронетанковых войск и кавалерии, два заместителя начальника Генштаба, начальники Главных управлений противовоздушной обороны и автобронетанковых войск, начальник Управления боевой подготовки, начальник штаба ВВС, заместители генеральных инспекторов ВВС, артиллерии и пехоты, одиннадцать командующих войсками округов, начальник Военной академии имени М. В. Фрунзе, заместитель командующего войсками округа, семь начальников штабов округов, три члена Военных советов округов, пять командующих ВВС округов, три начальника артиллерии округов, два командующих армиями, пять командиров механизированных корпусов, четыре командира стрелковых дивизий, командир танковой дивизии. Некоторые товарищи выступали дважды.

В докладах и выступлениях, на мой взгляд, в основном правильно решались практические вопросы подготовки войск к войне и теоретические вопросы по ведению наступательной и оборонительной операции и боя, а также вопросы боевого применения авиации и бронетанковых войск.

Более подробно мне хочется рассказать о своем докладе. Четыре месяца работы начальником Генштаба — срок небольшой, тем не менее я узнал достаточно много, чтобы высказать мнение о различных сторонах боеготовности и боеспособности армии. Ряд упущений в подготовке армии меня очень беспокоил, а международная обстановка была такой, что упуще-

ния надо было немедленно исправлять. Поэтому основное внимание я обратил на недостатки, которые сам обнаружил (на учениях, смотрах войск, в штабах) или о которых получил проверенные сведения, и на пути их устранения.

Прежде всего, я отметил, что в нашей армии устарели уставы. Они уже не отвечали требованиям современной войны. Так, боевые порядки в наступлении предлагались такие, при которых, как правило, только третья часть войск входила в ударную группу, а две трети попадали в сковывающую. Подобные недостатки были характерны и для боевых порядков при организации обороны, когда на основные направления выделялось недостаточное количество сил и средств за счет вторых эшелонов и маневра с неатакованных участков. Слабо обстояло дело с разработкой вопросов обороны. Было время, когда вообще (цитирую доклад) «боялись говорить, что можно обороняться». Между тем, учитывая опыт войны на западе, нам, наряду с подготовкой к активным наступательным действиям, необходимо было иметь представление и готовить войска к современной обороне; оборона эта должна быть глубоко противотанковой и противовоздушной.

Надо было разрабатывать новые уставы, отвечающие современным требованиям.

Далее. Присутствуя на учениях и анализируя их ход, сделал вывод, что они проходили в условиях, недостаточно приближенных к боевым. Отношение к бойцам в ряде случаев являлось тепличным, как будто мы выращивали не защитников Родины, готовых пролить за нее кровь, а оранжерейные растения.

Критическая оценка подготовки армии кое-кому пришлась не по душе. В перерывах между заседаниями некоторые сердились, но в выступлениях оправдываться не стали. Насторожился народный комиссар обороны. Критика затрагивала и его. Правда, С. К. Тимошенко стал наркомом обороны недавно, и во многом вина ложилась на его и моего предшественников по Наркомату обороны и Генеральному штабу. Но я считал и себя ответственным за наличие недостатков.

Однако при подведении итогов совещания нарком обороны по справедливости оценил их высоко. Совещание действительно принесло большую пользу. В условиях уже шедшей второй мировой войны оно сыграло особо положительную роль. Практически высший комсостав получил на этом совещании установки по всем направлениям боевой подготовки.

Современный читатель может задать вопрос: чем объяснить, что в деятельности командного состава Красной Армии было много недостатков?

Во-первых, к концу 1940 года наши командные кадры в большинстве своем были очень молодыми. Некоторые командиры в течение предыдущих двух-трех лет прошли несколько служебных инстанций и командовали округами, соединениями, руководили штабами по нескольку месяцев. Они заменили военачальников, выбывших из строя в 1937—1938 годах. Вновь назначенные командующие, командиры и начальники штабов в своем абсолютном большинстве обладали высокими качествами; многие из них приобрели опыт в боевых действиях в Испании, на Халхин-Голе и против Финляндии. Однако они только осваивали свои новые обязанности, что, естественно, порою приводило к упущениям.

Во-вторых, дело подготовки войск, крупных военачальников и штабов усложнялось в тот период бурным развитием новой техники, главным образом авиации и танков, и в результате боевых действий как у нас, так и на Западе, быстрым совершенствованием теории их боевого применения. Поэтому приходилось решать многие вопросы заново. Быстро устаревали ранее изданные уставы и инструкции.

Все это и заставило руководство Наркомата обороны провести столь расширенное совещание, с тем чтобы в ходе его и последовавшей затем оперативно-стратегической игры повысить подготовку высшего руководящего состава армии, вынести основные теоретические вопросы, заранее разработанные на основе боевого опыта у нас и на Западе, а также на основе проведенных маневров и учений, на обсуждение участников совещания, а в последующем издать новые уставы и инструкции по вождению войск.

Необходимо было перестроить работу в округах, армиях и соединениях, готовить войска быстро и энергично к надвигающейся войне. Боевую подготовку вести по принципу «учить тому, что нужно на войне» и «делать все так, как на войне». Были также приняты меры по укреплению единоначалия, воинской дисциплины и порядка в войсках.

В начале января 1941 года большинство участников совещания разъехалось по местам. Группа руководящих работников осталась на оперативную игру на картах. Присутствовали секретари ЦК ВКП (б) Г. М. Маленков и А. А. Жданов. Руководил игрой лично нарком обороны. Оперативная игра прошла чрезвычайно интересно и оказалась очень поучительной.

По окончании игры планировался ее разбор, причем для подготовки к нему отводились сутки. Но вдруг небольшую группу участников игры вызвали в Кремль. Заседание состоялось в кабинете И. В. Сталина. Мне было предложено охарактеризовать ход декабрьского сбора высшего комсостава и январской оперативной игры. На все отвели 15—20 минут. Когда я дошел до игры, то успел остановиться только на действиях противника, после чего разбор фактически закончился, так как Сталин меня перебил и начал задавать вопросы.

Суть их сводилась к оценке разведывательных сведений о германской армии, полученных за последние месяцы в связи с анализом ее операций в Западной и Северной Европе. Однако мои соображения, основанные на данных о своих войсках и сведениях разведки, не произвели впечатления. Тут истекло отпущенное мне время, и разбор был прерван. Слово пытался взять Н. Ф. Ватутин. Но Николаю Федоровичу его не дали. И. В. Сталин обратился к народному комиссару обороны. С. К. Тимошенко меня не поддержал.

Более никто из присутствовавших военачальников слова не просил. И. В. Сталин прошелся по кабинету, остановился, помолчал и сказал:

— Товарищ Тимошенко просил назначить начальником Генерального штаба товарища Жукова. Давайте согласимся!

Возражений, естественно, не последовало. Доволен был и я. Пять месяцев тому назад И. В. Сталин при назначении моем на тот же пост обещал заменить меня, когда найдет подходящую кандидатуру. И вот он сдержал обещание. Я возвратился на должность заместителя наркома обороны и опять погрузился в вопросы боевой подготовки войск. Георгия Константиновича Жукова я считал одним из наиболее подготовленных наших военачальников для работы начальником Генерального штаба.

Возвращаясь на прежнюю должность, я был поставлен в известность, что оперативная записка, в свое время поданная мною как начальником Генштаба И. В. Сталину, рассмотрена им и утверждена. В связи с ней заслуживает внимания разработанный Генштабом в то же время план развертывания механизированных корпусов. Наметки этого плана детально обсуждались с участием танкистов. Слухи об этих обсуждениях распространялись нередко в искаженном свете. В некоторых современных изданиях встречаются порой замечания, что будто бы те танкисты, которые сражались в Испании, не критически переносили боевой опыт в СССР. В частности, они якобы

отрицали самостоятельную роль танковых войск и уверяли, что танки могут лишь сопровождать пехоту. Особенно часто упоминается в этой связи имя Д. Г. Павлова.

Мне хочется защитить здесь его имя. Нападки эти напрасны, а их авторы ставят вопрос с ног на голову. В действительности дело обстояло как раз наоборот. Павлов справедливо доказывал, что те легкие танки, которые были у нас, вроде «Т-26», не способны решать крупные задачи; между тем роль танковых войск растет с каждым месяцем; значит, нам необходимо улучшать имеющуюся технику, создавать новые танки, более мощные и более подвижные. Фактически этот тезис и был претворен в жизнь, ибо за него ратовала сама же жизнь. Танки «Т-34» и другие, прославившие себя в годы Великой Отечественной войны, являлись не чем иным, как мечтой Д. Г. Павлова, воплощенной в металл. Отсюда видно, сколь неправильно переносить его критические замечания, сделанные по устаревшей технике, на принципы использования танковых войск.

И. В. Сталин вызвал меня к себе через три дня после назначения Жукова начальником Генштаба. В кабинете находился Молотов. Сталин поздоровался и сердито сказал:

— Что же это, братец мой, стали вы снова заместителем наркома и перестали докладывать мне текущие дела?

— Сам по себе, товарищ Сталин, я и раньше не ходил сюда. Вы меня вызвали — я явился.

— А почему не приносите на просмотр план создания механизированных корпусов?

— Проект этого плана с вашими поправками, товарищ Сталин, был перепечатан. Жуков сказал, что он сам доложит его вам.

— С Жуковым мы уже беседовали. Он хочет механизированных корпусов вдвое больше, чем там намечено.

— Вы мою точку зрения знаете, товарищ Сталин. Я от нее не отступился. Сейчас у нас новых танков мало. К лету этого года планируемые корпуса не будут готовы. Раньше следовало начинать их создание. По представленному нами проекту корпуса вступят в строй весной 1942 года. Мысль Жукова об удвоении превосходна, недостает только материальных возможностей. При наличии материальной базы его предложение будет реализовано к 1943 году.

В ходе дальнейшей беседы И. В. Сталин заметил, что пребывать вне войны до 1943 года мы, конечно, не сумеем. Нас втянут поневоле. Но не исключено, что до 1942 года мы оста-

немся вне войны. Поэтому порядок ввода в строй механизированных корпусов будет еще обсуждаться. Необходимо сейчас уделить главное внимание обучению войск. Политбюро считает, говорил И. В. Сталин, что Наркомат обороны усилили, возвратив туда меня, и ждет активной деятельности.

Так закончился этот разговор с И. В. Сталиным. На следующий день я целиком переключился на боевую и учебную подготовку армии. С этого момента и вплоть до войны я виделся с И. В. Сталиным очень редко.

Считая наиважнейшим средством обучения войск практические учения, приближенные к боевым условиям, я наметил план действий в этом направлении и ряд поездок по военным округам. Нарком утвердил их без особых изменений.

Весной 1941 года я был на учениях в Ленинградском военном округе, которым командовал генерал-полковник М. М. Попов. Поездку в ЛВО я считаю успешной. Командный состав поставленные задачи решал правильно. Войска готовились хорошо. Затем отправился в Киевский особый военный округ В конце мая начальник оперативного отдела штаба округа генерал-майор И. Х. Баграмян доложил мне обстановку. Дело приближалось к войне. Немецкие войска сосредоточивались у нашей границы. Баграмян назвал весьма тревожную цифру, постоянно возраставшую Прежде чем доложить в Москву, я решил еще раз все перепроверить. Поехал во Львов, побывал в армиях округа. Командармы в один голос говорили то же самое. Тогда я лично провел длительное наблюдение с передовых пригpаничных постов и убедился, что германские офицеры вели себя чрезвычайно активно.

На правом фланге Киевского особого военного округа строился в то время укрепленный район. Сооружения уже возвели, но еще не было оборудования. Имелись и части, предназначенные для укрепленного района. Взяв на себя инициативу, я сообщил командарму-5 генерал-майору танковых войск М. И. Потапову, что пришлю своего помощника с приказом провести опытное учение по занятию укрепленного района частями армии, с тем чтобы после учения 52-я армия осталась в укрепленном районе. В других местах оборонительные работы были еще не завершены. Ответственным за строительство укрепрайонов был Б. М. Шапошников, и я решил дополнительно поговорить с ним в Москве.

Затем я объехал пограничные части. Все они были начеку, и почти везде я слышал о том, что на той стороне неблагополучно. С границы возвратился во Львов. Здесь были допущены

ошибки. Почти вся зенитная и противотанковая артиллерия переформировывалась одновременно, поэтому противотанковая артиллерийская бригада утратила свою боевую готовность. Чтобы командный состав армии убедился в этом, я провел с ним военную игру. Как я и ожидал, в ходе игры обнаружилось, что танки «противника» могут действовать почти беспрепятственно. На разборе я подчеркнул серьезность допущенного промаха. Командарм в оправдание ссылался на указания из округа. Округом командовал генерал-полковник М. П. Кирпонос, мой сослуживец по войне с Финляндией и боевой командир. Он тоже находился во Львове. Кирпонос объяснил, что переформирование абсолютно необходимо, но, конечно, осуществлять его нужно поэтапно, обещал исправить ошибку и тут же поехал в штаб округа, в Киев.

Однако ошибка не была исправлена. В начале июня в округе формировалось несколько противотанковых артбригад на тягачах. А через две недели грянула война. 6-я армия сражалась героически, но не могла противостоять танкам немецкой группы «Юг». За первые две с половиной недели войны части армии откатились от границы на 300—400 километров, в среднем на 18—20 километров в сутки. В этом виновно не только руководство округом. Оно делало почти все, что могло, испытывая недостаток и в боевой технике, и в средствах транспорта, и в людях.

Это было уже в начале войны. А тогда, накануне нее, из Киева я отправился в Одессу, где встретился с начальником штаба округа генерал-майором М. В. Захаровым. Выслушав его подробный доклад, из которого явствовало, что и здесь на границе наблюдается тревожная картина, я вместе с ним поехал к румынскому кордону. Смотрим мы на ту сторону, а оттуда на нас смотрит группа военных. Оказалось, что это были немецкие офицеры.

М. В. Захаров проводил большую работу по подготовке войск к боевым действиям. Он часто устраивал тревоги. При мне поднял по тревоге окружную авиацию, а затем самолетам, взлетевшим с обычных аэродромов, приказал сесть на полевые, как и предусматривалось по плану в случае войны. Получилось хорошо, если не считать того, что шесть самолетов не смогли потом взлететь с вязкого грунта, размокшего после дождя.

Тогда же по моему указанию было проведено учение механизированного корпуса. Корпус был введен в порядке тренировки в приграничный район, да там и оставлен. Потом я

сказал Захарову, что в округе имеется корпус генерал-майора Р. Я. Малиновского, который во время учения тоже надо вывести в приграничный район. С Малиновским я служил в Белорусском округе, мы вместе сражались в Испании, и я знал, что этому боевому командиру никаких пояснений не нужно. Захаров отметил, что это — корпус только на словах: у Малиновского имеется фактически одна дивизия. Он показал мне, где сосредоточит соединение Малиновского, и я с радостью увидел, что дальновидный начальник уже приготовил корпусной командный пункт. Все, что потом еще рассказывал Захаров о своих действиях, мне очень понравилось. Он тоже был моим сослуживцем по Белорусскому военному округу. Мы участвовали в различных учениях и боевых тревогах, вместе набирались опыта. Я знал, что Захаров стоит на правильном пути, и уезжал из Одессы с более спокойным сердцем.

В Москве вместе с С. К. Тимошенко я побывал у И. В. Сталина и рассказал обо всем увиденном. Оба они отнеслись к докладу очень внимательно. В частности, мне было приказано дополнительно проверить состояние авиации, а если удастся — провести боевую тревогу. Я немедленно вылетел в Западный особый военный округ.

Шло последнее предвоенное воскресенье. Выслушав утром доклады подчиненных, я объявил во второй половине дня тревогу авиации. Прошел какой-нибудь час, учение было в разгаре, как вдруг на аэродром, где мы находились, приземлился немецкий самолет. Все происходившее на аэродроме стало полем наблюдения для его экипажа.

Не веря своим глазам, я обратился с вопросом к командующему округом Д. Г. Павлову. Тот ответил, что по распоряжению начальника Гражданской авиации СССР на этом аэродроме велено принимать немецкие пассажирские самолеты. Это меня возмутило. Я приказал подготовить телеграмму на имя И. В. Сталина о неправильных действиях гражданского начальства и крепко поругал Павлова за то, что он о подобных распоряжениях не информировал наркома обороны. Затем я обратился к начальнику авиации округа Герою Советского Союза И. И. Копцу.

— Что же это у вас творится? Если начнется война и авиация округа не сумеет выйти из-под удара противника, что тогда будете делать?

Копец совершенно спокойно ответил:

— Тогда буду стреляться!

Я хорошо помню нашу взволнованную беседу с ним. Разговор шел о долге перед Родиной. В конце концов он признал, что сказал глупость. Но скоро выяснилось, что беседа не оказала должного воздействия. И дело тут не в беседе. Приходится констатировать наши промахи и в том, что мы слабо знали наши кадры. Копец был замечательным летчиком, но оказался не способным руководить окружной авиацией на должном уровне. Как только началась война, фашисты действительно в первый же день разгромили на этом аэродроме почти всю авиацию, и Копец покончил с собой.

Познакомившись с положением на западной границе и выслушав Павлова, я убедился, что и здесь Германия сосредоточивает свои силы.

Вылетел в Прибалтийский особый военный округ. Приземлился на аэродроме одного истребительного полка, а сопровождавшего меня офицера послал на аэродром бомбардировщиков, приказав объявить там боевую тревогу.

Командир полка истребителей сразу же доложил мне, что над зоной летает немецкий самолет, но он не знает, что с ним делать, так как сбивать запрещено. Я распорядился посадить его и немедля запросил Москву. Через четверть часа поступил ответ: самолета не сбивать. О посадке умолчали. А мы его уже посадили. Что случилось потом с самолетом и его экипажем, не знаю, так как вскоре грянула война.

Тревога прошла удачно. И истребители и бомбардировщики быстро поднялись в воздух и проделали все, что от них требовалось. Но хорошее настроение тут же было испорчено. Заместитель командующего округом генерал-майор Е. П. Сафронов доложил мне о сосредоточении немецких войск на границе. Я вылетел в Москву. Ни слова не утаивая, доложил о своих впечатлениях и наблюдениях на границе наркому обороны. С. К. Тимошенко при мне позвонил И. В. Сталину и сразу же выехал к нему, чтобы доложить лично. Было приказано по-прежнему на границе порядков не изменять, чтобы не спровоцировать немцев на выступление.

М. П. Кирпонос, отнесясь к делу очень серьезно, отдал распоряжение о занятии полевых позиций в пограничных укрепрайонах Киевского особого военного округа и начал подтягивать войска второго эшелона. В Москву поступило сообщение об этом. Передвижение соединений из второго эшелона было разрешено, но по указанию Генштаба войскам КОВО пришлось оставить предполье и отойти назад. До рассмотрения сходной инициативы Одесского военного округа дело не дошло. В ре-

зультате на практике войска этого округа были в канун войны, можно считать, в боевой готовности, чего нельзя сказать о войсках Киевского и Западного особых военных округов.

ЦК ВКП(б) и СНК СССР не оставили без внимания тревожные сообщения с мест. Наркомату обороны дано было указание в Киевском особом военном округе развернуть фронтовое управление Юго-Западного фронта. Для развертывания такого же управления Южного фронта отбыла опергруппа во главе с генералом армии И. В. Тюленевым. Начальником штаба к нему назначили работавшего в штабе КОВО очень способного генерала А. И. Антонова, быстро выдвинувшегося в период войны и в конце ее ставшего начальником Генштаба. К западным границам перебрасывались пять армий: 16, 19, 20, 21 и 22-я. Из командующих этих армий наиболее отличился потом командарм-19 И. С. Конев (ныне Маршал Советского Союза). Принимались и другие неотложные меры. Например, в том же КОВО срочно формировалось пять мехкорпусов. Общая направленность работы была такой: не делать непосредственно в приграничной зоне ничего, что могло бы спровоцировать фашистов или как-то ускорить их выступление против нас; осуществлять мероприятия, необходимые для укрепления обороноспособности страны, но не поддающиеся учету со стороны немецкой разведки. В этом духе наркомат обороны инструктировался свыше. Естественно, что такую же линию, соответствовавшую государственной политике в целом, проводил и сам наркомат.

У читателя может возникнуть вопрос, было ли наше руководство убеждено, что летом 1941 года удастся избежать войны и, значит, выиграть время хотя бы до следующей весны? Мне об этом тогда ничего не говорили. Однако из своих наблюдений я вынес личное впечатление, что наше руководство колебалось. С одной стороны, оно получало тревожную информацию. С другой стороны, видело, что СССР к отпору агрессии еще не вполне готов. Если за последние два года численность наших Вооруженных Сил возросла в два с половиной раза, то боевой техники было недостаточно. К тому же она частично устарела. Все мы стремились повлиять на ход событий, переломить его в нашу пользу и оттянуть конфликт. Но положение сложилось такое, что добиться этого не удалось.

Следует сказать и о другом. Поскольку в самом начале войны Англия и США стали нашими союзниками по антигитлеровской коалиции, большинство лиц, критически рассуждающих ныне о тогдашних решениях нашего руководства, машинально

оценивает их лишь в плане советско-германской войны и тем самым допускает ошибку. Ситуация же весной 1941 года была чрезвычайно сложной. В то время не существовало уверенности, что не возникнет антисоветской коалиции капиталистических держав в составе, скажем, Германии, Японии, Англии и США. Гитлер отказался в 1940 году от высадки армии в Англии. Почему? Сил не хватило? Решил разделаться с ней попозже? Или, может, велись тайные переговоры о едином антисоветском фронте? Было бы преступным легкомыслием не взвешивать всех возможных вариантов. Ведь от правильного выбора политики зависело благополучие СССР. Где возникнут фронты? Где сосредоточивать силы? Только у западной границы? Или возможна война и на южной границе? А каково будет положение на Дальнем Востоке? Это многообразие путей возможных действий при отсутствии твердой гарантии, что в данном случае удастся сразу нащупать самый правильный путь, дополнительно осложняло обстановку.

Мы поступали исходя из указаний ЦК ВКП(б) и СНК СССР. Генеральный штаб весной 1941 года разработал план обороны государственной границы на год. План определял проведение мобилизации и развертывания Вооруженных Сил в случае войны. Предусматривалось иметь 170 дивизий и свыше половины наличных танков, самолетов и орудий для обороны западной границы. В мае и июне в округах и войсковых штабах проводились большие мобилизационные мероприятия. Так, в начале июня свыше 750 тысяч человек приписного состава были вызваны в воинские части, а около 40 тысяч направлены в укрепрайоны. Со второй половины мая некоторые дивизии и корпуса приграничных военных округов перегруппировались ближе к границе. В этот же период началось выдвижение войск из внутренних округов в пограничные. Принимались, далее, меры по ускорению строительства укрепленных районов и было дано указание о строительстве фронтовых командных пунктов.

Наркомату обороны к исходу 21 июня стала ясной неизбежность нападения фашистской Германии на СССР в следующие сутки. Нужно было побыстрее оповестить войска и вывести их из-под удара, перебазировать авиацию на запасные аэродромы, занять войсками первого эшелона рубежи, выгодные для отражения агрессора, начать вывод в соответствующие районы вторых эшелонов и резервов, а также вывести в намеченные районы окружные и войсковые штабы, наладив управление войсками. Следовало предпринять еще ряд неотложных мероприятий

по повышению боевой готовности войск. К сожалению, в оставшиеся до начала войны 5—6 часов Наркомат обороны и Генеральный штаб не сумели решить этой задачи. Только в 00.30 минут 22 июня из Москвы была передана в округа директива о приведении войск в боевую готовность. Пока директива писалась в Москве и отправлялась в войска, прошло много времени, и началась война. Лишь нарком Военно-Морского Флота, его штаб и командование Одесского военного округа поступили более оперативно, отдав краткое распоряжение флотам и войскам по телефону и телеграфу. Поэтому Военно-Морской Флот, а также войска Одесского военного округа, как я упоминал выше, были приведены в боевую готовность и в первый день войны не понесли серьезных потерь. Запоздалое оповещение округов и войск поставило приграничные округа в невыгодные, тяжелые условия и в конечном счете явилось одной из причин наших неудач в начальный период Великой Отечественной войны.

Первые дни

В ночь на 22 июня.—
От директивы к директиве.—
Вести из Прибалтики.—
Отъезд в Ставку.

Вероятно, миллионы советских людей еще помнят, как провели они вечер перед незабываемым воскресеньем 22 июня 1941 года. Не забыл этого вечера и я.

Меня вызвал к себе мой непосредственный начальник, нарком обороны, находившийся последние дни в особенно напряженном состоянии. И хотя мне понятна была причина его нервного состояния, хотя я своими глазами видел, что делается на западной границе, слова наркома непривычно резко и тревожно вошли в мое сознание. С. К. Тимошенко сказал тогда:

— Возможно, завтра начнется война! Вам надо быть в качестве представителя Главного командования в Ленинградском военном округе. Его войска вы хорошо знаете и сможете при необходимости помочь руководству округа. Главное — не поддаваться на провокации.

— Каковы мои полномочия в случае вооруженного нападения? — спросил я.

— Выдержка прежде всего. Суметь отличить реальное нападение от местных инцидентов и не дать им перерасти в войну. Но будьте в боевой готовности. В случае нападения сами знаете, что делать.

Итак, продолжает действовать прежняя установка. Сохранить мир для страны, на сколько удастся: на год, на полгода, на месяц. Соберем урожай. Возведем новые оборонные предприятия. Вступят в строй очередные механизированные корпуса. Наладим производство быстроходных самолетов. Быть мо-

жет, улучшится международная обстановка. А если и не улучшится, если все же война начнется, но не сейчас, а потом, то тогда легче будет вступать в нее. Выиграть время во что бы то ни стало! Еще месяц, еще полмесяца, еще неделю. Война, возможно, начнется и завтра. Но нужно попытаться использовать все, чтобы она завтра не началась. Сделать максимум возможного и даже толику невозможного. Не поддаваться на провокации, ведь действует заключенный с Германией договор. Не плыть по течению, а контролировать события, подчинять их себе, направлять в нужное русло, заставлять служить выработанной у нас концепции. Но что мы сейчас можем сделать, чтобы война не началась завтра?

Все встало само собой на свое место, когда днем 22 июня я включил радио и услышал выступление народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова о злодейском нападении фашистской Германии на нашу страну. Теперь мои спутники, генерал П. П. Вечный и офицер для поручений лейтенант С. А. Панов, получили ответ на вопрос, для чего мы едем в Ленинград.

Прибыв в Ленинград, я немедленно отправился в штаб округа. Меня встретили с радостью, все хотели услышать живое слово представителя Москвы, получить устное распоряжение. На месте были генерал-майор Д. Н. Никишев и корпусной комиссар Н. Н. Клементьев, вскоре назначенные соответственно в качестве начальника штаба и члена Военного совета этого округа, объявленного на третий день войны Северным фронтом. Командующий войсками округа М. М. Попов в момент начала войны инспектировал некоторые соединения округа. Не успел я спросить об обстановке в войсках, как в городе была объявлена первая воздушная тревога. Группа фашистских бомбардировщиков была встречена огнем 194-го зенитного артполка. Вскоре один самолет был сбит, о чем тотчас же сообщила местная противовоздушная оборона, положившая тем самым начало своей боевой деятельности.

Нельзя было терять ни минуты. Мы не знали планов врага и могли поэтому ожидать чего угодно: новых воздушных налетов; высадки десантов, особенно в районе Эстонии и Мурманска; массированных ударов со стороны финляндской границы. Помимо развертывания войск округа следовало скоординировать наши действия с работой тыла, наладить тесный контакт с партийными, советскими и хозяйственными органами и как можно скорее влиться в общие усилия страны, направленные на отпор врагу. Я приказал созвать Военный совет округа,

и, не дожидаясь, пока подъедут отдельные его члены, находившиеся в других местах, мы приступили к делу.

Что нам было известно? На Крайнем Севере, согласно данным разведки, стояла немецкая армия «Норвегия», включавшая в свой состав и финские соединения. Несомненно, в ее задачу входило атаковать Мурманск. Ей противостояла наша 14-я армия, в надежности которой никто из нас не сомневался. К северу и западу от Ладожского озера и Карельского перешейка находились карельская и юго-восточная армии врага, по составу преимущественно финские. Они могли наступать на Петрозаводск и Ленинград. Петрозаводск прикрывала наша 7-я армия под командованием генерал-лейтенанта Ф. Д. Гореленко, а Ленинград — 23-я армия генерал-лейтенанта П. С. Пшенникова. Обе они имели кадры, прошедшие через финскую кампанию, хорошо знавшие театр военных действий и располагавшие опытом ведения операций в этой местности.

На советско-финляндской границе пока было спокойно. Видимо, Финляндия выжидала, чтобы принять наиболее благоприятное для себя решение. Но сколько собиралась она ждать? Месяц, неделю, день? Никто не знал. Поэтому наши войска должны были быть готовыми в любую минуту отразить удар противника. Все три армии получили указания: срочно завершить перегруппировку, выход войск к границе и ее прикрытие, укрепить боевые рубежи, усовершенствовав их в инженерном отношении, а главное — прикрыть основные направления, усилить наблюдение за противником и поддерживать со штабом округа постоянную связь.

Как мне сообщили, перед моим приездом в Ленинград из Наркомата обороны в штаб округа поступила директива о приведении войск в боевую готовность в связи с возможным началом войны. За истекшее время соединения, части и подразделения округа стали подтягиваться ближе к государственной границе и занимать укрепленные районы, но делали это медленно, так как директива требовала, чтобы войска оставались рассредоточенными и продвигались скрытно. Постепенно налаживалась противовоздушная оборона. В целом округ не сумел выполнить все требуемое. Даже приведение войск в боевую готовность осуществлялось довольно робко: не позволял последний пункт директивы, которым запрещалось проводить без особого распоряжения какие бы то ни было другие мероприятия.

Примерно часов в восемь утра округ получил из Москвы вторую директиву. Но осуществить ее практически не пред-

ставлялось возможным, так как она касалась фактически лишь тех армий, которые уже вели бои с противником на Северо-Западном, Западном и Юго-Западном фронтах. Специальным пунктом директива запрещала нам переходить государственную границу там, где враг не нарушил ее, причем особо указывалось, что наша авиация не должна совершать воздушные налеты на территорию Финляндии. Опять Ленинградский округ мог только ожидать развития событий.

Взяв всю ответственность на себя, я дал указание форсировать приведение войск в боевую готовность и запросить сведения о положении на флангах округа. Северный флот, которым командовал контр-адмирал А. Г. Головко, сообщил, что моряки настороже, но у них пока спокойно. Балтийский флот под командованием вице-адмирала В. Ф. Трибуца вел боевые действия на море. Из сухопутных баз на побережье Латвии поступали разноречивые сведения. Однако со стороны устья Невы Ленинграду пока ничто не угрожало. Наконец удалось связаться со штабом Прибалтийского особого военного округа. К телефону подошел заместитель командующего округом Е. П. Сафронов. Он сообщил, что согласно ранее утвержденному плану войска округа 22 июня должны были проводить боевые стрельбы. Поэтому многие части и подразделения в момент начала войны находились на стрельбищах или по дороге к ним. А те части, которые стояли неподалеку от границы, ведут тяжелый встречный бой с противником. Связь имеется далеко не со всеми, не только со сражающимися частями, но и с находящимися в других пунктах округа. Командующий войсками округа генерал-полковник Ф. И. Кузнецов вчера вечером был близ границы и даже дал дополнительные указания о проведении боевых стрельб. Сейчас же неизвестно, где он находится.

Далее Е. П. Сафронов сказал, что очень беспокоит судьба семей комсостава. За несколько дней до начала войны по указанию командования округа семьи комсостава вывезли в тыл. Но 20 июня из наркомата обороны пришло категорическое распоряжение немедленно возвратить всех на старые места. И вот теперь судьба семей комсостава неизвестна. Скорее всего, они в плену у врага.

Е. П. Сафронов попросил у меня совета, как ему дальше действовать. Я посоветовал прежде всего установить связь с войсками и наладить управление ими. Затем разыскать командующего и координировать все действия с Балтийским флотом и соседом слева — соединениями Западного особого военного округа. Однако, как вскоре стало известно, командование

Прибалтийского особого военного округа действовало по-прежнему неуверенно.

Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР во многих областях, в том числе и Ленинградской, было введено военное положение. Все военные комиссариаты получили приказ призвать в армию военнообязанных четырнадцати возрастов, от 23 до 36 лет включительно. Ленинградским заводам было дано указание широко развернуть военное производство. А пока мы собирали оружие в военкоматах, клубах, спортивных обществах и на окружных складах, налаживали его учет и распределение. Меня особенно беспокоило то, что в округе мало было самолетов и танков. В связи с этим группе офицеров штаба округа я поручил подсчитать, чего и сколько может понадобиться округу при различных ситуациях: если Финляндия выступит тотчас, выступит позднее или не выступит совсем; если нам пришлют подкрепление, не пришлют его или мы сами должны будем помогать другим округам и т. д.

В мирное время невозможно предусмотреть все комбинации, которые могут возникнуть после начала войны, особенно когда сама война идет не так, как предполагали. В таких случаях нужно проявлять максимальную оперативность и перестраивать планы в соответствии с конкретными обстоятельствами.

К вечеру 22 июня положение в Прибалтике не улучшилось. Тем не менее округ наряду с другими округами и фронтами получил третью директиву наркома обороны. Сражавшимся соединениям предписывалось перейти к наступлению и разгромить агрессора. В части, касавшейся нас, говорилось о том, что границу следует держать на замке, не допуская вторжения врага в глубь советской территории. Штаб округа работал с предельной нагрузкой. Ночь предстояла беспокойная. Меня известили, что 23 июня в Ленинград прибудет из Мурманска командующий войсками округа М. М. Попов, а из Москвы — член Политбюро ЦК ВКП(б) А. А. Жданов.

Наступило утро второго дня войны. Я получил срочный вызов в Москву. Уезжая, распорядился, чтобы Военный совет округа поставил в известность уже находившегося в пути А. А. Жданова о намеченном. Позднее мне говорили, что Жданов прилагал много усилий к тому, чтобы быстрее выполнить этот план. В тот же день, то есть 23 июня, я был назначен постоянным советником при Ставке Главного командования [1].

---

[1] Ставка Главного командования была создана 23 июня 1941 года. 10 июля того же года она преобразована в Ставку Верховного командования. 8 августа 1941 года Ставка Верховного командования была преобразована в Ставку Верховного главнокомандования.

Северо-Запад

К югу от Ильменя.—
Это случилось в 34-й армии.—
11-я и 27-я.—
Бологое должно остаться нашим!

По возвращении из Ленинграда я, по не зависевшим от меня обстоятельствам, был примерно на два месяца отстранен от всякой работы. А в сентябре 1941 года я получил новое назначение. Помню, как в связи с этим был вызван в кабинет Верховного главнокомандующего. И. В. Сталин стоял у карты и внимательно вглядывался в нее, затем повернулся в мою сторону, сделал несколько шагов навстречу и сказал:

— Здравствуйте, товарищ Мерецков! Как вы себя чувствуете?

— Здравствуйте, товарищ Сталин! Чувствую себя хорошо. Прошу разъяснить боевое задание!

И. В. Сталин не спеша раскурил свою трубку, подошел к карте и спокойно стал знакомить меня с положением на Северо-Западном направлении...

Через два дня я вылетел в качестве представителя Ставки Верховного главнокомандования на Северо-Западный фронт вместе с Н. А. Булганиным и Л. З. Мехлисом.

Фронт этот возник в самом начале войны. В то время в его состав входили 8-я и 11-я армии. 8-й армии, растянувшейся на участке от Мемеля до Немана, довелось принять на себя удар 18-й фашистской армии. 11-я армия, оборонявшая зону от Немана до южной административной границы Литовской республики, встретилась сразу с 16-й фашистской армией, а также 9-й армией и 3-й танковой группой левого крыла немецкой группы армий «Центр». В разрыв между двумя нашими армиями устремилась вражеская 4-я танковая группа, а на позиции наших войск обрушилась авиация противника. Под напором превосходящих сил врага советские соединения с боями отходили от государственной границы.

К началу августа 8-я армия, рассеченная на части, оборонялась, повернувшись на юг, в Эстонии; 11-я — отступала от Пскова к Ильменю. Их разделяло теперь Чудское озеро. К югу от 11-й армии стояла 27-я армия, включенная в состав Северо-Западного фронта.

Дальнейшее отступление 8-й армии через Эстонию в сторону Ленинграда привело к включению ее в состав Северного фрон-

та. Затем этот фронт был разделен и на своем южном крыле стал называться Ленинградским, а от Ладожского озера до Мурманска протянулся Карельский фронт. Эти два фронта, а также Северо-Западный образовали Северо-Западное направление во главе с Маршалом Советского Союза К. Е. Ворошиловым. Чтобы закрыть брешь, образовавшуюся между прикрывавшей Лугу оперативной группой генерал-лейтенанта К. П. Пядышева и рекой Шелонь, сюда направили 48-ю армию. В результате к концу августа конфигурация Северо-Западного фронта определялась его оборонительными позициями по Ильменю и реке Ловать. Наша Новгородская оперативная группа стремилась возвратить Новгород; 27-я армия прикрывала город Холм; 11-я армия пыталась вернуть Старую Руссу; находившаяся между последними 34-я армия заняла участок к западу от реки Пола. Главнокомандование Северо-Западного направления было упразднено, а войска, входившие в его фронты, подчинялись теперь непосредственно Ставке Верховного главнокомандования.

В конце августа 56-й моторизованный корпус и другие соединения 16-й армии противника вновь предприняли наступление в зоне Северо-Западного фронта. Прорвав его оборону на Ловати, они продвинулись на сотню километров и дошли до озера Селигер. Восточнее реки Пoлометь гитлеровцы создали Демянский плацдарм, за который позже шла напряженнейшая борьба вплоть до конца 1943 года. Такова была обстановка, с которой мы столкнулись здесь в начале сентября 1941 года.

Мы прибыли на Северо-Западный фронт 9 сентября. Нас, представителей Ставки, встречали на аэродроме известные мне по Ленинграду командующий фронтом генерал-лейтенант П. А. Курочкин и член Военного совета, мой боевой товарищ по войне с Финляндией, с которым мы потом всю войну были вместе на трех фронтах, храбрый, смелый и добрый помощник и друг Т. Ф. Штыков. Вторым членом Военного совета являлся корпусной комиссар В. Н. Богаткин, начальником штаба — мой давний сослуживец Н. Ф. Ватутин. Николай Федорович подробно доложил об обстановке на фронте.

Нашу 27-ю армию отделяла от противника система озер, заливов и водных рукавов севернее Селигера. Наступать здесь фашистам было трудно, поскольку успеха можно было достигнуть только при значительном перевесе сил, а враг таким перевесом не располагал, лучшие свои соединения на этом направлении он бросил под Ленинград. Наш правый фланг 11-й армии зарылся в землю севернее селений Парфино, Пола и Лычково.

Противостоявшие ему немецкие дивизии увязли в болотах и не обладали достаточной мощью для наступления.

Больше всего тревожил левый фланг 11-й и весь участок 34-й армий. Прикрывая путь на Крестцы, Валдай и Бологое, они проходили по сравнительно сухому месту у начинавшейся здесь Валдайской возвышенности. Естественно было предполагать, что именно в этом районе возможен очередной фашистский удар. С другой стороны, если бы мы захотели сами наступать (а мы надеялись, что день нашего перехода в контрнаступление не за горами), нам трудно было бы найти более удобную исходную позицию.

Первое же ознакомление с положением наших армий показало, что они сильно ослаблены, потеряли значительную часть своего личного состава, испытывают недостаток в технике, вооружении, боеприпасах, снаряжении и могли лишь держать оборону. Следовательно, нужно было стабилизировать линию фронта, укрепить позиции и не дать врагу пробиться к Вышнему Волочку, откуда он мог бы обойти советские соединения, стоявшие у реки Волхов, и наступать в сторону Рыбинска, разъединяя наши фронты.

Эта общая стратегическая установка предполагала проведение ряда тактических мероприятий, которые мы и наметили совместно с командованием фронта. При этом мы учитывали, что Ставка Верховного главнокомандования не могла дать нам крупных подкреплений, так как шло ожесточенное сражение западнее Москвы. Учитывали также и условия местности в нашей зоне. Эти условия были более благоприятны для нашей обороны, нежели для наступления противника.

Решено было немедленно ознакомиться с положением в армиях на местах и оказать их командованию необходимую помощь. Куда же ехать сначала? Звоним в штаб 11-й армии генерал-лейтенанту В. И. Морозову. Он отвечает на вопросы спокойно, говорит уверенно, настроение бодрое. Значит, 11-я армия подождет. Между прочим, ее штаб находился западнее селения Лычково. А в последнее уже ворвались немцы. Но ведь проводная связь идет через Лычково! В чем же дело? Несколько раз мы звонили командарму: связь действовала. Только позднее удалось установить, как это случилось. Несмотря на то, что в населенном пункте были фашисты, какие-то советские патриоты (к сожалению, не знаю их имен) продолжали обслуживать узел связи и до конца выполнили свой долг.

Звонили мы и командующему Новгородской оперативной группой генерал-майору И. Т. Коровникову. Там немцы боль-

шой активности не проявляли, обстановка была устойчивой. Следовательно, весь правый фланг фронта держался довольно прочно. И мы уже решили отправиться в 27-ю армию, как вдруг у совхоза Никольский возле командного пункта фронта (западный берег озера Велье) нам встретился начальник штаба 34-й армии полковник Ф. П. Озеров, известный мне по совместной службе в Белорусском военном округе как хороший офицер. Из беседы с ним мы поняли, что он не знал, где находится штаб и большинство дивизий 34-й армии. Оказалось, что командарм генерал-майор К. М. Качанов, узнав о нашем приезде, направил его к нам для доклада. Прямой связи со своими соединениями Качанов и Озеров не имели уже три дня.

Ф. П. Озеров был отстранен от должности и назначен командиром стрелкового полка. Впоследствии он показал себя с очень хорошей стороны, дослужился до генеральского звания, командовал армией и стал начальником штаба Волховского фронта. Уроки 1941 года пошли ему на пользу, и он вырос в крупного военачальника. Хуже получилось с К. М. Качановым. Л. З. Мехлис доложил в Ставку о его поведении, и на этом карьера командарма окончилась. На мой взгляд, его судьба могла бы оказаться лучшей и он еще проявил бы себя достойным образом. В начале войны многим военачальникам не удавалось сразу наладить дело. Это не помешало им отлично действовать в дальнейшем.

Взять хотя бы штаб 27-й армии, расположившийся в деревне Филиппова Гора. Как выяснилось через сутки из докладов командарма генерал-майора Н. Э. Берзарина и начштаба полковника П. С. Ярмошкевича, связь этого штаба со своими дивизиями была не намного лучше и планом действий на ближайшее время командование армией не располагало. Однако уже в течение следующей недели оно сумело наладить руководство войсками и затем даже наносить врагу чувствительные удары. Этому хорошо помогли танковые подразделения, переброшенные по нашей просьбе из резерва Ставки на Северо-Западный фронт. Действиями этих подразделений руководил непосредственно командующий автобронетанковыми войсками генерал Я. Н. Федоренко.

В тот момент я посоветовал Берзарину осуществить в первую очередь три мероприятия: собрав все наличные самолеты и автомобили, установить с их помощью надежную связь с соединениями; любым способом создать хотя бы небольшие резервы для ликвидации прорывов; срочно приступить к оборудованию позиций в глубине обороны.

Были предприняты необходимые меры по выводу из окружения войск 34-й армии. По моему заданию один из штабных офицеров перелетел на самолете ПО-2 через вражеские боевые порядки и обнаружил в лесу трех комдивов этой армии — двух генералов и одного полковника. Разделив окруженные части армии на три колонны, они повели их на прорыв. Из окружения вышли 163-я мотострелковая дивизия, 257-я и 259-я стрелковые дивизии, 270-й корпусной артполк с материальной частью, а также остатки нескольких других соединений, возглавленные начальником оперативного отдела штаба армии полковником Юдинцевым.

11 сентября неподалеку от деревни Заборовье мы установили контакт со вторым эшелоном штаба 34-й армии. Здесь оказались начальник артиллерии армии генерал-майор артиллерии В. С. Гончаров и командарм К. М. Качанов. Оба они ничего толком о своих войсках не знали и выглядели растерянными. Через день армейское руководство было заменено. Исполняющим обязанности командарма стал генерал-майор П. Ф. Алферьев, начальником штаба — генерал-майор М. Т. Романов, начальником артиллерии — генерал-майор артиллерии М. Н. Чистяков. 14 сентября в армию влились свежие силы, в том числе 1300 коммунистов и комсомольцев, 70 политработников.

12 сентября 11-я и 27-я армии пополнились каждая двумя дивизиями. Противнику был нанесен ряд контрударов. Произошел поучительный случай. Во время боев от пожара на одном участке загорелся торф. Он выгорел снизу, а сверху внешний вид почвенного покрова не изменился. Через несколько дней на этом участке наши части перешли в наступление. Ничего не подозревавшие, многие бойцы провалились по горло. Вслед за ними провалилось несколько боевых машин. Возможность таких случаев в дальнейшем приходилось учитывать.

Положение наших войск на Северо-Западном фронте начало постепенно стабилизироваться. Командование принимало необходимые меры, чтобы остановить врага на протяжении всей линии фронта, и приступило к организации глубоко эшелонированной обороны. У меня возникла мысль — срезать образовавшийся восточнее реки Тудоть фашистский плацдарм, названный Демянским. Эта мысль не давала мне покоя ни днем ни ночью. Где же взять силы, чтобы осуществить ее? Выступ можно было бы срезать согласованным ударом двух фронтов — Северо-Западного и Ленинградского. Но с конца августа связь между ними осуществлялась довольно своеобразно. Будучи

соседними, эти фронты все же не соприкасались. Между ними боевые позиции занимали по линии от Ладоги до Киришей и дальше на юг по реке Волхов войска 54-й армии Маршала Советского Союза Г. И. Кулика и 52-й армии генерал-лейтенанта Н. К. Клыкова. Оба военачальника подчинялись непосредственно Верховному главнокомандующему. А может быть, думал я, надо в срочном порядке организовать обучение некоторых контингентов местных жителей во фронтовом тылу, спросив на это разрешения у Ставки? Хорошо помню, что утром 17 сентября я собирался поставить эти вопросы на Военном совете фронта, но вдруг срочно был вызван в Москву, а затем направлен под Ленинград на новую должность.

Снова против белофиннов

У Верховного главнокомандующего.—
Новое задание.—
Как сражалась 7-я армия.—
Генерал Гореленко.—
Отступление по дуге.—
Свирская преграда.—
Кто и как действовал.

К середине сентября 1941 года обстановка под Ленинградом была очень сложной. На севере — финны. На западе — оккупированная гитлеровцами Прибалтика. На юге — тоже фашисты. На востоке — Ладожское озеро, лишь южный берег которого не был занят врагом — около 90 километров водного пространства по параллели. По этому водному пути и поддерживалась с ленинградцами кое-какая связь.

Между тем продовольствия в городе оставалось очень мало. Сами ленинградцы, население пригородов и беженцы из захваченных врагом районов, наполнившие город, начали с 8 сентября пользоваться теми скромными запасами, которыми располагал непосредственно горисполком. Выдача продуктов была резко сокращена. Теперь от водной трассы по Ладоге зависела судьба всего Ленинграда. Грузы шли через город Тихвин на город Волхов. Отсюда часть их транспортировалась далее железнодорожными составами на Войбокало, где груз из поездов перекочевывал в автомашины. Позднее у селения Лаврово была сооружена ветка к берегу Ладоги. Здесь с грузовиков или поездов продукты, боеприпасы и подразделения бойцов перегру-

жались на корабли Ладожской флотилии. Некоторая часть грузов прямо у города Волхов попадала на речные баржи и катера, которые по реке Волхов спускались в Ладогу и, огибая берег параллельно Староладожскому каналу, тоже шли на запад до маяка Осиновец. Отсюда люди и грузы следовали местной железной дорогой через Рахью, Углово и Всеволожский в Ленинград.

Но на Ладожско-Онежском перешейке советские войска тоже отступали. В результате восточный берег Ладоги все южнее и южнее постепенно попадал в руки финнов. Если бы они форсировали реку Свирь, а немцы прорвались бы на восточный берег реки Волхов, то связь с Ленинградом, за исключением воздушной, прекратилась бы.

Ленинградцы вгрызлись в землю и стояли насмерть, не пуская дальше врага ни на шаг. Но на Ладожско-Онежском перешейке отступление продолжалось. С тревогой читал я оперативные сводки, поступавшие с восточного берега Ладоги. Еще немного, и финны могли соединиться с немцами. К сожалению, у Ставки не было сил помочь нашим войскам на этом берегу. Прорвать бы хоть кольцо блокады под Шлиссельбургом и Мгою! Однако противник отбивал все атаки. Больше того, с юга к Ладоге гитлеровцы вбили клин, который постепенно расширяли, и оказавшееся в середине его селение Синявино было отделено уже в обе стороны от советских войск десятикилометровым расстоянием.

Я старался подробно рассказать об обстановке сначала на Северо-Западном фронте, затем в районе Ленинграда, сложившейся к середине сентября 1941 года, для того, чтобы читателю были понятны развернувшиеся там боевые действия в дальнейшем.

Итак, я был вызван в Ставку. Предстояла встреча с Верховным главнокомандующим.

За время работы в Наркомате обороны и в годы Великой Отечественной войны мне приходилось встречаться с И. В. Сталиным десятки раз. Я не вел записей этих встреч, но стоит напомнить мне о каком-то конкретном случае, как тут же в памяти всплывет и что было сказано, и какими сопровождалось комментариями, и как на это реагировали окружающие. Одно звено цепочки тянет за собой другое. Психологически это легко объяснимо. Все встречи с И. В. Сталиным проходили для меня (и, вероятно, не только для меня) при особой внутренней собранности, вызванной сознанием важности дела и чувством высокой ответственности.

Во время официальных заседаний И. В. Сталин обращался ко мне, как правило, «товарищ Мерецков», реже — «Кирилл Афанасьевич». При неофициальных встречах он почему-то называл меня «ярославцем» или «хитрым ярославцем». Так, например, он называл меня с улыбкой, когда ему нравилось внесенное мной предложение по важному вопросу или, сердясь, когда я не соглашался с его мнением.

В годы войны во время моих докладов Верховному главнокомандующему о положении на фронте или при обсуждении новых заданий иногда присутствовали А. М. Василевский, Б. М. Шапошников, несколько реже — Г. К. Жуков, А. И. Антонов, Г. М. Маленков, К. Е. Ворошилов, еще реже — другие члены Политбюро или военачальники. Нередко же беседа велась с глазу на глаз. Это не значит, что предварительно Сталин не обсуждал данный вопрос с членами Государственного Комитета Обороны или сотрудниками Ставки. Не значит это, конечно, что с другими командармами и командующими фронтами Сталин тоже беседовал лишь наедине. Что касается меня, то (я говорю так, как было в действительности) многие оперативные задания в годы войны я получал непосредственно от И. В. Сталина во время беседы вдвоем.

Такая беседа состоялась и 17 сентября. Я обстоятельно доложил о положении на Северо-Западном фронте и о своих замыслах, которые вынашивал в последнее время. И. В. Сталин заметил:

— Это хорошо, что положение стабилизировалось. Я вижу, вы вошли уже в курс дела. Хотим дать вам ответственное задание. Не возражаете?

Возражений, конечно, не последовало. Мне было приказано немедленно выехать на Ладожско-Онежский перешеек, в 7-ю армию Карельского фронта, которая с боями отступала на юг, к Свири, помочь наладить оборону, ни в коем случае не допустить прорыва финнов к Волхову на соединение с немцами. Командовал 7-й армией генерал-лейтенант Ф. Д. Гореленко. Во время советско-финляндской войны, когда я был командармом-7, он командовал стрелковым корпусом. Я ценил в нем не только хорошего военачальника, но и умного человека, с легкой хитрецой, очень расчетливого и храброго. После советско-финляндской войны ему было присвоено звание Героя Советского Союза. И. В. Сталин знал его еще со времени гражданской войны. Направляя меня в эту армию, он сказал:

— Посмотрите, как идут дела у Гореленко. Вы знаете войска этой армии, ее командиров, а они знают вас. Помогите советом.

Если этого будет мало, разрешаю вступить в командование. Приказываю любым способом финнов остановить!

Прибыв в штаб армии, находившийся в Петрозаводске, я прежде всего ознакомился с обстановкой в целом. События на этом участке развертывались так. Перед началом войны 7-я армия стояла у новой государственной границы, от Сортавалы до Гимольского озера. Так называемая Карельская армия, в которую входили финские соединения, развернула наступление на советскую территорию 10 июля по двум главным направлениям: на Олонец и на Петрозаводск. В распоряжении Гореленко были три стрелковые дивизии, у противника — в четыре раза больше. Подбросить в 7-ю армию существенные подкрепления Москва не могла. Когда 7-я армия начала медленный отход на юго-восток, главнокомандующий Северо-Западным направлением К. Е. Ворошилов направил ей на помощь отдельные части 23-й армии, стоявшей западнее, на Карельском перешейке. Несколько раз войска армии наносили контрудары по врагу, и через двадцать дней финны остановились.

Правый фланг новых позиций 7-й армии находился теперь у Поросозера, среди самых южных отрогов возвышенности Манселькя. Центр армии упирался в Сямозеро, крупнейший водный бассейн на Ладожско-Онежском перешейке. Левый фланг протянулся по реке Тулокса вплоть до Ладоги. В результате армия оказалась вытянутой почти строго по меридиану с севера на юг. Со стратегической точки зрения такое положение армии нельзя было назвать хорошим. Слишком уж близко подступили финны своим правым флангом к Свири. Им оставалось пройти до реки всего 60 километров. Правда, тогда немцы были еще далеко от Волхова, и никто еще не думал, что Ленинград скоро окажется в блокаде. Но через два месяца это обстоятельство сыграло едва ли не решающую роль в принятии гитлеровской группой армий «Север» конкретного оперативного плана.

10 августа финны возобновили здесь наступление и вплоть до сентября, постепенно накапливая силы, отвоевывали у 7-й армии километр за километром. А когда гитлеровцы пошли на штурм Ленинграда, финны резко усилили нажим на 7-ю армию и рассекли ее войска на три группы. В результате боев центр позиций армии глубоко выгнулся на восток. Находившиеся здесь соединения раздвоились на Южную группу, прикрывавшую устье Свири, и Петрозаводскую. Часть последней была отрезана от основных сил, когда финны прорвались к Кондопоге, и отошла на северо-восток. Там она и осталась под названием Медвежьегорской.

С Медвежьегорской группой из-за дальности расстояния (120 километров по Онежскому озеру) связь осуществлялась слабо. Радиостанций у нас было очень мало. В нужном количестве радиотехника попала в войска гораздо позднее. Связь между двумя другими группами грозила вот-вот прекратиться, так как финны выходили уже на берег Онежского озера в районе селения Шелтозеро. Скорее вывести Петрозаводскую группу из-под удара, чтобы ее не сбросили в воду, и передислоцировать на юг, а там организовать прочную оборону по реке Свирь — вот что подсказывала обстановка. Действовать надо было немедленно, и я 24 сентября взял командование 7-й армией на себя. Ф. Д. Гореленко попросил оставить его моим заместителем. Я охотно согласился. И не ошибся. На своем месте оказался и начальник штаба армии генерал-майор А. Н. Крутиков.

Сразу же приступили к решению главной задачи — к организации планомерного отвода войск. На левом фланге войска отходили от Олонца на линию Свирьстрой — Лодейное Поле — Свирица. Этот фланг обеспечивался со стороны Ладожского озера действиями Ладожской военной флотилии контр-адмирала Б. В. Хорошхина. Труднее было положение на правом фланге армии. Левый фланг отходил незначительно, правый — существенно. Если мы поставим на карте ножку циркуля в Свирицу, а грифель упрем в Петрозаводск и затем опишем дугу в сторону юга, то получим линию, по которой должны были продвигаться войска армии. Чем ближе к Онежскому озеру, тем дальше по дуге нужно отходить нашим войскам. Новая линия обороны намечалась от Ошты до Подпорожья. Это значило, что правому флангу армии приходилось оттягиваться в процессе непрерывных и тяжелых боев километров на сто пятьдесят. При этом нужно было сделать отход организованным. Часть Петрозаводской группы войск, не успевшая сомкнуться с основными силами армии, была позднее переброшена на юг на судах Онежской военной флотилии, а также на катерах, лодках и иных подручных средствах, какие удалось найти, организовать и использовать. Отводя войска, мы старались создать на Свири такую линию обороны, которая стала бы для Карельской армии финнов непреодолимой.

Напор врага был очень сильным. Главнокомандующий финскими силами барон Маннергейм, согласовав свои планы с немецкими, поставил перед своими войсками задачу нанести 7-й армии два мощных удара. Один из них, по его расчетам, должен был привести к прорыву через Свирь на юго-запад и соединению с гитлеровцами у Волхова; другой — к прорыву на

юго-восток и выходу через район озера Белое к Вологде. С этой целью против 7-й армии противник сначала сосредоточил четыре дивизии и три бригады, а затем перебросил с Карельского перешейка еще одну немецкую пехотную дивизию, четыре финские дивизии и две егерские бригады. Теперь враг наступал силами девяти дивизий и пяти бригад, не считая ряда вспомогательных частей. У нас же ему противостояли четыре стрелковые дивизии, одна дивизия народных ополченцев и два отряда из нескольких полков. Противник значительно превосходил нас и в авиации.

Я договорился со Ставкой, что отошедшую севернее Онежского озера группу войск мы не будем перевозить на южный берег озера, а передадим Карельскому фронту, которым тогда командовал генерал-лейтенант В. А. Фролов. 7-я армия, зажатая между двумя крупными водными бассейнами, оказалась отрезанной от Карельского и Ленинградского фронтов и выполняла самостоятельную оперативную задачу, получая указания из Ставки. Она была переименована в 7-ю Отдельную армию с подчинением непосредственно Верховному главнокомандующему. И. В. Сталин одобрил наш замысел остановить финнов на Свири.

Перегруппировка и отход наших войск были делом не простым. 25 сентября враг захватил селение Половина недалеко от Петрозаводска. Группа войск противника «Олонец» стояла у Лодейного Поля. Вдоль железной дороги на Петрозаводск с юга, через Ладва-Ветка, наступали 7-я пехотная дивизия и двухбригадная группа егерей «Л». В конце сентября вражеские клещи сомкнулись у Петрозаводска, и 2 октября город пал. В то же время враги стали с ходу форсировать Свирь. Они сумели это сделать на нашем правом фланге, где оборонительная линия еще не была готова, и захватили плацдарм в районе от Булаевской до Подпорожья. Затем начались кровопролитные бои, продолжавшиеся три недели. За это время противнику удалось продвинуться всего лишь на 8—15 километров. После этого фронт здесь окончательно стабилизировался и оставался на этом рубеже вплоть до лета 1944 года. Я не знал тогда, конечно, что именно воинам Карельского фронта, которыми мне довелось позднее командовать, придется гнать финнов назад к Государственной границе СССР как раз с этого рубежа в июне 1944 года.

В обороне Онежского обводного канала хорошо помогала нам Онежская военная флотилия. Действуя у истоков Свири, возле села Вознесенье, она огнем своей артиллерии наносила удары

по врагу, стремившемуся обойти озеро с юга. Она же эвакуировала сюда из Суйсар после оставления Петрозаводска нашу 272-ю дивизию. Особенно большую роль играла тогда Ладожская военная флотилия. Она не только обеспечивала фланги 23-й армии Ленинградского фронта и 7-й Отдельной армии, но и снабжала защитников Ленинграда всем необходимым. В город по суше попасть было уже нельзя. Большинство судов флотилии перебазировалось в порты Новой Ладоги и Сясьстроя, где они грузились продовольствием, боеприпасами, техникой, пополнением и шли на запад. Оттуда корабли доставляли на Большую землю раненых, больных и истощенных от голода людей.

Три месяца вела наша 7-я армия на Ладожско-Онежском перешейке изнурительные бои. Советские войска несли немалые потери, но еще бóльшие потери были у противника. Не добившись поставленной цели, он был вынужден отказаться от осуществления своих планов и перейти более чем на два с половиной года к обороне. Врагам не удалось взять Ленинград, не удалось создать прочную блокаду вокруг города, не удалось прорваться к Вологде и выйти на оперативный простор южнее Онежского озера. Карельская армия финнов, усиленная немецкими частями, была обескровлена и измотана в сражении. Вот что пишет о событиях конца сентября, например, немецкий генерал Типпельскирх: «...немецкое командование обратилось к финнам с настоятельной просьбой оказать в районе реки Свирь как можно более сильное давление на русские войска, чтобы облегчить положение корпуса, ведущего ожесточенные бои в районе южнее Ладожского озера. Но финская армия, северный фланг которой под Петрозаводском сам должен был сдерживать сильный натиск противника, была не в состоянии это сделать» [1].

В дальнейшем мы хорошо использовали положительный опыт, приобретенный 7-й армией за три месяца боев. Некоторые соединения применили его вторично на практике очень скоро, когда в том же году были переброшены под Тихвин. Многие командиры из 7-й армии позднее успешно воевали на Волховском фронте, другие — в составе Карельского фронта.

Мы учитывали впоследствии и недостатки в действиях наших войск. Так, первоначально командование 7-й армии, организуя оборону, стремилось распределить наличные силы и средства равномерно по всем участкам. Это давало противнику воз-

---

[1] *Типпельскирх К.* История второй мировой войны. М., 1956, с. 197.

можность, сосредоточивая в нужном месте резервы и временно ослабляя прочие зоны, использовать свое материальное и численное преимущество для прорыва обороны на важнейших направлениях. Недостаточно внимания уделяли мы обеспечению стыков между соединениями и их флангов. Между тем враг почти никогда не лез в лобовую атаку, а, как правило, применял обходные маневры и проводил операции на окружение. Это обстоятельство приобретало особое значение в лесисто-болотистой местности, где необстрелянные части все время тянулись к дорогам и избегали лесов. Наконец, жизнь показала, что при обороне на широком фронте с одноэшелонным построением войск совершенно необходимо иметь значительные резервы. Их целесообразно располагать несколько ближе к переднему краю, чем в обычных условиях, преимущественно возле узлов путей сообщения, в населенных пунктах, возле удобных для маршрутов дефиле и желательно не в одном месте. Вот выводы, которые я сделал для себя из боев у Свири.

Отдельного рассмотрения заслуживает работа наших тыловых органов непосредственно в полосе, прилегавшей к фронту. Собственно говоря, тыловые органы нередко занимались фактически тем же, что делали фронтовики, то есть мужественно дрались с врагом. Чего стоили, например, транспортные перевозки под огнем противника. Беломорско-Онежское пароходство вынуждено было осуществлять эвакуацию людей и грузов из Медвежьегорска, Петрозаводска, Повенца, Шуньги, Кондопоги под непрерывными ударами вражеской авиации. Когда шлюзы Мариинской водной системы становилось невозможно использовать, онежские озерные и речные суда просто передавали грузы Шекснинскому пароходству через Вытегру, откуда они попадали в систему бассейна Волги. В тяжелейших и опасных условиях действовали водники на Ладоге. Их бомбили вражеские самолеты, обстреливала фашистская дальнобойная артиллерия, они преодолевали ладожские штормы, более страшные, чем на море, и как-то особенно сильно бушевавшие осенью 1941 года. Все вынесли наши славные водники, мужественно выполняя свой гражданский долг.

Отлично работали и связисты. Всем известно, как на Ладоге действовала спасавшая Ленинград «дорога жизни». Но многие ли знают, что к концу 1941 года вступила в строй обходная телефонно-телеграфная магистраль Москва — Ленинград, тоже протянутая через Ладожское озеро? Нельзя забыть также выполнявших сложнейшие задания железнодорожников и автотранспортников.

Прочь от Тихвина!

Обнажившийся тыл.—
Как организовать оборону? —
Село Большой Двор.—
Прикрываем дорогу на Вологду.—
Горький опыт.—
Нанесли контрудар.—
Тихвин в полукольце.—
Не выпуская инициативы.—
Штурм города.—
К Ладоге мчатся поезда.

Разгром немецких войск под Тихвином, городом, лежащим в 180 километрах к востоку от Финского залива,— славная страница героической истории защиты Ленинграда. Об обороне Ленинграда и жизни ленинградцев в условиях блокады писалось очень много. Здесь же мне хочется поделиться воспоминаниями о боевых делах наших войск именно под Тихвином в ноябре — декабре 1941 года, то есть там, где были пресечены попытки врага лишить Ленинград последних путей сообщения через Ладогу и полностью отрезать его от страны. Эти события интересны тем, что они характеризуют переход инициативы в руки нашей армии и начало общего перелома на Северо-Западном направлении.

В сентябре 1941 года более чем 300-тысячная армия немцев обложила Ленинград с юга и юго-востока, а финские войска нависли со стороны Карельского перешейка и вышли к реке Свирь. Население города, войска Ленинградского фронта и силы Краснознаменного Балтийского флота оказались в очень тяжелом положении. Единственным путем для связи с тылом страны оставалось Ладожское озеро и участок его юго-восточного побережья.

Несмотря на исключительно тяжелое положение, защитники Ленинграда не только отразили все атаки врага, но и заставили его самого перейти к обороне. Тогда немецко-фашистское командование решило предпринять глубокий обход города с юго-востока, чтобы, соединившись с финскими войсками восточнее Ладоги, взять его в двойное кольцо, лишить ленинградцев всякой связи с тылом страны и вынудить к капитуляции.

Для выполнения этого плана немцы бросили в бой значительные силы — три корпуса. Непосредственно на соединение с финнами был двинут ими 39-й моторизованный корпус, получивший к тому времени пополнение и состоявший из двух танковых дивизий (450 танков), двух моторизованных дивизий и

ряда отдельных частей. Действия корпуса прикрывались и поддерживались авиацией. В то же время три дивизии 1-го армейского корпуса немцев начали наступление по обоим берегам реки Волхов в сторону Волховстроя, а соединения 38-го армейского корпуса — в направлении Малой Вишеры.

В районе Грузино врагу удалось прорвать фронт наших войск и форсировать Волхов. В первых числах ноября немецкие танки вышли на ближние подступы к Тихвину. Потеря Тихвина означала бы утрату нами последней железной дороги к юго-восточному побережью Ладожского озера, по которой шло через Вологду снабжение Ленинграда.

Фашистская пропаганда ликовала, протрубив на весь мир о неизбежном падении города Ленина. «Теперь Ленинград должен будет сдаться без пролития крови немецких солдат»,— пророчествовали немецкие газеты. Гитлер, выступая в Мюнхене 8 ноября, в день отхода советских войск из Тихвина, самодовольно утверждал: «Ленинград сам поднимет руки: он неминуемо падет, раньше или позже. Никто оттуда не освободится, никто не прорвется через наши линии. Ленинграду суждено умереть голодной смертью».

В оборонительных боях на подступах к Тихвину мне не пришлось принимать непосредственного участия. Там сражались войска 4-й армии под командованием генерала В. Ф. Яковлева. Я в то время командовал 7-й армией, которая держала оборону против финских войск на реке Свирь. Тихвин лежал у нас в тылу, и, в силу того что удар немецких войск своим острием был направлен на реку Свирь, оборонявшиеся там войска в случае прорыва немцами фронта 4-й армии могли подвергнуться удару противника с тыла.

Поэтому мы беспрестанно следили за тем, как развертывались события на Тихвинском направлении, очень внимательно читали боевые сводки с этого участка и сами собирали сведения об обстановке. Самым важным мероприятием следует считать создание резервов и сосредоточение их на возможных путях наступления противника. То, чему меня научило сражение у Свири, я хотел сразу же применить на деле. Но особыми резервами 7-я армия не располагала. Удалось вывести в резерв танковую бригаду, а из различных отдельных отрядов и поступавшего пополнения сформировать один стрелковый полк, один артиллерийский полк, вооруженный 76-миллиметровыми орудиями, и пять минометных батальонов (82-миллиметровые минометы). Кроме того, я приказал привлечь все войска и население к оборонительным работам. Так удалось высвободить

три саперных батальона. Вот и все силы, которыми располагала армия для прикрытия прорыва.

Когда боевые действия приблизились к Тихвину и создалась реальная угроза нашему тылу, потребовалось принять срочные меры. Связи с 4-й армией не было. Ставка тоже не сообщала точных сведений. Тогда мы сами решили выяснить, способна ли 4-я армия собственными силами приостановить дальнейшее продвижение немецких войск или, быть может, она нуждается в срочной помощи. С этой целью я направил 5 ноября в район боевых действий 4-й армии начальника штаба 7-й армии генерал-майора А. Н. Крутикова. Примерно в это же время меня информировал о положении под Тихвином прибывший из 4-й армии секретарь Ленинградского обкома партии Т. Ф. Штыков, который организовывал снабжение Ленинграда продовольствием.

Обстановка под Тихвином оказалась исключительно тяжелой, если не сказать критической. Штаб 4-й армии попал под удар противника и отходил на восток отдельными, не имевшими между собой связи группами. Управление войсками армии нарушилось, и они неорганизованно отступали.

О сложившейся обстановке на Тихвинском направлении я доложил 7 ноября по телефону в Ставку. Вскоре мне было приказано срочно отправиться в 4-ю армию и вступить во временное командование ею. Обязанности командующего 7-й армией с меня не снимались. Ставка разрешила использовать часть ее сил для помощи 4-й армии. Перед войсками обеих армий ставилась задача — по-прежнему удерживая финнов на Свири, остановить наступление немцев в районе Тихвина и разгромить их на этом участке.

Но уже на следующий день представитель Ленинградского фронта при 4-й армии генерал-майор П. А. Иванов сообщил мне по телефону, что немцы заняли Тихвин и быстро продвигаются на восток в сторону Вологды. К вечеру того же дня я вместе с дивизионным комиссаром М. Н. Зеленковым, генерал-майором А. А. Павловичем, комбригом Г. Д. Стельмахом и другими товарищами убыл в Сарожу (в 22 километрах севернее Тихвина). Перед отбытием мною было отдано распоряжение срочно направить из состава 7-й армии в район Тихвина танковую бригаду, стрелковый полк, четыре минометных и два саперных батальона, несколько походных кухонь и запасы продовольствия, то есть почти все наши скромные резервы.

Уже в сумерках прибыли мы в Сарожу. Нас никто не встретил. Вообще людей не было видно. За спиной послышался голос: «Не оставлен ли район нашими войсками?» «Туда ли мы

прибыли?» — сказал еще кто-то. «Туда, туда»,— успокоил я своих спутников, увидев приближавшегося к нам быстрым шагом человека в советской военной форме. Оказалось, что это был командир батальона. Он доложил мне, что батальон подготовлен к отходу.

— Батальону продолжать выполнять задачу,— приказал я. А затем спросил: — Столовая у вас тоже подготовлена к отходу? Сможете вы нас накормить ужином?

— Трудно, но попытаемся, товарищ генерал армии,— ответил командир батальона.

Узнав о нашем прибытии, в столовую, куда мы пришли, стали собираться офицеры. Вначале разговор не клеился. Настроение у наших собеседников было подавленное. Почти все они отступали через Тихвин. Но как был сдан город, никто толком объяснить не мог. По их словам, он был захвачен внезапно. Части и подразделения, потерявшие управление еще в боях на подступах к Тихвину, прошли город, не задерживаясь в нем. Овладев городом, противник, тоже не останавливаясь, повел наступление на север — к реке Свирь и на восток — вдоль шоссе и железной дороги к Вологде. На этих направлениях группировались и основные силы наших отходивших войск. Вот те немногие сведения, которые удалось узнать вечером в столовой. Они, конечно, были далеко не полными. Но все же давали в общих чертах представление об обстановке.

В первую очередь нужно было восстановить нарушенную связь между соединениями и частями 4-й армии. Для этого требовались штабные офицеры, которые помогли бы наладить управление и средства связи. Но ни того, ни другого не было. Нескольким генералам и офицерам, прибывшим со мной из 7-й армии, это было не под силу. Мы решили выехать на основные направления, по которым отходили войска, разыскать командиров соединений и частей, на месте объединить разрозненные подразделения в отряды и организовать их управление. Такое решение несколько затягивало организацию отпора врагу, но в той обстановке это был единственно правильный путь. К тому же выезд в войска давал возможность непосредственно на месте узнать их состояние и познакомиться с командирами. Все это для меня, нового командующего, было необходимо.

На следующий день вместе с генералом А. А. Павловичем и моим адъютантом капитаном М. Г. Борода мы выехали из Сарожи по направлению к Тихвину. Километров через пять счастливая случайность свела нас сразу с двумя командирами соединений: командиром 44-й стрелковой дивизии полковником

П. А. Артюшенко и командиром 191-й стрелковой дивизии полковником П. С. Виноградовым. Мы встретили их в небольшом населенном пункте Бор. Они стояли у крыльца крайнего дома и о чем-то горячо спорили. Оказалось, что части обеих дивизий отходили в Северном направлении: 44-я дивизия — прямо вдоль дороги на Лодейное Поле (центр 7-й армии), 191-я — проселочными дорогами немного восточнее. Таким образом, на одном направлении оказалось два начальника. Так как связи со штабом армии не было, то им надо было решать, как действовать дальше. Они очень обрадовались, увидев перед собой генерала, и прекратили спор.

Обстановка на этом направлении сложилась довольно мрачная. Сдерживать наступающего противника было почти нечем. Из докладов командиров дивизий выяснилось, что численность их дивизий на самом деле не превышала одного полка. Части 44-й дивизии в тот момент вообще насчитывали всего около 700 человек. Переброшенная в конце октября с Ленинградского фронта по воздуху, она не имела ни артиллерии, ни транспорта и вела бои только стрелковым оружием. Некоторые подразделения во главе с комиссаром дивизии Д. И. Сурвилло во время отступления через Тихвин оторвались от основных сил и теперь отходили на восток, в направлении села Большой Двор. 191-я стрелковая дивизия также была сильно ослаблена. В ее частях насчитывалось около тысячи солдат, при этом они действовали разрозненно, отдельными подразделениями, фактически не объединенными единым командованием.

Нередко подразделения одной дивизии перемешивались с подразделениями другой. Так, вперемешку с частями 44-й дивизии отступали немногочисленные подразделения 292-й дивизии, основной состав которой находился километров за девяносто в стороне, на Волховском направлении. Оказывается, когда немцы прорвали фронт у Киришей, 292-я дивизия расчленилась. То же получилось с 60-й танковой дивизией, имевшей очень мало танков. Ее главная часть стояла южнее Тихвина, а отдельные подразделения вели бои совместно с частями 191-й дивизии, отходя на север.

Устроили короткое совещание. Все согласились с тем, что нужно действовать немедленно. Но с чего начинать? Один из офицеров предложил переговорить с бойцами, чтобы выяснить их настроение. Так и сделали. Бойцы высказывались неохотно, но довольно откровенно, жаловались, что наступили морозы (зима выдалась ранняя), а они все еще в летнем обмундировании, что у них кончились боеприпасы и стрелять нечем, что

немецкая авиация делает что хочет, а наших самолетов не видно, что немецкие танки идут и идут, а у них нет даже гранат, пушки же наши молчат...

После беседы с бойцами снова встал вопрос: с чего же будем начинать? Тот же офицер, который советовал поговорить с бойцами, сказал:

— От походных кухонь красноармейцы не уйдут, сделаем кухни местами сбора.

Совет мне понравился, но кухонь здесь не было. Тогда я связался с 7-й армией и приказал армейской авиации доставить срочно кухни в разобранном виде. Затем принял решение собрать рассыпавшиеся по дорогам и лесам войска дивизий и временно организовать из них управляемые отряды. Командирам дивизий настоятельно рекомендовать назначить пункты сбора, где оборудовать места отдыха и иметь горячую пищу, медицинский персонал, запасы обмундирования и боеприпасов. Прибывавших солдат и офицеров кормить, выдавать им теплые вещи и снабжать боеприпасами. Для ускорения сбора на всех перекрестках выставить маяки, а также обследовать близлежащие населенные пункты и всех солдат, обнаруженных там, направлять на сборные пункты.

Организованные отряды войск 44-й и 191-й дивизий должны были занять оборону, по моим расчетам, 10 ноября по северному берегу реки Шомушка и, перерезав дорогу на Лодейное Поле, преградить путь танкам противника на север. По моему указанию сюда же были направлены резервные войска из 7-й армии. Оказавшемуся здесь же начальнику тыла 4-й армии полковнику Попкову было дано задание обеспечить войска продовольствием и боеприпасами. Будучи опытным работником снабжения, полковник Попков довольно быстро справился с трудностями в снабжении, возникшими в результате беспорядочной эвакуации управления тыла армии и материальных запасов из Тихвина. В дальнейшем он хорошо организовал обеспечение воинов всеми необходимыми видами довольствия.

В 44-й дивизии мы пробыли до вечера. Еще раз поговорили с солдатами, узнали их нужды и настроения, наметили рубежи обороны и указали их на местности командирам дивизий, поставили конкретные задачи. Затем отправились в село Большой Двор, куда отходила по направлению на восток другая группа войск 4-й армии. В селе Бор остался генерал Павлович, на которого возлагалось общее руководство по сбору войск, а также организация обороны и последующего наступления.

В Большой Двор прибыли утром 10 ноября. Уже при въезде заметили, что в селе находится штаб 4-й армии. На окраине деревни стояла одинокая зенитно-пулеметная установка, у домов виднелись легковые и штабные машины. Как выяснилось, даже такие органы управления армии, как управление тыла и некоторые медицинские учреждения, не были заблаговременно выведены из Тихвина. Они начали выбираться только тогда, когда танки противника с десантом автоматчиков заняли город и перекрыли почти все выходы из него. При поспешной эвакуации часть штаба ушла на север, по дороге на Лодейное Поле, а другая — на восток и остановилась в селе Большой Двор. Кроме того, большая группа работников штаба армии во главе с его начальником генерал-майором П. И. Ляпиным находилась в это время в районе Волхова, где осуществляла управление Волховской группой войск, формально числившейся в составе 4-й армии. Фактически она находилась в подчинении командующего 54-й армией Ленинградского фронта. Генерал Ляпин возвратился в 4-ю армию лишь во второй половине ноября. Его управление тыла, «увлекшись» отходом, так далеко загнало эвакуированные эшелоны с материальными запасами, что их потом пришлось разыскивать с помощью фронтовой авиации и с огромным трудом возвращать обратно.

Прибыв в Большой Двор, мы начали восстанавливать управление частями и соединениями. Ждать П. И. Ляпина мы не стали. На должность начальника штаба я назначил прибывшего со мной комбрига Г. Д. Стельмаха, поручив ему собрать в Большом Дворе отбившихся от штаба офицеров, а также вернуть всех сотрудников штаба, находившихся в Волховской группе; срочно организовать разведку противника перед всем фронтом армии; установить связь с соединениями и отдельно действующими отрядами; наладить получение информации снизу и от соседей и обеспечить передачу приказов и распоряжений. Я всецело положился на опыт этого, уже проверенного раньше командира. Он блестяще справился со своими обязанностями. Это был высокообразованный человек, хорошо знавший военное дело и отличавшийся личной храбростью. Вскоре он был выдвинут на должность начальника штаба фронта. К сожалению, его жизнь оборвалась в расцвете творческих сил. Примерно через год после Тихвинской операции он погиб в битве под Сталинградом. Хорошим помощником начальника штаба явился начальник оперативного отдела полковник И. П. Алферов.

Обстановка к востоку от Тихвина была примерно такой же, как и севернее его. Немногочисленные подразделения ослаблен-

ных частей и соединений медленно отходили, сдерживая напор танков противника. Бои шли в двух километрах восточнее Астрачи. Там дрался отряд 44-й стрелковой дивизии (в составе 200 человек) под командованием комиссара дивизии Д. И. Сурвилло и запасной полк, имевший около тысячи человек. В районе железнодорожной станции Большой Двор находились подразделения еще одного стрелкового полка (кажется, тоже около 200 человек). Вот и все, чем располагала тогда 4-я армия для прикрытия направления на Вологду. В пути находились 65-я стрелковая дивизия и два отдельных танковых батальона. Их прибытие на станцию Большой Двор ожидалось через два дня. Я поручил генералу П. А. Иванову объединить все имевшиеся на этом направлении силы в один отряд, занять рубеж и удерживать его до подхода резервов.

Южнее Тихвина, от Мулево до Воложбы, оборонялись наши 27-я кавалерийская и 60-я танковая дивизии. Эти соединения также были малочисленны и утомлены длительными боями. По существу, здесь вели боевые действия лишь отдельные подразделения и около трех десятков танков. 60-я танковая дивизия насчитывала 70 устаревших танков «Т-26» низкой проходимости, из них примерно 20 танков вели бои у железной дороги Ленинград — Москва, в районе Неболчи, и 15 — на севере с 44-й дивизией. Западнее Неболчи (50 километров южнее Тихвина) сдерживали натиск моторизованной дивизии противника части сильно ослабленной 4-й гвардейской стрелковой дивизии и 92-я стрелковая дивизия. Итак, 4-я армия расчленилась на три группировки: Волховскую, Тихвинскую и Южную, действовавшие самостоятельно и разобщенно.

Доложив в Ставку об обстановке и принятых мерах и дав указания П. А. Иванову и начальнику штаба армии Г. Д. Стельмаху по организации обороны и дальнейшим действиям, мы с командующим артиллерией полковником Г. Е. Дегтяревым поспешили на север, к комдиву-44 Артюшенко, чтобы встретить прибывавшие из 7-й армии резервы и организовать контрудар по врагу.

В пути беседовали с командирами и красноармейцами. Длительные бои, большие потери, перебои в снабжении, нехватка боеприпасов, особенно снарядов, наконец, боевые неудачи наших войск и отход их в глубь страны вызвали у некоторых военнослужащих моральную подавленность. Мы старались поднять боевой дух воинов, но чувствовали, что одних слов мало. Прежде всего следовало наладить управление, снабдить войска боеприпасами, обеспечить регулярным питанием и поставить

четкие и ясные задачи. Лишь добившись всего этого, можно было убедить воинов, что враг не так силен, как кажется, что его можно бить и в конечном счете разбить. На все это и направлялись наши усилия.

Немалую роль в неудачах наших войск сыграло то обстоятельство, что почти все части и соединения 4-й армии, в том числе и ее штаб, не имели опыта ведения боевых действий в сложных условиях лесисто-болотистой местности. Штабы теряли управление, войска были беззащитными от ударов авиации противника. А местность была действительно труднопроходимой. Леса и болота почти сплошь покрывали пространство между рекой Волхов и Тихвином. Многочисленные реки и ручьи пересекали пути движения войск. Населенные пункты встречались редко. Дорог было мало, обширные болота не замерзали даже в сильные морозы.

Горький опыт, полученный войсками 4-й армии в ноябре 1941 года, многому нас научил. Уже тогда мы взяли себе за правило: как бы ни велика была нужда в войсках, поступающее пополнение и вновь прибывающие части перед боями пропускать через учебные центры или непосредственно в соединениях знакомить с особенностями ведения боевых действий в лесисто-болотистой местности, тренировать в ориентировании, а также обучать строительству оборонительных сооружений, укрытий и дорог.

Когда я снова прибыл в Бор, в штаб 44-й стрелковой дивизии, там уже находились командиры частей и подразделений из 7-й армии. Под руководством генерала А. А. Павловича разрабатывался план удара по врагу. Прибытие же самих частей и подразделений ожидалось через несколько часов. План удара состоял в том, чтобы совместными усилиями подошедших резервов и подразделений 44-й и 191-й стрелковых дивизий атаковать передовые части танковой дивизии противника и отбросить их к Тихвину, после чего, обойдя город с запада, оседлать тыловые коммуникации вражеской тихвинской группировки. Главная роль в выполнении этого удара отводилась 46-й танковой бригаде, имевшей опыт ведения боев в условиях лесисто-болотистой местности. Бои под Тихвином особенно памятны мне потому, что это была первая крупная наступательная операция, которой я руководил во время Великой Отечественной войны. Мне хочется поэтому рассказать о ней поподробнее.

Намеченный удар состоялся рано утром 11 ноября. Подошедшие из 7-й армии 46-я танковая бригада и стрелковый полк во взаимодействии с подразделениями 44-й и 191-й стрелковых

дивизий с ходу атаковали вражеские войска и, отбросив их на 12—13 километров, продвинулись к северной окраине Тихвина. Для противника удар оказался совершенно неожиданным. Когда немцы оправились, они, подтянув танки и вызвав авиацию, приостановили наступление наших войск километрах в пятнадцати севернее Тихвина. Попытки 46-й танковой бригады и 44-й стрелковой дивизии продолжить наступление не имели успеха.

Хотя удар по немцам и не привел сразу к ожидаемым результатам, войскам нашей армии он дал очень многое. Во-первых, была ликвидирована острота нависшей угрозы соединения немецких войск с финскими. Противник, потеряв много танков и откатившись к Тихвину, уже не помышлял о наступлении, а принялся строить вокруг города оборону. Во-вторых, выйдя на новый рубеж, наши войска в значительной степени улучшили свои позиции. Заняв нависающее положение над тыловыми коммуникациями противника, они держали их под угрозой перехвата. В-третьих, этот небольшой успех оказал благотворное влияние на боевой дух нашей армии. Воины заметно повеселели.

Изменялась к лучшему обстановка и восточнее Тихвина. Генерал П. А. Иванов объединил под своим командованием разрозненные подразделения 44-й стрелковой дивизии, запасной стрелковый полк, подразделения другого стрелкового полка и некоторые подразделения 60-й танковой дивизии. Его отряд от обороны перешел к наступлению, остановил танки и мотопехоту моторизованной дивизии противника и вынудил их повернуть обратно.

Когда я возвратился в Большой Двор (14 или 15 ноября), отряд под командованием генерала Иванова выбивал противника из Астрачи. Бои носили исключительно ожесточенный характер. Враг цеплялся за каждый дом, за каждый сарай. С неослабевающим упорством бои шли четыре дня. К этому времени отряд Иванова, усиленный 191-й стрелковой дивизией и двумя вновь прибывшими танковыми батальонами, подошел к Тихвину на 5—6 километров и, не имея пока сил для развития наступления, закрепился на этом рубеже. Спешно закреплялся и противник.

Таким образом, получив отпор на обоих направлениях, немцы вынуждены были перейти к обороне. Рассчитывать на скорое получение крупных подкреплений в связи с развернувшимися боями под Москвой и Ростовом они не могли. Однако, чтобы усилить блокаду Ленинграда, противник во что бы то ни стало старался удержать Тихвин. Действовавшие

в тылу врага партизаны в то время были еще слабы и существенно помочь нам не могли. Пытаясь оттянуть на себя фашистские войска, они геройски дрались в тяжелейших условиях. Так погиб под Тихвином возглавлявшийся секретарем райкома партии Н. А. Голышевым один из первых партизанских отрядов в этом районе.

Для нас освобождение Тихвина в то время приобретало исключительно важное значение. Оно являлось вопросом жизни Ленинграда и Ленинградского фронта. Это обстоятельство обязывало принимать меры к скорейшему освобождению железнодорожной линии, связывавшей центр страны с Новой Ладогой, откуда по Ладожскому озеру шло снабжение Ленинграда. Наряду с обороной, которая отнюдь не была пассивной, а характеризовалась активными действиями отдельных отрядов с целью изматывания противника, войска 4-й армии накапливали силы и средства, перегруппировывались и готовились к решительному контрнаступлению. Прежде всего с прибытием резервов и пополнений отряды были реорганизованы в оперативные группы. Северная оперативная группа под командованием генерала П. А. Иванова обложила Тихвин с северо-запада, севера и востока. Состав ее не был постоянным. Иногда сюда входили лишь 46-я танковая бригада и 44-я стрелковая дивизия. Тогда части, действовавшие восточнее Тихвина, именовались Центральной группой.

Левее оперативной группы Иванова развернулась вновь прибывшая из резерва Ставки 65-я стрелковая дивизия под командованием полковника П. К. Кошевого, заняв юго-восточные подступы к Тихвину. П. К. Кошевой — затем один из видных военачальников Советской Армии, Маршал Советского Союза — прошел под Тихвином суровую школу. На его дивизию легла самая тяжелая задача — овладеть городом. Из подразделений 27-й кавалерийской и 60-й танковой дивизий, действовавших южнее, была образована оперативная группа под командованием генерала А. А. Павловича. Наконец, еще южнее из частей 92-й стрелковой дивизии, разрозненных подразделений 4-й гвардейской стрелковой дивизии и танкового полка 60-й танковой дивизии, находившихся на левом фланге армии, была создана Южная оперативная группа под командованием бывшего командарма-4, а теперь заместителя командующего 4-й армией генерала В. Ф. Яковлева.

Генерал Яковлев — боевой командир с большим опытом вождения войск. Но случилось так, что в трудный момент он не смог удержать управления армией, за что и был от-

странен от должности. Он был оставлен по его личной просьбе заместителем командующего армией и одновременно возглавил Южную оперативную группу. Несколько позднее, с образованием Волховского фронта, генерала Яковлева назначили командующим другой армией.

Из пополнений, поступавших централизованным порядком, собственных ресурсов 4-й армии и местного советского и партийного актива нами была сформирована стрелковая бригада. Многие ее подразделения вследствие нехватки стрелкового оружия вначале были вооружены только гранатами. Командиром бригады был назначен генерал-майор Г. Т. Тимофеев, служивший во время первой мировой войны в гренадерском полку. Поэтому бригада стала называться «гренадерской» (в XVIII—XIX веках на вооружении у гренадеров были ручные гранаты).

Одновременно налаживалось управление. Однако довести его до устойчивого состояния было очень трудно. Не хватало средств связи, а потребность в них при наличии большого количества штабов, соединений и сильно растянувшегося фронта обороны была велика. Выходом из положения явилось создание оперативных групп, в результате чего почти в три раза уменьшилось количество мелких штабов, с которыми армия держала связь, ликвидировались карликовые соединения и значительно сократились линии, по которым осуществлялось управление. Оперативные группы просуществовали до конца Тихвинской операции, после чего были расформированы. В дальнейшем, вплоть до создания корпусов, нам еще не раз приходилось обращаться к этой форме управления, что прямо отражало потребность армии в корпусных управлениях. Я уже тогда пришел к выводу, что ликвидация корпусов себя тогда не оправдала. Беседы с командующими других фронтов подтвердили, что и они так считают.

Как только противник почувствовал усиление активности наших войск и ему стало известно о прибытии к нам резервов, он забеспокоился. В двадцатых числах ноября прибывшую из Франции и разгрузившуюся на железнодорожном участке Любань — Чудово пехотную дивизию немецкое командование начало спешно перебрасывать автотранспортом в район Тихвина. Эта переброска не прошла для нас незамеченной. Наша артиллерия начала вести методический огонь по участку дороги от Липной Горки до Тихвина, миновать который автоколонны противника никак не могли; был усилен

нажим войск оперативной группы Павловича, создавшей угрозу перехвата дороги на Тихвин; проводились систематические налеты небольших групп штурмовиков и ночных бомбардировщиков по вражеским автоколоннам на всем протяжении их маршрута.

Особенно эффективными оказались действия нашей авиации по автоколоннам. Штурмовики, а ночью легкие бомбардировщики, действуя группами по 3—4 самолета, вынуждали легко одетых немцев покидать машины, разбегаться в стороны и отлеживаться в снегу на морозе в 30—35 градусов. По данным разведки, госпитали в Чудово и Любани были заполнены обмороженными немецкими солдатами. В результате пехотная дивизия противника пришла в Тихвин с большим опозданием и сильно поредевшей. Тем не менее тихвинская группировка противника усилилась и теперь состояла из пяти дивизий. Кроме того, немцам удалось в разное время подтянуть к городу два дорожных батальона, транспортный батальон, пехотный полк одной из дивизий, действовавшей в районе реки Волхов, и некоторые другие части.

Росли и наши силы. Армия пополнилась полнокровной 65-й стрелковой дивизией и двумя танковыми батальонами. Это позволило создать некоторый перевес над противником в пехоте, артиллерии и минометах, хотя и не давало особенных причин для оптимизма. Во-первых, мы значительно уступали противнику в танках. Во-вторых, численное превосходство по пехоте сводилось на нет отсутствием у нас четкой организационной структуры войск. По существу, армия имела лишь две стрелковые дивизии (65-ю и 92-ю) и одну танковую бригаду, сохранившие свою организацию. Все другие формирования представляли собой наспех сколоченные группы из отдельных подразделений различных частей. Немцы же имели пять дивизий, хотя и понесших большие потери, но сохранивших боеспособность. В-третьих, небольшое численное превосходство в артиллерии и минометах из-за недостатка боеприпасов было кажущимся. Моя записная книжка свидетельствует, что запасы армии по боеприпасам позволяли нам расходовать ежедневно в среднем семь выстрелов на 120-миллиметровый миномет и 122-миллиметровую гаубицу и четырнадцать мин на 82-миллиметровый миномет. Отпускаемые Ставкой боеприпасы поступали крайне медленно. Страна еще не наладила тогда как следует производство боеприпасов, да и железные дороги были перегружены. К началу контрнаступления из 35 ожидаемых транспортов

с минами и снарядами прибыло только семь. Такое же положение было с поступлением вооружения и различной военной техники.

Наконец, немаловажное значение имела прочность обороны противника. Пока шли бои севернее и восточнее Тихвина, немцы успели закрепиться в городе и на его подступах, использовав для этого каменные постройки. Прорыв глубоко эшелонированной обороны требовал большого расхода снарядов, а их-то как раз и не хватало. Почти сплошь покрытая лесом и засыпанная глубоким снегом местность сильно затрудняла маневр войск. Боевые действия могли развертываться в основном вдоль немногочисленных дорог, то есть там, где противник создал наиболее прочную оборону. Таким образом, мы не располагали предпосылками, которые обычно считаются необходимыми для успешного наступления на обороняющегося противника, за исключением одной — инициативы, а это весьма важно. Я считаю, что инициатива — великое дело.

Надо было создать и другие предпосылки успеха: обеспечить боеприпасами, пополнить части и подразделения оружием и другой боевой техникой, укрепить войска организационно, упорядочить управление. Но для осуществления этих мероприятий просто не было времени. Тяжелое положение. в Ленинграде и настойчивые требования Ставки как можно скорее освободить Тихвин вынуждали к переходу к решительным действиям. Поэтому пришлось отдать приказ о контрнаступлении до того, как мы получили материальные средства и пополнение.

Основой плана контрнаступления явилась идея окружения и уничтожения немецких войск в районе Тихвина, чему в значительной степени благоприятствовала сама конфигурация фронта. Войска 4-й армии занимали охватывающее положение: противник был обложен с трех сторон. На перехват дорог, связывавших тихвинскую группировку противника с его тылом, направлялись удары основных сил армии. На Северную оперативную группу я возложил задачу: действуя правым флангом в Южном направлении, перехватить шоссейную и железную дороги Тихвин — Волхов и отсечь немцам пути отхода на запад. Навстречу правофланговым соединениям Северной оперативной группы нацеливалась с юга оперативная группа Павловича. В ее задачу входило перехватить грунтовую и железную дороги Тихвин — Будогощь и отсечь немцам пути отхода на юго-запад. Обе опергруппы должны были встречными ударами замкнуть кольцо вокруг Тихвина.

65-я стрелковая дивизия Кошевого наносила лобовой удар по городу с юго-востока. Южная оперативная группа Яковлева получила задачу наступать в общем направлении на Будогощь, чтобы перерезать коммуникации и пути отхода противника на дальних подступах к Тихвину, если встречный удар Иванова и Павловича не удастся и борьба у западной городской окраины примет затяжной характер. Одновременно переходила в наступление 54-я армия Ленинградского фронта, которая наносила удар вдоль реки Волхов на Кириши. Сосед слева — 52-я армия уже вела успешные наступательные действия, создавая угрозу на южном фланге тихвинской группировки противника. К тому времени она овладела городом Вишера и продолжала теснить немцев.

Начавшееся 19 ноября наступление 4-й армии развивалось медленно. Наши части всюду наталкивались на упорное сопротивление врага. На ряде участков противник сам атаковал наши войска. В первые дни наступления почти на всем фронте боевые действия носили в основном характер встречных боев. Серьезным тормозом была нехватка у нас снарядов и мин. Пехоте зачастую приходилось атаковать опорные пункты, система огня которых не была до конца подавлена.

Особенно ожесточенными были схватки в селе Лазаревичи, одном из самых укрепленных пунктов врага западнее города. Только после многократных атак и истребления почти всего немецкого гарнизона этот пункт был взят подразделениями 44-й стрелковой дивизии. Но на этом и закончились успехи Северной оперативной группы. Попытки выдвинуть передовые части для перехвата железной дороги 44-й стрелковой дивизии не удались. Более того, учитывая создавшуюся угрозу окружения, противник нашел достаточно сил, чтобы восстановить утраченное положение и отбить село. Бои за Лазаревичи разгорелись с новой силой. Немцы бросили сюда авиацию, танки и части только что подошедшей пехотной дивизии. Создав значительное превосходство в живой силе и технике, они оттеснили подразделения 44-й стрелковой дивизии. Здесь отдали свою жизнь за Родину многие ее славные сыны. Одному из них, танкисту Василию Михайловичу Зайцеву, посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Его останки захоронили позднее в братской могиле на площади Свободы в Тихвине.

Не добилась сразу решающего успеха и 65-я стрелковая дивизия, которая направляла свои усилия на юго-восточную

окраину города. Заняв несколько пунктов в пригородном районе, эта дивизия натолкнулась на сильные укрепления и остановилась. Было ясно, что на этом направлении у противника очень прочная оборона и для прорыва ее надо иметь большое количество артиллерийских средств и снарядов. А их-то и не хватало. Тогда было решено перенести усилия 65-й дивизии на южную окраину Тихвина. Атаки дивизии и здесь натолкнулись на все возраставшее сопротивление противника. Ее продвижение, измерявшееся какими-то сотнями метров, через несколько дней совсем прекратилось.

На левом фланге армии в начале наступления боевые действия развивались более успешно. Части оперативных групп А. А. Павловича и В. Ф. Яковлева, продвинувшись в северо-западном направлении, создали угрозу коммуникациям врага. Однако вскоре и здесь противник активизировался. Продвижение наших войск замедлилось, а затем совсем прекратилось, и боевые действия локализовались.

Все чаще и чаще на наши атаки немцы отвечали контратаками. Они старались поправить свое пошатнувшееся положение. Вследствие этого успешно начатое контрнаступление все больше и больше принимало характер встречных боев, исход которых склонялся то в одну, то в другую сторону. Тем не менее в результате наступательных действий 4-я армия нанесла противнику ощутимые удары и серьезно ослабила его группировку в районе Тихвина. На ряде участков нам удалось оттеснить врага и занять более выгодные позиции. Так, войска правого фланга Северной оперативной группы, подойдя к Лазаревичам, получили возможность держать под действенным артиллерийским огнем важный железнодорожный участок. Движение немцев из Тихвина на запад и северо-запад становилось невозможным. У противника фактически оставалась одна грунтовая дорога, идущая из Тихвина на Липную Горку и далее на Будогощь.

Таким образом, наши войска, подойдя к коммуникациям противника, создали угрозу их перехвата. Чтобы осуществить последний рывок и завершить разгром противника под Тихвином, в начале декабря потребовалось внести изменения в план операции и в соответствии с ними провести дополнительные мероприятия. Было решено основные усилия перенести на левый фланг армии. Главный удар должна была наносить оперативная группа Павловича вдоль реки Сясь. Вспомогательный удар наносился правофланговыми соединениями Северной оперативной группы. Дивизия Кошевого

усиливала свой левый фланг с целью удара на Тихвин с юга и юго-запада.

С учетом новых задач опергруппе Павловича отдавались все наличные резервы армии: «гренадерская» бригада (четыре батальона общим количеством около 2000 человек) и полк кавалерии, находившийся в процессе формирования. Северная опергруппа была слегка усилена за счет присылки незначительных подкреплений (кажется, 200 человек пехоты) из 7-й армии. Кроме того, в состав 4-й армии включался один корпусной артиллерийский полк. Получила свою артиллерию 44-я стрелковая дивизия. Были пополнены запасы снарядов и мин. Поступление резервов в значительной мере укрепило наши войска, однако сколько-нибудь существенного превосходства над противником мы не получили и на этот раз. Но, как уже упоминалось, успех тогда определяло не столько численное превосходство, сколько инициатива, которая прочно удерживалась нами.

Утром 5 декабря войска 4-й армии, перегруппированные и усиленные, предприняли вторую фазу наступления. Северная опергруппа в тот же день очистила перед собой весь правый берег реки Тихвинки. Войска группы помимо того, что оседлали шоссейную дорогу Тихвин — Волхов, получили возможность вести наблюдаемый артиллерийский огонь по железной дороге на большом участке. Войска опергруппы Павловича к исходу 5 декабря перехватили грунтовую дорогу из Тихвина на Будогощь и начали продвигаться в сторону Липной Горки.

Немецко-фашистское командование, почувствовав в районе Тихвина угрозу окружения, на следующий же день произвело ряд контратак по левому флангу дивизии Кошевого и особенно сильные — по правому флангу опергруппы Павловича. В силу отчаянного сопротивления противника и труднопроходимой местности наши войска продвигались очень медленно. Только в ночь с 7 на 8 декабря они приблизились на дистанцию ближнего огня к дороге, идущей из Тихвина на Будогощь. Чтобы сохранить за собой эту последнюю дорогу, противник бросил сюда большое количество артиллерии и минометов, несколько десятков танков для контратак и усилил действия своей авиации.

Зато успешно развивалось наступление на восточных и южных подступах к городу. 191-я и 65-я стрелковые дивизии, прорвав полосу заграждений и лишив противника почти всех укреплений в пригородных районах, вплотную подошли к

городу. Радовали наших бойцов и хорошие вести из Москвы: как раз в эти дни советские воины под Москвой начали громить войска немецкой группы армий «Центр». Политработники старались побыстрее доставлять свежие газеты на передний край.

В ночь на 9 декабря началась решительная атака на Тихвин. Удар наносился двумя дивизиями одновременно: 191-й стрелковой дивизией — с северо-востока, 65-й стрелковой дивизией — с юга. Атака поддерживалась уже довольно сильной по тому времени артиллерией. Не выдержав нашего натиска, противник стал пятиться, и части обеих советских дивизий ворвались в город.

Тихвин лежал израненный и притихший. На каждом шагу встречалась разбитая техника, много убитых вражеских солдат и офицеров. Но все же мы не смогли отрезать немцев в районе Тихвина и полностью уничтожить их тамошнюю группировку. У нас не хватило сил, особенно артиллерии и снарядов, для осуществления этого замысла. Серьезным препятствием оказалась и местность, сплошь покрытая заболоченными лесами и глубоким снегом. Она сильно затрудняла, а на некоторых направлениях даже исключала маневр. Только к концу декабря, когда промерзли болота, войска получили возможность сойти с дорог и осуществлять обходное движение.

Значительным силам врага удалось избежать окружения. Вырвавшись из города, они устремились на юго-запад, на Будогощь, и частично на запад, в сторону Волхова. Теперь, когда немцы из Тихвина были изгнаны, перед армией встала задача очистить от противника весь восточный берег реки Волхов и добить ускользнувшие из города остатки моторизованного корпуса немцев. Преследование шло по обоим направлениям.

В первый же день преследования части Северной оперативной группы встретили сильное сопротивление в районе Лазаревичей. Я решил выяснить, в чем дело? Что это за пункт, за который так упорно цепляется противник? В штабе 44-й стрелковой дивизии, куда я прибыл под вечер 9 декабря, удалось установить, что в Лазаревичах засела специально оставленная здесь довольно сильная группировка немцев, имевшая целью обеспечить сбор и отход разбитых в Тихвине частей. 44-я дивизия, получившая отпор, топталась на месте, а противник между тем уходил. Надо было атаковать его немедленно, той же ночью. Получив от меня соответствующее указание, полковник Артюшенко приказал нанести удар

по врагу. Части 44-й стрелковой дивизии и 46-й танковой бригады форсировали реку Тихвинку и выбили немцев из Лазаревичей. Когда я выехал к месту боевых действий, через Тихвинку уже была построена переправа. Бой шел в 500—700 метрах от нее. Вокруг то и дело рвались снаряды и проносились шальные пули. Особенно неистовствовала авиация немцев. Она прилагала все усилия, чтобы задержать наши войска. Переправой руководил молодой и энергичный офицер с запоминающейся фамилией Ломоносов.

— Каковы успехи? — спросил я у Ломоносова.

— Отличные, товарищ генерал армии! Переправа работает. Застрявшие в реке танки вытаскиваем.

Тут я увидел группу танкистов и саперов, которые подготавливали к подъему наш полузатонувший танк. Дело шло успешно.

«Самолетов мало у нас, а то бы мы дали фашистам как следует!» — думал я. К сожалению, с самолетами у нас тогда было очень туго. Хорошо еще, что Ставка разрешила использовать авиацию, действовавшую в полосе 4-й и 52-й армий. Мы собрали все самолеты новейших конструкций в одно соединение, что дало ощутимый эффект. Посадили далее десанты автоматчиков на танки, и преследование немцев ускорилось. К концу дня район Лазаревичей и часть железной дороги были очищены от врага. Противник, бросая обозы и технику, поспешно отходил. Войска Северной оперативной группы возобновили преследование и к 24 декабря целиком очистили железную дорогу Тихвин — Волхов. За войсками шли железнодорожные ремонтные бригады, восстанавливавшие дорогу и мосты, разрушенные противником. И уже в тот самый момент, когда наши войска выбрасывали за реку Волхов последних гитлеровских солдат, из Тихвина отправились первые эшелоны с продовольствием для Ленинграда.

Все успешнее развивались боевые действия и в направлении на Будогощь. В то время как 65-я стрелковая дивизия, «гренадерская» бригада и подразделения 27-й кавалерийской дивизии вели преследование противника, 4-я гвардейская стрелковая дивизия перерезала дорогу на Будогощь. Оказавшиеся на отрезке дороги Липная Горка — Ситомля вражеские войска попали в окружение. На выручку им двинулась моторизованная дивизия. Но на нее в свою очередь усилила нажим наша 92-я стрелковая дивизия. Развернулись упорные многодневные бои,, из которых наши войска вышли победителями. Отходившим частям противника пришлось бросать

технику, обозы, оружие, раненых и пробиваться лесами на юго-запад или сдаваться в плен. В результате нам достались богатые трофеи: много обозов, автомашин, оружия, а также большое количество пленных, в том числе целиком артиллерийский полк пехотной дивизии. Помнится, что позже эта немецкая дивизия долго воевала на Волхове без артиллерии.

Бои за очищение волховского правобережья от фашистских войск подходили к концу. Левое крыло 4-й армии ночью овладело крупным населенным пунктом и важным узлом дорог Будогощь, а к 27 декабря вышло к реке на участке Кириши, Грузино и соединилось с частями Северной опергруппы. Вся территория, лежащая восточнее этого рубежа, и железная дорога из Тихвина на Волхов находились теперь в наших руках.

Легче стало дышать Ленинграду. Военный совет Ленинградского фронта сообщил, что нормы ежедневной выдачи хлеба горожанам в конце декабря были повышены. Функционирование железной дороги позволяло подвозить почти к самому Ладожскому озеру больше припасов. А дальше их переправляли по льду. Немного позднее станцию Войбокало соединили веткой с селением Кабона на берегу Ладоги, и с февраля 1942 года перегрузка осуществлялась непосредственно из железнодорожных составов в автомашины, стоявшие на льду озера. Еще до весенней распутицы на Ладоге в Ленинград доставили этим путем более 300 тысяч тонн всевозможных грузов и вывезли оттуда около полумиллиона человек, нуждавшихся в уходе и лечении.

Что же можно сказать в целом о Тихвинской операции? Для наших войск она явилась первым опытом проведения наступательных боевых действий с решительными целями на всем Северо-Западном стратегическом направлении. Советские войска показали высокую боеспособность, выносливость и смекалку. Мы не следовали слепо довоенным уставам, в общем-то неплохим, а в сложных условиях лесисто-болотистой местности и зимы изыскивали и находили новые формы и методы борьбы, многие из которых использовались в последующих операциях под Ленинградом, в Карелии, в Прибалтике, на Дальнем Востоке и не утратили своего значения даже в современных условиях. К ним прежде всего следует отнести обходы и охваты вражеских опорных пунктов и группировок войск, в частности нанесение удара с трех участков по сходящимся направлениям; тесное взаимодействие танков с пехотой, саперами и артиллерией; непосред-

ственное взаимодействие авиации с наземными войсками; ведение активной разведки не только до наступления, но и в ходе его; массирование артиллерийских средств на главном направлении; широкое применение орудий, вплоть до крупных калибров, для стрельбы прямой наводкой; использование специальных рот автоматчиков и лыжных подразделений.

Тихвинская операция позволила сделать некоторые новые выводы и по управлению войсками, в частности относительно необходимости восстановления корпусного звена. Опыт проведенных боев показал также, что войска должны проходить специальную подготовку для действий в незнакомой и трудной в климатическом и в географическом отношении местности. Оправдала себя форма оперативного взаимодействия двух армий под единым командованием.

В результате успешного осуществления Тихвинской операции были повержены в прах злодейские замыслы гитлеровского командования осуществить полную блокаду Ленинграда и задушить голодом его население. Стратегическая инициатива на этом направлении была вырвана из рук фашистов и уже до конца войны удерживалась нами. Больше того, начало Тихвинской операции явилось вообще первым серьезным поражением врага на советско-германском фронте. Это поражение вызвало большой отклик. Широко разрекламированные успехи немецко-фашистской армии и связанное с этим ожидание скорого захвата Ленинграда сменились унылыми причитаниями гитлеровской пропаганды и падением ее престижа. И наоборот, тихвинская победа подняла моральный дух всех наших войск.

Начало Любаньской операции

Два соседа.—
Ленинград не может ждать! —
Командиры бывают разные.—
Приближается январь.—
Просчеты и выкладки.—
Как надо наступать.—
Чему учат снега, леса и болота.—
Подготовка заканчивается.

Фронты как высшие оперативные объединения возникли в первый день войны, а с 10 июля 1941 года немецко-фашистским группам армий «Север», «Центр», «Юг» противостояли у нас уже не только фронты, но и направления как особые объединения, а на приморских направлениях — еще и военно-морские флоты. Гитлеровцы рвались к Ленинграду и Белому морю, стремились пробиться к Москве, развернули операции на Украине. Наше Верховное командование сосредоточивало войска на северо-западе, западе и юго-западе. Таким образом, наступательным замыслам захватчиков в какой-то мере контрсоответствовали наши оборонительные планы.

Однако долго так продолжаться не могло. Во-первых, мы должны были не только обороняться, но и наступать. Во-вторых, чтобы наступать, надо было не только противопоставлять немцам некое подобие их общего фронта в целом. Коса должна найти на камень! Не применяться к врагу, а навязывать ему то, что именно нам выгодно. В-третьих, мы должны были учиться у жизни. Скоро стало ясно, что разумнее, удобнее и целесообразнее иметь нам в качестве высших оперативных объединений больше фронтов. Меньшие по протяженности, чем направления, они позволяли управлять войсками более гибко. Наконец, при такой организации неудачи какого-то одного фронта могли быть компенсированы

успехами другого. Имелся также ряд других соображений, настоятельно диктовавших необходимость шире использовать фронты, хотя до 1942 года у нас оставались и направления.

Фронты создавались по мере необходимости. Так появился и Волховский фронт. Он получил свое название от реки Волхов, которая с конца 1941 года до начала 1944-го являлась основным водным рубежом, разделявшим на этом участке немецкие и советские войска. Почти все упомянутое выше время я командовал этим фронтом (с небольшим перерывом). За два с лишним года фронт осуществил ряд операций. Его боевые дела обширны и многогранны. Были у нас и успехи, и неудачи, и снова успехи. История еще не раз скажет о них свое слово. Я же постараюсь рассказать сначала о становлении этого фронта, а затем об основных его боевых делах.

Волховский фронт был создан в ходе развития контрнаступления наших войск под Тихвином. 10 декабря 1941 года, когда войска 4, 52 и 54-й армий преследовали отступавшего противника, меня и начальника штаба 4-й армии Г. Д. Стельмаха неожиданно вызвали в Ставку. На второй день вечером заместитель начальника Генштаба А. М. Василевский сообщил нам, что мы вызваны в связи с образованием нового, Волховского фронта.

12 декабря нас пригласили в Ставку. Присутствовали И. В. Сталин, Б. М. Шапошников, командование Ленинградского фронта (М. С. Хозин и А. А. Жданов), командующий 26-й армией (в конце декабря она была переименована во 2-ю ударную армию) генерал-лейтенант Г. Г. Соколов, командующий 59-й армией генерал-майор И. В. Галанин. Все стояли у стола, на котором лежала карта обстановки на Северо-Западном направлении. Докладывал Борис Михайлович Шапошников. Он сказал, что в целях объединения армий, действующих к востоку от реки Волхов, Ставка Верховного главнокомандования приняла решение образовать Волховский фронт. Главные задачи фронта состояли в том, чтобы в первое время содействовать срыву наступления противника на Ленинград, а затем совместно с Ленинградским фронтом разгромить действовавшую здесь группировку немцев и освободить Ленинград от блокады. Командующим войсками этого фронта назначался я, начальником штаба — генерал Г. Д. Стельмах, членом Военного совета фронта — армейский комиссар 1-го ранга А. И. Запорожец. Был оглашен состав фронта и названы разграничительные линии. Во фронт включались 4, 52, 59 и 2-я ударная армии. На 4-ю и 52-ю армии возлагалось преследо-

вание отступавшего противника. 59-я и 2-я ударная армии пока находились в районах формирования. Правый фланг фронта проходил севернее Киришей, левый упирался в озеро Ильмень. Нашим соседом справа была 54-я армия Ленинградского фронта, а левым — 11-я армия Северо-Западного фронта.

Следует сказать, что уже тогда я поставил вопрос о включении 54-й армии в состав Волховского фронта, ибо она действовала бок о бок с нами, а от Ленинградского фронта находилась в отрыве. Однако командование Ленинградского фронта воспротивилось. Что из того, что 54-я армия, возражали М. С. Хозин и А. А. Жданов, расположена за внешним кольцом немецких войск, блокировавших Ленинград? Нанося удары по врагу с тыла, говорили они, войска этой армии окажут наибольшую помощь ленинградцам в прорыве блокады. Я пытался возражать. Перед Волховским фронтом ставится задача прорыва блокады города Ленина. Значит, кому бы эта армия ни подчинялась, она будет действовать в одном направлении. А с оперативной точки зрения отрыв ее от Волховского фронта затруднит планирование ударов по врагу и боевое взаимодействие войск. Но Ставка поддержала М. С. Хозина: если для Ленинграда это лучше, пусть будет так. Однако прошло полгода, и Ставка внесла поправку в границы фронтов, передав нам не только 54-ю, но и образованную в январе 1942 года 8-ю армию, находившуюся южнее Ладожского озера. После этого Волховский фронт протянулся на 250 километров, перемалывая бросаемые на Ленинград гитлеровские войска и не давая им соединиться с финляндскими войсками, застрявшими севернее реки Свирь.

Хотя река Волхов почти все время оставалась главной разграничительной полосой между нами и немцами, Волховский фронт не был пассивным. Напряженные боевые действия велись круглый год. Они не прекращались ни в дни весеннего половодья, ни во время осенних дождей. Упорные бои за отдельные плацдармы, грунтовые дороги, железнодорожные насыпи и броды, населенные пункты и господствующие над болотами высоты сменялись здесь крупными операциями с привлечением усилий ряда других фронтов.

На упомянутом выше совещании в Ставке 12 декабря 1941 года, говоря о задачах Волховского фронта, Б. М. Шапошников отметил, что этому фронту будет принадлежать решающая роль в ликвидации блокады Ленинграда и разгроме главных вражеских сил группы армий «Север». Войска фронта должны были очистить от противника всю территорию вос-

точнее реки Волхов, с ходу форсировать ее и разгромить гитлеровские дивизии, оборонявшиеся по западному берегу. Затем в ходе наступления в Северо-Западном направлении им совместно с войсками Ленинградского фронта предстояло окружить и уничтожить противника, действовавшего под Ленинградом. Одновременно части сил фронта (52-й армии) предписывалось разгромить новгородскую группировку противника и освободить Новгород. На совещании в Ставке были согласованы назначения должностных лиц в штабе фронта. После непродолжительного обсуждения решили назначить командармом-4 генерал-майора П. А. Иванова, а командармом-7 на Свири — снова генерал-лейтенанта Ф. Д. Гореленко.

Ленинградский фронт получил задачу активными действиями войск 54-й армии во взаимодействии с 4-й армией нашего фронта окружить и уничтожить противника, выдвинувшегося к Ладожскому озеру и блокировавшего Ленинград с суши. На правофланговую 11-ю армию Северо-Западного фронта возлагалась задача нанести удар в направлении Старой Руссы и во взаимодействии с войсками Волховского фронта отрезать противнику пути отхода со стороны Новгорода и Луги.

В основе этого замысла лежала идея развития контрнаступления войск Волховского фронта и 54-й армии Ленинградского фронта в мощное наступление, в ходе которого намечался ввод в боевые действия новых сил и средств.

Могли ли войска Волховского фронта справиться с задачей преодолеть волховский водный рубеж?

Я хорошо знал возможности 52-й и тем более 4-й армии, которой ранее командовал. Обе они в результате тяжелых боев за Тихвин были ослаблены и утомлены. К тому же, хотя отступавший противник и понес серьезные потери, он не был разгромлен полностью. Гитлеровцы могли занять новые оборонительные позиции по западному берегу Волхова. Эти позиции готовились ими еще с сентября. Все это давало основание полагать, что на волховском рубеже противник окажет серьезное сопротивление. Следовательно, для успешного преследования врага и своевременного преодоления Волхова требовалось срочное усиление 4-й и 52-й армий свежими дивизиями. А 59-я и 2-я ударная армии, учитывая низкую пропускную способность северных железных дорог и участившиеся удары бомбардировочной авиации противника, едва ли за те десять дней, которые оставались до начала операции, могли прибыть и подготовиться к наступлению.

В ответ на наши просьбы относительно усиления фронта Б. М. Шапошников сказал, что положение Ленинграда исключительно тяжелое и поэтому ждать полного сосредоточения войск, возможно, и не придется, так как это наверняка оттянет сроки перехода фронта в наступление. Особенно настаивали на немедленном переходе войск Волховского фронта в наступление ленинградские товарищи. Действительно, в то время в Ленинграде к жертвам варварских бомбардировок и артиллерийских обстрелов жилых кварталов уже прибавились многочисленные жертвы голода и холода. Смертность среди населения резко возрастала. Надо было как можно скорее ликвидировать блокаду Ленинграда.

Исходя из всего этого, Ставка решила правильно, что Волховский фронт будет продолжать наступление пока имеющимися в его распоряжении силами. Первые эшелоны 59-й и 2-й ударной армий, по расчету Ставки, должны были прибыть на фронт 22—25 декабря. Нам сообщили также, что, как только войска фронта переправятся через реку Волхов, в его состав из резерва будет введена еще одна общевойсковая армия и 18—20 лыжных батальонов.

Получив указания в Ставке и обсудив необходимые вопросы в Генеральном штабе, мы покинули Москву. В штабе фронта нас ожидали уже прибывшие штабные офицеры и генералы. Сразу же началась напряженная работа. Надо было сформировать отделы штаба фронта и тыла, наладить управление войсками и продолжать руководить наступлением войск 4-й и 52-й армий. Среди генералов и офицеров, назначенных на руководящие должности, были такие, которых я знал раньше, со многими же знакомство только начиналось. Некоторые проявили себя незаурядными командирами и начальниками, и с ними у меня завязалась прочная дружба. Например, генерал-майор авиации И. П. Журавлев снискал славу как талантливый авиационный военачальник в условиях боевой работы летчиков на Северо-Западе. Он умело использовал длинные зимние ночи для действий ночных бомбардировщиков, а в летние белые ночи организовал боевые вылеты штурмовиков. Среди сплошных болот и глубоких снегов его подчиненные хорошо научились налаживать аэродромное хозяйство. Самолетов у нас тогда было мало, бензина мало, авиабомб тоже мало. И все же авиация волховчан неплохо помогала наземным войскам громить врага. И в этом немалая заслуга ее начальника. И. П. Журавлев служил на Волховском фронте долго. Воздушная авиация, которой он командовал,

активно участвовала в действиях по прорыву ленинградской блокады.

Но не все мои новые подчиненные служили на Волховском фронте до конца его существования. Возглавлявшего тыл фронта генерал-майора А. И. Субботина и начальника инженерных войск генерал-майора С. А. Чекина сменили по моему настоянию другие лица, о которых я расскажу ниже.

На Волховском фронте, в его лесах и болотах, очень большую роль играла дорожная служба. Поэтому на военных инженеров и тыловиков возлагались исключительно важные обязанности. Они старались добросовестно выполнять их, но все же в конце 1941-го и на протяжении 1942 года, особенно его первой половины, с транспортом, дорожным хозяйством и снабжением дело обстояло у нас из рук вон плохо.

Поздно вечером 17 декабря мы получили оперативную директиву Ставки, согласно которой войска фронта должны были наносить главный удар в центре, в направлении на Грузино, Сиверскую, Волосово, глубоко обходя Ленинград с юга. Для выполнения этой задачи предназначались 59-я и 2-я ударная армии. Правофланговой 4-й армии предстояло наступать в общем направлении на Кириши, Тосно и во взаимодействии с 54-й армией Ленинградского фронта окружить и уничтожить противника, выдвинувшегося севернее Мги к Ладожскому озеру. Левофланговая 52-я армия получила задачу овладеть Новгородом, а затем, наступая на Сольцы, обеспечивать продвижение Волховского фронта на северо-запад.

С получением директивы коллектив фронтового управления с энтузиазмом принялся за работу, чтобы наилучшим образом подготовить наступление. Одновременно командованию и штабу приходилось по-прежнему уделять много внимания руководству наступлением 4-й и 52-й армий, темп которого к тому времени значительно снизился, так как не хватало сил. Мы же в то тяжелое для страны время категорически требовать пополнений не могли.

Первыми нанесли удар по врагу войска Ленинградского фронта (55-я армия генерал-майора В. П. Свиридова). 20 декабря они атаковали противника с целью выйти в тыл его мгинской группировке, но сумели продвинуться незначительно, после чего перешли к обороне. Позже начали наступательные действия бойцы 54-й армии того же фронта. Оторванная от других армий своего фронта, 54-я не смогла четко взаимодействовать с ними. Ее войскам следовало бы взаимодействовать с войсками

нашего фронта, со своими непосредственными соседями, однако нам эта армия не подчинялась.

Но вот передовые части 4-й армии, а немного позже и 52-й подошли к реке Волхов. В последующие дни они захватили севернее Грузино и в районе устья реки Тигода три небольших плацдарма, которые из-за малых размеров и открытого характера местности не могли служить местом для накапливания сил и дальнейшего развития наступления. Атаки с целью расширения этих плацдармов не достигали цели. В свою очередь противнику на восточном берегу реки Волхов удалось удержать за собой два значительных тактических плацдарма: у Киришей и Грузино.

В этой обстановке хотелось приостановить наступление 4-й и 52-й армий, привести их в порядок, пополнить людьми, вооружением и с подходом 59-й и 2-й ударной армий снова атаковать противника. Однако, стремясь как можно быстрее прорвать блокаду Ленинграда, положение которого было исключительно тяжелым, Ставка считала, что наступление войск Волховского фронта должно развиваться без оперативной паузы. От нас неоднократно требовали ускорить подготовку к наступлению всеми силами и как можно скорее преодолеть рубеж реки Волхов. Это требование наиболее ясно было выражено в директиве Ставки командующему Волховским фронтом от 24 декабря 1941 года. Не довольствуясь директивными указаниями, Ставка в конце декабря направила на Волховский фронт своего представителя Л. З. Мехлиса, который ежечасно подгонял нас.

Декабрь был на исходе, а сосредоточение войск 59-й и 2-й ударной армий затягивалось. К 25 декабря, по плану Генерального штаба, должны были сосредоточиться первые эшелоны этих армий, а прибыла только одна дивизия. Между тем атаки 4-й и 52-й армий становились все слабее и слабее. В первых числах января стало очевидным, что на сосредоточение резервных армий потребуется еще несколько дней. Я испытывал в то время двоякое чувство: радость в связи с предстоящим наступлением и тревогу от того, что необеспеченное наступление сорвется, а это обернется тяжелыми последствиями. По моей просьбе срок перехода в наступление всеми силами фронта был перенесен на 7 января 1942 года. Это облегчало сосредоточение, но прорыв с ходу теперь отпадал, так как противник основательно закрепился за рекой и на плацдармах и организовал систему огня. Можно было продолжать операцию, лишь прорвав вражескую оборону.

Все понимали важность предстоявшего наступления и делали все возможное, чтобы как можно лучше подготовиться к нему. Офицеры штаба фронта были направлены в войска. Одни принимали прибываемые соединения и выводили их в районы сосредоточения, другие обеспечивали оборудование исходных позиций, третьи занимались накапливанием материально-технических средств. Тем не менее к назначенному сроку фронт не был готов к наступлению. Причиной явилась опять-таки задержка сосредоточения войск. В 59-й армии прибыли к сроку и успели развернуться только пять дивизий, а три дивизии находились в пути. Во 2-й ударной армии исходное положение заняли немногим больше половины соединений. Остальные соединения, армейская артиллерия, автотранспорт и некоторые части следовали по единственной железной дороге. Не прибыла и авиация.

Обеспечение прибывавших войск было далеко не полным. Артиллерия 59-й армии не имела самого необходимого — оптических приборов, средств связи, а в некоторых батареях отсутствовали даже орудийные передки. Разыскать эшелоны с недостающей техникой не удалось: они продолжали идти по прежним адресам дислокации армий. Мы забили тревогу. В Ставку полетели телеграммы с просьбой разобраться в создавшемся положении и принять необходимые меры. Наши просьбы не остались без внимания. На фронт прибыл начальник артиллерии Красной Армии Н. Н. Воронов. Не дав ему прийти в себя после утомительной дороги, мы набросились на него с вопросами: где передки, где приборы, где связь?

— Не все сразу,— ответил Николай Николаевич.— Попрошу вначале ознакомить меня с составом артиллерии и уточнить, где чего не хватает из вооружения и техники.

Мы ввели его в курс дела.

— Ну, а теперь,— сказал Воронов,— командиры артиллерийских частей могут получить недостающие средства связи и артиллерийские приборы на станции Будогощь. Что касается передков, то они должны вот-вот подойти.

Надо отдать должное предусмотрительности начальника артиллерии. Выезжая, он прихватил с собой несколько вагонов с телефонными аппаратами, полевым кабелем, артиллерийскими приборами. Н. Н. Воронов пробыл на фронте несколько дней. Он познакомился с условиями ведения боевых действий, в частности с использованием артиллерии в лесисто-болотистой местности, помог частично обеспечить артиллерию фронта снарядами. Однако и при его участии мы не смогли

добиться обеспечения фронта всем необходимым, снарядов нам все время не хватало.

Не менее важной причиной, препятствовавшей своевременному началу наступления, явилось то, что к началу января 1942 года фронт, по существу, не имел своего тыла. За такой короткий срок существования фронтового объединения мы физически не могли собрать в нужных районах тыловые части и учреждения, организовать пути подвоза и накопить материальные средства. Все снабжение войск осуществлялось напрямую: центр — армия, минуя фронтовое звено. Для 4-й и 52-й армий это было даже хорошо, но для вновь прибывавших — плохо. Их подвижные запасы находились еще в пути, а фронт пока ничем помочь им не мог.

Накопление боеприпасов и материально-технических средств проходило крайне медленно. К началу января войска имели, помнится, не более одной четверти боекомплекта и совершенно незначительные запасы продовольствия и фуража. Снабжение войск фронта оставалось неудовлетворительным еще продолжительное время. Причин тому было три: нарушение графика подачи снабженческих эшелонов, слишком большая растяжка путей подвоза и почти полное отсутствие автотранспорта. Гужевой транспорт, являвшийся в подготовительный период основным, ввиду больших расстояний от пунктов снабжения до районов сосредоточения не мог справиться даже с подвозом фуража. Один его оборот обычно занимал несколько суток.

Неподготовленность операции предопределила и ее исход. Перешедшие 7 января в наступление войска фронта враг встретил сильным минометным и пулеметным огнем, и наши части вынуждены были отойти в исходное положение. Тут выявились и другие недостатки. Боевые действия показали неудовлетворительную подготовку войск и штабов. Командиры и штабы не сумели осуществлять управление частями и организовать взаимодействие между ними.

Чтобы устранить выявленные недочеты, Военный совет фронта попросил Ставку отложить операцию еще на три дня. Но и этих дней оказалось недостаточно. 10 января между Ставкой и Военным советом фронта состоялся разговор по прямому проводу. Он начался так: «У аппарата Сталин, Василевский. По всем данным, у вас не готово наступление к 11-му числу. Если это верно, надо отложить еще на день или на два, чтобы наступать и прорвать оборону противника».

Чтобы подготовить наступление по-настоящему, требовалось по меньшей мере еще 15—20 суток. Но о таких сроках не могло быть и речи. Поэтому мы с радостью ухватились за предложенную Ставкой отсрочку наступления на два дня. В ходе переговоров выпросили еще один день. Начало наступления, таким образом, было перенесено на 13 января 1942 года.

Между тем, пока шло не в меру затянувшееся сосредоточение наших войск, противник готовился к обороне. Немецкой разведке удалось обнаружить не только подготовку фронта к наступлению, но и довольно точно установить основное направление наступления. Приведу здесь запись из попавшего в наши руки журнала боевых действий группы армий «Север» за январь: «Разведка ясно показывает направление главного удара противника перед фронтом 126-й пехотной дивизии и перед правым флангом 215-й пехотной дивизии. Кроме того, крупные приготовления к наступлению отмечаются возле плацдармов Грузино и Кириши, а также на северо-восточном участке армии, по обе стороны от Погостья».

Получив такие сведения, гитлеровское командование приняло соответствующие меры. Как мы установили из допросов пленных, оно произвело перегруппировку, заменив потрепанные в боях под Тихвином соединения полнокровными. Сильно ослабленные танковые и моторизованные дивизии 39-го моторизованного корпуса, выведенные в район Любани, спешно приводились в порядок, пополнялись людьми и техникой. Фашисты создали оборону значительной глубины.

Когда мы сопоставили собранные разведывательные сведения, стало ясно, что противник ожидал наступления наших войск на хорошо подготовленных позициях, оборудованных системой узлов сопротивления и опорных пунктов, с большим количеством дзотов и пулеметных площадок. Передний край немецкой обороны в основном проходил по западному берегу реки Волхов. Ее зеркало простреливалось плотным косоприцельным и фланговым огнем. По насыпи железнодорожной линии Кириши — Новгород проходил второй оборонительный рубеж. Он представлял собой линию укрепленных населенных пунктов при организованной огневой связи между ними. Все пространство между Волховом и железнодорожной линией было густо покрыто колючей проволокой, завалами, минными и фугасными полями. Оперативную глубину обороны составляла система узлов, оборудованных главным образом в населенных пунктах. Оборона поддерживалась мощной артиллерией и довольно сильной авиацией. Всего перед нашим фронтом

насчитывалось тринадцать дивизий противника. Почти все они были полностью укомплектованы, хорошо подготовлены и обеспечены в достаточном количестве оружием и боеприпасами.

Каков же был Волховский фронт перед наступлением? На его правом крыле стояла 4-я армия, имея ударную группировку на своем левом фланге. Все соединения этой армии, за исключением двух дивизий, были сильно ослаблены предыдущими боями и едва насчитывали по 3500—4000 человек. Кроме того, не хватало артиллерии, минометов, автоматического оружия. Неукомплектованность частей и соединений, а также недостаток оружия не давали армии преимущества над противником. Левее нее развернулась 59-я армия, имея ударную группировку против вражеского плацдарма у Грузино. Примерно половина ее соединений, ранее участвовавших в боях, была значительно ослаблена. И все же по составу эта армия являлась самой сильной. 2-я ударная армия имела преимущественно бригадную организацию. Она состояла из одной стрелковой дивизии и семи стрелковых бригад, развернутых по восточному берегу реки Волхов, а по численности равнялась лишь стрелковому корпусу. Опыта ведения боевых действий у нее еще не было. Наконец, от левого фланга 2-й ударной армии до озера Ильмень располагалась 52-я армия с ударной группировкой на своем правом фланге. Ее дивизии ощущали большой некомплект в личном составе и нехватку артиллерии, минометов и автоматического оружия.

В резерве фронта стояли две сильно ослабленные кавалерийские дивизии и четыре отдельных лыжных батальона. Второго эшелона фронт вообще не имел. Наращивать первоначальный удар с целью развития успеха в глубине обороны противника и наносить завершающий удар было нечем. Все надежды мы возлагали на ту общевойсковую армию, которую Ставка обещала выделить для нас из своего резерва к моменту переправы войск фронта на противоположный берег реки Волхов.

Главные усилия фронт сосредоточивал в направлении шоссейной и железной дорог Москва — Ленинград. Преимущество этого направления перед другими состояло в том, что оно имело лучшие пути и выводило прямо к Ленинграду. Ставка была права, нацеливая нас на это направление. Но в то же время я знал, что это направление противником было укреплено лучше других. Здесь враг имел долговременные огневые точки и держал основную массу артиллерии. Река Волхов с широкими

и открытыми поймами хотя и замерзла, но без надежного подавления огневых средств противника представляла собой труднопреодолимое препятствие. Наши же артиллерийские и авиационные возможности были недостаточными.

Командование фронтом учитывало проблематичность успеха наступления в данном направлении. Поэтому оно намеревалось перенести основные усилия на участок действий 2-й ударной армии, чтобы решить задачу ударом на Любань, обойдя сильно укрепленные позиции врага. Но все наши попытки усилить 2-ю ударную армию за счет передачи ей из 59-й армии хотя бы двух стрелковых дивизий не были поддержаны Ставкой. Уже в ходе наступления, когда стало очевидным, что на намеченном направлении оборону противника не преодолеть, Ставка дала разрешение перенести основные усилия в район действий 2-й ударной армии. Однако должного эффекта не получилось. Упущенный момент первого удара трудно было наверстать даже созданием решающего превосходства над противником. Замечу также, что все наши четыре армии стояли в линию, растянувшись почти на 150-километровом фронте. Между тем основные силы надо было с самого начала сосредоточить на участке главного удара.

Возможно, читатель подумает, что здесь автор воспоминаний не совсем ясно излагает свои мысли. Но все так и было. В то тяжелое для нашей Родины время все мы стремились к тому, чтобы быстрее добиться перелома в борьбе с врагом, и, как ни тяжело признаваться в этом, допускали ошибки, некоторые же, в том числе и автор этих строк, в те дни иногда не проявляли достаточной настойчивости, чтобы убедить вышестоящее начальство в необходимости принятия тех или иных мер. Но мы верили в нашу победу, в торжество великого и правого дела Страны Советов. Вера в победу помогала нам действовать и бороться, вливала свежие силы, звала на подвиг. За победу над врагом человечества — фашизмом мужественно сражались и умирали советские люди. Вечная же слава тем, кто ценой своей жизни проложил дорогу грядущим поколениям!

Общее соотношение сил и средств к середине января складывалось, если не учитывать танковых сил, в пользу наших войск: в людях — в 1,5 раза, в орудиях и минометах — в 1,6 и в самолетах — в 1,3 раза. На первый взгляд это соотношение являлось для нас вполне благоприятным. Но если учесть слабую обеспеченность средствами вооружения, боеприпасами, всеми видами снабжения, наконец, подготовку самих войск и их техническую оснащенность, то наше «превосходство» выгляде-

ло в ином свете. Формальный перевес над противником в артиллерии сводился на нет недостатком снарядов. Какой толк от молчащих орудий? Количество танков далеко не обеспечивало сопровождение и поддержку даже первых эшелонов пехоты. 2-я ударная и 52-я армии вообще к началу наступления не имели танков. Мы уступали противнику и в качестве самолетов, имея в основном истребители устаревших конструкций и ночные легкие бомбардировщики «У-2» («По-2»).

Наши войска уступали врагу в техническом отношении вообще. Немецкие соединения и части по сравнению с нашими имели больше автоматического оружия, автомобилей, средств механизации строительства оборонительных сооружений и дорог, лучше были обеспечены средствами связи и сигнализации. Все армии фронта являлись у нас чисто пехотными. Войска передвигались исключительно в пешем строю. Артиллерия была на конной тяге. В обозе преимущественно использовались лошади. В силу этого подвижность войск была крайне медленной.

Между прочим, в то время некоторые военные руководители склонны были думать, что в лесисто-болотистой местности, да к тому же при глубоком снежном покрове, боевая техника вряд ли могла быть широко использована. Когда я просил в Ставке танки и автомашины, то в те дни порой слышал, что эта техника, скорее всего, явится обузой, безнадежно застряв в лесах и болотах. Самолетов же некоторое время мы совсем не получали. Опыт первых боев показал ошибочность подобных установок. Наша пехота из-за отсутствия танковой и авиационной поддержки вынуждена была ломать оборону противника штыком и гранатой, неся при этом большие потери. Там же, где удавалось организовать поддержку пехоты танками и авиацией, потерь было меньше, а успехи значительнее. Конечно, лесисто-болотистая местность и глубокий снежный покров создавали существенные трудности в использовании боевой техники, но они были преодолимы и с лихвой окупались.

Я не раз возвращался к изучению операции по форсированию Волхова, перечитывал старые сводки, донесения и распоряжения, вспоминал и размышлял. С позиций сегодняшнего дня отчетливее видны наши промахи и недоработки военных лет. Следует отметить, например, что вновь прибывшие части 59-й и 2-й ударной армий, сформированные в короткие сроки, не прошли полного курса обучения. Они были отправлены на фронт, не имея твердых навыков в тактических приемах и в обращении с оружием. Кроме того, некоторые части и подразделения были сформированы из жителей степных районов, многие из

которых впервые оказались в лесах. Командармы жаловались, да я и сам видел, что на солдат и даже на офицеров, привыкших у себя в родном краю к открытым просторам, лес и болота действовали удручающе. Люди боялись потеряться, тянулись друг к другу, путали боевые порядки, скучивались, создавая тем самым выгодные цели для ударов артиллерии и авиации противника.

Значительно лучше в смысле реакции на местность выглядели лыжные батальоны. К сожалению, их личный состав плохо владел лыжами. Мне не раз приходилось наблюдать, как многие лыжники предпочитали двигаться пешком, волоча лыжи за собой.

А наши тылы не обеспечивали эти батальоны всем необходимым. Неудобной была одежда: полушубки, ватные брюки и валенки стесняли движение, быстро намокали, вследствие чего люди не могли находиться длительное время вне населенных пунктов. В силу этого действия лыжных батальонов не принесли ожидаемых результатов. Я не разочаровался в этих подразделениях в принципе, однако в дальнейшем всегда сначала проверял их подготовку, а уж потом разрешал вводить их в бой.

Слабо выглядели и войсковые штабы новых армий. Они, как и войска, не успели провести необходимые учебные мероприятия. Такой важный элемент в работе штабов, как сколоченность, отсутствовал. Генералы и офицеры штабов соединений еще не освоились как следует со своими обязанностями. В армиях к тому же не хватало средств связи, а личный состав специальных подразделений технику связи знал очень плохо. Приходилось обучать их в ходе боев.

Неудачно были подобраны отдельные военачальники. Позволю себе остановиться на характеристике командующего 2-й ударной армией генерал-лейтенанта Г. Г. Соколова. Он пришел в армию с должности заместителя наркома внутренних дел. Брался за дело горячо, давал любые обещания. На практике же у него ничего не получалось. Видно было, что его подход к решению задач в боевой обстановке основывался на давно отживших понятиях и догмах. Вот выдержка из его приказа № 14 от 19 ноября 1941 года:

«1. Хождение, как ползанье мух осенью, отменяю и приказываю впредь в армии ходить так: военный шаг — аршин, им и ходить. Ускоренный — полтора, так и нажимать.

2. С едой не ладен порядок. Среди боя обедают и марш прерывают на завтрак. На войне порядок такой: завтрак —

затемно, перед рассветом, а обед — затемно, вечером. Днем удастся хлеба или сухарь с чаем пожевать — хорошо, а нет — и на этом спасибо, благо день не особенно длинен.

3. Запомнить всем — и начальникам, и рядовым, и старым, и молодым, что днем колоннами больше роты ходить нельзя, а вообще на войне для похода — ночь, вот тогда и маршируй.

4. Холода не бояться, бабами рязанскими не обряжаться, быть молодцами и морозу не поддаваться. Уши и руки растирай снегом!»

Ну чем не Суворов? Но ведь известно, что Суворов, помимо отдачи броских, проникающих в солдатскую душу приказов, заботился о войсках. Он требовал, чтобы все хорошо были одеты, вооружены и накормлены. Готовясь к бою, он учитывал все до мелочей, лично занимался рекогносцировкой местности и подступов к укреплениям противника. Соколов же думал, что все дело — в лихой бумажке, и ограничивался в основном только приказами.

На совещании, которое Военный совет фронта созвал перед началом наступления на командном пункте 2-й ударной армии, командиры соединений выражали обиду на поверхностное руководство со стороны командарма. На этом же совещании выяснилось, что генерал Соколов совершенно не знал обстановки, что делают и где находятся соединения его армии, был далек от современного понимания боя и операции, цеплялся за старые методы и способы вождения войск. И там, где эти методы не помогали, у него опускались руки. Не случайно поэтому подготовка армии к наступлению непростительно затянулась. Было ясно, что генерал Соколов не способен руководить войсками армии. И хотя смена командования — дело не легкое, тем более накануне наступления, мы все же рискнули просить Ставку Верховного главнокомандования о замене командующего 2-й ударной армией. Ставка согласилась с нами. Через несколько дней Соколов был отозван в Москву. Его преемником стал генерал-лейтенант Н. К. Клыков, бывший командующий 52-й армией, а в командование последней вступил генерал-лейтенант В. Ф. Яковлев.

Приходится также отметить, что органы тыла работали нечетко и снабжение войск осуществляли с большим трудом. Правда, подвоз материально-технических средств вскоре значительно улучшился, а войска перестали испытывать острую нужду в продовольствии и фураже, но запасов не было. Количество боеприпасов не превышало одного боекомплекта на дивизию первого эшелона. Если к этому добавить, что наступле-

ние нужно было вести зимой, без дорог, по лесам и болотам, по местности, которая давала почти все выгоды обороняющейся, а не наступающей стороне, то станет вполне понятным, перед какой тяжелой задачей стоял Волховский фронт. Эта задача усугублялась еще и тем, что командование не имело возможностей облегчить наступление тактическими мероприятиями. О внезапном нападении не могло быть и речи: противник хорошо знал о готовящемся наступлении. Широкий маневр исключался: отсутствие дорог и труднопроходимая местность приковывали войска к определенным направлениям.

Командование фронта с полной ясностью оценивало трудности предстоявшего наступления. Мы не прочь были перенести операцию на более позднее время, чтобы подготовиться наилучшим образом. Но чрезвычайно тяжелое положение трудящихся Ленинграда требовало немедленных наступательных действий. И 13 января 1942 года наступление войск Волховского фронта началось.

2-я ударная и другие

Форсируем Волхов.—
Группа «Север» защищается.—
Брешь у Мясного Бора.—
Нужно сдвинуть армии.—
Где ближе до Любани? —
Три варианта.—
Передний край на ощупь.—
Сохранить горловину!

Когда Волховский фронт пришел в движение, то одновременно с его войсками перешла в наступление и 54-я армия Ленинградского фронта под командованием генерал-майора И. И. Федюнинского, наносившая удар в направлении Погостья. Ей удалось продвинуться на 20 километров. Сосед слева — 11-я армия Северо-Западного фронта под командованием генерал-лейтенанта В. И. Морозова уже вела наступательные действия, создавая угрозу на южном фланге новгородской группировке противника. В то время 11-я армия подходила к Старой Руссе. К сожалению, здесь она и остановилась, но овладеть городом не сумела.

Наступление войск Волховского фронта, начавшееся 13 января, развивалось медленно. Наши части всюду наталкивались на упорное сопротивление врага. На участке 4-й армии противник сам атаковал наши позиции, и армия вынуждена была

вместо наступления вести оборонительные бои. 59-я армия не сумела взломать передний край обороны противника и топталась на месте. Успех обозначился только на направлении действий 2-й ударной и 52-й армий. К исходу второго дня наступления ударные группировки этих армий пересекли реку Волхов и овладели на противоположном берегу рядом населенных пунктов.

Наибольшего успеха добилась 327-я стрелковая дивизия полковника И. М. Антюфеева. Выбив подразделения противника из населенного пункта Красный Поселок, она овладела укрепленной позицией врага. Комдив зарекомендовал себя в этих боях как решительный и смелый военачальник. Левее успешно действовала 58-я стрелковая бригада полковника Ф. М. Жильцова. В результате повторной атаки она овладела населенным пунктом Ямно. Еще левее правофланговые соединения 52-й армии вышли на западный берег реки Волхов. Здесь обозначился прорыв обороны противника. Для развития успеха командование 2-й ударной и 52-й армий с утра 15 января ввело в бой свои вторые эшелоны.

Ввод вторых эшелонов несколько активизировал наступательные действия наших войск, но полностью сломить сопротивление противника не удалось. Войска по мере продвижения встречали все возрастающий отпор врага. Обе стороны несли большие потери.

Через неделю войска 2-й ударной армии вышли ко второй (главной) оборонительной позиции противника, оборудованной вдоль железной и шоссейной дорог Чудово — Новгород. Я приказал прорвать эту позицию с ходу, но попытка не увенчалась успехом. Тогда мы стали подтягивать сюда артиллерию. Видимо учитывая нависшую угрозу над главной дорогой снабжения, немецкое командование перебросило в район Спасской Полисти части резерва, тоже подтянуло артиллерию и нацелило туда основные усилия авиации. Вскоре здесь появились части новых дивизий под наименованием группы «Яшке».

С каждым днем бои становились все ожесточеннее. 2-я ударная армия несколько раз прорывала оборону противника, но немцы, несмотря на большие потери, опять восстанавливали линию фронта. Основной причиной наших неудач был недостаток снарядов и господство немецкой авиации в воздухе. Наконец, после новых трехдневных атак, 2-я ударная армия овладела Мясным Бором и прорвала на этом направлении главную полосу обороны. Чтобы закрыть образовавшуюся брешь, немецкое командование бросило сюда различные части и подразде-

ления, снимая их с других участков фронта, в том числе непосредственно из-под Ленинграда. Тем самым вместо подготовки к штурму Ленинграда немецкая группа армий «Север» вынуждена была сама защищаться. Гитлер, по-видимому, был недоволен командованием группы. В середине января, как показали пленные, он снял с занимаемых должностей командующего группой генерал-фельдмаршала фон Лееба и начальника штаба Бреннеке. Их места соответственно заняли генерал-полковник фон Кюхлер и Хассе.

Если 2-я ударная армия имела успех, то в 4-й и 59-й армиях наступление не удалось. Их атаки раз от разу становились все слабее, а затем и совсем прекратились. Наш сосед, 54-я армия Ленинградского фронта, израсходовав боеприпасы, 17 января тоже прекратила наступательные действия.

В этой обстановке атаки на правом фланге фронта означали пустую трату сил. После моего доклада Ставка разрешила перенести все усилия в направлении Спасской Полисти и Любани. Это направление оставалось затем главным еще почти полгода. Вот почему вся операция стала называться Любаньской.

В соответствии с этим решением приостановившая наступление 4-я армия расширила свой оперативный участок за счет 59-й армии, а последняя сдвинулась еще южнее, почти в тыл 2-й ударной. Теперь в направлении Спасской Полисти создавалась группировка войск из трех армий: в центре, на 15-километровом участке фронта, наступала 2-я ударная армия; справа — 59-я армия, имея ударную группировку на своем левом фланге; слева — основные силы 52-й армии. На эти-то войска и возлагалась задача по развитию прорыва. Так самим ходом событий была внесена поправка в план операции. Главный удар направлялся в обход укрепленных позиций противника, а ближайшей целью наступавших войск фронта оставалась Любань.

Но в предшествовавших боях наши войска понесли серьезные потери и сильно устали. По-прежнему не хватало средств передвижения и связи. Все еще плохо обстояло дело с автоматическим оружием: немецкие пехотинцы почти все имели автоматы, наши — винтовки. Хронически недоставало продовольствия, фуража, боеприпасов. Леса, глубокий снег и отсутствие дорог исключали широкий маневр. Облегчить наступление какими-либо тактическими мероприятиями я как командующий фронтом не имел возможности. Не могло быть речи, к сожалению, и о внезапности. Ошеломленный ударом под Тих-

вином, враг успел теперь прийти в себя и подготовиться к отпору.

Хочу подробнее сказать здесь о наших ошибках. Анализируя сейчас ход тогдашних событий, вижу, что и я, и штаб фронта переоценили возможности собственных войск. Не удалось нам найти также правильную форму и верные способы оперативного взаимодействия между армиями Волховского и Ленинградского фронтов. Это можно объяснить отчасти и отсутствием тесного контакта между мною и командующим Ленинградским фронтом М. С. Хозиным. В результате удары фронтов пошли по расходящимся направлениям и не совпадали целиком во времени. Гитлеровцы получили возможность отражать наши удары поочередно и осуществлять подвоз из тыла оперативных резервов. Наконец, командование Волховского фронта слишком понадеялось на обещания органов снабжения. Последние же сорвали намеченный график, а в ходе операции не сумели наверстать упущенное и не обеспечили наступающих всем необходимым. Это привело к тому, что мы, глубоко вклинившись в расположение противника, не смогли закрепить достигнутый успех.

После прорыва вражеской обороны в районе Мясного Бора в образовавшуюся брешь был введен незадолго до этого сформированный 13-й кавалерийский корпус, в который входили две кавалерийские дивизии, находившиеся ранее в резерве фронта, и одна стрелковая дивизия, взятая из 59-й армии. Командовал корпусом генерал-майор Н. И. Гусев. Вслед за кавалерийским корпусом начали входить в прорыв и войска 2-й ударной армии.

Итак, тактическая зона обороны противника была прорвана. Ширина прорыва непосредственно по западному берегу реки Волхов достигла 25 километров, но в районе Мясного Бора она равнялась всего лишь трем-четырем километрам. К этому участку, простреливаемому всеми видами огня, нами подтягивались основные силы фронта: войска 2-й ударной армии и часть соединений 59-й и 52-й армий. Они нацеливались на расширение прорыва в стороны флангов и на развитие наступления на Любань, до которой надо было пройти еще около 80 километров.

Принимая решение на перенесение усилий к району прорыва, командование фронта опять исходило из того, что скоро прибудет обещанная общевойсковая армия. Поэтому задача по расширению прорыва обороны противника решалась одновременно с задачей по развитию нступления в глубину. Но армию

мы не получили. Своих же сил для одновременного решения этих двух задач фронту не хватало. Я известил об этом Ставку, однако она не внесла исправлений в план операции.

Введенный в прорыв 13-й кавалерийский корпус, а за ним и некоторые соединения 2-й ударной армии вначале продвигались довольно быстро. За пять дней они углубились в расположение противника на 40 километров, перерезав железную дорогу Ленинград — Новгород. Продвижение корпуса шло успешно до тех пор, пока наступление велось строго в северо-западном направлении, где силы противника были незначительны. Но стоило генералу Гусеву повернуть кавалерийские дивизии на северо-восток, непосредственно на Любань, как противник стал оказывать сильное сопротивление. Получив отпор, наши войска вынуждены были обходить населенные пункты с запада, тем самым отдаляясь от прямого направления на Любань. Глубокие обходы по снежной целине сильно изнуряли людей и снижали темпы наступления. Тогда я приказал ввести в прорыв вслед за 13-м корпусом соединения 2-й ударной армии, чтобы они сменили кавалерийские части на фланговых направлениях и высвободили их для развития наступления непосредственно на Любань.

Несколько раз в день мне доставляли сведения о ходе наступления, и всякий раз донесения и карта говорили об одном и том же: по мере продвижения 13-го кавалерийского корпуса и войск 2-й ударной армии в глубину расположения противника район, занимаемый нашими войсками, все увеличивался, а плотность боевых порядков уменьшалась. Возникли трудности с управлением. Пришлось своей властью создать временные оперативные группы, которые в какой-то мере заменяли отсутствовавшее тогда в армиях корпусное звено управления. Так, во 2-й ударной армии соединения, образовавшие фронт, обращенный на восток, были объединены в группу генерал-майора П. Ф. Привалова. Несколько позднее и в 59-й армии была создана оперативная группа, которую возглавил генерал-майор П. Ф. Алферьев. Я знал товарища Алферьева еще по работе в Московском военном округе. Это был высокообразованный командир с пытливым умом. После расформирования его группы, которая просуществовала около двух месяцев, Алферьева назначили заместителем командующего 2-й ударной армией. Что касается опергрупп, то они все же помогли командованию и штабам армий в управлении войсками.

Растянутый фронт борьбы, частое нарушение центром графика подачи снабженческих эшелонов и бездорожье опять

привели к перебоям в снабжении войск продовольствием, фуражом и снарядами. Военный совет фронта неоднократно докладывал об этом в Ставку, и на исходе января 1942 года к нам прибыл заместитель наркома обороны генерал А. В. Хрулев. Выдающийся государственный деятель, обладавший большими организаторскими способностями, волевой и целеустремленный человек, руководивший большую часть войны работой всего советского тыла, Андрей Васильевич даже в тех труднейших условиях помог наладить регулярное снабжение. Снабженческие эшелоны стали поступать более своевременно. Фронт получил дорожные и автотранспортные части. Подвоз материальных средств улучшился. К сожалению, ненадолго. Впоследствии 2-я ударная армия еще неоднократно испытывала перебои в подаче продовольствия, фуража, снарядов и других материальных средств. Они возникали в связи с перехватом противником коммуникаций армии или являлись следствием нераспорядительности ее командования. Командарм Н. К. Клыков серьезно болел. Ему начал позднее существенно помогать ставший его заместителем П. Ф. Алферьев, и у меня не раз появлялась мысль о замене командарма.

После ввода в прорыв 2-й ударной армии задача по расширению бреши на ее левом фланге, в районе Мясного Бора, в основном легла на 59-ю и 52-ю армии, практически сомкнувшиеся. Они же обеспечивали и коммуникации 2-й ударной армии в горловине прорыва.

В середине февраля 59-я армия вплотную подошла к Спасской Полисти. Название этого селения, возле которого полгода кипели ожесточенные бои, я никогда не забуду. Горловина прорыва расширилась, помнится, до 13 километров. К этому времени и ширина прорыва обороны противника по западному берегу реки Волхов увеличилась до 35 километров. Теперь коммуникации 2-й ударной армии находились вне пулеметного и действенного артиллерийского огня врага.

Но на этом и закончились наши успехи по расширению прорыва. Несмотря на настойчивые атаки, войскам не удалось раздвинуть прорыв ни на один метр. Иногда приходилось вести даже оборонительные бои. Наступление 2-й ударной армии хотя и продолжало развиваться, но не в том направлении, в каком нам хотелось. Армия имела успех, продвигаясь в основном на запад и северо-запад, то есть туда, где противника почти не было, и удаляясь тем самым от прямой цели наступления — железнодорожной линии на Ленинград. Те же части, которые поворачивали на восток и наступали непосредственно на Лю-

бань, успех имели незначительный. Очень скоро они уперлись в оборонительную позицию противника. Враг все время усиливал оборону. Только за первые три месяца 1942 года его группа армий «Север» пополнилась шестью дивизиями, переброшенными из Франции, Дании, Югославии и самой Германии.

Конечно, такое развитие операции не радовало ни нас, ни Ставку Верховного главнокомандования. Из Ставки шли телеграммы и раздавались звонки с требованием усилить наступательные действия и во что бы то ни стало овладеть Любанью. Нас обвиняли в нерешительности, в топтании на месте. Мы же в свою очередь жаловались на нехватку танков, снарядов, на усталость войск, которые в течение длительного времени вели тяжелые бои, на низкую подготовку поступавшего пополнения. У нас было во всем фронте 20 истребителей, и авиация противника господствовала в воздухе.

В эти дни на фронт прибыл представитель Ставки Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов. Он передал требование Ставки активизировать наступательные действия на любаньском направлении. Через два дня мы собрали Военный совет фронта, на котором обсудили создавшееся положение. Мы считали, что войскам надо дать хотя бы немного отдохнуть, а за это время провести перегруппировку, подтянуть силы и средства, подвезти боеприпасы, наладить управление и навести порядок на дорогах. Во 2-ю ударную армию для помощи командованию решено было направить начальника артиллерии фронта генерал-майора В. Э. Тарановича и начальника бронетанковых войск генерал-майора А. В. Куркина. Сам я тоже выехал во 2-ю ударную армию, в опергруппу П. Ф. Привалова и к конникам Н. И. Гусева. Всюду наблюдалась одна и та же картина: большой некомплект подразделений, усталость воинов, господство авиации противника. К. Е. Ворошилов тоже знакомился с войсками, с условиями ведения боевых действий. Он побывал почти во всех армиях, длительное время находился в 13-м кавалерийском корпусе, беседовал с солдатами и командирами, ободрял их, обращался с призывами, а там, где было необходимо, требовал и подгонял.

Я пришел к выводу, что больше ждать нельзя, что необходимы серьезные поправки к плану операции. Начальник штаба фронта разделял эту точку зрения, и в конце февраля командование фронта обратилось в Ставку с предложением произвести перегруппировку с целью высвободить силы для усиления 2-й ударной армии, наступавшей на Любань, и 59-й армии, блокировавшей Ленинградское шоссе и железную доро-

гу. Имелось в виду прежде всего усилить 13-й кавалерийский корпус кавдивизией из 4-й армии; привести в порядок дивизии, наступавшие на Любань и имевшие задачу перехватить Ленинградское шоссе, пополнить их людьми, оружием и боеприпасами; усилить артиллерийскую группировку.

Ставка ответила, что она не возражает против предлагаемого усиления 2-й ударной и 59-й армий, но высказалась против того, чтобы привести в порядок наступавшие дивизии, так как для этого необходимо было на некоторое время приостановить атаки, и в категорической форме потребовала от Военного совета фронта ни в коем случае не прекращать наступательных действий 2-й ударной и 59-й армий на любаньском и чудовском направлениях и любым способом выйти до марта на железную дорогу Любань — Чудово. С целью оказания помощи Волховскому фронту Ставка дала указание Ленинградскому фронту нанести удар силами 54-й армии навстречу 2-й ударной армии, чтобы ликвидировать чудовскую группировку противника и освободить Любань.

Военный совет Волховского фронта выполнил требование Ставки, и в тот же день 2-я ударная армия после короткой артиллерийской подготовки, атаковав оборонительные позиции противника, решительными действиями прорвала укрепления немцев. Для развития прорыва было решено использовать только что подошедшие к району боевых действий 80-ю кавалерийскую дивизию полковника Н. Н. Полякова и 327-ю стрелковую дивизию полковника И. М. Антюфеева. Первой в образовавшуюся брешь вошла кавалерийская, за ней двинулась стрелковая дивизия. Но на следующий день утром противник силами оборонявшихся здесь и вновь подошедших частей закрыл брешь. Проникшие за линию вражеской обороны соединения оказались изолированными от основных сил армии. В течение пяти дней они отбивались от авиации и пехоты противника. Когда же боеприпасы стали подходить к концу и совершенно иссякли продовольствие и фураж, они ночной атакой прорвали оборону противника с тыла и соединились с войсками армии, сохранив боеспособность. Причиной неудачных действий, как я считал, было то, что кавалерийскую и пехотную дивизии не поддержали остальные силы армии. Более того, они остались без боеприпасов, продовольствия и связи, так как их тылы не успели проскочить в брешь, а имевшиеся в полках радиостанции не обеспечивали надежной связью.

В новой директиве Ставки, стремившейся помочь нам, указывалось на необходимость создать в каждой армии ударные

группировки. Эти группировки незамедлительно были созданы. К сожалению, входившие в их состав дивизии имели большой некомплект в личном составе и вооружении; не хватало боеприпасов, авиационная поддержка отсутствовала. Поэтому ударные группировки, несмотря на все усилия командного и политического состава, добиться перелома не смогли. Все наши дальнейшие атаки в сторону Любани отбивались противником.

Чтобы лучше разобраться в обстановке, я выехал на командный пункт 2-й ударной армии. Оттуда вместе с генералом Клыковым направился в ударную группировку. Мы побывали на ее правом фланге, затем у конников генерала Гусева. Солдаты и командиры, с которыми мы встречались, жаловались на отсутствие поддержки со стороны нашей авиации, на недостаток снарядов, на губительный артиллерийский огонь противника. Вражеская авиация буквально висела над нашими войсками, прижимая их к земле.

Созванный после моего возвращения Военный совет фронта, на который было приглашено и командование 2-й ударной армии, констатировал, что одной из причин невыполнения этой армией задач является несогласованность в работе Военного совета и штаба армии и, как следствие, отсутствие четкого и твердого руководства войсками. Имелись случаи пренебрежительного отношения к приему пополнения: маршевые роты во время пути горячей пищей не обеспечивались, пунктов обогрева для них не было. Персональный учет раненых и убитых находился в запущенном состоянии, в армии не знали даже приблизительных потерь. Начальник оперативного отдела полковник Пахомов неправильной информацией вводил в заблуждение командование армии и фронта. Перед последними боями штаб 2-й ударной армии допустил грубые просчеты во времени на подготовку войск для боя. Распоряжения для выполнения боевой задачи некоторые части получали с опозданием на день. Я по собственному опыту знаю, какую важную роль в руководстве войсками играет согласованность между командованием и штабом. Без этого условия вести успешные боевые действия вообще нельзя.

Пришлось пойти на крайние меры. По представлению Военного совета фронта Ставка отстранила от должностей начальника штаба 2-й ударной армии генерал-майора В. А. Визжилина и начальника оперативного отдела полковника Пахомова. На их должности соответственно были назначены полковник П. С. Виноградов и комбриг Буренин. Как раз этим же при-

казом на должность заместителя командующего 2-й ударной армией был назначен генерал-майор П. Ф. Алферьев.

В те же дни в штаб фронта возвратился уезжавший ранее в Москву К. Е. Ворошилов. Вместе с ним прибыли член ГКО Г. М. Маленков и заместитель командующего военно-воздушными силами Красной Армии генерал-лейтенант авиации А. А. Новиков. На этом же самолете на должность заместителя командующего войсками Волховского фронта прилетел генерал-лейтенант А. А. Власов. Его прислала Ставка.

С именем Власова связано одно из самых подлых и черных дел в истории Великой Отечественной войны. Кто не слышал о власовцах, этих предателях Родины, презренных наймитах наших врагов? Они получили свое название по имени их гнусного командира, изменившего своей Отчизне. Мне придется еще в дальнейшем говорить о Власове. А пока скажу лишь, как он вел себя в течение тех полутора месяцев, когда являлся моим заместителем. По-видимому, Власов знал о своем предстоящем назначении. Этот авантюрист, начисто лишенный совести и чести, и не думал об улучшении дела на фронте. С недоумением наблюдал я за своим заместителем, отмалчивавшимся на совещаниях и не проявлявшим никакой инициативы. Мои распоряжения Власов выполнял очень вяло. Во мне росли раздражение и недовольство. В чем дело, мне тогда было неизвестно. Но создавалось впечатление, что Власова тяготит должность заместителя командующего фронтом, лишенная ясно очерченного круга обязанностей, что он хочет получить «более осязаемый» пост. Когда командарм-2 генерал Клыков тяжело заболел, Власов был назначен приказом Ставки командующим 2-й ударной армией.

После того как брешь, пробитая нами в районе Красной Горки, была закрыта, войска ударной группы 2-й ударной армии в течение двух недель пытались снова прорвать вражескую оборону на этом направлении, но безрезультатно. Несколько удачнее развивалось наступление 54-й армии Ленинградского фронта. Она прорвала вражескую оборону западнее Киришей и продвинулась на десяток километров. В результате тяжелых и напряженных боев, длившихся в течение всей первой половины марта, ее войскам удалось продвинуться затем еще на 10 километров, но для дальнейшего развития наступления у нее уже не было сил.

В первой половине марта началось затухание наступательных действий на всех направлениях. 2-я ударная армия, вклинившись в глубину расположения противника на 60—70 кило-

метров, захватила между дорогами Чудово — Новгород и Ленинград — Новгород большой лесисто-болотистый район. Ее передовые части стояли в 15 километрах от Любани и в 30 километрах от 54-й армии Ленинградского фронта, наступавшей на Любань с другой стороны. Крупная группировка войск противника, зажатая нами в мешке с горловиной в 30 километров, так и осталась там. Завершить окружение и разгромить группировку у нас тогда не хватало сил, а может быть, и умения.

Началась весна 1942 года, а с нею пришли новые заботы. 2-я ударная армия, проникнув глубоко в расположение противника, очутилась в тяжелом положении. Нависла угроза активизации противника, прежде всего ударов его войск по флангам горловины прорыва и перехвата коммуникаций 2-й ударной армии. Тяжесть положения этой армии усугублялась еще тем, что начиналась распутица, нарушилось снабжение.

Напрашивались три варианта решения задачи: первый — просить Ставку усилить фронт хотя бы одной армией и, пока не наступила полная распутица, добиться оперативного успеха; второй — отвести 2-ю ударную армию из занятого ею района и при благоприятной обстановке искать решения оперативной задачи на другом направлении; третий — перейти к жесткой обороне на достигнутых рубежах, переждать распутицу, а затем, накопив силы, возобновить наступление.

Мы придерживались первого варианта. Он давал возможность использовать уже достигнутые результаты и закончить операцию до конца зимней кампании. Не возражала против него и Ставка. Преимущество этого варианта заключалось в том, что он оказывал непосредственное влияние на смягчение обстановки под Ленинградом, а при благоприятном исходе операции достигалось снятие блокады.

Командование фронта не возражало и против отвода 2-й ударной армии за линию железной и шоссейной дорог Чудово — Новгород. Этот вариант, как нам представлялось, тоже был правильным, потому что он гарантировал сохранение сил армии и удержание плацдарма на западном берегу реки Волхов. Неподалеку от того места сейчас установлен обелиск в память о подвиге сержанта Ивана Герасименко, рядовых Александра Красилова и Леонтия Черемнова. В конце января 1942 года три героя закрыли своими телами амбразуры фашистских дзотов. Это помогло их подразделению захватить вражеский узел сопротивления, после чего 225-я стрелковая дивизия, форсировавшая реку, смогла зацепиться тут за плацдарм. Подвигу

трех воинов поэт Николай Тихонов в те дни посвятил следующие строки:

Герасименко, Кра́силов, Леонтий Черемнов,
Разведчики бывалые, поход для них не нов...
Идут полки родимые, ломая сталь преград,
Туда, где трубы дымные подъемлет Ленинград...
Простые люди русские стоят у стен седых,
И щели дотов узкие закрыты грудью их!

Третий вариант отпадал безоговорочно, так как оставление армии в лесисто-болотистом районе, при легко уязвимых коммуникациях, могло привести к срыву снабжения ее всем необходимым или даже к окружению.

И, как бы подтверждая наши опасения, немецкое командование, стянув к участку прорыва свежие части, в том числе пехотную и полицейскую дивизию СС, направило их против наших войск, обеспечивавших коммуникации 2-й ударной армии в районе шоссейной и железной дорог Чудово — Новгород. Оборонявшиеся там части 59-й и 52-й армий, подавленные мощным артиллерийско-минометным огнем и авиацией, не смогли противостоять натиску врага. 19 марта ему удалось закрыть горловину вклинения в четырех километрах к западу от Мясного Бора и тем самым перерезать коммуникации 2-й ударной армии.

Узнав о наступлении противника, я выехал в войска, чтобы на месте принять меры противодействия. Из Ставки в свою очередь последовало указание силами левофланговых соединений 59-й совместно с 52-й армией не допустить перехвата противником коммуникаций 2-й ударной армии и разгромить контратакующие части врага. Руководство боевыми действиями возлагалось на меня лично.

Сначала я побывал в 52-й, а затем в 59-й армиях. К сожалению, ни в той, ни в другой не смог получить исчерпывающих данных о размахе предпринятого противником наступления. Сведения из дивизий поступали с перебоями и запутанные. Во всех донесениях командиров говорилось о сильном воздействии вражеской авиации. Из штаба 59-й армии я выехал в 372-ю стрелковую дивизию, обеспечивавшую коммуникации 2-й ударной армии с северо-востока. Не доехав до штаба дивизии метров 600, мы оставили машины и стали пробираться по снежным траншеям. Командира дивизии полковника Д. С. Сорокина на месте не оказалось: он ушел в один из полков. Поговорив с офицерами штаба, мы отправились вслед за Сорокиным.

Командный пункт полка располагался в лесу. Командир полка майор Коновалов доложил, что только что отбита вот уже четвертая за день атака противника, который пытается прорваться в южном направлении и закрыть горловину.

— У соседа слева,— продолжал Коновалов,— по-видимому, дела неважны. У меня с ним связи нет с самого утра, похоже, что он отходит.

— Это плохо, что вы не имеете связи с соседом,— ответил я.— Как можно скорее постарайтесь восстановить ее! Немедленно прикройте свой левый фланг, пока противник не обошел вас и не ударил вам в тыл.

Расспросив майора Коновалова о состоянии полка и напомнив ему о необходимости любой ценой держаться на занимаемых позициях, мы пошли дальше. Идя рядом, полковник Сорокин жаловался на слабость наших средств противовоздушной обороны, на недостаточное воздушное прикрытие, на большие потери от авиации врага.

— Пикирующие бомбардировщики противника по нескольку раз в день наносят сильнейшие удары по боевым порядкам дивизии,— говорил Сорокин.— Приходится не только отрывать окопы и укрытия для людей, но и закапывать в землю технику, транспортные средства, материально-технические припасы. Над нашим расположением буквально висит корректировщик врага, и мы не можем его отогнать. Да вот он, посмотрите! Кажется, что-то заметил.

— Как что? Колонну, конечно.

Навстречу нам из-за поворота вынырнула группа солдат, человек пятнадцать. Их серые шинели сквозь редкие кусты оголенной ольхи хорошо были видны с самолета.

— Ну, сейчас заработает артиллерия,— заметил Сорокин.

Действительно, всего через несколько минут, когда солдаты, разминувшись с нами, скрылись за поворотом дороги, стали рваться снаряды. Брала злость. Вот он болтается над головой, вражеский наблюдатель, а мы ничего не можем сделать. Сколько было таких случаев, и не пересчитать. Трудно приходилось нам в то время...

По возвращении на командный пункт 59-й армии мы обсудили с командармом создавшееся положение и наметили конкретные меры. Было поручено пересмотреть тыловые части и учреждения армии, все, что можно, взять и усилить 372-ю стрелковую дивизию. Мы нашли возможным также, выделив два отряда из 305-й стрелковой дивизии, направить их на

прикрытие левого фланга 372-й дивизии. Затем я выехал в 52-ю армию, к В. Ф. Яковлеву.

— Напор противника со стороны Новгорода продолжает нарастать,— доложил генерал Яковлев.— Основной удар принимает на себя 65-я стрелковая дивизия полковника Кошевого. Ее действия обеспечиваются артиллерией армии.

Сразу же я возвратился в 59-ю армию. Обстановка и здесь продолжала усложняться. Напор противника усиливался. Свободных сил у армии не было. Немцы по-прежнему обходили левый фланг 372-й стрелковой дивизии, и остановить их пока не удавалось. Опять поехал в 52-ю армию. К моему приезду только что закончился допрос пленного. Он показал, что помимо их дивизии здесь действуют иностранные добровольческие легионы «Нидерланды» и «Фландрия» голландских и бельгийских фашистов. Навстречу им наступает полицейская дивизия СС. Наступление поддерживает воздушный флот генерал-полковника Келлера.

Из штаба 52-й армии вместе с В. Ф. Яковлевым мы выехали в 65-ю стрелковую дивизию к полковнику Кошевому. На ее обороняющиеся части противник обрушивал мощные удары авиации и артиллерии. В воздухе стоял непрерывный гул. То и дело прерывалась связь с подразделениями, нарушалось управление. Наши войска несли большие потери, но дрались с неослабевающим упорством.

Уже в первые дни немецкого наступления стало ясно, что теми силами, которыми располагали обороняющиеся здесь армии, разгромить контратакующие части врага и, следовательно, сорвать его замысел будет трудно. Поэтому, как только прояснилась обстановка и стали видны силы и намерения противника, было решено перебросить к участку прорыва из 4-й армии дивизию, недавно получившую пополнение. До ее подхода противника задерживали находившиеся здесь части 59-й и 52-й армий, а когда коридор все же был закрыт, мы вынуждены были ввести в бой все, что было под рукой: весь состав курсов младших лейтенантов и учебную роту младших командиров.

Решительным ударом курсанты рассеяли подразделения противника, прорвавшиеся к дороге, и соединились с войсками, действующими с запада. Однако успех курсантов оказался кратковременным. Вечером того же дня начальник штаба 59-й армии полковник Л. А. Пэрн доложил, что противник вновь перерезал дорогу. Поэтому было принято решение до подхода свежей дивизии атаки прекратить.

Через два дня подошли резервы. Начались боевые действия по очищению коммуникаций 2-й ударной армии. Теперь атака дала ощутимые результаты. Наша пехота, усиленная танками, смяла закрепившегося врага и в первый же день продвинулась на четыре километра. Но противник, опять подтянув к району боевых действий артиллерию и нацелив на наши части авиацию, задержал продвижение. Последнее сначала замедлилось, а затем совсем приостановилось.

После удара вражеской авиации управление передовым полком, как мне доложили, было потеряно. Его командир майор Хотомкин совершенно растерялся. Не на высоте оказался и командир передовой дивизии полковник Угорич. Мне кажется, что это был единственный такой случай в жизни Угорича. Он освоился с особенностями ведения боевых действий в условиях лесисто-болотистой местности и впоследствии хорошо командовал дивизией, но вскоре погиб.

По моему распоряжению части передовой дивизии были временно отведены к реке Полисть и приведены в порядок. С наступлением темноты они вновь перешли в наступление и ночной атакой восстановили утраченное положение. На следующий день эта же стрелковая дивизия, усиленная личным составом курсов младших лейтенантов и ротой автоматчиков, при поддержке армейской артиллерии и дивизионов «катюш» (гвардейских минометов) снова перешла в наступление. Почти все дни, пока шел бой за очищение коммуникаций 2-й ударной армии, я находился в войсках и лишь изредка приезжал в штаб 52-й армии, чтобы принять решение по вопросам, связанным с действиями всего фронта. Большую часть времени мы проводили в 376-й дивизии. Мне довелось многое повидать за годы войны. И вот сейчас, перебирая в памяти увиденное, полагаю, что те недели были для меня самыми трудными. По накалу событий, по нервному напряжению, им сопутствовавшему, вряд ли можно их с чем-либо сравнить.

Новый наш удар завершился успехом. Части противника, оседлавшие дорогу, были смяты и отброшены в северном и южном направлениях. Горловина приоткрылась, и во 2-ю ударную армию опять пошли транспорты с продовольствием, фуражом и боеприпасами.

Когда угроза окружения была окончательно ликвидирована, командование фронта приступило к подготовке нового наступления на Любань. В качестве первого шага мы начали формирование 6-го гвардейского стрелкового корпуса на базе выве-

денной в резерв фронта гвардейской стрелковой дивизии. Другие соединения и части поступали из резерва Ставки. Корпус предназначался для усиления 2-й ударной армии. По количеству войск и вооружению он был даже сильнее 2-й ударной армии в ее первоначальном составе.

Но запланированному наступлению не суждено было свершиться. 23 апреля 1942 года Волховский фронт решением Ставки был преобразован в Волховскую оперативную группу Ленинградского фронта. Это решение явилось для меня полной неожиданностью. Я никак не мог понять, ради чего было предпринято подобное объединение. На мой взгляд, в этом не было ни оперативной, ни политической, ни какой бы то ни было иной целесообразности. Вскоре, однако, все прояснилось. Будучи в Ставке, я узнал, что командующий Ленинградским фронтом генерал М. С. Хозин утверждал: если Волховский фронт присоединить к Ленинградскому, то он имеющимися в Волховском фронте силами решит задачу по деблокированию Ленинграда. И Ставка пошла на объединение фронтов. 6-й гвардейский стрелковый корпус и еще одна стрелковая дивизия из состава Волховского фронта с согласия М. С. Хозина передавались Северо-Западному фронту.

Обо всем происшедшем я узнал только 23 апреля, когда генерал Хозин с директивой в кармане и в весьма веселом настроении появился в штабе нашего фронта. Ознакомившись с директивой, я прежде всего обратил внимание генерала Хозина на необходимость усиления 2-й ударной армии и посоветовал ему обязательно сохранить 6-й гвардейский стрелковый корпус. Но М. С. Хозин, видимо, имел свое мнение и со мной не согласился. Тогда я, прежде чем покинуть фронт, позвонил в Ставку относительно 6-го гвардейского корпуса. Мне ответили, что я за судьбу 2-й ударной армии могу не беспокоиться, но согласились заслушать мой доклад.

24 апреля, будучи в Ставке, я вновь поднял вопрос о нелегком положении 2-й ударной армии. Во время доклада присутствовали И. В. Сталин и Г. М. Маленков.

— 2-я ударная армия совершенно выдохлась,— говорил я.— В имеющемся составе она не может ни наступать, ни обороняться. Ее коммуникации находятся под угрозой ударов немецких войск. Если ничего не предпринять, то катастрофа неминуема.

В качестве частичного выхода из создавшегося положения я предлагал не брать из состава фронта 6-й гвардейский стрелковый корпус, а усилить им эту армию. Если сделать

это не представляется возможным, то 2-ю ударную армию нужно немедленно отвести из лесисто-болотистого района на линию железной и шоссейной дорог Чудово — Новгород. Меня терпеливо выслушали и пообещали учесть высказанные соображения.

Я остановился так подробно на ходе боевых действий в начале 1942 года для того, чтобы читатель увидел повседневную, будничную картину боевой жизни, как бы окунулся в нее. Мне хотелось также показать читателю, из чего конкретно слагается хотя бы часть работы командующего фронтом.

Пути и перепутья войны

Размышления о вчерашнем.—
Вместе с Жуковым.—
Изгибы Западного направления.—
Кое-что о женщинах.—
Генерал Ефремов.—
33-я готовится.—
Опять в Малой Вишере.—
Трагедия 2-й ударной.

Мысли о Волховском фронте, о судьбе 2-й ударной армии долго не выходили у меня из головы. Как там обстоят дела? Удалось ли осуществить намеченный план хоть частично? Ведь в Волховский фронт вложены мысли, дела и чувства не только мои, но и многих других военачальников.

С этими мыслями я приступил к новой работе.

Меня назначили заместителем Г. К. Жукова, являвшегося главнокомандующим войсками Западного направления. Направление объединяло несколько фронтов, которые действовали на стыке территорий, входивших до войны в зоны Московского и Белорусского военных округов. Я хорошо знал эти места как по своей былой службе в обоих округах, так и по работе в Генеральном штабе. Применить свои знания к новому делу как можно лучше, максимально отдаться подготовке наступления или совершенствованию обороны на направлении, прикрывавшем Москву,— вот о чем я думал, выезжая из Ставки на Западный фронт, которым в рамках Западного направления командовал сам Г. К. Жуков.

Георгий Константинович хорошо встретил меня, с интересом расспрашивал о событиях на Волхове и в свою очередь рассказывал об обстановке на центральном участке советско-

германского фронта. Я ценил Г. К. Жукова за твердость в принятии решений, за прямоту характера и сам тоже не собирался создавать какие бы то ни было «психологические недомолвки». Поэтому я сразу же решил поговорить с ним откровенно.

— Слушай, Георгий Константинович,— сказал я,— должность заместителя главнокомандующего направлением весьма неопределенная. Я предпочел бы работу меньшую по объему, но при большей самостоятельности. Дай мне лучше армию, там я принесу больше пользы!

— Хорошо,— ответил Жуков.— По-видимому, ты прав. Но ты понимаешь, что сам я изменить указание Ставки не могу. Я поговорю в Ставке, когда буду там, сообщу, что ты просишь самостоятельной работы, а пока поезжай на Калининский фронт и разберись детально: что там происходит?

Чтобы читатель мог представить, о чем шла речь, мне придется пригласить его к карте боевых действий весной и летом 1942 года. В конце апреля линия фронта на его центральном участке была ломаной, не устоявшейся. 20 апреля закончилось общее наступление на Западном направлении, начатое здесь Красной Армией 7 января. В ходе наступления советские войска освободили ряд районов Орловской, Тульской, Калужской, Московской, Смоленской, Калининской, Великолукской областей. С обеих сторон образовались мешки, выступы и плацдармы, причем обе стороны собирались выровнять фронт в свою пользу, что предполагало упорную борьбу за все эти выступы.

Севернее Воронежа, там, где линия фронта повернула от Дона резко на запад, начинался Брянский фронт. Через Новосиль, огибая захваченный немцами Орел, он тянулся к Белеву. Тут начинался Западный фронт, круто поворачивавший на запад, к Жиздре. От нее он шел мимо Людиново и освобожденного Кирово на север, к Мосальску и Юхнову, откуда немцев уже выбили, и через Щелоки, не доходя до Вязьмы и Гжатска, вел к Рижской железной дороге. Здесь образовался, таким образом, крупный сухиничский выступ, вдававшийся с нашей стороны в расположение фашистских войск. Под Ржевом начинался Калининский фронт. Огибая Ржев, его линия шла на запад, пересекала Волгу, западнее Оленино поворачивала на юг, снова перерезала Рижскую железную дорогу и вела к верховьям Днепра, а отсюда, не достигая железной дороги Москва — Смоленск, уходила на запад. Это был крупный немецкий ржевско-вяземский плацдарм. От

станции Ярцево фронт поворачивал опять на север, к Белому, оттуда изгибался на юго-запад, к Демидову, вновь на север, к Велижу, затем на северо-запад, к Великим Лукам, и от них, по реке Ловать, шел мимо Холма. Здесь возник большой советский плацдарм, с севера нависавший над Смоленском, а на западе стремившийся расшириться до Витебска и железной дороги Невель — Ленинград. Возле Холма фашистская группа армий «Центр» с ее 2-м воздушным флотом уступала место группе армий «Север» с 1-м воздушным флотом, а у нас кончалось Западное направление. Примерно тут же начинался наш Северо-Западный фронт. На коротком отрезке пути до озера Ильмень он причудливо изгибался на восток, юг, снова восток, север и северо-запад, обходя демянский плацдарм немцев, угрожавших отсюда всему Калининскому фронту.

После одного взгляда на все эти изгибы и повороты становилось понятно, к чему было приковано внимание обеих сторон. Мы стремились, во-первых, перерезать железные дороги Смоленск — Гжатск и Вязьма — Брянск, чтобы замкнуть кольцо окружения за спиной фашистских войск на их ржевско-вяземском плацдарме; во-вторых, ликвидировать демянский выступ. Немцы же хотели пробиться от Демянска мимо Селигера к Ржеву, чтобы отсечь войска левого крыла Северо-Западного фронта и войска Калининского фронта.

Все это означало, что особое значение будет придаваться флангам группировок и именно там развернутся основные бои. Добавлю, что Ставка считала главной ареной будущих сражений летом 1942 года не юг, как ориентировала наша разведка, а центр, опасаясь нового наступления гитлеровцев на Москву. Генеральный штаб рекомендовал осуществлять в связи с этим стратегическую оборону. Ставка приняла данный план с некоторыми поправками. Нужно было, следовательно, наметить, где и как конкретно расположить резервы на Западном направлении, причем особенно беспокойным местом оставался как раз неправильный по форме многоугольник Калининского фронта. Г. К. Жуков, занятый по горло крупными проблемами, не мог вдаваться во все детали обстановки на нескольких фронтах сразу. Между тем от этих деталей во многом зависел исход предстоявшей летней кампании. Вот зачем я и направился на правый фланг Западного направления.

Работа пошла. За те полтора месяца, что я здесь пробыл, у меня установился тесный контакт с руководством направления. Мы были солидарны, за единственным исключением.

во всех отношениях и плодотворно трудились над общим делом. Исключение же, о котором я упомянул, это особый и довольно любопытный сюжет, стоящий того, чтобы о нем рассказать отдельно. В целом я назвал бы его «женским вопросом».

Кто не знает, сколь огромную роль сыграла в годы Великой Отечественной войны советская женщина-труженица! Колхозные поля, заводы, учреждения, лишенные ушедших на фронт мужчин, перестали бы быть сферой жизни и труда, если бы место в строю не заняли женщины. Но этим не ограничился их подвиг. Женщины-воины играли очень большую роль и на фронтах действия регулярных войск, и в партизанском движении. Что касается регулярных войск, то здесь положение женской части личного состава оставалось недостаточно определенным. Очень многое зависело, впрочем, не только от принятия Ставкой каких-то общих решений, но и от руководства Западного фронта, не уделявшего должного внимания специфическим интересам женской части армии и особенностям быта воинов-женщин. Когда миллионы мужчин вдруг отрываются от повседневной мирной жизни, у них на фронте остается мало времени, чтобы думать о проблеме взаимоотношения полов. Но проблема этим не снимается. Наоборот, она временами дает резко о себе знать. Стоит оказаться в воинской части хотя бы нескольким женщинам, чтобы вопрос всплыл сам собой. Можно закрыть на это глаза и умолчать обо всем этом. А можно честно постараться разрешить этот вопрос. Конечно, когда речь шла о судьбе Родины, не всегда удавалось вникать во всякие там тонкости. И все же я полагал, что, даже не прилагая особых усилий, можно многое изменить в лучшую сторону. А что сделать это было совершенно необходимо, меня убедили случаи, с которыми я тогда неоднократно сталкивался. Остановлюсь на некоторых из них.

Обходил я раз позиции. Иду лесом, гляжу, стоит сарай. Из одной трубы валит густой дым, из другой стелется пар. Из сарая слышен мужской смех, а на завалинке сидят, пригорюнившись, три девушки в военной форме. Сначала они смутились, увидев генерала. Стал я их потихоньку расспрашивать. Девушки успокоились, осмелели и рассказали, что, вот, моются в этой походной бане ребята из их подразделения. Но ведь и им нужна баня, а хватит ли воды? Ребята обещали, помывшись, освободить им сарай, вот они и ждут.

Я был возмущен поведением мужчин, поругал их, приказал освободить сарай немедленно, натаскать дров, принести воды и

предоставить баню в первую очередь девушкам, и вообще всегда быть внимательнее к женщинам. Повеселевшие девушки пошли на откровенность и поделились со мной своими обидами. Одни обиды носили местный характер, и вопрос решался простым указанием командиру части об отдаче необходимых распоряжений. Другие упирались в более общие проблемы. Например, вопрос об обмундировании. Имевшееся совершенно не было приспособлено для женщин, и никто об этом не думал. А когда они сами хотели что-то там перекроить, то им запрещали. Ведь по уставу не было положено менять форму. Пришлось взять это на заметку для разговора «в верхах».

Другой эпизод. Приходит ко мне с жалобой женщина, сумевшая преодолеть рогатки военных условий и добраться прямо до генерала. В чем дело? Оказалось, что мимо ее дома проезжала часть, в которой служит рядовым ее муж. Она увидела мужа и пришла к месту расположения этой части. Но командир полка не разрешил женщине свидание с мужем. Все об этом знают. Не только ее муж, но и другие солдаты ходят хмурые, настроение у бойцов упало. Вызываю комполка. Он докладывает, что согласно имеющимся указаниям свидания строжайше запрещены. Тогда я своей властью дал солдату трехдневный отпуск и поселил его с женой в домике по соседству. Потом мне сообщили, что его товарищи высказывались так: повезло Феде, генерал армии здесь оказался, а если бы его тут не было, тогда как? И я подумал, что пора отменить нелепое распоряжение о запрете свиданий, а заодно решить проблему отпусков, в особенности для семейных. Проблему чрезвычайно сложную, если учесть, что, во-первых, с фронта в те дни трудно было отпускать кого бы то ни было, а во-вторых, могло возникнуть неравенство, поскольку у ряда солдат семьи находились на оккупированной территории и ехать им было некуда.

Постепенно разных случаев набралось немало, хотя это были только случаи, а не общее правило. Высказав о них свое мнение командованию Западного фронта, я счел вправе не скрывать своего мнения и от Ставки, предварительно известив об этом руководство фронта. Когда мне выпало как-то в очередной раз побывать в Москве, я, ничего не утаивая, все рассказал И. В. Сталину. Справедливость требует отметить, что необходимые меры были приняты. Вскоре решили вопросы о формировании женских воинских частей и подразделений и порядках в них, об обмундировании и многом другом. Не стану,

впрочем, утверждать, что причиной послужил именно мой доклад. Сигналы могли поступать с разных сторон.

Что касается обещания Г. К. Жукова, то он его сдержал и доложил Верховному главнокомандующему о моей просьбе насчет армии. Сталин не возражал. Вскоре я стал командующим 33-й армией.

Раньше этой армией командовал генерал-лейтенант М. Г. Ефремов, мой ровесник и хороший друг. 33-я армия освобождала от фашистских захватчиков Наро-Фоминск, Боровск, Шанский Завод. Прорвав затем немецкую линию фронта в самой северной части течения Угры, она дошла до Вязьмы и была здесь остановлена, подвергшись контрудару со стороны 4-й танковой армии гитлеровцев. Сзади линия фронта сомкнулась, и воины 33-й армии повернули на юго-запад, в направлении на Ельню и Дорогобуж. В этом кольце вместе с ними оказались также бойцы 1-го гвардейского кавалерийского корпуса, 4-го воздушнодесантного корпуса и ряд действовавших в том районе партизанских групп. После кровопролитных боев и трудного марша по тылам противника из окружения вышли не все соединения 33-й армии, а вышедшие находились в нелегком состоянии. Тяжело раненного командарма не сумели вывезти, и он, не желая попадать к немцам в плен, покончил с собой. Это случилось за несколько дней до моего прибытия на Западное направление. Сейчас в Вязьме отважному воину и патриоту Михаилу Григорьевичу Ефремову поставлен памятник.

Известие о назначении на должность командарма-33 застало меня в то время, когда я инспектировал 3-ю ударную армию М. А. Пуркаева и 4-ю ударную армию под временным командованием В. В. Курасова. Пока что в той и другой армиях дело слабо ладилось, а причину установить было нетрудно: в обеих армиях не хватало личного состава и техники. Поэтому первоочередное внимание уделялось доукомплектованию частей и соединений. Позднее обе эти армии отличились в боях на Псковщине и в Белоруссии.

Судьба М. Г. Ефремова поразила и огорчила меня. Его армию я принимал с особым чувством. Знакомился с офицерским составом, с соединениями, и все мне думалось: недавно с этими людьми беседовал Михаил и вот его уже нет. Я дал себе слово во что бы то ни стало превратить 33-ю армию в первоклассный воинский организм и быстрее подготовить ее к новым боям. Сделать это было непросто. Укомплектованным оказалось только армейское управление. Две сильно

потрепанные дивизии занимали широкий участок по фронту и пока не могли ни наступать, ни активно обороняться. Третья дивизия вообще находилась на формировании, а ее командир лежал в госпитале.

Уже находясь в штабе фронта, Г. К. Жуков рассказал мне о разговоре, который состоялся в Ставке Верховного главнокомандования. Узнав, что И. В. Сталин решил назначить меня командармом-33, Жуков заметил: «Что же мы дадим Мерецкову пустую армию? Там и командовать пока некем».

— Ничего,— ответил Сталин.— Мерецков имел дело и с военными округами, и с армиями, и с фронтами и в Генеральном штабе работал. Пусть он нам эту армию воссоздаст.

Навряд ли Жуков передал разговор неточно. Скорее, он бы промолчал. Высказался же он тогда, конечно, для того, чтобы я активнее действовал. Начались недели, до отказа заполненные напряженной работой. Тренаж офицерского состава, сколачивание командного коллектива, совершенствование обороны, изучение новой техники, тщательное ознакомление с местностью, подготовка боевых рубежей, обучение прибывающего пополнения, согласование планов действий с фронтовой авиацией и артиллерией, «обкатка» личного состава в условиях «вражеской» атаки, организация взаимодействия на флангах с соседями, создание резервов...

Минул май, загорелись июньские зори. Близились дни, несшие с собой горячее дыхание сражений второй летней кампании. Я уже прикидывал, когда и как 33-я армия опять заиграет активную роль на фронте, высоко неся свое боевое знамя. Но 8 июня раздался нежданный звонок. Мог ли я думать, что он явится прологом моего нового свидания с волховчанами, на этот раз более чем полуторагодичного?

Меня вызывал Г. К. Жуков. Он сказал:

— Срочно приезжай, как есть!

— Сейчас возьму карту и приеду (я решил, что речь пойдет о предстоящей операции).

— Не нужно карты.

— Да в чем же тогда дело?

— Здесь узнаешь. Торопись!

Приехал. Жуков сердится: пока нашли, сколько времени прошло. Я отвечаю, что был у солдат, в батальоне. Прибыл сразу оттуда, даже поесть не успел. Георгий Константинович засмеялся. Тоже, говорит, не обедал сегодня. Пока машину подготовят, успеем поесть. Потом объясняет причину вызова.

Оказывается, уже трижды звонил Сталин, требовал срочного прибытия Мерецкова. В чем дело, Жуков не знал.

Сел я в автомашину в полевой форме, весь в окопной грязи. Не успел даже переодеться. Довольно скоро оказался в приемной Верховного главнокомандующего. Его секретарь Поскребышев тоже не дал мне привести себя в порядок и сразу ввел в кабинет. Там в полном составе шло заседание Политбюро ЦК ВКП(б). Я почувствовал себя довольно неловко, извинился за свой вид. Председательствующий дал мне пять минут. Я вышел в коридор, быстро почистил сапоги, снова вошел и сел за стол. Меня стали расспрашивать о делах на Западном фронте. Но это оказалось лишь предисловием, а главный разговор последовал позже.

Говорил Сталин:

— Мы допустили большую ошибку, объединив Волховский фронт с Ленинградским. Генерал Хозин, хотя и сидел на Волховском направлении, дело вел плохо. Он не выполнил директивы Ставки об отводе 2-й ударной армии. В результате немцам удалось перехватить коммуникации армии и окружить ее. Вы, товарищ Мерецков,— продолжал Сталин, обращаясь ко мне,— хорошо знаете Волховский фронт. Поэтому мы поручаем вам вместе с товарищем Василевским выехать туда и во что бы то ни стало вызволить 2-ю ударную армию из окружения, хотя бы даже без тяжелого оружия и техники. Директиву о восстановлении Волховского фронта получите у товарища Шапошникова. Вам же надлежит по прибытии на место немедленно вступить в командование Волховским фронтом.

В тот же день мы покинули Москву и к вечеру были в Малой Вишере. Опять меня окружали знакомые пейзажи и старые боевые товарищи. Сердечная встреча, теплые рукопожатия... Но какова же ситуация? Что произошло здесь за эти полтора месяца? Оказалось, что руководство Волховской группой войск получило фактически возможность действовать почти по своему усмотрению, лишь бы оно выполнило оперативную задачу, связанную с деблокированием Ленинграда. 25 апреля директивой Генерального штаба командующим Ленинградской группой войск объединенного Ленинградского фронта был назначен Л. А. Говоров. После этого командующий фронтом и одновременно Волховской группой войск М. С. Хозин мог главное внимание уделить Любаньскому направлению. 21 мая Ставка сделала еще один шаг в эту сторону: Военный совет и штаб Ленинградского фронта были вообще освобождены от непосредственного командования Волховской группой войск.

Как же руководство Волховской группой использовало свои возможности? Сначала оно собиралось двинуть вперед 2-ю ударную армию, но без резервов, потому что, как мы уже знаем, в свое время отказалось от них. Если мы вспомним теперь о намеченных ранее трех вариантах развития Любаньской операции, то увидим, что это решение представляет собой ухудшенную разновидность первого варианта, то есть наступление без дополнительных сил. Это была серьезнейшая ошибка. 2-я ударная армия только по названию оставалась ударной. Она даже обороняться могла с трудом, а не то что преодолевать мощное немецкое сопротивление. Пополнять же ее через горловину мешали активные действия противника. М. С. Хозин вынужден был отказаться от перехода в наступление и тем самым вернулся ко второму из упомянутых вариантов — отводу 2-й ударной армии на доукомплектование и отдых. 21 мая Ставка директивно разрешила ему сделать это. И снова неудача. Еще до 16 мая из мешка вывели несколько соединений и частей, а дальше осуществление плана застопорилось. Теперь без резервов даже отход армии обеспечить было уже невозможно. В то время развернулись ожесточенные бои на юге, под Харьковом, и Ставка как следует помочь волховчанам не сумела.

30 мая, заметив отход 2-й ударной армии, гитлеровцы перешли в наступление и до 4 июня существенно сузили ширину горловины мешка. 5 июня, идя навстречу 2-й ударной армии, открывая ей дорогу, нанесла удар по врагу 59-я армия. Но немцы тем временем смяли боевые порядки 2-й ударной армии и ворвались в них с запада. А 6 июня ими была полностью перекрыта горловина мешка. Семь наших дивизий и шесть бригад попали в окружение. Вместе с ними оказались там партизанские отряды А. И. Сотникова и И. Е. Савельева, ранее вышедшие нашей армии навстречу. Ведя яростные бои в районе деревень Долгово, Оссия, Замошье, они до поры до времени выдерживали натиск врага. Савельевцы погибли. Тогда же возле Мясного Бора погибла часть еще одного партизанского отряда вместе с его командиром П. П. Носовым. Отряд Сотникова сумел пробиться и позднее возобновил удары по фашистам.

Ставке стало ясно, что за период с конца апреля до начала июня в районе Волхова и Ленинграда было допущено несколько серьезных ошибок. Своей директивой от 3 июня командующим Ленинградским фронтом она назначила Л. А. Говорова. Еще через пять дней был восстановлен Волховский фронт.

Какова же была обстановка на фронте к нашему приезду? Обстановка выглядела довольно мрачной. 2-я ударная армия, отрезанная от баз снабжения и окруженная, испытывала острую нужду в продовольствии и боеприпасах. Ее арьергардные соединения под давлением противника медленно отходили на восток, а авангард тщетно стремился пробить коридор. Войска 59-й и 52-й армий, растянутые на широком фронте, еле сдерживали врага, пытавшегося расширить разрыв между ними и 2-й ударной армией. Резервы отсутствовали. Мы стали лихорадочно искать выход. Нам удалось высвободить три стрелковые бригады и ряд других частей, в том числе один танковый батальон. На эти скромные силы, сведенные в две группы, возлагалась задача пробить коридоры шириной в 1,5—2 *км*, прикрыть его с флангов и обеспечить выход войск 2-й ударной армии, попавших в окружение.

Сигнал к наступлению дали на рассвете 10 июня. Артиллерия произвела короткую подготовку. Танки и пехота двинулись в атаку. Кажется, все было продумано и предусмотрено. Но успеха не получилось.

Было ясно, что имевшимися силами нам врага не сломить. Ночью мы с А. М. Василевским снова пересмотрели все ресурсы фронта и наметили ряд частей и подразделений для переброски к месту прорыва. Наращивал усилия и противник. С севера, западнее Ленинградского шоссе, наступали части трех его пехотных дивизий, полицейской дивизии СС и другие части и подразделения, оборонявшиеся раньше на других участках фронта и сведенные в бригады «Кехлинг», «Бассе» и «Шейдес».

Со стороны Новгорода действовали группа «Хоппе», группа «Яшке» и другие вражеские части. С запада на 2-ю ударную армию оказывали давление две пехотные и одна охранная дивизии, сведенные в группу «Герцог». Сражение не прекращалось ни на один миг и носило исключительно ожесточенный характер. Обе стороны несли большие потери.

Наконец, немцы не выдержали. 19 июня танкисты нашей 29-й танковой бригады, а за ними и пехота прорвали оборону противника и вышли на соединение с войсками 2-й ударной армии, наступавшими с запада. А через два дня ударом с востока и запада был пробит коридор шириною 300—400 метров вдоль железной дороги. Воспользовавшись этим коридором, из 2-й ударной армии на Мясной Бор вышла большая группа раненых бойцов и командиров. Затем произошло то, чего я больше всего опасался. Части 2-й ударной армии, участвовавшие в прорыве, вместо того чтобы направить свои усилия на рас-

ширение прорыва и закрепление флангов, сами потянулись вслед за ранеными. В этот критический момент командование 2-й ударной армии не приняло мер по обеспечению флангов коридора и не сумело организовать выход войск из окружения. Попытки со стороны командования фронта сколотить из вышедших частей отряды и использовать их для обеспечения коридора также не увенчались успехом.

Немцы же, быстро разобравшись в обстановке, на второй день после массированного удара своей авиации и артиллерии, снова заняли оборонительные сооружения по восточному берегу реки Полисть и воспрепятствовали тем самым выходу наших войск. Одновременно противник усилил нажим на 2-ю ударную армию с запада.

К 23 июня район, занимаемый 2-й ударной армией, сократился до таких размеров, что уже простреливался артиллерией противника на всю глубину. Последняя площадка, на которую сбрасывались нашими самолетами продовольствие и боеприпасы, перешла в руки врага. Узел связи был разбит, управление нарушено. Войска прикрытия также отходили беспорядочно. Командарм Власов бездействовал, а все попытки заместителя командующего 2-й ударной армией П. Ф. Алферьева задержать войска на последнем промежуточном рубеже не дали результатов.

Командование фронта, чтобы обеспечить выход частей 2-й ударной армии, оставшихся за линией фронта, подготовило новый встречный удар войск 59-й с востока и 2-й ударной армий с запада вдоль узкоколейной дороги. Помню, что атака назначалась на 23 часа 23 июня. Командиры соединений 2-й ударной армии были предупреждены, что эта атака должна быть доведена до конца любыми средствами. Все артиллеристы, шоферы и другие специалисты влились в стрелковые соединения. Тяжелая техника была уничтожена или выведена из строя. Однако из-за сильнейшей бомбардировки с воздуха боевых порядков войск и штаба 2-й ударной армии некоторые мероприятия по занятию исходного положения для атаки были сорваны.

Наступила ночь на 24 июня. В 23.30 начали движение войска 2-й ударной армии. Навстречу им уже вышли танки 29-й танковой бригады с десантом пехоты. Артиллерия 59-й и 52-й армий всей своей массой обрушилась на врага. Артиллерия противника открыла ураганный ответный огонь. Над районом боевых действий появились вражеские ночные бомбардировщики. Я в это время находился на командном пункте 59-й армии, откуда поддерживал связь со штабом 2-й ударной армии.

С началом движения войск этой армии связь со штабом 2-й ударной армии нарушилась и уже больше не восстанавливалась.

К утру вдоль узкоколейной железной дороги наметился небольшой коридор и появились первые группы вышедших из окружения бойцов и командиров. Они шатались от изнеможения. Выход войск продолжался в течение всей первой половины дня, но затем прекратился. Немцам удалось взять под контроль дорогу. К вечеру силами войск, действовавших с востока, снова был пробит коридор и расчищена дорога. По этому коридору, простреливаемому перекрестным огнем с двух сторон, в течение ночи и утра 25 июня продолжался выход бойцов и командиров 2-й ударной армии. В 9.30 25 июня немцы вновь захлопнули горловину, теперь уже окончательно.

Командование 2-й ударной армии, как впоследствии сообщил командир 327-й стрелковой дивизии И. М. Антюфеев, отдало утром 24 июня распоряжение: выходить из окружения мелкими группами, кто где хочет и как знает. Это распоряжение подорвало моральный дух войск и окончательно дезорганизовало управление. Не чувствуя руководства со стороны командования и штаба армии, подразделения дивизий и бригад вразброд двинулись к выходу, оставляя неприкрытыми фланги. Отдельные бойцы в результате непрерывных боев и недоедания совершенно обессилели. Некоторые находились в полубессознательном состоянии и лежали на земле. Как выяснилось несколько лет спустя, в таком состоянии наряду с другими в фашистский плен попал известный татарский поэт Муса Джалиль (старший политрук М. М. Залилов), сражавшийся под Мясным Бором.

Старший политрук М. М. Залилов работал тогда в редакции газеты 2-й ударной армии «Отвага». До него здесь был Всеволод Багрицкий, сын известного советского поэта Эдуарда Багрицкого. Но зимой он погиб. Некоторое время должность пустовала, а затем Политотделом 2-й ударной армии был прислан Муса Мустафович, направленный к нам из Москвы. Он работал корреспондентом. Очерки и статьи его были зажигательными. Из двух с половиной десятков сотрудников редакции армейской газеты из окружения сумело выйти человека три. Они позднее рассказали, что последние сведения о Джалиле были у них за неделю до того, как кольцо окончательно сомкнулось: старший политрук поехал в части собирать материал. Потом следы его потерялись. Как он попал в плен, стало извест-

но только после войны, когда на весь мир прогремела написанная им в фашистском застенке «Моабитская тетрадь».

Но где же армейское руководство? Какова его судьба? Мы приняли все меры, чтобы разыскать Военный совет и штаб 2-й ударной армии. Когда утром 25 июня вышедшие из окружения офицеры доложили, что они видели в районе узкоколейной дороги генерала Власова и других старших офицеров, я немедленно направил туда танковую роту с десантом пехоты и своего адъютанта капитана М. Г. Бороду. Выбор пал на капитана Бороду не случайно. Я был уверен, что этот человек прорвется сквозь все преграды. Когда началась Великая Отечественная война, краснознаменец лейтенант Михаил Григорьевич Борода, отличившийся еще во время финской кампании, являлся начальником 5-й погранзаставы возле Суоярви на финляндской границе. Финнам удалось после возникновения боевых действий взять заставу в кольцо. За два дня пограничники отбили 12 атак. Тогда противник стал бомбить заставу. 22 дня герои выдерживали осаду. А когда боеприпасы оказались на исходе, пограничники штыковой атакой прорвали кольцо окружения с неожиданной стороны — в направлении к Финляндии — и ушли от преследования в полном вооружении и неся с собой раненых. Через пять суток храбрецы соединились с нашими войсками. За этот подвиг они были награждены. Борода получил второй орден Красного Знамени. Воюя в составе 7-й армии, он был ранен под Петрозаводском, а по выздоровлении стал командиром роты, охранявшей Военный совет армии. Там-то я и познакомился с ним и уже не расставался до конца войны. Борода был назначен офицером для поручений, а позднее — помощником начальника оперативного отдела штаба фронта. В конце 1941 года он спас мне жизнь.

Дело было под Тихвином. Атака дивизии П. К. Кошевого захлебнулась. Я находился в тот момент недалеко и решил подбодрить солдат. Увидев командующего, они сразу поднялись и снова пошли в атаку. Позиции врага остались у нас за плечами. Но в перелеске, видимо, уцелел какой-то фашистский пулеметчик, и мы внезапно очутились под лавиной пуль. Борода и другой бывший пограничник, ефрейтор Селютин, упали на меня и прикрыли собой. Рядом стояло 45-миллиметровое орудие. Его командир успел дать выстрел прямой наводкой и уничтожить пулемет, а сам (вместе с Селютиным и Бородой) был тяжело ранен последней очередью. Михаил Григорьевич не раз отличался с тех пор в бою. Так, весной 1942 года под Мясным Бором он получил от меня задание помочь дивизии

полковника Угорича отбить атаку противника, рвавшегося к Ленинградскому шоссе. Когда комдив был смертельно ранен, Борода временно принял на себя его функции и не дал дивизии отступить.

И вот во главе отряда из пяти танков Борода двинулся теперь в немецкий тыл. Четыре танка подорвались на минах или были подбиты врагом. Но, переходя с танка на танк, Борода на пятом из них все же добрался до штаба 2-й ударной армии. Однако там уже никого не было. Вернувшись, горстка храбрецов доложила мне об этом в присутствии представителя Ставки А. М. Василевского. Зная, что штаб армии имеет с собой радиоприемник, мы периодически передавали по радио распоряжение о выходе. К вечеру этого же дня выслали несколько разведывательных групп с задачей разыскать Военный совет армии и вывести его. Эти группы тоже сумели выполнить часть задания и дойти до указанных им районов, но безрезультатно, так как и они Власова не отыскали.

Как потом стало известно, весь начальствующий состав штаба армии был разбит на три группы, которые должны были в ночь с 24 на 25 июня выходить с частями и штабами атакующих войск. Военный совет армии, сопровождаемый ротой автоматчиков, выступил в 23 часа 24 июня в район 46-й стрелковой дивизии, с частями которой он должен был выходить. В пути выяснилось, что никто из работников штаба как следует не знал, где находится командный пункт 46-й стрелковой дивизии. Двигались наугад. При подходе к реке Полисть все три группы попали под сильный минометно-артиллерийский огонь противника. Одни залегли, другие, пытаясь выйти из-под обстрела, рассыпались в разных направлениях. Военный совет армии и начальник связи генерал Афанасьев, который впоследствии и рассказал нам всю эту историю, повернули в северном направлении, но и там оказались немцы. Тогда было принято решение отойти в тыл противника, а затем, продвинувшись на несколько километров к северу, перейти линию фронта в другом месте. Характерно, что в обсуждении намечаемых действий группы командарм-2 Власов никакого участия не принимал. Он совершенно безразлично относился ко всем изменениям в движении группы.

На второй день группа генерала Афанасьева встретилась с Лужским партизанским отрядом Дмитриева. Дмитриев помог затем Афанасьеву связаться с командиром партизанского отряда Оредежского района Сазановым, у которого имелась радиостанция. С помощью этой радиостанции генерал Афанасьев

14 июля сообщил в штаб Волховского фронта о своем местонахождении и о судьбе Военного совета 2-й ударной армии, после чего был вывезен на самолете.

Получив радиограмму от Афанасьева, я немедленно позвонил А. А. Жданову и попросил его дать распоряжение командиру Оредежского партизанского отряда Ф. И. Сазанову разыскать генерала Власова и его спутников. Товарищ Сазанов выслал три группы партизан, которые осмотрели всю местность вокруг Поддубья на много километров. Власова нигде не было. Наконец, через некоторое время от партизан поступило сообщение, что Власов в деревне Пятница перешел к гитлеровцам. Он вступил на черный путь предательства Родины. Некоторые сведения о том, как конкретно это произошло, мы нашли позднее в трофейных документах. В частности, в дневниках отдельных немецких офицеров записано, что Власов сидел в избе, спокойно ожидая появления немцев. Когда их солдаты вошли в горницу, он закричал: «Не стреляйте, я — генерал Власов!» Дальнейшие его поступки были еще более гнусными. Бывший советский командарм согласился начать формирование антисоветских воинских соединений, вербуя в них всяких подонков или таких же грязных изменников, как он.

Возникает вопрос: как же все-таки случилось, что Власов оказался предателем? Ответ, мне кажется, может быть дан только один. Власов был беспринципным карьеристом. Его поведение до этого вполне можно считать маскировкой, за которой скрывалось равнодушие к своей Родине. Его членство в Коммунистической партии — не более чем дорожка к высоким постам. Его действия на фронте, например в 1941 году под Киевом и Москвой,— попытка отличиться, чтобы продемонстрировать профессиональные способности и поскорее выдвинуться. Но война сложна. Его армия застряла перед Любанью, а в начале июня была взята в кольцо. Дальнейшая судьба ее известна.

Судьба же Власова в конечном итоге повторила судьбу многих других ренегатов, которые были известны в истории. Он попал под конец войны к нам в плен и был казнен, а его имя стало синонимом любой мерзкой измены.

Возвращусь к тем, кто в тяжелейших условиях сохранял неизменные чувства советского гражданина, воина и солдата до последнего своего дыхания. Многим из них в те тяжелые дни удалось вырваться из вражеского кольца. В числе вышедших был начальник разведывательного отдела армии А. С. Рогов. Он рассказал, что выступил позднее и двигался по маршру-

ту Военного совета. Наткнувшись на минометно-артиллерийский заградительный огонь противника, вынужден был остановиться. Никого из группы Военного совета в этом районе уже не было. В 1.30 25 июня огонь стал ослабевать и перемещаться в направлении узкоколейки. Предполагая, что там образовался прорыв, полковник Рогов поспешил туда. И действительно, все, двигавшиеся в направлении узкоколейки, вышли из окружения, хотя потери от минометного и пулеметного огня в целом были большие.

Всего вышло из окружения 16 тысяч человек. В боях тогда погибло из 2-й ударной армии 6 тысяч человек, а 8 тысяч пропали без вести. Так закончилась трагедия этой армии.

Итак, завершить Любаньскую операцию успешно не удалось.

Тем не менее она имела большое значение для событий на советско-германском фронте в первой половине 1942 года. Наши войска окончательно захватили инициативу под Ленинградом. Они сорвали наступление группы армий «Север», заставили вражеские войска вести оборонительные бои и нанесли им значительные потери. Более 15 дивизий, в том числе одну моторизованную и одну танковую, оттянули на себя войска Волховского фронта, предприняв наступление севернее Новгорода. Две пехотные дивизии и ряд отдельных частей противник вынужден был снять непосредственно из-под Ленинграда. Чтобы противодействовать нашему наступлению и возместить большие потери, немецкое командование в первой половине 1942 года усилило группу армий «Север» шестью дивизиями и одной бригадой. Наконец, наши войска получили большой опыт боевых действий в лесисто-болотистой местности, который пригодился в последующих сражениях, закончившихся полным разгромом немецко-фашистских войск под Ленинградом.

Синявинский выступ

Кратчайший путь к Неве.—
Трехэшелонное построение.—
Кто кого перехитрит? —
Изобретательность и смекалка.—
Фронт пришел в движение.—
Так ли должны действовать артиллеристы? —
Равновесие сил.—
Горят леса, и тлеют болота.—
Чем завершилась Синявинская операция.

Лето 1942 года. От Черного до Баренцева моря страну перепоясала фронтовая линия. Название «Волховский фронт» носила теперь ее часть между озерами Ладожским и Ильмень. Начинаясь к востоку от Новгорода и спускаясь по реке Волхов, эта линия неподалеку от Киришей делала дугу, изгибаясь в сторону Шлиссельбурга.

Всего лишь 16-километровое пространство, занятое и укрепленное противником, разделяло войска Волховского и Ленинградского фронтов. Казалось, достаточно было одного сильного удара, и войска двух фронтов соединятся. Но это только казалось. Я редко встречал местность, менее удобную для наступления. У меня навсегда остались в памяти бескрайние лесные дали, болотистые топи, залитые водою торфяные поля и разбитые дороги. Трудной борьбе с противником сопутствовала не менее трудная борьба с природой. Чтобы воевать и жить, войска вынуждены были строить вместо траншей дерево-земляные заборы, вместо стрелковых окопов — насыпные открытые площадки, на протяжении многих километров прокладывать бревенчатые настилы и гати и сооружать для артиллерии и минометов деревянные платформы.

Только что закончилась тяжелая Любаньская операция, оттянувшая от Ленинграда часть гитлеровских войск. Солдаты устали. Однако медлить было нельзя, поскольку гитлеровское командование готовилось к решительному штурму Ленинграда. Деблокировать город Ленина — вот мысль, которая пронизывала все дела наших двух фронтов. Того же требовала и Ставка Верховного главнокомандования Красной Армии. Этого ждала вся страна.

Принимая решение на проведение новой операции, Ставка рассчитывала, помимо прорыва блокады, активными действиями на Северо-Западном направлении сковать вражеские войска и не позволить противнику перебрасывать свои силы на юг,

где в то время развертывались решающие события. Какое это имело значение, видно хотя бы из слов немецкого генерала Типпельскирха, писавшего об операциях на Северо-Западном и Западном направлениях: «Летом и осенью 1942 г. в этих районах шли тяжелые бои, которые потребовали большого напряжения сил немецких дивизий, не позволили осуществить переброску войск в интересах наступающих армий...» [1]

Местом проведения операции был избран так называемый шлиссельбургско-синявинский выступ, образовавшийся в результате выхода немецких войск к южному побережью Ладожского озера в сентябре 1941 года. Преимущество выбора этого направления перед другими заключалось в одном: оно выводило с юго-востока самыми кратчайшими путями к Неве и Ленинграду. Увы, местность в районе выступа, как и всюду в этом районе, была крайне мало пригодна для развертывания наступательных действий. Обширные торфоразработки, протянувшиеся от побережья Ладоги до селения Синявино, а к югу от Синявина сплошные леса с большими участками болот, труднопроходимых даже для пехоты, резко стесняли маневр войск и создавали больше выгод для обороняющейся стороны. Почти единственным сухим местом на этом направлении были Синявинские высоты, которые на 10—15 метров возвышались над окружающей плоской равниной. Естественно, именно они стали ключевой позицией на пути наступления наших войск, тем более что с них противник имел круговой обзор на несколько километров.

В течение одиннадцати месяцев хозяйничавшие здесь немецкие войска все сделали для того, чтобы шлиссельбургско-синявинский выступ был неприступным. По всем естественным рубежам, вдоль рек и озер, вдоль оврагов и болот, по высотам и в лесных массивах, протянулись оборонительные позиции со множеством узлов сопротивления и опорных пунктов. В центре узлов сопротивления располагались артиллерийские и минометные батареи. Плотность противотанковых орудий составляла в среднем семь-восемь на один километр фронта. Личный состав размещался в прочных блиндажах, а передний край был прикрыт проволочными и минно-взрывными заграждениями.

Укрепив таким образом и без того неудобную для наступательных действий местность, немецкое командование не предполагало, что на этом направлении может развернуться

[1] *Типпельскирх К.* История второй мировой войны, с. 240.

наступление советских войск. «Мы никогда не организовали бы прорыва на такой местности» [1],— писал впоследствии гитлеровский генерал-фельдмаршал Манштейн.

Советское командование избрало это направление, преследуя двоякую цель. Во-первых, мы могли здесь при удаче в течение двух-трех суток достичь Невы. На проведение более продолжительной операции фронт не имел сил. Кроме того, предпринимая наступление там, где противник его не ожидал, мы надеялись обеспечить внезапность первоначального удара и тем самым добиться преимущества. Конечно, торфяные болота севернее Синявина и сплошные леса южнее него представляли большие трудности, особенно при использовании тяжелого оружия и мощной техники. Но где найти местность лучше этой? Болота и леса — отличительные признаки нашего Севера — покрывали собой все пространство от Ладоги до Новгорода.

По нашим подсчетам, нам противостояло десять вражеских дивизий. Но, к сожалению, в то время никто из нас не знал, что немецкое командование готовило в те же дни операцию по окончательному овладению Ленинградом, перебросило для усиления своей группы армий «Север» значительную часть войск из Крыма и дополнительно сосредоточило на подступах к блокированному городу крупные силы артиллерии и авиации, возложив общее руководство операцией на генерал-фельдмаршала Манштейна. Всего этого мы не знали и находились в неведении относительно мероприятий противника. Правда, некоторые признаки накопления сил немцами были заметны еще до начала наступления. Во второй половине августа наша воздушная разведка заметила интенсивное железнодорожное движение с юга в сторону Ленинграда. По заданию штаба фронта партизаны Ленинградской области пустили под откос несколько эшелонов с войсками и техникой врага. Однако тогда не удалось установить, что эти войска принадлежат 11-й армии Манштейна, перебрасываемой с юга. Впрочем, противник, в свою очередь, ничего не знал о подготовке нашего наступления. Следует признать, что обе стороны сумели осуществить подготовку операций скрытно, с широкими мерами маскировки и искусной дезинформацией.

Провели мы тогда и некоторые другие мероприятия, готовя войска фронта к наступлению, в том числе июльский слет

---

[1] *Манштейн Э.* Утерянные победы. М., 1957, с. 267.

снайперов, а также совещания коммунистов и комсомольцев во всех подразделениях.

Операция по прорыву блокады Ленинграда планировалась как совместные действия правого крыла Волховского фронта и Невской оперативной группы Ленинградского фронта. Главная роль отводилась войскам Волховского фронта, которые должны были прорвать оборону противника южнее Синявина, разгромить его мгинско-синявинскую группировку и, выйдя к Неве, соединиться с частями Ленинградского фронта. Для проведения операции привлекались две армии: 8-я и 2-я ударная. Первая занимала оборону на участке будущего наступления; пробившиеся после утомительной Любаньской операции из окружения части 2-й ударной были выведены в июле в резерв, где они приводили себя в порядок, пополнялись людьми и техникой.

По замыслу операции, прорыв немецкой обороны осуществлялся на 16-километровом участке в направлении Отрадного. Этот населенный пункт расположен на берегу Невы неподалеку от места, где сходились грунтовая дорога из Синявина на Колпино и железная дорога из Мги в Ленинград. Если бы удалось разгромить мгинско-синявинскую фашистскую группировку, нам уже ничто не препятствовало бы соединиться с войсками Ленинградского фронта. Любопытно отметить, что 8-я и 2-я ударная армии должны были двигаться примерно тем же путем, каким за 240 лет до этого шли русские войска, изгонявшие во время Северной войны шведов с нашей земли.

Между 8-й армией, находившейся в первом эшелоне (командующий генерал-майор Ф. Н. Стариков), и развивавшей ее действия 2-й ударной армией (в командование ею снова вступил генерал-лейтенант Н. К. Клыков) размещался 4-й гвардейский стрелковый корпус (комкор генерал-майор Н. А. Гаген). Такое построение диктовалось необходимостью преодолеть сильно укрепленные позиции противника с учетом возможности наращивания силы его сопротивления в короткие сроки. Поэтому первые два эшелона предназначались для прорыва обороны на всю глубину, а задача третьего сводилась к разгрому вражеских резервов уже на завершающем этапе операции. Суть идеи заключалась в намерении высокими темпами пробиться к Неве до того, как прибудут немецкие подкрепления с других участков. Важно было учесть также уроки прежних боев. Так, зимой 1941/42 года в связи с жесткими указаниями Ставки относительно оперативного построения сил и, не стану скрывать, отсутствием должной настойчивости

со стороны командования фронтом, а также в связи с особым состоянием войск фронта, которые вели наступательные бои силами лишь двух армий, мы не избежали характерного вообще для операций того времени недочета — нарушения принципа массирования сил и средств на решающем направлении. Теперь построение войск было, как видно, несколько иным.

В указанном виде план операции, разработанный штабом фронта, был одобрен в начале августа Ставкой Верховного главнокомандования. Для пополнения ослабленных соединений фронту выделялось достаточное количество маршевых рот, танков, гвардейских минометных частей, снарядов и материально-технических средств. Чувствовалось, что перестройка всех отраслей народного хозяйства на военный лад решалась успешно. Войска уже во многом не ощущали недостатка. Бросалась в глаза разница по сравнению с зимней кампанией 1941/42 года, когда Ставка наметила Красной Армии задачу быть везде сильной. Но при ограниченном количестве подготовленных резервов, недостатке вооружения и боевой техники достичь этого было невозможно. Получился своего рода просчет, последствия которого, наряду с другими фронтами, испытал на себе особенно болезненно Волховский фронт, поскольку Ставка вынуждена была в первую очередь усиливать войска Западного направления. Там развернулось контрнаступление по разгрому самой активной и наиболее опасной для страны группировки противника. Мы же должны были ждать своего часа и сражаться в весьма трудных условиях. Не то было теперь. Когда мы докладывали в Ставке план операции, И. В. Сталин спросил меня:

— Сколько вам нужно автоматов и винтовок?

— Автоматов 3—5 тысяч, винтовок 5 тысяч,— памятуя о былых затруднениях с оружием, назвал я самую минимальную цифру.

— Дадим 20 тысяч,— ответил Сталин, а затем добавил: — У нас сейчас достаточно не только винтовок, но и автоматов.

21 августа неподалеку от Тихвина встретились Военные советы Волховского, Ленинградского фронтов и командующий Балтийским флотом адмирал В. Ф. Трибуц. Если не считать мимолетных встреч, то это было первое наше продолжительное свидание с Трибуцем после начала войны. Трибуц рассказал мне ряд интересных подробностей того, как наши моряки защищали в 1941 году военно-морские базы на Балтике. Оказалось, что ни одну из них гитлеровцы не сумели захватить с ходу. Оставляли их балтийцы только морским путем, преодолевая

минные заграждения и отбивая налеты вражеской авиации и подлодок. Пять с половиной месяцев длилась оборона красного Гангута — полуострова Ханко в Южной Финляндии. Эвакуация его гарнизона началась в ноябре, а завершилась в первую неделю декабря. Свыше 20 тысяч человек были переброшены с оружием в Ленинград и пополнили ряды его защитников.

В свою очередь мы познакомили ленинградских товарищей с планом операции Волховского фронта и вместе обсудили степень участия в ней Невской оперативной группы, а также артиллерии и авиации Ленинградского фронта. Было решено, что Невская опергруппа во взаимодействии с авиацией свяжет активными действиями войска противника, расположенные в шлиссельбургской горловине, и не допустит поворота их в сторону наступающих частей Волховского фронта. Если у нас произойдет заминка с выходом к Неве, планировались наступательные действия Невской опергруппы с форсированием реки. Правда, командование Ленинградского фронта не прочь было начать наступление одновременно с переходом в наступление Волховского фронта. Но против этого возражала Ставка. Там не забыли апрельских событий, когда Волховский фронт был влит в Ленинградский, а развернувшееся затем наступление потерпело неудачу в основном из-за утраты чувства реальности. Ошибки имеют ту ценность, что на них можно учиться. Поэтому еще в начале августа, когда Военный совет Волховского фронта докладывал свои соображения об операции, И. В. Сталин заметил:

— Ленинградцы хотят форсировать Неву, а сил и средств для этого не имеют. Мы думаем, что основная тяжесть в предстоящей операции должна опять лечь на Волховский фронт. Ленинградский же фронт окажет Волховскому фронту содействие своей артиллерией и авиацией.

Волховский фронт готовился к операции исподволь. Самым примечательным явилось организованное проведение перегруппировки, сосредоточения и развертывания войск в условиях ограниченного количества путей сообщения и при активных действиях авиации противника. В течение месяца по двум железнодорожным линиям с невысокой пропускной способностью была перевезена основная масса соединений и частей, выделенных для проведения операции. Незначительное количество войск шло по грунту.

К сожалению, наши немногочисленные грунтовые дороги в связи с распутицей стали едва пригодны для передвижения

транспорта. Вся тяжесть легла на железные дороги. Большую роль сыграли мероприятия по маскировке и дезинформации в широких масштабах. Чтобы сбить противника с толку, в течение августа средствами оперативной маскировки показывалось большое сосредоточение войск в Малой Вишере. Этот город стекольщиков, кирпичников и швейников лежал восточнее верхнего течения реки Волхов. В результате у немцев создавалось впечатление, что мы готовимся к боевым действиям в районе Новгорода. Кроме того, удачно была использована отправка частей и соединений на Южный фронт. Якобы под этим предлогом грузились и некоторые войска, перевозимые в район Синявина. Эшелоны вначале направлялись в сторону Москвы, затем их поворачивали и через Вологду — Череповец вывозили к Тихвину. Все войска перевозились в закрытых вагонах с надписями: «топливо», «продовольствие», «фураж». Танки маскировали сеном.

Несмотря на господство немецкой авиации в воздухе, противник, даже совершая массированные налеты на железнодорожные узлы и районы выгрузки, не смог помешать перегруппировке. Более того, ему, введенному в заблуждение, не удалось обнаружить ни одного эшелона и определить истинное направление усиленного потока поездов. Это большая заслуга штаба фронта, в первую очередь начальника оперативного отдела, спокойного, выдержанного, внешне, казалось, несколько флегматичного, но находчивого полковника В. Я. Семенова, который совместно с начальником штаба генерал-майором Г. Д. Стельмахом разрабатывал детали плана операции, а затем успешно осуществлял непосредственное руководство перегруппировкой, сосредоточением и развертыванием войск. Нужно было повоевать в то время, чтобы понять, как трудно было этого добиться. Достаточно сказать, что фашистская авиация показывала себя на поле боя с очень сильной стороны.

А в тылу наших войск вражеские самолеты действовали в те месяцы не менее активно. И несмотря на это, наш успех был налицо. Мало того, выход войск в исходные районы также был проведен скрытно и остался незамеченным.

Мы не посылали никаких письменных директив, приказов и других документов по подготовке операции. Все распоряжения отдавались устно и только лично членам военных советов армий и командирам корпусов, которые вызывались для этого непосредственно в штаб фронта. Между прочим, это обстоятельство сейчас отчасти затрудняет военным историкам воссоздание по архивным материалам полной картины происходивших

событий. Понятно, конечно, что в то время я меньше всего думал о пополнении архивов. Меня донимали иные заботы.

А сколько труда и изобретательности вложили войска в подготовку исходного положения: развитие системы траншей и ходов сообщения, оборудование артиллерийских позиций, прокладку дорог и колонных путей. Последнее имело особенно большое значение. От дорог зависел своевременный выход и быстрое развертывание войск, подача резервов и снабжение наступающих частей в ходе боя. Прокладывались отдельно дороги для танков, колесных машин и конно-гужевого транспорта. Каких только дорог здесь не было: по болотам и мокрым лугам шли деревянные настилы из жердей, уложенных поперек на продольных лежнях; имелись и колейные дороги из бревен, пластин или досок, уложенных по поперечным жердям; на сухих местах встречались грунтовые дороги. На всю жизнь запомнились мне дороги из поперечных жердей, уложенных по продольным бревнам. Бывало, едешь по такому пути, и автомобиль беспрестанно трясет, а жерди под колесами «говорят и поют», как клавиши пианино под руками виртуоза. Но как-то раз в конце августа, подъезжая к временному командному пункту 8-й армии, я не услышал обычного «говора» жердей, хотя машина шла по жердевой дороге.

— Стариков, что вы сделали с дорогой? — спросил я командарма, вышедшего мне навстречу.— Она молчит!

— Она не только молчит,— ответил улыбающийся генерал.— Если вы заметили, она стала и значительно прочнее. А через несколько дней тряска вообще исчезнет. Мои инженеры применили не очень трудоемкий, но довольно практичный способ ликвидации ее.

— В чем же он состоит?

— Под настил,— продолжал Стариков,— подсыпается грунт. Ложась на него, жерди уже не вибрируют. Если теперь покрыть настил хотя бы тонким слоем гравия с землей, то тряска исчезнет, причем значительно возрастет скорость передвижения.

— Кто же это предложил?

— Начальник инженерных войск армии полковник А. В. Германович. Он вместе со своим начальником штаба Р. Н. Софроновым разработал план развития дорожной сети, и теперь полным ходом идет его осуществление.

— А это тоже инженеры предложили? — спросил я, указывая на 30-метровую вышку, воздвигнутую неподалеку от временного командного пункта.— И далеко с нее видно?

— Нет, это предложили операторы и артиллеристы, а построили, конечно, инженеры. В хорошую погоду с нее просматривается почти вся местность до Синявина. Мы думаем использовать ее для наблюдения за полем боя, корректировки артиллерийского огня и авиационных ударов. Насколько это нам удастся, трудно сказать. Есть опасение, что лесные пожары — а они, безусловно, возникнут — значительно сузят горизонт наблюдения.

Долго еще длилась беседа с командармом, начальником штаба армии полковником Б. М. Головчинером и другими офицерами штаба.

Тогда же генерал Стариков продемонстрировал средства управления подразделением в лесу: набор свистков различных тонов и звуков. У каждого командира взвода свисток имел свой, отличный от другого звук или тон. По нему солдаты ориентировались, когда заранее условленными сигналами подавались команды. «Сколько изобретательности и старания вкладывают войска в свое повседневное дело! — подумал я.— Каждый так и рвется к победе!» И уверенность в том, что противник будет разгромлен, а блокада прорвана, еще сильнее утвердилась во мне.

К 27 августа подготовительные мероприятия, включая командно-штабные игры на топографических картах, в основном были закончены. Предназначенные для наступления войска давали нам на избранном направлении более чем трехкратное превосходство над противником в живой силе, четырехкратное — в танках, двукратное — в артиллерии и минометах. Так думали мы, не зная о прибытии с юга дивизий Манштейна. Зато мы значительно уступали немцам в авиации. Господство в воздухе над полем боя по-прежнему пока принадлежало врагу.

Появились первые признаки некоторого беспокойства в стане противника. С 25 августа над районом сосредоточения наших войск начали подозрительно кружить вражеские разведчики. Видимо, поток железнодорожных эшелонов, направляемых к Ладожскому озеру, все же привлек внимание немецкого командования. В этих условиях продолжать подготовку операции до полного сосредоточения всех войск становилось рискованно. Противник мог раскрыть наши карты и изготовиться к отражению удара, хотя в его оборонительной полосе пока еще царило спокойствие. Для окончательного решения вопроса о начале операции Военный совет фронта созвал 26 августа совещание командиров и комиссаров соединений

первого и второго войсковых эшелонов. На совещании все заявили о готовности к наступлению и высказались за начало операции утром 27 августа. Этот срок и был принят. Как показали позднее пленные, уже 26 августа противник предупредил свои войска об оживлении в нашем тылу. На 28 августа он наметил усиление обороны и разведку боем. Тем не менее немецкое командование не ожидало наступления, а лишь строило догадки. Поэтому наш первый удар явился неожиданным как в оперативном, так и в тактическом отношении.

27 августа 1942 года после двухчасовой артиллерийской подготовки, завершившейся мощным 10-минутным налетом реактивных снарядов, весь правый фланг и центр 8-й армии от мыса Бугровского на Ладожском озере до опорного пункта Вороново пришел в движение. Наступление началось и в течение двух дней развивалось успешно. На направлении главного удара была пересечена Черная Речка и оборона врага прорвана. К исходу второго дня наши части подошли к Синявину. Уже тогда мы испытывали недостаток патронов для автоматов. А получилось это потому, что на фронте впервые оказалось много автоматов. Командование предупреждало войска бережливее относиться к расходованию боеприпасов. Но, видимо, обращение не возымело должного действия. Как только начиналась атака, бойцы нажимали на спусковой крючок и без передышки выстреливали целые диски. Конечно, здесь сказывался и определенный психологический фактор. С автоматом, прижатым к животу и непрерывно стреляющим, легче идти вперед. Голоса наших ППШ и ППД подбадривали красноармейцев. Да и немцам, несомненно, не мог нравиться рой пуль, свистящих над головой.

Чтобы приостановить наступление, фашисты стали спешно стягивать к месту прорыва отдельные части и подразделения с других участков фронта, резко увеличивая плотность огня. Они бросили в бой все, что было под рукой, подтянули артиллерию и перенацелили почти всю авиацию, базировавшуюся под Ленинградом. Сопротивление вражеских войск с каждым днем возрастало. 29 августа на поле боя появилась 180-я пехотная дивизия немцев, только что прибывшая из Крыма. Усиленная танками 12-й танковой дивизии, снятой с невского участка Ленинградского фронта, она с ходу атаковала наши части. Завязались тяжелые встречные бои. Требовались колоссальные усилия для преодоления каждого метра заминированной территории. Авиация противника непрерывно висела над нашими боевыми порядками. Фашисты засыпали наступающие части снарядами и минами.

Начиная с третьего дня операции наступление сильно замедлилось. Первый эшелон прорвал вражескую оборону на фронте в пять километров и углубился в ее боевые порядки на расстояние до семи километров. На этом дело застопорилось. Уместно поставить вопрос: как могло случиться, что сильная артиллерийская группировка 8-й армии, которая перед началом наступления превосходила артиллерию противника в 2 раза, не смогла проложить путь пехоте? Для ответа предоставим слово генерал-полковнику артиллерии Г. Е. Дегтяреву, который командовал артиллерией фронта, являлся участником наступления, а впоследствии занимался исследованием артиллерийского обеспечения операции. По его мнению, артиллерийские начальники армии и фронта к тому времени еще не нашли правильных форм использования артиллерии и допустили ряд ошибок. Основной ошибкой явилось нарушение принципа массированного использования артиллерии на главном направлении. Вся артиллерия усиления была почти равномерно распределена по дивизиям с плотностью в 70—100 орудий на километр фронта, в то время как общее количество орудий и минометов, участвовавших в наступлении, могло бы обеспечить создание на главном направлении удара плотности в 150—180 орудий на один километр фронта.

Значительно снизило эффект использования артиллерии особой мощности отсутствие в масштабе армии артиллерийской группы разрушения, так как вся артиллерия особой мощности наравне с другими калибрами была «спущена вниз» и распределена по дивизиям. Серьезным недостатком явилось устранение от планирования местных операций командующего артиллерией фронта и его штаба: все было отдано нами на откуп 8-й армии, а артиллерийское начальство армии оказалось не на высоте положения. Командующий артиллерией 8-й армии генерал-майор Безрук со своим штабом спланировал лишь подготовку атаки. Что касается поддержки пехоты и танков, то она предусматривалась в его плане, как это впоследствии выяснилось, только до захвата опорных пунктов, расположенных на переднем крае, а не на глубину всей ближайшей задачи первого эшелона стрелковых дивизий, как это требовалось. Да и вообще обеспечение боя в глубине совсем не планировалось. План маневра артиллерии траекториями и колесами также не был разработан. Не имелось установок на перемещение артиллерии. Стрельба в основном велась не по целям, а по площади, вследствие чего система огня противника осталась ненарушенной. Не случайно атакующая пехота несла большие

потери и быстро утрачивала боеспособность [1]. Выводы на будущее должны были сделать для себя и командование фронтом, и его штаб.

Атаки 8-й армии день ото дня становились слабее. На пятые сутки удары первого эшелона уже не приносили желаемых результатов. Этот момент командование фронтом сочло подходящим для ввода в сражение второго эшелона. Поэтому, когда 31 августа мы вместе с начальником штаба генералом Стельмахом и членом Военного совета генералом Запорожцем прибыли на командный пункт 8-й армии, к нашему приезду был вызван командир 4-го гвардейского корпуса генерал Гаген, получивший затем приказ на ввод корпуса в сражение. Информируя Военный совет Ленинградского фронта о решении ввести в дело второй эшелон, мы поставили ленинградских товарищей в известность, что противник в спешном порядке перебрасывает к участку нашего наступления свои резервы, расположенные на стыке Ленинградского и Волховского фронтов, а также снимает войска со многих участков Ленинградского фронта. Тогда же мы напомнили, что наступил самый благоприятный момент для активных действий Ленинградского фронта. Но его войска не смогли нанести встречного удара.

Как же действовал наш второй эшелон? Развертывание 4-го гвардейского стрелкового корпуса проходило в трудных условиях. Бойцы преодолевали обширные Синявинские болота, в ходе боя прокладывали дороги и одновременно отражали атаки противника. Ввод корпуса в сражение не был должным образом обеспечен артиллерийским огнем и авиацией. Командующий артиллерией 8-й армии и здесь, вместо того чтобы направить на обеспечение корпуса большую часть артиллерии, использовал только шесть артиллерийских полков и один полк гвардейских минометов (реактивная артиллерия) из имевшихся в его распоряжении двадцати четырех полков, а мы не проконтролировали этого. Непорядки допускались и в вопросах управления, которое то и дело нарушалось. Между родами войск не было организовано тесного взаимодействия. Командир корпуса генерал Гаген, ранее проявлявший себя с положительной стороны, на этот раз не сумел осуществить твердого руководства. Командованию фронтом пришлось вмешаться в управление боевыми действиями корпуса. Но время было упущено, и задача

---

[1] См.: *Дегтярев Г. Е.* Особенности артиллерийского обеспечения фронтовой и армейской наступательных операций в лесисто-болотистой местности. М., 1949, с. 51—52.

выйти к Неве осталась не выполненной ни к 1 сентября, ни в последующие дни наступления.

К 5 сентября наибольшая глубина прорыва составила девять километров. К этому времени нашим войскам противостояло пять пехотных, три горно-егерские и одна танковая немецкие дивизии. Фашистское командование подтянуло к участку прорыва большое количество артиллерии, в том числе тяжелой, а также особой мощности, переброшенной из Крыма или снятой непосредственно из-под Ленинграда, и нацелило на место прорыва большую часть авиации 1-го воздушного флота. Чтобы избежать катастрофы, вспоминал Манштейн, Гитлер приказал ему немедленно взять на себя командование этим участком фронта [1]. Сначала только отдельные пехотные части, а затем целые дивизии и артиллерийские части из армии Манштейна, предназначенной для штурма Ленинграда, были втянуты в бой по отражению наступления Волховского фронта, пока в него не ввязались все те соединения 11-й армии, которые оказались на севере. Отходить от Ленинграда и прекратить его блокаду фашисты не хотели. Помимо всего прочего, это было связано еще и с судьбой северного союзника Германии: Финляндия в случае неудачи под Ленинградом могла выйти из войны. «Учитывая еще интересы финнов, нельзя было ослаблять тесное кольцо вокруг Ленинграда,— писал генерал Типпельскирх,— хотя русские и доказали, что они даже без железнодорожного сообщения могут снабжать отрезанный город. Требовалось также удерживать фронт на Волхове, так как он обеспечивал фланг наступающих на Ленинград войск...» [2]

Скоро наступило равновесие сил. После 4 сентября мы не смогли продвинуться ни на один метр. Противник отбивал все атаки наших войск. Тогда Военный совет фронта решил ввести в бой третий эшелон. Одновременно наносила встречный удар Невская оперативная группа Ленинградского фронта. На этот раз она начала действовать более активно. Но и это не помогло изменить ход событий. 2-й ударной армии удалось ликвидировать несколько огневых точек врага и местами улучшить занимаемое войсками положение. Однако для развития наступления сил оказалось недостаточно. Справедливость требует отметить, что 2-я ударная армия не оправдывала тогда свое громкое название. К моменту ввода в сражение в нее входила одна стрелковая дивизия восьмитысячного состава и одна

---

[1] См.: *Манштейн Э.* Утерянные победы, с. 266.

[2] *Типпельскирх К.* История второй мировой войны, с. 240.

стрелковая бригада. Поэтому никакого наращивания сил не произошло, и удар получился слабый. Это отмечали и фашисты. В журнале боевых действий группы армий «Север» за 9 сентября 1942 года было записано: «Противник вновь атакует восточный фронт, более слабыми силами, чем до сих пор». Неудачно развивались действия и Невской оперативной группы. Попав под удар артиллерии и авиации, ленинградцы вскоре лишились почти всех переправочных средств. Форсирование Невы затормозилось. Малочисленные подразделения, которым удавалось пересечь реку, сбрасывались противником в воду. Чтобы избежать напрасных потерь, Ставка Верховного главнокомандования в директиве от 12 сентября Военному совету Ленинградского фронта приказала операцию по форсированию Невы временно прекратить.

Отразив наступление 2-й ударной армии, немецкие войска, в свою очередь, сами нанесли 10 сентября удар по нашим флангам у основания прорыва. Завязалось упорное встречное сражение, вынудившее 2-ю ударную армию перейти к обороне. В последний раз эта армия сумела вклиниться в расположение врага 17 сентября. 20 сентября противник перешел в контрнаступление, пытаясь отрезать наши авангардные части. Предварительно Манштейн получил крупные подкрепления: две бомбардировочные эскадрильи с Центрального фронта, две — с Южного, одну — из Кенигсберга и еще две группы бомбардировщиков — со Сталинградского фронта. Шесть пехотных дивизий, три горно-егерских и части танковой дивизии врага стали сжимать клещи вокруг нашего авангарда. На земле и в воздухе развернулось ожесточенное артиллерийско-авиационное сражение. Бывая в те дни на переднем крае, я вспоминал весенние бои за подступы к Любани и у Мясного Бора. В районе вклинения непрерывно рвались снаряды и мины. Горели леса и болота, земля застилалась густым едким дымом. За несколько дней этой невероятной по своей силе артиллерийско-минометной и авиационной дуэли весь участок был превращен в изрытое воронками поле, на котором виднелись одни обгорелые пни.

Наши войска упорно пытались закрепиться на достигнутых рубежах, возводя в ночные часы оборонительные сооружения. Но днем противник непрерывной бомбежкой сравнивал их с землей. Затем за ночь наши бойцы снова их возводили. Так продолжалось несколько суток. 27 сентября пришлось отдать приказ о выводе всех наших частей, находившихся западнее Черной Речки, на восточный берег. 28 сентября наш арьергард

контратаковал фашистские соединения, прикрывая отход, а в ночь на 29 сентября началась переправа. С болью в сердце оставляли мы эти метры родной земли, искалеченной пролетевшим над ней военным ураганом.

В те дни в районе охвата врагом наших войск создалась тяжелая обстановка. Соединения и части перемешались между собой, управление ими то и дело нарушалось. Из 2-й ударной армии поступали разноречивые сведения. Это дало повод Ставке упрекнуть нас в незнании того, что делалось на местах, и в недостаточно твердом руководстве боевыми действиями. Чтобы оказать непосредственное влияние на организацию вывода войск, я выехал на командный пункт 4-го гвардейского стрелкового корпуса к его командиру генерал-майору С. В. Рогинскому, который в первых числах сентября сменил неудачно действовавшего на этом посту генерала Гагена. Пункт находился в зоне артиллерийского обстрела. Вокруг блиндажа командира корпуса непрерывно рвались снаряды. Вскоре после того как я прибыл, мне доложили, что моя машина повреждена. Такая же участь постигла и вторую машину, присланную из штаба фронта. Пока я находился в корпусе, меня несколько раз вызывали из Ставки к прямому проводу, и когда 30 сентября я стал докладывать в Ставку о выводе войск, Сталин прежде всего спросил:

— Почему не подходили к прямому проводу?

— У меня разбило две машины,— ответил я.— А главное, я опасался, что если я уйду с командного пункта, то за мной потянется штаб корпуса.

Из дальнейшего разговора мне стало понятно, что в Ставке не меньше нашего опасались за устойчивость фронта по Черной Речке.

Основная масса войск закончила выход на восточный берег к рассвету 29 сентября. Остальные подразделения вышли в ночь на 30 сентября. После этого активные боевые действия были прекращены. Наши войска, а также и войска противника возвратились примерно на старые позиции. Артиллерийская дуэль и взаимные налеты авиации как бы по инерции продолжались затем несколько дней, но наступательных действий не предпринималось.

Невская оперативная группа вела бои до 6 октября. Фашистское командование прилагало немало усилий, чтобы сбросить в воду форсировавшие Неву части, но славные воины Ленинградского фронта сумели удержать за собой два небольших плацдарма.

Таков был конец Синявинской операции. Волховскому и Ленинградскому фронтам не удалось в то время прорвать блокаду Ленинграда. Однако расчеты гитлеровского командования взять штурмом город Ленина потерпели полный крах. Соединения армии Манштейна, имевшие, по мнению гитлеровских лидеров, богатый опыт по захвату приморских городов, были разгромлены (еще до ввода их в бой непосредственно за Ленинград) на Синявинских высотах и в близлежащих лесах. Как признался генерал-фельдмаршал Манштейн, «о наступлении на Ленинград теперь не могло быть и речи» [1]. Потери немецких войск убитыми и пленными составили около 60 тысяч человек, а в технике — 260 самолетов, 200 танков, 600 орудий и минометов. По показаниям пленных, в ротах большинства дивизий осталось в строю по 20 человек. «Лучше трижды побывать в Севастополе, чем оставаться здесь»,— говорили пленные.

Теперь внимание немецко-фашистского командования было серьезно и надолго приковано еще и к Северо-Западному направлению. Враг не только не посмел перебросить имевшиеся здесь резервы на другие направления, но даже вынужден был усиливать группу армий «Север» за счет частей, прибывавших из Западной Европы и с центрального и южного участков своего Восточного фронта. А ведь эти части были жизненно необходимы немцам под Сталинградом. Активные действия Волховского и Ленинградского фронтов облегчили борьбу наших войск против вражеских полчищ на Волге.

Я рассказал здесь лишь о нескольких незабываемых для меня страницах боевой эпопеи 1942 года. Страницы эти повествуют не только о наших победах. Что было, то было. Хочется подчеркнуть главное. А главное состояло в том, что в тяжелую годину не было для нас более святого долга, чем служить делу разгрома врага. И, перебирая в памяти всех тех, кого я знал и с кем сталкивался на фронте в то горячее время, могу сказать, что абсолютное большинство этих людей заслуживает самого доброго слова. Советские воины стояли насмерть и выстояли. В огненных сполохах 1942 года уже проглядывало сияние будущего торжества нашего великого дела. Победа мерцала на вершине горы, а подъем на нее был труден и опасен. Стиснув зубы и поддерживая друг друга, совершали мы это восхождение, и чем ближе виднелась цель, тем увереннее становилась поступь. Но пока впереди было еще три года войны.

---

[1] *Манштейн Э.* Утерянные победы, с. 267.

Прорыв блокады

Взгляните на карту.—
Путешествие вдоль Волхова.—
Встречи в Ленинграде.—
Приходилось работать вместе.—
Это сделает ударная группировка.—
Началось в 9.30.—
Сверкание «Искры».

На карте Приволховье выглядит в основном двухцветным: зеленым и голубым, что соответствует господствующему здесь водно-лесному ландшафту. Очень красивый вид. На самом же деле Волхов и его притоки обладают всей гаммой бурых цветов, от грязно-желтых до кофейно-коричневых. Тот же оттенок присущ воронке от снаряда, землянке и каждому окопу. Но землянки и окопы в Приволховье были редким явлением, особенно осенью, когда почва от беспрерывных дождей становилась хлюпающей и булькающей — вода и грязь кругом.

Когда артиллеристы получали приказ оборудовать огневые позиции, они приступали к выполнению его с рубки деревьев под платформы. Эти платформы укладывали в болото, затем через многие километры бездорожья сооружали бревенчатые настилы, чтобы доставлять по ним орудия и боеприпасы. Если сделать это было невозможно или же не хватало времени, то бойцы вытягивались в цепочку и по этому своеобразному конвейеру передавали боеприпасы на передовую. В лучшем случае их перевозили на лошадях.

К осени 1942 года развернулись решающие события под Сталинградом. Наши войска после жесточайших боев остановили фашистское наступление, а в ноябре перешли в контрнаступление, увенчавшееся блистательной победой.

Битва на Волге поглощала резервы Ставки. Волховский фронт, накапливая резервы для предстоящих боев, для прорыва блокады Ленинграда, мог рассчитывать лишь на сравнительно незначительные пополнения.

Но где же мы нанесем удар по врагу? Снова у Синявина? Или пробьемся к Чудову? А может быть, обойдем вражеские позиции далеко с юга, от Новгорода?

День и ночь шли разведпоиски. Допрашивали пленных. Изучали документы, добытые во вражеских штабах. Обобщали сведения, полученные от партизан.

Чуть западнее места впадения Вишеры в Волхов вросло в землю наше небольшое предмостное укрепление. Южнее

по обе стороны 250-метровой реки раскинулся Новгород. В воде отражались его древние строения. Дома стояли с бесформенными зубчатыми проемами. Городские улицы перепоясаны вражескими окопами. На колокольнях установлены пулеметные точки и оборудованы наблюдательные пункты. С обратных скатов холмов, на которых стоит город, в нашу сторону то и дело с визгом неслись фашистские мины.

Важным опорным пунктом обороны противника, если двигаться с юга на север, был также Званковский 40-метровый холм. Даже в самое сильное половодье вершина холма оставалась сухой. Гитлеровцы превратили этот холм в мощную артиллерийско-минометную цитадель. Каждый день и каждую ночь холм изрыгал огонь и свинец, на многие километры вокруг сея разрушение. К сожалению, нам приходилось беречь боеприпасы для решительной схватки. Мы охотно превратили бы эту цитадель в гроб для врага.

Недалеко от того места, где шоссейная дорога из Будогощи в Чудово пересекала Волхов, стояло селение Грузино. Прямо через него шел передний край фашистского предмостного укрепления. Разбитое артиллерийскими снарядами, оно служило вражеской авиации одним из наземных ориентиров. Здесь фашистские самолеты делали поворот от реки Волхов к железной дороге Москва — Ленинград, в сторону Горнешно и Малой Вишеры. Гитлеровский генерал-полковник Линдеман поставил перед правым флангом 18-й армии задачу любым способом удержать в своих руках грузинский форт. Сюда беспрестанно подвозились подкрепления, которые каждую ночь переправлялись на правый берег реки на надувных лодках. Мы не жалели и боеприпасов для этого участка даже в дни самого скудного снабжения, и наша артиллерия честно трудилась над тем, чтобы вдолбить захватчикам, чья это земля.

В свою очередь нам еще зимой 1941 года удалось захватить на левом берегу Волхова, между устьями Оскуи и Тигоды, плацдарм, требовавший постоянного внимания. Линия фронта тянулась здесь через покрытые буреломом болота и по островкам, выглядевшим как плавучие рощи. Передвижение тут было возможно только по настилам. Дождливыми ночами, сгибаясь под тяжестью, колонны подносчиков тащили на себе патроны, снаряды и продовольствие, а возвращаясь, выносили раненых. После дождя настилы скрывались под водой. Тогда люди передвигались в болотной жиже иногда по пояс, толкая перед собой плотики, проваливались в воронки, кое-как обходили пни, кусты и затопленные проволочные заграждения.

Укрепляя плацдарм, наше командование заботилось о быте бойцов в этих суровых природных условиях, которые тоже надо было победить. Вколотив в болото сваи, бойцы крепили к ним пол. Этот пол через несколько дней, как правило, уходил под воду. Тогда строился новый, а внутри блиндажа, под самым потолком настилали полати, на которых лежали наши воины, ведя огонь через прорубленные отверстия-амбразуры. После дождя приходилось перебираться на крышу. Блиндаж превращался в островок, на котором советские воины честно несли боевую службу.

6 октября 1942 года закончилась наша Синявинская операция. В ходе ее были созданы предпосылки для развертывания мощного зимнего наступления с целью соединить Большую землю и осажденный Ленинград прочным коридором. Задачу эту должны были выполнить войска Ленинградского и Волховского фронтов. Координация их действий возлагалась на Маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова и генерала армии Г. К. Жукова. Прибыв к нам на фронт, они стали знакомиться с деталями обстановки. Предстоящая операция, которую мы с ними обсуждали, могла оказаться удачной, если действия Ленинградского и Волховского фронтов будут строго согласованы. Необходимо было встретиться с Л. А. Говоровым. Учитывая сложность положения в Ленинграде, мы пришли к выводу, что Леониду Александровичу лучше остаться на месте, а мне приехать к нему. Получив на это разрешение Ставки, я тотчас отбыл.

Шел конец октября. Во все глаза глядел я на знакомые, родные мне улицы города. Эти улицы, некогда шумные и торжественно-парадные, были пустыми, безжизненными. Горький комок подкатывал к горлу.

— Какое участие сможете вы принять в предстоящей операции? — спросил я Говорова.

— Мы можем нанести встречный удар, но в том месте, где ваши войска находятся близко к Ленинграду. На глубокую операцию у нас сил не хватит,— ответил он.

Стало ясно, что прорывать блокаду придется где-то возле Ладоги. Это ставило перед волховчанами очень сложные задачи, особенно если учитывать, что здесь, в районе шлиссельбургско-синявинского выступа, только что закончились бои, не давшие желаемого результата. А не сдвинуть ли место нанесения удара несколько севернее? Непосредственно вдоль Новоладожского канала операции не велись с осени прошлого года, когда сюда прорвалась через Мгу 18-я немецкая армия,

замкнувшая кольцо блокады у Шлиссельбурга. Это направление являлось самым сложным вследствие наличия здесь чрезвычайно мощных вражеских укреплений, но зато и самым коротким. Нам нужно было преодолеть всего 12-километровую полосу между Шлиссельбургом и Липками, или по шесть километров каждому из наших двух фронтов. Еще 17 ноября ленинградцы представили в Ставку свои соображения по плану совместной операции обоих фронтов, а также флота. Большое участие в ее разработке принимал Г. К. Жуков.

Что касается сроков операции, то даже самое интенсивное накопление тех пополнений, которые нам обещала Ставка, не позволяло начать сражение раньше января 1943 года. Еще легче было бы начать активные действия в феврале. Однако Ленинград не мог столько ждать. Мы согласовали рубеж встречи двух фронтов — примерно в районе железнодорожной ветки, что шла через Рабочие поселки № 5 и № 1.

Разработанный план предусматривал встречный удар двух фронтов с целью разгрома группировки противника к югу от Ладоги и прорыва блокады Ленинграда в самом узком месте, при участии со стороны волховчан большего числа дивизий. Данный план операции как раз и был представлен в Ставку и приблизительно через месяц одобрен ею. Декабрь отводился на непосредственную подготовку. В начале января нам с Говоровым предлагалось встретиться еще раз, чтобы уточнить детали взаимодействия. А пока на наши фронты стали подвозить боеприпасы и новую технику. И снова для ленинградцев при подготовке операции большую роль сыграла «дорога жизни». В середине декабря, когда окончательно стал ладожский лед, автомашины длинной чередой опять потянулись через острова Зеленец.

Гитлеровцы, предвидя возобновление деятельности этой трассы, попытались несколько раньше перерезать ее, но у острова Сухо были разбиты, и ледовая дорога заработала беспрепятственно, если не считать интенсивных налетов фашистской авиации. В целом операция по прорыву блокады получила условное наименование «Искра».

8 декабря мы получили директиву из Ставки на прорыв блокады. Руководство нашим фронтом к тому времени претерпело некоторые изменения. Членом Военного совета фронта был назначен генерал-лейтенант Л. З. Мехлис, начальником штаба генерал-лейтенант М. Н. Шарохин. Новый начальник штаба свои обязанности выполнял хорошо, со знанием дела. О Мехлисе стоит сказать несколько слов особо. Это был

человек с крайне резким характером. Он воспринимал все весьма упрощенно и прямолинейно и того же требовал от других. Способностью быстро переориентироваться в часто меняющейся военной обстановке он не обладал и наличие этой способности у других рассматривал как недопустимое по его понятиям «применение к обстоятельствам».

Весной 1942 года Мехлис был представителем Ставки на Крымском фронте. Известно, что там он не оправдал возлагавшихся на него надежд. Неудача в Крыму, видимо, кое-чему его научила. Возможно, он понял, что вопросы тактики, военного искусства не его сфера деятельности. Так или иначе, но Мехлис на Волховском фронте занимался главным образом политработой и организацией снабжения всем необходимым. Справедливость требует отметить, что для подготовки операции «Искра» он сделал немало. Это был человек честный, смелый, но склонный к подозрительности и очень грубый. От Сталина он никогда ничего не скрывал. Сталин это знал и поэтому доверял ему. В результате, если Мехлис о чем-нибудь писал Верховному главнокомандующему, ответные меры принимались весьма быстро. В армии не хватало погонов, и интендантство стало выдавать какие-то тряпочки. Мехлис написал Сталину. На следующий же день отличные погоны доставили самолетами. Так же получилось, когда вместо махорки на фронт привезли табачные листья.

Приведу еще пример, в какой-то степени, на мой взгляд, раскрывающий некоторые черты характера Мехлиса.

Представитель Ставки маршал К. Е. Ворошилов, находясь в Военном совете Ленинградского фронта, вызвал меня с Мехлисом. Мы прилетели. Я чувствовал себя очень переутомленным, так как не спал перед этим не то двое, не то трое суток, и не сразу понял, когда вошел в помещение, о чем меня спросил Ворошилов. Помню, что ответ мой был невразумительным. Ворошилов выразил неудовольствие. Тогда вмешался Мехлис. Он начал отвечать на вопрос представителя Ставки очень резко, допуская даже оскорбительные выражения. Если бы нас было трое, то Ворошилов тут же указал бы Мехлису на его место, и на этом инцидент был бы исчерпан. Климент Ефремович сам не жаловался и не любил, когда другие лезли с пустяковыми жалобами «наверх». Однако мы были в тот момент не одни, а это означало, что Сталин все равно может узнать об этом неприятном инциденте. Поэтому я предложил Мехлису, чтобы он сам составил на имя Верховного главнокомандующего докладную записку о своем проступке. Через полчаса Мехлис

показал мне текст, в котором строго осуждал свое поведение и считал, что за оскорбление вышестоящего начальника заслуживает сурового наказания.

Итак, мы готовились к прорыву блокады. Изучая карту, я в который раз с сокрушением отмечал, сколь сильно укреплен противником участок между населенными пунктами Липки и Мишкино. Этот участок, на котором находилась 18-я гитлеровская армия, представлял собой мощный полевой укрепленный район с разветвленной системой противопехотных и противотанковых препятствий и заграждений, сплошных минных полей и дополнительных инженерных конструкций вдоль глубоких канав на торфоразработках. Он был труднодоступным для наших танков и тяжелой артиллерии. Линия обороны врага расчленялась на пять узлов сопротивления, созданных вокруг Липки, Рабочего поселка № 8, рощи Круглой, Гайтолово и Тортолово. Множество артиллерийских и пулеметных позиций, сплошные траншеи и минные поля, густые проволочные заграждения и два довольно высоких вала, покрытых льдом,— вот каким был участок, по которому должны были наступать войска Волховского фронта.

Мы начали готовить ударную группировку. Ее основу составила 2-я ударная армия под командованием генерал-лейтенанта В. З. Романовского. В эту армию мы перебросили значительное количество артиллерии из других армий, фронтовой резерв и все, что нам смогла дать Ставка. У немцев плотность войск на данном участке почти вдвое превосходила предусматриваемую их уставами. Но и мы смогли обеспечить на каждый километр фронта в среднем 160 орудий и минометов. Это позволило создать необычайно высокую плотность огня. Синявинские промахи не прошли даром. Вообще артиллерийскому наступлению уделялось особое внимание. Кроме того, на предварительных совещаниях, а затем во время специальных учений мы отрепетировали гармоничное сочетание артиллерийского наступления с авиационным. Для этого на правый фланг фронта перенацелили почти всю фронтовую авиацию в составе 14-й воздушной армии генерал-майора авиации И. П. Журавлева.

Было бы неразумной тратой сил атаковать вражеские узлы сопротивления в лоб. Но и полностью обойти их тоже не представлялось возможным из-за специфических условий местности. Начштаба М. Н. Шарохину со своими сотрудниками пришлось тщательнейшим образом изучать позиции противника, чтобы организовать наступательные действия с максимальным эффектом, а нашим войскам понести наименьшие потери.

Вот ведь какова военная действительность! Когда военачальник планирует операцию, он не только понимает, что будут человеческие жертвы, но и предусматривает примерно возможные потери, так как не хочет просчитаться и понести потом в результате недооценки ряда факторов еще бо́льшие потери. В этом состоит одна из особенностей военной профессии. Для спасения миллионов бросаем в бой десятки тысяч людей, зная при этом, что многие тысячи погибнут. Такова военная логика. Приходится, к сожалению, учитывать предстоящие потери. Но это не делает все же человека некоей бездушной машиной. Я всегда сильно переживал любые потери. Вынужден сказать здесь об этом, даже если кто-либо и расценит это как присущую мне слабость.

Весь декабрь войска напряженно готовились к предстоящей операции. Состоялись сборы командного состава. Были проведены командно-штабные игры. Части и подразделения тренировались в учебных городках, сооруженных по примерному образцу тех узлов обороны, которые доведется затем преодолевать. Аэрофотосъемка дала богатый материал, и наши военные инженеры быстро возвели некое подобие вражеского ледяного вала, дотов на болоте и различных полевых укреплений. Командиры соединений досконально отрабатывали вопросы взаимодействия родов войск. Я несколько раз проверял их готовность к осуществлению задания. Все мы учились на уроках Синявинской операции.

В начале января 1943 года я снова встретился с Л. А. Говоровым. Мы обстоятельно обсудили предстоящие совместные боевые действия, договорились о рубежах встречи. Было решено, что если войска одного из фронтов не сумеют дойти до намеченной для них линии, то войска другого не приостанавливают продвижения, а продолжают двигаться навстречу, вплоть до соединения. Наметили мы и серию условных сигналов, чтобы при встрече не ошибиться. Уточнили методы поворота наших дивизий после их соединения на юг, чтобы согласно директиве Ставки готовить удар через Синявино в сторону среднего течения Мойки. Мы с Леонидом Александровичем понимали друг друга с полуслова.

Вплоть до 11 января войска стояли на прежних позициях. Я запретил раньше времени даже приближаться к исходному положению, чтобы скрыть готовящееся наступление от вражеской разведки. Только в ночь на начало второй январской декады соединения, части и подразделения заняли исходное положение. Сутки спустя наша 14-я воздушная армия нанесла мас-

сированный удар по тылам противника. Теперь штаб 18-й немецкой армии, конечно, уже понял, где русские будут наступать, но изменить что-либо за несколько часов не смог.

12 января в 9.30 тонны смертоносного металла обрушились на фашистские позиции. Около двух часов длилась авиационно-артиллерийская подготовка, а потом советские дивизии рванулись вперед. Почти сразу же обозначился участок максимального сопротивления врага — роща Круглая, причинившая нам столько неприятностей еще во время Синявинской операции. Весь день здесь шел ближний бой, неоднократно переходивший в рукопашные схватки. Фашисты в плен почти не сдавались и стреляли до последнего патрона, но хода событий это не изменило. К вечеру узел сопротивления пал, и 327-я дивизия, переименованная за свой подвиг в 64-ю гвардейскую, развернула наступление на место сосредоточения 207-й охранной дивизии гитлеровцев, обходя с севера Рабочий поселок № 7.

13 и 14 января я приказал ввести в бой второй эшелон. 18-я стрелковая дивизия генерал-майора М. Н. Овчинникова, поддержанная 98-й танковой бригадой, прорвалась к Рабочему поселку № 5. В те же часы к нему подходила с запада 136-я дивизия ленинградцев. Обойденные со всех сторон узлы сопротивления Липки и Рабочий поселок № 8 были изолированы и отрезаны. Все попытки свежих фашистских соединений, подброшенных из Мги, пробиться к ним на выручку не имели успеха. 14 января ушло на закрепление достигнутого. Еще одно усилие, и вот он — Ленинград, город-герой, уже протягивающий руку навстречу волховчанам! Всего два, самых тяжелых, километра оставалось пройти нашим фронтам, чтобы блокада дала трещину.

15—17 января воины двух фронтов упорно продолжали пробивать соединительный коридор, отвоевывая у врага метр за метром и одновременно расширяя на флангах бреши в фашистской обороне. Труднее шло дело к югу. В направлении на Мойку наши войска натыкались на возрастающий отпор и все более сложные для преодоления препятствия. Легче удавалось продвигаться на север, поскольку с этой стороны немцы, зажатые между советскими дивизиями и Ладогой, не могли получать подкреплений. Они скопились севернее Рабочего поселка № 1 в ударный кулак с целью рассечь боевые порядки 372-й дивизии и прорваться в Синявино. Но наша 12-я лыжно-стрелковая бригада совершила по ладожскому льду марш-бросок в тыл противника и прервала связь вражеской группы с Липками.

Тогда же 372-я дивизия с помощью 122-й танковой бригады освободила Рабочий поселок № 8. В результате положение частей фашистов под Липками стало безнадежным, и бойцы 128 дивизии сломили их сопротивление. Наконец 64-я гвардейская и 376-я дивизии ворвались на станцию Синявино (ее не нужно путать с одноименным поселком).

Синявино, Липки, Рабочий поселок № 8... Стоит ли так часто упоминать все эти названия? Стоит! Здесь шли дни напряженнейших боев, преодолевались сотни и десятки метров заветного пути в Ленинград, здесь советские воины совершали подвиги. Один бросился на ствол фашистского пулемета; другой взорвал гранатой себя вместе с десятком вражеских солдат; третий, еще не излечившись от ран, вернулся из медсанбата в строй; четвертый дополз под огнем до занятого врагами поселка, засел в крайнем доме и отбил несколько атак фашистского подразделения, пока не подоспело наше подкрепление. Вот я листаю нашу тогдашнюю фронтовую газету. С каждой страницы веет героизмом. Карандаш фронтового журналиста смог зафиксировать далеко не все. Многие подвиги не получили отражения в печати.

Не могу при этом умолчать об одном случае. Во время прорыва нами вражеской обороны фашистское командование бросило в бой новый тяжелый танк «тигр», ранее проходивший испытание под Сталинградом. Он предназначался для участия в штурме Ленинграда. И вот это чудовище остановили наши пехотинцы-бронебойщики, повредив смотровые приборы танка. Экипаж не выдержал и бежал, бросив в целом исправную машину. Фашисты долго держали ее под непрерывным огнем и даже пытались отбить танк контратаками. Позднее я распорядился переправить «тигр» на наш опытный полигон, где изучили стойкость его брони и выявили уязвимые места. Наша промышленность создала новые, очень мощные снаряды и САУ — самоходно-артиллерийские установки со 152-миллиметровым орудием. И летом 1943 года, предприняв массированные атаки тяжелыми танками на Курской дуге, гитлеровцы не застали нас врасплох. Герои-бронебойщики Волховского фронта посодействовали срыву фашистского плана «Цитадель».

18 января — день великого торжества двух наших фронтов, а вслед за ними всей Красной Армии, всего советского народа. На последний рубеж промежуточной обороны, проходивший по Рабочим поселкам № 1 и 5, 18-я фашистская армия дополнительно выделила из каждого своего соединения по подразде-

лению. Но тщетно! 18-я дивизия волховчан на юге и 372-я дивизия на севере вместе с героическими защитниками Ленинграда прорвали фашистское кольцо.

Фронтовые будни

Коридор упирается в Мгу.—
Что диктуют обстоятельства.—
Случай на КП.—
«Дорога победы».—
Дружба с партизанами.—
Интернациональное братство.—
По страницам фронтовой газеты.—
«Тигр» и волховчане.—
Вишневский и Молчанов.—
Награды заслуживают оба.—
Как вращались жернова «мельницы».—
Близится день разгрома врага.

Боевые действия Волховского фронта в 1943 году, после прорыва ленинградской блокады, проходили в условиях, едва ли не труднейших из всех, выпавших на долю его воинов. С конца января и по декабрь этого года наши войска, сохраняя в большинстве случаев перевес на правом крыле фронта, в районе Гайтолово — Мишкино — Вороново, осуществляли серию местных операций с задачами, во-первых, сделать непробиваемой южную стенку коридора, который связывал теперь Ленинград и Приволховье; во-вторых, раздвинуть коридор, чтобы укрепить связь с Ленинградом и Балтикой, сделать ее надежнее, лучше снабжать их и готовиться к последующим наступательным действиям. Поскольку северным рубежом коридора служило побережье Ладожского озера, расширить путь к Неве можно было, лишь отодвигая другой его рубеж к югу. А это означало в первую очередь овладеть участком железной дороги Мишкино — Мга — устье реки Тосна. Противник же ни за что не хотел допустить полной ликвидации окружения Ленинграда и всячески старался удержать район Мги.

В результате участок Тосно — Келколово — Михайловский — Тортолово стал ареной тяжелых позиционных боев. Пробив брешь во вражеском кольце вокруг Ленинграда, советские бойцы решили главную задачу, стоявшую в то время перед нашими двумя фронтами. А Верховное главнокомандование Красной Армии получило тогда возможность нацелить советские войска продолжать ликвидацию окруженных фашистских

войск западнее Сталинграда, на полное освобождение Северного Кавказа и разгром противника в верховьях Дона. Потом было положено начало освобождению Украины, нанесены мощные удары на Северо-Западном и Центральном фронтах.

Обстоятельства диктовали Ставке направлять главные ресурсы на юг и в центр. Поэтому, ставя перспективную задачу Волховскому и Ленинградскому фронтам, Верховное главнокомандование требовало во что бы то ни стало удержать коридор в Ленинград. И вот почти двенадцать месяцев два боевых соседа, оба наших фронта, вели то затухавшие, то разгоравшиеся боевые действия в направлении на станцию Мга. Одновременно мы осуществляли вспомогательные операции на некоторых иных участках. В своей совокупности они создали предпосылки для последующего рывка в Прибалтику. Однако предпосылки эти создавались в ходе долгих и изнурительных боев за отдельный холмик, берег болота, группу деревьев, устье речки, небольшой плацдарм и т. д.

* * *

В зимний период боев за Мгу произошел памятный случай. После прорыва ленинградской блокады 54-я армия проводила операцию, направленную на то, чтобы не позволить врагу создать под Мгой сильную группировку с целью ликвидировать только что созданный коридор к югу от Ладоги. Армия нанесла удар в сторону Чудова, сумела отвлечь на себя фашистские войска, предназначенные для прорыва к Шлиссельбургу, и свою задачу выполнила. Знакомиться с обстановкой в этом районе прибыл представитель Ставки К. Е. Ворошилов. Я сопровождал его. Мы были на командном пункте дивизии, вклинившейся в расположение противника. Вдруг поднялась стрельба. Выскакиваем из землянки. В чем дело? Оказалось, что вражеский десант автоматчиков при поддержке самоходок прорвался и окружает КП. Мы, вероятно, сумели бы пробиться к своим, но, отвечая за безопасность представителя Ставки, я не мог рисковать. Связываюсь по телефону с 7-й гвардейской танковой бригадой и приказываю прислать на выручку танки. Комбриг докладывает, что все боевые машины выполняют задание, налицо один танковый взвод, да и тот после боя не в полном составе.

Делать нечего. Пока пара танков мчится к КП, организуем круговую оборону подручными силами. Несколько связистов и личная охрана развернулись в жидкую цепочку и залегли с автоматами. Минут пятнадцать отбивались. Но вот показались

наши танки. Сразу же наши бойцы поднялись в атаку, следуя за танками, смяли фашистов и отбросили на полкилометра, а потом подоспевшая пехота завершила разгром прорвавшейся вражеской группы. Когда стрельба улеглась, в блиндаж вошел танкист, весь в копоти, и доложил: «Товарищ генерал армии, ваше приказание выполнено. Прорвавшийся противник разгромлен и отброшен!»

Ворошилов вгляделся в танкиста и воскликнул:

— Кирилл Афанасьевич, ведь это твой сын!

Климент Ефремович видел моего сына еще до войны и теперь сразу узнал его. Лейтенант Владимир Мерецков командовал танковым взводом в 7-й гвардейской танковой бригаде. Когда я звонил в бригаду, Владимир как раз подвернулся под руку комбригу и был послан к нам на выручку.

Мне не часто приходилось видеться с сыном, но я следил за ним. До меня доходили вести, что боевую службу он несет образцово. Теперь можно признаться, что нередко меня грызли опасения и тревога, как и всякого другого отца, чей сын сражался на фронте. А тогда старался не показывать даже и вида, что беспокоюсь. Помню, на вопрос К. Е. Ворошилова: «Этот сын — твой единственный?» — я ответил: «Все бойцы тут мои дети»,— но внутренне гордился сыном, что в свои 18 лет он честно и верно служит Родине. Там, на фронте, он вступил в члены нашей партии. Мне и моей жене было очень приятно узнать эту весть.

Жена моя Евдокия Петровна тоже была на фронте. По поручению Военного совета она вместе с другими медработниками обследовала состояние работы в госпиталях. Задачами обследования были: выявление трудностей и недостатков в обслуживании и лечении раненых, устранение недостатков и оказание помощи врачам. Евдокия Петровна находилась на фронте, с небольшими перерывами, с января 1942 года до конца войны.

* * *

Когда соединения Волховского и Ленинградского фронтов в конце января 1943 года поворачивали на юг, занимая позиции вдоль синявинского рубежа, в их тылу уже кипела работа: в коридоре севернее Синявина начали строить железную дорогу на Ленинград. За наступающими войсками двинулись железнодорожные бригады. Им пришло на помощь местное население, а затем фронты выделили на сооружение дороги ряд воинских частей. Эта «дорога победы» явилась отличным дополнением к ладожской «дороге жизни».

Новая магистраль начиналась от разъезда между селениями Назия и Хандрово. Отсюда протянулась ветка на северо-запад, к Рабочему поселку № 4. Далее дорога пошла через Рабочие поселки № 1, 2, 3 и вышла к южной окраине Шлиссельбурга. Здесь, на Неве, воздвигли временный ледово-свайный мост, который соединил ветку с колеей от Черной Речки к поселку имени Морозова. Уже 2 февраля, как только с ремонтно-строительных дрезин были спущены и закреплены последние рельсы, прошел пробный состав, а еще через четыре дня по 36-километровой линии промчался грузовой поезд дальнего следования. «Дорога победы» — результат двухнедельного героического труда вступила в строй.

Параллельно железной дороге тянулись грунтовые. Они также стали важными трассами снабжения зоны Ленинграда. После всех перенесенных испытаний труженики города на Неве, казалось, удвоили свои усилия. Уже зимой 1943 года они резко увеличили производство боевой техники и различных видов промышленной продукции. Все меньше составов поворачивало теперь от Войбокала на Лаврово, к берегу Ладоги, и все больше шло без перегрузки через Жихарево на Шлиссельбург — Всеволожский — Ленинград и оттуда назад.

Фашистская авиация быстро обнаружила новую железнодорожную линию и движение по ней. Начались беспрерывные бомбежки и артиллерийский обстрел. Ведь кое-где огневые позиции противника находились всего в нескольких километрах от проходивших составов. Не было дня, чтобы в каком-то месте не взлетали на воздух куски рельсов и шпалы. Ремонтники не уходили с дороги. В течение многих месяцев вдоль всей колеи непрестанно курсировали строительные бригады и под огнем врага, в снегу, а потом в грязи и болотной воде снова и снова восстанавливали путь.

Через три месяца была дополнительно построена 18-километровая дорога в обход самого опасного участка. На чем она держалась? Об этом знают только инженеры. Когда шел поезд, его колеса в низинных местах вертелись в воде, как у старинных пароходов.

Особенно досаждала «дороге победы» фашистская артиллерия с вдававшегося в наше расположение мгинского выступа вражеских позиций. Поставив на рельсы возле Мги несколько платформ с дальнобойными орудиями, противник систематически обстреливал новую колею. Тогда в дело вступила крупнокалиберная артиллерия обоих наших фронтов. Ее поддержали артиллерийские орудия, снятые с кораблей Балтфлота. После-

довал ряд мощных огневых налетов, и фашистские батареи замолчали.

Возросла активность и Ладожской военной флотилии. Она по-прежнему обеспечивала фланги Волховского, Ленинградского фронтов и 7-й Отдельной армии. Кроме того, весной 1943 года на нее легла задача доставки основной массы грузов Северо-Западного речного пароходства. Но летом были восстановлены мосты через Неву, и железная дорога вновь стала выполнять свои задачи успешно. Часть катеров и тендеров флотилии освободилась. Мы решили воспользоваться этим, имея в виду предстоящий осенний разлив и трудности снабжения некоторых соединений Волховского фронта в болотах севернее Любани. Я договорился с командующим Ладожской военной флотилией контр-адмиралом В. С. Чероковым, и с согласия Ставки в период почти беспрерывных осенних дождей высокосидящие суда флотили по притокам реки Волхов добрались до позиций этих соединений, доставив им сотни тонн продовольствия и боеприпасов.

Район прорыва блокады и прилегающие к нему участки стали местами напряженной хозяйственной деятельности. Так начала постепенно восстанавливаться Волховская гидроэлектростанция. Вся энергия, выработанная в 1943 году ее возвращенными в строй агрегатами, была отдана Ленинграду. Восстановители прилагали главные усилия там, где ранее особенно свирепствовал враг. Руины и пепелища встречались на каждом шагу. И первыми представителями своей родной Советской власти, если не говорить о партизанах и подпольных советских и партийных органах, являлись для населения освобожденных районов наши войска. К ним, советским воинам, обращались люди за помощью. Начальник тыла Волховского фронта генерал-майор интендантской службы Л. П. Грачев и другие работники интендантских органов армий, корпусов и дивизий безотказно шли навстречу нуждам советских граждан, в частности делились продовольствием, несмотря на то что сами были небогаты. И хотя иногда воинские склады пустовали, я поддерживал распоряжения интендантов в этом деле. Нередко нам оказывал содействие начальник тыла Красной Армии А. В. Хрулев. Он мог получить разрешение у Верховного главнокомандующего на отпуск фронтам таких вещей, о которых мы и не мечтали. И. В. Сталин относился к просьбам и предложениям Хрулева очень внимательно. У начальника тыла имелась особая папка. И не раз, закончив рассмотрение очередных дел, Сталин говорил ему: «А теперь давайте свою

особую папку». Андрей Васильевич не злоупотреблял этим правом.

Меня радовало, что у А. В. Хрулева сложились отличные отношения с Л. П. Грачевым. Личный контакт никогда, или почти никогда, не мешает в таком деле. Хрулев относился с большим вниманием к заявкам Грачева, считая, что Леонид Павлович зря не станет просить. Это облегчало и ускоряло снабжение такого трудного фронта, как Волховский. До войны Грачев был ответственным работником Наркомата лесной промышленности, приобрел навыки хорошего организатора-хозяйственника. Эти навыки ему очень пригодились в деле организации тыла армий, сражавшихся в финскую кампанию. На Волховском фронте Л. П. Грачев являлся членом Военного совета 4-й армии, затем его выдвинули на должность начальника тыла фронта. Леонид Павлович занимался не только вопросами снабжения войск. Он заботился также об удовлетворении нужд гражданского населения во фронтовой и прифронтовой зоне.

Вообще говоря, организаторская и снабженческая деятельность наших интендантов в освобожденных от оккупантов районах очень слабо освещалась в печати. Следовало бы делать это значительно шире. Ведь после изгнания оккупантов в опустошенной врагом зоне приходилось ставить на довольствие десятки и сотни тысяч людей. Эта тема заслуживает специального освещения. Да и не только эта. Возьмем партизан Ленинградской области. Они оказывали войскам нашего фронта существенную помощь.

В начале 1943 года, когда наши два фронта начали бои в направлении на Мгу, в Ленинградской области действовали уже многие тысячи партизан. Большая часть их находилась в составе четырех бригад и еще одного полка. Они поддерживали постоянный контакт с межрайонными партцентрами, в свою очередь имевшими связь с Ленинградским обкомом ВКП(б). Эта рассредоточенная партизанская армия в тылу врага представляла собой серьезную силу. Осенью 1943 года оккупанты решили поголовно эвакуировать население захваченных ими районов Ленинградской области, однако партизаны не только сорвали их гнусный замысел, но и сумели серией согласованных ударов еще до прихода наших регулярных частей восстановить во многих местах Советскую власть.

Волховский фронт получал от партизан весьма ценные сведения о противнике. Особенно возрастала роль партизан в дни проведения фронтом крупных операций. Вывод из строя

железных дорог, организация крушений воинских эшелонов, налеты на аэродромы — все эти удары партизан по врагу были весьма чувствительны именно тогда, когда на фронте разворачивались важные события. Нам было, впрочем, не так-то просто согласовывать с командирами партизанских отрядов совместные действия. Основная трудность заключалась в том, что не всегда была с партизанами регулярная связь. Однако координация действий партизан и наших войск осуществлялась неплохо. И за это мы благодарны прежде всего члену Военного совета Т. Ф. Штыкову. Он лучше других умел устанавливать контакт с народными мстителями. Раньше Терентий Фомич работал секретарем Ленинградского обкома партии. В области хорошо знали его, и он знал многих. Это ему очень помогало.

Военный совет фронта поддерживал связь с партизанами и по радио, и через связных, пересылал им специальные газеты, в том числе печатавшуюся в тылу Волховского фронта, на станции Хвойная, газету «Ленинградский партизан».

Членам Военного совета А. И. Запорожцу, Л. З. Мехлису, Т. Ф. Штыкову приходилось заниматься многими вопросами, больше всего вопросами политического воспитания в войсках. Я не буду подробно рассказывать об их деятельности, поскольку это, на мой взгляд, специальная тема. Мне хочется сказать лишь несколько слов о политико-воспитательной работе среди воинов нерусской национальности, которых в частях фронта насчитывалось немало. Против гитлеровских захватчиков вместе с русскими мужественно сражались и казахи, и узбеки, и киргизы, и татары, и азербайджанцы, и представители других национальностей. Каждое подразделение представляло собой дружную боевую семью. Но многие воины очень слабо знали русский язык, а некоторые совсем не знали. По рекомендации Военного совета таких бойцов внутри подразделений объединили в группы во главе с офицерами, знающими соответствующие этим группам языки. Агитационно-пропагандистская работа стала вестись более успешно и дала весьма положительные результаты.

Фронтовая жизнь и боевые подвиги воинов широко освещались во фронтовой и армейских газетах. Среди постоянных корреспондентов газеты «Фронтовая правда» (газета нашего фронта), писавших о ратном труде воинов нерусской национальности, наиболее активным был боевой офицер узбек капитан М. Хаитов.

О газете «Фронтовая правда» следует сказать особо. В целом она играла большую роль в воспитании воинов, в мобилизации

их на разгром врага. Однако в ее деятельности имелись не только успехи, но и промахи. До февраля 1943 года редактором газеты был К. П. Павлов. Затем его сменил Б. П. Павлов. Забавно, что некоторые читатели не сразу разобрались в этом; из Москвы позвонили начальнику Политуправления фронта генерал-майору К. Ф. Калашникову и спросили: неужели редактор до такой степени привык к опечаткам, что не замечает даже искажения его собственных инициалов?

Примерно через месяц начальник Главного политического управления Красной Армии генерал-лейтенант А. С. Щербаков проводил совещание по вопросу о работе фронтовых газет. В своем выступлении он отметил ряд недостатков «Фронтовой правды». Так, газета в войска поступала порой на пятый день после выпуска, а в период прорыва ленинградской блокады не помещала материалов о наступательных боях. Военному совету (Т. Ф. Штыков) и Политуправлению (К. Ф. Калашников) фронта предложено было вплотную заняться своей газетой. Меры приняли немедленно, и вскоре «Фронтовая правда» начала поступать в части в день выхода. Заметно упрочились ее связи с газетой Ленинградского фронта «На страже родины» и «Ленинградской правдой». Редакции начали обмениваться информацией и тематическими полосами.

В газете стали чаще выступать писатели Всеволод Вишневский, Александр Чаковский, Всеволод Рождественский, Павел Шубин, Александр Гитович, Анатолий Чивилихин. Стихотворения поэтов, посвященные сражениям в новгородских болотах, у Мясного Бора, под Синявином, печатались в виде отдельных листовок и распространялись в войсках политотделами армий.

Большую роль в улучшении работы фронтовой газеты сыграл новый ее редактор подполковник Б. П. Павлов. Борис Потапович в свое время был фрезеровщиком на заводе «Красный путиловец» и прошел отличную школу комсомольской работы. Потом он окончил институт журналистики. Я познакомился с ним еще в 1939 году, когда он редактировал газету «Часовой Севера» 14-й армии. Впоследствии, после ликвидации Волховского фронта, Б. П. Павлов был редактором газеты Карельского фронта, а затем 1-го Дальневосточного, то есть до конца войны мы были с ним вместе.

В июле 1943 года Главное политическое управление Красной Армии проводило Всесоюзное совещание редакторов фронтовых и армейских газет. На этом совещании газета Волховского фронта отмечалась в положительном свете. Редактор Б. П. Павлов выступал с докладом.

Наша газета «Фронтовая правда» сохранила свое название после ликвидации Волховского фронта и перешла к одному из фронтов, освобождавших Прибалтику. Любопытно, что ее новым редактором опять стал К. П. Павлов.

Редакциям фронтовой, армейских, корпусных и дивизионных газет приходилось работать в трудных условиях. Я нередко наблюдал, как военные журналисты размещаются где-нибудь на краю лесной поляны. Пишущая машинка стоит на ящике, а машинистка на коленях. Вернувшийся с переднего края сотрудник, сидя на корточках, диктует ей свежую информацию. В стороне перед наборной кассой со шрифтом, поставленной на козлы, работают молодые ребята, готовя набор очередного номера. Рядом с ними торчит воткнутая в землю палка с дощечкой, на которой написано «Редакция». Вскоре еще пахнущая краской газета увозится в подразделения и части.

Мы старались облегчить условия работы газетчикам, чтобы их живое, горячее слово быстрее долетало до сердца каждого бойца.

* * *

Зимняя кампания 1941/42 года показала, что в ходе наступления наши войска нуждаются в достаточно подвижном и мощном орудии сопровождения. К началу второй зимней кампании уже имелся положительный опыт использования экспериментальных самоходок и было принято решение о массовой их проверке. А в конце января 1943 года Волховский фронт одним из первых применил в широких масштабах новое оружие: два полка самоходных орудий успешно содействовали пехоте и танкам при атаках на труднодоступные вражеские позиции со сложным профилем.

Операция, в которой использовались наши самоходки, помимо того, что она имела самостоятельное значение, обеспечивая неприкосновенность ленинградского коридора, оттягивала немецкие войска с других фронтов. Это было чрезвычайно существенным обстоятельством в связи с тем, что Ставка наметила зимой 1943 года согласованные действия пяти фронтов — Центрального, Брянского, Западного, Калининского и Северо-Западного. Об этом нас поставил в известность И. В. Сталин. Первые три фронта должны были через Орел и Брянск выйти к Смоленску. После этого четвертый наносил вместе с третьим удар по отрезанной с тыла вяземско-ржевской группировке противника. Успех позволял пятому фронту, Северо-Западному, ликвидировать Демянский плацдарм гитлеровцев и тем самым выйти в тыл вражеским войскам, стоявшим против

Волховского фронта. Правда, упреждение в выступлении Брянского фронта по отношению к Северо-Западному составляло всего три дня.

Замысел Ставки мне очень понравился, и я внимательно следил за ходом операции. Наиболее последовательно выполнили задачу Западный и Калининский фронты. Серьезного успеха добились Брянский и Центральный. Что касается Северо-Западного, то он начал наступление 15 февраля, но развивал его чрезвычайно медленно. Нам это было особенно досадно, так как этот фронт являлся нашим соседом. Фашистам удалось уйти с Демянского плацдарма, сохранив основные свои силы и укрепив их на новом рубеже. Самое печальное заключалось в том, что Северо-Западный фронт не смог выйти в тыл 18-й немецкой армии и нанести удар фашистской группе армий «Север» генерал-фельдмаршала Кюхлера. В результате Волховскому фронту предстояло пробиваться с востока на Мгу в очень трудных условиях. Общее оперативное пространство, используемое немцами, сократилось, а плотность обороны резко возросла. Затем началась распутица, и крупная подвижная группа Северо-Западного фронта, которую было намечено послать на Лугу в обход озера Ильмень с юга, осталась на месте. Правда, нам помогал Ленинградский фронт.

Войска нашего фронта столкнулись с устойчивой обороной. Насыщенность войсками у немцев была предостаточной. Военно-инженерные сооружения значительно превосходили по мощи те, через которые мы прорывались в январе. Несколько ослабив натиск, чтобы не терять людей, мы стали дожидаться, когда Северо-Западный фронт ударит в тыл Кюхлеру, но так и не дождались. В течение марта Ставка несколько раз переносила сроки выступления упомянутой подвижной группы. Затем мы узнали, что оно отменяется. Из сказанного выше я делаю такой вывод: хотя к тому времени Красная Армия уже добилась крупных успехов, нашим военачальникам еще было чему учиться в сложном искусстве ведения современной войны.

Тогда же нам впервые, как я уже упомянул, довелось столкнуться с вражескими танками типа «тигр». Кажется, это был вообще один из первых случаев применения немцами танка «тигр». Волховчане не дрогнули перед фашистской новинкой, но шуму она все же наделала много. В Ставке к нашему сообщению отнеслись очень серьезно. И это понятно. Ведь если теперь не вся наша противотанковая артиллерия может поражать новую вражескую машину, значит, нужно вносить срочные изменения в программу действий военных заводов:

конструкторам необходимо дать заявки на новые виды пушек и снарядов; затем начнется перестройка производственного процесса; затем — освоение новой продукции. Все это влечет за собой десятки других вопросов. Следовательно, не только тыл, но и войска обязаны срочно перестраиваться, менять тактику, учиться бороться с «тиграми». Вот почему проблема подверглась рассмотрению на самом высоком уровне, после чего была создана специальная правительственная комиссия для разработки всесторонних мероприятий, затрагивающих и фронт и тыл. Наша оперативность оказалась весьма уместной. Известно, что ни «тигры», ни «фердинанды», ни «пантеры» не только не спасли фашистов от разгрома, но и не обеспечили сколько-нибудь существенного усиления действий гитлеровских войск на фронте. И наоборот, наш тыл дал фронту в 1943 году столько новой боевой техники и многое другое, что год этот стал коренным образом переломным.

Следует сказать, однако, что с появлением «тигров» у нас на фронте вдруг резко увеличилось число раненых. Вероятно, потому, что бойцы не сразу приноровились к борьбе с новым оружием врага. Но медико-санитарная служба успешно справилась со своими обязанностями. Преобладающее большинство раненых возвращалось в строй. А объясняется это отличной работой наших военных врачей, фельдшеров и санитаров и стройной системой оказания помощи пораженным на поле боя. Что бы ни случалось, раз и навсегда налаженный медико-санитарной службой порядок редко нарушался. Скажу об этом несколько слов.

Передний край и зона первого эшелона обслуживались врачами войскового тылового района. Санитары оказывали первую помощь на поле боя и доставляли раненых на батальонные медпункты. Там раненые получали у фельдшеров так называемую доврачебную помощь, после чего попадали на полковые медпункты. Здесь осуществлялась первая врачебная помощь, а затем на дивизионных медпунктах и в полевых подвижных госпиталях — квалифицированная медицинская помощь. Потом начиналась сфера власти армейского тылового района. Тут в госпиталях различного вида встречала раненых специализированная медпомощь. Наконец, во фронтовом тыловом районе оказывалась медпомощь через систему эвакогоспиталей. Схема, как видите, не простая. В ней много звеньев. Как правило, не было ни бюрократизма, ни волокиты. Если требовалось, организованно обходили одно из звеньев, перескакивая через него, но старались не вносить в дело сумятицы. Блестящей

работе советских медиков тысячи и тысячи воинов были обязаны своей жизнью.

Огромная заслуга в организации медико-санитарной службы фронта принадлежит очень многим военным врачам. Я хочу здесь назвать двух видных представителей военной медицины — главного хирурга фронта Александра Александровича Вишневского и главного терапевта фронта Николая Семеновича Молчанова.

Сын и ученик выдающегося отечественного хирурга Александра Васильевича Вишневского, Герой Социалистического Труда, генерал-полковник медицинской службы, действительный член Академии медицинских наук, лауреат ряда премий А. А. Вишневский начал свою деятельность военного врача еще во время сражения у Халхин-Гола и продолжил ее в период финской кампании, а затем Великой Отечественной войны. Наш фронт был обязан Александру Александровичу за большой вклад в организацию помощи раненым на основе системы этапного лечения с эвакуацией по назначению. А. А. Вишневский постоянно добивался выдвижения хирургической помощи поближе к месту сражения. Раненых выносили с поля боя и быстро эвакуировали. На фронте широко применяли переливание крови, использовали противошоковые растворы, внедряли в практику новокаиновую блокаду по методу Вишневского.

Александр Александрович, равно как и его сотрудники, успешно осуществил ряд сложнейших операций. Очень важно, что Вишневский, как бы ни трудна была фронтовая обстановка, записывал все ценное, что давала медицинская практика в боевых условиях, и выступал с докладами на совещаниях фронтовых медиков, где делился опытом. Затем у нас были изданы «Труды совещаний хирургов Волховского фронта». В них обобщены итоги медико-санитарного обеспечения действий войск фронта в лесисто-болотистой местности преимущественно в осенне-зимний период и в условиях, близких к позиционной войне. А санитарное управление фронта издало еще «Записки военно-полевого хирурга» А. А. Вишневского. Напечатанная на грубой бумаге, эта небольшая книжечка, всего в сто страничек, была очень полезна для военных врачей-хирургов. Она вышла в свет как раз накануне окончательной ликвидации ленинградской блокады.

Доктор медицинских наук, профессор Николай Семенович Молчанов прибыл на должность главного терапевта фронта из 54-й армии, где он был главным терапевтом армии. Молчанов сосредоточил свои усилия на ликвидации необычных (для

мирного времени) заболеваний у раненых воинов и у гражданских лиц во фронтовой полосе. На него же легла задача обучения значительной части кадров, так как фронт был укомплектован почти одними гражданскими врачами, незнакомыми с военно-полевой медициной. Наконец, под его руководством организовывались профилактические мероприятия. Именно у нас в ноябре — декабре 1941 года был впервые создан терапевтический полевой подвижной госпиталь. С января 1942 года такие госпитали стали создаваться и на других фронтах. Коллектив врачей во главе с Молчановым написал новый раздел по военной медицине — болезни у раненых. Эти достижения нашли отражение в трех сборниках научных медицинских трудов, изданных на Волховском фронте, и в трех — на Карельском. После войны все это было обобщено в отредактированном Молчановым 29-м томе серии книг «Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне». Благодаря усилиям наших терапевтов Волховский, Карельский и 1-й Дальневосточный фронты фактически почти не знали инфекций.

В 1956 году А. А. Вишневский стал главным хирургом, а Н. С. Молчанов — главным терапевтом Советской Армии.

* * *

Конечно, на войне много горя бывает. Это каждому ясно. Но жизнь есть жизнь. И наши фронтовые будни заполнялись не только боями. Немало было и забавных случаев. Расскажу об одном из них.

В начальный период борьбы за Мгу произошел случай, врезавшийся в мою память на всю жизнь. Дело было так. Получил я радостное сообщение, что в районе Мишкина захвачена у врага командная высота. А в той преимущественно равнинно-болотистой местности, да еще в условиях позиционной борьбы, овладеть высотой было очень трудно. Спрашиваю, какой полк отличился? Докладывают мне номер полка, но при этом добавляют, что действовал только один батальон.

Высота поросла лесом. Автомобиль не пройдет. Залез я в танк и поехал посмотреть на наших молодцов и захваченный узел обороны противника. И вот я уже на высоте, в боевом батальоне. Армия есть армия: не успел я вылезти из танка, а несколько солдат уже побежали сообщать товарищам и непосредственному начальству, что прибыл командующий фронтом. Иду в расположение подразделения, а ребята уже успели навести то, что у военнослужащих называется «порядочек». Всюду стоят и четко приветствуют часовые; никто зря нигде

не болтается; вид у бойцов подтянутый. Ну, думаю, раз есть у них желание нести образцовую службу, значит, действительно все в порядке, высотой мы владеем прочно.

Осматриваем занятые батальоном вражеские укрепления. Рядом со мной — лихой командир славного батальона и довольный успехом своих подчиненных командир полка. Медленно продвигаемся по лесу. Вдруг впереди нас раздается сильный крик. Кто-то бранными словами ругает, видимо, своего товарища, но не называет по имени. Мы переглядываемся. В этот момент из рощи показался и сам крикун, но, увидев нас, повернул в сторону. Подзываю его. Вижу, ефрейтор.

— В чем дело?

Он представился и доложил:

— Из моего пулеметного отделения ушел за боеприпасами солдат и запропастился. Еще заблудится, думаю, окаянный, в лесу-то. По фамилии звать опасно, на начальство наскочишь, а мой голос он знает, за километр услышит, вот я и посылаю ему «позывные».

Спрашиваю о ефрейторе комбата. Тот дал своему подчиненному самую лестную характеристику, особенно подчеркнул, как смело он действовал в последнем бою. Интересуюсь наличием у ефрейтора наград. Таковых не оказалось, еще не успели представить, а заслуживал он, как выяснилось, по меньшей мере ордена. Я сказал, что он награждается орденом Красной Звезды. Но бравый воин стал отказываться от награды, а потом разъяснил, что он сражается вот уже полтора года бок о бок со своим напарником по пулемету, что все успехи достигнуты ими вместе, а одного его лучше совсем не награждать.

Спрашиваю, где его боевой товарищ. Вызвали и того. Комбат подтверждает, что, дескать, верно, один не уступает другому. Один из воинов оказался из Татарской республики, другой — русский. Оба друга сражались еще под Тихвином, затем форсировали Волхов, прорывали ленинградскую блокаду. Хитровато прищурившись, комполка поглядывает на генерала и ждет, как начальство выйдет из положения. А генерал армии, радуясь в душе, отчитал комполка за непредставление к награде в положенное время заслуженных воинов, с напускной суровостью сделал выговор тому, кто только что в качестве «позывных» использовал ругательные слова, а потом... Потом пришлось наградить орденами обоих. Да, это был хороший день, можно сказать, отличный день! На свой командный пункт я возвращался в приподнятом настроении.

* * *

Апрель 1943 года — это месяц затишья на Волховском фронте. Обе стороны пережидали распутицу и исподволь готовились к новой борьбе. Порой производились разведывательные поиски. Проявляли активность снайперы. Большинство читателей привыкло к тому, что снайпер — это меткий стрелок из личного оружия. На нашем фронте таковых тоже было немало. Но постепенно боевая практика выработала снайперов еще и иного типа. Я имею в виду артиллеристов и минометчиков. Лучшие орудийные расчеты и даже целые батареи получили право вести индивидуальную стрельбу по целям. А иногда можно было видеть, как сидящий на наблюдательном пункте командир минометного взвода упорно охотился за каким-нибудь одним солдатом противника. Когда этим занимались все кому не лень, я строго выговаривал, чтобы не расходовали зря мины и снаряды и не обнаруживали свои огневые позиции. Однако прицельную стрельбу отдельных признанных мастеров артиллерийского огня всячески поощрял, считая, что она, помимо прочего, причиняет врагу еще и психологический урон.

Время, прошедшее с середины мая до середины июля 1943 года, сохранилось в моей памяти под названием «мельница». Смысл названия нужно разъяснить специально, так как оно не являлось официальным. Дело в том, что с каждым днем я все больше думал над тем, каков будет характер предстоящей летней кампании. Мне было ясно, что Красная Армия развернет мощное наступление и что немцам придется теперь обороняться не только зимой, но и летом. Какая же роль будет отведена Волховскому фронту? Как это часто случалось, Верховный главнокомандующий мог спросить о моей точке зрения, а потом уже принять окончательное решение. Моя же точка зрения определялась рядом привходящих обстоятельств. Их-то и требовалось учитывать.

Прежде всего, что скажет разведка? А разведка в первой половине мая твердила, что враг шлет в сторону Мги эшелоны с подкреплением и техникой, сосредоточивает на прифронтовых аэродромах авиацию ближнего действия, проводит широкие работы в своей оборонительной полосе. Это могло означать, что гитлеровцы накапливают силы либо для попытки восстановить блокаду Ленинграда, либо для отражения нашего наступления на Мгу, которого они опасаются. В обоих случаях приходилось считаться с усилением немецкой группы армий «Север».

А каковы возможности Волховского фронта? Мы восполнили урон, понесенный в ходе напряженной зимней кампании, но и только. Никакого перевеса сил, необходимого в тех условиях для наступления, пока создать не удалось. А когда я выяснил в Ставке и Генштабе, на что мы можем в ближайшее время рассчитывать, оказалось, что людей нам подбросят немного. За два года войны страна понесла тяжелые потери. Много наших воинов погибло, много советских людей находилось на временно оккупированной фашистами территории. Лучше обстояло дело с нашей промышленностью. Самое трудное для нее было уже позади, и мне твердо обещали немедленную замену износившейся матчасти, особенно артиллерийско-минометной, и снабжение боеприпасами в таком количестве, что названная цифра приятно меня поразила.

Одновременно Ставка поставила перед Волховским фронтом следующие задачи: тщательно готовиться к штурму и прорыву вражеской обороны с последующим продвижением в сторону Прибалтики; срывать любые попытки противника восстановить блокаду Ленинграда; отвлекать на себя с юга как можно больше соединений.

А каковы возможности Ленинградского фронта? Я знал, что ленинградцы вести активные боевые действия пока не в состоянии и к новой крупной операции будут готовы месяца через два.

Под влиянием всех этих обстоятельств у меня и созрел замысел, суть которого состояла в следующем. Что необходимо для того, чтобы упредить вражеский удар по нашим войскам у Ладоги? Вовремя нанести контрудар. А что нужно сделать для подготовки нашего наступления? Ослабить оборону противника. А как отвлечь его внимание от левого фланга фронта, если операцию придется проводить именно там? Конечно, привлечь внимание к правому флангу. А каким образом волховчанам оттягивать дивизии фашистов с других фронтов? Только уничтожая их соединения на нашем фронте. Наконец, как всего этого добиваться, сохраняя при этом свои войска? Переключиться на массированное использование нашей авиации и артиллерии.

Само собой разумеется, что это был лишь замысел, что его надо было детально разработать, продумать и наметить целую систему конкретных мероприятий по массированному использованию артиллерии и авиации. Производить артиллерийские и авиационные налеты таким образом, чтобы враг не привык к ним и всякий раз воспринимал как начало какой-то

операции фронтового либо местного значения. Определяя задание штабу фронта, его оперативному управлению и начальникам родов войск, я охарактеризовал план в целом как «длительное артиллерийско-авиационное наступление в условиях собственной и вражеской стабильной обороны». Однажды во время беседы кто-то из офицеров назвал этот план в шутку словом «мельница». Название многим понравилось, да так и закрепилось. В разработке и осуществлении этого плана, можно прямо сказать, главную роль сыграли начальник артиллерии фронта генерал Г. Е. Дегтярев и командующий 14-й воздушной армией генерал И. П. Журавлев.

И вот жернова «мельницы» начали вертеться. Из прифронтовой зоны гитлеровцы угнали почти все мирное население, а оставшееся бежало в лес. Разведка сообщила об этом, и мы могли вести огонь по противнику, не боясь, что заденем своих. Проводится в каком-то месте сильная огневая подготовка. Гитлеровское командование немедленно подбрасывает сюда подкрепления для отражения русской атаки. Мы переносим огонь с первой линии укреплений на вторую — и немецкие солдаты тотчас вылезают из блиндажей, бегут к орудиям и пулеметам, чтобы встретить нас. Но никто не наступает, а огневой вал через четверть часа возвращается назад. Потом он снова уходит вперед и опять возвращается. Затем огневая подготовка в этом месте стихает, чтобы сразу же возникнуть в другом. Ясно, заключают фашисты, там была лишь инсценировка, а вот здесь-то и состоится атака. Подкрепления перебрасываются ими на новый участок, все повторяется. А иногда советские воины без огневой подготовки, изображая массированное сосредоточение сил, имитируют атаку на третьем участке. Дойдя до заранее намеченного рубежа, они залегают, а в дело вступают наши авиация и артиллерия и т. д.

Мы придумали много различных комбинаций, и почти все они удались. Части и соединения фронта то провоцировали фашистов на контратаку, то вызывали их на огневую дуэль, то имитировали наступление, то артиллерия и авиация обрушивали на захватчиков сотни тонн смертоносного металла. В течение двух месяцев инициатива оставалась в наших руках. Сумев навязать гитлеровцам свою линию артиллерийско-авиационного сражения, фронт уничтожил сотни их орудий и пулеметов, десятки самолетов, тысячи солдат и офицеров, не понеся сам существенных людских потерь. Пленные немецкие офицеры рассказывали о разброде в штабе 18-й немецкой армии, о жалобах полевых командиров на «бездонную мгинскую бочку».

В полной мере суть происходящего вражеское командование, судя по его поступкам, поняло лишь в начале июля. Оно начало выводить войска из-под артиллерийских ударов, оттягивая их на недоступные нашему огню позиции. А чтобы мы об этом не узнали, фашисты тщательно маскировали свои действия, всегда оставляя по линии фронта заслон. Солдаты заслона, попеременно менявшиеся, получали приказ стоять насмерть. Цель приказа заключалась в том, чтобы успеть подбросить основные силы к месту прорыва, пока заслон будет сдерживать наступающие советские части. А чтобы переброска войск осуществлялась незамедлительно, гитлеровцы проложили в районе Мги густую сеть подъездных путей.

Эффективность «мельницы» снизилась. Первоначально мы хотели обдумать возможность ее обновления, ибо надеялись еще раз использовать идею, отлично послужившую нам. Но некоторые сведения, поступавшие от воздушной разведки, заставили изменить это намерение. Изучая данные аэрофотосъемок, мы обратили внимание на несколько странный характер запечатленных на них вражеских подъездных путей. Далеко не все из этих путей по своему расположению, направленности и протяженности соответствовали замыслу вывода войск из-под артиллерийских ударов, то есть избранной теперь врагом новой тактике в полосе обороны. А не кроется ли здесь нечто большее? Может быть, речь идет о подготовке фашистами крупной операции, например о попытке прорваться к Ладоге и снова отрезать Ленинград? Вопрос нуждался в немедленной проверке. Проверка эта затруднялась тем, что в районе Мги почти не осталось нашего гражданского населения и не было партизанских отрядов. Однако ждать, пока Центральный штаб партизанского движения перебросит сюда подходящую группу, тоже было некогда. Фронтовая разведка по моему указанию приняла свои меры, включавшие засылку в тыл врага рейдовых разведгрупп, заброску разведдесантов с воздуха, комбинированные аэрофотосъемки, выборочный захват пленных во время специальных разведпоисков, фотовизуальное и звуковое наблюдение с земли и другие мероприятия. Авиация получила задание концентрированной целевой бомбежкой железнодорожных эшелонов противника вскрыть и зафиксировать их содержимое. Наконец, через Ленинград, не менее нашего интересовавшийся тем, что происходит в районе Мги, мы возобновили контакт с лужскими партизанами.

Вскоре картина прояснилась. Тревожились мы не напрасно. Судя по всему, группа армий «Север» собиралась с силами,

чтобы снова блокировать Ленинград. Я тотчас связался со Ставкой. То же сделали и ленинградцы. В то время уже шло гигантское сражение на Курском выступе Центрального фронта. Мужественно обороняясь, советские войска готовились перейти в контрнаступление. Западный, Брянский, Центральный, Воронежский, Степной и Юго-Западный фронты должны были нанести по захватчикам крепкий удар и разгромить главные силы немецкой группы армий «Центр», а также основательно потрепать группу армий «Юг». Успех дела зависел, в частности, от того, сможет ли группа армий «Север» помочь своему соседу или же будет вынуждена употребить все резервы на поддержку соединений, которые втянутся в сражение под Мгой. И естественно, что Ставка снова дала нам задание сковать армии Кюхлера. По сведениям разведки, на участке от Ораниенбаума до Синявина немцы сконцентрировали 19 дивизий. Это число соответственно возрастало, если двигаться от Мги к югу, вдоль Волхова, или к северу, по Карелии. А в целом Кюхлер, с учетом его резервов и войск, расквартированных на временно оккупированной советской территории в тыловой зоне его группы армий, мог при необходимости рассчитывать на десятки дивизий.

Сковать такую армаду, превратив наш север и северо-запад в поле боя, существенно помогающее нашим фронтам в срыве фашистского плана «Цитадель»,— задача нелегкая и сложная. Поскольку Карельский фронт пока не мог активно участвовать в этом деле, осуществление замысла ложилось на ленинградцев и волховчан. А магнитом, притягивающим к себе вражеские войска, опять должна была стать зона Мги.

«Каковы шансы на успех?» — спросил меня Сталин. Позднее я узнал, что тот же вопрос он задал также Говорову и получил от него ответ, сходный с моим: если будет создан необходимый перевес в силах, операция закончится успешно. Но для создания такого перевеса Ставка не могла дать войска из резервов, подготовленных для развития прорыва в центре советско-германского фронта. И Верховный главнокомандующий в разговоре со мной подчеркнул на прощание еще раз: «Главное для вас — не захват территории, а уничтожение немецких дивизий!»

К решению задачи привлекались две армии: 8-я армия Волховского фронта и 67-я армия Ленинградского фронта. Первая наступила с востока на запад, от Воронова на Мгу. Вторая — тоже на Мгу, но уже с севера на юг, от Синявина. Таким образом, сходящийся удар двух фронтов был нацелен

на позиции противника под Ленинградом. Этот удар носил упреждающий характер. Он вынуждал фашистов вместо наступления заниматься обороной.

Наша авиационно-артиллерийская подготовка носила на этот раз необычный характер. Учитывая, что сложное инженерное сооружение восстановить за сутки, да еще под огнем, трудно, мы не торопились и методично разрушали полосу обороны противника, растянув подготовку на долгие часы. Только после этого пехота поднялась в атаку. Так рано утром 22 июля началась Мгинская операция, длившаяся месяц.

Первая неделя боев представляла собой как бы продолжение осуществления плана «мельница» с более активными боевыми действиями наших пехотинцев. Авиация ближнего действия и артиллерия уничтожали гитлеровские заслоны. Фашистское командование старалось сохранить прежнее соотношение сил и средств обеих сторон и стало подбрасывать к переднему краю по новым подъездным путям одно подразделение за другим из дивизий, предназначенных для наступления. Мы не препятствовали и пока не наносили ударов по этим путям. Постепенно ряды фашистских пополнений редели. Их место занимали новые пополнения, которые также подвергались ударам нашей артиллерии и фронтовой авиации, и так всю неделю.

А 29 июля над вражескими тылами показались самолеты дальнего действия. Командующий авиацией дальнего действия генерал-полковник авиации А. Е. Голованов выделил нам не так уж много боевых машин, зато он почти не ограничивал их в бензине и щедро снабдил бомбами. Теперь удары с воздуха обрушились на коммуникации противника, начиная от Мги и Ульяновки и кончая Лугой, Нарвой и Псковом. В течение пятнадцати дней летчики дальней авиации совершали ежесуточно в среднем по 100 самолето-вылетов. Тем временем фронтовая авиация продолжала обрабатывать ближайшие узлы обороны, а артиллерия — передний край врага.

Наблюдения показали, что в районе Поречья у 18-й немецкой армии не осталось резервов. Как только разведка доложила об этом, здесь-то и нанесли мы удар. Прорвав первую полосу обороны и прогрызая вторую, советские солдаты метр за метром продвигались вперед. Еще немного, и участок прорыва удалось бы расширить. Но от командиров частей стали поступать сообщения, что внезапно сопротивление гитлеровцев резко возросло. Оказалось, что гитлеровское командование целиком сняло из-под Ленинграда две дивизии, предназ-

наченные для штурма города, и заткнуло ими дыру, чтобы локализовать прорыв, не дав ему превратиться в широкую брешь. Волховчане радовались этому и гордились: шутка ли, ведь срывался план фашистов вновь пробиться с юга к Ладожскому озеру и выполнялось указание Ставки о максимальном уничтожении гитлеровских войск!

Застопорилось дело и у 67-й армии Ленинградского фронта. Территориальные приобретения были сравнительно небольшими. Но зато ленинградцы тоже нанесли сильные удары по дивизиям первого эшелона и вражеским резервам. Новую линию фронта группа армий «Север» стабилизировала, однако, за счет всех своих сил. Под Мгой были перемолоты части, взятые из 11 различных фашистских дивизий с других участков, 10 местных дивизий, многие артиллерийские части и отдельные подразделения. Остальные соединения Кюхлера были прочно прикованы к зоне Волховского и Ленинградского фронтов. Собрав здесь 68 дивизий и 6 бригад, гитлеровское командование не решалось взять из них что-либо для переброски в центр или на юг.

В ходе сражения в наши руки попали штабные вражеские документы. Штабу Волховского фронта в те горячие дни не довелось полностью ознакомиться с ними, и материалы, оцененные как весьма интересные, были целиком переправлены в Ставку. Позднее, когда я приехал к И. В. Сталину с докладом, мне показали некоторые из этих документов. В них высоко оценивались успехи волховчан.

12 августа летчики дальней авиации улетели от нас. Они понадобились Западному, Брянскому и Центральному фронтам. Я весьма жалел об этом, так как уже 17 августа мы исчерпали запас снарядов, отпущенный на операцию. Тогда войска получили приказ прочно закрепиться на достигнутых рубежах. На это ушло пять дней, и 22 августа 8-я армия перешла к обороне. В тот же день прекратили атаки и ленинградцы. Если бы я знал о том, что станет известно мне месяц спустя! А месяц спустя мы узнали от пленных немецких офицеров, что в последней декаде августа у них не оставалось никаких резервов. Солдаты уже не выдерживали наших авиационно-артиллерийских налетов. Еще один мощный нажим, и гитлеровский фронт под Мгой мог бы развалиться.

Много упреков пришлось выслушать от меня фронтовой разведке! Знай я, что дело обстоит хотя бы приблизительно так (даже со скидкой на вранье пленных с целью смягчения своей судьбы), я полетел бы в Ставку и добивался бы расши-

рения наших ресурсов, чтобы продолжить операцию. Вскоре события подтвердили, что рассказы немецких офицеров были близки к истине. В начале октября дежурный разведпоиск на среднем течении Волхова принес известие, что фашистская оборона на Киришском плацдарме ослабла и что враг, по-видимому, снимает оттуда свои войска.

Плацдарм на правом берегу Волхова, у Киришей, гитлеровцы удерживали около двух лет. Этот крохотный кусочек территории обороняли три дивизии, построившие там прочные оборонительные сооружения. Плацдарм служил немцам как бы символом того, что в дальнейшем они еще раз попытаются соединиться с финнами восточнее Ленинграда. Теперь от их первоначального плана осталось, следовательно, одно воспоминание.

Киришские болота под октябрьскими дождями вздулись от воды. Пока мы наводили переправу, чтобы нанести удар по отходящему врагу, он уползал на левый берег Волхова. Фронтовая авиация успела все же разбомбить его.

Октябрьские трофейные документы подтвердили, что группа армий «Север» окончательно отказалась от наступления на Ленинград и перешла к обороне по всему фронту. Ставка советского Верховного главнокомандования быстро отреагировала на это известие. В очередную годовщину Октябрьской революции балтийские моряки под носом у врага переправили 2-ю ударную армию, переданную волховчанами ленинградцам, на Ораниенбаумский плацдарм. Близился день разгрома фашистов на всем участке советско-германского фронта от Финского залива до Ильменского озера.

Готовясь к новому наступлению, мы старались заниматься не только масштабными вопросами, но и такими, которые определяют успехи повседневной деятельности войск. Среди прочих упомяну о воспитании солдат на героических примерах. 8 ноября 1943 года был учрежден орден Славы. Первыми его кавалерами на нашем фронте стали рядовой Красильников, старшина Зеленков и ефрейтор Дорожкин. Особенно прославился Григорий Алексеевич Красильников. За полтора месяца этот лихой снайпер подстрелил 21 гитлеровца. Командир батальона старший лейтенант Ф. Рыбаков позаботился о том, чтобы на родину орденоносца, в Акмолинскую область, было отправлено его жене письмо с рассказом о подвигах мужа. Командование и политработники старались распространять славу о таких бойцах по всему фронту.

Дорога на Прибалтику

Важную роль — левому флангу.—
Этапы и дни.—
Напряженная подготовка.—
Через ильменский лед.—
Нас ждет Луга.—
Перегруппировка на ходу.—
Возле Передольской.—
Фашисты пятятся.—
Поворот на юго-запад.

Зимой 1944 года враг перешел к общей обороне. Он ставил своей задачей измотать наступающие советские войска при помощи подвижных танковых и мотомеханизированных групп, перебрасываемых с одного участка на другой, отразить наше наступление, затем весной захватить инициативу в свои руки и добиться позднее победного исхода в решающих сражениях. При всей авантюристичности этого плана к нему следовало отнестись самым серьезным образом. Фашистская Германия была еще сильна, и недооценка ее военных возможностей могла обернуться миллионами новых жертв.

Верховное главнокомандование Красной Армии смотрело на ситуацию вполне трезво. Его замыслы исходили из реального положения вещей. В то же время оно, учитывая наши возможности, ставило перед войсками задачи крупного масштаба, направленные на уничтожение гитлеровского блока. Побывав в Ставке, я узнал, что главный удар зимой 1944 года нанесут на юго-западе четыре Украинских фронта. В центре, где намечалось освободить значительную часть Белоруссии, и на северо-западе удары планировались тоже весьма глубокие. В частности, на Северо-Западном направлении Ленинградский, Волховский и 2-й Прибалтийский фронты должны были очистить от противника Ленинградскую и Калининскую области (в то же время они охватывали также территорию, позднее вошедшую в Псковскую, Новгородскую и Великолукскую области), выйти в район государственной границы 1939 года и создать предпосылки для освобождения прибалтийских советских республик.

Противостоявшая Красной Армии под Ленинградом и Новгородом группа армий «Север» генерал-фельдмаршала Кюхлера являлась одной из наиболее мощных групп гитлеровских войск. Она состояла в то время из 740 тысяч офицеров и солдат, которым были приданы 370 боевых самолетов первой линии, около 400 самоходок и танков и свыше 10 тысяч

минометов и орудий. На всем протяжении своего участка фронта войска под командованием Кюхлера создали сильные оборонительные позиции с железобетонными полевыми укреплениями, массой дзотов, системой проволочных заграждений и минных полей. Соединения этой группы имели большой опыт боевых действий, особенно опыт в наступлении и обороне в лесисто-болотистой местности. Но мы уже не уступали врагу в качестве войск, имели численное превосходство по личному составу — в полтора раза, по орудиям и минометам — в два раза, по самолетам — в четыре раза, по танкам — в три с половиной раза.

Что касается конкретно Волховского фронта, то и здесь соотношение сил было теперь благоприятным для нас. Крупные успехи Красной Армии на юге привели к тому, что фашистское командование осенью оказалось вынужденным перебросить отсюда на Украину семь дивизий, и теперь у врага их осталось на Волховском фронте двенадцать. При этом наибольшая плотность обороны врага была установлена разведкой боем на Новгородском и Чудовском направлениях, а на западном берегу Ильменя позиции занимали отдельные подразделения литовских и эстонских фашистов. Фронтовая разведка установила, что к январю 1944 года против волховчан действовал 81 батальон полного состава (если свести воедино стрелков из некомплектных подразделений). Батальоны располагались за несколькими рубежами глубоко рассредоточенной обороны и опирались на ряд мощных узлов сопротивления, среди которых особенно выделялись Мга, Тосно, Любань, Чудово и Новгород. Противник рассчитывал отсидеться в обороне и вплоть до пуска в ход обещанного Гитлером «чудо-оружия» удержать подступы к Прибалтике.

Наши разведывательные рейды в районе к северу от Новгорода показали, что за передним краем главной оборонительной полосы, протянувшейся вдоль шоссе Новгород — Чудово, шла вторая полоса, по реке Каресть, а между ними разместились подготовительные отсечные рубежи, запиравшие выходы из лесисто-болотистых дефиле. Важнейшими опорными пунктами противника на данном участке были Теремец, Любцы, Копцы, Тютюцы, Заполье, Германово и Кречевицы, а за ними находился сильный узел сопротивления Подберезье. Непосредственные же подходы к Новгороду с востока прикрывали три линии укреплений. Тактическая глубина главной оборонительной полосы составляла шесть километров, а открытая местность позволяла контролировать огнем с прямой наводки

подступы к обороне еще на пять километров. Внутренний пояс новгородских укреплений проходил по древнему городскому валу, причем использовались каменные здания, приспособленные к длительному сопротивлению. Я останавливаюсь на этом так подробно потому, что еще осенью 1943 года Ставка наметила нанести основной удар Волховским фронтом именно в районе Новгорода.

Итак, левый фланг Волховского фронта должен был сыграть в январе 1944 года важную роль. Мы должны были, прорвав вражескую оборону под Новгородом, продвинуться до Луги и расколоть группу армий «Север» как раз на стыке ее 18-й и 16-й армий. Эту задачу мы выполняли в тесном взаимодействии с Ленинградским фронтом при содействии 2-го Прибалтийского, который обеспечивал наш фланг с юга. Волховчан и ленинградцев обязали рассечь, окружить и уничтожить по частям основные силы 18-й армии, не дав ей возможности организованно отойти на линию Нарва — Порхов. На нашем фронте главный удар наносила 59-я армия в направлении на Подберезье — Люболяды, что севернее Новгорода. Ее поддерживали части резерва командования Волховского фронта. Чтобы противник не смог отойти из города на юго-запад, мы наметили здесь вспомогательный удар по льду озера Ильмень с выходом к Береговым Моринам. Одновременно еще один вспомогательный удар, но уже в общефронтовом масштабе, наносили на севере 8-я и 54-я армии через Мгу и Любань.

Операцию планировалось провести в три этапа. На первом, продолжительностью в шесть дней, продвинуться на 25 километров и освободить Новгород с окрестностями. На втором этапе мы намеревались в течение четырех дней пройти еще 30 километров и дойти до восточного изгиба русла реки Луга. Третий этап (10 дней, 50 километров) завершал операцию: овладев городом Луга, мы должны были развернуть свои главные силы для действий в юго-западном направлении, на Псков и Остров, причем одну армию я собирался перебросить по Чудскому озеру для удара в сторону Тарту. Но этим дело не исчерпывалось. Предусматривался еще четвертый этап наступления, глубиной в 35 километров, рассчитанный на непосредственную подготовку к освобождению прибалтийских республик. Всего на операцию нам отвели месяц.

Определяя для решения задачи силы, я задумался. Важно было не израсходовать уже на первом этапе то, чем мы располагали, сохранив резервы для броска вперед. В то же время вражеская оборона была здесь такая прочная, что прорыв ее

малыми средствами едва ли представлялся возможным. Срыв же плана под Новгородом привел бы к невыполнению всего замысла. После подсчетов и прикидок Военный совет и штаб фронта выделили сюда 6, 14 и 112-й стрелковые корпуса в составе девяти стрелковых дивизий, одной бригады и 150-го укрепленного района. Обозревая все это хозяйство, сначала на бумаге, а затем непосредственно при осмотре войск накануне операции, я вспоминал события двухлетней давности: хмурую осень 1941 года, наше отступление, первые контрудары, освобождение Тихвина, бои на Волхове и под Мгой, дни ленинградской блокады, прорыв ее — и сердце наполнялось чувством радости. Пришел конец Северо-Западному направлению. Еще немного, и мы отбросим врага от Новгорода и Ленинграда, подступим к Нарве и Пскову, выйдем на берега Балтики. На память приходил лозунг «Будет и на нашей улице праздник». Теперь не враг, а мы диктовали свою волю: наступали там, где хотелось нам; точно определяли сроки и масштабы сражений.

Подготовку к операции фронт осуществлял в течение четырех месяцев, причем огромную работу проделал штаб фронта во главе с его новым начальником генерал-лейтенантом Ф. П. Озеровым (прежний, М. Н. Шарохин, получил другое назначение).

В ноябре 1943 года при штабе фронта были проведены командно-штабные игры: с командующими армиями, начальниками оперативных отделов их штабов и начальниками тылов на тему «Наступательная операция армии с прорывом сильно укрепленной вражеской полосы обороны»; с начальниками штабов армий, артиллерии и связи — о планировании упомянутой операции и управлении войсками; с командирами, начальниками штабов и артиллерии корпусов — на тему «Наступательный бой стрелкового корпуса с прорывом сильно укрепленной полосы обороны противника и его преследование при неблагоприятных метеорологических условиях в лесисто-болотистой местности зимой»; со штабами корпусов, дивизий и бригад — учение со средствами связи на соответствующую тему. В эти игры и учения я постарался вложить весь свой опыт, все, что дали мне жизнь и служба в Красной Армии, все мои познания командующего армиями, округами и фронтом, работника Генерального штаба и Наркомата обороны, все, что я вынес из боев в Испании, советско-финляндской и двух с половиной лет Великой Отечественной войны.

В декабре мы провели тактические смотровые учения, где я проверил подготовку всех соединений, частей и подразде-

лений 59-й армии, до батальонов включительно, причем ряд учений прошел с боевыми стрельбами артиллерии, танков и пехоты. Замечу, что этот метод подготовки войск к наступлению применялся мною и раньше и всегда давал хорошие результаты. Далее командование фронта организовало артиллерийскую конференцию. Ее участники слушали пять докладов: об использовании артиллерии дальнего действия, армейского резерва, поддержки пехоты, контрминометных групп и о планировании артнаступления. Затем провели занятия на темы «Принятие артиллерийского решения» и «Артиллерия в преследовании противника» с полной отработкой документации и расчетов. Артиллерии — «богу войны» — я всегда уделял особое внимание, и, мне кажется, это окупалось сторицей.

На протяжении четырех месяцев фронт непрерывно вел разведку. Только за первую половину января мы осуществили 11 разведок боем, 155 поисков, 28 засад. Все огневые точки противника на переднем крае и в глубине обороны, а также другие детали были пронумерованы и нанесены на крупномасштабные карты 1:25 000 и 1:10 000. Этими картами обеспечили весь офицерский состав, до командиров рот включительно. Кроме того, мы послали во все полки единые ориентирные карты, а в штабы армии — рельефные карты для предварительного изучения деталей местности на наиболее ответственных участках будущей операции. Эти участки имели перед собой тщательно подготовленные плацдармы. Было построено дополнительно много траншей и ходов сообщения, оборудованы позиции для ведения огня прямой наводкой и передовые наблюдательные пункты, подвезены сотни тонн боеприпасов. Инженерные войска отремонтировали все дороги, построили ряд новых мостов и соорудили паром для тяжелых танков через реку Волхов. К сожалению, свирепые морозы и метели сорвали впоследствии его работу. Тогда саперы, работая в ледяной воде, навели мост особой конструкции, и тяжелые танки были переправлены на западный берег.

Не забыли и руководящий состав тылов. Для него провели игры и полевые поездки на тему «Материальное обеспечение и работа тыла в наступательной операции с последующим преследованием противника». Исходный рубеж для атаки был оборудован на всем протяжении не далее чем в 300 метрах от переднего края вражеской обороны, а кое-где в 100 метрах, причем для каждого батальона сделали по три-четыре снежные траншеи в сторону противника. В минных полях проделали 150 проходов шириной от 12 до 30 метров, сняв 7 тысяч мин

различного устройства. На правом фланге 59-й армии оборудовали ложный район сосредоточения войск. Напротив, левый фланг выполнял все мероприятия в условиях строжайшей секретности и пунктуальнейшей маскировки еще с сентября 1943 года, когда началась под видом учений перегруппировка войск.

Особенно скрытно готовилось форсирование озера Ильмень. Соответствующие соединения (225-я и 372-я стрелковые дивизии и 58-я стрелковая бригада) тренировались на большом удалении от озера, а к его берегу прибыли лишь за сутки до исходного часа. Крупную оперативно-маскировочную операцию мы осуществили в районе между Мгою и Чудовом, чтобы создать у немцев впечатление о готовящемся там серьезном наступлении. Вскоре разведка донесла, что фашисты перебрасывают туда основные резервы. Что это так и было, подтвердили впоследствии пленные.

Наконец, командиры всех степеней, от ротных и выше, провели рекогносцировку местности, уточнили свои задачи и цели и согласовали вопросы взаимодействия родов войск. Были намечены конкретные задачи подразделений и частей, боевые порядки, рубежи атаки, работа групп разграждения, распределение артиллерии, курсы, время и порядок движения танков, сигналы взаимодействия. Отработаны плановые таблицы боя и схемы ориентиров. Установлено несколько общих световых сигналов и запрещено менять их или дополнять.

Оперативное построение фронта на направлении главного удара состояло из 59-й армии и резерва. В армию входили 6, 14, 112-й стрелковые корпуса и средства усиления, в резерв — 7-й стрелковый корпус в составе двух стрелковых дивизий и танковой бригады. Оперативное построение 59-й армии на направлении главного удара мы определили в два эшелона: 6-й и 14-й стрелковые корпуса, 14-я отдельная стрелковая бригада и 150-й укрепленный район, далее 112-й стрелковый корпус. На главном направлении 378-я дивизия прорывала оборону на фронте всего в три с половиной километра. Впрочем, во всей 59-й армии оперативная плотность не превышала четырех километров на одну дивизию.

Много внимания пришлось уделить вспомогательному направлению, в обход Новгорода с юга. Сюда перебросили аэросанные батальоны, лыжников и особые средства усиления, легкие самоходки, артустановки и бронемашины. Но меня беспокоило, что на всем пространстве Ильменя толщина льда не превышала 30 сантиметров. Выдержит ли он людей и технику?

Если все пройдет благополучно и жизнь подтвердит прогнозы, наши южная и северная группировки соединятся западнее Новгорода и возьмут его в кольцо. Сняв часть артиллерии с второстепенных участков, я приказал все, что можно, сосредоточить на участке прорыва. Таким путем мы добились здесь превосходства в артиллерии над противником в пять-шесть раз. Если у него на один километр фронта приходилось 18 орудий и минометов, то у нас — 100; соотношение в танках — 1:4 в нашу пользу. Наконец, господство в воздухе принадлежало тоже советской авиации.

Выше я не говорил подробно о том, как готовится фронтом наступательная операция. Вот почему и решил уделить этому несколько страниц. Пусть читатель окунется в атмосферу того, чем мы тогда жили и что занимало ежечасно наши мысли и чувства. Конечно, описанная картина далеко не полна. Скорее это лишь отдельные штрихи. Но, как мне кажется, и в этих штрихах читатель увидит, что все наши помыслы и стремления в то время, все наши действия в масштабе части, соединения, армии, фронта были направлены на то, чтобы сильнее громили врага, чтобы меньше было у нас потерь, чтобы побеждали советские воины — верные сыны самого передового в мире социалистического государства. Сколько бы ни вспоминал я о фронтовых буднях, о чем бы я ни думал, всегда передо мною встает прежде всего фигура нашего воина, советского солдата. Наши победы — это его победы. Торжество нашего дела — это результат его мужества, отваги и героизма.

...14 января, в 10.30 утра, после полуторачасовой артподготовки танки прорыва и пехота двинулись с рубежа Любцы — Слутка на фашистские позиции. Плохая погода затрудняла артиллерии вести прицельный огонь, а из-за низкой облачности авиация вообще не сумела принять участие в подготовке наступления и вступила в действие только на второй день. Часть танков застряла в болоте: внезапная оттепель, необычная для января, превратила поросшие кустами кочковатые ледяные поля в грязное месиво. Я волновался. С переднего края передали, что отдельные полки 6-го и 14-го стрелковых корпусов вышли на рубеж атаки за несколько минут до окончания артподготовки, и когда артиллерия перенесла огонь в глубину, полки эти ворвались в оборону противника. Удар оказался столь мощным, внезапным и стремительным, что первая позиция гитлеровской обороны сразу же перешла в наши руки, а 15 января была перерезана железная дорога Новгород — Чудово.

Важнейшую роль сыграли действия южной группы войск, форсировавшей озеро Ильмень. Наметив этот маневр еще в сентябре, штаб фронта в течение четырех месяцев хранил полное молчание. Я запретил сообщать что-либо в 59-ю армию, опасаясь какого-нибудь непредвиденного просачивания информации. Команда проводников через озеро и соответствующие карты готовились непосредственно при штабе фронта. 58-й отдельной стрелковой бригаде, направленной в район Ильменя, было объявлено сначала, что в ее задачу входит обеспечение левого фланга 225-й стрелковой дивизии, которая будет обходить Новгород с севера. Даже начальнику тыла Л. П. Грачеву я ничего не сказал. Как обнаружилось позже, он все-таки перебросил «на всякий случай» боеприпасы к Ильменю и тщательно их замаскировал. Только в ночь перед атакой я отправил командарму-59 генерал-лейтенанту И. Т. Коровникову боевой приказ на преодоление Ильменя.

Используя полную темноту и сильную метель, группа войск под командованием генерал-майора Т. А. Свиклина, пройдя по льду несколько десятков километров, захватила на западном берегу озера плацдарм примерно в 25 квадратных километров, разгромила батальоны эстонских и литовских фашистов и вышла на рубеж реки Веряжа. На следующий день войска группы перерезали дорогу Новгород — Шимск и поставили под угрозу вражеские коммуникации с юга. Гитлеровское командование подвергло авиационной бомбежке лед на Ильмене, пытаясь помешать наращиванию здесь наших сил, а для локализации их успеха перебросило сюда с Прибалтики части двух дивизий, ряд отдельных подразделений и из личного резерва командующего 18-й немецкой армией кавполк «Норд».

Получив сведения о бомбардировке ильменского льда, я приказал срочно пустить в ход переносные мостики, а затем выделил Т. А. Свиклину из фронтового резерва батальон бронеавтомобилей. Переправить их было нелегко. Даже лошади проваливались под лед. Их вытаскивали веревками, которые заранее привязывали к постромкам. Броневики переправлять было еще труднее, но мы своего добились. Далее в бой была двинута из второго эшелона 372-я дивизия, а начальник тыла ухитрился перебросить на западный берег озера даже походный госпиталь.

Тем временем 59-я армия успешно прорывала главную полосу обороны севернее Новгорода. Чтобы заткнуть брешь, Кюхлер снял из-под Мги и Чудова 24-ю и 21-ю дивизии, а из-под Сольцы и Старой Руссы, используя пассивность правого

крыла 2-го Прибалтийского фронта, 290-ю и 8-ю дивизии и бросил их в район Люболяд. Несмотря на это, советские войска, шаг за шагом прогрызая оборону противника, пробивались вперед. Утром 20 января северная и южная группировки сомкнулись западнее Новгорода. Последовал решительный штурм, и в тот же день полковники Николаев и Швагиров водрузили красный стяг над новгородским кремлем. 17 тысяч человек потерял здесь враг. Перед волховчанами открылась дорога на Батецкий.

Успешно сражались и наши соседи справа — ленинградцы. За шесть дней наступления они разгромили петергофско-стрельнинскую группировку противника, соединили Ораниенбаумский плацдарм с Большой землей и отбросили гитлеровцев от Ленинграда на 25 километров. 19 января Москва торжественно салютовала в честь освобождения Красного Села и Ропши, а 20-го — в честь освобождения Новгорода. Ряд соединений и частей Волховского фронта, отличившихся в бою, получил наименование «новгородских».

Таким был первый удар из серии тех знаменитых десяти ударов, которые нанесла Красная Армия по немецко-фашистским захватчикам в 1944 году.

Я приехал в Новгород сразу, как только его освободили. На улицах царила мертвая тишина. Всюду громоздились кучи битого кирпича. На весь город целыми остались около сорока зданий. Величайшие памятники древности, гордость и украшение старинной русской архитектуры, были взорваны. От церквей Спаса на Ильине, Петра и Павла в Кожевниках сохранились лишь голые остовы стен. Рухнули на землю Никольский собор, Евфимиевская башня и звонница. Воздвигнутый в 1052 году Софийский собор был разграблен, его сверкавший позолотой купол ободран, городской сад сожжен. В 1862 году в Новгороде был сооружен памятник тысячелетия России. Гитлеровское командование, собиравшееся отдать новгородскую землю восточно-прусским колонистам, намеревалось стереть свидетельства русской старины с лица земли. Памятник тысячелетия оно решило пустить на переплавку. Специальные отряды солдат уже распилили на куски металлические статуи, но не успели их вывезти. И когда советские воины ворвались в город, они увидели лежащие в сугробах снега бронзовые изваяния Александра Невского, Петра I и А. В. Суворова.

Под Новгородом отличились многие советские воины. Среди других освободителей Новгорода особенно прославились воины танковых рот под командованием гвардии капитанов

В. Г. Литвинова и Г. Г. Телегина. Когда 20 января 1-й танковый батальон 7-й гвардейской танковой бригады генерала Бориса Ивановича Шнейдера помчался из Подберезья, чтобы отрезать пригороды Новгорода от его центра, ему пришлось преодолеть яростное сопротивление противотанковой обороны врага. В течение последующих двух дней этот батальон, взломав несколько оборонительных полос и форсировав реку Веренец, развернул бой за селение Кшентицы, чтобы оседлать шоссе на город Лугу и не дать фашистам уйти из окружения. Возле этого селения 22 января в жестоком бою с врагами гвардии капитаны В. Г. Литвинов и Г. Г. Телегин геройски погибли. Им было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Оба героя похоронены в новгородском кремле. Над могилой героев был установлен каменный пьедестал, а на нем башня с танка Литвинова.

Но вот Новгород остался за плечами. Впереди нас ждала Луга. Начался второй этап операции. Если на первом этапе мы наступали на один фланг 18-й фашистской армии, в то время как ленинградцы наносили удары по другому ее флангу, то теперь, когда задача эта была выполнена, волховчанам следовало создать западнее Новгорода крупный оперативный плацдарм, на котором могли бы развернуться основные силы фронта и резервы Главного командования, вводимые в сражение в ходе развития операции. Эта задача выполнялась нами следующим образом.

59-я армия, наступавшая в течение 14—20 января на направлении главного удара, по-прежнему шла вперед. Но по мере того как на крайнее левое крыло фронта все более перемещался центр тяжести событий, мы перебрасывали сюда последовательно дивизию за дивизией из других армий для наращивания мощи главного удара и стремительного развития фронтового наступления. Теперь основные силы фронта отчетливо вырисовывались на левом фланге, а общее направление ударной группировки фронта устремилось в перспективе на Псков. Мы как бы сдвигались на юг по меридиану и вытягивались на запад по параллели. Фронтовой параллелепипед приобретал очертания клина. Прорвав инженерно-артиллерийскую позиционную оборону противника в сильнейшем ее месте, фронт развивал наступление и вел борьбу за выход на оперативный простор.

В этот период резко активизировались партизаны Ленинградской области. Оккупанты привлекли для борьбы с ними, помимо охранных дивизий, по батальону из каждой полевой

дивизии, но не сумели подавить партизан. В результате наступление, предпринятое советскими войсками в последней декаде января, совпало с серией организованных Центральным штабом партизанского движения ударов, нанесенных партизанами по немецким тылам. Мне кажется, что по гармоничности эта совместная операция имеет мало себе равных. Полагаю, что историки обратят на это взаимодействие партизан с войсками Красной Армии особое внимание.

Чтобы ускорить темпы наступления, Военный совет фронта образовал подвижную группу с ее ядром — 7-й гвардейской танковой бригадой. Подвижная группа вошла в прорыв и устремилась к станции Передольская на железной дороге Ленинград — Дно. Используя ее успех, за нею немедля наступали другие части и соединения 7-го стрелкового корпуса. Вопреки мнению гитлеровского командования, считавшего невозможным использование здесь крупных танковых масс, в том числе тяжелых танков, советские танкисты доказали обратное. Усиленные полками самоходной артиллерии, наши танковые бригады и полки прорыва явились как бы бронированным тараном, опрокинувшим врага и не давшим ему закрепиться на промежуточных рубежах. Так был обеспечен своевременный перехват путей на Лугу с юга.

Я собирался существенно увеличить подвижную группу за счет соседних участков фронта, чтобы по-прежнему продвигать ее вперед как своеобразный таран. Однако вскоре ситуация резко изменилась, что привело к удлинению сроков второго этапа операции с четырех до десяти дней, и вот почему.

Потерпев поражение на флангах, 18-я немецкая армия начала 21 января отходить в центре, перед позициями 67-й армии Ленинградского фронта, а также наших 8-й и 54-й армий. В то же время противник подбросил на новгородское направление значительные резервы. Как только мы узнали об этом, потребовались срочные изменения. Обязав 59-ю армию продолжать продвижение, я отдал приказ о переходе в наступление по всему фронту. 8-я армия генерал-лейтенанта Ф. Н. Старикова и 67-я армия ленинградцев преодолели сопротивление фашистских арьергардов и штурмом взяли железнодорожный узел Мгу, а несколько позднее Тосно. 54-я армия генерал-лейтенанта С. В. Рогинского овладела селением Грузино, но затем ее продвижение застопорилось.

Дело в том, что гитлеровцы, отойдя до линии железной дороги Нарва — Тосно, южнее отступать не собирались. Крупный выступ их фронта на востоке, в районе Любань — Чудо-

во — Финев Луг, они намеревались отстаивать до конца. Фланги выступа оборонялись на севере испанским легионом, на юге — 15-й дивизией СС, а в середине были сосредоточены 12-я, 21-я пехотные и 13-я авиаполевая дивизии, получившие приказ сражаться до последнего патрона. Тогда мы посоветовались с Л. А. Говоровым, поставили его в известность о наших планах, затем Военный совет решил, не прерывая хода операции, произвести новую серьезную перегруппировку войск фронта. С этой целью с разрешения Ставки 25 января соединения 8-й армии были переподчинены 54-й армии, что сразу усилило ее мощь и позволило взломать любаньско-чудовские узлы сопротивления. При этом весь Волховский фронт сдвинулся к югу, а его участок в направлении на Вырицу заняла 67-я армия Ленинградского фронта, который тоже сдвинулся к югу. Управление же 8-й армии мы перевели в район к западу от Новгорода и, выделив из 59-й армии 7-й и 14-й стрелковые корпуса, передали их этому управлению. Таким образом, 8-я армия в новом составе из крайней правой превратилась теперь в крайнюю левую во фронте и повела наступление на Передольскую и Уторгош, в то время как 59-я продолжала двигаться на Батецкий и Лугу.

Естественно, перегруппировка войск, а также полевого управления 8-й армии, ознакомление армейского командования с новыми соединениями, уточнение боевых задач и полос наступления заняли несколько лишних дней, что и привело к удлинению сроков второго этапа операции. Зато мы тем самым убили одновременно трех зайцев: дали возможность усиленной 54-й армии нанести удар по любаньско-чудовскому выступу; нарастили мощь основной группировки фронта на его левом крыле, обеспечив дальнейшее развитие наступления на Сольцы; наконец, стали активнее использовать корпусную форму управления войсками.

К корпусам я всегда питал слабость. Их ликвидацию в свое время считал ошибкой, так как жизнь свидетельствовала, что без этого промежуточного звена между армией и дивизией дело проигрывает. Приветствовал затем их восстановление в правах. А теперь, оставив 59-й армии только два стрелковых корпуса (112-й и 6-й) и средства усиления, а два включив в 8-ю армию, я в первые же дни убедился, сколь оперативнее стали действовать командующие. Видеть это было тем приятнее, что в тылу фронта уже сосредоточивался еще один корпус, 99-й, присланный из резерва Верховного Главного командования.

Волховчане давно уже перешли через разграничительную линию, отделявшую их от полосы 2-го Прибалтийского фронта. Наши части подступали вплотную к устью реки Шелонь, за которой функционировали тылы 16-й немецкой армии. Конечно, каждому командующему фронтом хочется, чтобы действия его войск согласовывались с действиями соседей. Но если нашим соседом справа был Ленинградский фронт и мы работали вместе как единый механизм, то слева пока ничего похожего не получалось. Просто брала досада, когда приходилось видеть подобную несогласованность, может быть и по нашей вине. Я не раз докладывал по этому поводу в Ставку, да и Верховное главнокомандование само собиралось наладить дело по-другому, но в тот раз, вероятно, не успело.

Ленинградцы же не теряли времени даром. До конца января 67-я армия успела освободить Вырицу и Сиверский; 42-я армия овладела Слуцком, Пушкино, Гатчиной (Красногвардейском), Волосово и Большим Сабском; 2-я ударная армия прорвалась к Котлам и Кингисеппу. Параллельно 67-й армии Ленинградского фронта двигалась наша 54-я, ворвавшаяся в Любань и Чудово и крепко потрепавшая при этом 26-й и 28-й вражеские корпуса. Впервые с 1941 года железная дорога Москва — Ленинград стала свободной на всем своем протяжении. Теперь волховчане и ленинградцы атаковали отдаленные подступы к Луге по двум сходящимся направлениям, а все силы фашистов, державшие оборону в треугольнике озер Велье, Белое и Тигода, оказались под угрозой окружения. Конфигурация линии боевых действий была здесь весьма любопытной. 67-я армия наступала с севера, вдоль железной дороги Ленинград — Псков, прямо на Лугу; 54-я армия от Апраксина Бора устремилась к Оредежу; 59-я двигалась на Батецкий; 8-я подошла к Передольской. Взглянув на карту, читатель заметит, что таким образом три последние грозили перерезать железнодорожную линию Ленинград — Дно сразу в трех местах.

Упорнейшие бои разыгрались в районе Передольской. Согласно общему плану действий навстречу частям 8-й армии выступили партизаны. 5-я партизанская бригада майора К. Д. Карицкого утром 27 января захватила эту станцию, о чем тотчас же радировала в штаб Волховского фронта. В 7-й корпус я немедленно дал сигнал ускорить продвижение, и 7-я танковая бригада рванулась к железной дороге. Между тем гитлеровцы направили сюда с севера бронепоезд с пехотным десантом и пытались вновь овладеть Передольской. Однако партизаны не отошли, пока не подоспели части Красной Армии.

372-я стрелковая дивизия прочно закрепилась в Передольской, сменив здесь танкистов, которые опять были посланы вперед, на Оклюжье, в обход Луги с юга, где, выходя им навстречу, попрежнему рвали линию немецкого фронта отряды партизан. В тот же день на Неве прогремел салют, и, расцвеченный огнями, город Ленина отпраздновал окончательное снятие фашистской блокады. Это было достойное завершение первого месяца 1944 года.

В первых числах февраля начался третий этап операции. Как мне кажется, к тому времени гитлеровская ставка поняла, что ее надежды на удержание прежних позиций в Ленинградской области безвозвратно рухнули. Пытаясь спасти что можно, она заменила командующего группой армий «Север» генерал-фельдмаршала Кюхлера «специалистом по стратегической обороне» генерал-полковником Моделем. Чтобы затормозить продвижение 8-й армии Волховского фронта к Уторгошу, фашисты создали на стыке своих 18-й и 16-й армий оперативную группу войск генерала Фриснера, подчинявшегося непосредственно Моделю.

2-й Прибалтийский фронт овладел Новосокольниками. Однако его правый фланг все еще не пришел в движение. Фриснер воспользовался этим, снял из 16-й армии 121-ю пехотную дивизию, бросил ей навстречу с севера 12-ю танковую и 285-ю охранную дивизии и сумел отрезать от главных сил передовые соединения нашего 7-го корпуса.

Наступили трудные дни. В окружении оказались 256-я стрелковая дивизия А. Г. Козиева, часть 372-й дивизии и полк партизан. Отважный и решительный воин полковник Козиев принял на себя командование стихийно возникшей группировкой, а фронтовая авиация наладила регулярное ее снабжение продовольствием и боеприпасами. В течение 12 дней гитлеровцы тщетно пытались ликвидировать взятые ими в кольцо соединения и части. Они не сумели даже рассечь группировку, хотя предпринимали одну яростную атаку за другой. А когда фронт пробил кольцо окружения, воины и партизаны под командованием Козиева тотчас включились в общее наступление.

Оценивая сложившуюся обстановку, мы вынуждены были учитывать следующее: во-первых, за последнюю декаду января Волховский фронт в упорных боях понес некоторые потери. Когда я доложил об этом в Ставку, то узнал, что резервы пойдут прежде всего на Украину. Как же помочь волховчанам? Естественно, за счет тех соседей, кто пока не вливался в общий

поток наступающих войск. Во-вторых, хотя враг потерял на нашем фронте за тот же срок значительно больше, чем мы, он сумел увеличить за счет других участков количество войск в полтора раза. Значит, полагал я, мы вправе были рассчитывать на поддержку. В-третьих, наступление волховчан и ленинградцев по сходящимся направлениям привело к уменьшению оперативного пространства, входящего в зону 18-й немецкой армии. Только одна ее группировка была отсечена от главных сил и отброшена к эстонской горловине между Чудским озером и Балтийским морем. Остальные же ее соединения сжались в кулак, прикрывавший с востока Псков. Это соответственно сузило ширину Ленинградского фронта, которому Ставка определила теперь полосу действий от Нарвы до Мшинской. В результате сузилась на севере и полоса действий Волховского фронта, простиравшаяся теперь от озера Велье до Шимска, причем по распоряжению Ставки 124-й корпус мы опять-таки передали соседней с ним 67-й армии Ленинградского фронта.

Таким образом, Волховский фронт повернули на юго-запад, поставив ему задачу выйти на рубеж Луга — Дно. Ее можно было выполнить, только развивая наступление к югу от Ильменя. А для этого нужны были дополнительные силы. Так я и поставил вопрос перед Ставкой. 1 февраля Ставка передала 1-ю ударную армию 2-го Прибалтийского фронта Волховскому фронту. Нам прибавилось 100 километров боевых позиций западнее реки Ловать. Прибавилось и забот. Зато мы могли теперь осуществлять операцию, направленную на разгром правого крыла 18-й немецкой армии, группы войск Фриснера и левого крыла 16-й армии фашистов. Ознакомление с 1-й ударной армией показало, что ее соединения не сумеют сразу вести активные наступательные действия. Поэтому Военный совет фронта, укрепив ее несколькими частями, наметил ограниченную задачу: силами трех дивизий и одной бригады форсировать реки Редья и Полисть севернее Поддорья, с тем чтобы оттянуть на себя от Шелони вражеские части, сколько удастся, и облегчить фронту прорыв на Сольцы и Уторгош. С этой задачей 1-я ударная армия справилась, и 16-я немецкая армия прекратила переброску резервов в бассейн Мшаги и Шелони, навстречу наступающим волховчанам.

Вскоре была произведена новая перегруппировка: 8 февраля 54-я армия овладела Оредежем, а 9 февраля ее 115-й корпус тоже был передан Ленинградскому фронту, 111-й перешел в резерв. Управление же армии, оставшейся без соединений, я приказал перевести на левый фланг нашего фронта. Здесь в со-

став заново созданной армии, сколоченной нами прямо на ходу, вошли разные соединения 7, 14 и 99-го корпусов, наступавшие вверх по течению Шелони. После этой реорганизации 59-я армия, которая начинала Новгородско-Лужскую операцию на крайнем левом крыле фронта, оказалась теперь на его правом крыле, все так же неумолимо двигаясь на запад. К 12 февраля перегруппировка закончилась, и наступление возобновилось. В тот же день утром был освобожден населенный пункт Батецкий, а вечером волховчане и ленинградцы с востока и севера ворвались в Лугу, пройдя за полсуток с боями 30 километров. Дальше до самого Чудского озера здесь растянулись соединения Ленинградского фронта, гнавшие врага на юг. Повернули на юг и мы. Впереди замаячили Дно и Порхов.

Так завершился третий этап интереснейшей по замыслу и сложнейшей по организации Новгородско-Лужской операции. В результате совместных действий трех фронтов и флота была очищена от фашистов советская территория площадью в 20 тысяч квадратных километров, окончательно ликвидирована блокада Ленинграда и района Невы, восстановлено в полном объеме движение по семи железным дорогам из Ленинграда: на Вологду, Рыбинск, Москву, Новгород, Батецкий, Лугу и Усть-Лугу.

С поражением немецкой группы армий «Север» наметились новые трещины в фашистском блоке. Политические последствия этого факта не замедлили проявиться уже весной 1944 года. Резко возросло партизанское движение в Норвегии. Швеция пересмотрела свою позицию по отношению к Берлину. Правительство Финляндии запросило Москву о возможных условиях перемирия. Немецкое командование лишилось многих кадровых воинских соединений и частей. Потери эти оказались невосполнимыми, что обнаружилось вскоре же, при освобождении республик советской Прибалтики. Героическая деятельность славных воинов Красной Армии была по заслугам оценена Родиной. 21 февраля большую группу воинов упомянутых фронтов и Балтийского флота удостоили высоких наград.

В середине февраля я полагал, что мне доведется участвовать в разгроме врага еще и на четвертом этапе операции. Признаюсь, что мне очень хотелось этого, и я даже кое-что прикидывал заранее, планируя, как волховчане приступят к освобождению Эстонии и Латвии, а возможно и Белоруссии. Однако Ставка уже замыслила использовать по-другому командование и управление Волховского фронта. Скажу поэтому

лишь несколько слов о дальнейшей судьбе тех армий, с которыми я сроднился во время двухлетних боев на Волхове, а также о некоторых других. 1-я ударная была возвращена 2-му Прибалтийскому фронту и дошла тогда в его составе до Пушкинских Гор. 54-ю армию передали Ленинградскому фронту, и она дошла в то время до Сошихино. Сюда же, в район Пскова — Острова, подошли 67-я и 42-я армии ленинградцев. В дальнейшем из них сформировался 3-й Прибалтийский фронт, который под командованием генерала армии И. И. Масленникова принял участие в освобождении Эстонии и Латвии. 8-я армия вернулась под Нарву, на участок, через который ей пришлось отступать осенью 1941 года. Отсюда в составе Ленинградского фронта она прорывалась к Таллину, а затем освобождала Моонзундский архипелаг. Ее соседом слева была 2-я ударная, через Тарту и Пярну вышедшая к Рижскому заливу. Наконец, 59-ю армию перебросили к ленинградцам на Карельский перешеек, и она освобождала позднее Выборг.

Карельский фронт

К новым боям

Вместо Белоруссии — в Карелию.—
На авансцене «большая политика».—
Три года карельских будней.—
Ознакомление с армиями.—
Адмирал Головко.—
Там, где много «бараньих лбов».

В середине февраля 1944 года меня срочно вызвали в Ставку. Причина вызова оказалась для меня неожиданной: Волховский фронт ликвидировался, его войска передавались Ленинградскому фронту, а я назначался командующим Карельским фронтом. Эта перемена меня не очень-то обрадовала. Я уже давно просился на Западное направление. А теперь, когда наши войска стояли у границ Белоруссии, территория которой мне была хорошо знакома еще по довоенной службе, перевод на Север казался мне нежелательным. Так я и сказал в Ставке. Но И. В. Сталин ответил примерно следующее: «Вы хорошо знаете и Северное направление. К тому же приобрели опыт ведения наступательных операций в сложных условиях лесисто-болотистой местности. Вам и карты в руки, тем более что еще в 1939—1940 годах, во время советско-финляндской войны, вы командовали армией на Выборгском направлении и прорывали линию Маннергейма. Назначать же на Карельский фронт другого человека, совсем не знающего особенностей этого театра военных действий и не имеющего опыта ведения боев в условиях Карелии и Заполярья, в настоящее время нецелесообразно, так как это связано с затяжкой организации разгрома врага. Всякому другому командующему пришлось бы переучиваться, на что ушло бы много времени. А его-то у нас как раз и нет».

Против таких доводов возражать было трудно. Далее Ставка сформулировала в общих чертах стоявшую перед Карельским фронтом задачу: за летне-осеннюю кампанию 1944 года освободить Карелию и очистить от немецко-фашистских войск Петсамскую (Печенгскую) область в ходе широких наступательных действий. Так как Карельский фронт длительное время стоял в обороне и в связи с этим его войска и командиры не имели опыта крупных наступательных операций, то наряду со сменой командования Ставка решила перебросить в Карелию еще и управление Волховским фронтом. Приход новых и опытных сил должен был активизировать боевые действия. Командующему же надлежало как можно скорее разобраться в обстановке, изучить наступательные возможности фронта и к концу февраля представить свои соображения по разгрому немецко-финских войск.

Такова была чисто военная сторона дела. Но не она являлась, пожалуй, самой сложной. Теперь на авансцену выходила «большая политика», поскольку речь должна была идти о Финляндии как союзнике Германии. Естественно, при этом всплывал и весь комплекс вопросов, связанных с событиями еще 1940 года. Дело осложнялось также тем, что, как известно, в 1940 году Финляндии помогали и те, кто в 1944 году являлся нашим союзником. У них к Финляндии имелась своя позиция, далеко не совпадавшая к тому же с их позицией относительно Германии. Советское правительство не могло не учитывать этого. Кроме того, нужно было думать и о послевоенном устройстве мира. А поскольку Советский Союз хотел иметь на северо-западе дружественного соседа, с которым успешно развивались бы полезные контакты, наше правительство не упускало из виду и это обстоятельство. Наконец, следовало помнить, что за рубежами Финляндии лежала вся Скандинавия. Практически скандинавские страны судили о нашей внешней политике и соответственно исходили из этого при определении собственной линии по отношению к СССР в первую очередь на основании того, как развивались взаимоотношения СССР и Финляндии. Да, таннеровско-маннергеймовская Финляндия была военным врагом. От этого никуда нельзя было уйти. Но этим вопрос не исчерпывался. Был еще финский народ; была действовавшая в подполье коммунистическая партия Финляндии; были финские партизаны — лесогвардейцы героя антифашистского Сопротивления Вейкко Пёюсти, воевавшие в финляндском тылу с фашистами, и его последователи, героически сражавшиеся против немецких войск. Вот почему каждое военное решение

проблемы требовало тщательным образом учитывать все изложенные выше обстоятельства, и в течение всего времени командования Карельским фронтом я беспрестанно это чувствовал.

В Ставке меня информировали, что разгром немецко-фашистских войск под Ленинградом и Новгородом резко отразился на настроении финляндского правительства. Оно запросило Советский Союз об условиях, на которых Финляндия могла бы выйти из войны, и ему была сообщена точка зрения Советского правительства. Основными требованиями являлись: разрыв отношений с Германией; интернирование находившихся на территории Финляндии немецких войск; отвод финляндских войск к границам 1940 года. Чтобы скорее закончить войну и уменьшить число жертв, правительство СССР выразило готовность пойти навстречу Финляндии и вести с ней переговоры. В связи с этим мне было указано, что при планировании операций особое внимание следует уделять северному участку фронта, где стояли немецкие войска.

Закончив дела в Генеральном штабе, я отбыл в Беломорск, где находился тогда штаб Карельского фронта. Через несколько дней туда же прибыло управление Волховского фронта. На его основе было сформировано управление Карельского фронта, которое в конце февраля уже приступило к работе. Характер этой работы теперь существенно менялся, ибо фронт от обороны должен был перейти к наступлению. Новые задачи ложились и на штаб фронта. Начальником штаба был опять новый человек — генерал Б. А. Пигаревич. Вообще ни один из начальников штабов не служил больше года ни в отдельных армиях, ни на фронтах, которыми я командовал. То переведут на другую должность, то я сам ставлю вопрос о замене. Вероятно, дело заключалось не только в объективном, но и в субъективном моменте: я готов допустить, что штабистам служить со мной было нелегко. Ведь я долго работал в штабах. Поэтому их специфику знал и требовал многого. Конечно, не собирался снижать требований и в Карелии.

Карельский фронт возник в первый период войны. На его войска была возложена задача не допустить продвижения врага в глубь нашей территории, обеспечить северный стратегический фланг всего советско-германского фронта и наши тамошние железнодорожные и морские коммуникации. С этой задачей фронт справился. Боевые действия начались здесь почти одновременно с наступлением немецко-фашистских войск на Ленинград, Москву и Киев. Гитлеровское командование бросило сюда части горных егерей, прошедших специальную под-

готовку к действиям в холмисто-лесистой местности и имевших опыт захватнической войны на Крите, в горах Греции и Северной Норвегии. «Герои Нарвика и Крита» устремились вдоль немногочисленных дорог на Мурманск, через который поддерживалась морская связь СССР с внешним миром и где находилась база Северного военно-морского флота. Они рвались также к Кандалакше, Кестеньге и Ухте, к Кировской железной дороге, к природным богатствам Кольского полуострова и Карелии.

Защитники Советского Заполярья и Карелии встретили врага решительным сопротивлением и контрударами. Правда, используя свое превосходство в силах и технике, противнику удалось потеснить наши части и выйти в Заполярье к реке Западная Лица, а южнее захватить Алакуртти и Кестеньгу, овладеть Петрозаводском и продвинуться до реки Свирь. Но на этом его успехи закончились. Ни ожесточенные атаки, ни частые воздушные бомбардировки — ничто не смогло сломить стойкости советских воинов. К декабрю 1941 года враг был вынужден повсеместно прекратить систематические атаки, не дойдя ни до Мурманска, ни до основной части Кировской железной дороги. Войска Карельского фронта перешли к стабильной обороне.

Почти три года они удерживали занятые рубежи, которые протянулись более чем на тысячу километров — от холодных вод Баренцева моря до Ладожского озера. Ни один фронт в 1944 году не имел такой большой протяженности. Линия Карельского фронта тянулась по тундре и диким скалам Заполярья, затем спускалась к югу по многочисленным рекам, озерам, лесам и болотам Карелии, перехватывая основные дорожные направления, выводящие к Мурманску, Белому морю и Кировской железной дороге. Враг не знал покоя ни в пасмурные, серые дни короткого северного лета, ни в лютую стужу длинной полярной зимы: наши войска, стойко обороняясь, сами неоднократно наносили удары по немецким позициям.

Советские воины совершали дерзкие налеты в тыл, ходили в глубокую разведку, проводили местные операции по улучшению линии фронта. Корабли Северного военно-морского флота топили вражеские суда и в открытом море и на базах, обеспечивали важнейшую водную магистраль, связывающую СССР с Англией и США. В течение всех этих лет Мурманский порт принимал боевые корабли и транспорты, а по Кировской железной дороге от Мурманска до Беломорска ни на один день не прекращалось движение поездов.

Воины Севера нанесли гитлеровцам громадные потери. Враг лишился десятков тысяч солдат и офицеров. Стоит посмотреть хотя бы на одно немецкое кладбище 19-го горнострелкового корпуса в Петсамо: десять тысяч крестов, под каждым крестом — по нескольку погибших, а над всем этим безмолвным «березовым лесом» высится колоссальный железный крест на гранитном постаменте.

В ходе оборонительных боев оттачивалось воинское мастерство наших воинов, совершенствовалась техника обороны, складывались формы организации войск. К началу 1944 года войска, оборонявшиеся на дорожных направлениях, были объединены в армии.

Первоначальная картина, с которой я столкнулся, оказалась такой. На Мурманском направлении действовала 14-я армия, на Кандалакшском — 19-я, на Ухтинском — 26-я, на Медвежьегорском — 32-я, по реке Свирь стояла 7-я армия. Позиции армий перехватывали в основном дороги и прилегающие к ним полосы местности, удобные для движения войск или маневрирования. А между ними пролегали обширные безжизненные пространства, покрытые дикими скалами, девственными лесами и топкими болотами. Через эти «ничейные» земли разведывательные подразделения проникали в тыл, нападали на вражеские коммуникации, штабы и узлы связи, взрывали склады и собирали информацию. На северном участке фронта (Мурманское, Кандалакшское и Ухтинское направления) против наших войск действовали немецкие корпуса 20-й лапландской армии. На юге нам противостояли финляндские войска.

Отдав приказ о вступлении в командование фронтом, я немедленно приступил к тщательному ознакомлению с ним. Прежде всего важно было знать, не готовит ли противник какую-либо каверзу. Поэтому в первую очередь я заслушал начальника разведки. Затем мне доложили о ситуации на отдельных участках фронта и в наших боевых порядках командующие родами войск.

Уяснив себе боевой состав фронта и возможные способы управления, я выехал вечером 22 февраля в войска, оборонявшиеся на северном участке. Вместе со мной выехал мой заместитель генерал-полковник В. А. Фролов, который до этого командовал Карельским фронтом, и ответственные офицеры штаба. Мы посетили 26-ю армию (командовал ею сначала генерал-лейтенант Н. Н. Никишин, а потом лихой, бравый, молодой и красивый генерал-лейтенант Л. С. Сквирский),

которая прикрывала район от линии Кестеньга — Лоухи до линии Ухта — Кемь, между озерами Среднее Куйто, Топозеро и Кереть. Перед нею стояли 18-й немецкий горнострелковый корпус и отдельные финляндские части, отлично вооруженные и закаленные в боях. Но зато и наша 26-я армия была хорошо укомплектованной и наиболее многочисленной из всех армий фронта, причем в нее входила отдельная лыжная бригада, обладавшая боевым опытом действий в условиях местной зимы.

Здесь еще в августе 1941 года разыгрались ожесточенные бои. Захватив Кестеньгу, немецко-фашистские войска подошли чуть ли не вплотную к Кировской железной дороге, ведшей на Мурманск. Находясь почти у цели, они, не жалея сил и не считаясь с потерями, предпринимали одну атаку за другой. Затем немцев поддержала финляндская бригада «Север». Но и это не принесло успеха. Тогда гитлеровское командование перебросило сюда значительные силы авиации, чтобы мощными бомбардировками сломить стойкость защитников станции Лоухи, однако все было напрасно. К осени 1941 года немцы и финны перешли к обороне.

Когда я приехал в Лоухи, мне рассказали об одном любопытном эпизоде. В начале 1942 года во время налета вражеской авиации был сбит немецкий бомбардировщик, а летчик, выбросившийся на парашюте, взят в плен. На допросе он развязно заявил (тогда еще немецкие пленные вели себя нагло и вызывающе), что ему, между прочим, довелось в своей жизни бомбить три «Л», игравшие важную роль во второй мировой войне: Лондон, Ленинград и Лоухи. Этот случай по-своему иллюстрирует то значение, которое придавало фашистское командование станции Лоухи, и те мысли, которые в этой связи внушались действовавшим здесь немецким военнослужащим.

При осмотре части 26-й армии оставили хорошее впечатление. Позднее составилось хорошее мнение и о ее командующем. Приятно было видеть и слышать, как, невзирая на лютые морозы и ветры, отдохнувшие в ближнем тылу подразделения бодро двигались в сторону переднего края, и то там, то тут звенела солдатская песня:

По карельским лесам и болотам,
По вершинам заснеженных гор
С боем движется наша пехота
Защищать край лесов и озер.

В приподнятом настроении я выехал в 19-ю армию. Командовал ею очень упорный и настойчивый в обороне и в наступлении генерал-майор Г. К. Козлов. Она держала оборону на Кандалакшском направлении против 36-го немецкого армейского корпуса, прикрывая Кольский полуостров и подходы к Белому морю. В нее входили в основном как раз те дивизии и части, которые в 1941 году преградили здесь путь немецко-фашистским захватчикам и успели набраться опыта боевых действий в Заполярье. На эти войска тоже можно было положиться. За их плечами простирались верховья Кандалакшской губы.

Южнее лежала путаница рек, холмов, озер и лесов по берегам Ковдозера. Севернее дорога уходила к апатитовым разработкам. Там, за Полярным кругом, в Хибинских горах, высились новостройки, возведенные упорным трудом советских патриотов — рабочих, техников, ученых. На склонах предгорий теснились ели, желтели северные березы. Причудливо изгибается железная дорога. Тут рукой подать до рудников Кукисвумчорра. Сереет нефелин Уртита. Зеленым блеском отливает Юкспор. Бегают вагонетки. А когда в небе возникает прерывистый гул немецких самолетов, все здесь замирает, чтобы вскоре опять прийти в движение. Даже в тяжелейшие для страны дни не затихает работа. Полям необходимы удобрения; химическим предприятиям нужен фосфор для вторичного производства; самолетные заводы требуют нефелинового алюминия и нержавеющих составов для покрытия металлических частей. А сейчас к этому богатству тянутся лапы германских монополий, которые ждут и не могут дождаться, когда же наконец фашистские части проложат им путь на советский Север.

Из 26-й армии мы поехали в 14-ю армию, в Мурманск. В этом городе мне приходилось бывать и раньше. Еще в 1940 году, когда я командовал Ленинградским военным округом, мы с А. А. Ждановым и начальником инженерных войск округа А. Ф. Хреновым специально ездили в Мурманск для изучения местных условий возможного театра военных действий, особенно полуострова Рыбачьего, который посетили вместе с моряками. Это покрытое тундрой плато, на 300 метров вздымающееся над уровнем моря, круто спускается к морскому берегу, где, согреваемый ответвлением Гольфстрима, лежит пропахший сельдью и мойвой важный в стратегическом отношении поселок Цып-Наволок. Мне особенно было приятно встретить в 14-й армии своего старого знакомого,

ее командующего В. И. Щербакова. Я знал его как способного командира дивизии еще по работе в Ленинградском военном округе. Чувство такта и выдержки не покидало его даже в самые напряженные минуты, а последних было у него немало. Его армия состояла всего из двух стрелковых дивизий, морской стрелковой и отдельной лыжной бригад. Их сравнительная малочисленность компенсировалась высоким боевым духом. Именно они в декабре 1941 года нанесли невосполнимый урон егерям немецкого 19-го горнострелкового корпуса в долине реки Западная Лица, которую сами немцы прозвали «долиной смерти».

С 14-й армией взаимодействовал Северный военно-морской флот (командующий — энергичный и решительный адмирал А. Г. Головко, всегда на редкость чутко относившийся к нуждам фронта). Флот осуществлял также оперативные и снабженческие перевозки для армии. В 1941 году несколько отрядов моряков приняло участие в боях на суше. Впоследствии эти отряды объединились в морские стрелковые бригады. Моряки не щадили себя в боях, и к 1944 году, когда мало кто уцелел из первоначального состава бригад, они были в основном укомплектованы маршевыми подразделениями пехоты, хотя по-прежнему назывались морскими.

Нашей встречей в тот раз дело не ограничилось. В ходе подготовки операций мне неоднократно приходилось встречаться затем с Арсением Григорьевичем Головко, бывать у моряков и приглашать их к себе. Однажды в начале апреля 1944 года меня пригласили осмотреть прибывший на Север линкор, присланный англичанами. Головко сетовал, что на прикрытие корабля приходится тратить много самолетов, а выход линкору в море был запрещен. И вот во время осмотра линкора кто-то из присутствующих сказал: «Жаль, что такая громада стоит среди моря и не приносит никакой пользы, а сколько бы вышло танков из его брони!» Это высказывание было не случайным. Среди моряков давно шли споры о том, какие нам нужны корабли и каким станет в дальнейшем военно-морской флот. Известно, что после войны все державы мира, владевшие ранее линкорами и другими крупными надводными кораблями, начали пересматривать состав своих флотов в связи с изменением характера современного оружия и соответственно боевых операций. Не хочу вмешиваться в дела моряков, но не скрою, что в тот момент, любуясь красавцем кораблем, я все же подумал, что три сотни танков были бы нам, пожалуй, более кстати. Не меньше, чем Головко,

сетовал и я на то, что нужно обеспечивать «чистое небо» над линкором. Наш фронт был и без того не богат истребителями.

С командующим флотом у меня установился тесный деловой контакт. Когда возникала необходимость, мы охотно помогали друг другу. Ни моряки нам, ни мы им ни в чем не отказывали. Когда однажды во время подготовки операции Головко высказал опасение, что у них может не хватить снарядов, я без промедления отдал распоряжение командующему артиллерией фронта подсчитать наши возможности и тотчас поделиться с флотом. Такие отношения не только укрепляли боевую дружбу, но и помогали лучше делать общее дело.

Возвратившись в Беломорск, я встретился с командующим 32-й армией, уже знакомым читателю генерал-лейтенантом Ф. Д. Гореленко, который прибыл в штаб фронта с докладом. С командующим же 7-й армией генерал-лейтенантом А. Н. Крутиковым, до мозга костей военным человеком, я виделся несколько раньше, в Вологде, куда он прибыл с докладом, когда я направлялся из Москвы в Беломорск. Обе эти армии держали оборону против финляндских войск. Их район боевых действий хорошо был знаком мне еще по 1941 году, когда пришлось руководить операциями наших войск в Южной Карелии, сначала будучи представителем Ставки Верховного главнокомандования, а затем и командующим той же 7-й армией.

В результате изучения местности и противника, встреч с командующими армиями и командирами корпусов и дивизий у меня сложилось следующее представление о фронте, о возможных путях разгрома противника и освобождения Крайнего Севера и Карелии. Наиболее выгодным направлением для сосредоточения основных усилий являлось Кандалакшское. Оно позволяло провести расчленение 20-й лапландской армии на две изолированные одна от другой группировки. Вспомогательный удар лучше было нанести на Мурманском направлении. Штаб фронта пришел к мнению, что основной формой маневра следовало избрать глубокие обходы открытых флангов оборонительных позиций противника на труднодоступной местности специально подготовленными для этой цели войсками. Увы, для создания необходимой наступательной группировки на Кандалакшском направлении, а заодно и на Мурманском своих войск нам не хватало. Поэтому наряду с оперативным замыслом, который 28 февраля был представлен в Ставку, мы попросили о дополнительных средствах усиления фронта.

Ставка одобрила предложенный фронтом план освобождения Крайнего Севера и приказала, не дожидаясь директивных указаний, немедленно приступить к подготовке операции, на что ушли весна и часть лета 1944 года. Войска усиленно готовились к наступательным действиям на всех направлениях сразу. Велись работы по улучшению дорог, прокладывались колонные пути, оборудовались запасные огневые позиции и дополнительные наблюдательные пункты. В отдельных местах войска провели частные боевые операции, чтобы обеспечить себе выгодное исходное положение. Что касается Кандалакшского и Мурманского направлений, то здесь войска постепенно усиливались за счет частей, перебрасываемых с других участков фронта. Для наступления по труднодоступной местности из морских стрелковых бригад, отдельных лыжных бригад и отдельных лыжных батальонов были сформированы легкие стрелковые корпуса — 126-й и 127-й. В отличие от линейных соединений, эти корпуса не имели в подразделениях ни автомобильного, ни гужевого транспорта. Тяжелое оружие пехоты, артиллерия, минометы, средства связи, боеприпасы перевозились вьюками. Войска тренировались в умении вести бой на горно-лесистой местности, прокладывать колонные пути своими силами, совершать глубокие обходы по бездорожью. Штабы изучали маршруты предполагавшегося движения, продумывали до деталей построение походных колонн, изыскивали наиболее рациональную экипировку и эффективные методы обеспечения войск. Особенно напряженными были апрель и май, когда с руководящим составом всех трех северных армий командование фронтом провело оперативно-тактические игры, во время которых был прорепетирован ход предстоящих боевых действий. Затем в дивизиях провели серию смотровых тактических учений и командно-штабных игр, а командиры дивизий, полков, начальники штабов и оперативных отделов участвовали в сборах.

Из чего слагались в то время будни командующего фронтом, его рабочие дни? (Выходных дней тогда, естественно, не было.) Помимо того, что нужно было осуществлять общее руководство подготовкой к наступлению и решать еще тысячи повседневных дел, я старался как можно чаще встречаться с комсоставом и бывать на учениях и сборах. Там я непосредственно познакомился почти со всеми командирами соединений. Эти встречи приносили мне большую пользу: они дали возможность ближе узнать командный состав и изучить жизнь,

быт и настроение войск. Хотелось также как можно внимательнее прислушаться к высказываниям офицеров, которые, находясь длительное время на северном театре военных действий, накопили большой и ценный опыт.

Приведу такой пример. Когда однажды мне довелось посетить 19-ю армию, чтобы на месте решить вопрос о формах маневра в предстоявшем наступлении, очень полезной оказалась встреча с командиром 104-й стрелковой дивизии генерал-майором Г. А. Жуковым. Он, исходя из своего знания местности и данных разведки, высказал мысль о нанесении главного удара по 36-му армейскому корпусу немцев путем глубокого обхода его оборонительных позиций. Эта мысль сразу привлекла внимание, и вот почему. Фронт шел здесь от Ругозера к реке Тумча и далее в горы, к притокам реки Ена. В этих местах существовало особенно много «бараньих лбов». Так именовались оголенные ледником и отполированные ветром и дождями круглые вершины гор. Их группки, прижавшиеся одна к другой, назывались «курчавыми скалами». Сама природа препятствовала человеку освоить эти малопригодные для целесообразного использования просторы. А между ними, по лесам и озерам, протянулся так называемый верманский рубеж, сильно укрепленный противником. Попытка фронтального прорыва стоила бы очень дорого. Обходный же маневр позволял избежать излишнего кровопролития и траты средств. Вот почему штаб фронта, изучив предложение Г. А. Жукова, рекомендовал его затем командованию 19-й армии как основную форму маневра в предстоящей операции.

Финляндия выходит из войны

Переключаемся на Свирь.—
Психология наступающих.—
В третью годовщину.—
Между Ладожским и Онежским.—
Герои Сортавальской операции.—
Рассуждения о Финляндии.

Подготовка к проведению операции на Севере развернулась полным ходом. Но в том виде, в каком последняя была задумана, ей не суждено было осуществиться. В самый разгар подготовительных мероприятий финляндские руководители прекратили переговоры. Они отказались разорвать от-

ношения с Германией и интернировать или изгнать немецко-фашистские войска из Финляндии. Правящие круги Финляндии по-прежнему держали курс на продолжение войны против СССР. Чтобы вывести Финляндию из войны, Ставка Верховного главнокомандования приняла решение нанести главный удар по войскам на Карельском перешейке и в Южной Карелии.

30 мая я был вызван в Москву. Вместе со мной прибыли ближайшие сотрудники — член Военного совета генерал-лейтенант Т. Ф. Штыков, командующий артиллерией фронта генерал-лейтенант артиллерии Г. Е. Дегтярев, с которым я прослужил всю войну, и начальник оперативного управления, вечно погруженный в штабные дела генерал-майор В. Я. Семенов. Перед войсками Карельского фронта Ставка поставила теперь задачу очистить от финляндских войск Южную Карелию. Пришлось, не теряя времени, прямо в Ставке отработать некоторые детали операции и согласовать ее общий ход с Генеральным штабом. Нами привлекались 32-я и 7-я армии, которые усиливались за счет резервов Верховного главнокомандования. Отрадно было, что с северного участка фронта ничего не бралось: находившиеся там войска продолжали готовиться к разгрому 20-й лапландской армии противника. Их подготовка не пропала даром, но пока не они должны были выполнять главную задачу. Важную роль играли войска Ленинградского фронта, проводившие Выборгскую операцию и тем самым оттягивавшие крупные силы врага.

Впрочем, я остался доволен не всем. Направляясь в Кремль, я захватил с собой рельефную карту Ладожско-Онежского перешейка и в Ставке, оперируя данными разведки о силах противника, начал показывать, как трудно будет там действовать войскам. И. В. Сталин не любил, когда ему говорили, что враг станет поступать так-то и так-то. Нередко он при этом иронически спрашивал: «А вы откуда знаете? Вас противник персонально информирует?» Ответственные работники Генштаба, давние мои сослуживцы, напомнили мне об этом и тщетно отговаривали от замысла, в который я их посвятил. Получилось именно так, как они предсказывали. Верховный главнокомандующий усмотрел в моих словах попытку вытянуть лишние резервы и не дал таковых. Правда, по вторичному докладу сотрудников Ставки он пересмотрел свое решение, и резервы прибыли. После окончания операции я нарочно прислал в Ставку фотографии укреплений, прорванных нашими войсками на перешейке, с просьбой показать их Сталину.

Но позднее я узнал, что этот альбом так и не дошел до Верховного главнокомандующего.

Из Москвы, не заезжая в штаб фронта, мы выехали 3 июня в 7-ю армию, которая наносила главный удар через Свирь, и провели рекогносцировку местности с южного берега реки, в районе Лодейного Поля. Когда-то Лодейное Поле сыграло особую роль в истории русского флота. Здесь на Олонецкой верфи в 1703 году был спущен на воду первенец Балтфлота фрегат «Штандарт».

Гитлеровцы совершенно разрушили город. Там, где проходили улицы, теперь пролегали глубокие, во весь человеческий рост, траншеи. На месте домов под грудами кирпича и камня находились наблюдательные пункты и убежища. Виднелась и финская оборона: извилистая линия окопов по самому берегу, из воды поднимались рогатки, опутанные колючей проволокой. Все это время на фронте стояла относительная тишина. Лишь изредка где-то на большой высоте проносились тяжелые снаряды. Похоже было, что кто-то ворошил осенние листья. Это артиллерия с обеих сторон обменивалась «приветствиями».

После рекогносцировки командование фронта пришло к окончательному решению нанести основной удар вдоль северного берега Ладоги в направлении на Олонец, Салми, Питкяранту и Сортавалу, что имело в виду три момента: тактический (возможность взаимодействовать с Ладожской военной флотилией контр-адмирала В. С. Черокова), стратегический (окружение финляндских войск, действовавших севернее Онежского озера) и политический (выход к границе с Финляндией кратчайшим путем). На этом направлении были дороги, которые можно было использовать под тяжелые средства вооружения, применяемые обычно при атаке укрепленных районов. Между Лодейным Полем и Савозером, меж холмов Олонецкой гряды лежит Часовенная Гора. Здесь мы расположили временное полевое управление фронта, и отсюда осуществлялось руководство операцией.

Сражение началось с битвы на реке Свирь, после разлива достигавшей кое-где ширины в полкилометра. Войскам была поставлена задача разбить свирско-петрозаводскую группировку противника и форсировать свирский водный рубеж. 9 июня мы с Т. Ф. Штыковым были вызваны в Кремль. И. В. Сталин сказал нам, что ленинградцы должны прорвать линию финской обороны, но им необходимо помочь. С этой целью от Карельского фронта требовалось срочно разбить

свирско-сортавальскую вражескую группу войск. На подготовку отводилось не более десяти дней. Разработка задания была осуществлена в Ставке при участии А. М. Василевского, Г. К. Жукова и А. И. Антонова, которые присутствовали при разговоре.

К тому времени все резервные войска Карельского фронта были сосредоточены на Мурманском и Кандалакшском направлениях. В районе Лодейного Поля имелись только стрелковый корпус и две стрелковые бригады 7-й армии. Чтобы осуществить операцию, мы заранее подготовили театр военных действий для приема дополнительных сил: вырыли траншеи на три стрелковых корпуса и артиллерийские позиции для артдивизии. Но на прорыв укрепленной полосы требовалось три стрелковых корпуса, а затем для развития прорыва — еще один стрелковый корпус. Кроме того, была необходима артиллерийская дивизия прорыва и авиабомбардировочная дивизия.

Когда я обо всем этом доложил, И. В. Сталин сказал: «У вас один стрелковый корпус уже имеется; два мы дадим вам дополнительно, дадим и артиллерийскую дивизию. Что касается авиационной дивизии, то Маршал авиации Новиков получит указание сделать авиацией Ленинградского фронта один-два налета на расположенные перед вами финские позиции. Он будет прислан к вам для согласования».

Тут я стал настойчиво просить еще стрелковый корпус для развития прорыва. Однако А. М. Василевский и Г. К. Жуков категорически возражали. Обсуждение прекратилось. Вскоре А. М. Василевский и Г. К. Жуков ушли, а меня и Т. Ф. Штыкова И. В. Сталин пригласил посмотреть салют в честь Ленинградского фронта. Когда после салюта мы прощались, Верховный главнокомандующий сказал мне на ухо: «Я дополнительно выделю вам тот стрелковый корпус, который вы просили».

Обрадованные приятной вестью, мы отправились на командный пункт 7-й армии. Там находились уже А. Н. Крутиков и все начальники родов войск. До нашего прибытия командарм успел обсудить с ними план действий. Заслушав его, я принял окончательное решение: начнем с форсирования Свири и освобождения Кировской (Мурманской) железной дороги на участке от Лодейного Поля до Масельги, овладевая городами Олонец и Петрозаводск. Главный удар наносим, как и было решено, в направлении Сортавалы 7-й армией. Одновременно 32-я армия нанесет вспомогательный удар

в сторону Медвежьегорска, Юст-озера и Суоярви навстречу 7-й армии, обходя петрозаводскую группу войск противника с севера. Таким путем достигался двумя сходящимися ударами разгром врага в Южной Карелии.

Тяжелейшим участком оставалась река Свирь шириной 350 метров и глубиной от 8 до 11 метров. На ней находился мощный гидроузел Свирь-3, с плотиной глубиной 18 метров и с запасом воды в 125 миллионов кубометров. Это ставило перед войсками дополнительные задачи. Вот элементарный пример различия в психологии обороняющегося и наступающего: как я радовался в 1941 году, что Свирь — такая широкая, и как я сетовал на то же в 1944 году. Сейчас в интересах дела нужно было преодолеть водную преграду ниже гидроузла. А что, если финны откроют шандорный затвор? Тогда вода хлынет, и переправа будет сорвана. Нельзя ли нам упредить врага? Мы попытались разбить шандорную стенку морскими минами, но безуспешно. В ход была пущена тяжелая артиллерия, и дело пошло. Мы могли теперь сами спустить воду, когда захотим. Тотчас в план операции были внесены уточнения. Когда о коррективах узнали в Ставке, нас снова вызвали в Москву. Пришлось объяснять мотивировку своего решения, после чего идея получила одобрение.

Между прочим, проект решения вопроса о гидроузле был представлен мной Верховному главнокомандующему. Он не только интересовался сутью дела, но и вникал в такие детали, которые, пожалуй, мог даже обойти. Я упоминаю об этом потому, что в некоторых книгах у нас получила хождение версия, будто И. В. Сталин руководил боевыми операциями «по глобусу». Ничего более нелепого мне никогда не приходилось читать. За время войны, бывая в Ставке и в кабинете Верховного главнокомандующего с докладами, присутствуя на многочисленных совещаниях, я видел, как решались дела. К глобусу И. В. Сталин тоже обращался, ибо перед ним вставали задачи и такого масштаба. Но вообще-то он всегда работал с картой и при разборе предстоящих операций порой, хотя далеко не всегда, даже «мельчил». Последнее мне казалось излишним. Жизнь, боевая практика учат тому, что невозможно распланировать весь ход событий до конца. Важно было наметить общее русло действий, а конкретные детали предоставить вниманию нижестоящих командиров, не сковывая заранее их инициативу. В большинстве случаев И. В. Сталин так и поступал, отходя от этой традиции только тогда, когда речь шла о каких-либо политических

последствиях, или по экономическим соображениям, или когда его память подсказывала ему, что в прошлом он уже сталкивался с подобной обстановкой. Не скажу, что я всегда соглашался с тем, как И. В. Сталин решал вопросы, тем более что нам приходилось спорить, насколько это было для меня возможно в рамках субординации, и по малым, и по крупным проблемам. Но неверно упрекать его в отсутствии интереса к деталям. Это просто не соответствует действительности. Даже в стратегических военных вопросах И. В. Сталин не руководствовался ориентировкой «по глобусу». Тем более смешно говорить это применительно к вопросам тактическим, а они его тоже интересовали, и немало.

Характерно для Сталина, что он снова вызвал командующего фронтом в Москву, узнав о частичных изменениях в намечавшейся операции. Такие вызовы случались нередко. Сталин предпочитал общаться с людьми, когда это было возможно, лично. Мне представляется, что делал он это по трем причинам. Во-первых, в ходе личной беседы можно лучше ознакомиться с делом. Во-вторых, Сталин любил проверять людей и составлял себе мнение о них из таких встреч. В-третьих, Сталин, когда он хотел этого, умел учиться у других. В годы войны это качество проявлялось в нем чаще. Думаю, что командующие фронтами, сотрудники Ставки, Генштаба и другие военные работники многому научили Верховного главнокомандующего с точки зрения проблем современной войны. Соответственно, очень многому научились у него и они, особенно в вопросах общегосударственных, экономических и политических. Относится это и ко мне. Я считаю, что каждая поездка в Ставку чем-то меня обогащала, а каждое очередное свидание с руководителями партии и государства расширяло мой кругозор и было для меня весьма поучительным и полезным.

Вернемся к 7-й и 32-й армиям. Им противостояло соответственно 76 тысяч солдат с 580 орудиями и 54 тысячи солдат с 380 орудиями. Мы должны были рассечь эту группировку на части, действуя в оперативной глубине свыше 200 километров, и примерно за 40 дней разгромить их, выйдя к советско-финляндской границе.

Наступление войск южного крыла Карельского фронта началось в третью годовщину войны — накануне 22 июня 1944 года. Десятью днями раньше перешли в наступление войска Ленинградского фронта на Карельском перешейке. Они в короткий срок взломали мощные укрепления врага,

овладели городом Выборгом и восстановили довоенную государственную границу, облегчив выполнение нашей задачи в Свирско-Петрозаводской операции.

За десять дней Карельский фронт изготовился к тому, чтобы в свою очередь прийти в движение. Артподготовка, сопровождаемая налетами на позиции врага бомбардировщиков «ТУ-2», началась без четверти двенадцать 21 июня. Под аккомпанемент разрывов, длившихся три с половиной часа, мы наблюдали с командного пункта за расстилавшейся перед нами картиной, тщательно вглядываясь в линию обороны противника, и спокойно обменивались мнениями. Спешить теперь, действительно, было некуда: все было наготове. Полки замерли в ожидании, пока летчики и артиллеристы расцвечивали панораму огненными вспышками выстрелов и черно-серыми букетами разрывов. При вспышках на какие-то секунды перед глазами вставали покореженные строения и лохмотья густо сплетенных проволочных заграждений, чтобы затем опять провалиться в серую пелену. А когда окончательно исчез речной и озерный туман, слева обнажились просторы большой низины, уходящей к Ладоге.

Вслушиваясь в мощный гул авиационно-артиллерийской подготовки, я вспоминал события трехлетней давности: поздний субботний вечер, короткий сон в поезде и охватившую нас тревогу, вызванную сообщением о нападении Германии. Прошло без малого 1100 дней, и вот те, кто раньше яростно отбивался, сами теперь штурмуют закопавшегося в землю агрессора. Уже длительное время мы наступаем, и до нашей старой границы — рукой подать! Только руку эту нужно еще держать пока в броне.

Всеми позабытый обед совпал с началом переправы через Свирь. 7-я армия изготовилась к форсированию реки и прорыву вражеской обороны. Массированный огонь поражал противника во вторых и третьих траншеях, а над головами передовых отрядов, казалось уже приступивших к форсированию реки, летели снаряды наших танков и самоходок, бивших прямой наводкой в противоположный берег. Небольшой перерыв насторожил финнов. Что это? Массовая переправа? Вон от русского берега поплыли плоты с солдатами. И притаившиеся огневые точки на западной стороне реки вдруг заговорили. Но то, что финны приняли за людей, были чучела, демонстративно пущенные через реку на плотах и лодках. Первыми в Свирь вступили с этими чучелами 16 воинов-гвардейцев. Впоследствии им было присвоено звание Героя

Советского Союза. Наши наблюдатели засекали места расположения пробудившихся к жизни огневых точек врага, а потом следовала уже прицельная стрельба. Противник приберегал часть своих средств, до критического момента не пуская их в ход. Теперь этот момент наступил, и он взаправду оказался критическим, но только не для тех, кому он был уготован.

Еще 75 минут артподготовки, и дрогнула линия фронта. Пять минут понадобилось эшелону разведки, чтобы преодолеть на полосе шириной в четыре километра Свирь и начать проделывать проходы во вражеских заграждениях. В реку перед оторопевшим противником, у которого уже были вырваны зубы, вступили две сотни автомашин-амфибий и другие плавучие средства. Они сумели проделать несколько рейсов, перебрасывая от берега к берегу бойцов 7-го гвардейского десантного корпуса генерала Миронова. Гвардейцы прорвали оборону врага и расширили плацдарм. Вечерело, и солнце катилось вниз, когда наши саперы навели два моста и двадцать паромов. После этого в дело вступили главные силы, включая танки. Неравномерно изгибаясь, линия фронта стала отходить на север и северо-запад.

Тем временем перешла в общее наступление и 32-я армия. Некоторые ее соединения действовали опережающе. Так, 313-я дивизия еще в ночь на 21 июня бесшумно форсировала Беломорско-Балтийский канал и затем овладела городом Повенец. Лесными тропами ее солдаты устремились на Медвежьегорск. Сообщение об этом я получил как раз тогда, когда введенные в заблуждение финны стали обстреливать плывшие через Свирь чучела. Танки 7-й армии громыхали на свирских паромах, когда 32-я армия входила в город Пиндуши. 16 километров за первый день боев — совсем неплохо! Ф. Д. Гореленко не терял времени даром. Еще двое суток упорных боев, и его части вступили в Медвежьегорск. Огибая с севера Онежское озеро левым флангом, 32-я армия начала как бы вытягивать свой центр, расширяя плацдарм. Ее резервы наращивали успех в направлении на Петрозаводск. Здесь широкое пространство было занято вытянувшимися на северо-запад заливами Онеги. Они повторяли своими очертаниями движение ледника. Валуны и ледяные глыбы ползли когда-то вперед, чтобы с грохотом скатиться в серые воды огромного озера. На одной из таких кос, где лесная стихия уступает место водяной, вырос впоследствии город Кондопога. А в ста километрах от него на запад, там, где болота переходят в холмы, опоясывающие с юга уступы Мансельки, находится

Поросозеро. По этим двум направлениям и устремились теперь бойцы командарма-32.

Все у́же становилась ведшая к столице Карелии горловина. Железной артерией шла по ней дорога Петрозаводск — Суоярви, но наша авиация массированными налетами разрушила ее. С юга подходила 7-я армия. У финнов еще была надежда закрепиться на западном берегу Онеги, но Онежская военная флотилия высадила здесь десант. И 28 июня наша бригада овладела Петрозаводском. Все население города высыпало на улицы. Несколько часов длилась восторженная демонстрация. Однако ничто, поистине ничто не могло сравниться с радостью людей, сидевших за колючей проволокой. 20 тысяч советских граждан вышли на свободу из заключения, со слезами на глазах встречая армию-освободительницу. Они поведали о всех ужасах фашистской неволи, о каторжном труде, о пытках и издевательствах, о каждодневной угрозе смерти. Нужно ли говорить, каким стал после этого наступательный порыв советских воинов?

Пока армия Ф. Д. Гореленко с боями шла с севера на юг, А. Н. Крутиков продвигал свои войска ему навстречу, а также вдоль берега Ладоги. Первоначально линия фронта перерезала здесь течение Свири. Река эта тянется от Онежского обводного канала до Новоладожского. На левом фланге 7-й армии линия окопов копировала изгибы реки, но на правом наши позиции отходили к югу, не достигая русла. Когда Свирь была форсирована, левый фланг 7-й армии, расширяя плацдарм, стал вытягиваться на северо-запад. Это-то и было главное направление нашего удара. Между тем правый фланг только еще подходил к Свири. Течение реки и линия фронта пересеклись, а в том месте, где они образовали вертикальные углы, находилось Подпорожье. За него развернулись упорные бои. Стоило этому населенному пункту перейти в наши руки, как это отразилось на всей обороне финнов, и она развалилась. Движение наших войск ускорилось, хотя по-прежнему было осложнено отчаянным сопротивлением врага и труднопроходимой местностью.

Вспоминаются отдельные эпизоды боев этой последней декады июня, наиболее врезавшиеся в память. Цепляясь за побережье Ладожского озера, противник особенно яростно отражал наши атаки на олонецкий укрепрайон. Тогда Ладожская военная флотилия высадила севернее Олонца десант, чтобы перерезать коммуникации врага. И вот в то время как 5-й армейский корпус финнов поспешно отходил с прежних

оборонительных рубежей, снятые финским командованием дивизии с Подпорожского участка попытались смять ударом с фланга атакующие части нашей пехоты. В перелесках и болотах Присвирья вспыхнул встречный бой, редкий по своей напряженности и остроте. Или другой момент, когда путь на Олонец преградило Сармягское болото. Сами финны, привыкшие у себя на родине к жизни в болотисто-озерном краю, считали эту местность непроходимой. Но советские солдаты под вражеским огнем построили здесь дорогу. Потом, непрерывно восстанавливая эту дорогу, они преодолели болото и на плечах противника ворвались в тыловую зону его укрепрайона.

Во время высадки десанта в тылу финских войск, отступавших от Олонца на Питкяранту берегом Ладожского озера, разгоралось немало ожесточенных стычек, в которых с наилучшей стороны проявила себя морская пехота. Расскажу еще об одном эпизоде. 23 июня Ладожская военная флотилия высадила в междуречье Тулоксы и Видлицы 70-ю морскую стрелковую бригаду. Дорога на Питкяранту была перерезана. Чтобы сбросить десантников в озеро, враг обрушил на захваченный ими плацдарм сильный огонь, а затем прибег к контратакам. Отделение старшего сержанта В. С. Кука (2-я стрелковая рота) окопалось у высоты Песчаной. Продвижению вперед препятствовала огневая точка противника, а разрыв с соседней 3-й ротой достигал полутораста метров. В этот разрыв устремился финский батальон. Перед ним находились только два советских воина: старший сержант Кук и рядовой Багин. Они отбили пулеметно-автоматным огнем четыре атаки, а когда Багин был ранен, Кук пополз вперед, гранатами уничтожил вражескую огневую точку и занял этот опорный пункт высоты. Теперь старший сержант был в полукилометре от нашего переднего края. В траншею сзади Кука перебрался и Багин, перевязавший свою рану.

Скоро кончились боеприпасы. Тогда смельчаки повели огонь из автоматов, взятых ими у убитых вражеских солдат, а ночью самолет «ПО-2» сбросил на высоту три ящика с патронами. Двое суток, почти без еды, пользуясь водой из лужицы, комсомольцы Кук и Багин отстаивали опорный пункт, отбив до десяти вражеских атак. Кроме того, их дважды бомбило звено самолетов противника, по ним стреляла фашистская батарея. Но советские воины выстояли. А когда бригада перешла в наступление и врага отбросили от высоты, Кук вновь стал командовать своим отделением и повел его в атаку. За мужество

и стойкость в борьбе с фашистами Василию Семеновичу Куку было присвоено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 июля 1944 года звание Героя Советского Союза. Высокой правительственной награды удостоился и рядовой Багин. А позднее, во время боев в Заполярье, Кук, уже командовавший взводом, получил еще орден Красной Звезды.

К 24 июня Свирь была форсирована на всем ее протяжении, и в тот же день Москва салютовала Карельскому фронту, за три дня боев освободившему свыше 200 населенных пунктов. Воины Карельского фронта имели все основания гордиться оказанной им честью. Ведь они отогнали врага от рубежа, на который тот вышел еще в начале войны. Чего только не повидали берега Свири! Когда-то по ее дну тянулись цепи, проложенные для туерных буксиров Мариинской водной системы. Буксиры тянули пароходы по направлению к каналу имени императора Александра III, сооруженному в конце прошлого столетия. Стройка была тяжелой, и много русских крестьян полегло костьми в болотах Присвирья. В годы первой пятилетки Свирьстрой являлся одним из важных участков выполнения ленинского плана электрификации страны. В 1941 году здесь встала наша 7-я Отдельная армия. В 1942 году южнее и западнее свирских глинистых берегов мчались автомашины, торопясь доставить в блокированный город снаряды, патроны, хлеб и вывозя оттуда ослабевших от голода и больных ленинградцев. Но наступило лето 1944 года, и умолкли выстрелы в окрестных лесах, мужественные советские воины очистили берега Свири от врага.

Когда Свирь осталась в тылу 7-й армии, левый фланг фронта раздвоился. Перерезав дорогу между Олонцом и Петрозаводском, армия вколотила клин в финские позиции. Отступавший противник не успевал заметать следы своей преступной деятельности. Возле Амулы наши воины освободили из концлагеря 1500 советских граждан.

В то время как одни дивизии рвались к Петрозаводску, другие продолжали овладевать Восточным Приладожьем и настойчиво пробивались к Питкяранте, минуя левым флангом серые воды старинного озера Нево, прозванного позднее Ладожским. Стоявшие впереди соединения финляндской группы войск «Олонец», огибая залив Хиденселькя, отступали на запад, в озерный край, и на юго-запад, к знаменитым водопадам Иматры.

В конце июня Кировская (Мурманская) железная дорога на всем ее протяжении была очищена от вражеских войск.

Первый этап операции завершился. Над 800 населенными пунктами Ленинградской области и Карелии после трехлетнего перерыва вновь взвились красные флаги. Беломорско-Балтийский канал опять мог служить Стране Советов. И столица нашей Родины вторично за неделю посылала Карельскому фронту приветственные залпы из 224 орудий.

Второй этап событий в рамках Свирско-Петрозаводской операции представляет собой развившуюся из нее Сортавальскую операцию. Она охватывает начало июля того же года и явилась важнейшим событием не только в военном, но и в политическом отношении. Чем ближе к финляндской границе, тем упорнее становилось сопротивление финнов. Мосты разрушались. Дороги заваливались баррикадами из спиленных многолетних деревьев. Минировался чуть ли не каждый квадратный метр оставляемой территории. Например, на дорогах от Лодейного Поля до Олонца наши саперы обнаружили и обезвредили 40 тысяч мин.

Мы натыкались и на оборонительные рубежи, подготовленные еще за год до этого: на один километр фронта приходилось до 12 дотов и дзотов. Очень трудную задачу пришлось решать 32-й армии, чтобы овладеть Поросозерским узлом обороны. Несмотря на сильно пересеченную местность, армии удалось совершить обходный маневр, используя специальные отряды на автомашинах высокой проходимости, что решило исход дела.

Были освобождены Суоярви и Питкяранта: 7-я армия решительно пробивалась на запад. До финляндской границы оставалось около 80 километров.

Так отдельные события переросли постепенно свое местное значение, слились в цепь грозных для врага явлений и поставили перед Хельсинки вопрос: что же делать дальше? Карельский перешеек был финнами потерян, и войска Ленинградского фронта вплотную угрожали району за Выборгом. Карельский фронт, сводя концы широких клещей, которые разомкнулись раньше над Прионежьем, пересек 32-й меридиан и уже подходил к наиболее вдающейся на восток части финляндской границы. По-прежнему финны цеплялись за каждый метр территории. По-прежнему блокировали все входы и выходы из межозерных дефиле. Но эта их отчаянная борьба не имела никакой перспективы.

Рано утром 21 июля 32-я армия доложила Военному совету фронта о том, что она достигла Государственной границы СССР. Немедленно соответствующее сообщение было передано

в Москву. С этой минуты Советское правительство получило возможность действовать относительно Финляндии более определенно. Теперь каждый дальнейший шаг наших воинов означал, что Красная Армия не только освободила еще один участок своей страны от оккупантов, но и начала боевые действия против агрессора уже на его собственной земле. К этому факту сразу же присоединялось все то, что ему сопутствовало в политическом отношении. Вершители довоенной внешней политики Финляндии, направленной своим острием против Советского Союза, ничего больше не могли предложить своему народу.

Говоря о тех, кто своей кровью способствовал освобождению Советской Карелии, нельзя обойти имя командира 1-го танкового батальона 7-й гвардейской танковой бригады В. В. Платицына. Его хорошо знали в войсках. 16-летним юношей Владимир сумел настоять, чтобы его приняли раньше, чем положено, в танковое училище. Он сражался еще с белофиннами в 1939—1940 годах и тогда же стал краснознаменцем. С первых дней Великой Отечественной войны Владимир Васильевич находился в действующей армии, командуя танковым взводом, ротой и батальоном, а когда не было танков — разведротой и другими стрелковыми подразделениями. Особенно отличился он в боях под Новгородом. Будучи уже в Карелии, 8 июля 1944 года Платицын вел танковый батальон в наступление. Наткнулись на комбинированное минное поле. Саперные подразделения гибли одно за другим, а дело требовало продвижения. Тогда комбат сам пошел вперед, а за ним медленно полз головной танк. Раздался взрыв, Платицына ранило в голову. Он почти полностью потерял зрение, но мужество не оставило его. Тяжелобольной человек, он служил еще три года в армии, потом демобилизовался. В 35 лет Герой Советского Союза Платицын окончил 10-й класс школы рабочей молодежи, потом юридический факультет университета и успешно работал адвокатом.

Признаюсь, что к 7-й гвардейской танковой бригаде я был неравнодушен. Уж очень смело дрались ее бойцы, отважные танкисты. На мой взгляд, им просто везло на геройских командиров. Сначала комбригом был Герой Советского Союза товарищ Копцов. В конце 1942 года его назначили командиром танкового корпуса и направили под Харьков. Новым комбригом стал Б. И. Шнейдер, проведший свою часть от Волхова до Луги. Затем его выдвинули на должность командующего бронетанковыми и механизированными войсками 7-й армии.

Начальник штаба Н. Н. Бренков командовал бригадой уже в Карелии. Все это были исключительно боевые офицеры.

Полтора месяца шли бои на Онежско-Ладожском перешейке. Противник потерял здесь свыше 50 тысяч солдат и офицеров и утратил жизненно важную для него территорию. Совместными ударами Ленинградского и Карельского фронтов были потрясены самые основы того здания, которое фашистами громко именовалось «вечным финляндско-германским боевым содружеством».

В начале августа стало известно, что президент Финляндии Рюти ушел в отставку, а вскоре финны запросили об условиях перемирия. Предстоявший выход Финляндии из войны следовал за серией серьезнейших неудач гитлеровской Германии и в других районах. Красная Армия начала освобождение Прибалтики. Вышла из войны Румыния. Войска антигитлеровской коалиции наступали во Франции и Италии. Стрелка часов неумолимо двигалась в одном направлении, и фашистам никакими усилиями нельзя было ее ни остановить, ни перевести назад. 25 августа Советское правительство получило официальную просьбу Хельсинки о перемирии, а 5 сентября боевые действия на южном участке Карельского фронта были прекращены.

В Москве начались переговоры. Когда 4 сентября финляндские войска прекратили огонь, на ряде участков фронта появились их парламентеры. Они с радостью сообщали, что война для Финляндии окончена. Узнав об этом, я немедленно позвонил в Ставку, так как никаких указаний относительно перемирия пока не имел. Тотчас последовал ответ: «Финское правительство не приняло еще условий Советского Союза». Но долго «маневрировать» Хельсинки не смогли. 5 сентября пришел приказ из Ставки, в котором говорилось, что финляндское правительство предложило заключить с нами соглашение. Как известно, одним из важнейших его пунктов явилось обязательство разоружить германские дивизии, находившиеся на территории Финляндии. Как читатели увидят далее, это обстоятельство сыграло особую роль во время боев в Заполярье.

Возвращаясь от финляндских рубежей, я еще раз проехал по местам боев, только теперь уже в обратном направлении. При этом я смотрел на финские укрепления сзади, то есть находился как бы в положении самих финнов, когда они размещались здесь, готовясь к сражению. Я попытался представить себе, что могли видеть и о чем думали их военачальники?

Когда финны, объявив нам войну, захватили в 1941 году Олонецкий перешеек, он, естественно, не имел никаких укреплений, обращенных в сторону СССР. А сейчас перед моими глазами расстилалась вполне современная, позиционная по своему характеру долговременная оборона. Чтобы создать без нарушения государственной экономики и удержать такую оборону, страна должна была обладать серьезным военно-экономическим потенциалом. Но его-то у Финляндии как раз и не имелось. Все три года с начала войны ее армия строила здесь оборонительные полосы с железобетонными сооружениями. Несомненно, постройка осуществлялась с иноземной помощью (в основном, конечно, немецкой). Изучая оборону финнов, я старался понять, на что они могли рассчитывать. Своих войск им не хватало. Не имелось у них и достаточного количества авиации, танков, артиллерии. Не взвалила ли эта маленькая страна на свои плечи явно непосильную ношу даже с чисто военной точки зрения?

Только при подходе новых немецких соединений Финляндия попыталась бы прыгнуть с Карельского перешейка на Ленинград, а с Олонецкого — далее на восток. А пока ее стратеги спешно возводили укрепления от Финского залива до Ладоги и от Ладоги до Онеги. Нашим 7-й и 32-й армиям противостояли свирская оборонительная полоса с предмостными укреплениями у Свирь-3 и Подпорожья, петрозаводско-видлицкая оборона и оборонительный рубеж по линии Поросозеро — Суоярви — Салми. Главную роль играла свирская полоса 30-километровой глубины с олонецким укрепленным районом. Я листаю сейчас свои полевые записи и нахожу следующие цифры: наши военинженеры подсчитали после боя, что на один километр фронта плотность обороны составляла здесь более 30 пулеметных и минометных точек, 70 стрелковых ячеек, 10 дзотов и 7 бронеколпаков. Были видны сплошные траншеи для пехоты со сферическими железобетонными убежищами. На основных направлениях было построено до 10 железобетонных боевых сооружений. Противотанковые препятствия поражали умелым рассредоточением и применением к местности, высоким качеством сооружений. Сравнивая эту оборонительную полосу с линией Маннергейма, я пришел к выводу, что они были равны по мощи, но свирская полоса оказалась лучше приспособленной к сопротивлению современным средствам разрушения, так как здесь была выше плотность железобетонных боевых сооружений. Несомненно, финны использовали опыт, приобретенный ими в войне 1939—1940 годов. И все-

таки они, на мой взгляд, должны были отчетливо представлять себе, что их ждало. Только слепая, безрассудная ненависть могла двигать теми, кто ввязался в такую авантюру, как война с великой Страной Советов.

На Крайнем Севере

Окружать не всегда нужно.— Выстрелы и дипломатия.— Есть над чем подумать.— Слева горы, справа море.— Уникальный план.— Перед наступлением.— По тундре.— От Печенги до Никеля и Киркенеса.

После завершения операции в Южной Карелии возобновилась подготовка к разгрому немецких войск на Севере. Временное полевое управление фронта срочно было переброшено в Кандалакшу. Туда же направились и некоторые соединения из 7-й армии. Помимо того, что усиливались наши части в Заполярье, немалое значение имело и ослабление противника в результате отвода финнами своих войск с нашей территории. Теперь южный фланг немецкой 20-й лапландской армии обнажился, и мы получили возможность планировать удары не только фронтальные, но также и окружающие, с заходом в тыл врага.

Что именно намеревалось предпринять немецкое командование в связи с новой обстановкой, мы не знали. Но предполагали, что оно рано или поздно будет вынуждено отвести свои войска из Северной Финляндии. Чтобы не дать противнику уйти безнаказанно, Военный совет фронта 4 сентября предупредил командующих всех трех наших северных армий о возможном отходе врага и потребовал привести войска в полную боевую готовность, с тем чтобы немедленно по особому приказу фронта перейти в наступление.

Наши предположения до некоторой степени оправдались. Опасаясь выхода советских войск во фланг 18-го горнострелкового корпуса, немецкое командование 7 сентября начало отводить его с Ухтинского направления. Как только генерал Сквирский известил об этом штаб фронта, я немедленно приказал перейти к преследованию врага. Однако еще днем раньше было дано распоряжение 19-й армии приступить к выдвижению

основных сил обходящей группировки в тыл 36-го немецкого армейского корпуса. К этому обходу наши войска готовились задолго до наступления. Они тщательно изучили предполагаемый маршрут движения, до деталей продумали все вопросы прокладки колонных путей, построение походных колонн, обеспечение и охранение их на марше. Чтобы прокладка колонных путей не задерживалась, в голове каждой колонны должны были двигаться саперы, а головным стрелковым подразделениям роздали топоры, саперные лопаты, пилы и ломы. Перед выступлением все бойцы пополнили неприкосновенный запас продовольствия, увеличили запас патронов и ручных гранат. Ведь в тяжелых условиях лесисто-гористой местности района Пяозеро — Куйто, при почти полном отсутствии дорог и занятости нашей авиации в других местах снабжение частей, оторвавшихся от тыла, было бы сложной проблемой.

19-я армия оказалась на высоте. Совершив по трудной местности почти 100-километровый марш, она в ночь на 12 сентября внезапно для противника, далеко обойдя его позиции, перерезала коммуникации. Одновременным прорывом на северном участке и обходом на Южном вспомогательном направлении армия поставила немцев перед угрозой разгрома. Опасаясь полного окружения, фашисты стали спешно покидать позиции. Бросая военное имущество и снаряжение, они устремились в сторону Северной Финляндии. Получив известие, что 19-я армия оседлала дорогу в районе Кайралы, я немедленно доложил об этом по прямому проводу первому заместителю начальника Генштаба генералу армии А. И. Антонову. Выслушав меня и попросив уточнить некоторые детали, он сказал: «Ждите распоряжения». Я ожидал приказа о боях на уничтожение окруженного врага. Но ночью мне принесли телеграмму, в которой говорилось: ни в коем случае не ввязываться в тяжелые бои с отходящими частями противника и не изнурять наши войска глубокими обходами; уничтожение фашистов вести в основном огневыми средствами, расставленными вдоль дороги, по которой те отходили.

Это была новая установка, и она мне, признаться, не совсем была понятна. Поэтому я позвонил в Ставку и попросил разъяснить, чем вызван отказ от наступательных действий на окружение 36-го немецкого армейского корпуса. Мне ответили приблизительно так: самое главное сейчас — сохранить силы для решения первоочередной задачи в Заполярье: освободить Печенгскую область. Крайний Север имеет для Германии огромное значение. Там находятся разработки никеля и расположе-

ны важные военно-морские и авиационные базы, где сосредоточены подводные лодки и самолеты для действий на наших морских сообщениях. Немцы оттуда не собираются уходить. Их придется выдворять силой. Погоня же за 36-м корпусом потребует расхода резервов, без которых начинать операцию на Мурманском направлении будет невозможно. «Но разве я не смогу использовать имеющиеся резервы?» — спросил я. «Нет,— ответили мне,— Ставка вам ничего не даст. Наоборот, не исключена возможность, что в ближайшее время мы заберем у вас часть сил для переброски на Западное направление, причем речь пойдет именно о тех соединениях 19-й и 26-й армий, которые сейчас преследуют немцев».

Таков был военный аспект проблемы. В дальнейших разъяснениях он не нуждался. Мы обязаны были сохранить силы, имевшиеся в центральном районе Карельского фронта, для других фронтов, а самим надо было думать о том, как бы поскорее перебросить 31-й стрелковый корпус из-под Кандалакши к Мурманску, чтобы освободить Заполярье до того, как туда подоспеют отступавшие по финляндским тылам силы немцев. Стратегическая разведка установила, что Берлин не собирается оставлять свои базы в Северной Норвегии и никелевые разработки в Северной Финляндии. Но, как оказалось, имелся еще и политический аспект проблемы, о котором Ставка не могла либо не считала нужным сообщать в войска. Этот аспект раскрылся сам собою через две недели, когда отступавшие из районов Кандалакши, Ухты и Центральной Финляндии немцы добрались до Ботнического залива. Все это время шли переговоры Москвы с Хельсинки относительно соглашения о перемирии, и 19 сентября оно было подписано.

В сложившихся условиях пребывание немецких войск на территории Финляндии было для последней весьма опасным. Боясь, что Советское правительство укажет Финляндии на несоблюдение ею пунктов соглашения и возможных от этого последствий, Хельсинки были вынуждены силой выдворять немцев. Этот эпизод в историческом плане весьма поучителен. Даже на войне бывают случаи, когда политическое решение проблемы оказывается важнее и эффективнее военного решения.

Линия нашего правительства была верной. Финляндский министр иностранных дел заявил германскому послу о том, что между их странами отношения порваны, и радировал еще в начале месяца во все концы Финляндии о выводе к 15 сентября немецких войск с финской территории. Не же-

лая сражаться со своим бывшим союзником, командование вооруженных сил Финляндии обратилось в штаб 20-й горной армии немцев с предложением разрешить вопросы полюбовно. Как нам стало известно несколько позднее, немцы согласились лишь отодвинуть границу финской военной зоны до северного берега Ботнического залива. Дело в том, что накануне нападения на СССР Германия и Финляндия договорились о «разделе сфер влияния»: от порта Оулу тянулась на восток воображаемая линия, севернее которой все военные операции осуществляли немцы. Теперь линия сдвигалась с 65-й параллели примерно до 66-й и далее вдоль советской границы. Это значило, что Лапландия по-прежнему оставалась в руках немцев.

Между тем 19 сентября Финляндия приняла на себя обязательство изгнать либо интернировать все еще остававшиеся в ее пределах войска Германии. Вот здесь-то и вступили в действие те факторы, которые имело в виду наше правительство. В конце сентября финны попытались выдворить немцев из приморских городов Кеми и Торнио, и в течение первой недели октября им удалось это сделать, после чего они предприняли наступление на город Рованиеми. Там находился штаб 20-й горной армии, которой командовал немецкий генерал-полковник Л. Рендулич. Спалив дотла Рованиеми, оккупанты начали отступать на Петсамо, все разрушая за собой. Это возбудило в местном населении ненависть. Обманутые ранее официальной пропагандой, многие финны поняли теперь смысл происходившего. У них открылись глаза, и они стали помогать своим войскам изгонять немцев. К концу октября войскам Финляндии удалось расчленить немецкие полки надвое. Одна их часть отошла на северо-запад, где удерживала район Кильписярви возле норвежской границы. Другая заняла позиции у озера Инари, прикрывая дорогу на Петсамо. В течение ноября финны медленно продвигались дальше, тесня отряды Рендулича. Им понадобилось целых шесть месяцев, чтобы очистить от немцев район Кильписярви. Но нас это не смущало, так как тот отдаленный участок не имел существенного значения. Гораздо важнее было, что немецкие войска, отступившие в сторону Петсамо, соединились с находившимися в Северной Лапландии.

На дальнейшую помощь со стороны финнов рассчитывать не приходилось, так как к началу декабря они стали переводить свои вооруженные силы на мирное положение. Ликвидация немецкой группировки в районе от Петсамо до озера

Инари и Киркенеса оставалась делом Карельского фронта. Так развернулись события в течение осени и позднее. Пока же, в середине сентября, нужно было дать толчок финнам, чтобы они приступили к операциям против Германии. Как мы видим, военный аспект проблемы тесно переплелся здесь с политическим.

То, что не сразу стало ясно и мне, оказалось совершенно непонятным командующему 19-й армией Г. К. Козлову. Когда я передал ему новое распоряжение, он долго не хотел поверить в случившееся. Идея окружения вражеской группировки была столь заманчивой, что мне пришлось повторить приказ в письменном виде, а затем туда выехал начальник Политуправления фронта генерал-майор К. Ф. Калашников со специальным заданием проконтролировать выполнение. С этого момента преследование противника приняло мобильный характер, без трудных и длительных обходов. Наши войска гнали врага с советской земли, уничтожая его всеми видами огня. К 17 сентября 26-я армия вышла на довоенную государственную границу с Финляндией, а к 30 сентября очистила от фашистов советскую землю и 19-я армия.

Теперь почти вся советская граница от гранитных скал Лапландии до Ладожской низменности была восстановлена. Противник оставался пока лишь на Крайнем Севере, где, укрывшись за мощными железобетонными и гранитными укреплениями, стоял 19-й горнострелковый корпус немцев. В течение трех лет враг возводил здесь лапландский оборонительный вал. С выходом Финляндии из войны дополнительные оборонные работы носили просто лихорадочный характер. Наша разведка беспрестанно сообщала, что специальные строительные части противника круглые сутки вгрызаются в гранит, возводят новые железобетонные и бронированные огневые точки и укрытия, прокладывают траншеи и ходы сообщения. Перед нами на фронте длиной 90 километров тянулись надолбы и противотанковые рвы, густые минные поля и проволочные заграждения. Они перехватывали все горные перевалы, лощины и дороги, а господствующие над местностью высоты представляли собой настоящие горные крепости. Кроме того, со стороны моря их прикрывала береговая и зенитная артиллерия в полевых капонирах. Меж укреплений лежали бесчисленные озера, речки, цепи отвесных скал, болота и топи.

Опираясь на оборонительный вал, немцы надеялись не допустить советские войска к Норвегии и сохранить свою базу на Баренцевом море. Всего петсамо-киркенесская группировка

насчитывала 53 тысячи солдат, 770 орудий и минометов, 160 самолетов и 200 кораблей. Штабу Карельского фронта (новый начштаба с осени — выдвинутый на эту должность по моему предложению генерал-лейтенант А. Н. Крутиков) и командующему фронтом было над чем поломать голову. В перехваченном нами приказе командир 2-й горноегерской дивизии генерал-лейтенант Деген, ссылаясь на приказ Гитлера во что бы то ни стало удержать позиции в Северной Финляндии, в частности район никелевых разработок, писал: «Мы дадим русским возможность нахлынуть на сильно укрепленные опорные пункты, а затем уничтожим их контрударом. Все преимущества на нашей стороне. Наличие готовых к контрударам маневренных резервов даст нам возможность нанести удар в тот момент, когда противник истечет кровью от воздействия смертоносного огня наших опорных пунктов. Нам приказано удержать фронт, несмотря на политические изменения в Финляндии. Это значит, что фронт будет удержан. Вам известно, почему так должно быть: нам нужны никель и медь, вырабатываемые на заводе в Колосиоки. В ближайшие дни здесь снова начнут дымиться плавильные печи. Кроме всего прочего, мы должны именно здесь доказать русским, что еще существует немецкая армия и держит фронт, который для них недостижим».

Гитлеровцы продолжали подбрасывать на север подкрепления и по суше, и по воздуху, и морем. На полуострове Варангер в горах обосновалась в тылу противника разведгруппа отряда особого назначения Северного флота. Три смельчака во главе с В. Лянде регулярно сообщали своему командованию о движении вражеских транспортов по Варангер-фьорду. Из сообщений, пересылаемых и нам, явствовало, что район между Петсамо и Киркенесом быстро наполняется войсками. Медлить было нежелательно.

В ходе подготовки к наступлению мы неоднократно обсуждали различные варианты наилучшего использования боевых сил фронта. Большинство стояло за маневренные действия. Но раздавались голоса и против. Некоторые утверждали, что маневр крупных масс войск и тяжелой техники в Заполярье невозможен. Эти командиры были не правы. Но их мнение по-своему объяснимо. Оно отражало специфику местных природных условий. Как известно, немцам после начала войны менее всего удалось вклиниться на нашу территорию именно в районе Мурманска. И хотя главную роль сыграли здесь стойкость и мужество советских воинов, определенное значение

имели и крайне неблагоприятные для организации наступления ландшафтно-климатические особенности Мурманской области. Конечно, за истекшие три года природа здесь не изменилась, так что теперь уже нам, а не немцам нужно было преодолевать прочную оборону противника в условиях, казалось бы, прямо созданных для того, чтобы пресечь любые попытки активных боевых действий. С этой точки зрения боевые операции в Заполярье являлись в истории Великой Отечественной войны уникальными, ибо нигде более нам не довелось обороняться и наступать в такой природной зоне. Мало того, эти операции были по-своему единственными во второй мировой войне вообще, а если принять во внимание массу действовавших войск и современные технические средства, то и во всей военной истории. Отсюда вытекает и их поучительность со всеми их успехами и недостатками.

Чтобы читатель, не являющийся по профессии военным или не бывавший в тех местах, понял, что имеется в виду, остановимся вкратце на описании местности. Представьте себе приморское плоскогорье, лежащее севернее Полярного круга. С частично не замерзающего, но все же весьма холодного моря еще дуют характерные для мурманского лета сильные ветры в глубь континента. Они перемежаются с уже набирающими силу зимними ветрами в сторону моря. При очень частой осенней непогоде снег мешается с дождем, а ночами сплошь и рядом бывают заморозки. Холодный воздух постоянно насыщен влагой. Нередко сквозь туманы Гольфстрима прорывается дуновение Северного Ледовитого океана, и тогда становится совсем невесело. Под ногами тундра, сырая и какая-то неуютная, снизу веет безжизненностью: там, в глубине, начинается лежащая островками вечная мерзлота, а ведь солдатам приходится спать на этой земле, подстилая под себя лишь одну полу шинели.

Вокруг светятся бесконечные озера. Между ними хлюпают болота с кочками, мхами, лишайниками и карликовыми деревцами. Серые торфяники исполосованы частыми трещинами, из которых брызжет ледяная вода. Порой земля вздымается голыми громадами гранитных скал. Они рассечены быстрыми и порожистыми реками, текущими в основном с юго-запада на северо-восток. А продвигаться нам нужно на запад. Это значит, что все реки придется форсировать, одну за другой. Люди мерзнут здесь сильнее, чем в более холодных районах, но с континентальным климатом. Замерзают и машины: разогреть моторы очень трудно; горючего уходит гораздо больше нормы,

а его-то и не хватает, что существенно снижает возможности использования техники. Немало забот вызывали и химические грелки. Так как единственная железная дорога осталась в стороне, то подвозить снаряжение, продовольствие и боеприпасы приходилось на кораблях (увы, лишь до берега), на плохо работавших автомобилях, на лошадях, которых нечем было кормить, и на капризных оленях. Все мало-мальски пригодные для продвижения места были перехвачены со стороны немцев лапландским оборонительным валом, а в промежутках царило дикое бездорожье.

Тем не менее нужно было воевать. И не просто воевать, а наступать, бить врага, гнать его и уничтожать. Пришлось вспомнить слова великого Суворова: «Где прошел олень — там пройдет и русский солдат, а где не пройдет олень — там все равно пройдет русский солдат». Войска Карельского фронта прошли там, где никогда не ступала нога человека, доказав всему миру, что наша армия способна преодолеть любые преграды.

В основе нашего плана предстоящей операции лежала идея флангового обхода главных сил 20-й лапландской армии и главных укреплений противника, прорыва южнее озера Чапр с последующим маневром основных соединений фронта и кораблей Северного военно-морского флота на окружение и разгром вражеской группировки в районе Петсамо, чтобы прижать ее к морю и отсечь от норвежских портов. На Петсамо (Печенгу) вело четыре дороги. Одна — из Линахамари, лежавшего севернее, у горловины фьорда Петсамо-йоки. Туда раньше времени нашим кораблям нельзя было соваться, а иных подходов, кроме как с моря, не было. Другая дорога шла с запада, из норвежской гавани Тарнет. Эта дорога для нас была пока недоступна. Третья тянулась с востока, от селения Титовка-Река, лежавшего в сердце немецких позиций. И сюда сразу не доберешься! Четвертая, с юга, соединяла Петсамо с Луостари узлом ряда других дорог. Вот этот-то узел и приковал к себе наше внимание. Нужно было прорваться в район Луостари, вонзившись в тыл врага и оттянув сюда его силы с оборонительного вала, дать возможность преодолеть этот вал с трех сторон комбинированными ударами сухопутных частей и морской пехоты, а тем временем развивать успех из Луостари также в трех направлениях: на Петсамо, в сторону норвежской территории и на Никель — Наутси, где лежала важная промышленная база немцев с подъездными к ней путями. Конечной целью операции являлось полное очищение от врага советской

земли на Севере и содействие освобождению Норвегии. Главный удар на Луостари наносили 99-й и 131-й корпуса 14-й армии, а также 126-й и 127-й легкострелковые корпуса. Последние должны были совершить глубокий обходный маневр по тундре и перерезать коммуникации противника, а с рубежа Луостари вводилась в бой в направлении на Петсамо 7-я гвардейская танковая бригада, которая должна была воспрепятствовать отходу врага в Норвегию.

В таком виде план был доложен Ставке и утвержден с небольшими поправками. Северному флоту ставилась задача: блокировать побережье, занятое противником, и изолировать петсамскую группировку со стороны моря; содействовать 14-й армии в рассечении неприятельской обороны и овладении портами; береговой артиллерии и кораблям огнем поддерживать наступление наземных войск на приморском участке. Для окончательного согласования совместных действий 29 сентября на КП фронта прибыли командующий Северным флотом А. Г. Головко и член Военного совета флота А. А. Николаев. Решили, что бригады морской пехоты, входившие в состав Северного оборонительного района, прорвут фронт противника на перешейке полуострова Среднего, после чего отрежут вражеским войскам пути отхода с основных рубежей по реке Западная Лица и затем будут сами наступать на Петсамо, как только 14-я армия прорвет главную полосу обороны. Кроме того, флот обеспечивал высадку морского десанта, перевозку прибывавших резервов и снабжение 14-й армии из Мурманска.

Перед началом операции мне все чаще приходилось задерживаться в соединениях. Возникали всевозможные вопросы, которые требовалось решать на месте и без промедления. Самым трудоемким делом оказалась перегруппировка войск, а также накопление боеприпасов, горючего, смазочных масел, продовольствия, инженерных средств и дров. Получилось так, что на разрешение тыловых вопросов командованию фронта пришлось потратить даже несколько больше времени, чем на оперативные проблемы. Надвигалась полярная ночь, близилась зима. Приходилось заранее завозить в войска припасы на будущее, да еще с учетом того, что армии придется многое тащить с собой по бездорожью в ходе боевых действий.

Немалую помощь оказали командованию политработники. В те напряженные дни они трудились круглые сутки. В Политуправлении фронта почти никого не было; люди находились в дивизиях и корпусах. Все знают, что в годы гражданской

войны нередко на входных дверях партийных и комсомольских районных организаций висели объявления: «Райком закрыт, все ушли на фронт». Думаю, что политорганы Карельского фронта с тем же успехом могли тогда вывесить таблички: «Политуправление фронта закрыто, все ушли в соединения» или: «Политотдел закрыт, все ушли в части». Конечно, кто-то дежурил, но вся политработа кипела тогда у переднего края.

1 октября мы выехали на наблюдательный пункт 14-й армии, откуда с командармом Щербаковым отправились еще раз осмотреть местность, удостовериться в проведении намеченных работ, встретиться с командирами и солдатами. А через два дня, совершив переход на оленях, а потом на лыжах, я окончательно переселился в тундру, поближе к войскам. Туда же перешло и Полевое управление фронта. Перед началом наступления мы с членом Военного совета Т. Ф. Штыковым посетили 131-й стрелковый корпус, который должен был вести бои на главном направлении. В корпус входили две стрелковые дивизии — 10-я гвардейская и 14-я. Это были те самые дивизии, которые осенью 1941 года преградили путь немецко-фашистским захватчикам на Мурманск. Штыков поехал в 14-ю дивизию, а я в 10-ю. Последняя получила свое гвардейское звание за сентябрьские бои 1941 года. Командовал ею генерал-майор Х. А. Худалов. С ним мы побывали в полках и батальонах. Дивизия состояла в основном из бывалых воинов. У многих виднелись на груди ордена и медали. Одним из них был ефрейтор Михаил Ивченко, через сутки своим телом закрывший амбразуру вражеского дота. Я приказал собрать в одно место орденоносцев. Через полтора часа за гранитной скалой, нависшей над котлованом, сидело около ста человек. Это были надежные и бесстрашные воины. После задушевной беседы о «делах житейских», длившейся около получаса, я рассказал, какие мощные силы будут обеспечивать наступление фронта, а затем обратился с такими словами:

— Солдаты! Завтра утром наши войска переходят в наступление, чтобы изгнать немецко-фашистских захватчиков и освободить советское Заполярье. Именно вам, гвардейцам, кто долгие месяцы держал в сопках оборону, закрыв все пути к Мурманску, Военный совет фронта доверяет нанести первый удар по врагу. Надеемся, что вы оправдаете доверие.

— Оправдаем, товарищ генерал армии! — хором ответили солдаты и сержанты.

С тех пор прошло почти четверть века, но у меня в ушах как будто все еще звучат их голоса.

В ту ночь я долго не спал. То одно, то другое приходило на ум, беспокоило, терзало. Перед наступлением всегда так бывает, и сколько бы раз это ни повторялось, успокоение не приходит. «А как поведут себя танки?» — думалось мне.

Дело в том, что мы решили применить (впервые в условиях Крайнего Севера) тяжелые танки «КВ». К такому решению пришли в результате тщательного изучения противотанковой обороны противника, которая почти на всем протяжении фронта была построена с учетом поражения легких и средних танков. Но фронт своих тяжелых танков не имел. Пришлось обращаться в Ставку. Любопытно отметить, что моя просьба вызвала удивление. Мне даже попытались объяснить, что средние танки «Т-34» лучше, чем «КВ», что они обладают более высокой маневренностью и проходимостью и имеют достаточно крепкую броню. «КВ» считались уже устаревшими. Наконец Ставка согласилась, и мы получили полк тяжелых танков. Забегая вперед, скажу, что они сыграли огромную роль.

Беспокоила меня мысль и об амфибиях. Для безостановочного преодоления водных преград, особенно при движении вдоль побережья, которое пересекается многочисленными реками и фьордами, нам прислали (по нашей просьбе, конечно) плавающие автомашины — два батальона. Предполагалось, что эти батальоны будут придаваться тем соединениям и частям, на пути которых в ходе наступления возникнут водные преграды. Картины пересекающих фьорды амфибий сменялись в мозгу образами взлетающих на воздух мостов: мы послали в тыл противника не простых разведчиков, а три отряда саперов, подготовленных энергичным инженером подполковником Д. А. Крутских. От этих отрядов поступали ценные донесения, которые держали командование в курсе изменений, происходивших в обороне противника. Помимо этого саперы контролировали дороги, подрывали мосты и уничтожали телефонные линии, внося дезорганизацию в работу немецкого тыла. Наконец, они неоднократно наводили нашу штурмовую и бомбардировочную авиацию на скопления вражеских войск. Предполагалось в ходе наступления забросить в тыл противника еще два таких же отряда, и я размышлял о том, где и как им лучше было бы действовать.

Наступило утро 7 октября. За несколько минут до начала артиллерийской подготовки я прибыл на наблюдательный пункт. Там уже находился командующий артиллерией генерал Дегтярев и другие ответственные лица из управления фронта. Перед нами лежала пустынная, спокойная тундра. Чуть дыми-

лись под легким ветерком сопки. Накрапывал дождь. Ничто не напоминало о присутствии вйск. Стояла полная тишина. Стрелка часов приблизилась к 8.00. И тут раздался мощный грохот, переросший в сплошной гул. Началась артиллерийская подготовка атаки. Два с половиной часа артиллерия вела огонь. К концу артподготовки уже невозможно было что-либо рассмотреть в расположении противника. Все пространство, насколько хватает глаз, покрылось густым черным дымом. А затем повалил мокрый снег, и видимость с воздуха окончательно исчезла. Вылет авиации для нанесения бомбовых ударов пришлось отменить. Однако изменять все прочее было уже поздно. Правда, мы предвидели каверзы со стороны погоды и поставили перед «богом войны» дополнительные задачи, так что теперь на артиллерию возлагались все надежды. Точно в 10.30 она перенесла огонь в глубину, и уже через несколько минут до НП долетело «ура!». Это пошла в атаку пехота. Наступление началось.

131-й корпус в первый же день достиг реки Титовка. Менее удачно развивались первоначально дела у 99-го корпуса. Ему не удалось овладеть опорными пунктами врага в главной полосе обороны. Поднявшиеся в атаку стрелковые подразделения первого эшелона, попав под сильный огонь, вынуждены были залечь. Тогда комкор генерал-майор С. П. Микульский, всегда отличавшийся инициативой и настойчивостью, принял хотя и дерзкое, но правильное решение: раз не удалось сломить противника днем, попытаться сделать это ночью. Ровно в 24.00, проклиная на чем свет стоит гитлеровцев и непогоду, солдаты рванулись вперед, и на этот раз фашисты не выдержали. К восьми утра передний край врага был в наших руках.

Как только на КП получили донесение, что оборона противника прорвана, я поехал на место сражения. Всюду видны были следы работы нашей артиллерии: валялись подбитые орудия и минометы, темнели развороченные огневые точки и укрытия. Среди множества трупов в грязно-зеленых шинелях с жестяными эдельвейсами на пилотках попадались и трупы в комбинезонах. Рядом лежали перфораторы, в укрытии стоял компрессор. Видно было, что немцы до самой последней минуты продолжали возводить оборонительные сооружения.

Вечером 9 октября я связался по прямому проводу с А. Г. Головко и передал ему, что пришла пора для наступления с полуострова Среднего. Одновременно я приказал командарму В. И. Щербакову двинуть вперед войска группы генерал-лейтенанта Б. А. Пигаревича. В нее входили соединения, располагавшиеся восточнее реки Западная Лица, в том месте, где нем-

цы глубже всего вклинились в нашу территорию, пытаясь дотянуться до Мурманска. В сильный снегопад группа войск Пигаревича перешла в наступление. В ту же ночь моряки высадили десант во фьорде Маттивуоно, перевалили через хребет Муста-Тунтури и, отрезав часть немецких сил, двинулись на Петсамо.

Хорошие сообщения поступали и с крайнего левого фланга. Здесь 126-й легкострелковый корпус под командованием полковника В. Н. Соловьева успешно совершал обходный маневр. Все металлические предметы заранее были обернуты, артиллерия, минометы и пулеметы навьючены на лошадей и оленей. Шли очень тихо. Тяжело пришлось при форсировании рек. Поднимая над собой оружие и боеприпасы, бойцы двигались по грудь в ледяной воде. На подходах к вершине Куорпукас солдаты, как альпинисты, карабкались по диким и скользким гранитным сопкам. Но ничто не могло их остановить. «Поход через тундру — это сам по себе героический подвиг, который под силу только советскому воину, беспредельно преданному своему воинскому долгу, своей Родине» — так писала газета «Правда» в номере от 6 декабря 1944 года.

На четвертый день беспримерного похода 126-й корпус достиг дороги Петсамо — Салмиярви и западнее Луостари перерезал ее. Лишившись основной коммуникации, обеспечивавшей выход на юг, противник бросил против корпуса все, что имел под руками. «Все полностью моторизованные части,— вспоминал немецкий генерал-лейтенант Хелитцер,— все части, которые могли быть погружены на транспортеры, форсированным маршем направлены в район Колосиоки».

Перед нашими стрелками появилась затем и самокатно-разведывательная бригада «Норвегия», и батальон аэродромного обслуживания, и многие другие вражеские части и подразделения. «Все промелькнули перед нами, все побывали тут...» Но корпус отбил ожесточенные атаки, а затем снова начал продвижение, перехватив и вторую дорогу: Петсамо — Тарнет. Теперь северная группировка противника была лишена своих последних наземных коммуникаций.

По стопам собрата шел 127-й легкострелковый корпус под командованием генерал-майора Г. А. Жукова. Ночью он овладел аэродромом в Луостари, а затем совместно со 114-й дивизией 99-го корпуса очистил этот населенный пункт от вражеских войск. Противник, продолжавший удерживать Петсамо, был теперь обложен со всех сторон, так как с востока подходили морская пехота и соединения группы Пигаревича, с юга рвался 131-й корпус, на западе контролировала обстановку 72-я мор-

ская бригада, а с севера угрожал десант Северного флота, овладевший 13 октября гаванью Линахамари. Приближалась развязка. Два дня новых яростных схваток — и над Петсамо взвился красный стяг. Еще в 1533 году русские возвели в Печенге свои первые хижины. Затем старинный порт, лежащий в начале широкой и удобной для мореходов губы, не раз менял «хозяев», пока история не возвратила ему право красоваться под флагом потомков его первопоселенцев.

Вырвавшиеся из окружения остатки разбитых фашистских частей, ускользнувшие от разгрома, потянулись к Северной Норвегии. Отступая, они придерживались тактики тотального разрушения: взрывали мосты и дорожные трубы; ломали придорожные скалы, заваливая проходы; бомбили с самолетов дорожное полотно; минировали не только самые дороги, но и их обочины, в особенности горные дефиле и объезды.

Оставляя арьергарды на заранее подготовленных промежуточных позициях, противник старался замедлить темп продвижения наших войск, с тем чтобы оторваться от них и выиграть время для занятия обороны на двух новых рубежах — в Северной Норвегии и в районе Никеля. Таким образом, перед нами встала двоякого рода задача: завершить разгром фашистской армии в районе Никеля, лишив немцев важнейшего промышленного района; нанести удар по базам фашистского флота в Северной Норвегии и помочь ее жителям освободиться от оккупационного гнета. Это значило, что Красной Армии необходимо было перейти норвежскую границу.

Русские люди встречались с норвежцами именно здесь еще 700 лет назад. Тогда «господин Великий Новгород» заключил дружественное соглашение с подданными норвежского короля Хокона Хоконсона о пограничной зоне у Кольского полуострова. И вот через семь веков опять нужно было решать вопрос об упрочении между двумя странами добрососедских отношений. Мурманская область граничила с норвежской областью Финмарк, а нашему 131-му корпусу, подступившему к норвежской границе у озера Вуоремиярви, довелось первым утвердить сей факт.

Что касается района Никеля, то оборона его была возложена на группу войск, возглавленную немецким генералом Фогелем. Собрав в один кулак части и подразделения, отступившие от Луостари и перебазировавшиеся сюда из Финляндии, Фогель надеялся, согласно директиве из Берлина, затянуть сопротивление на возможно более длительный срок. Однако Карельскому фронту понадобилась всего неделя, чтобы дойти до Никеля,

и еще пять дней на преодоление с боями 80-километровой гранитно-болотистой пустыни, отделявшей гору Куорпукас от Наутси. 27 октября 31-й корпус генерал-майора Минзакира Абсалямова ворвался в Наутси с востока, а 127-й легкострелковый корпус — с севера. Южнее лежала вышедшая из войны Финляндия.

Сложнее обстояло дело с немецкими базами в Северной Норвегии. Узнав о выходе наших войск на норвежскую границу, я тотчас доложил об этом И. В. Сталину и попросил разрешения на переход ее. Одновременно изложил соображения командования фронта по овладению Киркенесом — главной морской и воздушной базой фашистов в данном районе. Откровенно говоря, я ожидал наряду с согласием услышать еще всевозможные указания относительно политической линии поведения войск. Ответ Верховного главнокомандующего на заданный вопрос оказался весьма кратким: «Это было бы хорошо!» Так начались операции в Норвегии. Это была к тому времени седьмая страна, которой Красная Армия несла освобождение от гитлеровского ига.

22 октября 131-й корпус начал бой за город Тарнет. Одновременно морская пехота при артиллерийской поддержке флота очищала побережье. Отходя к Киркенесу, противник во все больших масштабах применял различные заграждения и производил всевозможные разрушения на дорогах. Путь на Киркенес был сильно заминирован, а подвесной мост через фьорд взорван. Это замедлило темпы нашего продвижения, которое осуществлялось под артиллерийско-минометным обстрелом, мешавшим разминированию. Тогда мы попытались обойти врага, форсировав Яр-фьорд на амфибиях и рыбачьих лодках. Берега фьорда были скалисты и обрывисты. Найти место для спуска оказалось делом нелегким. Наконец амфибии вошли в залив. Спереди и слева рвались снаряды, справа набегали крутые волны, крутились воронки и водовороты. Лодки оказались более устойчивыми, чем легкие амфибии. Некоторые из амфибий переворачивались и тонули. Большую помощь оказали бойцам норвежские патриоты, вышедшие в море на двух мотоботах. Они спасали экипажи подбитых амфибий и, несмотря на обстрел, переправляли их на другой берег. Когда затем при форсировании Эльвенес-фьорда пришлось начинать все сначала и 14-я дивизия наводила десантную переправу на плотах, местные жители снова оказали нам поддержку. Особенно врезались мне в память имена рыбаков Перла Нильсена, Турольфа Пало и Моргена Генсена. Эти патриоты рассматривали боевые успехи

Красной Армии как свое кровное дело и не щадили сил, чтобы хоть чем-нибудь помочь русским братьям. Так же поступали в Бек-фьорде Мартен Хандсен и Усланд Хансен.

В 9 часов утра 25 октября наши передовые части ворвались в Киркенес. Невеселая картина открылась их глазам. Отступая, немцы взорвали все портовые сооружения, разрушили административные здания и жилые помещения. Лишь на окраине города кое-где стояли чудом уцелевшие домики. Когда смолкли выстрелы и установилась тишина, стали появляться жители города, выходившие из пещер, где они вынуждены были скрываться от фашистов. Киркенесцы радостно встречали советских воинов. Трогательно было видеть, как обычно сдержанные северяне со слезами на глазах обнимали своих освободителей. Девушки окружили вниманием и заботой наших раненых бойцов. Юноши помогали им добираться до госпиталей.

Сейчас в центре Киркенеса стоит фигура советского бойца с автоматом в руке. Это каменное изваяние создано норвежским скульптором С. Фредриксеном. На памятнике виднеется надпись: «Отважным советским солдатам в память об освобождении города Киркенеса в 1944 году».

О Киркенесе у нас писали не раз, причем все время в таком духе, что у читателей могло сложиться представление, будто в Северной Норвегии объектом освобождения явился едва ли не один Киркенес. Но это не так. Назову наиболее значительные населенные пункты, которые тоже видели в те дни красные звезды на солдатских шапках: Конг-Оскар-II, Крофтфетербукт, Стурбукт, Тарнет, Бьерневанн, Саннес, Фоссгорд, Виерлунн, Трангсунд, Сванвик, Воктерболиг, Лангфьордботн, Бухольмен, Мункельвен, Нейден.

Нейден был последним пунктом, до которого дошел Карельский фронт. Дальнейшее преследование противника было нецелесообразным. Рассредоточившиеся группки немцев попадали в плен к борцам норвежского Сопротивления. Впереди лежал полупустынный, горный, весь изрезанный фьордами район. Приближалась полярная ночь. Начались сильнейшие снегопады, на дорогах появились заносы и почти непреодолимые завалы. Высланная от Нейдена на северо-запад разведка донесла, что движение сопряжено с громадными трудностями, а противника нет.

На созванном 28 октября Военном совете фронта мы констатировали, что операция подошла к концу. Задачи, которые были поставлены Карельскому фронту и Северному флоту, выполнены полностью: немецко-фашистские захватчики разгромлены,

а их остатки выброшены с Советского Севера. Оказана помощь в освобождении Норвегии. В ночь на 29 октября я позвонил в Ставку и доложил о решении Военного совета фронта завершить на этом операцию. «Хорошо,— ответил мне подошедший к телефону И. В. Сталин,— мы обсудим ваше предложение. Вы же разберитесь во всем основательно, подумайте о возможных деталях еще раз и вечером доложите окончательно».

На командном пункте 14-й армии я, мой заместитель В. А. Фролов и командарм Щербаков изучили ситуацию еще раз. Все говорило о том, что дальнейшее продвижение в военном отношении бесперспективно. Я вылетел в Мурманск.

Вернувшись в Мурманск, я порадовался скорому возвращению, так как тут же позвонил И. В. Сталин. «Мы согласны с решением Карельского фронта,— сказал он.— Дальше в глубь норвежской территории не продвигаться! До получения указаний об использовании войск фронта надежно прикройте основные направления на достигнутых рубежах и создайте сильные резервы, а сами выезжайте в Ставку».

Так закончилась Петсамо-Киркенесская операция, приведшая к установлению мира на Крайнем Севере. Победы воинов Заполярья Москва трижды отмечала торжественным салютом: в первый раз — 15 октября, после освобождения Печенги; во второй — 25 октября, когда наши войска пересекли государственную границу Норвегии и затем овладели Киркенесом; в третий раз — 1 ноября, когда Карельский фронт полностью очистил от немецко-фашистских захватчиков Печенгскую область. В ознаменование одержанных побед и в память о героической обороне Заполярья в 1941—1944 годах Президиум Верховного Совета СССР учредил медаль «За оборону Советского Заполярья». В бронзе медали запечатлен советский солдат в полушубке, шапке-ушанке и с автоматом в руках. Он изображен на фоне боевых кораблей, самолетов и танков. Эта медаль является ныне напоминанием о трудных и славных делах наших воинов. «Героическая защита Заполярья,— писала 6 декабря 1944 года газета «Правда»,— войдет в историю нашего народа как одна из самых ярких, самых запоминающихся страниц. Здесь враг был остановлен осенью 1941 года. Здесь находится участок, где врагу в течение всей войны не удалось перешагнуть линию нашей государственной границы...»

Норвежский народ высоко оценил вклад Красной Армии в дело освобождения его страны. «Мы имеем многочисленные доказательства дружбы и симпатии к нашей стране со стороны правительства и народа Советской России. Мы следили с вос-

хищением и энтузиазмом за героической и победоносной борьбой Советского Союза против нашего общего врага. Долг каждого норвежца заключается в том, чтобы оказать максимальную поддержку нашему советскому союзнику». Эти слова принадлежат норвежскому королю Хокону VII, а высказаны они в его речи по радио 26 октября 1944 года. А вот телеграмма, полученная мной от Д. Вольда, министра юстиции Норвегии: «Я, как член норвежского правительства, испытываю желание, господин маршал, Вам, как командующему этим фронтом, принести мою искреннюю благодарность...»

Вылетая в Ставку, я не мог подозревать, что следующим большим этапом в моей жизни явятся боевые действия в Маньчжурии. 31 октября Михаил Иванович Калинин вручил мне, согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 октября, звезду Маршала Советского Союза. Боевые заслуги советских воинов-освободителей достойно оценило и правительство Норвегии, наградив многих из них национальными орденами и медалями. Высокая честь была оказана и мне, получившему орден Святого Олафа. А в ноябре полевое управление Карельского фронта перебазировалось в Ярославль. Прошло еще некоторое время, состоялась Ялтинская конференция трех держав, и меня уведомили, что я должен готовиться к отъезду на Дальний Восток. Соглашение трех великих держав, подписанное 11 февраля 1945 года, предусматривало, что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз поможет своим союзникам в войне против Японии.

1-й Дальневосточный фронт

Против Квантунской армии

Куда мы едем? —
Кое-кто в Приморье.—
Рекогносцировка.—
Парад и труд.—
Бремя подготовки.—
Николаев, Хренов, Крутиков...—
Характеристика врага.—
Так действовали танкисты.

Начиная боевые операции на Дальнем Востоке, мы твердо верили в справедливость нашего дела. В интересах быстрейшего окончания второй мировой войны, обеспечения безопасности дальневосточных границ и ликвидации очага агрессии в Азии СССР, верный своему союзническому долгу, после отказа Японии капитулировать перед антифашистской коалицией, 8 августа объявил Японии войну.

Переброску войск на Дальний Восток и интенсивную подготовку их к предстоящим боевым действиям Верховное главнокомандование Советских Вооруженных Сил начало еще до окончания войны в Европе. Это мероприятие осуществлялось энергично и в срочном порядке, но с большими трудностями. Во-первых, войска перебрасывались на расстояние в 9—11 тысяч километров. Во-вторых, нужно было соблюдать строжайшие меры предосторожности и маскировать перевозку большого количества людей и техники. В-третьих, сеть железных дорог развита была в том районе слабо, а пропускная способность их являлась низкой. В-четвертых, сроки оказались весьма сжатыми. Тем не менее только за май — июль 1945 года на Дальний Восток и в Забайкалье прибыло с запада 136 тысяч вагонов с людьми и грузами. Включая силы, находившиеся здесь ранее, к началу войны против Японии была сосредоточена группировка советских войск, насчитывавшая более 1,747 млн. человек,

свыше 29 тысяч орудий и минометов, 5,25 тысячи танков и самоходных артиллерийских установок и более 5170 боевых самолетов. Эти перевозки потребовали большого искусства от лиц и организаций, планировавших само мероприятие и обеспечивавших его выполнение. Сил было накоплено немало, так что первоначально развернутая в Приморье группа войск была затем преобразована в отдельный фронт. Этого же требовали и особые задачи, вставшие перед находившимися здесь соединениями.

Первым днем, когда я непосредственно стал работать «для Востока», можно считать практически 28 марта. В этот день я прилетел на «Дугласе» из Москвы в Ярославль, где дислоцировалось Полевое управление бывшего Карельского фронта. В Ярославле в течение двух дней мы вместе с начальником штаба А. Н. Крутиковым, моим заместителем по тылу И. К. Николаевым и командующими родами войск напряженно работали над планом переброски фронтового управления. 31 марта из Москвы прибыл специальный поезд. Погрузились, тронулись. Тут, как это всегда бывает, среди офицеров стали ходить различные версии относительно того, куда мы едем. Мой адъютант извещал меня через каждые два часа о блуждавших по составу предположениях: Болгария, Чехословакия, Германия. Никто ни разу не упомянул о Дальнем Востоке. Домыслы исчезли сами собой только после того, как наш поезд, выйдя 1 апреля из Москвы по Горьковской железнодорожной линии, проехал через Киров и затем повернул в сторону Сибири. По-видимому, каждый понял, куда мы направляемся. Я же точного места назначения не объявлял. Естественно, что никто не решился и спрашивать у меня. В дороге я освежал свои знания о дальневосточном театре военных действий, вспоминал службу в ОКДВА, читал захваченные из Москвы книги по истории, географии, этнографии народов Приморья, Маньчжурии и Кореи.

В Хабаровске в мой вагон с докладом об обстановке явился командующий Дальневосточным фронтом М. А. Пуркаев. Посетив в гражданской форме его штаб, я условился о том, как будем в дальнейшем поддерживать связь. 13 апреля мы прибыли в Ворошилов-Уссурийский, где нас встречали прежний командующий Приморской группой войск генерал-лейтенант Ф. А. Парусинов и сопровождавшие его лица.

На следующий день было объявлено о создании Полевого управления Приморской группы войск из бывшего Полевого управления Карельского фронта. Всем офицерам немедленно заменили удостоверения личности, и они стали дальневосточни-

ками. Подчинялась группа войск в то время непосредственно Верховному главнокомандующему. В нее первоначально входили 1-я Краснознаменная армия генерал-лейтенанта М. С. Савушкина, 25-я армия генерал-майора А. М. Максимова, 35-я армия генерал-майора В. А. Зайцева и 9-я воздушная армия генерал-майора авиации В. А. Виноградова. Все эти объединения наряду с другими ранее входили в Дальневосточный фронт — так назывались в совокупности наши вооруженные силы в Приамурье и Приморье в 1941—1944 годах. Командовал ими до 1943 года мой сослуживец еще по 1-й Конной армии генерал армии И. Р. Апанасенко. Став заместителем командующего Воронежским фронтом и стажируясь там для получения боевого опыта, Иосиф Родионович погиб во время Харьковско-Белгородской операции, после чего на Дальнем Востоке были дополнительно произведены некоторые перемещения по службе. Я считаю это обстоятельство довольно важным и останавливаюсь здесь на нем потому, что, на мой взгляд, личный момент в руководстве войсками играет существенную роль. Так, между недостаточной боеготовностью армий Приморья и неверными методами работы Ф. А. Парусинова имеется прямая связь.

Генерал-лейтенанта Парусинова я знал давно, в частности еще по финской кампании. Это был человек со своеобразными взглядами на вещи и нелегким характером. Он казался несколько обиженным, на мой взгляд, что его не оставили командующим Приморской группой войск. Ему поручили руководить Чугуевской опергруппой, но он действовал безынициативно. Посетив эту опергруппу, я указал ему на равнодушное с его стороны отношение к делу. В дальнейшем мы так и не смогли сработаться, и он отбыл в резерв Ставки.

Дни в Приморье оказались заполненными до предела. Одним из важнейших мероприятий я считал установление тесного контакта с местной парторганизацией и Тихоокеанским флотом. Встречи с секретарем крайкома ВКП(б) Н. М. Пеговым и командующим Тихоокеанским флотом адмиралом И. С. Юмашевым открыли собой цепь тех часто повторявшихся далее бесед, без которых фронт не смог бы нормально функционировать. Тогда же были посланы первые офицеры на рекогносцировку местности, чтобы штаб с самого начала получил четкое представление о том, где и как будут действовать войска.

Вслед за офицерами поехал знакомиться с войсками и местностью и я. Начал с 35-й армии, расположившейся в районе Лесозаводска. Достаточно было получить первые сообщения от офицеров с побережья Японского моря, чтобы убедиться в недо-

статочной обеспеченности этого нашего фланга в случае высадки японцами десанта. Пришлось срочно создавать Чугуевскую оперативную группу войск. Во главе ее был поставлен сначала Ф. А. Парусинов, затем его заменил В. А. Зайцев. Пока Зайцев переформировывал и готовил к переброске части своей группы, я приступил к осмотру границы. В форме рядового пограничника выехал в расположение погранвойск и побывал в двух пулеметных батальонах, укрепленном районе, поселке Графск и артбатарее, а затем присутствовал на проведенных по моему распоряжению учениях 264-й стрелковой дивизии.

По такой же программе действовал и далее. В Спасске состоялось совещание Военного совета 1-й Краснознаменной армии. Здесь мы посетили приграничные пади и наблюдательные пункты, пробираясь по таежному бездорожью от сопки к сопке верхом на лошадях. Далее состоялись смотровые учения 365-й стрелковой дивизии. Оттуда мы проехали по ряду погранзастав и еще к нескольким сопкам. Потом провели смотровые учения 258-й стрелковой дивизии.

Наша программа прервалась, когда 9 мая вся Советская страна с ликованием отмечала День Победы над фашистской Германией. У нас состоялось торжественное празднество в Ворошилове-Уссурийском. Особо приятное для меня, как командующего группой войск, событие произошло 20 мая, когда стали выгружаться первые эшелоны прибывавшей с запада 5-й армии, которая должна была усилить Приморскую группу войск.

После смотров состоялись совещания военных советов армий. На них подводились итоги учениям, разбирались действия соединений, частей, подразделений и составлялись новые директивы. Проводилось форсированное, систематическое и напряженное обучение войск опыту современной войны. В нужных случаях пришлось кое-кого отстранить от должности, но в основном дело пошло без особых понуканий.

Для флота, авиации, артиллерии и танковых войск были выработаны особые директивы. Крупным мероприятием явилось перебазирование войск Чугуевской опергруппы (ЧОГ) к району ее расположения. В конце мая — начале июня был совершен переход через Сихотэ-Алиньский хребет. Он пришелся как раз на время таяния снегов в горах и разлива рек. По почти непроходимым местам войска совершили многодневный переход на 350 километров и заняли рубежи у побережья Японского моря. Я решил произвести рекогносцировку маршрута и новой дислокации ЧОГ и отправился в путь на «виллисе», частично двигаясь вместе с войсками 162-го и 150-го укреплен-

ных районов, а частично им навстречу. Из Владивостока мы приехали в бухту Ольга, а оттуда повернули к Сихотэ-Алиню. Во многих местах автомашина не хотела подчиняться. Приходилось вылезать, всем нам впрягаться в цепи или канаты и километрами тащить ее на себе. Давно уже не доводилось мне заниматься такой физической работой. Помню, как-то раз набрели мы в горах на избушку. Радушные хозяева предложили отдохнуть на полатях. Но беспокоить их не хотелось. Завернувшись в бурку, я улегся спать на полу, а утром, проснувшись, увидел, что около меня спокойно ходят куры, загнанные на ночь хозяйкой в избу. По подсчетам моего адъютанта, мы преодолели в те дни 300 километров горных троп.

В одном месте меня радостно приветствовали солдаты, тащившие пушки. Оказалось, что это были старые знакомые. Они сражались раньше в составе Чудовского укрепрайона Волховского фронта и Свирского укрепрайона Карельского фронта, а теперь попали сюда. Всегда приятно встретить боевых друзей. Ветеранам войны на нашем северо-западе было что вспомнить и о чем потолковать.

11 июня я улетел в Москву. В течение десяти дней участвовал в разработке предстоящих операций на Дальнем Востоке. Очень напряженно пришлось поработать в Генеральном штабе. Несколько раз беседовал с Верховным главнокомандующим и занимался тренажем сводного полка Карельского фронта, готовя его к параду Победы. Побывал и на заседаниях XII сессии Верховного Совета СССР 1-го созыва (я являлся его депутатом с 1 по 5 созыв).

24 июня состоялся парад Победы. По Красной площади в Москве, мимо Мавзолея Ленина, на трибуне которого стояли руководители партии и правительства, шли советские воины всех фронтов от солдата до маршала, разгромившие войска гитлеровской Германии и тем самым спасшие человечество от катастрофы. В составе открывшего парад сводного полка Карельского фронта были подразделения, видевшие тундру Заполярья и горные озера Карелии, леса и болота Приволховья, те, кто отстаивал Новгород и Ленинград, Беломорье и Мурманск, кто освобождал Прибалтику и Норвегию. В рядах этих подразделений можно было увидеть и двух командармов — Щербакова и Сквирского, моих боевых соратников. Во главе почти каждого сводного полка шагал по площади командующий фронтом. Через два дня в Кремле был устроен прием в честь участников парада, а еще через два дня я вернулся в Ворошилов-Уссурийский.

Июль был посвящен выработке оперативных директив для всех армий группы войск. Затем мы снова провели учения в обстановке, приближенной к боевой. В 258-й стрелковой дивизии прошло учение на тему: «Наступление ночью при свете прожекторов для временного ослепления противника и подсвечивания на направлениях удара по его войскам». Состоялись смотры готовности армий к выполнению боевой задачи. Мы установили постоянную связь со штабом главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке, расположившимся в Чите, а затем главнокомандующий Маршал Советского Союза А. М. Василевский сам ознакомился с состоянием дел у нас. На этот раз картина была уже иной, далеко не той, с которой пришлось столкнуться в апреле. Но для этого нам всем довелось немало поработать. Вернусь поэтому немного назад и расскажу поподробнее об этой работе.

С прибытием на Дальний Восток полевых управлений армий, а также войсковых соединений началась интенсивная подготовка войск и штабов к предстоящей операции. Тут возникли различные трудности. Они объяснялись в основном тем, что многие соединения с их командирами и штабами не имели опыта боевых действий, так как в течение всего периода Великой Отечественной войны находились на Дальнем Востоке. Теперь нужно было за небольшой промежуток времени познакомить их с приобретенным нами опытом войны на западе и обучить дальневосточников сноровистым и решительным действиям в сложной боевой обстановке, чтобы они не уступали своим товарищам, прибывшим с советско-германского фронта. В свою очередь последних надо было ввести в курс действий применительно к своеобразным условиям обороны противника, а также местности и погоды в Приморье. В течение мая и июня проводились интенсивные учения рот, батальонов, полков, бригад, дивизий и корпусов; усиленно отрабатывались действия войск в наступательном бою с прорывом сильно укрепленной оборонительной полосы. Учениями, как правило, руководили те старшие начальники, которые имели боевой опыт.

Важную роль сыграли партийные органы фронта и армий. Коммунисты всегда были впереди: инициативнее других готовились к предстоявшим схваткам, а потом в боях тоже шли первыми. Укрепились первичные парторганизации. Так, к началу боевых действий в частях 5-й армии были созданы 43 новые партийные организации. С мая по июль в Приморской группе войск приняли в партию 12,5 тысячи человек. А в тече-

ние августа в частях 1-го Дальневосточного фронта вступили в ряды ВКП(б) еще 10,5 тысячи человек.

Особое внимание пришлось уделить материальной стороне дела. Наша страна, все отдававшая фронту, не могла в то время одинаково снабжать и фронтовые, и тыловые части. Поэтому снабжение дальневосточников было слабым. Но когда началась вплотную подготовка приморских соединений к военным действиям, им выдали новое обмундирование, резко улучшили питание. Конечно, это сразу заметили. Не осталась незамеченной и новая техника, прибывавшая в войска. Задача организовать материальное обеспечение Приморской группы войск, а потом 1-го Дальневосточного фронта и наладить его бесперебойность в период военных действий легла на плечи нового начальника тыла. Л. П. Грачев получил другое назначение, а его сменил генерал-майор интендантской службы И. К. Николаев. Иван Карпович справился с заданием весьма умело, проделав огромную по объему и масштабам работу. Плоды этой работы мы ощущали на себе в течение поздней весны и лета 1945 года, когда в войска ритмично поступало все необходимое. Николаеву особенно часто приходилось иметь дело по своей линии с партийными, советскими и хозяйственными органами края, которые усиленно помогали ему, в частности, в налаживании продовольственного обеспечения войск. Прочее (прежде всего боеприпасы, дополнительная боевая техника, горючее, автотранспорт) поступало из центра, связь с которым не прерывалась ни на один день. Мне представляется, что руководящие сотрудники тыла Красной Армии тоже хорошо оценивали деятельность И. К. Николаева.

Новая техника сразу же поступала в подразделения, части и соединения. Некоторые офицеры-дальневосточники настойчиво старались убедить, что в Приморье нельзя рассчитывать на успешное применение тяжелой боевой техники, прежде всего танков, ввиду сложного рельефа местности. Необходимо было доказать всем офицерам на конкретном опыте, насколько несостоятельны были подобные рассуждения. Поэтому, помимо докладов об опыте боевых действий танковых войск в таких трудных районах, как Новгородская область, Карелия и Заполярье, проводились учения с участием танковых подразделений, частей и соединений. Здесь тоже не все проходило гладко. Там, где танки и экипажи были тщательно подготовлены, где хорошо изучили местность и обеспечили учение в инженерном отношении, все шло отлично. А там, где готовились слабо, танки продвигались очень медленно и даже отставали

от пехоты. В этих случаях учение приходилось начинать снова.

Проводилась подготовка командного состава в ходе различных сборов. При штабе фронта собирались начальники штабов армий, корпусов и дивизий, командиры бригад, полков, батальонов и дивизионов, корпусные и дивизионные инженеры. Остальной командный состав прошел сборы при армиях и корпусах. Кроме того, в приграничной полосе готовились исходные районы для наступления. Скажем еще раз, что район будущих действий фронта не был подготовлен для развертывания крупной группировки войск. Между тем времени оставалось мало. Поэтому работы по созданию дорог, оборудованию тыловых районов, развитию аэродромной сети пришлось вести параллельно с усиленной боевой подготовкой войск и штабов, а также с приемом и сосредоточением войск, все еще прибывавших с запада.

Труднейшие задачи довелось решать в этой связи моему заместителю, начальнику инженерных войск фронта генералу А. Ф. Хренову. Аркадий Федорович был моим давним сослуживцем. В советско-финляндскую войну он являлся начальником инженерных войск ЛВО и 7-й армии, руководил инженерной подготовкой и обеспечением прорыва линии Маннергейма. В 1941—1942 годах Хренов занимал идентичные должности на Южном фронте, в Одесском и Севастопольском оборонительных районах. Когда в июне 1942 года восстановили Волховский фронт и было решено нарастить наши усилия по деблокированию Ленинграда, Хренова перевели к нам, чему я очень обрадовался. Превосходно знающий свое дело, военный инженер высокой квалификации, целеустремленный и энергичный работник, хороший организатор, он был желанным и необходимым помощником и снова доказал это напряженной и успешной деятельностью. Аркадий Федорович руководил с лета 1942 года инженерным оборудованием оборонительных рубежей, инженерным обеспечением и подготовкой всех крупных наступательных операций Волховского, Карельского и 1-го Дальневосточного фронтов. Он возглавлял, кроме того, работы по разминированию местности, восстановлению сухопутных и водных средств сообщения, а также оказывавшихся в зоне фронта шахт и рудников. Наконец, он вместе с начальником тыла решал задачи по расквартированию войск. Венцом его трудов в военные годы явились инженерная подготовка и обеспечение наступательного плацдарма в Приморье, а затем осуществление сложнейших мероприятий в Маньчжурии.

В Маньчжурии крайне мало было шоссейных и хороших грунтовых дорог, и основные военные перевозки ложились на железные дороги. Следовательно, захват их и немедленная эксплуатация имели первостепенное значение. А если бы противнику удалось разрушить железнодорожные туннели, то на их восстановление понадобилось бы до двух-трех месяцев. Это могло затруднить осуществление нашего плана окончить войну за летне-осеннюю кампанию. Стоит ли говорить, что все мероприятия проводились в строжайшей тайне?

Казалось бы, сохранить в тайне развертывание полуторамиллионной армии вдоль длиннейшей границы было делом невозможным. И все же японцев, как читатель увидит далее, мы почти всюду застали врасплох: вообще-то они думали о предстоящих операциях и усиленно готовились к ним, однако конкретная дата начала боев осталась для них за семью печатями.

Между прочим, не последнюю роль в этом сыграла дезинформация противника. Когда я и мои будущие сослуживцы по 1-му Дальневосточному фронту ехали на восток, были приняты все меры к тому, чтобы из нашего курьерского поезда, которому был придан вид обычного состава номер 6, не просочились наружу лишние сведения: не отправлялись ненужные письма; на станциях еще до прибытия поезда вывешивалась табличка «Все билеты проданы». Штабным офицерам я сообщил, что едем до Новосибирска. Когда приехали в Новосибирск, сказал, что едем до Красноярска, потом до Иркутска. В Иркутске назвал Хабаровск, а уж только в Хабаровске сообщил о конечной остановке в Ворошилове-Уссурийском. Когда подполковник Суслов во время остановки поезда в Омске телеграфировал жене в Ярославль о том, где именно находился он в тот момент, это стало предметом разбора на партийном собрании. Телеграмму мы, конечно, перехватили, и больше такие случаи не повторялись. На мне была штатская одежда. И я, и сотрудники Полевого управления фронта именовались военнослужащими в званиях на несколько рангов ниже действительных и, если приходилось, надевали соответствующие погоны, а порой переодевались в штатское платье не только на время железнодорожных переездов.

Меня теперь звали генерал-полковником Максимовым, члена Военного совета Штыкова — Шориным, начальника штаба Крутикова — Киселевым, редактора фронтовой газеты Павлова — Петровым. Это не раз приводило к курьезным случаям. Встречает меня, например, коллега по прежней

службе на Дальнем Востоке, хочет рапортовать. Опережая его, пока он еще не упомянул моего имени и звания, сразу раскрываю и протягиваю специальный документ, где я значусь в ином звании и с иной фамилией. Приведу такой пример. Сидим мы после проверки готовности войск в одной из частей и ужинаем. Командир полка ни о чем не подозревает. Но его супруга и еще несколько женщин, сервировавшие стол, все время поглядывают на нас. Вероятно, кое-кто из них помнил меня в лицо по довоенной службе на Дальнем Востоке. Гляжу, жена комполка что-то говорит ему. После ужина он обращается к моему адъютанту: «Жена смеется надо мной, уверяет, что я сидел не с генералом Максимовым, а с маршалом Мерецковым». Пришлось разъяснять командиру, что обижаться смешно, что ему вполне доверяют и что, когда придет время, тайну раскроют, а пока следует сохранять невозмутимый вид.

Вот еще два случая. После совещания, которое я провел 14 апреля в штабе Приморской группы войск и на котором впервые представился всем как Максимов, один из офицеров подошел ко мне и спросил: «Не слышали, говорят, приехал к нам маршал Мерецков?» Нет, говорю, не слышал и не видел его вообще никогда.

А во время моей встречи в Хабаровске с М. А. Пуркаевым этот старый сослуживец, отлично знавший, кем я был, увидев на мне погоны генерал-полковника и показав на них, сочувственно спросил: «Кирилл Афанасьевич, что случилось?» Я усмехнулся, ответив, что все, дескать, бывает на свете, и раскрыл удостоверение за подписью Верховного главнокомандующего. Из документа вытекало, что перед Пуркаевым стоит Максимов. Тут генерал, конечно, догадался о происходящем и потом уже ни о чем не спрашивал, тем более что вскоре встретился с командующим Забайкальским фронтом генерал-полковником Морозовым (маршалом Р. Я. Малиновским), начальником штаба того же фронта генерал-полковником Золотовым (генералом армии М. В. Захаровым) и, наконец, с заместителем наркома обороны генерал-полковником Васильевым (маршалом А. М. Василевским). Что касается японцев, то они узнали о ряде новых воинских назначений у нас, но так и не разгадали (о чем свидетельствовали на допросах их генералы), какие лица скрывались под чужими фамилиями.

Несколько слов о начале этой истории, когда я перед отбытием в Приморье беседовал с И. В. Сталиным, получая от него последние инструкции. Он посоветовал мне назваться на время в целях маскировки генералом армии. Но я предпочел

стать генерал-полковником, сказав в шутку, что такого звания я еще не носил, хочется попробовать. Псевдоним Максимов был взят потому, что в Приморье действительно был генерал Максимов, который командовал одной из армий. Я рассчитывал, что японцы решат, будто именно о его переездах с места на место и его распоряжениях идет речь, и не станут остро реагировать на соответствующие донесения своих лазутчиков, в наличии которых мы не сомневались. И в самом деле, пленные японские генералы интересовались во время допросов, тот ли это знакомый им генерал Максимов командует войсками 1-го Дальневосточного фронта.

Изучению противника мы уделили большое внимание. Как известно, нам противостояла Квантунская армия. Что собой она представляла? В 1898 году Россия арендовала у Китая Квантунский полуостров (ту оконечность Ляодунского полуострова, на которой находились города Порт-Артур и Дальний). В 1905 году Япония по Портсмутскому миру переняла право аренды. Срок ее истек в 1923 году, но Япония отказалась вернуть Квантунскую область Китаю, а в 1931 году захватила весь Дунбэй (как называют Маньчжурию китайцы). Название Квантунской армии распространилось теперь практически на все японские войска в Маньчжурии.

К августу 1945 года в составе Квантунской армии, включая воинские части Маньчжоу-Го, князя де Вана и мелкие группировки, имелось: 24 пехотные дивизии, 9 отдельных смешанных бригад, 1 бригада спецназначения (смертники), 2 танковые бригады и 1 воздушная армия, которые насчитывали в общей сложности свыше 1 млн человек, 6640 орудий и минометов, 1215 танков, 1907 боевых самолетов. В течение многих лет армия находилась в состоянии полной боевой готовности. Она специально предназначалась для войны против Советского Союза. Ее постоянно пополняли новыми полками и дивизиями. Значительные контингенты рядового и офицерского состава поочередно направлялись в район Южных морей для приобретения боевого опыта в сражениях с англо-американскими войсками. Квантунская армия обладала приспособленной к тамошней местности боевой техникой, большими запасами боеприпасов и продовольствия и могла сражаться длительное время даже при нарушенных морских коммуникациях, связывающих Маньчжурию с Японией. Солдаты были хорошо обучены. Их воспитали в духе милитаризма, полного повиновения, крайнего фанатизма.

Серьезное внимание уделялось японским командованием

строительству укреплений в приграничных районах. До 1943 года укрепленные районы предназначались главным образом для развертывания наступательной группировки, ввиду чего они строились непосредственно возле границ и имели небольшую глубину. Это полностью отвечало агрессивным намерениям японского империализма по отношению к СССР. Но с изменением обстановки на советско-германском фронте, когда в Токио поняли, что придется, возможно, и обороняться, японское командование, не отказываясь от идеи наступления на нашу территорию, с 1943 года стало все же эшелонировать укрепрайоны вглубь.

Наибольшее развитие строительные работы получили в Восточной Маньчжурии, где на границе с советским Приморьем имелось семь укрепрайонов. Все они были оборудованы артиллерийскими и пулеметными дотами и дзотами, подземными ходами сообщений, имели сеть наблюдательных и командных пунктов с убежищами, были построены с учетом сложного рельефа местности и ее сильно пересеченного характера, сведены в узлы сопротивления, оборудованы противотанковыми и противопехотными заграждениями и препятствиями, железобетонными артиллерийскими и пулеметными гнездами с метровой защитной толщей и амбразурами. В общем и целом, если говорить о Приморье, где предстояло воевать, мне «повезло»: возьмите некоторые укрепления линии Маннергейма, добавьте к ним карельские леса (только погуще), бездорожье Заполярья, болота Новгородской области и восточный климат, и вы получите район к западу от озера Ханка, в карту которого в то время я ежечасно всматривался. Впрочем, при назначении моем на новую должность сыграло, по-видимому, роль не только мое знакомство с условиями нашего северо-запада, как сказали мне в Ставке, но и то обстоятельство, что я ранее уже служил на Дальнем Востоке.

Но вернемся к Квантунской армии. Созданные ею приграничные укрепления с многоярусным расположением огневых точек, с развитой сетью подземного хозяйства, с многочисленными минно-взрывными противотанковыми и противопехотными заграждениями, с ярко выраженной системой круговой обороны сделали последнюю весьма мощной. Это требовало для ее прорыва применения значительного количества средств разрушения. Укрепрайоны прикрывали наиболее важные операционные направления. Обойти их крупными силами не представлялось возможным. Значит, для того чтобы войска могли развивать удар в глубь Маньчжурии, необходимо

было в первую очередь уничтожить эти укрепрайоны вместе с оборонявшими их войсками. Но и этого мало. Японцы подготовили для обороны все пограничные населенные пункты. Строения имели амбразуры для ведения огня. Многие из административных и жилых сооружений являлись своеобразными крепостями.

Чтобы составить себе лучшее представление о зоне боевых действий, я постарался объездить как можно больше частей, уделив особое внимание линии границы. Ряд мест я помнил еще по своей довоенной службе в этом районе. Не знавшие меня командиры соединений с удивлением слушали, как неизвестный им генерал-полковник Максимов говорил шоферу, где можно лучше и быстрее проехать. В целом офицерский состав оказался очень хорошим и уверенно решал все внезапно возникшие перед ним новые задачи. Почему же «новые»? — спросит читатель. Разве наши дальневосточники не знали все эти годы, что им придется воевать с японскими агрессорами? Конечно, знали. Но когда наши главные силы были скованы борьбой на советско-германском фронте, дальневосточники могли рассчитывать, в случае вступления Японии в войну, в основном на оборону. Не то было теперь. И мы изучали противника как бы с иной точки зрения, мысленно прощупывая его силу уже как обороняющейся стороны. Между прочим, это имеет и громадное моральное значение.

В этой связи я не раз задавался вопросом о том, какой должна быть моральная подготовка армии в мирное время. Известно, что многие наши писатели, мучительно переживая неудачи советских войск в 1941—1942 годах, в очень резкой форме выражали свое недовольство неверно поставленной у нас пропагандой в довоенные годы, когда постоянно утверждалось, что мы будем воевать только на чужой территории и только малой кровью. Что и говорить, к обороне мы были готовы недостаточно. Но так ли уж плохо, что в наших воинах воспитывался наступательный дух? А если бы случилось так, что, взращенные в условиях оборонительных концепций, наши командиры и солдаты не смогли бы потом как следует наступать? Мне скажут: война научила бы. Но ведь и обороняться тоже война научила. Ясно, что при подготовке речь должна идти о сочетании всех форм боевых действий, причем наступление никак не может быть предано забвению. Наоборот, ему должен принадлежать приоритет.

Сказывается это обстоятельство и еще кое в чем. Так, силы врага знать нужно. Однако вы никогда не одержите победы,

не зная и его слабостей. Мы постарались учесть поэтому и последние. Как установила разведка, между узлами сопротивления, а также между укрепленными районами оставались промежутки, не заполненные фортификационными сооружениями. Таким образом, линия обороны была почти сплошной, но все же не совсем. Мы уцепились за это «почти». Я покажу дальше, как мы это использовали.

Наконец, большое внимание уделила японская военщина подготовке тылового района, развитию аэродромной сети. Начиная с 1932 года и вплоть до капитуляции Квантунской армии шло непрерывное расширение и улучшение аэродромов. На авиабазах и аэродромах усиленно строили помещения для гарнизонов, склады горючего и боеприпасов, укрытия для самолетов, прокладывали подъездные железнодорожные пути, создавали хорошие взлетные полосы с искусственным покрытием. Как правило, оборудовали несколько искусственных взлетных площадок, чтобы можно было производить полеты в зависимости от ветров, господствующих в различное время года. Аэродромы располагались в широких долинах, у населенных пунктов и в полосе дорог, являвшихся осями операционных направлений.

Соответственную подготовку вела и наша авиация. Мощная, подвижная, она быстро стала господствовать в воздухе.

Особенность предстоявших операций фронтов, помимо всего вышесказанного, состояла еще и в удаленности от наших главных экономических и политических центров. В связи с этим между командующими фронтами и Москвой была создана еще одна, промежуточная инстанция, на которую возлагалось общее руководство всеми силами, сосредоточенными против Японии,— Главное командование советскими войсками на Дальнем Востоке. Главнокомандующим был назначен Маршал Советского Союза А. М. Василевский, членом Военного совета — генерал-полковник И. В. Шикин, начальником штаба — генерал-полковник С. П. Иванов.

Благодаря наличию Главного командования советскими войсками на Дальнем Востоке взаимодействие фронтов осуществлялось хорошо. Здесь образовались три фронта. С запада наносил удар по Квантунской армии Забайкальский фронт Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского, с севера — 2-й Дальневосточный генерала армии М. А. Пуркаева (он же освобождал Южный Сахалин и Курилы), с востока — 1-й Дальневосточный, которым командовал автор этих строк. Координировал действия военно-морских сил и организовывал

взаимодействие сухопутных сил и флота адмирал флота Н. Г. Кузнецов. Ему подчинялись командующие Тихоокеанским флотом (адмирал И. С. Юмашев), Северной Тихоокеанской флотилией (вице-адмирал В. А. Андреев) и Амурской флотилией (контр-адмирал Н. В. Антонов). Руководство авиацией осуществлял Главный маршал авиации А. А. Новиков.

Стратегический план кампании укладывался в рамки 1945 года, а его реальный расчет отличался заметным изяществом, насколько, конечно, это слово применимо к боевым действиям. Взгляните на карту. Перед вами — неправильный, вдавшийся резко на север многоугольник, именовавшийся Маньчжурией. Если бы наши войска начали сдавливать расположенную в нем Квантунскую армию с нескольких сторон, последняя, отходя назад, затянула бы оборону, постепенно уползая в Корею или в Китай. В Токио как раз мечтали об этом. Наши западные союзники по войне в свою очередь не возражали бы, чтобы освободителями азиатских территорий, оккупированных японцами, оказались бы одни англо-американские войска. Стремительный же разгром Квантунской армии приводил к срыву всех подобных расчетов. Нельзя забывать также, что быстрая победа над Квантунской армией сберегала сотни тысяч человеческих жизней в связи с сокращением сроков войны. Одним словом, стратегия «удава» была нам ни к чему.

Поэтому Советские Вооруженные Силы наметили иной план. Речь шла о серии глубоких ударов, рассекавших Квантунскую армию на части. Все основные операции носили комбинированный характер, причем 1-й Дальневосточный и Забайкальский фронты наносили два главных удара, сходящихся в самом сердце Маньчжурии, в районе Чанчуня: Забайкальский — из района Тамцаг-Булакского выступа через пустыни и горы; 1-й Дальневосточный — из Приморья через укрепленные районы, тайгу, горные хребты к Гирину, после чего Маньчжурия и Квантунская армия оказывались рассеченными надвое, а Забайкальский фронт поворачивал на юг, к Ляодунскому полуострову. Кроме того, имели место вспомогательные удары. С северо-запада, от Аргуни, Забайкальский фронт наносил удар из района Даурии на юго-восток. Соответственно с северо-востока, из района Благовещенска, 2-й Дальневосточный фронт наступал на юго-запад. Их войска соединялись возле Цицикара, окружая и отрезая от баз японские войска на огромном квадрате территории с периметром 1600 километров. В то же время 2-й Дальневосточный фронт наступал еще и южнее, из района Биробиджана на

Харбин. Сюда же наступал от озера Ханка 1-й Дальневосточный. В результате их встречи японские войска отрезались от баз и окружались на территории с периметром 1400 километров.

Этим ударам сопутствовали и другие, не столь сильные по мощи привлекавшихся войск, но тоже первостепенные в политическом отношении. Так, еще одна группировка Забайкальского фронта из района Дариганга продвигалась к Ляодунскому заливу, отрезая Квантунскую армию от японских войск, находившихся в Китае; последняя группировка того же фронта, являвшаяся советско-монгольской конномеханизированной группой, преодолевая сопротивление японских и так называемых «войск Внутренней Монголии», шла к Долоннору (ныне Долунь) и Калгану (сейчас Чжанцзякоу) с общим направлением на Пекин, оказывая непосредственную помощь народно-революционным китайским войскам. Наконец, еще одна группировка 1-го Дальневосточного фронта наносила удар вдоль берега Японского моря, громя вражеские войска в Корее, и отрезала соединения в Маньчжурии. Несколько позднее переходили в наступление советские войска на Сахалине и Курилах. Сложные и далеко рассчитанные задачи получили также наша авиация и флот.

Оригинальным явился не только сам замысел, но и его исполнение. Так, на направлениях главных ударов фронты сосредоточивали более двух третей всех сил и средств. Были и другие особенности. Например, 2-й Дальневосточный сконцентрировал основные силы у впадения Сунгари в Амур. По Сунгари, становившейся как бы осью действий фронта, поднималась Амурская флотилия, а по обоим берегам реки продвигались ударные наземные соединения.

В решении командующего 1-м Дальневосточным фронтом также имелись свои особенности. Прежде всего может обратить на себя внимание создание довольно высоких плотностей боевых порядков на участках прорыва. В 5-й армии каждая дивизия наступала всего в трехкилометровой полосе, а артиллерийская плотность составляла до 200 орудий и минометов на один километр фронта. Столь высокие плотности обусловливались тем, что армия начинала наступление с прорыва укрепленного района. Именно высокая концентрация боевой техники и войск на участках прорыва могла решить тогда успех сражения. Тем не менее 10-й отдельный механизированный корпус генерал-лейтенанта танковых войск И. Д. Васильева мы поставили во второй эшелон: по условиям местности и построе-

нию обороны противника не представлялось возможным эффективно использовать мехкорпус сразу, ввиду чего он предназначался для развития успеха 5-й армии.

Если же мы посмотрим на специфику оперативных действий армий в составе фронта, то и здесь найдем немало своеобразного. Каждая из них имела такое оперативное построение, которое отвечало особенностям местности на направлении действий армии и характеру построения обороны противника.

К северу от озера Ханка на 215-километровом участке фронта стояла 35-я армия генерал-лейтенанта Н. Д. Захватаева. Перед нею простиралась река Уссури, а далее — вытекающая из озера Ханки Сунгача. На этих водных артериях левый фланг армии прикрывали катера Амурской флотилии, но зона их действий была, естественно, ограниченной. Между тем за Сунгачей лежал открытый болотистый район. Лишь отдельные проплешины покрывал дубово-кленовый лес, густо переплетенный лианами. За 23 года до этого отсюда и несколько восточнее продвигалась на юг Народно-революционная армия ДВР, возглавлявшаяся И. П. Уборевичем и гнавшая перед собой «земскую рать» японского ставленника белого генерала М. К. Дитерихса. Нам теперь тоже предстояло идти против тех же японских милитаристов либо их потомков, но уже на запад, ибо так поворачивала здесь наша граница. Трудно сказать, что оказалось для 35-й армии труднее: штурмовать укрепрайоны или преодолевать участки, где воды было больше, чем земли. Ее бойцы преодолевали десятки километров пространства где по пояс, где по грудь в воде.

Западнее Ханки на 135-километровом участке фронта стояла 1-я Краснознаменная армия генерал-полковника А. П. Белобородова. С именем этой армии у всех советских людей старшего поколения связаны незабываемые воспоминания. Кто не помнит песни 30-х годов?! «Стоим на страже всегда, всегда. А если скажет страна труда,— прицелом точным врагам в упор, Дальневосточная, даешь отпор!» Не одну провокацию японских милитаристов, вплоть до развязанного ими в 1938 году конфликта у озера Хасан, ликвидировали наши славные дальневосточники, входившие теперь в состав и других армий. Ныне им предстояло еще раз доказать, что в свое время не случайно их армию наградили орденом Красного Знамени.

Собрав в кулак основные силы на левом фланге, краснознаменцы должны были прорваться долиной Мулинхе к старинным каменноугольным копям. Тополями и ивами Приханкайской низменности бойцы пробирались в грабовые пере-

лески с зарослями сирени и лещины. Выше, на холмах Сунцзяна, красовались ильмы, липы и желтые березы. Над ними торчали верхушки кедров и елей. Августовская идиллия... Однако тогда нам было не до нее, и мы рассматривали все это растительное царство лишь как часть ландшафта, кое-где помогавшего, но чаще мешавшего нам наступать на мулинско-муданьцзянскую вражескую группировку, ибо в полосе главного удара армии лежала непроходимая тайга. Маневр войск по фронту исключался, и силу удара можно было наращивать только за счет маневра из глубины. Поэтому оперативное построение было глубоким при очень сильных передовых отрядах. В их состав включались танковые подразделения, автоматчики и саперы. Танки своей массой валили деревья, саперы рвали завалы и буреломы, а автоматчики растаскивали их, расчищая путь шириной до пяти метров. Последующие подразделения совершенствовали эти дороги, и по ним пускалась тяжелая боевая техника.

Крайне трудная задача стояла перед занимавшей 65-километровый участок фронта 5-й армией генерал-полковника Н. И. Крылова. Она должна была прорвать Пограничненский укрепрайон, возведенный на горных хребтах, а также Волынский укрепрайон. Здесь пришлось создать целых три сильных передовых отряда, имевших в своем составе горную артиллерию и инженерные войска, чтобы сначала преодолеть оборону врага на сопках, а затем успешно продвигаться по заболоченной местности и пересечь пути возможного отхода войск противника. В боевых качествах 5-й армии я не сомневался. Весной того же года она прорывала в Восточной Пруссии укрепленные районы Ильменхорст и Хейльсберг и попала, таким образом, к нам не случайно.

Имелись особенности в построении войск и у 25-й армии генерал-полковника И. М. Чистякова, атаковавшей в основном Дуннинский укрепрайон, наступавшей в полосе 285 километров и сочетавшей свои действия с операциями Тихоокеанского флота. Особенно характерным для всего фронта было создание мощных передовых отрядов. Они переходили границу внезапно, глубокой ночью, но вместе с главными силами, а далее играли роль тарана, расчищая им дорогу.

Идея оказалась неплохой: в первый же день боя эти отряды продвинулись примерно на 12 километров и не менее успешно действовали в последующие дни. Вот, например, как наступала впоследствии 72-я Отдельная танковая бригада 25-й армии. И. М. Чистяков поставил перед бригадой задачу на глу-

бину до 650 километров: преодолеть Тайпинлинский перевал 1000-метровой высоты, болото Дуфанцзы, таежные дебри Хошаону, с ходу ворваться в город Ванцин и развивать далее успех в сторону Яньцзи, Дуньхуа и Гирина. Штаб армии (начальник штаба генерал-лейтенант В. А. Пеньковский) тщательно разработал детали выполнения задания, начинавшегося с преодоления Дуннинского укрепрайона, после чего подвижная группа армии из двух усиленных танковых бригад бросалась в прорыв. В бою за Дуннин был тяжело ранен комбриг-72 полковник Г. И. Обруч, опытный офицер, храбро воевавший на Западе. А контролировал ход прорыва начальник штаба бронетанковых и механизированных войск фронта генерал В. И. Савченко, направленный под Дуннин с группой фронтовых офицеров для координации действий 25-й армии. Он тут же назначил руководить бригадой полковника С. А. Панова.

Назначение оказалось удачным. Степан Алексеевич Панов уже обладал солидным опытом службы в танковых частях. В 1942—1944 годах на Волховском и Карельском фронтах он являлся заместителем командира и командиром танкового батальона, потом заместителем командира 7-й гвардейской танковой бригады. С. А. Панов повел теперь 72-ю бригаду далее на Ванцин. Этот город, находящийся в центре Боцогоулинских гор, со всех сторон окружен реками. Японцы учли данное обстоятельство и прикрыли множеством воинских групп речные переправы, долины и горные проходы. Возле Ванцина имелись артиллерийско-минометные и инженерные позиции, гнезда, траншеи, противотанковые сооружения. Бригада решила прорваться в город с запада, от русла реки Нояхэ. Пока одно подразделение совершало отвлекающий маневр, вводя противника в заблуждение, главные силы форсировали реку. Тем временем усилился нажим наших частей и со стороны фронта. Под двойным ударом Ванцин пал.

У бригады кончилось здесь горючее. Подразделения снабжения отстали на 60 километров, а дожидаться их было некогда. Между тем японские склады горели. Тут автоматчики во главе с майором К. С. Пономаревым прямо из пламени выкатили бочки с керосином и маслом. Танкисты смешали их в нужной пропорции, заправили боевые машины и уже через два часа рванулись к Яньцзи. Противник попытался задержать нашу подвижную группу восточнее Тумыня. Тогда удар по нему нанесла 257-я танковая бригада подполковника Корнева, обеспечив рывок 72-й танковой бригаде.

У Наньянцуня дорогу преградила 128-я японская пехотная дивизия. Рассредоточившись, танковые батальоны Азанова, Тарасенко и Борака огнем и гусеницами подавили сопротивление вражеской пехоты, взорвали ряд дзотов и устремились к населенному пункту. Его гарнизон поднял белый флаг. Навстречу боевым машинам потянулись японские солдаты. Они, не доходя до танков, бросали оружие и отходили в сторону от дороги. Командир этой дивизии был убит, начальник штаба бежал, а начальник тыла вместе со всем штабом сдался в плен. Через сутки, 15 августа, капитулировал гарнизон и в Яньцзи. Японский генерал положил свою саблю на гусеницу советского танка. Его примеру последовали другие. К тому времени в нашей бригаде почти не осталось автоматчиков и сохранилось в целости сравнительно немного боевых машин. Тем не менее она продолжала движение на Гирин.

Гирин расположен на левом берегу реки Сунгари, у подножия хребта Лаоэлин. В ночь на 19 августа 220 тысяч его тогдашних жителей были разбужены грохотом гусениц и рокотом моторов советских танков. Тут же высыпавшая на улицы толпа приветствовала воинов великой державы. Мимо горожан, стоявших с зажженными лучинами, факелами и фонариками, громыхали девять танков — все, что в тот момент осталось в авангарде бригады. Два из них находились в распоряжении генерала Савченко и комбрига; два были поставлены на охрану Сунгарийской гидроэлектростанции в 25 километрах от города; два — возле арсенала; один — у замка губернатора, успевшего бежать; один — у банка; один — у почтово-телеграфного здания; группа автоматчиков встала у пороховых погребов на правом берегу Сунгари. Покрыв за 10 дней с боями 650 километров, бригада успешно выполнила сложное задание. Она была награждена орденом Красного Знамени, а 600 человек ее личного состава — орденами и медалями.

Много труда, сил и умения в подготовку войск к боевым действиям и руководство ими в ходе сражений вложили командующие армиями. Они приобрели большой опыт в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками на западе, а теперь умело использовали его на востоке. В частности, Н. Д. Захватаев прошел огонь Секешфехерварского сражения у венгерского озера Балатон; А. П. Белобородов участвовал во взятии Кенигсберга; Н. И. Крылов — в разгроме гитлеровцев на Земландском полуострове; И. М. Чистяков — в известной Витеб-

ской операции. Еще ранее они прошли через многие другие трудные военные испытания. На таких людей можно было положиться. Неоценимую помощь оказывали им заместители, до того руководившие войсками на Востоке. Хотя они и не имели большого опыта войны на Западе, но, находясь длительное время в Приморье, хорошо знали противника, систему его обороны, условия местности, погоды и другие особенности театра военных действий.

Для меня как для командующего фронтом положительную роль играло то обстоятельство, что членом Военного совета фронта являлся по-прежнему генерал-полковник Т. Ф. Штыков, а начальником штаба фронта — генерал-лейтенант А. Н. Крутиков. Очень важно, когда рядом находятся люди, на которых целиком можно положиться. Нас скрепляла боевая дружба. Мы знали взаимно наши плюсы и минусы, успели сработаться, прониклись уважением друг к другу. Оба моих боевых товарища ясно представляли себе мои требования по службе, собственные задачи, порядок действий и не нуждались в мелочной опеке. Это — огромное достоинство для членов такого коллектива, каким является руководство фронта.

Надлежит особо сказать несколько слов об А. Н. Крутикове. Алексей Николаевич выдвинулся в ряды видных военачальников, служа в Ленинградском военном округе. В тех же местах он принял дважды боевое крещение и во время Великой Отечественной войны довольно долго являлся начальником штаба 7-й армии. На этой должности Крутиков проявил себя с очень хорошей стороны. Когда встал вопрос о том, кто будет руководить 7-й армией в период Свирско-Петрозаводской операции, выбор пал на него. Фактически он как бы прошел здесь в боевых условиях стажировку в качестве командарма и доказал на деле, что ему по плечу не только штабные, но и крупные командные должности. Естественным было поэтому дальнейшее продвижение его по службе. Верховный главнокомандующий разрешил руководству Карельского фронта подобрать на период Петсамо-Киркенесской операции подходящее лицо на пост начальника штаба фронта, и когда мы рекомендовали Крутикова, Ставка утвердила выбор. Умелая постановка Алексеем Николаевичем штабной работы уже в масштабе фронта показала правильность этого назначения. Вот почему в интересах дела членам нашего коллектива не следовало расставаться при перемещении фронтового управления на Дальний Восток. Так это и произошло.

Особое значение придавалось выбору времени начала наступления для каждого фронта. Ставка Верховного главнокомандования при рассмотрении планов операций, представленных командующими фронтов, поставила вопрос о том, чтобы войска 1-го Дальневосточного вступили в действие на восемь дней позже, чем войска Забайкальского фронта. Ставка исходила из того, что восточная граница Маньчжурии была очень хорошо подготовлена японцами в инженерном отношении: здесь было построено семь укрепленных районов. Поэтому имелось в виду начать наступление тогда, когда противник оттянет свои резервы в полосу Забайкальского фронта. Однако у нас существовали свои соображения на этот счет. Во-первых, не было гарантии, что японцы оттянут резервы. Во-вторых, они могли использовать эти восемь дней для ускоренного укрепления границы. В-третьих, отступая под ударами одного Забайкальского фронта, Квантунская армия как бы сжималась в стратегический кулак, сокращая свое оперативное пространство. В-четвертых, в политическом отношении самым уязвимым участком был район Южной Маньчжурии и Кореи как ближайший к Японии. В-пятых, японцы могли разведывательными действиями втянуть нас в сражение еще до истечения восьми дней. Существовали и некоторые иные соображения. Нас поддержали А. М. Василевский и Генеральный штаб. И после доклада командования 1-го Дальневосточного фронта, представленного Ставке, Верховное главнокомандование дало нам право начать наступление в зависимости от обстановки.

В конце июля командармы получили приказы на наступление. В первую неделю августа происходило сосредоточение войск. 5 августа Приморская группа войск была переименована в 1-й Дальневосточный фронт. 7 августа штаб фронта перебазировался на новый командный пункт. 8-го японскому послу в Москве Сато вручили известное заявление Советского правительства.

Если бы правящие круги Японии проявили благоразумие и ответили согласием на предложение о капитуляции, содержавшееся в Потсдамской декларации от 26 июля, все сложилось бы иначе. Но, как известно, благоразумия этим кругам не хватило. 8 августа последовало заявление Советского правительства о присоединении СССР к упомянутой декларации, и раннее утро 9 августа 1945 года стало началом разгрома армии японского империализма.

Разгром врага

Ливень и артподготовка.—
Сквозь узлы сопротивления.—
Игра в капитуляцию.—
Параллельно с флотом.—
С неба падают десанты.—
Харбин становится тылом.—
Допрос пленных генералов.—
Агрессивные замыслы самураев.—
Конец войне!

1-я Краснознаменная и 5-я армии составляли ударную группировку фронта. Они должны были атаковать противника после мощной артподготовки. Но произошло неожиданное: разразилась гроза, хлынул тропический ливень. Перед нашими войсками находились мощные железобетонные укрепления, насыщенные большим количеством огневых средств, а тут разверзлись хляби небесные... Наша артиллерия молчит. Замысел был такой: используя боевой опыт Берлинской операции, мы наметили атаковать противника глухой ночью при свете слепящих его прожекторов. Однако потоки воды испортили дело. Как быть?

А время идет. Вот наступил час ночи. Больше ждать нельзя. Я находился в это время на командном пункте генерала Белобородова. Вокруг стояли войска. Люди и боевая техника были в полной готовности. Одно слово — все придет в движение. Открывать огонь? Или нет? Уже некогда было запрашивать метеорологические сводки, собирать какие-то дополнительные сведения. Решать нужно немедленно, на основе тех объективных данных, которые уже известны. А они требовали: не медлить! Несколько секунд на размышления — и последовал сигнал. Советские воины бросились вперед без артподготовки. Передовые отряды оседлали узлы дорог, ворвались в населенные пункты, навели панику в обороне врага. Внезапность сыграла свою роль. Ливень позволил советским бойцам в кромешной тьме ворваться в укрепленные районы и застать противника врасплох. А наступательный порыв наших войск был неудержимым. Так, отряд 26-го стрелкового корпуса, пройдя по глухой тайге 40 километров, уже 10 августа овладел городом Мулин (Бамяньтун). Японцы стали отходить, но наши передовые отряды, вклиниваясь между японскими частями, разобщали их действия, рвали связь и дезорганизовали оборону. Тем временем погранвойска генерал-майора П. И. Зы-

рянова ликвидировали полицейские кордоны и мелкие японские гарнизоны.

Главные силы фронта в трудных условиях горно-лесистой местности овладели центрами укрепрайонов Хутоу, Пограничненского и Дуннин, пройдя за два дня боев на отдельных направлениях до 75 километров. На Муданьцзян успешно наступали, ломая упорное сопротивление противника, 1-я Краснознаменная и 5-я армии. После разгрома здесь крупной группировки вражеских войск 1-я Краснознаменная армия стремительно двинулась на Харбин, а 5-я армия — на Гирин. 25-я армия громила японские дивизии в направлении на Ванцин и вдоль восточного побережья Кореи.

В несколько других условиях начались действия 35-й армии. Здесь переходу войск в наступление предшествовал сильный артиллерийский налет на опорные пункты противника. Затем главные силы армии, форсировав Уссури и Сунгачу и преодолев обширный болотистый район, сломили сопротивление врага и к исходу дня дошли до тыла мощного узла сопротивления противника — Хутоу. В итоге первых шести дней наступления войска фронта прорвали все приграничные укрепленные районы. Преодолевая труднопроходимую горно-таежную местность, они продвинулись в глубь Маньчжурии на 120—150 километров.

Надежды японского командования на то, что главные силы наших войск застрянут в пограничной полосе и будут здесь обескровлены, не оправдались. Вражеские войска не только не сумели задержать советское наступление, но были рассечены мощными фронтальными и фланговыми ударами, потеряли в первые же сутки боев управление и связь и перешли к безнадежной тактике сопротивления арьергардов, отрядов смертников и отдельных диверсантов.

Стремительность наступления позволила нашим войскам перерезать все коммуникации противника, прежде чем командование Квантунской армии смогло ими воспользоваться для отхода и организации обороны на заранее подготовленных рубежах в глубине. Столь быстрых действий советских войск японское командование не ожидало. Однако неправильно было бы думать, что японцы заботились только об отходе и не оказывали серьезного сопротивления. Напротив, я ежедневно получал доклады о том, что они яростно сражались и не сдавали без боя ни одного укрепленного пункта, ни одной высоты. Были, например, такие случаи. В Дуннинском укрепленном районе, где наступала 25-я армия, японские офицеры,

видя бесполезность дальнейшего сопротивления, приказывали своим солдатам сдаваться. Однако последние не выполняли этих приказаний и расстреливали офицеров. А в ряде гарнизонов японское командование посылало священнослужителей и местных учителей, которых обязало разъяснить солдатам бесцельность дальнейших боевых действий. Но солдаты, годами воспитывавшиеся в самурайском духе, не повиновались и священнослужителям, продолжая сражаться.

Главная группировка японских войск сражалась у Муданьцзяна. Здесь враг потерял около 40 тысяч солдат. Получив известие о том, что краснознаменцы прорвали оборону противника в районе Муданьцзяна, я поехал посмотреть, и вот что увидел. Сначала, километров на пять, тянулось предполье, подготовленное для сдерживания наших авангардов. Сравнительно небольшой интервал, и мы уперлись в главную оборонительную полосу с долговременными железобетонными точками. Я стал определять глубину этой полосы и в том месте, где находился, насчитал четыре километра. Проехали дальше ровно пятнадцать километров, и перед нами открылась новая полоса обороны, трехкилометровой глубины. Отъехали еще на пятнадцать километров и обнаружили еще оборонительную полосу такой же глубины. Узлы сопротивления выглядели чрезвычайно внушительно. При осмотре одного из них мы насчитали 17 артиллерийских дотов, 5 артиллерийско-пулеметных точек, свыше 50 пулеметных гнезд и массу различных сооружений полевого типа.

Перебирая сейчас свои записи, я живо припоминаю, как картина этого узла сопротивления в свою очередь пробудила тогда в моей памяти зрелище пятилетней давности: перед глазами встала линия Маннергейма. Только вместо опушенных финским снегом грязно-серых железобетонных сооружений с вывороченной разрывами стальной арматурой на зеленом фоне густо разросшихся кустарников чернели трапецоидальные покатые крышки столь же прочных японских укреплений.

Некоторые укрепрайоны сопротивлялись долго. Мы были уже у Харбина и Мукдена, а в тылу у нас японские солдаты отдельных узлов сопротивления, окруженные со всех сторон, все еще вели безнадежное для них сражение. Позднее, просачиваясь через линию боевых действий мелкими группами, они переходили к диверсионным действиям. Замечу, что наибольшую активность диверсанты проявляли там, где неподалеку еще сражались крупные соединения японских войск.

Если же данный район был очищен от войск противника, диверсанты чувствовали себя как бы одинокими, их активность резко падала. Рассуждая абстрактно, можно сказать, что, независимо от национальной принадлежности людей, действия в коллективе сказываются на них благотворно. Когда чувствуешь локоть другого, это, конечно, подбадривает, так что ничего удивительного в поведении японских солдат здесь нет. И зря самурайская пропаганда трубила об «особенной натуре» солдат из Страны Восходящего Солнца. Мы убедились, что дело заключалось отнюдь не в национальной специфике, а в том, насколько японский солдат был оболванен. Допросы пленных показали, что более развитый, грамотный японец критичнее оценивал политику правящих кругов своей страны, был менее фанатичен, нежели малограмотный, отсталый и забитый. Думается, что здесь мы наблюдаем некоторую закономерность, свойственную личному составу армий всех капиталистических стран.

В этой связи скажу, что во многих местах японцы при отходе широко использовали первоначально команды смертников — солдат, заранее обреченных на гибель. Вот как они действовали, например, против наших танков. В боях под станцией Мадаоши мы насчитали до двухсот смертников, которые, обвязавшись сумками с толом и с ручными гранатами, ползали по полю в зарослях густого гаоляна и бросались под наши танки. Эти «живые мины» были, конечно, достаточно опасны. Впрочем, наши войска заранее подготовились к такой тактике противника и быстро парализовали действия этих групп. В других случаях смертники пропускали вперед наши части, а затем стреляли им в спину. Не думаю, что японское командование рассчитывало на нанесение нам таким путем реального урона. Скорее, оно надеялось на подрыв моральной стойкости и наступательного духа советских войск. Что касается японского офицерства, то оно оказалось гораздо более трезвым, чем мы думали. Например, мы почти не встречали случаев самоубийства посредством харакири.

Авиация фронта (9-я воздушная армия во главе с генерал-полковником авиации И. М. Соколовым) вела боевую работу в благоприятных условиях, при почти полном отсутствии противодействия со стороны авиации противника. Это дало возможность все наши военно-воздушные силы использовать для обеспечения действий сухопутных войск: и бомбардировщики, и штурмовики, и истребители непосредственно прокладывали путь пехоте и танкам, нанося удары по наземным целям.

Широкое применение нашла и военно-транспортная авиация, доставлявшая войскам на далекое расстояние горючее и боеприпасы. Успешно применялись парашютные десанты. Использовали их и другие фронты.

В течение первой же недели войны 1-й Дальневосточный, сломив ожесточенное сопротивление противника, полностью преодолел многочисленные укрепленные районы, разгромил основные силы сосредоточенных там японских войск и приближался к линии Харбин — Чанчунь. Отлично наступали и два других фронта, особенно Забайкальский. Японское командование всюду потеряло управление войсками. Обстановка для Квантунской армии складывалась крайне неблагоприятная. Правящие круги Японии оказались перед фактом полного военного поражения.

Перед лицом неизбежной катастрофы японское правительство вынуждено было 14 августа 1945 года принять решение о капитуляции, что было доведено до сведения правительств союзных держав. Действительно, к этому времени японские войска почти прекратили военные действия против американо-британских войск. Но там, где наступали советские армии, они продолжали оказывать ожесточенное сопротивление с целью втянуть СССР в затяжные переговоры об условиях капитуляции и выиграть время для укрепления позиций Квантунской армии. Они, например, предложили прекратить военные действия и остановиться на тех рубежах, которые занимали советские и японские войска к 16 августа. В то время прорванный нами так называемый 1-й маньчжурский фронт воссоздавался японцами по линии Чанчунь — Гирин и далее на восток; войскам Р. Я. Малиновского противостоял 3-й фронт; Корею прикрывал 17-й фронт. Остановка на этих рубежах означала, что крупные города Северо-Восточного Китая и почти вся Корея должны остаться в руках агрессора. Кстати, в таком решении вопроса было заинтересовано и американское командование, которое не хотело, чтобы советские войска продвигались в глубь Китая и Кореи.

16 августа Генеральный штаб Вооруженных Сил Советского Союза опубликовал разъяснение, в котором указывалось, что действительной капитуляции вооруженных сил Японии пока еще нет, что с нами пытаются разыграть фарс; поэтому советские войска на Дальнем Востоке будут продолжать наступательные операции. Действительно, о том, что японское командование намеревалось продолжать сопротивление, говорили такие факты, как контратаки соединений Квантунской

армии против наших войск. Советские войска встретились с новой трудностью: прошедшие в августе ливневые дожди сильно размыли грунт и вызвали наводнение. Многие дороги сделались непроходимыми; реки вышли из берегов; войска ощущали острый недостаток в горючем. Вот здесь-то и сыграла свою роль транспортная авиация. Несмотря ни на какие препятствия, фронты продолжали энергично развивать наступление в глубь Маньчжурии. Забайкальский фронт устремился на Мукден и Чанчунь. 2-й Дальневосточный фронт подходил к Бэйаню. 1-й Дальневосточный, овладев Муданьцзяном и завершив разгром 1-го фронта Квантунской армии, устремился на Харбин и Гирин. Тихоокеанский флот проводил десантные операции на побережье Кореи и Южного Сахалина. Активно действовали здесь части нашей 25-й армии, в содружестве с моряками и десантниками занявшей такие порты, как Вонсан, Сейсин, Юки и Расин.

Скажу несколько подробнее о действиях Тихоокеанского флота. До начала войны флот не получил конкретных указаний относительно десантных операций вообще, на побережье Кореи — в частности. Его операции планировались в основном на море. Только после того как обнаружилось, что крупных столкновений с японским флотом, видимо, не произойдет, а Красная Армия чрезвычайно успешно продвигается вперед, флоту были даны задания захватить порты в Северной Корее и высадить войска на Южном Сахалине и Курильских островах.

Когда 25-я армия прорвала японскую оборону западнее Посьета и овладела укрепленным районом между Тумынем и Хуньчунем, она повернула на юг и двинулась в Корею вдоль побережья Японского моря. Как раз в это время советские морские десанты овладели портами Юки, Расин и Сейсин. Как мне доложил командарм Чистяков, к 19 августа железная дорога Сейсин — Хамхынг оказалась неохраняемой. Опережая японские поезда, вдоль дороги, стремительно набирая темпы, мчались подвижные части 25-й армии. Параллельно наши корабли, шедшие в пределах отведенной им 100—150-мильной полосы от берега, везли штурмовые отряды в Вонсан (Гензан). 21 августа, с захватом ими Гензана и высадкой парашютистов в Канко, Квантунская армия оказалась отрезанной от метрополии, так как через три дня подвижные части 1-го Дальневосточного фронта ворвались и в Хейдзио (Пхеньян). Тем самым обе железные дороги, ведшие в Центральную Корею, были перерезаны. Комбинированные дей-

ствия сухопутных частей и флота увенчались полным успехом.

17 августа главнокомандующий Квантунской армией генерал О. Ямада обратился к советскому командованию с предложением остановить сражение и сообщил, что им отдан приказ войскам о немедленном прекращении боевых действий. Я немедленно известил об этом Центр, добавив, что на деле японские войска продолжали оказывать сопротивление. То же происходило и на других фронтах. Поэтому главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке А. М. Василевский потребовал от японцев сложить оружие к 12.00 20 августа и сдаться в плен. При этом указывалось, что, как только японские войска начнут сдавать оружие, советские войска прекратят боевые действия.

Я подписал директиву о дислокации в масштабе фронта лагерей для пленных. Чтобы ускорить освобождение Северо-Восточного Китая и Кореи, нашим фронтом были высажены воздушные десанты в Гирине и Харбине, а Забайкальским — в Мукдене, Чанчуне и ряде менее крупных городов. Кроме того, были созданы сильные подвижные отряды, которые должны были продвигаться быстрыми темпами, овладеть важными промышленными центрами и не допустить вывоза или уничтожения японцами материальных ценностей. Замечу, что серьезное содействие оказали нам русские жители этих городов. Например, в Харбине они наводили наших десантников на вражеские штабы и казармы, захватывали узлы связи, пленных и т. п. В основном это были рабочие и служащие бывшей Китайско-Восточной железной дороги. Благодаря этому нежданно-негаданно для себя оказались внезапно в советском плену некоторые высшие чины Квантунской армии. Миссия по организации порядка в Харбине и Гирине была возложена нами на особоуполномоченных генерал-майора Г. А. Шелахова и гвардии полковника Лебедева, сопровождавших наши десанты.

Каковы были настроения местного населения, я убедился лично вскоре после освобождения Харбина. Донесение о высадке в нем нашего десанта во главе с подполковником Забелиным застало меня в Полевом управлении фронта, находившемся в 8 километрах юго-западнее селения Духовская, в лесу. В этом донесении сообщалось, что харбинская молодежь активно помогала советским войскам. Вооружившись, она взяла под охрану к нашему прибытию средства связи и другие государственные учреждения. Конечно, 120 наших десант-

ников в огромном городе не могли много сделать. Когда позднее, сев в самолет, я часа через два приземлился на Харбинском аэродроме, то узнал, что командный пункт уже оборудован в городской гостинице. Пока мы ехали к ней, встречавшиеся на улицах патрули вооруженных гимназистов-старшеклассников отдавали нам честь. Такой же патруль стоял и возле гостиницы. Остановив машину возле одной из гимназических групп, я стал расспрашивать о том, как она вооружилась. Оказалось, что русская молодежь разоружила воинские части Маньчжоу-Го и поставила перед собой задачу сохранить в неприкосновенности все городские жизненные коммуникации и сооружения, пока их не займет наша армия. Благодарность они восприняли с энтузиазмом и пообещали и впредь помогать всем, чем только сумеют.

Едва успел я приехать на свой новый командный пункт в гостиницу, как явились духовные лица православной церкви. Они пожаловались на то, что японцы и маньчжуры запрещали им нести службу. Я посоветовал связаться с патриаршеством в Москве, сказав, что в церковных делах не компетентен, но что со своей стороны отдам распоряжение церковной службе не препятствовать.

В начале нашего появления почти все русские эмигранты, жившие здесь еще со времен гражданской войны, с опаской поглядывали на нас. Однако убедившись в хорошем отношении к ним Красной Армии, большинство вздохнуло с явным облегчением. Затем началось паломничество в наши штабы по самым разнообразным вопросам. А когда на сценах местных городских театров стала выступать красноармейская самодеятельность, от желающих попасть на представление буквально отбою не было. Мы наблюдали, как многие зрители рыдали, слушая старинные русские песни, и бурно аплодировали лихому солдатскому переплясу.

А война еще шла. 19 августа из Харбина на командный пункт нашего фронта был доставлен начальник штаба Квантунской армии генерал-лейтенант X. Хата с группой генералов и офицеров. Он был принят А. М. Василевским и мною. Перед нами сидел бритоголовый человек с угрюмым взглядом. Ворот его рубашки был расстегнут, как будто ему было трудно дышать. Брови временами непроизвольно дергались. Обрюзгшее лицо выражало усталость. Не о таком исходе событий мечтал он, конечно. Спокойнее держались сопровождавшие его офицеры. По-видимому, они радовались, что на них лежит меньше ответственности. Когда они обращались к советским

офицерам, сквозь их зубы слышалось легкое шипение: так изображается у японцев особая степень почтительности при разговоре.

Мы предъявили Х. Хата конкретные требования, указали сборные пункты сдачи в плен, маршруты движения к ним и время. Хата согласился со всеми указаниями советского командования. Он объяснил, что приказ штаба Квантунской армии о капитуляции не удалось довести до японских войск своевременно, ввиду того что в первые же дни советского наступления была прервана связь с соединениями и японская армия потеряла сразу же управление. Пришлось оповещать самолетами.

Маршал А. М. Василевский заявил Хата, что японские войска должны сдаваться организованно и вместе со своими офицерами и что в первые дни забота о питании пленных солдат ложится на японских офицеров.

Вы должны, говорил А. М. Василевский, переходить к нам со своими кухнями и запасами продовольствия. Японские генералы пускай являются вместе со своими адъютантами и необходимыми для себя вещами. Нам некогда будет после, да это будет и неудобно, разыскивать их личные вещи, которые могут понадобиться. А я гарантирую хорошее отношение со стороны Красной Армии и к высшим офицерам, и к солдатам.

Небезынтересно отметить, что Хата попросил разрешения до вступления Красной Армии в различные города оставить у японских солдат оружие, поскольку «население там ненадежное». Мы и сами потом убедились, как население Китая и Кореи ненавидело японских оккупантов, власть которых держалась исключительно на штыках. Зато отношение местных жителей к советским воинам было прямо противоположным. И китайцы, и маньчжуры, и корейцы встречали наших воинов с неподдельной радостью и выражали горячее стремление оказать хоть какое-нибудь содействие.

А. М. Василевский послал с Хата командующему Квантунской армией генералу Ямада следующий ультиматум:

«Главнокомандующему Квантунской армией генералу Ямада. Начальник штаба Квантунской армии генерал-лейтенант Хата получил 19.8.1945 года от меня следующие указания о порядке капитуляции Квантунской армии и ее разоружения.

1. Немедленно прекратить боевые действия частей Квантунской армии повсюду, а там, где это окажется невозможным, быстро довести до сведения войск приказ о немедленном

прекращении боевых действий и прекратить боевые действия не позднее 12 часов дня 20.8.45 года.

2. Немедленно прекратить всякие перегруппировки войск Квантунской армии. Все передвижения, необходимые для обеспечения выполнения условий капитуляции, производить каждый раз по моему указанию.

3. Дать командующему 1-м фронтом и командующим 3-й, 5-й и 34-й армиями следующие указания:

а) немедленно связаться с командованием советских войск на местах через своих делегатов, выслав их в пункты встречи: Яньцзи, Нингуша, Муданьцзян; б) войскам, дислоцирующимся в Северной Корее, сосредоточиться по указанию представителя командования 1-м Дальневосточным фронтом, для чего командующему 34-й армией прибыть к утру 22.8.45 года в Яньцзи; в) командующему 1-м фронтом за получением указаний по выполнению условий капитуляции прибыть в 20.00 20.8.45 года в Нингушу; г) предписать соединениям и частям сдать оружие в районах: Боли, Муданьцзян, Нингуша, Ванцин, Дуньхуа, Яньцзи, Кайней, Сейсин, Харбин, Гирин; д) представить в штаб Главкома советских войск на Дальнем Востоке к утру 22.8.45 года:

1) полный перечень всех соединений и частей Квантунской армии;

2) перечень тыловых частей и учреждений, складов и содержавшихся в них запасов;

3) все мероприятия по выполнению условий капитуляции войскам Квантунской армии осуществлять через командование и штабы армий. Поэтому на период с 20 по 25 августа вся сеть связи штаба Квантунской армии со штабами армий остается полностью в распоряжение главнокомандующего Квантунской армией.

4. Ответственность за питание и санитарное состояние своих войск в период капитуляции и в последующем несет Главное командование Квантунской армии. Поэтому войска должны иметь свои кухни и обеспечиваться по существующим нормам питанием за счет запасов продовольствия Квантунской армии».

Большой интерес представляли показания пленных японских генералов. Они свидетельствовали об агрессивных планах Японии в отношении Советского Союза. Например, командующий 1-м фронтом генерал Кита Сэити и начальник оперативного отдела штаба 1-го фронта подполковник Сиба на допросе 20 августа показали: численность войск 1-го маньчжур-

ского фронта (в составе 3-й и 5-й армий) составляла 175 тысяч человек, в том числе в 3-й армии — 75 тысяч, в 5-й армии — 80 тысяч, резерв — 20 тысяч.

Согласно оперативному плану, утвержденному в 1943 году, предполагалось следующее развертывание японских войск: а) на рубеже Хутоу, Хулинь расположить шесть пехотных дивизий для действий в восточном направлении с целью перерезать железную дорогу Ворошилов — Хабаровск и занять Иман и Лесозаводск. Дальнейшее движение: двумя пехотными дивизиями — в северном направлении, на Губарево, обеспечивая при этом основную группировку с севера, и четырьмя дивизиями — на юг, в направлении на Спасск и последующим соединением их с основной группировкой войск, действующей на город Ворошилов; б) наиболее сильная группировка в составе 15 пехотных и двух танковых дивизий развертывалась на рубеже Мишань, Дуннин. Основные силы ее сосредоточивались в районе Пограничной для действий в направлении на Манзовку и овладения городом Ворошилов с севера; в) вспомогательный удар на Ворошиловском направлении должен был наноситься пятью пехотными дивизиями из района Муданьцзян: тремя дивизиями — на Раздольное для овладения городом Ворошилов с юга и двумя дивизиями — на Барабаш с выходом на западный берег залива Амурский, перерезая при этом дорогу из Раздольного в Краскино и отрезая тем самым Краскинскую группировку советских войск с последующим ее уничтожением.

Основная группировка после занятия города Ворошилова свой главный удар должна была развивать в юго-западном направлении, на Владивосток, с последующим его занятием и выходом на южное побережье Приморского края, овладевая районом Шкотово, Сучан, мыс Поворотный; г) в 1943 году в связи с неудачами японской армии в зоне Южных морей японское командование начало перебрасывать часть своих сил из Маньчжурии в районы активных действий. Затем из-за приближения наших союзников к метрополии в 1944 году японское командование стало развертывать большую армию непосредственно в Японии, организуя ее на базе старых дивизий 20-тысячного состава и переформирования их в дивизии 10-тысячного состава. Маньчжурия на этом этапе являлась для Японии глубоким тылом, где и происходило формирование новых частей и соединений.

В связи с этим оперативные планы японского командования в Маньчжурии резко изменились. Оперативный план

1-го фронта Квантунской армии с конца 1944 года приобрел уже иной характер. Японское командование начало на всякий случай глубоко эшелонировать оборону.

Вся оборона состояла из трех полос. Первая полоса проходила в приграничной зоне. Она являлась полосой прикрытия и, несмотря на достаточное количество бетонированных и дерево-земляных огневых точек, обеспечивалась сравнительно слабыми силами. Пограничные гарнизоны, ранее занимавшие укрепрайоны, были переформированы и включены в состав пехотных дивизий. Вторая полоса (главный рубеж обороны) поспешно готовилась между реками Мулинхэ и Муданьцзян, а на юге она шла по реке Тумыньцзян (Тумень-Ула). Сюда была отведена большая часть пехотных дивизий, причем для прикрытия основных направлений пограничной полосы оставили по одному пехотному полку. Третья полоса (тыловой оборонительный рубеж) строилась на участке от озера Цзиньбоху до Яньцзи и реки Тумыньцзян. Основной и тыловой оборонительные рубежи носили полевой характер.

Любопытны показания и других высших японских чинов. 22 агуста я допрашивал заместителя начальника штаба Квантунской армии генерал-майора Мацумура Томокацу. Он сообщил о себе следующее: 45 лет; служил в японской армии 24 года. Окончил офицерскую школу и военную академию в Токио. С 1941 года по 1943 год являлся начальником информационного отделения в управлении разведки генерального штаба японской армии. С августа 1943 года был начальником 1-го отдела штаба Квантунской армии. С марта 1945 года служил заместителем начальника штаба Квантунской армии. Чин генерал-майора получил в марте 1945 года. На допросе он показал также, что командование Квантунской армии знало об увеличении с марта 1945 года количества сил Красной Армии на границе с Маньчжурией. Но сроков возможного вступления Советского Союза в войну против Японии оно не знало, хотя считало это вполне вероятным. Что касается конкретной даты 8 августа, то для квантунского командования объявление войны Советским Союзом именно тогда и начало военных действий Красной Армией с 9 августа оказалось неожиданностью. 9 августа в штаб Квантунской армии поступил приказ императора, который потребовал вести упорную оборону в районах, занимаемых японскими войсками, и готовить военные операции большого масштаба.

Второй приказ был получен 10 августа. Он содержал указания действовать согласно предварительному плану общих

операций в случае войны с Советским Союзом. План этот был разработан весной 1945 года главной ставкой. В нем предусматривались упорное сопротивление японских частей действиям Красной Армии в пограничных районах, необходимость задержать советские войска по линии хребет Ляолинь — Бэйаньчжень — Мэгень и по восточным отрогам хребта Большой Хинган до Кайла и Жэхе. Только в случае резкого усиления натиска Красной Армии и большого превосходства ее сил разрешалось отступить, но не далее линии Синьцзинь (Чанчунь) — Тумынь и Чанчунь — Дайрен, предохраняя тем самым территорию Кореи.

Дислокацию соединений Квантунской армии осуществили в соответствии с этим планом. Поэтому основные силы Квантунской армии не были подведены непосредственно к границам Советского Союза. Прежний оперативный план Мацумуре Томокацу не был известен, а подготовка маньчжурского театра военных действий по новому плану началась весной 1945 года, но ее не успели закончить. Проводилось оборонительное строительство в районах Яньцзи, Мулин, Сеньсин, Сахалян, Бухэду, Учагоу, Виньмяо, Таонянь, Туньляо и Жэхе. Предусматривалось строительство дополнительных районов обороны внутри Маньчжурии, однако к строительству этой второй очереди укреплений до августа не приступили. Линия Чанчунь — Тумынь и Чанчунь — Дайрен предварительно для обороны не подготавливалась: по мнению японского генштаба в этом не было необходимости, так как местность представляла малопроходимый лесисто-горный район.

Квантунская армия, как рассказывал далее Мацумура Томокацу, состояла из 1, 3 и 17-го фронтов и 4-й отдельной армии. Общая численность армии равнялась примерно 1 миллиону человек (в том числе 600 тысяч японских солдат). Из них 450 тысяч находилось в Маньчжурии, а 150 тысяч входило в 17-й фронт, соединения которого прикрывали Корею. Командующим Квантунской армией был генерал Ямада Отодзо, начальником штаба — генерал-лейтенант Хата Хипосабуро. Штаб находился в Синьцзине (Чанчунь).

Основным направлением возможного главного удара советских войск и самым для себя опасным японское командование считало направление со стороны Монгольской Народной Республики, так как оно открывало доступ к Чанчуню. Южные отроги хребта Большой Хинган представляют собой невысокие, но трудно проходимые возвышенности. Поэтому основные силы Квантунской армии прикрывали район Чан-

чуня. Кроме того, в случае отступления 4-я отдельная армия должна была усилить оборону этого направления. Располагать свои силы западнее японцам было невыгодно, так как там намеченные оборонительные рубежи не были оборудованы.

Когда советские войска в большинстве районов довольно легко перешли границу Маньчжурии и в первые же дни наступления значительно углубились на ее территорию, командование Квантунской армии приняло решение не выводить войска навстречу наступающим частям Красной Армии, имея в виду оказать сопротивление на рубежах, предусмотренных оперативным планом. Эти рубежи должны были окончательно достроиться к осени 1945 года. Поэтому задержать на них наступающие советские войска представляло, конечно, сложную задачу. В будущем имелось в виду осуществить жесткую оборону на линии Чанчунь — Тумынь и Чанчунь — Дайрен. Войска 3-го фронта прикрывали подступы к железной дороге Синьцзинь — Дайрен, чтобы не пропустить Красную Армию в этот район и в Корею. Войска 4-й отдельной армии должны были отходить на юг, в направлении на Гирин. Войскам 1-го фронта была поставлена задача после упорной обороны отойти с боями на линию Яньцзи, Тунхэ. Части Сахалянского и Хайларского укрепленных районов, а также 107-й дивизии в Учагоу и Хутоу имели целью задержать наступающую Красную Армию, оборонять дороги, не допускать продвижения по ним внутрь страны.

Все эти боевые задачи, поставленные командованием Квантунской армии, исходили из плана и директив императорской ставки. Приказы на такое осуществление обороны маньчжурской территории были отданы 10 августа 1945 года 1-му и 3-му фронтам, 13 или 14 августа — 4-й отдельной армии.

На вопрос, как отнеслись японские генералы и офицеры к объявлению войны Японии Советским Союзом, Мацумура Томокацу ответил: «Мы — военные и поэтому должны были воевать, раз началась война. Возможность выступления СССР на стороне его союзников нами вполне допускалась. Мы знали, что наших сил для того, чтобы противостоять Советскому Союзу в Маньчжурии, недостаточно, но у нас были силы, чтобы удержать район Кореи по крайней мере в течение двух лет, если бы японское командование не было вынуждено передать эти силы метрополии для отражения предполагавшегося вторжения. После победы над Англией и Америкой, в которую мы верили, продолжал Мацумура, мы полагали, что можно будет, использовав корейский плацдарм, предпринять на-

ступление против Красной Армии и вернуть себе всю Маньчжурию. И я, и все другие известные мне генералы и офицеры считали, что в этой войне мы не потерпим поражения и что она лишь затянется на несколько лет. Капитуляция же есть признание поражения. Я считаю, что мы не потерпели бы поражения, если бы император не отдал приказа сложить оружие».

Говоря это, японец гордо вскинул голову, но, встретив наши улыбки, потупился. После некоторого молчания он продолжал: «Что касается отношений между Японией и СССР, то раньше они были неустойчивыми, временами хорошими, а иногда плохими, хотя Япония и СССР не имели агрессивных намерений друг против друга (я привожу его выражения дословно). В дальнейшем отношения с Японией будут зависеть только от СССР. Япония хотела бы иметь дружбу с Советским Союзом, так как России и Японии легче иметь дружественные отношения, нежели Японии, с одной стороны, Англии и Америке — с другой».

Здесь японский генерал опять сделал паузу и посмотрел, какой эффект произвело на нас это «дипломатическое» заявление. «Япония во время русско-японской войны 1904—1905 годов и во время интервенции 1918—1922 годов в Сибири действовала под влиянием Англии и Америки, но отнюдь не по своему убеждению»,— продолжал он, нетерпеливо повернувшись к переводчику и внимательно вглядываясь в наши лица.

После перерыва Мацумура дал подробные сведения о времени формирования дивизий Квантунской армии; об организации японского генерального штаба (в его втором отделе во главе с генерал-лейтенантом Арисуэ Советским Союзом занималось пятое отделение, которым руководил полковник Сираки, Англией и США — шестое отделение, Китаем — седьмое отделение); о работе военной академии; о деятельности разведки; об организации армии Маньчжоу-Го во главе с марионеточным императором Пу И (17 августа Генри Пу И был задержан вместе со своей свитой и интернирован на Мукденском аэродроме).

Слушать и затем перечитывать показания японского генерала о действиях Красной Армии было довольно любопытно. То, что нам было уже известно, представало перед нами еще раз. Нагляднее были видны наши отдельные просчеты и крупные успехи. Отчетливее были заметны плоды той работы, которую проделали воины Советских Вооруженных Сил в целом, 1-го Дальневосточного фронта в частности.

Тем временем сухопутные войска продолжали продвигаться вперед и принимать капитуляцию японцев. Местами приходилось еще вести бои с разрозненными группами смертников и диверсантов. К концу августа было полностью закончено разоружение капитулировавшей Квантунской армии и войск марионеточных сателлитов Японии. Было пленено около 600 тысяч солдат и офицеров, взяты большие трофеи, освобождены Северо-Восточный Китай, Ляодунский полуостров, Южный Сахалин, Курильские острова и Северная Корея до 38-й параллели, причем наши войска ворвались сначала даже в Сеул, но затем, в соответствии с имевшимся соглашением, оставили его и отошли к северу. Стремительный бросок советских войск лишил японцев возможности осуществить тактику «выжженной земли», и мы с удовлетворением смотрели на оставшиеся целыми и сохранными дома мирных жителей.

Советские Вооруженные Силы, разгромив Квантунскую армию Японии, вписали еще одну яркую страницу в славную летопись своих побед, содействовали установлению долгожданного мира, освобождению ряда угнетенных империализмом народов Дальнего Востока и подъему бурного национально-освободительного движения в странах Южной и Восточной Азии, обеспечили безопасность советских рубежей.

Когда отгремели выстрелы...

После капитуляции.— На митинге.— Чанчунь, Мукден и Дальний.— У стен Порт-Артура.— Как погиб генерал Кондратенко.— Помощь китайским коммунистам.— Промелькнул сентябрь, и...

Меня нередко спрашивают: как отнеслись наши войска к сообщению о том, что 6 и 9 августа на Хиросиму и Нагасаки упали американские атомные бомбы? Как отразились эти события на операциях советских войск? Отвечу коротко: почти никак! Во-первых, ни в какой связи с нашими планами разгрома Квантунской армии трагические происшествия в Хиросиме и Нагасаки не стоят. Во-вторых, истинные результаты взрывов не были в точности известны в то время даже самим американцам, а японцы, естественно, нас не информировали.

Скоро после взрывов 6 и 9 августа, когда весь мир узнал о деталях случившегося, наш народ охватило чувство взволнованного удивления. Как бы мы ни относились ко вчерашнему врагу — японским вооруженным силам, каждый понимал, что прямой военной необходимости в использовании атомных бомб у США не было; что делу присуща совсем иная подоплека. Так же думал и я. И, как теперь это стало доподлинно известно, все мы не ошиблись в своих предположениях.

Существует поговорка: конец одного дела — это начало другого. Она вполне применима в данном случае. Кончалась вторая мировая война. А правящая верхушка США уже подумывала об установлении своего мирового господства. Но как быть с Советским Союзом, вынесшим на себе основную тяжесть второй мировой войны, и с его победоносной армией? Как быть с завоевавшими невиданную популярность социалистическими идеями? И американская реакция становится на путь устрашения, начинает размахивать «атомной дубинкой». Позади лежали годы борьбы с фашистским блоком, а впереди — долгие годы «холодной войны». Запугать нас и весь мир — вот истинная цель атомных бомбардировок в начале августа. Но горько думать, что сотни тысяч людей, мирных японских жителей, явились первой жертвой, принесенной на алтарь «холодной войны» ее заокеанскими пропагандистами, инициаторами налетов на Хиросиму и Нагасаки.

После того как началась капитуляция японских войск, выстрелы гремели все реже и реже. Отдельные группы диверсантов еще продолжали вредить и пакостить, но серьезной угрозы они не представляли. Регулярные же подразделения Квантунской армии сопротивлялись теперь только там, где не было получено распоряжение о капитуляции. Таких глухих уголков оставалось все меньше и меньше.

Время от официальной капитуляции до подписания Японией соответствующего акта, то есть две недели (конец августа — начало сентября), было у меня в основном заполнено бесконечными разъездами. Маршруты их пролегали во всех направлениях: и в Хабаровск, где располагалась ставка маршала Василевского; и на командный пункт фронта, который 28 августа я перевел в район Муданьцзяна; и в Ворошилов-Уссурийский, «базовый» город нашего фронта; и в Харбин, ставший на время своеобразным центром фронтовой военной администрации в Маньчжурии. То приходилось осматривать трофеи (а двигало мною далеко не простое любопытство, но и соображения военного и экономического порядка), то участвовать в допросе

пленных из числа высших чинов, то принимать парад войск фронта по случаю победы, то (что я делал с особым удовольствием) встречаться с делегациями трудящихся как нашего Приморья, так и Маньчжурии.

25 августа соединения 25-й армии освободили в корейском городе Сейян (Сиань) заключенных, содержавшихся японцами в концлагере. Среди них оказалось 16 довольно видных военных и административных деятелей Англии, Голландии и США, в разное время попавших к японцам в плен. Все они проявляли неподдельную радость по случаю освобождения и благодарили советских офицеров, но в принципе относились к нам по-разному. Одни появились здесь недавно и были по-своему честными служаками, исполнявшими в меру сил и способностей возложенные на них обязанности. Другие жили в Юго-Восточной Азии или на Дальнем Востоке еще с довоенных времен, представляя собой типичных колониальных дельцов и администраторов. Их изможденные лица говорили о многом. И дело заключалось, конечно, не только в физической усталости или болезнях. Плен давит на человека морально, заставляет о многом задуматься, поразмыслить, задать себе сотни вопросов и самому ответить на них. Одна лишь мысль о том, что ты в плену, угнетает больше всего.

Когда я беседовал с нашими, советскими людьми, вырвавшимися, например, из немецко-фашистского плена, то не раз слышал от них подобные высказывания. И вот теперь, наблюдая за людьми, освобожденными, так сказать, из другого плена и происходившими из другого социального мира, видел в них в какой-то степени примерно то же, при всем отличии взглядов на жизнь. По-видимому, в этом тяжелом, мучительном явлении «плен» кроется нечто постыдно-удушающее в общечеловеческом смысле данного слова. Однако все зависит от того, как повел себя человек дальше, попав в руки врагов. Даже самое безнадежное положение пленного не может лишить его возможности сопротивляться. И тот, кто не дрогнул в трудную минуту жизни, а встретил ее как боец, кто не сдался внутренне и продолжал бороться с врагом, того Родина не забывает, а считает своим верным сыном, своей верной дочерью, преданными великим идеям социализма. (Понятно, что здесь я имею в виду советских людей.)

Обо всем этом я думал, когда смотрел на упомянутых выше шестнадцать деятелей, освобожденных от японского плена нашими воинами. Признаюсь, что они интересовали меня с чисто психологической точки зрения, в плане сопоставления буржуаз-

ной идеологии с коммунистической. Но беседовать на эту тему мне с ними не привелось. Нужно было как можно быстрее решить вопрос о передаче пленных, являвшихся гражданами союзных нам держав, в соответствующие органы, ведавшие отправкой их на родину. Проблема была решена оперативно, хотя повозиться со всякими деталями дела мне пришлось немало.

Для контраста расскажу о том, как в конце августа я принимал пленных японских генералов. Они были доставлены в район полевого управления 1-го Дальневосточного фронта, находившегося в восьми километрах юго-западнее Духовской, в полной форме, при всех регалиях и при холодном оружии. Сначала генералы держались очень робко. Но потом, когда их пригласили за стол и стали разговаривать с ними спокойно и корректно, они осмелели.

Первое, о чем они заговорили, касалось оказания всем японским пленным медицинской помощи и обеспечения их одеждой и продуктами. Эта просьба произвела на меня самое благоприятное впечатление. Генералов заверили, что их солдаты будут снабжаться не хуже, чем в Квантунской армии. Тогда они перевели разговор на вопрос о судьбе своих семей. Главная просьба заключалась в том, чтобы не оставлять семьи в Маньчжурии, где к ним очень враждебно относится местное население. Не сможет ли советское командование отправить их в Японию? И нельзя ли, на худой конец, чтобы семьи сопровождали генералов в плен? Учитывая, что вопрос о семьях в общем-то сугубо человеческий, мы постарались и его разрешить достаточно позитивно.

В целом проблема пленных оказалась весьма сложной. С 9 по 31 августа на 1-м Дальневосточном фронте в плен взято 257 тысяч вражеских солдат и офицеров и 43 генерала. К 10 сентября цифра возросла до 300 тысяч, в том числе 70 генералов, из которых 13 принадлежали к армии Маньчжоу-Го. Всю эту массу людей нужно было обеспечить продовольствием (своего им хватило ненадолго), квалифицированным медицинским обслуживанием, обмундированием, решить вопросы об их временном размещении и еще многие другие. По наиболее крупным и важным вопросам мы получали указания, а все остальные вынуждены были решать на месте, причем незамедлительно.

Среди тех советских военных врачей, кто оказывал пленным медицинскую помощь, заслуживает особого упоминания Аркадий Алексеевич Бочаров. На протяжении всей войны он работал хирургом на фронте, причем большую часть времени являлся

главным хирургом 5-й армии. Когда в мае 1945 года последнюю перебросили в Приморье и включили в состав 1-го Дальневосточного фронта, подполковник медицинской службы А. А. Бочаров оказался таким образом одним из моих подчиненных. В 5-й армии о нем ходила добрая слава. Раненые, нуждавшиеся в хирургическом вмешательстве, стремились, если это как-то от них зависело, попасть в руки Бочарова.

Но я хотел бы здесь подчеркнуть, что Бочарову и его сотрудникам могут и должны быть благодарны не только наши воины, а и солдаты и офицеры Квантунской армии. Советские военврачи честно выполняли свой гуманный долг и на поле боя, и в тылу, и в лагерях для военнопленных, в том числе японских. Тысячи и тысячи последних получили в те недели квалифицированную медпомощь и выражали неподдельную признательность за это.

Незабываемое впечатление произвел на меня митинг в Харбине по случаю победы. 3 сентября я прилетел в этот город, чтобы на месте решить ряд вопросов, связанных с экономическими и административными проблемами, вставшими теперь перед нами. Вслед за мной вторым самолетом сюда прибыли А. М. Василевский, Главный маршал авиации А. А. Новиков, маршал авиации С. А. Худяков, маршал артиллерии М. Н. Чистяков и другие военачальники. Нас встретил А. П. Белобородов, войска которого отвечали за порядок в районе Харбина. Мы отправились на ипподром смотреть трофеи, захваченные у Квантунской армии. Особое внимание привлекли длинноствольные дальнобойные пушки. Из них японцы собирались обстреливать Владивосток, Хабаровск, Благовещенск и другие советские города.

Митинг состоялся на следующий день. Площадь Харбинзинзя, украшенная флагами, была переполнена. Здесь находилось около 20 тысяч русских жителей города, а также много маньчжур и китайцев. Открывавший митинг Т. Ф. Штыков предоставил слово представителю советских войск генерал-майору К. Я. Остроглазову, который рассказал о крахе Квантунской армии и о той великой роли, какую сыграл во второй мировой войне Советский Союз и его народы. Каждое слово воспринималось слушателями с жадностью. Ведь то, что всем нам давно было известно, для них являлось, пожалуй, откровением. Немного, очень немного правдивых вестей доходило до харбинцев в годы войны. Японская пропаганда преподносила все в искаженном свете. А теперь они собственными ушами слышали то, что ранее попадало к ним в виде туманных сообщений. Свои

мысли и чаяния местные жители излили в речах, горячих и взволнованных до предела. От интеллигенции города выступил юрист Бердяков, от молодежи — Людмила Захарова-Пенжукова, от духовенства — архиепископ Нестор. Затем речи произносили представители научных работников, студенчества, деятелей искусства, торговцев. В заключение состоялся большой концерт силами местных артистов и нашего Красноармейского ансамбля песни и пляски 1-го Дальневосточного фронта. Концерт с огромным успехом был повторен в расширенном виде вечером в помещении Харбинского русского театра.

5 сентября маршал А. М. Василевский и сопровождающие его лица улетели в Чанчунь, к маршалу Р. Я. Малиновскому. Прежде чем отправиться вслед за ними, я наметил для себя план рекогносцировки освобожденных районов Маньчжурии и Кореи. Это была безотлагательная работа, требовавшая оперативности, внимательности и дальних расчетов в связи с тем, что наша армия обязана была на какое-то время остаться на освобожденной ею территории; фронты же несомненно должны были реорганизовываться в группы войск или вливаться в существовавшие ранее военные округа.

6 сентября мы посвятили осмотру Чанчуня и Мукдена. В Чанчуне штаб Забайкальского фронта разместился в за́мке, где до этого помещалась ставка Квантунской армии.

Город производил двойственное впечатление. Его центральные улицы, широкие и светлые, с постройками в европейском духе, все в зелени, были очень приятны. Но сразу за центром, чуть в сторону, начиналась паутина узких, кривых и неимоверно грязных улочек, густо заселенных китайской беднотой. Проезды были забиты повозками, с которых торговали неприхотливыми изделиями местных ремесленников. Вдоль стен толпились рикши. Маленькие домишки занимали мелкие торговцы, а на задворках ютились наемные рабочие и кули. Нищие встречались на каждом шагу.

Та же картина открылась перед нами в Мукдене, где мы остановились в штабе танкового корпуса. Это здание было возведено русскими инженерами еще в 1902 году. До нашего прибытия там размещалась железнодорожная гостиница. Отправившись осматривать японский арсенал, мы проехали и по городу. Как и в Чанчуне, центр был хорош, все остальное оставляло мрачное впечатление. Над зданиями и вдоль улиц ветер нес клубы густой пыли. Между домами лежали кучи отбросов и нечистот. Стоял тошнотворный смрад. С какой жалостью и сочувствием смотрели мы на мукденских бедняков! Только их

ослепительные улыбки скрашивали грустный вид. Перед закабаленными японской военщиной трудящимися открылись теперь новые горизонты, и это, вероятно, понимал каждый. Японцы старались не показываться на улицах. Китайцы же, как только машина останавливалась, начинали бурно аплодировать и приветственно кричать «шанго!».

Это было, конечно, не случайным явлением. В революционно-освободительной борьбе китайского народа, с новой силой развернувшейся после окончания второй мировой войны, наши симпатии находились на его стороне, и он это отлично знал. Не менее хорошо известно, что США активно помогали чанкайшистам, которым так и не удалось перебросить в Маньчжурию сколько-нибудь значительные контингенты своих войск. И когда Народно-освободительная армия Китая перешла в наступление, Северо-Восточный Китай оставался ее прочным тылом. Советская страна не только очистила этот район от японских империалистов, но впоследствии и реально помогла китайскому народу заложить надежный фундамент для построения социалистического общества.

Прошел еще один день. Повсюду развевались флаги, висели транспаранты. Простые люди с радостной улыбкой смотрели на небо, на утро, на бороздившие воздушный океан транспортные и пассажирские самолеты. В одном из таких самолетов много раз находился и автор этих строк, поглядывавший на расстилавшиеся внизу земные пейзажи. Продолжалось наше ознакомление с местами расположения советских войск. Офицеры других фронтов нередко прибывали при этом в зону расквартирования 1-го Дальневосточного фронта, а мы выезжали в их районы. Из числа наиболее запомнившихся совместных поездок скажу здесь о дайренской.

В освобожденном Дайрене (Люйда, он же Дальний, он же Далянь) я вновь встретился с А. М. Василевским и Р. Я. Малиновским. Мы стояли под лучами осеннего солнца, плывшего над просторами Желтого моря, и смотрели на город. Дайрен — это японское название русского порта Дальний.

Строительство порта было начато согласно арендному соглашению с Китаем в 1898 году. Оно обошлось российской казне до начала русско-японской войны в 30 миллионов рублей. А переименован город был японцами после того, как они его захватили в 1904 году. Собственно говоря, новое название есть простая модификация русского, ибо японцы не выговаривают букву «л» и произносят вместо нее «р» (у китайцев дело обстоит как раз наоборот). Порт этот ценен тем, что он редко замерзает.

Это открывает перед ним возможность участвовать в зимней навигации, а близость его к Порт-Артуру делала город Дальний важным стратегическим пунктом.

Мы расположились в гостинице «Ямато-отель». После краткого отдыха поехали посмотреть город. Осмотр порта подтвердил имевшиеся у нас данные о том, что к середине XX столетия он являлся по величине вторым после шанхайского на всем побережье от Охотского до Южно-Китайского моря. Отлично оборудованный, он стал важнейшей японской базой. Через него поступала в Маньчжурию львиная часть морских грузов, а в обратную сторону вывозились награбленные империалистами Страны Восходящего Солнца местные богатства. Город являлся, кроме того, крупным промышленным центром. Особенно развито было здесь химическое производство, а также производство строительных материалов. Из 700 тысяч населения 200 тысяч составляли японцы, а остальные были в основном китайцы. Эти цифры свидетельствуют о довольно большом переселении японских граждан в Дальний. Впоследствии данное обстоятельство оказалось еще одной из проблем, вставших перед советским командованием, когда значительная часть жителей пожелала вернуться в Японию. Не касаясь местных деталей, замечу, что в других крупных населенных пунктах (Харбин, Гирин и пр.) мне тоже пришлось немало помучиться, занимаясь этим вопросом.

Главным украшением Дальнего являлась, несомненно, его центральная площадь Охироба. От нее в разные стороны радиально расходились эффектно выглядевшие, нарядные улицы. Но впечатление в корне изменилось, когда мы попали в китайский район города. Повторялась известная картина. Мы шли по узким, кривым, грязным и вонючим улочкам среди бедных домишек. Бросалась в глаза невероятная скученность населения. Вообще характерная для ряда восточноазиатских и южноазиатских стран, она особенно была заметна в крупных городах. Самыми примечательными фигурами на улицах в этой части города были кули и торговцы кукурузными лепешками.

8 сентября мы выехали на автомобилях в Порт-Артур, город, чье название говорит так много каждому русскому. У выезда за городскую черту нас встретил почетный караул воинов из числа подразделений, первыми вошедших в Порт-Артур. Маршал Василевский принял рапорт, и в сопровождении начальника местного гарнизона генерал-лейтенанта В. Д. Иванова мы отправились осматривать исторические места, связанные с событиями русско-японской войны 1904—1905 годов. Довольно длительное

время мы провели на Электрическом утесе, где когда-то стреляла прославленная 15-я батарея защитников города, на Перепелиной горе, в бывшем штабе генерала Алексеева и в военном музее. Но самое сильное впечатление сохранилось у меня от посещения русского военного кладбища. 15 тысяч солдат, матросов и офицеров порт-артурского гарнизона и флота были похоронены здесь за сорок лет до этого. Приблизительно в центре стоит белая часовня на высоком фундаменте. На ее мраморе виднеется простая и строгая надпись: «Здесь покоятся бренные останки доблестных русских воинов, павших при защите крепости Порт-Артура». В скорбном молчании постояли мы перед часовней.

Русское военное кладбище в Порт-Артуре посетила вместе с нами большая группа наших генералов, красноармейцев и краснофлотцев. Многие из них начали войну еще у западных границ Советского Союза, отступали с боями до Волхова, Волги и Кавказа, потом с победными боями прошли назад, участвовали в освобождении стран Восточной и Центральной Европы, а теперь слушали, как плещутся воды тихоокеанских морей. Генерал-лейтенант И. С. Безуглый отдал рапорт. Под звуки траурно-торжественного марша к памятнику русским воинам были возложены венки.

8 сентября памятно мне еще по одному событию. Я узнал в тот день, что награжден орденом Победы. С этим орденом связаны воспоминания о славных днях Победы, увенчавшей четырехлетние сражения, самые тяжелые из всех, какие когда-либо приходилось вести нашей стране за всю ее многовековую историю.

Еще одна памятная встреча в Порт-Артуре произошла у меня месяца полтора спустя, когда попросил разрешения зайти ко мне с визитом бывший адъютант прославившегося в русско-японскую войну генерала Кондратенко поручик Алексеев, впоследствии живший в Харбине. Передо мной стоял благообразный старик с интеллигентным лицом. Он все еще сохранял старую офицерскую выправку и держался с достоинством, но очень волновался. Алексеев долго вглядывался в маршальскую форму, а мой адъютант рассказал позднее, что он попросил у него разрешения пощупать офицерский погон. Кто знает, какие мысли проносились при этом в голове бывшего поручика?

Вместе с Т. Ф. Штыковым мы обстоятельно побеседовали с Алексеевым. Он рассказал нам о генерале Кондратенко, особенно об обстоятельствах его гибели. Ведь детали этого события раньше никому не были досконально известны. Затем мы все

вместе поехали на то место, где погиб Кондратенко. Алексеев в 1904 году все время служил в Порт-Артуре, отличился в боях, был тяжело ранен, а после выздоровления являлся адъютантом генерала в течение четырех месяцев. Однажды генерал отправил его с важным поручением к командиру полка. Алексеев вышел из блиндажа и успел отойти лишь на сотню метров, как начался артиллерийский обстрел. Он залег и тут заметил, что снаряды ложатся в основном в зоне блиндажа. Тогда он решил подождать, пока не проверит, все ли в порядке с его начальником. Обстрел скоро кончился, и поручик возвратился. Но блиндаж был завален. Алексеев позвал солдат, и они стали откапывать укрытие. Вскоре добрались до генерала, но Кондратенко был уже мертв. Адъютант нашел на нем две раны: одну — на лице, слева от носа, другую — на виске.

Дальнейшая судьба поручика была схожа с судьбами многих его однополчан. По окончании войны он попал в плен и находился в Японии. Портсмутский мир позволил ему вернуться в Россию. Алексеев по-прежнему служил в армии; когда грянула Октябрьская революция, он находился на русском Дальнем Востоке. Отсюда в 1922 году он бежал в Маньчжурию и начал работать бухгалтером. Жизнь его не баловала. Много раз, по его словам, он задумывался, не возвратиться ли ему на родину, но боялся, что его, как бывшего царского офицера, покарают смертью. Красная Армия произвела на старика исключительное впечатление. Он говорил нам, что задыхался от счастья и гордости за русских воинов, когда сначала увидел бежавших японцев, а затем перед его глазами предстали грозные советские полки.

Хорошо запомнилась мне также поездка в Чанчунь. Там находился дворец марионеточного императора Маньчжоу-Го, ставленника японцев Генри Пу И. Императорским цветом в Маньчжурии считался по древней традиции красный. Поэтому почти все, что только поддавалось окраске и чего мог касаться император, было окрашено во дворе и в самом здании в красный цвет. По этому странному многокомнатному дворцу меня водил наш сержант по фамилии Комолов. За несколько недель бравый воин превратился в заправского гида, и я с удовольствием слушал его точную, насыщенную фактами речь.

10 сентября было днем окончания полной капитуляции и пленения Квантунской армии. Оглянулись мы назад — и сами удивились: армия-то эта была разгромлена за 12 суток. Таких темпов, по чести говоря, никто не ожидал. А последующие три недели явились временем принятия капитуляции. На эту

неприятную для самураев процедуру ушло, таким образом, больше времени, чем на военные действия. И снова Советская страна чествовала своих воинов-героев. 30 сентября был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР об учреждении медали «За победу над Японией». Тысячи солдат, сержантов и офицеров получили заслуженные ими боевые награды. В приказе Верховного главнокомандующего отмечались умелые действия десятков воинских соединений и частей. Наиболее отличившимся присваивались особые наименования. Так, в составе 1-го Дальневосточного фронта 16 соединений или частей стали Уссурийскими, 19 — Харбинскими, а 149 были награждены Указом Президиума Верховного Совета СССР различными орденами.

Любопытные страницы жизни наших войск вообще, советской военной администрации в частности составляют контакты с коренным населением Маньчжурии и помощь различным местным демократическим организациям в налаживании их работы. Когда Красная Армия освободила Северо-Восточный Китай, бывшие гоминдановцы, чиновничество, помещики и крупное купечество, приветствуя изгнание японцев, в то же время выражали втайне надежду, что вскоре сюда придут чанкайшисты. Относясь недоброжелательно к тем мерам содействия, которые стало оказывать советское командование народным массам Маньчжурии — и китайцам, и корейцам, и маньчжурам, и монголам — в их стремлении построить новую жизнь, эти круги не решались вступить в открытую борьбу. Они понимали, что сразу же потерпят крах. Поэтому местная реакция, частично связанная ранее с японцами, а частично ожидавшая восстановления китайской помещичье-буржуазной власти, осмелилась первоначально лишь на консолидацию своих сил в подполье.

Особенную активность развило гоминдановское подполье в Харбине, где дислоцировалась 1-я Краснознаменная армия. На некоторых улицах Фуйзядяна (район Харбина) были организованы террористические банды, именовавшие себя «отрядами народной самообороны». Их возглавлял, как это выяснилось впоследствии, местный налетчик Чжен, который установил связь с гоминдановскими тайными воинскими подразделениями. Крупнейшим из последних являлась так называемая 6-я повстанческая армия. Суть названия заключалась в том, что после прихода чанкайшистов либо накануне этого прихода командиры подразделения собирались развернуть его в крупное воинское соединение. А пока оно имело стрелковое оружие на несколько сот человек.

Другая организация называла себя «синими рубашками». Ее лидер полковник Чжан поддерживал связь непосредственно с Чунцином, где находилось правительство Чан Кай-ши, и ежедневно выступал по радио. Радиопередачи готовил его штаб. Были засечены переговоры этих лиц с какими-то пунктами в районах Аньшань и Цзямусы. Оказалось, что там находились отделения этой организации. Разбор дела показал, что перед местными отделениями их центр поставил задачу наладить сбор разведывательных сведений о советских войсках и китайских коммунистических ячейках.

Отделения намеревались развернуть вербовку кадров, накапливать оружие и осуществлять отдельные диверсии, а также вести агитацию среди населения. Получив известие о начале войны между СССР и Японией, «синие рубашки» переименовали себя в конспиративных целях в «группу Биньцзян» и ускоренными темпами стали готовиться к своим черным делам.

Еще одну реакционную организацию создали корейские эмигранты — члены действовавших в Маньчжурии различных «обществ дружбы» с Японией. Объединившись, после вступления в Харбин советских войск, в единую организацию с фальшивым названием «корейские трудящиеся», эти лица также намеревались развернуть свою деятельность, причем их лидеры, некие Кон и Хан, первоначально попытались даже получить официальное разрешение в нашей военной комендатуре.

Самой опасной оказалась китайская террористическая организация «братья по крови». Ее руководитель Ян был ставленником харбинского богатея Чана. От Чана нити привели в подпольные типографии, где печатались листовки чанкайшистского содержания, а оттуда — к некоему Хэ. Последний оказался не кем иным, как главой местного гоминдановского центра, установившего связи с рядом офицеров в марионеточной армии маньчжурского императора Пу И. Гоминдановцы действовали в двух направлениях. Их люди в разном обличье приходили ежедневно в наши местные учреждения за советами, справками, консультациями, разрешениями, со всевозможными предложениями и т. д. Эти посетители добивались получения хоть каких-нибудь бумажек, которые как-то легализовали бы их деятельность в любой форме, а одновременно хотели что-то выведать и добыть интересовавшие их сведения. Второе направление составляла подпольная работа в вышеупомянутом духе.

Признаюсь, что нам нелегко было сразу разобраться, кому та или иная организация служит, чьи интересы защищает, тем более что внешне они проявляли себя с самой положительной стороны. Понадобилась очень серьезная работа, вдумчивый подход к оценке совершавшегося, многодневный анализ фактов, длительные наблюдения и сопоставления, чтобы отделить дурные наносы от чистого потока народного энтузиазма.

Трудящиеся массы активно включились в борьбу за ликвидацию империалистического наследия. Все японские политические организации были распущены или самораспустились. Японскую полицию стала заменять китайская, и осенью возникли так называемые комитеты общественного спокойствия. Рабочие объединялись в профессиональные союзы. Безработные стали на учет, им подыскивалась работа или оказывалось содействие. Взамен чиновников, служивших японцам, избирались либо назначались другие, которым доверяло местное население. Возникало городское и сельское самоуправление.

Всемерную помощь стремились оказать и организациям Коммунистической партии Китая. Их численность в Маньчжурии была в то время небольшой. Стойкими и выдержанными в идеологическом отношении кадрами пополнились они после того, как открылись двери японских тюрем и политические заключенные, среди которых имелось немало коммунистов, вышли на свободу. Уже в августе возник в Харбине Северо-маньчжурский комитет КПК. Затем появились в разных населенных пунктах уездные, городские, районные коммунистические комитеты, а на предприятиях — партийные ячейки. Их ряды быстро росли. Коммунистическая печать стала успешно завоевывать широкие круги читателей. Наконец, мы вступили в контакт с направленными в Маньчжурию уполномоченными лицами центральных органов КПК и всячески содействовали им, идя навстречу их просьбам и пожеланиям.

Время с 3 сентября по 1 октября, когда был образован Приморский военный округ, протекало, несмотря на окончание войны, очень напряженно. Среди многих одолевавших командование военных, экономических, политических и иных вопросов, особенно приковывавшим к себе в те дни наше внимание, было передвижение войск к установленной для них демаркационной линии в Корее. Линия эта проходила по 38 градусу северной широты. 9 сентября я вылетел в Хейдзио, где командарм-25 генерал Чистяков доложил о подготовке к передвижению, а 28 сентября последнее закончилось. Южнее новой

границы расположились американские войска. Именно оттуда рванулись несколько лет спустя их местные марионетки в попытке сокрушить социалистическую Северную Корею.

Много внимания приходилось уделять размещению войск, организации их быта и обеспечению в условиях постепенно приближавшейся зимы, оказывать помощь народному хозяйству Приморского края. Проводилась напряженная работа по строительству высоковольтной линии электропередачи из Владивостока в Ворошилов-Уссурийский, по ремонту и совершенствованию шоссейных дорог, по сооружению различных хозяйственных и промышленных объектов. Большая нагрузка лежала в этой связи на члене Военного совета округа генерал-полковнике Т. Ф. Штыкове, моем заместителе генерал-полковнике Н. И. Крылове, начальнике штаба округа генерал-полковнике Н. Д. Захватаеве, на командующих советскими войсками в Корее генерал-полковнике И. М. Чистякове и на Ляодунском полуострове генерал-полковнике И. И. Людникове, а позднее генерал-полковнике А. П. Белобородове. Они не жалели никаких усилий и вкладывали в работу всю свою энергию и незаурядные способности. Огромный коллектив воинов трудился не покладая рук, решая стоявшие перед ним задачи, и успешно их выполнял.

Вот так незаметно, среди дел и забот, промелькнул сентябрь. Казалось, давно ли мы воевали, а уже повсюду налаживается мирная жизнь. На полях убирают поздний урожай. Люди отстраивают разрушенные смерчем войны жилища. Пепелища зарастают травой, осенний ветер гонит пожухлые листья. Тогда не сразу ощущалось, что уже ушла в прошлое вторая мировая война.

А сейчас, оглядываясь на события более чем двадцатилетней давности, мы отчетливо видим, что былое перескочило в 1945 году через эпохальный рубеж. И недалек уже был день, когда люди, посмотрев на карту, могли сказать: вот и лагерь социализма занял на Земле свое историческое место.

Стрелка часов истории безостановочно движется, и ни на минуту не прекращается напряженная служба славных советских воинов...

Маршал Советского Союза К. А. Мерецков.

Группа советских работников г. Судогда. 1918 год.
В первом ряду третий слева К. А. Мерецков — уездный военком.
Во втором ряду третий справа П. В. Ошмарин —
председатель уездного исполкома.

М. С. Лешко — Владимирский губернский военком. 1918 год.

К. А. Мерецков — помощник начальника штаба 14-й дивизии. 1919 год.

Группа комсостава штаба Московского военного округа на летних учениях в конце 20-х годов. В центре — К. А. Мерецков.

К. А. Мерецков —
начальник штаба Белорусского военного округа.

В Испании. Военные советники Мадридского фронта.
К. А. Мерецков (слева) и Б. М. Симонов.

Минометчики 1-й ударной испанской бригады.

Пулеметчики Испанской республики идут на фронт.

Под Гвадалахарой. Второй справа К. А. Мерецков.

Республиканцы в походе.

Перед отъездом из Испании.
К. А. Мерецков (слева) и его переводчица М. А. Фортус.

В штабе Ленинградского военного округа.
Слева направо: К. А. Мерецков, Т. Ф. Штыков, Н. Н. Клементьев.

«Линия Маннергейма» прорвана!

Выборг надо взять!

Советско-финляндская война окончена!

К. А. Мерецков — начальник Генерального штаба.

В штабе Волховского фронта.
Справа налево: командующий войсками фронта генерал армии К. А. Мерецков, член Военного совета фронта армейский комиссар 1-го ранга А. И. Запорожец, начальник штаба фронта генерал-майор Г. Д. Стельмах.

Командующий Волховским фронтом К. А. Мерецков беседует с солдатами.

Дорога Волховского фронта.

Генерал-майор интендантской службы Л. П. Грачев — начальник тыла Волховского фронта.

На слете снайперов 13 июля 1942 года.
К. А. Мерецков прикрепляет награжденному красноармейцу В. Н. Пяхову орден Красной Звезды.

Генерал-лейтенант медицинской службы А. А. Вишневский — главный хирург Волховского, Карельского и 1-го Дальневосточного фронтов.

Генерал-майор медицинской службы Н. С. Молчанов — главный терапевт Волховского, Карельского и 1-го Дальневосточного фронтов.

Генерал-полковник артиллерии Г. Е. Дегтярев — начальник артиллерии Волховского, Карельского и 1-го Дальневосточного фронтов.

Капитан М. Г. Борода — адъютант командующего войсками Волховского фронта.

Полковник Б. П. Павлов — редактор фронтовой газеты.

А. Т. Чивилихин (слева) и А. И. Гитович — литераторы-волховчане.

*Старший сержант В. С. Кук
за героические подвиги
в боях на Карельском фронте
удостоен звания
Героя Советского Союза.*

*Герой Советского Союза
В. В. Платицын —
командир 1-го танкового
батальона 7-й гвардейской
танковой бригады.*

*Генерал-лейтенант А. Н. Крутиков —
начальник штаба Карельского
и 1-го Дальневосточного
фронтов.*

Генерал-полковник А. Ф. Хренов — начальник инженерных войск Волховского, Карельского и 1-го Дальневосточного фронтов.

Полковник С. А. Панов — командир танковой бригады на 1-м Дальневосточном фронте.

Танкисты 7-й гвардейской танковой бригады. С картой майор В. К. Мерецков (ныне генерал-полковник). 1945 год.

Подполковник медицинской службы А. А. Бочаров — главный хирург 5-й армии. 1945 год.

Маршалы Советского Союза А. М. Василевский, К. А. Мерецков и генерал-полковник Т. Ф. Штыков допрашивают пленного японского генерала Х. Хата.

Так харбинцы встречали советских воинов.
Август 1945 года.

Советские воины осматривают укрепления
русской обороны 1904 года в Порт-Артуре.
Сентябрь 1945 года.

Командующие фронтами
на завершающем этапе Великой Отечественной войны.
Первый ряд (слева направо):
Маршалы Советского Союза И. С. Конев, А. М. Василевский,
Г. К. Жуков, К. К. Рокоссовский, К. А. Мерецков.
Второй ряд (слева направо):
Маршалы Советского Союза Ф. И. Толбухин,
Р. Я. Малиновский, Л. А. Говоров,
генералы армии А. И. Еременко и И. Х. Баграмян.

Кирилл Афанасьевич Мерецков в кругу семьи.
Стоят (слева направо): Евдокия Петровна — его жена,
Владимир Кириллович — сын, Лидия Ефимовна — жена сына.
На коленях у маршала — его внук Володя.
1957 год.

Содержание

Предисловие
3

На пороге двух эпох

Начало пути
7

Под красным флагом
16

В первых сражениях
27

Против деникинцев
34

Третье военное лето
46

Слово об академии
57

Навсегда в РККА

Реформа
72

На учениях, как в бою
89

Между Днепром и Березиной
106

Особая Краснознаменная
113

Испания в огне

Отстоять Мадрид!
120

У Харамы
140

Под Гвадалахарой
149

Перед грозой

В Генштабе и в округах
159

Война с Финляндией
168

Накануне
184

Великое испытание

Первые дни
202

Северо-Запад
207

Снова против белофиннов
212

Прочь от Тихвина!
220

Волховский фронт

Начало Любаньской операции
241

2-я ударная и другие
256

Пути и перепутья войны
272

Синявинский выступ
288

Прорыв блокады
304

Фронтовые будни
313

Дорога на Прибалтику
335

Карельский фронт

К новым боям
352

Финляндия выходит из войны
362

На Крайнем Севере
377

1-й Дальневосточный фронт

Против Квантунской армии
395

Разгром врага
417

Когда отгремели выстрелы...
432

Кирилл Афанасьевич Мерецков

НА СЛУЖБЕ НАРОДУ

Издание пятое

Литературная запись А. Я. Шевеленко

Заведующий редакцией *А. И. Котеленец*
Редактор *В. В. Шабалкин*
Художник *Л. Т. Рябыкина*
Художественный редактор *О. Н. Зайцева*
Технический редактор *Ю. А. Мухин*

ИБ № 7596

Сдано в набор 14.09.87. Подписано в печать 01.03.88.
Формат 60×84[1]/[16]. Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура «Журнальная».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 27.55. Усл. кр.-отт. 29.53, в суперобложке 30.23.
Уч.-изд. л. 29.79. Тираж 200 000 экз. Заказ № 3184. Цена 1 р. 60 к.

Политиздат. 125811. ГСП. Москва. А-47. Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.